

Т. М. Григорьева

**ТРИ ВЕКА
РУССКОЙ ОРФОГРАФИИ
(XVIII–XX вв.)**

Исторический очерк

Документы к реформе орфографии до 1917 г.

Документы и законодательные акты к реформе 1917 г.

Проекты орфографической реформы после 1917 г.

Хронологическая библиография

Материалы дискуссии об орфографической реформе 1917 г.

Москва
2004

1
1
1
2
D
P
3
5
8
5
4

ББК 81.411.2-8
Г 83

*Работа выполнена при финансовой поддержке
Красноярского фонда науки.
Грант 12F017F*

Рецензенты:

доктор филологических наук *С. М. Кузьмина*
кандидат филологических наук *В. В. Каверина*

Григорьева Т. М.

Г83 Три века русской орфографии (XVIII–XX вв). – М.: Элпис, 2004. – 456 с.
ISBN 5-902872-03-0

Работа включает в себе исторический очерк истории русской орфографии XVIII–XX вв.; основные документы и законодательные акты, отражающие путь русской орфографии к реформе 1917 г., и послереформенные проекты ее усовершенствования; хронологию орфографических публикаций за три столетия и мало доступные современному читателю материалы начала XX столетия, необходимость которых возникла в дискуссиях об усовершенствовании русского правописания.

Предназначена для всех интересующихся вопросами русского письма.

ISBN 5-902872-03-0

© Т. М. Григорьева, 2004
© ООО «Издательство Элпис», 2004

Содержание

Часть I

РУССКОЕ ПИСЬМО ОТ ПЕТРОВСКОЙ РЕФОРМЫ ДО СОВРЕМЕННОСТИ (ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК)	
I. Русская орфография в XVIII столетии	8
Петровская реформа русской азбуки	8
Первые опыты орфографической кодификации:	
В.К. Тредиаковский и В.Е. Адоуров	12
Орфографическая программа М.В. Ломоносова	17
Орфографические наставления А.П. Сумарокова	22
Орфографическое наследие М.В. Ломоносова в XVIII в.	26
Орфографический вклад Н.М. Карамзина	31
Орфографические итоги XVIII столетия	33
II. Теория и практика русской орфографии XIX столетия	35
Орфографическая ситуация в доготовский период	35
Первые проекты усовершенствования русской азбуки:	
В.С. Подшивалов и К.А. Хабаров	40
Орфографическая мысль в научных и педагогических трудах	42
«Орфографический конгресс» 1862 года	48
«Толковый словарь» В.И. Даля как орфографический феномен	53
Орфографические труды Я.К. Грота в контексте истории	55
В.П. Шереметевский против «протографии»	66
Русская орфография в канун XX столетия	70
III. Реформа русской орфографии: от замыслов к воплощению	75
Решения Орфографической комиссии при Московском университете под председательством Р.Ф. Брандта	75
Деятельность Орфографической комиссии 1904 г. под председательством К.К. Романова	82
Постановления Орфографической подкомиссии и ее последствия	90
Орфографическая позиция Ф.Ф. Fortunatova и А.А. Шахматова	99
Застой в орфографическом движении и его преодоление	103
Преддверие орфографической реформы	105
Подготовительная комиссия в разрешении орфографического вопроса	108
Реформа русской орфографии до советских декретов	115
Орфографическая реформа в Советской России	124

Реформа орфографии в Сибири	128
Реформированная орфография в практике письма	138
Русская орфография «в изгнании»	139
«Орфографическое вольнодумство» как предвестие реформы	146
IV. Научная и педагогическая периодика «за» и «против» реформы	153
«Журнал Министерства народного просвещения»	161
«Филологические записки»	169
«Русский филологический вестник»	179
«Для народного учителя»	188
«Родной язык в школе»	199
V. Русская орфография в послереформенный период	207
Послереформенные орфографические дискуссии	207
Путь к орфографической кодификации	210
Орфографическая дискуссия 60-х годов	224
Русская орфография в постсоветский период	228

Часть II ПРИЛОЖЕНИЕ

I. Документы к реформе русской орфографии (до 1917 г.)	249
Проект реформы орфографической комиссии под председательством Р.Ф. Брандта (1901 г.)	249
«Предварительное сообщение Орфографической подкомиссии» (1904 г.)	251
Протокол первого заседания комиссии по вопросу о русском право- писании, состоявшейся под председательством Августейшего Прези- дента Императорской Академии Наук, 12 апреля 1904 г. (1905)	259
«Постановления Орфографической подкомиссии» (1912 г.)	281
II. Документы и законодательные акты к реформе 1917 г.	286
«Постановления совещания при Академии наук под председательством акад. А.А. Шахматова по вопросу об упрощении русского правопи- сания, принятые 11 мая 1917 г.	286
Циркуляр Министерства народного просвещения при Временном прави- тельстве о введении нового правописания от 17 мая 1917 г.	290
Циркуляр Министерства народного просвещения при Временном прави- тельстве о проведении реформы от 22 июня 1917 г.	291
Декрет Наркомпроса о введении нового правописания от 23 декабря 1917 г.	293
Декрет Совнаркома о введении новой орфографии от 10 октября 1918 г.	294
Постановление Председателя ВСНХ от 14 октября 1918 г. «Об изъятии из обращения общих букв русского языка»	295

III. Проекты орфографической реформы после 1917 г.	296
Проект Главнауки (1930 г.)	296
Предложения по усовершенствованию русской орфографии (1964 г.)	299
IV. Хронологическая библиография	312
Орфографические публикации XVIII–XIX вв.	313
Орфографические публикации XX в. (дореформенный период)	331
Публикации о реформе русской орфографии до декретов 1917–1918 гг.	339
Орфографические публикации XX в. (послереформенный период)	345
Русская орфография после первого свода правил	360
Алфавитный указатель имен	410
V. Материалы дискуссий о реформе орфографии 1917 г.	421
Брандт Р.Ф. О лженаучности нашего правописания (1899–1901)	421
[Семенов М.] М. С-ов. Об «укротении строптивой» (1907)	423
[Семенов М.] М. С-ов. Молох XX в. (по поводу книги К.Г. Житомир- ского) (1915)	428
Сакулин П.Н. Важный шаг (1917)	435
Семенов Тянь-Шанский А.С. Легализация безграмотности (1917)	435
Сакулин П.Н. Орфографические страхи (1917)	436
Флёров В.С. Поверженный Молох (1917)	438
Карцевский С.И. Новая орфография (1923)	446
Аничков Евг. Правописание и классики (1923)	448

Часть I

**РУССКОЕ ПИСЬМО
ОТ ПЕТРОВСКОЙ РЕФОРМЫ
ДО СОВРЕМЕННОСТИ**

(ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК)

Нельзя иначе отнестись, как с одобрением, к тем, кто пытается устранить недостатки орфографии. То, что установлено по условному соглашению, может быть по условному же соглашению отменено. Мы не вмешиваемся в жизнь языка, исправляя его орфографию. Мы только освобождаем его от подтачивающего его недуга.

Ж. Вандриес

Говоря о сложном пути русского правописания, необходимо вспомнить, что наши предки, создавая свою письменность, воспользовались чужой азбукой, которая в IX в. была создана св. Кириллом на основе македонского наречия древнеболгарского языка. Вместе с братом Мефодием на основе этой азбуки им были созданы первые славянские переводы Святого писания. Родственность древнеболгарского языка языку Древней Руси несомненна, но тем не менее он не был его непосредственным предком.

Первоучители славянства гениально решили главную задачу создателя любой письменности: состав фонем славянской речи был определен ими точно. Следовательно – и состав букв оказался очень удачным. Азбука Кирилла и Мефодия включала в себя 38 букв по принципу соответствия «фонема – буква».

Эта древнейшая азбука содержала некоторые следы прежней письменной традиции – греческой, которая была принята первоучителями как образец. Причем греческое влияние отразилось не только на начертании букв, но и на самом составе азбуки.

Со временем в дополнение к 38 кирилловским буквам появляются другие, призванные передавать звуки в греческих заимствованиях. К ним относятся: [θ] – «фита» (Ϡ), в славянском произношении совпавшая с фонемой [ф], которая обозначалась буквой «ферт» (φ), и греческие сочетания [кс] «кси» (ξ) и [пс] «пси» (ψ).

Появление так называемых йотированных букв: ѡ, ѣ, ѥ, ѧ, а в древнерусской кириллице – также Ѣ (йотированный *ять*), который рано вышел из употребления в результате фонетических изменений в древнерусском языке, связан с особенностями фонетики тех славянских наречий, на территории которой они применялись.

Для обозначения носовых фонем [о] и [е] в кириллице были введены специальные буквы – «юс большой» (ѣ) и «юс малый» (ѧ), которые имели, как уже было отмечено, йотированные пары.

Славянская кириллическая азбука включала в свой состав уже 43 буквы. Приспособление этой азбуки к живому древнерусскому языку в конце X в. носило не совсем последовательный характер: уже тогда, у самых истоков, русская азбука не была согласована с фонемами собственно русского языка и заключала в себе недостатки, которые с течением времени становились все более явными, потому что русский язык изменялся в живом употреблении носителей, а письмо продолжало хранить относительную неизменность.

Дисбаланс в соотношении русского живого языка и его письменности очевидно отразился на буквенном составе – возникли «мертвые» буквы и знаки, и русское письмо постепенно, но неуклонно освобождалось от них.

I. Русская орфография в XVIII столетии

Если не принимать во внимание ту часть истории русского письма, которая начинается с первых памятников письменности, то можно считать, что история русской орфографии восходит к XVIII столетию – времени формирования языка нового типа, эпохе общего стремления к регламентации языкового употребления, времени преобразования русского общества и русской культуры на национальной основе.

Петровская реформа русской азбуки

«Сими литеры печатать исторические и мануфактурные книги»

Знаковым событием для русского письма XVIII столетия стала Петровская реформа азбуки 1708–1710 гг., в результате которой были устранены некоторые утратившие свое «звучание» буквы-дублиеты, ненужные греческие придыхания, ударения и титла, которые не выполняли какого-либо смыслового задания и затрудняли чтение.

Идея реформы вынашивалась Петром долгие годы.

В 1699 г. в Амстердаме с разрешения царя стали появляться светские русские книги, напечатанные в типографии Тессинга особым шрифтом. (Оставлением этих книг занимался Илья Федорович Копиевский (или Копиевич), и до 1700 г. было напечатано этим шрифтом более 20 книг. «Изящная простота новоизобретенного амстердамского шрифта» вызвала желание царя составить новую русскую (не церковнославянскую) азбуку, чтобы «завести печатание гражданских книг и в Москве, на старом Печатном дворе»¹.

Это событие совпало с событиями русско-шведских военных отношений, но среди военных забот Петр «находит досуг и время работать над русской азбукой». Несколько позже один из ближайших помощников Петра в печатном деле, директор Московской типографии Федор Поликарпов, напишет об этом так: «Государь своим неусыпным тщанием изволил изобрести новый абсцедал, или азбуку, которая и до сих пор в гражданских делах всяких действует»².

Один образец новой азбуки был отослан в Голландию, и скоро там были созданы первые пробные оттиски. Другой образец был прислан в Московскую типографию 17 мая 1707 г., и отливка азбуки была поручена лучшему словолитцу Михаилу Ефремову. Азбука, созданная самим Петром, была изготовлена тиражами голландских и русских мастеров.

Первая книга, напечатанная новым гражданским шрифтом в количестве 100 экземпляров на лучшей александрийской бумаге, появилась в свет 17 марта 1708 г. («*Геометрія славенскі землемѣріе издадеся новоі типографскімъ тисненіемъ повелѣніемъ благочестивѣшаго великаго государя нашего царя, і великаго князя, Петра Алексіевича, Всея великія, и бѣлыя росіі самодержца. прі великомъ градѣ Москвѣ. Въ льто мірозданія 7216. Отъ рождества же по плоти Бога слова 1708. Індікта перваго, мѣсяца Марта*»), и это стало первым шагом новой эпохи в русском правописании.

Одновременно с печатанием новых книг в Московской типографии совершенствовались и новую азбуку. И опять под непосредственным участием самого государя. В течение двух лет (1708–1710) Петр вносил разные изменения, и в начале 1710 г. был создан образец азбуки, одобренный государем. Оттиск этой азбуки с заглавием «Изображение древних и новых письмен славянских, печатных и рукописных» (на обороте ее переплета записано: «Дана лета Господня 1710 Генваря в 29 день») был прислан 10 февраля в типографию с собственноручной надписью Петра: «Сими литеры печатать историческис и мануфак-

¹ Двухсотлетие русской гражданской азбуки 1708–1710 годов. М.: Изд-е Моск. синодальной типографии, 1908. С. 9.

² Там же.

турные книги, а которые почернены (т. е. зачеркнуты. – Т. Г.), тех в выпеченных книгах не употреблять». Здесь же, чуть ниже государева указа, значится запись, сделанная Московской Синодальной типографией: «В тетради сей правление и подписание собственные руки Его Царского Пресвятого Величества прислано через секретаря Алексея Васильевича Макарова»³.

До 1 июня 1710 г. в России было напечатано значительное число книг, список которых был приложен к ведомостям 1700 г. как «Реестр книгам гражданским, которые по указу Царского Величества напечатаны новоизобретенною Амстердамскою азбукою по 1-е число июня нынешнего 1710 г.»⁴.

Поданная на утверждение Петру новая русская азбука была уже меньше кириллицы на 5 букв, которые к XVIII столетию практически уже не употреблялись, но в азбучном списке числились. Это буквы: **к**, **а**, **ж**, **и**, **к**. Государь собственноручно вычеркнул («почернил») еще две «лишние» буквы: **ψ** (пси) и **ω** (омега) и дополнил русскую азбуку буквой **э**, а вместо буквы **а** (юс малый) была введена буква **я**.

Петровская реформа коснулась и внешнего облика букв. Приближенные к латинским, начертания новой азбуки стали удобнее в скорописи. Кроме того, были отменены титла (надстрочные знаки, указывающие на сокращенное написание слова) и силы (обязательный знак ударения над каждым словом). Были введены прописные и строчные буквы и арабские цифры, поскольку до этого определенное числовое значение имели буквы русской азбуки: **А** – 1; **В** – 2; **Г** – 3; **Д** – 4; **Е** – 5 и т. д. Так возникла русская гражданская азбука, которая по аналогии с названием прежней азбуки («кириллица») получила название гражданцы. «Общество любителей древнего письма», сознавая важность введения в России гражданской азбуки, признало необходимым издать азбуку светопечатью с сохранением всех ее особенностей. Эта азбука хранится в особенном ковчеге в присутственной зале Святейшего Синода⁵.

Желание Петра приблизить русское письмо к европейским стандартам стало одной из причин создания гражданской печати. Реформа азбуки была в одном ряду со всеми другими петровскими преобразованиями, потому что он хотел «приблизить русскую печать к западной и тем легче ввести у нас начала европейской жизни и науки»⁶. По воле государя «русский человек дол-

³ Азбука гражданская с нравочениями. Правлена рукою Петра Великого. Дана лета 1710. С. 19.

⁴ Азбука с исправлениями императора Петра Великого и указом его о введении в употребление гражданского шрифта. СПб., 1877. С. 9.

⁵ Там же. С. 12.

⁶ Двухсотлетие русской гражданской азбуки 1708–1710 годов. М.: Изд-е Моск. Синодальной типографии, 1908. С. 6.

жен был одеться в платье иноземного покроя; подобно этому и русская азбука должна была измениться в своих начертаниях»⁷.

Введение новой, гражданской, азбуки в первой половине XVIII в. вызвало самые положительные отклики.

«Прекрасна была, – писал В.К. Тредиаковский, – сия самая первая печать: кругла, мерна, чиста – словом, совершенно уподоблена такой, какова по французских и голландских типографиях употребляется... Сие очам российским сперва было дико и делало некоторое затруднение в чтении, особливо таким, которые и старую московскую с превеликою запинкою читают»⁸. А.П. Сумароков, обращаясь к типографским наборщикам, выражал требование «еил не ставить нигде», потому что от них «пестрота, обривающая нашу прекрасную нынешнюю печать»⁹. В более поздние времена, правда, было высказано сожаление, что «не остались при славянском шрифте»¹⁰.

Преобразованная Петровской реформой азбука подвергалась некоторым изменениям и в последующие годы. В 1735 г. распоряжением Академии наук были исключены еще 2 буквы: **во** – **п е р в ы х**, буква **з** (зело), которая еще в древности совпала по значению (в результате фонетических изменений) с буквой **з** (земля), и, **во** – **в т о р ы х**, буква **ѣ** (кси), которую, по выражению Р.Ф. Брандта, Петр «оставил на недосмотре» – она тогда уже была лишней.

В 1758 г. Российским собранием при Академии наук новая азбука, получившая название «гражданицы», была утверждена для набора и издания светских, не церковных книг. Освободившись от бесполезных букв-дублетов, новая русская азбука стала намного меньше. Она включала в свой состав уже 37 знаков, в том числе – введенные Академией наук для обозначения новых звуков букву **й** («и с краткой») и лигатуру **ѣб**, предложенную еще В.Е. Аодуровым, автором первой русской грамматики на родном языке (она выявлена в текстах с 1737 г.), а в 1797 г. замененную П.М. Карамзиным в его сборнике «Аонида, или собрание разных новых стихотворений» буквой **ё**, которая постепенно вытеснила громоздкий знак **ѣб**.

Петровская реформа, произведя серьезные изменения в графической системе, нашла косвенное отражение и в орфографии. Она не была абсо-

⁷ Там же.

⁸ Тредиаковский В.К. Разговоръ между Чужестраннымъ человекомъ і Россійскимъ объ орфографіи старинной і новой і о всемъ что принадлежитъ къ сей матеріи. Сочинень Васильемъ Тредіаковскимъ, Профессоромъ Елоквенціи. Въ Санктпетербургѣ при Императорской Академіи наукъ. 1748. С. 3.

⁹ Сумароков А.П. К типографским наборщикам [1759] // Полн. собр. соч.: В 10 т. 1-е изд. Т. 6. М., 1787. С. 307–308; О правописании [1771–1773] // Там же. Т. 10. М., 1787. С. 33; Примечание о правописании [1771–1773] // Там же. Т. 10. М., 1787. С. 46.

¹⁰ Брандт Р.Ф. Петровская реформа русской азбуки. М., 1910. С. 2.

лотно последовательной, носила скорее внешний характер, и полного приспособления прижившейся на Руси чужой азбуки в результате реформы не произошло. Но «мы не вправе упрекать Петра и его помощников в поверхностном отношении к принятой на себя задаче, а должны похвалить их, что хоть некоторые лишние буквы были ими устранены». Именно этим реформаторская деятельность Петра «заслуживает благодарной памяти»¹¹.

Петровская реформа стала первым шагом к созданию литературного русского письменного языка. В результате нее, по словам В.В. Виноградова, «церковнославянская графика переставала быть нормой литературности». Низведенная на роль «иероглифического языка религиозного культа», она освобождала дорогу русской гражданской азбуке. И это «обозначало упадок церковнокнижной культуры средневековья, утрату церковнославянским языком господствующего положения в структуре русского литературного языка»¹².

Многие лишние буквы русской азбуки были исключены, тем не менее другие однозвучные в ней оставались по-прежнему. Для обозначения, например, звука [i] после всех азбучных перемен осталось целых три буквы с особыми правилами употребления:

- **и** (восьмеричное) – только в положении перед согласными;
- **і** (десятеричное) – только в положении перед гласными, за исключением слова *міръ* в значении ‘вселенная’;
- **ѣ** (ижица) – в словах иноязычного (преимущественно греческого) происхождения; в зависимости от положения она служила обозначением разных звуков: звука [ʧ] – *Еѣангеліе* и звука [i] – *міро*.

Вся последующая история азбучных дискуссий XVIII – начала XX вв. сводилась в основном к спорам об «однозвучных» буквах, которые некогда служили обозначением разных звуков: **е** – **ѣ**; **ф** – **ѳ**; **и** – **і** – **ѣ**, и о «беззвучной» букве **ъ**, которая была непременным спутником всех согласных на конце слов.

Первые опыты орфографической кодификации: В.К. Третьяковский и В.Е. Адогуров

«Что мне нужды, что произведения корень не виден будет?»

Долгое время считалось, что первой попыткой найти рациональные принципы русского правописания была работа В.К. Третьяковского «*Разговор между*

¹¹ Брандт Р.Ф. Указ. соч. С. 7.

¹² Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв. 3-е изд. М., 1982. С. 90.

чужестранным человеком и Российским об орфографии старинной и новой и о всем, что принадлежит к сей материи»¹³. Однако опубликованный в 1975 г. рукописный фрагмент грамматики В.Е. Адогурова (1738 г.) указывает на более ранние истоки русской орфографической мысли¹⁴. Установленная Б.А. Успенским контекстуальная близость и концептуальная общность работ В.Е. Адогурова и В.К. Третьяковского дает основание представлять их как единую орфографическую программу с некоторыми частными различиями. (В дальнейшем изложении все цитаты, представляющие орфографическую концепцию В.Е. Адогурова, взяты из текста опубликованной Б.А. Успенским грамматики: сначала указывается страница и параграф самой грамматики В.Е. Адогурова, а затем страница сочинения Б.А. Успенского соответственно: 2-§ 1-93.)

В рассуждениях о русской азбуке и В. Адогуров, и В. Третьяковский отстаивают принцип соответствия «буква – звук», и их попытки осознать русскую орфографию как системное устройство приводили обоих авторов к мысли о ее фонетичности. «Так должны мы, – считал В.Е. Адогуров, – самое произношение почитать за наше главное правило и оному в письме сколько можно точно следовать» [60-§ 61-112]. «Какое сопротивление мне б ни предлагаемо было, – писал Третьяковский, – я всегда отвечать буду, что праведнее и правильнее писать по звону, не взирая ни на какие затруднения. Что мне нужды, что произведения корень не виден будет? Стараются ли о корнях все общество пишущих, которым невозможно писать без правил орфографических; и основательнейшие и легчайшие правила на одном только звоне утверждаются... Та орфография только правильная, которая одни только наблюдает шоны»¹⁵.

В.К. Третьяковский был твердо убежден в превосходстве именно своей орфографической теории и не сомневался в ее будущем. «Я не отчаиваюсь, – писал он, выступая против нефонетической теории М.В. Ломоносова, – чтобы в некоторое время не стали все у нас так писать, еще и ученые, из которых катановатейшие, позвольте ученое слово, наиболее хорохорятся против звуков»¹⁶. Свою теорию он отстаивает на протяжении всего «разговора» и приводит свои аргументы в утверждение ее:

– «того ради едва ль можно сказать, то в наших производных трудно будет находить корень ученому человеку, ежели писать их по звону»¹⁷;

¹³ Обзор предложений по усовершенствованию русской орфографии (XVIII–XX вв.), М., 1965. С. 15.

¹⁴ Успенский Б.А. Первая русская грамматика на родном языке (Доломоносовский период отечественной русистики). М., 1975.

¹⁵ Третьяковский В.К. Указ. соч. С. 280, 288.

¹⁶ Там же. С. 415.

¹⁷ Там же. С. 280.

– «так писать подлежит, как звон требует: ибо должность писмен в том, чтоб читателям отдавать слова как заклад»¹⁸;

– «не нужен корень в орфографии... нет ей дела до знаменования слов: она рассуждает только о буквах и складах. Пускай доискиваются корни в словах те, которые далее мудрствуют орфографии»¹⁹.

В. Третьяковский считает бессмысленным следование греческим образцам в правописании, поскольку «каждый народ больше о своей орфографии должен стараться, нежели о чужой»²⁰.

Орфографическая практика самого В.К. Третьяковского была не абсолютно последовательной, но служила в значительной степени отражением его теоретических постулатов. Он подрывает авторитет традиции, того употребления, «которое великую власть имеет над языком». Кроме своеобразного употребления буквы *Ъ* и других букв (только *і, њ* в его текстах), неупотребления букв *Ѳ* (только *Ѵ*) и буквы *Щ* («не надлежит ей быть в алфавите», а поэтому – только сочетание *СЧ*), автор орфографического трактата проявляет большую индивидуальность, связанную с правилами написания слов, в частности – слитных и раздельных написаний. Орфография В. Третьяковского, ориентированная на живое употребление вместо «обычая», очень далека от орфографии многих его современников: *шчасливый, ерогий, свецкій, вобиче, нарошно, церковь, верьхъ* и другие написания – все это проявления индивидуальной нормы автора. Делая уступку орфографической традиции («употреблению»), Третьяковский не проявил последовательности в утверждении своего принципа. На письме он не избрал эталоном произношение простых людей, но лишь владеющих нормами литературного языка, людей «знающих»²¹.

Оба автора (и Адогуров, и Третьяковский) выразили определенное отношение к утратившим свое звучание буквам, в оценках русской орфографии этим намного предвосхитив следующие. Отмечая «несвойственность» русской допетровской азбуки, В.К. Третьяковский защищает новую гражданскую, но считает многие элементы ее избыточными.

Рассуждения обоих авторов о букве *Ъ* на конце слов, например, сводятся к ее ненужности в русском алфавите. Настаивая на ее исключении, В.Е. Адогуров видит три важных причины:

а) поскольку буква *Ъ* «не изъявляет никакого человеческого голоса и для того в произношении слов ничего не способствует», то это дает основание считать «сей знак в нашей азбуке за излишний» и исключить его из азбуки «общим согласием» [7-§ 15-96];

¹⁸ Третьяковский В.К. Указ. соч. С. 410.

¹⁹ Там же. С. 412.

²⁰ Там же. С. 352.

²¹ Об орфографической «норме» В. Третьяковского см.: Будде, 1898. С. 161–169; Винокур, 1956.

б) буква *Ъ* употребляется в разделительной функции в словах, соответствующих словообразовательной модели: приставка, оканчивающаяся на согласный, + корень, начинающийся с [j], – *подъёмлю, объявлю*. Но и здесь, считает автор, «*Ъ* весьма никакой отмены в произношении слов не делает». В этом случае он предлагает свой способ деления конечного согласного приставки с последующим [j], вернее, предлагает не отвергать уже имеющуюся практику написания конечных согласных приставки «вверху без прибавления им литер *Ъ*» (по¹смылю, о^бъявляю). Хотя в то время уже отмечен опыт взаимозаменяемости букв *Ъ* и *Ь* в разделительной функции²². Об этом же свидетельствует факт их частого смешения в тексте самой грамматики В.Е. Адогурова – *объявляю* и др. [9-§ 15-97];

в) поскольку буква *Ъ* «ни до гласных, ни до согласных не надлежит» и «никакого слога учинить не может, то «безущербно изъятие ее» [10-§ 15-97].

С рассуждениями и оценками В.Е. Адогурова о ненужности буквы *Ъ* совпадают рассуждения и оценки В.К. Третьяковского. Он также считает необходимым убрать этот знак из алфавита, так как нет в нем «славенскому выговору нужды». Сопоставляя по значимости буквы *Ъ* и *Ь*, он заключает, что без первого обойтись можно, «ибо что ненужное, еще и пустое», а «без второго ни по какой мере»²³.

Аналогичные оценки избыточности представлены у обоих авторов относительно букв *Ѳ* («фита») и *Ѵ* («ферт»)

«Но ежели свойство нашего произношения и до него надлежащего правописания прилежно рассудим, – пишет В.Е. Адогуров, – то увидим мы, что такие затруднения до того весьма не касаются, ибо не все ли то будет одно хотя на примере слова *Ѳѣдор* чрез *ФИТУ* или *Ѵ* когда обе литеры... в произношении между собой не имеют у нас никакой разности и какое различие произошло бы в том и в самом знаменовании будебы слово *Ѳѣдор* у нас чрез *Ѵ* написано» [79-§ 72-117]. Третьяковский также указывает на абсолютную однозначность этих букв и считает, что «одна которая-нибудь из них есть лишняя у нас, и, следовательно, одной не должно быть употребляемой в нашей орфографии»²⁴.

Рассуждениям о буквах *Ѳ* и *Ѵ* в орфографическом трактате Третьяковского посвящены многие страницы. Российский человек пытается убедить чужестранного в ненужности, «излишестве» одной из этих букв, различие которых заключается только в «начертании, а не в голосе»; служит оно различению слов разного происхождения, и назначение их лишь в том, что

²² Успенский Б.А. Указ. соч. С. 178.

²³ Третьяковский В.К. Указ. соч. С. 224.

²⁴ Там же. С. 158–159.

«ученику труда много, а пользы ничего»²⁵. Именно этим обусловлено его заключение: «Пускай же ученые люди произведения слов доискиваются. Но орфография не для одних только ученых, да и для всех без изъятия»²⁶. В результате продолжительных рассуждений об этих буквах Тредиаковский устами чужестранного человека произносит окончательное заключение: «Прощай же ты писанный *Фёдор* через *ФИТУ!* Я думал, что в *ФИТЕ* твоей... есть некоторая сила, а не только мнимое таинство, чтоб не сказать пустое»²⁷.

Оба автора настаивают на исключении всех дублетных букв, а с ними и всех дифференцировочных написаний: если избавиться от них, то, считает В.Е. Адогуров, «не произойдет никакого недостатка» [80-§ 72-18]. По мнению В.К. Тредиаковского, «все сие много походит на пустошь»²⁸.

Единодушие В.Е. Адогурова и В.К. Тредиаковского распространяется только на ненужность дублетных букв *И-И*, *Ф-Ф* и знака *Ъ* на конце слов. Но в оценках роли буквы *Ъ* («ять») их мнения несколько различны. В.К. Тредиаковский не настаивает, но допускает в какой-то мере исключение *Ъ*, потому что «есть уже сей звон в букве *Е*»²⁹; В.Е. Адогуров же настаивает на ее необходимости и важности, так как буквы эти «меж собою весьма разнствуют» [42-§ 55-107]. В. Тредиаковский призывает к разумному отношению. «Не все то справедливое, что старое, — следует резонное замечание. — Поистине — как не все старине надлежит отдавать, так не все ж отнимать должно у нынешних времен: явная несправедливость так думать, что уже ныне против старины ничего лучшего быть не может»³⁰.

Орфографическая теория письма по звонам Адогурова-Тредиаковского для эпохи XVIII столетия является совершенно закономерной. С одной стороны — она являет собой продолжение орфографической традиции церковно-славянского фонетического письма, а с другой — является свидетельством «растущей в русском обществе потребности национально-языкового самоопределения, эмансипации от феодальной церковно-книжной культуры»³¹. Хотя теория фонетического письма не определила дальнейшей судьбы русской орфографии, но она стала первым опытом обращения к основаниям русской орфографии, выводила ее на путь теоретического осмысления.

²⁵ Тредиаковский В.К. Указ. соч. С. 57.

²⁶ Там же. С. 188.

²⁷ Там же. С. 191.

²⁸ Там же. С. 60.

²⁹ Там же. С. 198.

³⁰ Там же. С. 100.

³¹ Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII-XIX веков. 3-е изд. М., 1982. С. 91.

Орфографическая программа М.В. Ломоносова

«...чтобы не закрылись совсем следы произвождения и сложения речений»

Русское правописание XVIII века рождалось в сомнениях, спорах, и в этом орфографическом многоголосии одновременно творцом и законодателем выступил М. Ломоносов.

Вопрос о русском правописании в трудах М.В. Ломоносова может быть рассмотрен в двух аспектах: правописание как навык самого М. Ломоносова, представленный в текстах разных жанров, и его теоретические постулаты, изложенные преимущественно в «Российской грамматике».

В первом случае есть основание говорить о раннем и позднем периоде орфографической практики Ломоносова. Правописание раннего Ломоносова представляет книжную норму, которая значительно совпадала с его родным говором и которой он был обучен. В поздний период он стал говорить и писать, ориентируясь на произношение столичной элиты, людей литературного общества его времени. Он во многом изменил свое правописание, «создавая новое для всего литературного мира: употреблял *ЯТЬ* и *Е* не в соответствии с книжной традицией, а в подражание, но не всегда в соответствии, произношению русского образованного класса»³².

В орфографической практике М.В. Ломоносова нет строгого следования единому орфографическому образцу, и это позволяет говорить о наличии индивидуального, обусловленного многими факторами письма, что является вполне закономерным в период становления норм русского литературного языка. Выводы о существенных особенностях правописных навыков М.В. Ломоносова были сделаны М.И. Сухомлиновым, осуществившим издание трудов М.В. Ломоносова с учетом орфографий оригинала, то есть с учетом индивидуально-авторских особенностей правописания. Его черновые наброски и корректурные исправления несут на себе отпечаток орфографических мыслей и сомнений автора и являются неоспоримым свидетельством того, что система правописания М.В. Ломоносовым формировалась очень постепенно и совсем не просто. Как указывает М.И. Сухомлинов, живые следы его орфографической работы видны во всех создаваемых им текстах, где, например, в прилагательных Им. п. ед. ч. наряду с окончанием *-ий* встречается окончание *-ой*; характерно несистемное употребление *Ъ* и *Ь* после шипящих; колебания в написании *Ъ* и др.³³ Отсутствие строгой последовательности в правописании

³² Будде Е.Ф. Несколько замечаний из истории русского языка (По поводу академического издания соч. М. Ломоносова с примеч. акад. М.И. Сухомлинова. Изд. Имп. Ак. наук. Т. I-III. СПб., 1898) // ЖМНП. 1898. № 3. С. 159.

³³ Сухомлинов М.И. История Российской Академии. СПб., 1878. Вып. 4. С. IV.

М.В. Ломоносова объясняется вполне определенными влияниями: книжное правописание (оно было доминирующим), его собственный говор и произношение образованной среды Петербурга и Москвы – все это находило отражение в его письменной речи. Ориентация на книжную норму «оберегала его от таких грубых промахов в правописании, какие встречаются у людей малограмотных... но все-таки правописание Ломоносова для его потомков с точки зрения установившегося уже однообразного и обязательного правописания является до некоторой степени малограмотным написанием, в котором помимо воли автора прорываются не грубые, а тонкие промахи, по которым можно достаточно верно судить и о произношении самого автора»³⁴.

В.И. Чернышев отмечал значительную непоследовательность в практике письма М. Ломоносова: неупорядоченное употребление букв *Е* и *Ъ*; преобладание фонетических написаний приставок на *З*; отсутствие единообразия в написании окончаний прилагательных Им. п. муж. р. – то *-ой*, то *-ый*; в обозначении гласного после *шипящих* и *Ц* следовал традиция, а не произношение: *лице*, *лишен*, но вместе с тем *чорна* и др.

По данным В.И. Чернышева, хорошей орфографией не отличается даже второе прижизненное издание собраний сочинений с «сочинительскими исправлениями», где на одной или соседних страницах встречаются орфографические противоречия: «несогласные одно с другим» или просто ошибочные написания, которые выделяются «из общей последовательной и рациональной системы» орфографии Ломоносова³⁵. Еще одна орфографическая особенность Ломоносова – его стремление на письме, как и в языке, соблюдать требование «штиля»: в высоком – окончание *-ый*, в простом – окончание *-ой*.

Хотя тексты позволяют выявить несколько орфографических «эталонов» для Ломоносова, но все-таки общим повседневным «учителем» он считал употребление, которому «повиноваться должно».

В «Российской грамматике» правописанию русскому М.В. Ломоносов посвящает две главы «Наставления второго». Правописание он рассматривает с собственно теоретической стороны (как оно должно быть устроено) и с практической – каковы законы и правила его использования.

Его взгляд на устройство русского правописания выражен вполне отчетливо: «В правописании наблюдать надлежит, чтобы оно служило к удобному чтению каждому знающему российской грамоте, чтобы не отходило далече

³⁴ Будде Е.Ф. Указ. соч. С. 154.

³⁵ Чернышев В.И. Из истории русского правописания // Изв. АН ОРЯС. СПб., 1906. Т. XI. Кн. 4. С. 11–13.

от главных российских диалектов, которые суть три: московский, северный, украинский, чтобы не удалялось много от чистого выговора, чтобы не закрылись совсем следы произвождения и сложения речений» (выделено мной. – *Л.Г.*)³⁶. Обозначившийся в Петровскую эпоху реформаторский путь русского письма нашел отражение и в «Российской грамматике».

Русская азбука Ломоносова состоит всего из 30 знаков. В нее не включены буквы *І*, *Щ*, *Э*, *Й*, *Ө*, *У*. Рассуждения автора грамматики об этих буквах сводятся к тому, что хотя в русском письме употребляются *І*, *Щ*, *Э*, *У*, однако «в азбуку свойственно принять быть и наряду числиться не должны для следующих причин»:

– «буква *І* произносится так же, как *И*, и только ради того в употреблении осталась, чтобы частое стечение подобных букв неприятным видом взору не казалось противно и в чтении запинаться не принуждало... Ради сего *І* не больше принадлежит в азбуку, как *Й* для оказания краткости сей буквы, надписанию скобкою»;

– «*Щ* составлена из *Ш* и *Ч* не больше права имеет быть в азбуке, как *У* и *Ж*...»;

– «вновь вымышленное или, справедливее сказать, старое *Е*, на другую сторону обороченное (имеется в виду буква *Э*. – *Т. Г.*), в русском языке не нужно, ибо:

1) буква *Е*, имея несколько разных произношений, может служить и в местоимении *этот* и в междометии *ей*;

2) для чужестранных выговоров вымышлять новые буквы весьма негодное дело...;

3) ежели для иностранных выговоров вымышлять новые буквы, то будет наша азбука с китайскую;

4) и таково же смешно по правде покажется, естли бы для подлинного выговору наших речений, в которых стоит буква *Ы*, оную в какой-нибудь чужестранный язык приняли или бы вместо ее новую вымышляли»³⁷. М.В. Ломоносов не отводит места в азбуке для вошедшего в правописный обиход «двуписьменного начертания» *Ѡ*, но употребление его в нужных случаях считает возможным³⁸.

В своих рассуждениях о русской азбуке букве *Ъ* М.В. Ломоносов посвящает два параграфа. Указав основные предписания к употреблению этой буквы (в отличие от *Е*), он останавливается и на тех написаниях, в которых «никаких правил показать нельзя»: они требуют «твердого учения грамоте и прилежного к книге чтения». К тем, кто пытался «истребить» букву *Ъ* из

³⁶ Ломоносов М.В. Российская грамматика. СПб., 1755. С. 51–52.

³⁷ Там же. С. 41–43.

³⁸ Там же. С. 43.

русской азбуки, он обращается с решительным наставлением: «сие как невозможно, так и свойствам российского языка противно, ибо ежели без буквы Ъ начать писать, а особливо печатать, то и тем, которые разделять Е от Ъ умеют не токмо покажется странно, но и в чтении прелятствовать станет»³⁹. Его требование основано на том, что обозначаемые на письме буквами Е и Ъ звуки «в просторечии едва имеют чувствительную разность», а их различие в других формах произношения весьма существенно: эти буквы «в чтении весьма явственно слух разделяют и требуют... в Е дебелисти (по Ломоносову – тупое произношение, т. е. более открытое, характерное для произношения е), в ЯТЬ – тонкости (по Ломоносову – острое произношение, т. е. более закрытое, характерное для произношения звука, обозначенного буквой Ѣ)»⁴⁰.

Мысль о ненужности Ъ на конце слов не нашла отражения в «Российской грамматике», но изложена в его незавершенной пьесе 1750 года «Суд российских письмен», где букве Ъ посвящены такие слова: «Ъ немой место занял, подобно как пятое колесо в телеге»⁴¹. Однако в собственной практике письма М. Ломоносов употреблял этот знак и как разделительный, и как показатель твердости конечного согласного.

Мнение М.В. Ломоносова о букве Ѡ выражается в том, что она от «первых сочинителей славянской азбуки внесена в нее напрасно, ибо она славянам и россиянам столько ненадобна, как французам Ч или Ы, китайцам Р, которых выговора они в своих языках не имеют»⁴². Его выступление против фонетического принципа как основного в русской орфографии проявилось и в том, что, признавая аканье основной чертой московского «наречия», («нежнейший выговор Москвы»), тем не менее считал невозможным акающее (по выговору) написание, как иногда пишут «московские уроженцы, а больше те, которые немного и невнимательно по церковным книгам читать учились» (*хачу* вместо *хочу*, *завари* вместо *говори*). Это положение «невозможности» он аргументирует так: «ежели положить, чтобы по сему выговору всем писать и печатать, то должно большую часть России говорить и читать снова переучить насильно»⁴³.

В полемике о правописании окончаний имен прилагательных множественного числа М. Ломоносов занял свою особенную позицию. Вопреки настояниям В. Тредиаковского различать окончания для всех трех родов (в муж. – *-ыи*, *-ии*, в жен. – *-ыи*, *-ии*, в ср. – *-ыи*, *-ии*), вопреки требованиям А. Сумарокова писать одинаковые окончания для всех трех родов (*-ыи*, *-ии*), он, учитывая и

³⁹ Ломоносов М.В. Российская грамматика. СПб., 1755. С. 53–54.

⁴⁰ Там же. С. 49.

⁴¹ Ломоносов М.В. Суд российских письмен, перед разумом и обычаем от грамматики представленных [1750] // Полн. собр. соч. Т. 7: Труды по филологии. М.; Л., 1952. С. 388.

⁴² Ломоносов М.В. Российская грамматика. СПб., 1755. С. 18.

⁴³ Там же. С. 52.

традицию, и отчасти произношение, утвердил правило об употреблении Е – в мужском роде и Я – в женском и среднем родах⁴⁴.

«Российская грамматика», как и все грамматики и справочники «младенствующего» периода формирования орфографических норм русского литературного языка, давала «ограниченный материал», совсем недостаточный для широкого грамотного общения⁴⁵. Кроме того, установленные М. Ломоносовым правила русского правописания не были санкционированы государственным учреждением, но личность автора «Российской грамматики» сделала изложенные в ней большинство предъявляемых к правописанию требований если не абсолютно обязательными, то в достаточной степени авторитетными.

В. Светов позднее отметил дисгармонию в орфографической теории и практике М.В. Ломоносова. «Он же и в определении числа российских букв и в разделении их, – писал В. Светов, – кажется сам с собою не был согласен. Положив нужных букв токмо 30, выключил из алфавита российского *і, Ѵ, ФИТУ*, кои однако сам везде употреблял...»⁴⁶.

В заключение можно сказать, что «в общем характере» русского правописания восторжествовала система Ломоносова, но в частности его орфография ни при его жизни, ни после не сделалась общедоступной⁴⁷. Но несмотря на то, что Ломоносов «не дал кодекса орфографических правил», которым сам следовал и которым следовали бы его современники и последующие поколения пишущих на русском языке, именно его принято считать «главным законодателем русского правописания»⁴⁸. В одной из своих грамматических рецензий В. Белинский почти столетие спустя назвал грамматику Ломоносова в числе знаменитых наряду с грамматиками Российской Академии, Греча и Востокова⁴⁹.

⁴⁴ О других особенностях орфографии Ломоносова см.: Будде Е.Ф. Несколько замечаний из истории русского языка (По поводу академического издания соч. М. Ломоносова с примечаниями акад. М.И. Сухомлинова. Изд. Имп. Ак. наук. Т. I–III. СПб., 1898) // ЖМНП. 1898. № 3. С. 150–176; 1899. № 5. С. 74–101; Чернышев В.И. Из истории русского правописания // Изв. АН ОРЯС. СПб., 1906. Т. XI. Кн. 4. С. 11–13.

⁴⁵ Рождественский Н.С. М. В. Ломоносов в истории русской орфографии // Рус. яз. в школе. 1937. № 1. С. 47–62.

⁴⁶ [Светов В.П.] [1773] Опыт нового русского правописания, утвержденный на правилах российской грамматики и на лучших примерах российских писателей. Вторым тиснением. СПб., 1779. С. 77.

⁴⁷ Грот Я.К. [1873] Филологические разыскания. Т. 2. 3-е изд., с доп. и перем. СПб., 1885. С. 230.

⁴⁸ Чернышев В.И. Из истории русского правописания // Изв. АН ОРЯС. СПб., 1906. Т. XI. Кн. 4. С. 11.

⁴⁹ Белинский В.Г. [Рец.] Грамматика языка русского. Ч. 1. Познание слов. Соч. Калайдовича (Ивана Федоровича). М., 1834. 102 с. // Полн. собр. соч.: В 10 т. Т. I. М., 1953. С. 110.

Орфографические наставления А.П. Сумарокова

«...берите только корень речения»

Орфографической теме А.П. Сумароков посвятил четыре работы. В них он предлагает свои орфографические раздумья, адресованные всем обращающимся к письму вообще, а к наборщикам и ученикам – в особенности. В этих работах излагаются общие и частные характеристики правописания того времени, и автор их часто проявляет противоречивость взгляда: «повторяя по несколько раз одно и то же, предлагает то правила, не выдерживающие никакой критики, то весьма разумные замечания, показывающие инстинктивную лингвистическую сметливость»⁵⁰.

В своей первой орфографической публикации, обращаясь к типографским наборщикам (1759 г.), А.П. Сумароков (вопреки настояниям В. Третьяковско-го и М.В. Ломоносова) настойчиво доказывает ненужность («невежеством введено в наш язык ко трудности и ко безобразию оно») произвольно утвердившегося в написании окончаний прилагательных муж. р. в Им. п. мн. ч. употребления литеры *Е*, вместо предлагаемой автором *Я*⁵¹. Эту же мысль он проводит и в более поздней работе «Примечание о правописании»⁵². Однако отстаиваемое им правило «осталось одной из забытых особенностей сумароковской орфографии», а отвергаемое «сделалось строго соблюдаемым законом»⁵³. А. Сумароков утверждает примат языка над орфографией, считая, что орфография повинуетя языку, а не наоборот – язык орфографии⁵⁴. В работах 1771–1773 гг. А.П. Сумароков выражает свое общее суждение о правописании и выступает за единую орфографическую норму. Правописание должно быть общим (не индивидуальным) «и по существу дела, и по существу слова», то есть «то же, которое наши разумные предки употребляли и которое немислимые их потомки, гордясь знанием и не имея оно, надменным и дерзостным умствованием испортили»⁵⁵. При этом он утверждает права морфологического принципа – соблюдение единства морфемы. Его наставление в этом случае: следует опасаться, «чтобы *Д* вместо *Т* не ставить, а *Т* вместо *Д*», и это подтверждается примером: «когда кто пишет *преlestно*, так должно подумать, от чего сие ре-

⁵⁰ Грот Я.К. [1873] Филологические разыскания. Т. 2. 3-е изд., с доп. и перем. СПб., 1885. С. 231.

⁵¹ Сумароков А.П. К типографским наборщикам [1759] // Полн. собр. соч. 2-е изд. Т. 6. М., 1787. С. 308.

⁵² Сумароков А.П. Примечание о правописании [1771–1773] // Полн. собр. соч.: В 10 т. 2-е изд. Т. 10. М., 1787. С. 42.

⁵³ Грот Я.К. [1873] Филологические разыскания. С. 234.

⁵⁴ Сумароков А.П. К типографским наборщикам. С. 309.

⁵⁵ Сумароков А.П. О правописании [1771–1773] // Полн. собр. соч.: В 10 т. 2-е изд. Т. 10. М., 1787. С. 32.

чение происходит – от *преlestи*, а не от *преlestи*; «сладоко от *сладоcти*, так нельзя писать *слатко*». Вывод его таков: «берите только корень речения, так в литерсах *Д* и *Т* никогда не опшибетесь»⁵⁶. Убеждая своих читателей в необходимости блюсти корень, он указывает на нежелательные последствия: «отходя от корня речений и от красоты языка, затмеваем мы свои воображения и теряем то достоинство и дарование, которым более всего от скота отличаемся»⁵⁷. Он указывает свое несогласие с М.В. Ломоносовым и В.К. Третьяковским, которые «теряли корень наречия» и писали, например, *ребята*, вм. *рабята* от слова *раб* и *работа*; *блиско* вм. *близко* и др.⁵⁸, а Ломоносов у предлогов «никогда не искал корня и превращал литеру *З* в *С*», привнося таким образом порчу в язык⁵⁹. Но, с другой стороны, в этих же работах выражается мысль, что главным началом орфографии следует считать образцы прошлого – писать так, как писали «наши разумные предки».

Отстаивая свои орфографические взгляды, он вступает в полемику с М.В. Ломоносовым и В.К. Третьяковским, отказывая «Российской грамматике» Ломоносова в праве быть руководством для пишущих: она служит плохим примером, поскольку автор ее «московское наречие в холмогорское превратил», отчего «вошло в нее множество порчи языка». К тому же она никаким ученым собранием не утверждена⁶⁰.

А.П. Сумароков отвергает ломоносовское правило писать в муж. р. ед. ч. *сией*, *хорошей*, *Василей*, *добрый*, *знатной* и др.; осуждает употребление *и* вм. *И* в иноязычных словах (*история*) и предлагает «принять в основание легкое правило» в написании существительных на шипящий: в муж. р. писать *Ъ* (*ножь*, *мечь* и др.), а в жен. роде – *Ь* (*ложь*, *вещь*) и др.⁶¹

Еще один упрек автору «Российской грамматики» – обвинение в подражании чужестранным образцам в пунктуации: «Ломоносов точку с запятой почитает за мое двоеточие, что у многих хороших чужестранных авторов есть»⁶². Все недостатки ломоносовской орфографии автор статей объясняет тем, что «г. Ломоносов родом не Москвитянин, так его произношение московское часто обманывало и претворял он ради того литеру *и* в литеру *Е*, что у москвитян в окончаниях литеры *и*... в *Е* претворяется, как еще больше литеры *О* в литеру *А*»⁶³.

Но не все отвергает А. Сумароков в орфографии автора «Российской грамматики». Вслед за Ломоносовым Сумароков не принимал «для русской

⁵⁶ Сумароков А.П. Примечание о правописании. С. 49–50.

⁵⁷ Сумароков А.П. О правописании. С. 24.

⁵⁸ Сумароков А.П. Примечание о правописании. С. 44.

⁵⁹ Сумароков А.П. О правописании. С. 13, 14.

⁶⁰ Сумароков А.П. О правописании. С. 37; Примечание о правописании. С. 38.

⁶¹ Сумароков А.П. О правописании. С. 17–19.

⁶² Сумароков А.П. Примечание о правописании. С. 47.

⁶³ Сумароков А.П. О правописании. С. 7.

грамоты» буквосочетание *ѣѡ* для обозначения острых (= мягких) согласных: «*ѣѡ* может изображаться литерами *Ъ* и *Ѧ*»⁶⁴; не видел необходимости («противнейшая мне и Ломоносову», «она недостойна, чтобы о ней говорить») для русской азбуки в букве *Ѧ*⁶⁵.

А.П. Сумароков не принимает многого в орфографической теории и практике В. Тредиаковского, который «в молодости своей старался наше правописание испортить простонародным наречием», а в зрелые годы – «глубокою и еще учиненною самим собою глубочайшей славенщиною... в то время как «кистина никакия крайностям не причастна»⁶⁶.

Поскольку вопрос о «лишних» буквах в то уже время обсуждался очень широко, то А.П. Сумароков занимает в нем совершенно независимую позицию, которая в некоторых случаях совпадает, в других же совсем далека от позиции современников. Его требование «не превращать литеру *И* в *ѣ*», которая «нашему языку не свойственна», направлено против Ломоносова⁶⁷.

Рассуждая о русской азбуке, он указывает основные случаи употребления буквы *Ѣ*, которая (он убежден) необходима. Замена ее литерой *Е* происходит «от незнающих правописание»: «подъячие различие между *Ѣ* и *Е* почитают ни за что или за род педантства от невежества», но то же невежество он отмечает и «между благородными людьми»⁶⁸. Сожалеет о невинно изверженной из азбуки букве *Ѧ* (ижика): она не надобна «когда как *И* выговаривается», но необходима, когда «как краткое *У* произносится»: *Аврора*⁶⁹. Автор указывает и причину ее извержения – «от короткого рассмотрения, чего ради ввести ее непременно надлежит»⁷⁰.

В литерах *Ѣ* и *Ѧ* в российском языке тоже нет надобности: «они введены только ради чужих слов». Хотя буквы эти «между собою чувствительную разность имеют»⁷¹, они не надобны обе, и он выражает большое недоумение, почему требуется исключение только одной из них – буквы *Ѧ*⁷². Напрасно, считает он, исключили литеру *Ѣ*, потому что она нужна «ради собственных имен»⁷³. Он утверждает права буквы *Ѣ*, «которая *СЧ* изображает», и следует этому в практике своего письма⁷⁴.

⁶⁴ Сумароков А.П. О правописании. С. 8.

⁶⁵ Сумароков А.П. Примечание о правописании. С. 44.

⁶⁶ Сумароков А.П. О правописании. С. 15.

⁶⁷ Сумароков А.П. К типографским наборщикам. С. 309; Сумароков А.П. О правописании. С. 15, 26.

⁶⁸ Сумароков А.П. О правописании. С. 31.

⁶⁹ Сумароков А.П. Наставление ученикам [1771–1773] // Полн. собр. соч.: В 10 т. 2-е изд. Т. 10. М., 1787. С. 48.

⁷⁰ Сумароков А.П. О правописании. С. 9.

⁷¹ Там же. С. 30.

⁷² Сумароков А.П. Примечание о правописании. С. 39; Наставление ученикам. С. 48.

⁷³ Сумароков А.П. Примечание о правописании. С. 38.

⁷⁴ Сумароков А.П. О правописании. С. 10.

В своих орфографических рассуждениях он восстает против излишества прописных букв в начале слова («великостью литер и немцев перещеголяли», в чем «кроме безобразия ничего нет»), касается правил переноса слов и снова предостерегает пишущих от порока следовать в написании чужестранному примеру: «надобно резать по окончательных гласных (*ра-зум*), а не по-немецки (*раз-ум*)»⁷⁵ и не злоупотреблять прописными буквами, ибо немцы наш язык «совсем на свой салтык переверотили»⁷⁶.

Несмотря на то, что Сумароков, как и все представители его времени, был непоследователен в правописании, он все-таки оставил свой след:

в написании окончания *-ій* в ед. ч. имен прилагательных (*хороший* и др.);

в орфографическом разграничении существительных муж. и жен. рода с шипящим на конце (*ножь*, но *ложь*);

в орфографии отдельных слов – *январь* вм. *генаварь*, *февраль* вм. *феврарь*, *прорубь* вм. *пролубь* и др.

Другие же его написания остались приметой его индивидуальной орфографической нормы, утратились или исключены реформой (например, его требование писать в прилагательных окончание *-аго* вм. *-ого*).

В своих орфографических статьях А.П. Сумароков выступает категорически против «новомодного» правописания. Характеризуя практику русского письма, он отмечает, что «писцы потеряли все меры и пишут не только не стыдяся, но ниже озираяся: и дерзновение невежества все превзошло меры»⁷⁷. В связи с этим он призывает пишущих «почитать правописание и грамматику», «в правописании следовать до грамматики»⁷⁸. И как бы ни был он в свое время враждебно настроен к Ломоносову, но, отмечая «скарредство в писании» (*возток*, *източник*), теперь взывает именно к своему покойному противнику: «не было бы у меня с тобой распрей, ежели бы в твоё время столько не ввали на Руси» и «...что бы ты сказал, когда бы ты по смерти своей сим кривописанием увидел напечатанные твои сочинения» – так пишут, что «им бы и стесидиться надлежало, а они просвещенных людей не стыдятся»⁷⁹.

Свои орфографические «соображения» Сумароков сверяет с «соображениями» авторитетных в то время авторов неизвестных орфографических руководств Мотолы и Козицкого. К последнему, в частности, взывал Сумароков «для противодействия искажению письма»⁸⁰.

⁷⁵ Сумароков А.П. Примечание о правописании. С. 50; Сумароков, 1787 г. С. 50; 1787 г. С. 41].

⁷⁶ Сумароков А.П. Примечание о правописании. С. 50.

⁷⁷ Сумароков А.П. О правописании. С. 26.

⁷⁸ Сумароков А.П. К типографским наборщикам. С. 315.

⁷⁹ Сумароков А.П. О правописании. С. 25.

⁸⁰ Грот Я.К. [1873] Филологические разыскания. Т. 1. 3-е изд., с доп. и перем. СПб., 1885. 612 с. С. 234.

Русское правописание в работах А. Сумарокова предстает как социально обусловленное явление. Он отмечает как нечто особенное в культурной жизни России правописную манеру женщин, которые «по большей части никакого правописания не наблюдают и пишут как ни попало»: отражают «прекрасное произношение московское» – акающий говор Москвы⁸¹.

Истинная забота А.П. Сумарокова о русском языке и его письменном воплощении выражается с сожалением об отсутствии в России ученого общества по охране языка и об отсутствии достойно установленного изучения родного языка и его правописания в школах: «нигде о том исправно не писано»⁸². «Но чем пособить, – с сожалением писал он, – когда Россия никакого не имеет собрания, пекущегося о языке и словесных науках: да и в школах ни Российскому правописанию, ни грамматике не учат. Это удивительно и достойно великого примечания»⁸³.

Орфографическое наследие М. В. Ломоносова в XVIII в.

«...положить правила, на российской грамматике, на лучшем и рассудительном употреблении новороссийского языка основанные»

Орфографические взгляды М.В. Ломоносова были взяты за основу составителями учебных грамматик второй половины XVIII столетия, составной частью которых по-прежнему оставалось правописание, и обучение русской орфографии проводилось вместе с обучением грамматике. «Российская грамматика» Ломоносова послужила образцом для последующих грамматик, каждая из которых стала откликом на запросы времени:

1. «Азбука церковная и гражданская с краткими примечаниями о правописании» А.А. Барсова (СПб., 1768);

2. «Российская универсальная грамматика, или Всеобщее писмословие, предлагающее легчайший способ основательного учения русскому языку с семью присовокуплениями разных учебных и полезноразвлекательных вещей» Н.Г. Курганова (СПб., 1769), впоследствии опубликованная как «Книга писмовник, а в ней наука российского языка с семью присовокуплениями разных учебных и полезноразвлекательных вещей» и выдержавшая 6 изданий;

3. «Краткая российская грамматика, изданная для народных училищ Российской империи по величайшему повинновению царствующая императрицы Екатерины Втория» Е.Б. Сырейщикова (СПб., 1787);

⁸¹ Сумароков А.П. О правописании. С. 31.

⁸² Там же. С. 37.

⁸³ Там же.

4. «Начальные основания российской грамматики» В.П. Соколова (СПб., 1787);

5. «Краткие правила к изучению языка российского» В.П. Светова, изданные после смерти автора (1790 г.);

6. «Краткие правила российской грамматики, собранные из разных российских грамматик в пользу обучающегося юношества в гимназиях Императорского Московского университета» (М., 1773), также утверждавшая ломоносовский путь русского правописания, бездоказательно приписывалась Барсову, но по другим данным автором ее был учитель российской грамматики Московской университетской гимназии В.Ф. Романов⁸⁴.

7. Грамматика, руководствующая к познанию словено-российского языка архимандрита Апполоса, ориентированная на «Краткие правила» Барсова, особенно в разделе о правописании. Печатана в типографии Киево-Печерской Лавры (1794)⁸⁵.

В 1773 г. Комиссией по народным училищам (в ней участвовали образованнейшие люди екатерининской эпохи) Вас. Прок. Светову, переводчику при Академии наук и автору известных в то время переводов, было поручено составить такое руководство для преподавателей русского языка, которое считалось бы образцовым.

«Опыт нового российского правописания, утвержденный на правилах российской грамматики и на лучших примерах российских писателей» (СПб., 1773) – так была названа работа, представляющая систематическое изложение правил нового русского (не церковно-славянского) правописания, которую можно назвать кратким сводом правил русского правописания второй половины XVIII столетия.

Поводом к созданию работы В.П. Светова стала отмечавшаяся многими причина – колебания в русском правописании, которое «подвержено многим изъятиям, великим несогласиям, сомнениям и трудностям, так что каждый почти писатель или переводчик отличен чем-нибудь в правописании от другого», что происходит «или от незнания грамматических правил, или от своенравия и упрямства»⁸⁶.

О причинах, вызвавших необходимость создания опыта правописания, сам автор сообщает в предисловии так: «Мое намерение состоит единственно в том, чтобы несогласующихся содружить, неосновательные и странные безобразия исправить или и совсем из письма истребить» и «положить правила на российской грамматике, на лучшем и рассудительном употреблении

⁸⁴ Сводный каталог русской книги XVIII в. (1725–1800). Т. 2. М., 1961. С. 80.

⁸⁵ Сухомлинов М.И. История Российской Академии. СПб., 1874. Вып. 2. С. 222, 235.

⁸⁶ [Светов В.П.] [1773] Опыт нового российского правописания, утвержденный на правилах российской грамматики и на лучших примерах российских писателей. Вторым типением. СПб., 1779. С. 7.

новороссийского языка основанные»⁸⁷. То есть выход из создавшегося орфографического хаоса ему виделся в установлении разумных и неизменных правил, «чтобы опыт сей принес некоторую пользу обучающемуся по школам юношеству»⁸⁸.

Орфографический труд В.П. Светова не представлял собой полного свода правил правописания русского, но лишь «множество разных речений сомнительного и трудного правописания» с указанием причин, «для чего их так писать надлежит»⁸⁹.

Работая над «Опытом», автор следовал теоретическим установкам «Российской грамматики» М.В. Ломоносова, создавая «среднее между старинным и нынешним правописанием, которое от прежнего, в I половине XVIII в. в употреблении бывшего, знатную отмену имеет»⁹⁰. В определении самого правописания В.П. Светов также ориентируется на М. Ломоносова. Он подчеркивает, что правописание не должно «отойти далече от чистого и обыкновенного выговора» и не чересчур выявлять «следы произвождения и сложения речений». Кроме того, правописание российское «имеет основание свое отчасти на грамматике и на лучших примерах писателей»⁹¹. Иными словами, автор «Опыта» выбирает вслед за Ломоносовым компромисс между фонетическим и словопроизводственным началом, не исключая уже в основных чертах сложившегося орфографического обычая.

В русской азбуке В.П. Светова 33 буквы. Его «проломосовская» ориентация, однако, не лишает его взгляд на правописание определенной самостоятельности. Вопреки Ломоносову, он видит необходимость в русской азбуке букв *і, ѣ, ѳ*, но выступает, как и Ломоносов, против лигатуры *ѣд*, рекомендуя вместо нее писать всегда букву *Е*. Заодно с Тредиаковским, Ломоносовым, Сумароковым отвергает как лишнюю букву *Э*, которая, однако, сохранилась в русском алфавите.

Характеризуя российское правописание, он с упреком указывает на старинные документы русские, которые «ни по каким правилам, но по произволению каждого писца» писаны⁹², и жалеет о том, что на языке русском нет еще «исправного и полного словаря, где бы можно было о правописании слов справляться»⁹³. В рассуждении об орфографии окончаний прилагательных он «уклоняется от своего классического образца», грамматики Ломоносова, и разделяет точку зрения А.П. Сумарокова: «оканчивать» прилагательные всех трёх родов во множественном числе одинаково.

⁸⁷ Светов В.П. Опыт нового русского правописания... С. 3.

⁸⁸ Там же. С. 6.

⁸⁹ Там же. С. 4.

⁹⁰ Там же.

⁹¹ Там же. С. 7.

⁹² Там же.

⁹³ Там же. С. 12.

Заключенные в первой работе орфографические утверждения В.П. Светова принимают в более поздней работе, изданной уже после смерти автора, — «Краткие правила по изучению языка российского, с присовокуплением кратких правил российской поэзии, или науки писать стихи, собранные из новейших писаний в пользу обучающегося юношества Василием Световым» (М., 1790. — Ч. 1. () правописании. — С. 10–28).

Орфографический опыт В.П. Светова не представлял собой нечто новое и оценках русской орфографии и установлении ее правил, но, без сомнения, он содействовал утверждению определенного М. Ломоносовым орфографического пути. В оценках его деятельности, высказанных А. Барсовым, который был призван императрицей продолжать начатое В. Световым дело составления русской грамматики, «слышится обычная для XVIII столетия неприязнь между писателями, избравшими одинаковые предметы для своих знаний»: он «не щадит своего предшественника, отнимая у его труда всякое значение»⁹⁴. Однако орфографический труд В. Светова был высоко оценен последующей эпохой: наряду с грамматикой М.В. Ломоносова, «опыт» В. Светова был положен в основу правописания Академии российской, «блестительницы чистоты и правильности отечественного языка», а Я.К. Грот обнаруживал в нем «редкое для того времени понимание законов языка» и считал, что имя «этого почтенного труженика» не может быть забыто «в истории русского слова»⁹⁵.

Из числа грамматических последователей М. Ломоносова несомненного внимания заслуживает «Российская грамматика» А. Барсова, которую М.И. Сухомлинов определил как одно из выдающихся произведений XVIII столетия: «обширный труд, занимающий почетное место в истории нашей научной литературы»⁹⁶. Созданная по поручению Академии наук, грамматика не была принята «за некоторые новизны в правилах» вообще и «необыкновенных правил» в правописании⁹⁷, но изложенная в ней концепция не была сокрыта от времени.

Как сообщает М.И. Сухомлинов, автор «Российской грамматики» отмечал доминирующий в практике письменной речи принцип «удотребления», вследствие которого «вставляются и выпускаются буквы, одни из них заменяются другими»: *вм. сруб, поручик, высший, низший, прорубь*, пишут *струб, порутчик, вышший, нижший, пролубь* и др. Указывал основные «погрешности против правописания» (*шлюбок* *вм. шлюпок, крушка* *вм. кружка, скрип* *вм. скрип болън* *вм. болен* и др.) и определял их причины:

⁹⁴ Сухомлинов М.И. История Российской Академии. СПб., 1878. Вып. 4. С. 249.

⁹⁵ Грот Я.К. [1873] Филологические разыскания. Т. 1. 3-е изд., с доп. и перем. СПб., 1885. С. 231.

⁹⁶ Сухомлинов М.И. Указ. соч. С. 298. Историю создания грамматики А. Барсова см.: Сухомлинов. Указ. соч. С. 248–298; «Российская грамматика» А. Барсова / Под ред. и с пред. Б.А. Успенского. М., 1881.

⁹⁷ Там же. С. 270.

- а) от незнания грамматики или ненаблюдения прямых ее правил;
- б) от излишнего умствования и старания, чтобы показаться более знающим, чем более отступлено будет от общего употребления;
- в) от безрассудной склонности к новостям и потому от самоположения себе мнимых правил;
- г) от излишнего прилежания к произведению слов и от привычки к не исправному выговору и ненаблюдения употребительной разности между обыкновенным выговором согласных твердых в мягкие и обратно;
- д) от самого опасения, чтоб не погрешить, и потому от избрания предпочтительно чего-нибудь такого, что незнающим может показаться правильнее, например, подставляя нектаги Ъ вм. Е, Ѳ вм. Ф»⁹⁸.

«Российская грамматика» А. Барсова определяется однозначно как наследница «Российской грамматики» М.В. Ломоносова. Однако не следует думать, что это «наследование» было безрассудным. Будучи учеником В. Третьяковского, А. Барсов в некоторых случаях следовал его орфографическим установкам. Вопреки изложенным азбучным построениям М.В. Ломоносова, в «Российской грамматике» А.А. Барсова (1783–1788), которая, по мнению Б.А. Успенского, представляет наиболее полное описание русского языка XVIII столетия, русской азбуке были возвращены, за исключением букв Й и V, отвергнутые М.В. Ломоносовым буквы Щ и Ѳ⁹⁹. Впрочем, в самом тексте грамматики автор тоже говорит об излишестве букв, которые «голоса своего собою не выражают», то есть таких, «которые две один и самый тот же голос изображают в российском языке» (Ъ, Е, И, I, V, Ф и Ѳ, а также «связная» буква Щ). С другой стороны, он видит явный недостаток букв – «одною буквою Г приуждены мы означать два разные голоса»¹⁰⁰.

Его представления о принципах орфографии соответствуют представлениям Ломоносова. Главный из них заключается в том, что «буквы коренных слов и простых, тако ж и начал по большей части удерживаются в производных или измененных также и в сложных словах, если не препятствуют тому другие правила... Понеже корень *въкъ* имеет в себе букву Ъ, то и все происходящие от него слова... оную удерживают, как то *въковой, превъчный, предвъчный, извъчный, увъчный* и др.»¹⁰¹

Орфографическое наследие М.В. Ломоносова, представленное грамматиками и другими орфографическими трудами, проявилось в утверждении как ведущего не звукового («вольность выговора» В. Третьяковского), а «словопроизводственного» принципа письма и принципа соответствия орфографий

⁹⁸ Сухомлинов М.И. История Российской Академии. С. 282–283.

⁹⁹ «Российская грамматика» А. Барсова / Под ред. и с пред. Б.А. Успенского. М., 1881. С. 3–4.

¹⁰⁰ Там же. С. 42–43.

¹⁰¹ Там же. С. 83.

жиному языку при значительном сохранении установившейся письменной традиции.

Орфографический вклад Н.М. Карамзина

«...ему должно быть приписано установление ... правописания русского»

В числе тех деятелей русской культуры и просвещения, кто своей литературной деятельностью способствовал успешному закреплению общенациональных норм русской письменной речи, нельзя не назвать великое имя Н.М. Карамзина, известного в истории русской орфографии в первую очередь употреблением вместо лигатурного знака *ѳ* в альманахе «Аониды» (1797 г.) буквы *Ѳ*, которая долго оставалась за пределами русского алфавита и включена в состав его только в 1956 г. сводом «Правила русской орфографии и пунктуации». Однако кроме этого, Н. Карамзин внес гораздо больший вклад в становление и утверждение норм письменной речи русского языка на национальной основе. По мнению акад. Грота, например, изданием в 1791 г. «Московского журнала» Н. Карамзин составил целую эпоху «в успехах русского правописания» и уже тогда писал так (вопреки и традиции и многим сложившимся регламентациям), как станут писать будущие поколения¹⁰².

Свою тревогу о русском правописании и орфографической грамотности русского общества Н. Карамзин изложил в «Записке о древней и новой России», которая в 1811 г. была подана Императору Александру Павловичу. Характеризуя российское просвещение в целом, он писал, что «с величайшим трудом можно найти учителя для языка русского, а в целом государстве едва ли найдется человек сто, которые совершенно знают правописание»¹⁰³.

Н. Карамзин не оставил теоретического наследия, но орфография его изданий выражает серьезную причастность его к русскому орфографическому пути.

Изучение орфографических особенностей текстов Н.М. Карамзина свидетельствует об эволюции его орфографических навыков: ранний Карамзин орфографически отличается от позднего. Орфография его ранних произведений характеризуется последовательностью и в достаточной степени близка к орфографии начала XX в. Орфография «Истории Государства Российского» также отличается «строгой последовательностью и тщательностью, но имеет книжный характер»¹⁰⁴.

¹⁰² Грот Я.К. [1873] Филологические разыскания. Т. 2. 3-е изд., с доп. и перем. СПб., 1885. С. 254.

¹⁰³ Карамзин Н.М. [1811] Записка о древней и новой России. М., 1991. С. 67.

¹⁰⁴ Чернышев В.И. Из истории русского правописания // Изв. АН ОРЯС. СПб., 1906. Т. XI. Кн. 4. С. 17.

Орфография текстов Н. Карамзина позволяет выделить характерные особенности его правописания (преобладающие этимологические написания наряду с «написаниями по произношению») и определить некоторые его бесспорные достоинства:

- а) для него характерны последовательность и простота;
- б) оно не порывает решительно с традицией русского письма;
- в) оно в значительной степени соответствует живому произношению.

Именно на эти особенности орфографии Н. Карамзина указали и Я. Грот, и Н.В. Чернышев.

Г.О. Винокур в текстах Н. Карамзина и представителей его школы отмечает множественные «орфографические разноречия фонетического и морфологического содержания» XVIII века, когда «стали особенно терять силу былые искусственные стилистические осмысления и сливаться в единые правила общеупотребительной русской речи»¹⁰⁵. Не оправданную временем черту правописания Карамзина (обилие заглавных букв) отмечал Я.К. Грот¹⁰⁶. Но, несмотря на противоречивость орфографических проявлений Н. Карамзина, которые являются отражением общего состояния русского литературного языка его времени (свободное столкновение книжной и народной языковых стихий), Карамзина (вслед за Ломоносовым) считают «установителем русской орфографии»¹⁰⁷.

Орфографический вклад Н. Карамзина не остался незамеченным. Он получил высокую оценку в работах, отражающих орфографическую ситуацию XVIII столетия. «Всегдашнюю свою заботу о чистоте и правильности языка, — писал Я.К. Грот, — Карамзин распространял и на орфографию: отдавал себе строгий отчет в употреблении не только каждого слова, но и каждой буквы, не устраняя из своего письма ни одной. Таким образом, ему должно быть приписано установление не только литературного языка, но и правописания русского»¹⁰⁸.

Н.М. Карамзина не без основания называют предшественником «Словаря Академии Российской» (В 6-ти т. СПб., 1789–1794), в составлении которого принимали участие такие выдающиеся ученые и писатели XVIII столетия, как Д.И. Фонвизин, Г.Р. Державин, И.Н. Бахтин, И.И. Лепехин, С.Я. Разумовский, Н.Я. Озерецковский. Словарь стал итогом стремления XVIII столетия к устойчивости в правописании и был положен в основу «Словаря Академии Россий-

¹⁰⁵ Винокур Г.О. К истории нормирования русского письменного языка в конце XVIII века (Словарь Академии Российской, 1789–1794) // Избр. работы по русскому языку. М., 1959. С. 188.

¹⁰⁶ Грот Я.К. [1873] Филологические разыскания. Т. 2. 3-е изд., с доп. и перем. СПб., 1885. С. 246.

¹⁰⁷ Чернышев В.И. Указ. соч. С. 15.

¹⁰⁸ Грот Я.К. Указ. соч. С. 245.

ской по азбучному порядку расположенного» (Ч. 1–6. СПб., 1806–1822). Хотя русское правописание не было первозадачей словаря, но, помимо своего прямого назначения быть толковым, в период общей неустойчивости норм языка вообще и орфографических в частности он служил авторитетным орфографическим руководством.

Н.М. Карамзин и писатели его школы внесли свой вклад в процесс упорядочения русского правописания без всякой руководящей идеи или сознательности, установив в некоторых случаях этимологическое письмо (*счастье*) или фонетическое (*если*), но именно проза представителей «нового слога» стала «образцом письменного языка», а принятая ими орфографическая «норма» — образцом в составлении грамматик. Например, грамматики Н. Греча, которая в течение десятилетий имела законодательную силу¹⁰⁹.

Орфографические итоги XVIII столетия

«... к точному определению правил правописания»

Орфографическое состояние русского языка XVIII столетия включает в себе много сложного и противоречивого: противостоят два орфографических начала — церковнокнижная письменность и русская живая речь — и за эталон принимается «употребление» выдающихся писателей. В предисловии к словарю Академии Российской авторы его заявляли: «Хотя российское правописание в кратких содержится правилах, однако много в оном зависит от употребления. Часто мешают А с Я, З употребляют вместо С и С вместо З и проч., то Академия почла за нужное следовать в Словаре своем правописанию книг церковных, пока сей же самый труд откроет ей довольные способы к утверждению единожды навсегда правил правописания»¹¹⁰.

Помимо этого происходит процесс постепенного создания теории правописания и правил орфографии. Хотя орфографические размышления авторов XVIII столетия, при всей их гениальности, чаще всего основывались на интуиции, поскольку теория языка и орфографии была в самом зачаточном состоянии, и не выходили иногда в оценках фактов языка и правописания за рамки вкусового субъективизма («такие нововведения и смешны и жалки», «пристойнее», «лутче», «надлежит», «что этого смешнее» и под.), но тем не менее их труды способствовали становлению орфографической нормализации.

¹⁰⁹ Грот Я.К. Филологические разыскания. Т. 1. 3-е изд., с доп. и перем. СПб., 1885. С. 6.

¹¹⁰ Словарь Академии Российской. СПб.: При Имп. Акад. наук, 1789–1794. Ч. 1–6. С. XIII.

Несмотря на то, что писатели XVIII столетия чаще всего передавали на письме своё произношение и не были слишком тщательны в вопросах орфографии, несомненным завоеванием века можно считать установление словопроизводственного (т. е. морфологического) принципа, утверждение важнейших правил правописания. При этом орфографическим эталоном по-прежнему оставался орфографический узус писателей и немногочисленные словари, руководства и грамматики. Продолжается ориентация на традицию, и, как будет отмечено впоследствии К.С. Аксаковым, правописание русского языка в XVIII столетии подвергалось «мертвящему действию чуждой готовой грамматики, не вытекшей из его начал, а насильственно на него наложенной», а составители Российской грамматики в первую очередь думали о «готовых формулах иностранных грамматик», о заданных рамках, в которые следовало «втискивать» и язык, и его правописание¹¹¹.

Русский язык не был «не только предметом школьного изучения, но и во многих случаях не являлся средством общения учителя с учащимися при изучении некоторых предметов»¹¹², и это оставалось одним из главных препятствий к распространению правильного и единообразного письма.

В учебных заведениях XVIII столетия для изучения родного языка постепенно создавались определенные предпосылки, и важным событием, способствующим утверждению мысли о необходимости орфографической кодификации, стал Указ 1789 г. о введении русского языка как предмета школьного преподавания¹¹³.

Кроме того, по данным М.И. Сухомлинова, деятельность Российской Академии наук в значительной степени была ориентирована на создание орфографических регламентаций, а члены Академии протоиерей Красовский и иерей Сидоровский с 1784 г. были заняты подготовкой «Словопроизводственного словаря»¹¹⁴. По поручению Российской Академии иерей Сидоровский работал над составлением русской грамматики, которая впоследствии была положена в основу Грамматики Аполлоса¹¹⁵. По поручению Е.Р. Дашковой Российская Академия приступила «к точному определению правил правописания». Труд этот приняли на себя члены Российской Академии священники Покорский и Григорьев¹¹⁶.

¹¹¹ Аксаков К.С. Несколько слов о нашем правописании [1846] // Полн. собр. соч.: В 3-х т. Т. 2. Ч. 1. Соч. филол. М., 1875. С. 391.

¹¹² Лапатухин М.С. Из истории преподавания русского языка в средних учебных заведениях России. Ч. I. // Уч. зап. Калнин. пединститута. Т. 34. Калинин, 1963. С. 16.

¹¹³ Баранов М.Т. Русский язык в школе: к 210-летию включения в учебные планы // Рус. яз. в шк. 1996. № 4. С. 59–65.

¹¹⁴ Сухомлинов М.И. История Российской Академии. СПб., 1874. Вып. 2. С. 267–268.

¹¹⁵ Сухомлинов М.И. История Российской Академии. С. 274.

¹¹⁶ Там же. С. 276.

II. Теория и практика русской орфографии XIX столетия

При всем разнообразии орфографических взглядов программ XVIII столетия русская орфография «становилась ломоносовской в своих принципиальных основах»¹¹⁷; «орфографическая мысль развивалась по ломоносовскому пути»¹¹⁸. Ставшие доминирующими уже в орфографическом сознании XVIII века морфологические начала русского правописания в XIX веке продолжают развиваться «с заметными уступками» традиционному и фонетическому основаниям¹¹⁹.

Орфографическая ситуация в доготовский период

«Трудно найти что-нибудь неопределенное русского правописания»

Орфографическая нормализация XIX в. проявилась в том, что благодаря орфографическим трудам XVIII столетия Российской Академией была издана «Российская грамматика» (1802, 1809, 1819). Утверждением словопроизводственного принципа правописания и аргументированной регламентацией правописания частей речи она стала итогом всей орфографической деятельности XVIII столетия. Кроме того, орфографическую кодификацию представляли и другие работы:

Словарь Академии Российской, переработанный и изданный с расположением слов в алфавитном порядке. Ч. 1–6. (СПб., 1806–1822).

Словарь российской орфографии С. Руссова. (М., 1813).

Российское правописание, с примечаниями из лучших сочинителей. (М., 1815).

Деминский Я. Российское правописание для обучения юношества. (СПб., 1816).

Общий церковнославяно-русский словарь П.С. Соколова, предназначенный «для введения в употребление по училищам Российской империи» и

¹¹⁷ Осипов Б.И. История русской орфографии и пунктуации. Новосибирск, 1992. С. 140.

¹¹⁸ Обзор предложений по усовершенствованию русской орфографии (XVIII–XIX вв.). М., 1965. С. 15.

¹¹⁹ Осипов Б.И. Указ. соч. С. 155.

включающий множество орфографических вариантов и вообще необоснованных написаний». (СПб., 1834).

Словарь церковнославянского и русского языка, составленный вторым отделением Академии наук и также включавший вариативные и противоречивые написания. (СПб., 1847).

В.Г. Белинский-рецензент не обходит вниманием и существовавшие тогда грамматики, составной частью которых всегда была орфография. Если взять только рецензии одного тома из полного собрания сочинений под редакцией и с примечаниями С.А. Венгерова (СПб., 1904), то можно обнаружить несколько грамматик:

1. Новая российская грамматика в вопросах и ответах, приспособленная к понятиям юношества. С присовокуплением правил поэзии. 14-е изд., испр. и умнож. М., 1838. 112 с. (Т. VII. С. 63).

2. Русская грамматика, составленная А. Ивановым. 3-е изд., исправл. и доп. Книга сия одобрена Советом Имп. Училища правоведения и принята за руководство к преподаванию в этом заведении. СПб., 1842. 107 с. (Т. VII. С. 133).

3. Российская грамматика. С присовокуплением пиитических правил, изданная для обучения юношества Яковом Пожарским. СПб., 1832. 67 с. (Т. VII. С. 264–265).

4. Русская грамматика для русских Виктора Половцева (старшего). Напечатанная по высочайшему соизволению. 6-е изд., испр. СПб., 1843. 152 с. (Т. VII. С. 273–275).

5. Русская грамматика для первоначального обучения. (Для русских). В пользу воспитанников Земледельческой школы. М., 1839. 101 с. (Т. VII. С. 388–389).

6. Русская азбука, составленная по грамматикам Н. Греча и А. Востокова. С присовокуплением сокращения русской грамматики, правил чистописания и каллиграфических чертежей. СПб., 1841. 94 с. (Т. VII. С. 498–499).

В оценках этих грамматических работ (или других, которые в XIX в., по словам В. Белинского, «считали дюжинами»), созданных в разное время, он отмечает их общую несостоятельность и, в частности, «довольно сносные компиляции» (2), или видит «воскрешение» неудачного опыта какой-то предшествующей грамматики» (3), или род «безобразнейшей компиляции», составленной «из убогих начал двух чужих грамматик» (Н. Греча и А. Востокова), «совершенно противоположных одна другой по началам» (6). И поскольку правописание составляло часть всякой грамматики, все сказанное можно отнести и к правописанию.

Возникший в XVIII в. орфографический разнобой не только не устранялся регламентациями грамматик и словарей, но, напротив, во многих слу-

чая орфографические разделы грамматик и словари служили его причиной. Это по-прежнему давало повод для многочисленных выступлений за упорядочение. С другой стороны, в орфографической анархии «младенчествуя» русского языка виделась неизбежность, необходимость и благотворность¹²⁰.

Характеризуя в целом орфографическую ситуацию начала века, можно сказать, что орфографическое движение XIX века, приняв реформаторскую программу века предшествующего, неуклонно продолжало развиваться в том же русле, в полемике орфографических реформаторов и сторонников сохранения орфографического обычая. В этой полемике отмечались непременно многие недостатки русского правописания: отсутствие единой нормы и стремление к ней; отсутствие единства в установлении принципа и непоследовательность в проведении каждого из них.

В орфографическом движении XIX столетия можно выделить два периода: период до выхода в свет орфографического руководства академика Д.К. Грога и период, связанный с оценками и воплощением в практику русского правописания его орфографических регламентаций.

При отсутствии единого и надежного орфографического руководства по-прежнему господствовали разнобой и неупорядоченность, и это отчетливо соизмерялось на протяжении почти всего столетия.

1. Журнал «Отечественные записки» 1939 г. в разделе «Современная библиографическая хроника» в числе прочих книг, изданных в течение второй половины августа и первой половины сентября, представляет новую работу «Правильное русское правописание» (сост. Ф. К. СПб., 1839. 46 с.) и выражает величайшее сожаление по поводу неупорядоченности русской орфографии: «Трудно найти что-нибудь неопределеннее русского правописания: это какой-то хаос, в который никто еще надлежащим образом не потрудился внести порядок и стройность системы. Начиная от правописания целых слов, где иногда одно слово пишется на несколько манер (отдельно, когда бы должно писаться слитно с другим словом, и слитно, когда бы должно писаться отдельно) до писания букв, до несчастной буквы ъ, даже до прописных и строчных букв»¹²¹.

Редакция журнала призывала общество «позаботиться о приведении русского правописания в строгую систему, основанную на свойствах языка, а не на том, что “мне так нравится” или “это так предписано в моей грамматике”»¹²².

¹²⁰ Белинский В.Г. [Рец.] Грамматика языка русского. Ч. 1. Познание слов. Соч. Каменского (Ивана Федоровича). М., 1834. 102 с. // Полн. собр. соч.: В 10 т. Т. I. М., 1957. С. 123.

¹²¹ Современная библиографическая хроника // Отеч. записки. 1939. Т. 5. № 9. С. 155.

¹²² Там же. С. 156.

Давая отрицательную оценку рецензируемой работе, в которой излагалось «повторенное тысячу раз прежде», журнал выступал против орфографического диктаторства без достаточных научных оснований и выражал надежду на будущее решение орфографического вопроса «соединенными усилиями»: «пока грамматика нашего языка бродит во тьме, пока не выяснены у нас в подробностях и не приведены в систему правила языка, пока эта система не признана еще всеми (это можно ожидать только как плода соединенных усилий целого ученого общества, академии, а не частного лица), до тех пор всякий может поступать относительно правописания по собственному убеждению, разумеется, более или менее истинному, более или менее ложному, но всегда заслуживающему уважения как дело совести и как лишний голос в общем деле, которое решается не иначе, как большинством голосов»¹²³.

2. В.Г. Белинский привлек общее внимание к проблемам русского правописания. «Посмотрите на одно наше правописание, или на наши правописания, потому что у нас их почти столько же, сколько книг и журналов», – писал он в статье «Несколько слов о “Современнике”»¹²⁴. Свои высказывания за упрощение русского правописания он изложил во многих работах. Так, в рецензии на работу Кирилла М. Кадинского «Упрощение русской грамматики» им сделаны конкретные предложения к преобразованию и упрощению. Он предлагал не только исключение лишних букв, но и упорядочение отдельных правил: «головоломны ложные правила, но произвол еще хуже»¹²⁵.

3. Соответствующую действительности характеристику русскому правописанию дал Н.А. Добролюбов, который считал, что при всем обилии орфографических руководств «правописание наше однако не только не двигалось вперед, но даже не устанавливалось никогда, а все колебалось и колеблется до сих пор». Такое колеблющееся состояние правописания порождало другие колебания, поскольку не представлявшие никаких орфографических убеждений люди стали издавать книги, «в которых постепенно вводили кое-что и отвергали кое-что в принятом правописании»¹²⁶.

4. Известный русский публицист, историк, лингвист и поэт славянофильской ориентации К.С. Аксаков также указывал на неупорядоченность и неоправданное разнообразие русского правописания: «В орфографическом

¹²³ Там же. С. 157.

¹²⁴ Белинский В.Г. Несколько слов о «Современнике» // Полн. собр. соч.: В 10 т. Т. II. М., 1953. С. 183.

¹²⁵ Белинский В.Г. [Рец.] Практическая русская грамматика, изданная Ник. Гречем. 2-е изд., испр. СПб., 1834. 526 с. // Полн. собр. соч.: В 10 т. Т. I. М., 1953. С. 333.

¹²⁶ Добролюбов Н.А. Заметки о современном русском правописании [1856–1857] // Собр. соч.: В 9 т. М.; Л., 1961. Т. I. С. 489.

отношении у нас пишут различно, впрочем, и нельзя упрекать за это. Правописание наше до сих пор не установлено на твердых началах, и многие его правила приняты неизвестно почему... Наш язык подвергся с нами одной участи: он попал под законы чуждой готовой грамматики, не вытекшей из его начал, а навязанной на него наложенной»¹²⁷.

К.С. Аксаков утверждал, что «письмо – вещь условная», а буква как «само начертание отдельного звука», как начертание, принадлежащее к области письма, есть тоже условный знак. Правописание, «не будучи никак произношением ... не может и не должно подражать и передавать произношение». Отличие от произношения, которое развивается свободно, «увлекаемое, управляемое случайностью», правописание должно «возводить слово к той определенности, к его твердым прочным началам (в звуке), к тем основным внутренним филологическим законам, которые лежат в нем и при произношении, выражая таким образом его организацию»¹²⁸.

5. В 1852 году издатель газеты «Ведомости Санкт-Петербургской городской полиции» Фурманн сообщал, что «не только всякий журнал, но и каждый писатель придерживается своего правописания», и предлагал исключить из русского алфавита усложняющие правописание бесполезные буквы¹²⁹.

6. В 1857 г. журнал «Экономический указатель» выступил с экономическими аргументами устранения буквы Ъ на конце слов: поскольку «отношение всех употребляемых букв к знаку Ъ равно 17, т. е. на всякие 17 букв причитается один Ъ, на всякие 17 страниц, писанных или печатных, причитается одна страница для знака Ъ, то твердый знак ежегодно стоит русскому народу // 294 150 рублей; отказавшийся от употребления знака Ъ журнал сберег бы семидесятую часть своей стоимости»¹³⁰.

Желанием упорядочить русское правописание продиктованы многие орфографические выступления, предложения, проекты XIX столетия, которые (при несомненном разнообразии) заключали в себе общее: рассуждения об избытке букв и несоответствии многих правил русского правописания реальному состоянию языка.

¹²⁷ Аксаков К.С. Несколько слов о нашем правописании // Московская литература и учебный сборник. М., 1846. С. 299.

¹²⁸ Там же. С. 300–301.

¹²⁹ Фурманн. Простые беседы // Ведомости Санкт-Петербургской городской полиции. 1852. № 213, 226.

¹³⁰ Катыковский И.И. Непродуктивность многописания // Экономический указатель. 1857. Вып. IX. С. 402.

Первые проекты усовершенствования русской азбуки: В.С. Подшивалов и К.А. Хабаров

«...и задумывался над bestолковой азбукой нашей»

Отсутствие «единого кодекса орфографических требований», продолжающийся разноречивостью и неупорядоченностью русского правописания побуждали многих к размышлениям о его усовершенствовании. Появлялось множество работ с изложением собственных «орфографических соображений» в русском языке. Авторы их в меру своей образованности и опыта излагали предложения по упрощению правописания. Наибольший интерес представляют два автора, издавшие свои орфографические размышления анонимно: В.С. Подшивалов, известный в свое время переводчик, учитель российского стиля и логики при Московском университете, и К.А. Хабаров, отставной корректор.

Прежде всего – В.С. Подшивалов, который выступил на заседании Общества любителей российской словесности при Императорском Московском университете как против букв Ъ и Э, так и против других излишеств в русском правописании. В работе 1816 г. «Чтение и письмо», равно как и в более ранней, 1796 г., работе, он писал: «С основанием предложить можно: что ФИТА как излишняя буква в нашем языке со временем так же уничтожится, как и греческие ПСИ, КСИ, ИПСИЛОН (= ИЖИЦА. – Т. Г.); что буква Ъ у нас излишняя, то многими покушениями писать без нее доказано»¹³¹ (выделено мной. – Т. Г.).

Автор считает, что «по исключению сих маловажных или ничего не значащих букв осталось бы в нашей азбуке только 27 или много 28»¹³². Обращаясь ко всем членам Общества любителей российской словесности, он уверенно заявлял, что «весьма желательно и полезно» было, если бы кто-нибудь из членов общества «принял на себя труд предложить дальнейшие замечания о грамматике нашей и слоге, если б кто философически вникнул в недостатки и излишества правил, составляющих теорию словесности нашей»: «поле сие не совсем еще очищено и возделано» – «еще многие бесплодные теории подавляют прекрасные цветы, которыми природа обогатила столь щедро российское слово»¹³³.

В 1828 г. под именем П.Л. Яковлева в Москве была издана книга с необычным названием – «Рукопись покойного Клементия Акимовича Хабарова, со-

¹³¹ Подшивалов В.С. Чтение и письмо // Труды об-ва любителей российской словесности при Имп. Московском ун-те. М., 1816. Ч. 5. С. 92, 93. (Посмертная публикация с предисловием и послесловием А. Прокоп. Антонского.)

¹³² Там же. С. 95.

¹³³ Там же. С. 112.

держащая рассуждение о русской азбуке и биографию его, им самим писанную, с присовокуплением портрета и съемка с почерка сего знаменитого мужа». На втором титульном листе этой книги есть еще одно заглавие, раскрывающее отчасти и ее содержание, и намерения ее сочинителя: «Усовершенствованная русская азбука, или средство облегчить изучение оной и способ сократить число русских букв, поясненные примерами».

В предисловии к этой книге ее хранитель, Евгений Третьяковский, сообщал, что издает работу по завещанию своего покойного друга Хабарова через 25 лет после его смерти.

Три имени, имеющие отношение к этой работе (П.Л. Яковлев, К.А. Хабаров и Е. Третьяковский), дают основание увидеть здесь мистификацию, но кто бы ни был ее автором, в ней предложены оригинальные, основанные на собственном опыте корректорской и типографской работы, не лишённые определенного смысла суждения о русской орфографии.

«Всякий раз, набирая какую-нибудь книгу, – сообщает автор в предисловии, – я думал об улучшении литературной азбуки: вместо отдыха после работы чертил формы букв или задумывался над bestолковой азбукой нашей. Сделавшись книгопродавцем и имея много свободного времени, я стал записывать свои мысли и предложения о литерах и азбуке – вышло небольшое сочинение...»¹³⁴.

В русской азбуке К.А. Хабарова (вместо 35 уже утвердившихся) было предложено 27 букв. По его проекту необходимо исключение букв *ѣ*; *Щ* (употреблять сочетание *СЧ*); *Ъ* заменить знаком «*ʹ*»; *Ь* заменить знаком «*^*» над согласными, *Ѥ*, *Ѧ*, *Ѩ*.

К устранению буквы *Ъ* (на конце слов) он предлагает свои аргументы: «хоть из экономических видов согласитесь, милостивые государи! Считите на доверие, сколько сбережется времени, бумаги, свинцу, чернил без этого бесполезного *Ъ*. А что он в окончаниях слов совершенно бесполезен, о том никто не спорит. Зачем держать туеядца?»¹³⁵.

Его рассуждения о букве *Ъ* сводятся к тому, что она, бесполезная, «как пронырливый лицемер или хлопотливый бездельник, сделалась не только нужною, но необходимой, полезной» и что «она одна может дать вам патент на звание грамотного и ученого человека – только узнайте наперед, где ее употребляют, ... а этого никто не знает...»¹³⁶.

«И будто мы обязаны писать *ФИТУ*, для того чтобы означить ею слово, происшедшее к нам из Греции. Но если мы осмелимся написать *Федор*, *Федот*,

¹³⁴ [Яковлев П.Л.] Рукопись покойного Клементия Акимовича Хабарова, содержащая рассуждение о русской азбуке и биографию его, им самим писанную, с присовокуплением портрета и съемки с почерка сего знаменитого мужа. М., 1828. С. 2.

¹³⁵ Там же. С. 39.

¹³⁶ Там же. С. 39–40.

Фивы? – задается вопросом автор. – Какое зло произойдет от того?»¹³⁷. А буква ИЖИЦА? Она уже «истреблена, ее не употребляют, но она все еще торчит в русской азбуке»¹³⁸.

«К чему затруднять доступ к благотворному источнику изъяснять свои мысли посредством знаков? – недоумевает он в своих рассуждениях о буквах русской азбуки. – Чем их менее – тем лучше; чем они проще – тем скорее они затверждаются!»¹³⁹.

В этой же работе автор представляет несколько реальных текстов разных жанров в предлагаемой им орфографии:

1. Видение Мурзы.
2. Деятельность ест[^] наше определение...
3. Глаз по своему образованию...¹⁴⁰

Обе работы (и Подшивалова, и Яковлева-Хабарова) являются свидетельством того, что русская орфография нуждалась в изменениях, и это признавали многие причастные к слову деятели русской культуры и просвещения.

Орфографическая мысль в научных и педагогических трудах

«... придумывались правила чисто условные»

Общее стремление к урегулированию вопросов русского правописания выразилось в стремлении к установлению прочных и единообразных правил. В этом урегулировании значительная роль принадлежит Н.И. Гречу, автору «пространных», «практических», «начальных», «сокращенных», «учебных» и прочих грамматик.

Орфографические взгляды Н. Греча изложены в нескольких работах:

1827 г. – «Практическая русская грамматика» и «Пространная русская грамматика», обе выдержавшие два издания.

1828 г. – «Начальные правила русской грамматики» (выдержала десять изданий. Последнее из них опубликовано под названием «Краткая русская грамматика» (СПб., 1845)).

1851 г. – «Учебная русская грамматика (для учащихся)».

1852 г. – «Начальная русская грамматика».

Орфографическую тему автор грамматик развивал и в других своих работах, опубликованных в газете «Северная пчела» в 1840-е годы: «Литературные замечания» и «Нынешняя орфография». Но на «грамматическое по-

¹³⁷ [Яковлев П.Л.] Рукопись... С. 45.

¹³⁸ Там же. С. 46.

¹³⁹ Там же. С. 41.

¹⁴⁰ Там же. С. 47–48.

Н. Греч вступает гораздо раньше, в 1811 г., своей первой неорфографической работой «Опыт о русских спряжениях», в которой автор выступил «строгим последователем» правописания Н.М. Карамзина. И во всех последующих своих работах, представляющих орфографический материал, он оставался неизменно орфографическому эталону великого историографа.

«Греч, – отмечал Я.К. Грот, – было не установлением законов языка, для чего необходимо справляться и с историей, и с природою... живую речь, а установление правил по избранным литературным образцам. Когда же образцы не давали ответа или когда между ними замечалось разногласие, придумывались правила чисто условные, основанные на механической правильности построения фразы или внешних соотношениях»¹⁴¹.

Грамматика 1827 г. стала одной из первых, хотя и далеко не самых удачных попыток сформировать и упорядочить правила русского правописания, а все последующие переиздания были повторением первого лишь с несущественными изменениями.

Грамматика определяется Н. Гречем в традициях того времени как наука, которая «учит правильно говорить и писать по-русски»¹⁴², а правописание – как «чисть грамматики, в которой излагаются правила изображать звуки голоса посредством письмен, то есть правила писать по-русски»¹⁴³. Своими рекомендациями (на письме в сомнительных случаях ориентироваться на написания отчетливые) автор продолжает традицию морфологической орфографии: *в чести* – честь; *молитва* – молит; *вдова* – вдов; *мушка* – мушек; *ложка* – ложек; *боба* – боб и др.

Тот же принцип проводится в написании слов с буквой Ъ: «Буква ЯТЬ, находящаяся в корне первообразного слова, удерживается во всех его изменениях – *свѣтъ, свѣтитъ, свѣтлый, свѣтский, свѣча* и пр.»¹⁴⁴. Список этих слов (150 словарных единиц) приводится в тексте грамматики. Однако теоретические постулаты грамматики не распространялись на все написания. Более того большинство написаний его грамматики носят произвольно-условный характер.

¹⁴¹ Грот Я.К. Филологические разыскания. Т. 2. 3-е изд., с доп. и перем. СПб., 1885. С. 250.

¹⁴² Греч Н.И. Краткая русская грамматика. СПб., 1845. Ч. 4. Правописание. С. 126–156; Греч Н.И. Учебная русская грамматика (для учащихся). СПб., 1851. Ч. 4. Правописание. С. 248–288.

¹⁴³ Греч Н.И. Краткая русская грамматика. СПб., 1845. Ч. 4. Правописание. С. 121; Греч Н.И. Учебная русская грамматика (для учащихся). СПб., 1851. Ч. 4. Правописание. С. 248.

¹⁴⁴ Греч Н.И. Учебная русская грамматика (для учащихся). СПб., 1851. Ч. 4. Правописание. С. 253.

Его рекомендации относительно отдельных букв сводятся к дифференциации на письме *И-и*, *Е-Ѣ* с особыми правилами их употребления. В правописании предлогов и приставок предложены также конкретные правила в *воз-*, *из-*, *низ-*, *раз-* перед твердыми *К, Т, П, Х, Ч, Ш* буква *З* «превращается в твердый *С*»: *исключить, расторгнуть, исчез* и др.; перед твердыми *С, Ц, Ш* «сия буква не применяется»: *изстари, развел, изципать* и др. Предлог *С* не изменяется: *сбавить, сгонят*. Автор грамматики разграничивает церковнославянские написания и собственно русские: церковнославянское *столница* и русское *столбовой, столбняк, остолбенеть*¹⁴⁵.

В заключение орфографического раздела дан еще один список – список наиболее уязвимых в орфографическом отношении слов, в которых звездочкой отмечены (хоть и немногочисленные) допустимые варианты написаний: *двенадцать – двѣнадцать, заяць – заець, итти – итти, лутче – лучше, лькарь – лекарь, мущина – мужчина, мѣлкій – мелкій*¹⁴⁶.

Орфографические рекомендации (правила) Греча излагались обычно без объяснения тех оснований, на которых они должны держаться. Заучивание правил, основанных на обычае, условно принято. Правила орфографии в учебной грамматике непременно сопровождаются текстами с единственным заданием исправить ошибки. И в списке уязвимых в орфографическом отношении слов они даются в два ряда: как пишут (ошибочно) и как должно писать. Все это способствовало не формированию единой грамотности, а упрочиванию ошибочных написаний, утверждало неупорядоченность и разноречивую орфографический произвол.

В изложении орфографического материала своих грамматик Греч не смог отойти от традиционного изложения правил, так что даже в «Учебной русской грамматике» 1851 г. учащийся получал, по выражению В. Белинского, «целый „букет“ неточного и ненужного материала». Однако тот же Белинский отмечал, что эта книга «как магазин материалов для русской грамматики есть сочинение драгоценное»¹⁴⁷.

В оценках орфографической программы Н. Греча было отмечено также, что авторитет Греча, установившего, проповедовавшего и последовательно проводившего в журналах и в книгах условно-произвольные правила, был так велик, что «правила этого рода сделались господствующими и держались неизменно... почти до 40-х годов»¹⁴⁸, но в последующем развитии языка далеко не все правила орфографических разделов грамматик Греча составили общий

¹⁴⁵ Греч Н.И. Учебная русская грамматика (для учащихся). СПб., 1851. Ч. 4. Правописание. С. 262.

¹⁴⁶ Там же. С. 286–287.

¹⁴⁷ Белинский В.Г. [Рец.] Упрощение русской грамматики. *Uproscenie ruscoi grammatichi*. Соч. К.М. Кюдинского. СПб., 1842 // Поля. собр. соч. Т. IX, М., 1955. С. 336.

¹⁴⁸ Грот Я.К. [1873] Филологические разыскания. Т. 2. 3-е изд., с доп. и перем. СПб., 1885. С. 251.

русского правописания¹⁴⁹. Но все-таки составили. Например, написание *О* после шипящих и *Ц*: «буква *О* не может следовать ни за шипящими (*Ж, Ч, Ш, Ц*), ни за язычною (*Ц*); должно писать *желтый, черный, шелкъ, щелокъ*, а не *жолтый, чорный, шолкъ, щолокъ*. В окончательных слогах буква *Е*, имея в себе ударение, может быть в сем случае заменена буквою *О*: *хорошо, щетяновъ, плечо, ужо, горячо, отцовский*»¹⁵⁰.

«Несмотря на бесчисленное множество российских и русских грамматик, русская грамматика до сих пор находится в состоянии младенчества» – так писал В.Г. Белинский в рецензии на «Русскую грамматику» А. Востокова¹⁵¹. Орфографическая программа А. Востокова именно этой грамматики, признанная В. Белинским, «лучшей из всех русских грамматик», которая впоследствии держала несколько изданий, стала предметом всеобщего внимания. Хотя, как сообщает Я. Грот, она была изложена А. Востоковым еще в 1808 г. в грамматических заметках, опубликованных как часть «Краткого руководства к российской словесности» И.М. Борна, в которой А. Востоков выступает как критик Российской академии и последователь Н. Карамзина¹⁵².

В главе «О правописании» А. Востоков уделяет внимание равнозвучным, на его взгляд, буквам «разного содержания» (*Е-Ѣ-Э, И-и-У, V-B, Ф-Ө*), ограничиваясь только констатацией факта, приводя правила употребления этих букв и не делая никаких предложений¹⁵³. Как и Н. Греч, А. Востоков приводит список слов с буквой *Ѣ*, который (в отличие от списка Греча) включает в себя 146 словарных единиц¹⁵⁴.

Обе грамматики стали образцом при составлении многих других грамматик и орфографических разделов в них. Именно такой тип грамматик В.Г. Белинский характеризовал как «краткую выборку из грамматик Греча и Востокова».

Первым выступлением Ф.И. Буслаева по вопросам русского правописания стала работа 1844 г. «О преподавании отечественного языкознания», где в обучении правописанию автор выделил два этапа: первичное и грамотное. На первом этапе обучающийся и обучающий имеют дело с азбукой и чистописанием. На втором этапе – грамотное обучение правописанию – уже не следует

¹⁴⁹ Шапиро А.Б. Русское правописание. М., 1951. С. 182.

¹⁵⁰ Греч Н.И. Учебная русская грамматика (для учащихся). СПб., 1851. Ч. 4. Правописание. С. 257.

¹⁵¹ Белинский В.Г. [Рец.] Русская грамматика Александра Востокова, по начертанию его сокращенной грамматики полнее изложенная. 6-е изд., испр. СПб., 1844. 355 и XVI с. // Собр. соч.: В 9 т. Т. VII. М., 1981. С. 484.

¹⁵² Грот Я.К. [1873] Филологические разыскания. Т. 2. 3-е изд., с доп. и перем. СПб., 1885. С. 248.

¹⁵³ Востоков А.Х. [1831] Русская грамматика Александра Востокова, по начертанию его сокращенной грамматики полнее изложенная. 11-е изд. СПб., 1867. С. 218.

¹⁵⁴ Там же. С. 219–221.

ограничиваться правилом писать по выговору (своему или говорящего), а слогует «учить общему употреблению в правописании», учить писать «как должно грамматически, соглашаясь с законами производства и изменения слов...»¹⁵⁵

«Опыт исторической грамматики русского языка» Ф.И. Буслаева был составлен как учебное пособие для преподавателей в 1858 г. В отличие от предшествующих грамматик русского языка, в грамматике Буслаева нет специального раздела, представляющего правописание, но оно определяется как «применение грамматических законов к письменному употреблению языка»¹⁵⁶. В первой главе «Звуки и соответствующие им буквы» автор излагает свои орфографические представления, разграничивая в системе русского правописания «принятое обычаем» от тех написаний, которые являются отражением действующих или ранее действовавших в языке законов, и излагает правила их написания в соответствии с закономерностями в самом языке¹⁵⁷.

Серьезное место в грамматике Ф. Буслаева уделено буквам *Ѣ* и *Е*, в употреблении которых русское правописание «весьма погрешительно». «Хотя уже с древнейших времен русский язык смешал буквы *Ѣ* и *Е*, — отмечает он, — однако, пользуясь указаниями истории церковнославянского и русского языков, позднейшая орфография находит некоторые основания, по которым отличает эти буквы»¹⁵⁸. Все эти основания изложены в грамматике и приведен список слов с буквой *Ѣ*, включающий 137 словарных единиц¹⁵⁹.

Списки «ятевых» слов у Греча, Востокова и Буслаева имеют серьезные расхождения не только количественно (лишь 135 единиц являются общими), но и содержательно:

- обѣтъ, свѣжій* — только у Греча и Востокова;
- пѣтъ, ѣсть, ѣхать* — только у Греча и Буслаева;
- чѣловек, нѣ* (прист.), *вознѣтити, поднѣтити, лѣчить, лѣкаръ, затѣя, затѣвать* — только у Востокова и Буслаева;
- блѣдный, вѣник, глѣнь, нѣтъ, сѣра* — только у Греча;
- повѣтъ* — только у Востокова;
- лѣха, млѣтъ, Онѣга, зрѣтъ, прѣтъ* — только у Буслаева.

Причем расхождения характерны не только для слов с буквой *Ѣ*, но и для других написаний, которые отражают условно принятый обычай:

- пять сажень, обьемемъ, азіатскій, прилѣжнѣй* (у Востокова);
- пять сажень, обьемемъ, азіатскій, прилѣжнѣй* (у Греча).

Нет сомнения в том, что и это не способствовало упорядочению орфографии и просвещению в целом.

¹⁵⁵ Буслаев Ф.И. [1844] О преподавании отечественного языка // Буслаев Ф.И. Преподвание отечественного языка. М., 1992. С. 122–123.

¹⁵⁶ Буслаев Ф.И. [1858] Историческая грамматика рус. языка. М., 1959. С. 37.

¹⁵⁷ Там же. С. 42–49.

¹⁵⁸ Там же. С. 44.

¹⁵⁹ Там же. С. 44–47.

Со сносой программой азбучного упрощения и упрощения орфографии основных грамматических форм выступил В.Г. Белинский¹⁶⁰. Грамматика Давыдова, вобрав в себя опыт предшествующих орфографических работ, деятельности грамматик Н.И. Греча и А.Х. Востокова, представляла собой уже вполне полное представление о русской орфографии¹⁶¹.

Орфографические «наблюдения» протоиерея Г.П. Павского (1841–1842) свидетельствуют о естественном процессе утраты дублетных букв путем смешения их на письме или полного неупотребления:

- Буквы *Ѣ* и *Е* постоянно смешивались на письме;
- из букв *Ѡ* и *Ѱ* чаще употреблялась *Ѱ*;
- Буквы *і* и *И* часто заменяли друг друга;
- Буква *У* употреблялась лишь в отдельных словах (*свнудъ, свнволь, мврѡ*), и в них часто заменялась буквой *И* — то есть, в сущности, почти утратилась¹⁶².

В русле орфографического движения XIX столетия возникла работа Г.П. Петлинга «Грамматические исследования о русском языке».

В основу этой работы положено сообщение автора (1 авг. 1851 г.) в Академии наук о звуках современного русского языка и их буквенном обозначении, где мысль об излишестве отдельных букв и необоснованности орфографических правил обозначена достаточно полно¹⁶³.

В 1869 г. Вторым отделением Академии наук переиздан Словарь русского и церковнославянского языка (1-е изд. 1847 г.). Несмотря на высокий авторитет Академии, словарь был настолько небезупречным в орфографическом отношении, что сразу же возникла потребность в его переработке. Ориентированные на него грамматики и орфографические руководства по-прежнему не способствовали упорядочению, а тиражировали разногласия, которые множились орфографической анархией печати: «нет у нас журнала, нет книги, у которой не было бы своей, особенной системы орфографии»¹⁶⁴.

¹⁶⁰ Белинский В.Г. [Рец.] Упрощение русской грамматики. Uproscenie ruscoi grammatichi. Соч. К.М. Козинского. СПб., 1842 // Полн. собр. соч. Т. IX. М., 1955. С. 333–339.

¹⁶¹ Давыдов И.И. [Давыдов И.И.] Опыт общесравнительной грамматики русского языка, изданный вторым отделением Имп. Академии наук. СПб., 1852. Ч. 3. Правописание. Отд. 1. Правописание слов. С. 380–420.

¹⁶² Павский Г.П. Филологические наблюдения протоиерея Павского над составом русского языка. Первое рассуждение. О простых и сложных звуках, служащих основанием русскому слогу, и о письменном их изображении. СПб., 1841. 148 с. Второе рассуждение. СПб., 1842. С. 74–75, 216–217 (отдельные орфографические рекомендации).

¹⁶³ Бетлинг О.Н. Грамматические исследования о русском языке. Сколько звуков в русском языке и какие именно? // Уч. зап. Имп. Академии наук по первому и третьему отделениям. 1852. Т. 1. Вып. 1. С. 58–81.

¹⁶⁴ Белинский В.Г. [Рец.] Русская грамматика Александра Востокова, по начертанию его сокращенной грамматики полнее изложенная. 6-е изд., испр. СПб., 1844. 355 и XVI с. // Полн. собр. соч.: В 9 т. Т. VII. М., 1981. С. 485.

Подводя итоги, можно сказать, что и в XIX столетии орфографический вопрос оставался наиболее актуальным и наименее разработанным. Неупорядоченность не устранялась грамматиками Востокова, Греча, Давыдова и даже Буслаева, а «отсутствие в грамматических и словарных трудах твердых руководящих принципов для установления единых правил правописания» была основной причиной господствующей неупорядоченности.

Несмотря на продолжающееся отсутствие единства и упорядоченности, в оценках русского правописания все-таки будет отмечен значительный успех: «то, что прежде допускалось часто без достаточных данных, без филологических оснований, в настоящее время встречается весьма редко, в малоавторитетных учебниках или же в малораспространенных изданиях», и в этом виде делается несомненная заслуга превосходных трудов Востокова и Буслаева: «объясняя словообразование и исторические изменения слов, форм и начертаний, оба они были чрезвычайно осторожны в установлении правил для правописания и тем не вводили в соблазн составителей практических руководств»¹⁶⁵.

«Орфографический конгресс» 1862 года

«... облегчить русскому народу обучение грамоте»
«...большинство выразило желание исключить лишние буквы»

Долгое время вопрос о реформе не выходил за пределы частных высказываний и не проникал в сферу школы. После реформы 1861 г., с освобождением народа, когда возник вопрос о его грамотности и русская интеллигенция была охвачена идеей сделать безграмотную Россию грамотной, проблема орфографического упрощения постепенно становилась общественным достоянием. Именно после Закона об освобождении крестьян 1861 года вопросы правописания стали в центре внимания интеллигенции в связи с господствовавшим в российском обществе стремлением к распространению в народе образования и грамотности.

Актуальность орфографического вопроса становилась все более очевидной: «Посреди важных вопросов, занимающих общество, – писал Я. Грот, – советно было бы беседовать с читателями об орфографии, если бы и этот скромный предмет не удостоился обратить на себя почти общее внимание» (*Грот Я.К. По поводу толков о правописании // Современная летопись. 1862. № 28*). «Игр

¹⁶⁵ Смирнов А.И. Орфографические указатели и правила русского правописания. (Библиографические заметки) // Рус. филол. вестник. 1885. Т. XIV. С. 171.

так называемое правописание так обуяла умы русского человека, – сообщал журнал «Библиотека для чтения», – что надо удивляться, как доселе... не догадываются издать какое-нибудь лото... Куда ни явись, того и жди, что навстречу встретят вам какой-нибудь озадачивающий вопрос о том, как перенести то или другое слово... или как и почему надо писать то или другое слово»¹⁶⁶.

Русское общество вступило в такой период, когда устремленный к образованию народ находился в положении между прогрессивно настроенными с одной стороны и, напротив, противостоящими процессу народного просвещения – с другой. В сложностях русской орфографии выделась одна из причин российской безграмотности: «народу, который теперь сам понимает пользу грамотности, сам добровольно идет в школы, оставляется поле, изрытое ямами и канавами, из ученья выйдет для него не ученье, а скачка с препятствиями, где одни сломают себе голову, другие – даром потратят время и труд, которыми народ дорожит больше, чем наши педагоги, а остальные – убоются глубины премудрости, пожалеют потери времени и труда и останутся безграмотными... Надо же кому-нибудь быть безграмотными, чтобы остальные имели удовольствие называться грамотными и даже учеными»¹⁶⁷.

Мысль о необходимости упрощения русского письма была высказана решительно в 1862 году на заседании Орфографической комиссии под руководством В.Я. Стоюнина, известного педагога-словесника, автора «Высшего курса русской грамматики» (1876). Более 100 петербургских педагогов приняли участие в организованных им заседаниях. Возникшая в русле тенденции к распространению в народе образования и грамоты Орфографическая комиссия под руководством В.Я. Стоюнина в контексте орфографического движения XIX в. стала первым организованным выступлением за упрощение¹⁶⁸.

В своем докладе на первом заседании В.Я. Стоюнин указал на серьезные недостатки русского правописания, которые заключаются во множестве «противоречий, сбивчивости, шаткости, отчего чуть не каждое периодическое издание, недовольное орфографией других изданий, находит возможность придумать свою особенную орфографию», и заявил свои представления об орфографии как средстве письменного общения определенного общества: «она должна быть общей, но не есть дело «коренных или основных убеждений человека, которые каждому должны быть святы и от которых трудно отказаться».

¹⁶⁶ А.С. По вопросу об упрощении русской орфографии // Библиотека для чтения. 1862. Т. 170 (апр.). С. 80.

¹⁶⁷ Там же.

¹⁶⁸ Первое совещание по вопросу об упрощении русской орфографии // Учитель. 1862. 1 2, № 6. С. 265–269.

Здесь же были определены основные цели работы комиссии, чтобы привести русскую орфографию «к простоте и определенности»: «1) согласиться уничтожить орфографические противоречия, существующие в современной печати, основавшись на каких-нибудь определенных началах; 2) обсудить не условные правила, которые... хотя и не составляют предмета спора, но затрудняют учащихся без всякой нужды и пользы»¹⁶⁹.

По убеждению В.Я. Стоюнина, русская орфография не требует коренных преобразований, но лишь частичных на одном из двух оснований – этимологическое производство и произношение. При этом не исключается и историческое, не допускающее «крупных и резких преобразований и изменений, которые должны были заставить все настоящее поколение переучиться писать и даже читать»¹⁷⁰.

На втором заседании в первую очередь решался вопрос о том, что назвать коренным/некоренным преобразованием, и в результате большинство голосов было за коренное преобразование, то есть за изменение принятых всеми правил, чтобы «облегчить русскому народу обучение грамоте», а не только «согласение» орфографических разногласий»¹⁷¹.

Затем комиссия рассмотрела вопрос о «лишних» буквах русской азбуки и приняла решение исключить буквы Ъ, Ѳ, і «без всякого ущерба для русской орфографии». Споры о букве Ъ на конце слов пока не привели к окончательным решениям¹⁷². Однако уже на следующих заседаниях были выступления и в защиту «лишних» букв, и об этимологическом значении букв Ъ и Ь как различителей грамматических форм, и о статусе буквы Ё, и о большей рациональности буквы і, и против упрощения как такового. В связи с решением комиссии оставить і (имея ввиду типографские удобства) и считать обязательными точки над буквой Ё, протоколы третьего и четвертого заседаний были напечатаны в соответствии с принятыми решениями¹⁷³.

Среди членов этой комиссии не было единодушия во взглядах на русское правописание. Сам В.Я. Стоюнин, в целом принимая идею упрощения, высказался еще до заседания комиссии против «революционного» преобразования в правописании и отстаивал права буквы Ъ. Он считал, что буква Ъ не может стать наряду с буквами Э, Ѳ, V; она «не может называться условно буквой, до которой нет дела филологии»: «она имеет свое свойство, свое зна-

¹⁶⁹ Первое совещание по вопросу об упрощении русской орфографии // Учитель. 1862. Т. 2. № 6. С. 265–269. Там же.

¹⁷⁰ Там же.

¹⁷¹ Второе совещание по вопросу об упрощении русской орфографии // Учитель. 1862. Т. 2. № 7. С. 300.

¹⁷² Там же.

¹⁷³ Третье и четвертое совещания по вопросу об упрощении русской орфографии // Учитель. 1862. Т. 2. № 8. С. 344–347.

частье», а следовательно – и все основания «стать под защиту разумной науки». Обе буквы (Ъ и Ъ), уверждал он, «имеют свое значение и свои особенные, отличные один от другого законы» и уничтожением знака невозможно уничтожить законов, которые в языке останутся: «вред будет состоять только в том, что мы лишимся видимых фактов как представителей звука»¹⁷⁴. Но десять лет спустя он изменил свои взгляды не в пользу буквы Ъ, и в выступлениях на орфографических собраниях настаивал на необходимости писать вместо Ъ букву Ъ в словах, этимология которых или сомнительна, или же совсем забыта: *декаръ, телега, песок* и др. «Чем меньше будет число слов с буквой нелюбимой, ненавистной, вражеской для учащихся и для многих выучившихся, – скажи он в своем выступлении, – тем лучше. Многие сказали бы «слава Богу» и даже отслужили бы благодарственный молебен, если бы можно было ее совсем уничтожить»¹⁷⁵.

Несмотря на отсутствие единодушия во взглядах на усовершенствование русского правописания (были сторонники фонетических, этимологических и традиционных написаний), но именно эта комиссия в шестом заседании установила, что каждая буква должна выражать определенный звук, а каждому звуку должна соответствовать только одна буква, что не соответствующий никакому звуку знак не должен входить в разряд букв (он должен быть надстрочным знаком) и окончательно признала разумным исключить буквы Ъ, Ѳ, і десятиричное и Ъ на конце слова как утратившие свои функции обозначения звука.

Как сообщает журнал «Учитель», в седьмом и восьмом орфографических заседаниях (8 декабря 1862 г. и 12 января 1863 г.) комиссия продолжила свою работу. В сообщении на седьмом заседании В.Я. Стоюнин еще раз провозгласил, что вопрос о буквах Ъ, Ѳ, і и Ъ на конце слов следует считать решенным, потому что «большинство выразило желание исключить лишние буквы, основанное на разумных доводах, которые не были никем достаточно опровергнуты»¹⁷⁶. Он также отметил, что напечатанные в газетах и журналах статьи в защиту «осужденных» букв и против упрощения вызвали ответные выступления противоположного содержания, и аргументы последних оказались более сильными и убедительными. Настаивая на безусловной необходимости упрощения (но не столько в экономических, сколько в педагогических целях – «для облегчения учащихся»), В.Я. Стоюнин считал, что упрощение на первых порах должно начаться в печати и лишь затем в школе, и возлагал при этом большие надежды именно на печать. Эту свою позицию он отстаивал несколько

¹⁷⁴ Стоюнин В.Я. О русской азбуке // Ведомости Санкт-Петербургской городской полиции. 1852. № 242, 243 (нояб.).

¹⁷⁵ Второе совещание по вопросу об упрощении русской орфографии // Учитель. 1862. Т. 2. № 7. С. 300.

¹⁷⁶ Седьмое орфографическое совещание // Учитель. 1863. Т. 3. № 2. С. 95.

лет спустя – в докладе «Об изменениях в русской орфографии» (на собрании преподавателей русского языка в 1886 г.), снова настаивая на том, что школа не может брать на себя решение научных вопросов (ее задачи в первую очередь – педагогические); считая большой ошибкой вводить какие-либо орфографические изменения через школу при том, что существует естественный путь орфографического упрощения – через печать¹⁷⁷.

Печать не оставила без внимания орфографические собрания. В статье «По вопросу об упрощении орфографии», содержащей отклики по поводу заседаний орфографической комиссии, дело орфографии представлено как дело, касающееся всех и каждого. Здесь были выражены согласия с решениями комиссии и предложения исключить не только буквы *Ѣ, Ѡ, і* и *Ѧ* на конце слов, но и *Щ*, а с ней и буквы *Я, Е, Ю* с заменой их сочетанием *мягкий знак + гласный* (*ѡа, ѡо, ѡэ, ѡу*). Предлагалось также принять латинский алфавит¹⁷⁸ и ставился вопрос о простоте русской азбуки и недостающих буквах¹⁷⁹.

Газета «Санкт-Петербургские ведомости» в статье «Несколько слов по поводу совещаний об упрощении русского правописания», согласившись с таким отмеченным комиссией недостатком русской азбуки, как излишек букв (они не различаются в произношении; нет причин для их существования; их можно и даже должно исключить), отметила, что «русская азбука грешит больше недостатком, чем излишком».

Буква *Г*, например, – сообщалось в статье, – выражает 7 различных звуков, представленных в словах: *говорить, благо, Гомер, Гамбург, легко, сапог, нового*. Поэтому – прежде чем уничтожить лишние буквы, по мнению редакции этого журнала, лучше внести некоторые недостающие знаки:

- 1) посредством прибавления новых букв;
- 2) посредством соединения букв;
- 3) посредством обозначения букв значками.

К тому же русский язык, отмечалось в статье, не вполне развился, и нельзя навязывать ему окончательное правописание¹⁸⁰.

С откликом на орфографические собрания петербургских педагогов выступил академик Грот¹⁸¹. (Материалы дискуссии по поводу заседаний орфографической комиссии см. также: *Грот Я.К.* Филологические разыскания. Т. 1. 3-е изд., с доп. и перем. СПб., 1885. С. 273–279.)

¹⁷⁷ Собрание преподавателей русского языка в Педагогическом музее Высших учебных заведений 11 февраля 1886 г. // Женское образование. 1886. № 1 (январь). С. 11–12.

¹⁷⁸ По вопросу об упрощении орфографии // Учитель. 1862. Т. 2. № 17. С. 885–892.

¹⁷⁹ По вопросу об упрощении орфографии // Учитель. 1862. Т. 2. № 18. С. 936–944.

¹⁸⁰ *М.В.* Несколько слов по поводу совещаний об упрощении русского правописания // Санкт-Петербургские ведомости. 1862. № 89.

¹⁸¹ *Грот Я.К.* По поводу толков о правописании // Современная летопись. 1862. № 28.

Орфографическая комиссия под руководством В.Я. Стоюнина не оказала сколько-нибудь серьезного влияния на теорию и практику орфографии второй половины XIX столетия и, по мнению Я.К. Грота, осталась «только поучительным эпизодом в истории попыток перестроить наш алфавит и наше правописание на новых основаниях» и «подтверждением той истины, что никакие крутые преобразования в языке, предпринятые по теории, не удаются, хотя бы и имели за себя авторитет известных специалистов»¹⁸². Но тем не менее деятельность этого «орфографического конгресса» пробудила развитие орфографической мысли в реформаторском направлении, и это вылилось впоследствии в широкое орфографическое движение за упрощение правописания.

«Толковый словарь» В.И. Даля как орфографический феномен

«Писать как можно ближе к общепринятому произношению»

Вопрос о русском правописании не оставил без внимания и В.И. Даль. Впутевственном слове, представленном Обществу любителей российской словесности в Москве 21 апреля 1862 г., В.И. Даль сказал несколько слов «о правописании, принятой в словаре». Его правописные требования, реализованные частично в словаре, сводятся к следующему (Т. I):

1. «Писать как можно ближе к общепринятому произношению, насколько это позволяют прочие, не менее важные правила, самый обычай».
2. «Стараться сохранять без натяжки, намек на производство, чтобы нагляднее осмыслить слово», то есть, выражаясь языком современной лингвистики, – соблюдать морфологический принцип письма».
3. «Не сдваивать букв без прямой нужды (особенно это относится к буквам *Л* и *С*), то есть – где говор этого не требует настоятельно – писать: *вялений, солёность, алопатия, грамматика, абат, корректура...* Но: *непременный, благосклонный* – требуют сдвоенных согласных».
4. «В слитных предлогах *воз, из, раз* буква *З* может иногда заменяться буквой *С*».
5. «Букву *Ѣ*, в коей был некогда смысл и значение, как и в юсе, а ныне отживающую свой век, нельзя выкинуть по привычке к ней, но можно ее неподволив выжимать. Пишут *лъкаръ* и *лекаръ, лъчить* и *лечить*, и я беру второе... где нет настойчивого требования на *Ѣ*, там пишу *Е*».

¹⁸² *Грот Я.К.* [1873] Филологические разыскания. Т. 1. 3-е изд., с доп. и перем. СПб., 1885. С. 273.

б. «В чужих словах мы не должны принимать правописания иноземного, а должны писать слово, как оно произносится русским, не знающим чужих языков; и если слово переименовано в говоре на русский лад, то тем и лучше, тем легче оно может быть усвоено. Требование – знать и соблюдать в русском языке правописание испанское, итальянское, английское, немецкое, французское, турецкое – очевидно нелепо. Там и самые буквы произносятся иначе, и в таком виде слово не может войти в обиход». Теоретические воззрения в области правописания В.И. Даля нашли имплицитное отражение в его переписке с редактором-издателем газеты «Русский» М. Погодиным, который в ответ на статью В. Даля о русском языке («против порчи языка чужесловами», против «ненужного и уродливого чужесловия») отмечал большой беспорядок в правописании и заявлял: «В правописании я держусь не произношения, как вы, а словопроизводства: следуя произношению, мы Бог знает попадем в какие трудности» (№ 25).

В предисловии к третьему изданию, осуществленному под редакцией проф. И.А. Бодуэна де Куртенэ, есть сообщение о том, что В.И. Даль в рукописи словаря «вовсе не употреблял букву Ё как знак гласного О после шипящих согласных»¹⁸³. Эта орфографическая манера автора словаря (буква О после шипящих вместо Ё) реализована редактором 3-го издания.

Как в «Напутном слове» (пункт 5), так и в словарных статьях самого словаря тоже выражено отношение его автора к тем буквам русской азбуки, которые были исключены впоследствии реформой 1917 г. Он тоже считает их лишними:

Ө – пишется без нужды в греческих словах вместо буквы Ф.

Букву Ъ (ер) В.И. Даль характеризует как твердый полугласный, а ныне – безгласный – звук. «Как мы постепенно выкинули Ъ из середины слова (имеется в виду процесс падения редуцированных. – Т.Г.), так точно он может быть откинут и в конце, – считал он, – а оставлен только перед согласным, в середине, где он нужен для произношения».

Буква Ъ – двугласная. Нельзя сказать, чтобы «правописание через Ъ и Е было у нас твердо установлено». Его характеристика этой буквы заключается в том, что смысл и значение ее «до того утрачено, что правописание через нее стало шатко». В связи с этим автор словаря отмечает, что для установления правила написания слов с этой буквой, в отличие от Е, «прибегали то к малорусскому языку, то к особому списку слов». Отметив разные звуковые «значения» этой буквы, сформировавшиеся в языке к тому времени, приходит к заключению, что «с помощью других славянских наречий можно было бы разобрать эту путаницу и установить правило. Или же остаться при одном Е».

¹⁸³ Бодуэн де Куртенэ И.А. [Из «Предисловия» к 1-му выпуску] // Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. 3-е изд., испр. и значит. доп. Т. 1. СПб.; М., 1903. С. VII.

В букве *i* (десятеричное) отмечает ее употребление перед гласными и в слове *миръ* (в значении – *свет* и *люди*). На его взгляд, «сомнительно, чтобы правильно было писать *Владимиръ* и вероятнее – *миръ*».

Некоторые современники В.И. Даля неодобрительно отзывались об орфографических нововведениях словаря и давали неодобрительную оценку готовящемуся преобразованию орфографии¹⁸⁴.

Как свидетельствуют данные словаря, орфографические воззрения В.И. Даля-практика подтверждали правоту тех, кто выступал за упрощение русского правописания, его сближение с изменившейся речью, то есть правоту «орфографических прогрессистов».

Орфографические труды Я.К. Грота в контексте истории

«Не довольно писать: надобно писать правильно!»

Газета «Голос» (1872 г.) в публикации Ник. Скандовского выражала сожаление об отсутствии единого кодекса орфографических требований и анархическом состоянии русского правописания: оно дошло до такой степени, что «во всем свете нет человека, который в своем сочинении не сделал бы, по крайней мере, 20 грамматических ошибок»; принимаемое за ошибку одним преподавателем, не принималось другим и наоборот. Вследствие «узаконившейся орфографической беззаконности» школьники бесосновательно оставались на второй год или оставались за стенами университета.

Выступления многих авторов были направлены на устранение «анархического состояния» русского правописания через его упрощение¹⁸⁵.

Академик Грот был в числе первых, кто сделал подробный (на уровне своего времени) исторический обзор орфографического развития с начала XVIII в. до 80-х годов XIX в. и установил правила русского правописания, которые в полемике «за» и «против» продержались вплоть до 1917 г.

Свой взгляд на русское правописание акад. Я.К. Грот в двух монументальных трудах, которые открывали новую эпоху в истории русского письма: «Спорные вопросы русского правописания от Петра Великого доныне» (1773) и «Русское правописание. Руководство, составленное по поручению Второго отделения Императорской академии наук академиком Я.К. Гротом» (1885).

¹⁸⁴ Н.Н. [Рец.]. Новый русский словарь. Толковый словарь живого великорусского языка В.И. Даля. Издание Общества любителей российской словесности. Вып. 1, 2, 3. М., 1861 и 1862 // Русский вестник. 1862. Т. 39 (июнь). С. 811–825, 818–822.

¹⁸⁵ Новаковский В.И. Заметки о русском правописании // Филологические записки. 1872. Вып. 1–2. С. 15–26; Тулов М.А. Об элементарных звуках человеческой речи и русской азбуке: Пособие для обучающихся русской грамоте. Киев, 1874. 76 + 18 с. и др.

Написанные в разное время, эти работы позволяют выделить два периода в орфографической деятельности Я.К. Грота:

- период выступления за реформаторский путь русской орфографии;
- период утверждения исторически сформировавшегося орфографического обычая.

Первый период. Еще до выхода в свет первого монументального орфографического труда Я.К. Грот заявил себя как сторонник реформаторского пути для русского правописания. В работе «По поводу толков о правописании» академик Я.К. Грот, выступив как сторонник словопроизводственного характера русского правописания, предложил свои орфографические решения, в которых заключалась мысль о необходимости исключения лишних букв (*Ѣ, Э, И, Ѳ, Ъ*) с обстоятельной мотивацией этой необходимости¹⁸⁶. Особенно настаивал он на исключении *Ъ* в конце слов и в качестве иллюстрации возможности этого предлагал в безъером варианте первые строки из повести «Капитанская дочка». «Такое письмо, – писал он, ссылаясь на авторитет А.Х. Востокова и И.И. Срезневского, – на первых порах, конечно, показалось бы диким. Но сознаемся, что против него можно заметить только одно: мы не видим в нем того, к чему наш глаз привык, но что мы сами находим лишним. Отбросив *Ъ* в конце слов, мы бы освободили и себя от лишнего труда, и самое письмо от обременения бесполезными знаками»¹⁸⁷.

В предисловии к работе «Спорные вопросы русского правописания от Петра Великого доньше» (1873 г.), которая решительно выводила русское правописание из «недр» грамматики и ставила вопросы орфографии на уровень научных проблем, академик Грот выразил свою практическую задачу, которая для того времени представляла несомненную важность: «Цель настоящего труда заключается вовсе не в каких-либо нововведениях и даже не в окончательном решении всех спорных вопросов нашего правописания (такая задача была бы слишком смела), а в том только, чтобы историческим путем уяснить мыслящему читателю настоящее состояние русской орфографии и способствовать большему единообразию письма»¹⁸⁸. Достижение этой цели (привести русское правописание к некоторому единообразию) требовало решения важных задач:

- определить основные принципы установления этого единообразия;
- выявить основные тенденции развития русского правописания и наметить пути его дальнейшего развития.

Важнейшую цель звукового письма Грот видит в том, что оно должно «изображать знаками в возможной точности, полноте и правильной последова-

¹⁸⁶ Грот Я.К. По поводу толков о правописании // Современная летопись. 1862. № 28.

¹⁸⁷ Там же.

¹⁸⁸ Грот Я.К. Спорные вопросы русского правописания от Петра Великого доньше // Грот Я.К. Филологические разыскания. СПб., 1873. С. 459–668.

тельности все звуки слышимой речи», поэтому, считает он, оно «тем совершеннее, чем более простыми и легкими средствами цель эта достигается». Его основное требование к письму – соблюдение принципа соответствия «звук – буква»¹⁸⁹.

Правописание, как и всякое другое проявление умственной жизни, рассматривается Гротом как явление динамичное, развивающееся, «хотя и медленно, но не по какой-либо заранее определенной теории, а под влиянием множества одновременно и последовательно действующих обстоятельств, пока наконец надолго установится обычай, обращающийся в закон, так что вместо: *usus potius loquendi* можно сказать и так: *usus potius scribendi*». Этот процесс связан с развитием литературы, школьного образования и науке о слове, связан с появлением словарей и грамматик¹⁹⁰.

Я.К. Грот выявляет некоторые «несообразности» в устройстве русской азбуки. Это лишние знаки ((*Ѣ, Ъ, Ѳ* рядом с *И, Е, Ф* и *У*) («но стоит ли иметь особую букву для трех слов *мура, сунюдь, символъ?*»)); отсутствие букв для существующих в языке звуков (нет буквы для звука, который произносится отлично от звука *Г*, в словах *Господь, благо, богатство*) и обозначение простыми знаками составных звуков (*Я, Е, Ю* и *Щ*). Отмечает и неудобство, заключающееся в необходимости использовать надстрочные знаки (*Й* и *Ё*). Буквы *Ъ* и *Ь*, хоть и потерявшие звуковое значение, он считает «полезными знаками для отличия двоякого выговора согласных и для разделения слов»¹⁹¹. Здесь же высказывается мысль о неправильном расположении русской азбуки.

В оценках русского правописания Грот утверждает, что оно (в сравнении с другими) «по своей простоте, точности и ясности должно быть признано одним из самых удовлетворительных», но несомненную трудность его «составляет буква *Ѣ*, для употребления которой нет никакого указания в выговоре, не отличающем от буквы *Е*», и множество других правил, «соблюдаемых всеми с величайшей точностью» и основанных «на условном соглашении»¹⁹².

Орфография рассматривается Гротом как «теоретическое воспроизведение звуков речи для зрения», письменное изображение слова происходит не только на основании того, «что слышим, но и того, как понимаем состав слышимого»¹⁹³. В связи с этим (и в совершенном согласии с мыслями Ломоносова) определяются основы русского правописания: «согласно с его историческим

¹⁸⁹ Грот Я.К. Филологические разыскания. Т. 2. 3-е изд., с доп. и перем. СПб., 1885. С. 164.

¹⁹⁰ Там же. С. 213.

¹⁹¹ Там же. С. 181.

¹⁹² Там же. С. 218.

¹⁹³ Там же. С. 221.

развитием изображать образованный язык ясно и отчетливо, пользуясь по возможности простейшими средствами, но так, чтобы в начертаниях сходно с обычаем видны были следы происхождения и состава слов»¹⁹⁴.

Правило о написании окончаний прилагательных, установленное Ломоносовым и соблюдаемое в русском правописании «с величайшей строгостью», он считает совершенно условным и видит в условных написаниях большую силу, чем в написаниях, основанных на «законах»¹⁹⁵. Кроме этого, он видит и другие крупные «несообразности» русского правописания, которые требуют упорядочения.

Устанавливая определенные требования в правописании, Я. Грот вместе с тем допускает некоторую возможность отступления от них, этим утверждая право русской орфографии на вариантность: «Как ни разумно требование единообразия в правописании, это требование не должно быть безусловным, поэтому в работе над упрощением правописания «надобно уметь отличать важные разногласия от неважных»¹⁹⁶. Двадцать лет спустя после первых орфографических выступлений Грота его реформаторские намерения были побеждены силой привычки, и он пришел к мысли о безусловной необходимости орфографической стабильности.

Свои «новые» решения Я.К. Грот определенно высказал и в орфографическом руководстве 1885 г., и в вышедшем одновременно с ним третьем издании «Спорных вопросов русского правописания», где, в частности, уже было заявлено: «Я отказался от предположений об отмене употребления *ФИТЫ* и в конце слов *ЕРА*. Сила привычки так велика, что в двадцатилетие, протекшее с того времени, как многие вместе со мною высказывали противоположный взгляд, старинная практика осталась господствующею, и вопрос о сохранении этих двух можно считать окончательно решенным»¹⁹⁷.

В оправдание таких «уступок» он сообщал, что после выхода в свет первой рыботы каждый вопрос русской орфографии обсуждался вместе с «сочленами» по Академии, и новое орфографическое руководство, равно как и переиздание первого, включают многие результаты этих совместных обсуждений, являются следствием «общего соглашения для пользы дела» и доказательством того, что «оставаться в деле науки неподвижным может только тот, кто не мыслит или не трудится»¹⁹⁸.

¹⁹⁴ Грот Я.К. [1873] Филологические разыскания. Т. 2. 3-е изд., с доп. и перем. СПб., 1885. С. 222.

¹⁹⁵ Там же. С. 228.

¹⁹⁶ Там же. С. 213–214.

¹⁹⁷ Там же. С. 438.

¹⁹⁸ Там же. С. III.

Второй период. Орфографические руководства 80-х годов XIX столетия не решали проблемы упорядочения¹⁹⁹. Разнобой и явные несовершенства русского правописания по-прежнему были одной из главных причин малограмотности и безграмотности. «У нас не только что школа, то и свое правописание (у всякого монастыря, значит, свой устав), но и что учитель, то и свое излюбленное написание»: «учителя элементарных школ придерживаются правописания Киршичкова, Говорова, Поливанова, Антонова и др.; преподаватели средних учебных заведений – Академического словаря, Буслаева, Грота, Павского и др.» – так сообщалось в одной из работ того времени²⁰⁰.

Бедственное состояние русской орфографии 80-х обстоятельно описано в работе Е.П. Щенникова «Значение трудов Я.К. Грота в истории русского правописания»: «это был период поисков», «естественный процесс отбора лучших способов написаний», период господства хоть и с незначительными расхождениями, но все-таки индивидуальных, «основанных на произволе пишущего» орфографий²⁰¹.

Такое состояние орфографической кодификации и практики вводило орфографию в анархическое состояние. И в сложившемся хаосе разноречивых суждений и мнений о русском правописании, с одной стороны, и далеких от орфографического единства реальных текстов – с другой, относительный порядок был учрежден академиком Я.К. Гротом. Именно «многотлетними его трудами достигнуто упорядочение нашего русского правописания»²⁰².

«Не довольно писать: надобно писать грамотно!» – провозгласил в 1873 г. академик Я.К. Грот, и с осени 1883 г. главным вопросом Академии наук (отделение русского языка и словесности) стал внесенный Гротом вопрос о русском правописании.

Если в работе 1873 г. он выступил как сторонник освобождения русского письма от исторического балласта, то уже в 1885 г. изменил свою позицию, и объяснения по этому поводу были даны им и в предисловии к переизданному

¹⁹⁹ Разыграев В. Справочный указатель русского правописания с приложением всех орфографических правил и корнеслова, составленного по Рейфу, Шимкевичу и др. для не обладающих достаточным навыком писать совершенно правильно. СПб., 1884. XVI + 139 с.; Красногорский П. Задачи по русскому правописанию с приложением орфографического словаря: Пособие для классного и домашнего обучения правописанию по изыскательному методу, то есть путем предложения учащимся орфографических задач для самостоятельного решения. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1885. IV + 171 с.

²⁰⁰ Разыграев В. О причинах неуспеха по правописанию и возможностях избежать их. СПб., 1885. С. 28.

²⁰¹ Щенников Е.П. Значение трудов Я.К. Грота в истории русского правописания: Дис. ... канд. филол. наук. Куйбышев, 1956. С. 67–81.

²⁰² Памяти академика Я.К. Грота. Торжественное чествование 100-летней годовщины его рождения Императорской Академией наук 10 декабря 1912 г. СПб., 1913. С. 3.

варианту первой работы, и в приложении в третьему изданию второй. Изменения в его орфографической программе явились следствием двух, как сообщалось в послесловии к третьему изданию второй работы (апрель-май 1885 г.), оснований:

1) после первого выпуска орфографического руководства каждый спорный вопрос русского правописания «подвергался тщательному в собрании нескольких академиков обсуждению и решаем был с общего согласия»;

2) «преподаватели русского языка вообще желали бы изгнания *ФИТЫ* из нашей грамоты» и, без сомнения, «это значительно облегчило бы их задачу», но предложенный вариант устранения этой буквы «вашел в течение 9-ти лет так мало последователей, что вопрос о сохранении *ФИТЫ* можно, кажется, считать окончательно решенным», тем более что те доводы, на которых основано ее употребление, «едва ли могут быть опровергнуты»²⁰³.

Все члены отделения единодушно считали, что нормы русского литературного языка уже достигли достаточной стабильности и что нет необходимости в коренных изменениях его правописания. Необходимо лишь внимание к тем явлениям, которые в литературных текстах представляют некоторые колебания.

Об этом же писал и сам Я.К. Грот в предисловии к первому изданию: «Во многих случаях наше правописание установилось давно уже, хотя и не всегда правильно: изменять его в подобных случаях не представлялось удобным, потому что такого рода изменения могли бы только поколебать существующее соглашение и вызвать новые разноречия в нашем письме. Поэтому принято было за правило по возможности держаться утвердившегося обычая, отступая от него только тогда, когда общепотребительные начертания оказывались положительно *неверными* или слишком *непоследовательными*»²⁰⁴.

Члены отделения в большинстве случаев одобряли практические рекомендации к правописанию, которые предлагались Я.К. Гротом. Его орфографическое руководство, созданное с целью «удовлетворить сознаваемую всеми потребность привести русское правописание к желательному единообразию», было напечатано в Сборнике Академии наук ОРЯС по распоряжению Императорской Академии наук (декабрь 1884 г.) и издано отдельной книгой²⁰⁵. Только в 1885 году эта книга выдержала 4 издания, при жизни автора –

²⁰³ Грот Я.К. Русское правописание: Руководство, составленное по поручению Второго отделения Имп. Акад. наук академиком Я.К. Гротом. 3-е изд. СПб., 1885. С. 147.

²⁰⁴ Грот Я.К. Русское правописание: Руководство, составленное по поручению Второго отделения Имп. Акад. наук академиком Я.К. Гротом // Сб. ОРЯС. 1885. Т. 36. № 1. С. III–IV.

²⁰⁵ Грот Я.К. Русское правописание: Руководство, составленное по поручению Второго отделения Имп. Акад. наук академиком Я.К. Гротом. 3-е изд. СПб., 1885а. 148 с.

10, а до 1917 г. – 22. И это явилось свидетельством того, как велик был спрос на надежное орфографическое руководство.

Каковы основные положения орфографической программы Я. Грота?

Его русская азбука включает 35 букв, в числе которых буква *V*. Но она включена в скобки, потому что «почти никогда не употребляется». Буквы *И* и *Е* получают особое назначение с помощью надстрочных (*Й* и *Ё*), но им пока нет места в русской азбуке. Автор руководства указывает на такой недостаток русской азбуки, как бессистемное (как и в других языках) расположение букв, и при научном рассмотрении письма, считает он, «первой задачей должно быть приведение букв азбуки в правильный порядок, основанный на свойстве изображаемых ими звуков»²⁰⁶.

К работе прилагалось два списка для заучивания: список слов с буквой *Ѣ* включал в себя около 60 слов; список первообразных слов с буквой *Ѣ* – свыше 150.

Я.К. Грот выделяет в правописании два основания: *фонетическое* (звуковое) и *этимологическое*. В первом случае слова «пишутся сходно с произношением»; во втором – «когда в письме, с одной стороны, соблюдается производство слов, а с другой – отражается древнее, уже изменившееся произношение или вообще употребляются общепринятые издавна начертания, но указываемые живой речью». В русском правописании «преобладает характер этимологический», и «господствующее начало его заключается в том, чтобы, согласно с непрерывно развивающейся исторической жизнью языка, в начертаниях ясны были следы происхождения и состава слов»²⁰⁷.

Печать встретила это правописание с большой осторожностью и не приняла его. Но Министерство народного просвещения согласилось сделать «Руководство» обязательным для школы. Циркуляр Министерства народного просвещения от 21 мая 1885 г. «О введении в средних и низших учебных заведениях составленной академиком Я.К. Гротом книги “Русское правописание”» сделал правописание по Гроту обязательным, и это способствовало тому, что школа проявила в отношении гротовой орфографии «безрассудный догматизм». Те орфографические тонкости, которых Грот коснулся лишь в научных целях, вопреки намерениям автора были возведены именно школой в ранг абсолютной обязательности.

«Русское правописание» академика Я.К. Грота вызвало целый поток полемических статей и заметок. Недовольство, возникшее и в педагогических, и в ученых кругах сразу же по выходе книги, продолжалось длительный пе-

²⁰⁶ Грот Я.К. Русское правописание: Руководство, составленное по поручению Второго отделения Имп. Академии наук академиком Я.К. Гротом [1885]. 22-е изд. СПб., 1916. С. 2–3.

²⁰⁷ Там же. С. 20–21.

риод. В статьях отмечалось, что правописание по Гроту «страдает крупными и очевидными недостатками»²⁰⁸ и представляет набор орфографических противоречий²⁰⁹; говорилось, что автор орфографического руководства, «освещая во многих случаях общепринятое правописание слов фонетикой и этимологией происхождения, часто ссылается на простой обычай («освещает обычаем»), не обосновывая его никакими законами ни фонетическими, ни этимологическими»²¹⁰.

Вместо коренных средств, оно «представляет полумеры, всегда и везде не достигающие цели и лишь сбивающие с толку»²¹¹; «без всякой надобности и оснований увеличивает путаницу в напем правописании»²¹². Однако несмотря на очевидные недостатки орфографического руководства (отсутствие твердости принципов и последовательности), как итог истории, как некая картина правописания определенного времени «Русское правописание» оценивалось все-таки как «весьма полезный справочный труд»²¹³.

В связи с работой М.Е. Доброписцева, который выступил с резкой, не всегда соответствующей реальности критикой предлагаемой академиком орфографии и возбудил недоразумение в педагогическом мире²¹⁴, Академия наук (чтобы не вводить в заблуждение читателей) поручила Гроту составить объяснительную записку и коснуться всех (не только Доброписцева) замечаний, ответить на возникшую критику²¹⁵.

Статьей «Несколько разъяснений по поводу замечаний о книге «Русское правописание» Грот не только ответил М.Е. Доброписцеву (он «имеет смутное представление о предмете, в котором берет себе роль верховного судьи»), но и всем другим критикам его работы. Отметив, что «Русское правописание» выявило чрезвычайное разнообразие взглядов и оценок («не было ни одного вопроса, по которому не обнаружилось бы двух противоположных мнений»),

²⁰⁸ Воеводский Л.Ф. Опыт упрощения русского правописания. Одесса, 1898. 22 с.

²⁰⁹ Фита или Ферт? Еще открытое письмо академику Я.К. Гроту. (По поводу 2-го изд. «Русского правописания») // Семья и школа. Кн. 2. 1885. Т. 1–2. С. 430–455.

²¹⁰ Кремлев Пав. Мьгтарства одного юнца на письменных экзаменах по русскому языку // Русская школа. 1898. № 12. С. 42.

²¹¹ Степович А. Чем должно быть наше правописание? (Еще по поводу книги акад. Грота «Русское правописание») // Женское образование. 1886. № 1. С. 26–33.

²¹² Соболевский А.И. Еще несколько орфографических разъяснений // Рус. филол. вестник. 1886. Т. XV. С. 362–368.

²¹³ Степович А. Русское правописание. (Заметка по поводу книги академика Я.К. Грота) // Женское образование. 1885. № 5. С. 367.

²¹⁴ Доброписцев М.Е. Возможно ли применить русское правописание академика Я.К. Грота к практике? Разбор руководства, составленного академиком Я.К. Гротом. СПб., 1886.

²¹⁵ Извлечения из протоколов Имп. Академии наук. Заседание ОРЯС за 1886 г. // Сб. ОРЯС. Т. 40. № 1. С. 1–V.

он еще раз утвердил свои взгляды на русское письмо и возможности его упрощения²¹⁶:

– «не преобразовывать русское правописание, вообще стоящее на верном пути, взялись мы, а желали только упорядочить его, соображаясь с господствующим обычаем, исправляя лишь явно ошибочное, решая сомнения в спорных случаях, приводя в сознание то, что писалось бессознательно» (с. 2);

– русское письмо продолжает быть фонетическим (нет диграфов, триграфов), но «это фонетическое начало подчинено этимологическому (с. 3–4).

– никакой будущности не имеют предположения тех, которые думают, что со временем удастся ввести вполне фонетическое правописание, потому что, как и язык, письмо «нельзя свести с его исторической почвы и двинуть по новой искусственной колее» (с. 7);

– ввести в школе однообразное письмо, но вместе с тем «школа должна чуждаться всяких опытов, еще сомнительных в своем результате и может быть неприемлемых в будущем» (с. 9).

– успешное обучение русскому языку требует, чтобы учитель знал «о современных успехах науки», имел «ясное понятие о физиологии звуков, фонетике и ее отношении к орфографии» (с. 16)²¹⁷.

Возникшая противоположность в оценках «Русского правописания» не была лишена оснований: с одной стороны, оно впервые объясняло многие вопросы, которые в продолжение целых столетий продолжали быть спорными, и автор его «выполнил долг научного деятеля, сознающего обязанность приходить обществу на помощь»²¹⁸; с другой же – автор своим авторитетом закрепил явные орфографические нелепости; совершив важное для русского правописания дело, во многом ухудшил его: желательное однообразие не только не было достигнуто, скорее «поколеблено существовавшее соглашение, чего так опасался почтенный академик, сделавшийся таким образом против воли Никоном русского правописания»²¹⁹.

Орфографические труды Грота служили эталоном в составлении многих руководств по правописанию, но в большинстве своем они являли собой механические переработки и искажение его орфографических рекомендаций. Так, «Сборник правил русского правописания, составленный на основании «Фи-

²¹⁶ Грот Я.К. Несколько разъяснений по поводу замечаний о книге «Русское правописание»: Записка акад. Я.К. Грота, читанная во II отд. Имп. Академии наук // Сб. ОРЯС. 1886. Т. 40. № 1. С. 1–55.

²¹⁷ Полный обзор мнений «за» и «против» правописания по Гроту изложен в: Щенников Е.П. Значение трудов Я.К. Грота в истории русского правописания: Дис. ... канд. филол. наук. Куйбышев, 1956. С. 380–428.

²¹⁸ Рождественский А.С. Упрощение русского правописания. Казань, 1908. С. 7.

²¹⁹ Васильев А.П. Еще к вопросу о русском правописании // Филол. записки. 1896. Вып. 5–6. С. 3.

логических разысканий» академика Я.К. Грота Иваном Вальковым» (СПб., 1875) заключал в себе больше недостатков, чем достоинств. Именно этот сборник вызвал возмущительное письмо в редакцию самого академика («некоторые рассуждения и правила, вовсе не согласные с моими взглядами ни вообще с основаниями науки») с пожеланием автору не ставить имя Грота в заглавии²²⁰.

Через двенадцать лет со времени появления орфографического руководства Я.К. Грота журнал «Филологические записки» сообщал, что «начертания, введенные почтенным академиком, прививаются очень туго»; что не по Гроту продолжают писать и писатели, и публицисты и издаются классики; что только школа является тем местом, где более ревностно следуют Гроту, но и здесь это достигается не всегда и с большим трудом, потому что по требованию одного преподавателя они следуют орфографии Грота, по требованию другого – возвращаются к прежним догровотским написаниям²²¹. Но главным препятствием к усвоению гротовского правописания в школе, как отмечалось в статье, служило то, что «в книгах, которые ученик читает, и, прежде всего, в учебных руководствах, он встречает в большинстве случаев прежние начертания», хотя «орфографию учебников, в особенности по русскому языку... стали соглашать с академическим руководством, но пока это соглашение остается более на словах, чем на деле»²²².

Но все-таки с течением времени школа стала жертвой учрежденного Гротом правописания. Введенное министерским распоряжением как обязательное, оно способствовало тому, что русский язык стал самым трудным предметом или, по выражению московского педагога М. Щепкина, – «злым духом русской школы», потому что преподавание основывалось на зубрении и бесконечных диктовках. Орфографическая дрессура в школе лишала преподавание языка лингвистического смысла, приводила к отождествлению понятий язык и письмо. В связи с этими обстоятельствами орфографическое руководство Я.К. Грота стало одним из поводов к возбуждению вопроса об упорядочении и упрощении русского правописания. Мысль эта возникла именно в недрах школы, и одним из первых выступил против письма по Гроту талантливый московский педагог В.П. Шереметевский.

В начале XX столетия антигротовская эпопея достигла небывалых масштабов. В оценках деятельности Грота было больше хулы, чем понимания и одобрения. Грот-теоретик, признавая в орфографии этимологию (= словопроизводство), на практике предпочел обычай, явился защитником узаконенных орфографических непоследовательностей:

²²⁰ Письмо к редакции «Филологических записок» Я.К. Грота // Филол. записки. 1876. Вып. 2. С. 7–8.

²²¹ Васильев А.П. Еще к вопросу о русском правописании // Филол. записки. 1896. Вып. 5–6. С. 1.

²²² Там же. С. 1–2.

«... голос разума оказался бессильным перед привычкой, и Грот закрепил своим научным авторитетом явные нелепости»²²³;

«... как бы ни относились, несомненно одно: делая отдельные и частные уступки звуковой стороне языка, Грот явился защитником исторической традиции и этимологического начала в письме»²²⁴;

«Русское правописание» Грота, «изобилуя правилами и написаниями чисто субъективного характера, не только не уменьшило спорного числа написаний, но даже увеличило его»²²⁵;

«Грот не только противоречит самому себе, истории языка и живому произношению, но и не менее для нас обязательному авторитету – Академическому словарю нового издания», включая более 20 случаев противоречия именно этому изданию²²⁶.

В 50-е годы XX столетия трудам Я.К. Грота была сделана другая оценка: были определены многие достоинства его орфографических трудов:

- 1) его трудами русское правописание «получило новое качество: четкость и определенность форм и неизбежное следствие этого – единообразие»;
- 2) он положил начало «официальной орфографии в России»;
- 3) орфографическим руководством были «установлены определенные рамки» и задано определенное направление «ранее свободно развивающейся русской орфографии»;
- 4) учрежденное Гротом правописание открыло возможность «сознательного регулирования в развитии орфографии» и внесло «некоторые поправки в сторону согласования и сближения письма с произношением»²²⁷. При всех отрицательных моментах орфографического руководства Я.К. Грота, оно все-таки способствовало внедрению единообразия, то есть сыграло большую роль «в истории государственной стандартизации русского письма», поскольку «вносило стройный порядок в орфографическую путаницу и разногласия русского письма XIX века», поскольку «впервые устанавливалась единая система и устранялись мучительные орфографические шатания последнего периода «вольности дворянства» и неорганического обучения родному языку»²²⁸.

²²³ Браун Р.Ф. О лженаучности нашего правописания: Публичная лекция // Филол. записки. 1901. Вып. 1–2. С. 27.

²²⁴ Куницкий В. О возможностях упрощения русской орфографии // Образование. 1901 (нояб.), № 11. С. 36.

²²⁵ Богородицкий В.А. Очерки по языковедению и русскому языку: Посobie при изучении науки о языке. 2-е изд., испр. и значит. доп. Казань, 1909. С. 143.

²²⁶ Миртов А.В. Ученый комитет МНП о правописании Грота // Родн. яз. в школе. М., 1916–17. № 2–3. С. 106–107.

²²⁷ Щенников Е.П. Значение трудов Я.К. Грота в истории русского правописания: Дис. ... канд. филол. наук. Куйбышев, 1956. С. 429.

²²⁸ Виноградов В.В. Русская наука о русском языке // Уч. зап. МГУ. М., 1946. Вып. 106. Т. 3. Кн. 1. С. 74–75.

В.П. Шереметевский против «гротографии»

«Что просто, то и прочно, а что прочно, то и единообразно»

С инициативой реформы русской орфографии выступил учебный отдел Московского общества распространения технических знаний, и большая заслуга в этом принадлежала московскому преподавателю педагогики и методики преподавания русского языка, бессменному в течение нескольких лет председателю этого общества В.П. Шереметевскому. В прочитанной им на заседании общества 22 декабря 1883 г. лекции «Об орфографии вообще и о письме под диктовку как упражнении элементарном в особенности» он сообщал, что «орфографическая повинность» является самой тяжелой повинностью школы, а орфографический вопрос для учителя-словесника далеко не праздный вопрос. Эта лекция впервые была напечатана в виде приложения к годовичному отчету частной женской гимназии, учрежденной З.Д. Препелкиной, в 1884 г.

Работа В.П. Шереметевского представлена самим автором как «слезная челобитная «в интересах обучающихся и против “вещадного угнетения “малых сих” неумолимою орфографией вообще и диктантами карательными в частности»²²⁹. Он указывал на господствующий орфографический разноречивый, который вызван принадлежностью к разным «орфографическим приходам»: одни принимают за образец Буслаева; другие же – руководство Грота; третьи предпочитают руководства Говорова или Кирпичникова и т. д.²³⁰

Его отношение к орфографическому вопросу выразилось в таком обращении:

Господа учителя русского языка!

Постарайтесь прежде всего сами облегчить себя в тех пределах, где такое облегчение возможно при дружных товарищеских усилиях. Постарайтесь прийти к возможному соглашению ради объединения и упрощения орфографии; таких случаев, вполне допускающих соглашение, найдется довольно. Раз состоит соглашение, и нам и нашим ученикам будет легче. Ведь орфографическая повинность – самая тяжелая для большинства учащихся школьная повинность. Если для нас, учителей русского языка, вопрос о непосильных занятиях в школе вообще вопрос серьезный, а не праздный, служащий лишь предметом минутного педагогического развлечения в часы субботнего досуга, то приложим же старание к практическому осуществлению вопроса о водворе-

²²⁹ Шереметевский В.П. Об орфографии вообще и о письме под диктовку как упражнении элементарном в особенности [1883] // Шереметевский В.П. Соч. М., 1897. С. 1.

²³⁰ Там же. С. 3.

нии в школе работы серьезной и образовательной, каковою может быть только сильная для большинства работа; приложим искренне старание в той именно области, в которой мы можем по праву считать себя хозяевами, настолько подлыми, насколько мы будем солидарны с возможно большим числом своих собратьев по искусству, в данном случае – искусству орфографическому²³¹.

Предлагая начать работу по упорядочению «школьного орфографического кодекса», он считал точкой отсчета «Критический обзор современного правописания», изложенный академиком Гротом в работе 1873 года. Для создания проекта к сокращению и упрощению орфографических правил, для создания руководства к правописанию предлагалось организовать «небольшой кружок» из преподавателей.

В заключение этого выступления было предложено для обсуждения «миром и в мире» семи тезисов, чтобы устранить все одностороннее и неосновательное «из мнения одного человека», поскольку «один человек – ложь, а мир правду любит»:

1. Орфография есть искусство несовершенное с теоретической стороны и трудное с практической для большинства учащихся, иначе: чем первая сторона сложнее, то есть чем больше правил, тем затруднительнее применение их к практике.
2. Орфография есть искусство графическое (зрительное), а потому письмо со слуха под диктовку средство вообще нецелесообразное.
3. В элементарном возрасте всякая диктовка – в особенности же карательная – более вредна, чем полезна, при отсутствии зоркости орфографической и при слабости памяти зрения.
4. Упражнениями, более целесообразными для основания грамотного письма, следует признать те, которые развивают именно память зрения и зоркость орфографическую.
5. При обучении письму следует учащему помнить пословицу: поспешай медленно; а учащемуся – семью подумай, одна напиши.
6. На успех учащегося в грамотности оказывают несомненное влияние степень способности, зоркости глаза, ловкости руки и степень орфографического чутья.
7. Так как успех всякого знания и умения зависит прежде всего от степени совершенства самого предмета обучения, то является необходимостью в тщательном пересмотре ныне действующих орфографических правил с целью их сокращения и упрощения...²³²

²³¹ Шереметевский В.П. Об орфографии вообще и о письме под диктовку как упражнении элементарном в особенности [1883] // Шереметевский В.П. Соч. М., 1897. С. 32.

²³² Там же. С. 33–34.

19 февраля 1886 г. в торжественном собрании этой же гимназии В.П. Шереметевский обратился к присутствующим с новым выступлением – «Слово в защиту родного языка в связи с вопросом об объяснительном чтении». Здесь он снова указал, что русская школа подавлена орфографической дрессурой, в результате которой становится почти невозможным изучение самого языка.

В этом же году В.П. Шереметевский, продолжая свои выступления за упрощение, пишет «Странички из методики элементарной грамматики» и излагает взгляд на ситуацию преподавания русского языка в школе. Она представляется автору как «печальная действительность, где изучение родного языка низведено до степени орфографической дрессировки». Его взгляд на преподавание русского языка заключается в том, что следует «обучать детей более языку, чем мертвой букве», и «учить заглядывать в душу родного слова»²³³.

Ключевая мысль автора заключается в необходимости упрощения русской орфографии, которую он определяет как «злобу дня и венец формализма», но упрощения с учетом этимологии.

«Орфография слова, – пишет он, – есть не что иное, как биография слова, кратко, но вразумительно повествующая о происхождении слова. Но с этой точки зрения орфография является уже не целью, а только средством, не повластной и капризной госпожой, а лишь покорной и расторопной служанкой»²³⁴.

Пять лет спустя, 27 февраля 1891 г., В. Шереметевский снова выступил в торжественном собрании женской гимназии с речью о русской орфографии и необходимости ее упрощения. Его речь была напечатана вместе с отчетом о работе гимназии и в малом числе отдельных оттисков как педагогический этюд «К вопросу о “единообразии” в орфографии, по поводу академического руководства “Русское правописание”»²³⁵.

Эта работа, вбирающая в себя опыт 32-летнего преподавания в школе, представлена самим автором как «плод наблюдений, не особенно отрадных, размышлений, довольно печальных, и мечтаний, едва ли не бесплодных». Она заключала в себе мысль о необходимости «отказаться от орфографических привычек, усвоенных невозвратным прошлым». Предлагая свой проект и опыт некоторого орфографического упрощения «ради школы», автор выражал несомненную уверенность, что русское правописание «рано или поздно будет упрощено в интересах школы, а следовательно – и цивилизации»²³⁶.

²³³ Шереметевский В.П. Странички из методики элементарной грамматики русского языка [1886] // Шереметевский В.П. Соч. М., 1897. С. 145.

²³⁴ Там же. С. 128.

²³⁵ Шереметевский В.П. [1891] К вопросу о «единообразии» в орфографии по поводу академического руководства «Русское правописание» // Шереметевский В.П. Соч. М., 1897. С. 237–311.

²³⁶ Там же. С. 239.

«Что просто, то и прочно, а что прочно, то и однообразно» – этот принцип из «Vade mecum» старого учителя был взят автором в качестве эпиграфа к статье и положен в основу его проекта упрощения, изложенного в этой работе:

1. После шипящих *Ж, Ч, Ш, Щ* и свистящей *Ц* писать во всех случаях под ударением *О*: *ещо, жосткий* и др.
2. Приставки *воз-, из-, низ- раз-* писать *этимологически*: *возкресение, изходить, исчезать, возшествие* и др.
3. Слово *миръ* писать во всех случаях через *И*.
4. В им. пад. мн. ч. прилагательных окончание *-ия* для всех родов.
5. В дат. и пр. над. окончания писать *Ѣ* во всех случаях: к *Софiѣ, о гениѣ*;
6. В заимствованных словах всегда писать по общему правилу *Е*: *Алексей, Еремей, Елисей*.
7. Упростить правила о слитных и отдельных написаниях.

Доказательством возможности упрощения без серьезного урона является орфография «с занозами» его педагогического этюда. Чтобы не прослыть декларативным, он твердо проводит в тексте отступления от общепринятой орфографии, т. е. держится некоторых предлагаемых им изменений. Это касается написания *О* после шипящих и *Ц* под ударением (*ещо, прошол, прожог, жолтый* и др.), единообразного (в соответствии с этимологией) написания приставок (*изключение, возкресение, черезчур* и др.) и т. д.

Орфографическая деятельность В.П. Шереметевского была высоко оценена его современниками. Так, в заседании учебного отдела Общества распространения технических знаний, посвященном памяти скончавшегося председателя, А. Острогорский отметил, что из его печатных трудов наиболее известными стали именно те, которые посвящены орфографии. И это неслучайно, потому что, как сообщал В.П. Шереметевский в письме А. Острогорскому, «орфография как предмет обучения, точнее – мучения “малых сих”, сделалась «моей idee fixe... лихого болезнью». Выступая против «орфографических истязаний», «ригористического пуризма и скрупулезного педантизма», он предлагал наметить путь для школьного орфографического будущего»²³⁷.

Орфографические выступления В.П. Шереметевского стали одной из важных вех к организованному движению за реформу. Его преемник как председателя в комиссии преподавателей русского языка при Учебном отделе Общества распространения технических знаний С.Г. Смирнов включил в программу занятий комиссии в 1895 г. специальный вопрос – «о ходатайстве перед Академией наук об упрощении русского правописания и об отмене обязательного следования руководству Я.К. Грота». Выступление В.П. Шереметевского имело многочисленных сторонников.

²³⁷ Шереметевский В.П. Сочинения. М., 1897. С. 34.

П.А. Селиванов в статье «К вопросу об упрощении русского правописания» тоже решительно выступил против «гротографий». Считая, что «своей орфографии академик Грот не предложил», он указал на необходимость следовать в упрощении одному из принципов, высказал свои предложения к усовершенствованию орфографии и увидел в орфографической программе В. Шереметевского «целесообразное решение»²³⁸.

Почти через 10 лет после выступлений В.П. Шереметевского Академия наук тоже высказалась за необходимость заменить правописание по Гроту другим, более простым и систематичным.

Русская орфография в канун XX столетия

«...уничтожьте букву *ять*, и русская грамота значительно облегчится»

Споры о русской орфографии не утихли и в конце XIX столетия. К улучшению орфографической ситуации было сделано много предложений, поступавших из разных городов России, среди которых можно выделить два типа: а) предложения о сокращении русской азбуки и упрощении отдельных орфографических правил; б) предложения, заключающие в себе мысль о необходимости изменения критериев оценки письменных школьных работ, то есть не возводить грамотность в ранг идола.

Например, А.И. Лоначевский из Гомеля представляет «анализ усвоения грамоты» и «условия, препятствующие широкому распространению грамотности»; выступает с критикой русской грамоты и способов ее изучения и, высказывая свои представления о грамотном человеке, пытается разрешить вопрос, возможно ли достигнуть, чтобы в России все были грамотны? Он предлагает новую русскую азбуку в 25 букв, изучение которой облегчит путь к грамотности, потому что именно в безграмотности автор видит главную причину темноты и многие беды российского народа.

По его убеждению, буква *Ѣ* – самая главная причина российской безграмотности: «уничтожьте букву *ЯТЬ* – и русская грамота значительно облегчится, а ученики будут освобождены от зубрения ни к чему не годных грамматических правил, не имеющих в себе ничего научного, ничего развивающего»²³⁹. Из новой азбуки им исключаются не только *Ѣ*, *ѣ*, *Ѥ*, *Ѧ*, но и буквы *Ы*, *Э*, *Ю*, *Я*, *Щ*, *Ъ* (мягкий знак). Взамен исключенных букв автором предлагалась определенная система диакритических знаков.

²³⁸ Селиванов П.А. К вопросу об упрощении русского правописания // Рус. школа. 1904а. № 4. С. 181–198; № 5–6. С. 230–267; Селиванов П.А. К вопросу об упрощении русского правописания // Рус. школа. 1904б. № 7–8. С. 202–230.

²³⁹ Лоначевский А.И. Грамотность и грамота. Гомель, 1891. С. 30.

Со своими аргументами в защиту упрощения русского письма и против гротовской орфографии, многие правила которой должны быть изменены в интересах не только учащихся, но и научной истины, решительно выступил представитель московских педагогов К.Г. Житомирский. Для русского правописания он утверждал прежде всего принцип сознательного усвоения правил. Поэтому реформа правописания, по его убеждению, «должна состоять в том, чтобы грамматика, излагая фактическое правописание, не увлеклась, не разыгрывала роли абсолютной законодательницы, а наоборот, чтобы к каждому своему требованию она присоединяла, как говорит Щедрин, свое “понеже”»²⁴⁰.

В основе русской орфографии он видел три основополагающих начала (фонетическое, этимологическое и историческое); считал, что именно грамматика «должна каждому из них указать место, где он будет распоряжаться», и видел задачи орфографии в том, «чтобы указать важнейшие правила, в особенности такие, которые, имея этимологическое основание, удовлетворяют и общим фонетическим требованиям; чтобы указать *в виде общих правил* те отступления от фонетического принципа, которые делаются по требованию этимологии (и наоборот), если только сама этимология в каждом таком случае имеет по меньшей мере историческое обоснование»²⁴¹.

Его решительность проявилась и в оценках понимания грамотности, которую он определил как «результат начитанности и правильного понимания грамматики», как следствие хорошего образования, а не его цель. В понимании автора грамотность может быть критерием образованности только в том случае, если не пройден путь специального обучения, если не зазубривались «целые орфографические лексиконы наизусть»; она есть форма, в которой содержание (если оно есть) выявится, а изъяны самой формы не представляют смертельной опасности.

Вывод его таков: «пусть общество изобилует людьми мысли, пишущими “дсло”, чем тупицами, заучившими орфографию “дѣло”»²⁴².

Опубликованная газетой «Неделя» и затрагивающая уже «многожды возбуждаемый вопрос» за подписью группы учителей из Калуги заметка посвящена орфографии:

– Одно из самых серьезных затруднений в деле первообразования – это устарелость русского алфавита и связанных с ним правил грамматики. Уже десятки лет толкуют, что пора бы выбросить из азбуки потерявшие всякий смысл отмершие буквы *ЯТЬ*, *ѣ* (десятеричное), *ФИТА*, *ИЖИЦА* и *Ъ* на конце слов. Они когда-то, может быть, были нужны, а теперь составляют только хлам и сор, единственная роль которого – затруднять изучение письма.

²⁴⁰ Житомирский К.Г. Принципы правописания и их применение к русскому языку // Пед. сборник, издаваемый при Главном управлении военно-учебных заведений. 1894 (январь). С. 25.

²⁴¹ Там же.

²⁴² Там же. С. 27–28.

Особенно губительна возня с этим ненужным балластом азбуки в начальных школах. В этих школах больше половины всего времени, отводящегося на обучение правописанию, тратится на приобретение навыка правильного употребления буквы ЯТЬ. Нужно заметить, что в начальных школах на правописание отводится времени больше, чем на все другие предметы, так что «народное просвещение» главным образом состоит в усвоении этой ненужной буквы. Сколько сил и дорогого времени тратится на нее! И хоть бы толк какой вышел! На самом деле за три зимы ученья в народной школе невозможно выучить «писать правильно», то есть соблюдая интересы названной буквы. Даже лучшие ученики, спустя несколько лет по выходе из школы, совсем путаются в правильной постановке ЯТЬ и Е.

Не лучше ли же, вместо бессодержательных упражнений на употребление буквы ЯТЬ, заняться с учениками хотя бы стилистическими упражнениями и дать им навык, действительно полезный и необходимый, ясно излагать свои мысли, так как жалобы на то, что кончившие курс народной школы не могут толково написать письма, к сожалению, вполне справедливы.

Да и кроме знаний по русскому языку разве мало сведений, в которых нуждается молодежь? Но и понимающий все это учитель ничего не сможет сделать, так как на экзамене, если ученики в диктовке (единственной письменной работе) напишут «белый» (т. е. — без буквы ЯТЬ) или что-нибудь подобное, то окажутся совсем не знающими русского языка, а следовательно — недостойными свидетельства об окончании курса.

Мы слышали о намерении учителей русского языка ходатайствовать перед Академией наук об УПРОЩЕНИИ русского правописания. Пишущие эти строки всей душой присоединяются к этой полезной мысли. Пора бы кому следует обратить внимание на это дело и освободить подрастающее поколение хоть от малой части того мусора, которым завален путь народного образования²⁴³.

Авторы многих орфографических публикаций выражали протест против сложившейся в русской школе атмосферы вокруг орфографии. Высказывались протесты против учителей, «строго следящих за правилом и иногда за 3—4 глупые ошибки ставящих неудовлетворительную оценку в письменной работе, которая отличается стилистическим, логическим и художественным достоинством»; против «разного рода ревизоров, в центре внимания которых — только орфографические ошибки»²⁴⁴. При этом настойчиво подчеркивалась мысль о том, что «строгое, суровое отношение к правописанию вредно для

²⁴³ Мусорные буквы // Неделя. 1895. № 47 (19 нояб.). Стлб. 1494—1495.

²⁴⁴ Кремлев Пав. Мытарства одного юнца на письменных экзаменах по русскому языку // Рус. школа. 1898. № 12. С. 42.

развития ума и литературного вкуса», что в школе должна быть атмосфера некоторой свободы, и если ошибки в книге не влияют на ее оценки, то почему школьный экзамен превращен в рубикон aut Caesar aut nihil?²⁴⁵

Публичная лекция Р.Ф. Брандта «О лженаучности нашего правописания», прочитанная автором в 1899 г. в Педагогическом обществе при Московском университете как доклад отделению российской словесности, поставила в фокус общественного внимания орфографический вопрос во всей его сложности.

Р.Ф. Брандт, как и многие его предшественники, показал на примерах ненаучность и непоследовательность существующего правописания «по Гроту». Отрицая избыточные в письменной речи традиционные написания, часто основанные на произволе писцов древности («неужели же уместно давать проявлению полужнакия громкую кличку “исторической” орфографии?»), он выдвигает для русской орфографии два основных научных основания (звуковое и производственное), отдавая почти полное предпочтение первому, и не исключает традиционное.

В «Прибавлении» к материалу лекции изложены основные положения о правописании, большинство из которых разделяли многие ученые и педагоги:

1. «Так как письмо существует не для одних образованных людей, а должно быть общим достоянием, то ему следует быть по возможности доступнее, то есть проще».
2. «Мы пишем для того, чтобы передать свои мысли, а не для того, чтобы блеснуть знанием грамматики».
3. «Мы пишем вместо того, чтобы говорить, следовательно, естественно писать так, как говорят».
4. Разногласие «письма с выговором» обусловлено а) несовершенством прошлых, недостаточно приспособленных к данным языкам азбук, б) сохранением, по косности, соответствующих произношению прежних времен начертаний и в) «мудрствованием грамматистов».
5. «Историческое развитие слов есть движение, а движение нельзя изобразить на письме: орфография может уловить только один какой-нибудь момент».
6. «Естественно брать для изображения настоящий момент, разве что считать современный язык искажением древнего».
7. «Наше правописание, будучи преисполнено непоследовательностей и анахронизмов, не только затруднительно, но и не дает надежных указаний ни по современной, ни по исторической грамматике».
8. Этимологическая орфография допустима «лишь постольку, поскольку сказывается в живом литературном языке без справок с его историей и диа-

²⁴⁵ Кремлев Пав. Мытарства одного юнца на письменных экзаменах... С. 52.

лектологией, доступных только немногим и дающих к тому не раз противоречивые данные».

9. «Еще менее, чем с языком областным и старинным, следует справляться относительно правописания с языками иностранными».

10. Только владение литературным языком позволяет писать «по-литературному», поэтому бессмысленно говорить об отношении орфографии к диалектам.

11. «Сокращение азбуки на 3–4 буквы не следует считать ничтожным сокращением и малым облегчением: и 3 из 36 довольно большой процент».

12. Отмена нескольких произвольных правил не вызовет «искажение живого русского языка», а, напротив, будет способствовать «восстановлению его в своих правах».

13. Упрощение орфографии даст возможность сократить орфографические занятия, освободив время для других занятий по языку и словесности.

14. «Нет никакой надобности в полном единстве орфографии: разнообразие только не должно быть столь велико, чтобы затруднять понимание».

15. Нельзя «руководствоваться чутьем» в вопросах правописания, поскольку всегда «нам кажется естественным и хорошим то, к чему мы привыкли, хотя бы оно было во всех отношениях дурно».

16. Только уже усвоившим «ходячую грамоту» упрощение принесет (или временно, или навсегда) некоторые трудности, но «упрощение предпринимается не для них, а для будущих поколений»²⁴⁶.

Лекция Р.Ф. Брандта стала итогом выступлений за упрощение предшествующего периода и началом достигшего широкого размаха в начале XX столетия орфографического движения к реформе.

²⁴⁶ Брандт Р.Ф. О лженаучности нашего правописания: Публичная лекция // Филол. записки. 1901. Вып. 1–2. С. 57–58.

III. Реформа русской орфографии: ОТ ЗАМЫСЛОВ К ВОПЛОЩЕНИЮ

В XVIII и первой половине XIX вв. призывы к упрощению русской орфографии носили характер индивидуальных выступлений. Но в XX столетии они выливаются в широкое движение, обнаруживая массовую потребность в обсуждении вопросов системного устройства русского правописания и его практического применения; вопросов, которые решаются уже не на уровне одного лица, а в орфографических кружках, педагогических обществах, орфографических комиссиях, педагогических съездах и обществах грамотности.

XX век выявляет широкие общественные задачи орфографического упрощения, намечает путь, который, продолжая «традиции» предшествующего столетия, развивался в борьбе противоположно настроенных общественных сил: в полемике между реакционными кругами правительства, стоявшими на страже орфографической стабильности, в которой виделась стабильность государства (православие – саможертвование – народность – буква Ъ), и передовыми слоями русской интеллигенции, заинтересованными в просвещении народа.

Решения орфографической комиссии при Московском университете под председательством Р.Ф. Брандта

«... устранить эти путы, тормозящие свободное развитие русской школы»

Орфографическое движение XX в. связано с тем, что с начала 1900 г. Педагогическое общество при Императорском Московском университете и некоторые петербургские кружки преподавателей, служащие учебных заведений многих городов российской провинции выступали с ходатайствами об орфографической реформе.

Комиссия преподавателей русского языка и словесности при учебном отделе Московского университета, составивших ядро Отделения преподавателей русского языка и словесности нового Педагогического общества, почти полностью вошла в состав специальной орфографической комиссии по составлению проекта упрощения.

Основные предложения к проекту обсуждались в течение 2-х лет – в 14 заседаниях орфографической комиссии (под председательством профессора Московского университета Р.Ф. Брандта), которая начала свою работу 4 января 1900 г.

В состав комиссии входили председатель Отделения преподавателей русского языка и словесности С.Гр. Смирнов, преподаватели русского языка и словесности П.Н. Сакулин, И.П. Казанский (секретарь), Н.Гр. Бажанов и др. В за-

седаниях этой комиссии принимал участие и оказывал поддержку академик Ф.Ф. Фортунатов.

«Доклад Педагогического общества, состоящего при Московском университете по вопросу об упрощении русской орфографии», прочитанный П.Н. Сакулиным, был утвержден с некоторыми изменениями в общем собрании Педагогического общества 26 мая 1901 г. Полный текст его опубликован в сборнике «Вопросы воспитания и обучения» как труды Педагогического общества, состоящего при Московском университете²⁴⁷.

Члены Педагогического общества были единодушно утверждая, что «научная закономерность в правописании есть уже его упрощение, потому что все то просто, что объяснено и приведено в более или менее строгую систему»²⁴⁸. В заключительном докладе П.Н. Сакулина этимологический принцип утверждался как ведущий принцип русского правописания.

Основные положения доклада сводились к следующему:

а) правописание не должно отождествляться ни с научно-фонетической транскрипцией, ни с фонетическим письмом, а должно быть определенной системой, не трудной для усвоения и годной для ясной (не абсолютно точной) передачи звуков живой речи;

б) русское правописание не должно отражать произносительных особенностей какого-либо диалекта;

в) устойчивость и единообразие орфографии могут быть достигнуты путем сохранения этимологического начала, насколько оно проявляется в современном литературном языке;

г) для упрощения русского правописания необходимо устранение из состава азбуки букв, не соответствующих звукам современного языка, и произвольных правил, введенных в наше правописание без достаточных оснований, резко противоречащих истории и свойствам русского языка;

д) единообразие письма не исключает некоторого разнообразия в несущественных и спорных вопросах: при определении слитного и раздельного написания слов, в орфографии иностранных слов, при переносах и т. д.²⁴⁹

В резюме доклада предложено два возможных выхода:

1) понизить самые требования, особенно по отношению к начальной школе;

2) произвести *пересмотр* современного русского правописания с целью его упрощения.

В своем решении комиссия исходила из положений о том, что:

²⁴⁷ Доклад Педагогического общества, состоящего при Московском университете по вопросу об упрощении русской орфографии // Вопросы воспитания и обучения: Труды Педагогического общества, состоящего при Московском университете. М., 1901. Вып. 1. С. 3–42.

²⁴⁸ Там же. С. 14.

²⁴⁹ Там же. С. 40.

1) письмо по отношению к речи должно удовлетворять важному требованию – «чтобы каждому начертанию соответствовал особый звук и чтобы один и тот же звук не означался разными буквами»;

2) практическое правописание должно отличаться прежде всего простотой и ясностью и цель правописания – «ясное начертание образованного языка простейшими средствами»;

3) живой язык находится в состоянии непрерывного движения, и его развитие совершается в тесной связи с духовной жизнью народа, его носителя;

4) изменения в языке происходят незаметно и независимо от сознания и воли говорящих, а, постепенно накапливаясь, опережают письмо, более косное и неподвижное. Это обстоятельство, по мнению комиссии, оправдывает необходимость периодического переосмысления правописания, на каком бы принципе оно ни было основано, и, как результат такого переосмысления, – создание орфографии более целесообразного типа²⁵⁰.

В заключение доклада была выражена надежда, что ходатайство Педагогического общества явится «в высшей степени своевременным именно теперь, когда правительство и общество заняты мыслью о введении всеобщего обучения и об улучшении строя средней школы»; что орфографическая реформа (при условии постепенности ее применения) «не должна вызывать никаких серьезных осложнений». Облегчение труда учащихся и достижение большей разумности и продуктивности в учебном деле, сообщалось в докладе, «нужно признать столь серьезной задачей, что перед ее важностью и неотложностью должны умолкнуть робкие голоса осторожных людей, считающих опасным всякое нововведение в школе»: своей излишней заботой о незыблемости школьного строя они служат «лучшим оплотом мертвой рутины»²⁵¹.

Комиссией было предложено 16 пунктов упрощения:

А. Исключаются следующие лишние буквы: *ъ, ь, ъ, і, ѳ*.

Б. Предлагаются следующие орфографические правила:

1. В области фонетики

а) мягкий знак пишется только в тех случаях, когда служит смысловоразличению: *знать, нянька, весьма, крестьянин*. Формы инфинитива следует писать без мягкого знака: *знатся*. Он является излишним и на конце слов после шипящих: *ноч, моц, леч*. С устранением буквы *Ъ* мягкий знак (*Ь*) употребляется всегда внутри слов в разделительном значении: *объём, съестъ*;

б) после *Ж* и *Ш* пишется не *И*, а *Ы*: *жыр, жыть, жыла, сушишь*. Вместе с тем является неуместным употребление мягкого знака в конце слов: *рож, тиш*;

в) после *Ц* всегда писать *Ы*: не только *цыган, цыновка*, но и *цыкорий, цытадель, цытата, станция, лекция*;

²⁵⁰ Там же. С. 11.

²⁵¹ Там же. С. 39–40.

седаниях этой комиссии принимал участие и оказывал поддержку академик Ф.Ф. Фортунатов.

«Доклад Педагогического общества, состоящего при Московском университете по вопросу об упрощении русской орфографии», прочитанный П.Н. Сакулиным, был утвержден с некоторыми изменениями в общем собрании Педагогического общества 26 мая 1901 г. Полный текст его опубликован в сборнике «Вопросы воспитания и обучения» как труды Педагогического общества, состоящего при Московском университете²⁴⁷.

Члены Педагогического общества были единодушно утверждая, что «научная закономерность в правописании есть уже его упрощение, потому что все то просто, что объяснено и приведено в более или менее строгую систему»²⁴⁸. В заключительном докладе П.Н. Сакулина этимологический принцип утверждался как ведущий принцип русского правописания.

Основные положения доклада сводились к следующему:

а) правописание не должно отождествляться ни с научно-фонетической транскрипцией, ни с фонетическим письмом, а должно быть определенной системой, не трудной для усвоения и годной для ясной (не абсолютно точной) передачи звуков живой речи;

б) русское правописание не должно отражать произносительных особенностей какого-либо диалекта;

в) устойчивость и единообразие орфографии могут быть достигнуты путем сохранения этимологического начала, насколько оно проявляется в современном литературном языке;

г) для упрощения русского правописания необходимо устранение из состава азбуки букв, не соответствующих звукам современного языка, и произвольных правил, введенных в наше правописание без достаточных оснований, резко противоречащих истории и свойствам русского языка;

д) единообразие письма не исключает некоторого разнообразия в несущественных и спорных вопросах: при определении слитного и раздельного написания слов, в орфографии иностранных слов, при переносах и т. д.²⁴⁹

В резюме доклада предложено два возможных выхода:

1) понизить самые требования, особенно по отношению к начальной школе;

2) произвести *пересмотр* современного русского правописания с целью его упрощения.

В своем решении комиссия исходила из положений о том, что:

²⁴⁷ Доклад Педагогического общества, состоящего при Московском университете по вопросу об упрощении русской орфографии // Вопросы воспитания и обучения: Труды Педагогического общества, состоящего при Московском университете. М., 1901. Вып. 1. С. 3–42.

²⁴⁸ Там же. С. 14.

²⁴⁹ Там же. С. 40.

1) письмо по отношению к речи должно удовлетворять важному требованию – «чтобы каждому начертанию соответствовал особый звук и чтобы один и тот же звук не означался разными буквами»;

2) практическое правописание должно отличаться прежде всего простотой и ясностью и цель правописания – «ясное начертание образованного языка простейшими средствами»;

3) живой язык находится в состоянии непрерывного движения, и его развитие совершается в тесной связи с духовной жизнью народа, его носителя;

4) изменения в языке происходят незаметно и независимо от сознания и воли говорящих, а, постепенно накапливаясь, опережают письмо, более косное и неподвижное. Это обстоятельство, по мнению комиссии, оправдывает необходимость периодического переосмысления правописания, на каком бы принципе оно ни было основано, и, как результат такого переосмысления, – создание орфографии более целесообразного типа²⁵⁰.

В заключение доклада была выражена надежда, что ходатайство Педагогического общества явится «в высшей степени своевременным именно теперь, когда правительство и общество заняты мыслью о введении всеобщего обучения и об улучшении строя средней школы»; что орфографическая реформа (при условии постепенности ее применения) «не должна вызывать никаких серьезных осложнений». Облегчение труда учащихся и достижение большей разумности и продуктивности в учебном деле, сообщалось в докладе, «нужно признать столь серьезной задачей, что перед ее важностью и неотложностью должны умолкнуть робкие голоса осторожных людей, считающих опасным всякое нововведение в школе»: своей излишней заботой о незыблемости школьного строя они служат «лучшим оплотом мертвой рутины»²⁵¹.

Комиссией было предложено 16 пунктов упрощения:

А. Исключаются следующие лишние буквы: *ъ, ь, ъ, і, ѳ*.

Б. Предлагаются следующие орфографические правила:

1. В области фонетики

а) мягкий знак пишется только в тех случаях, когда служит смысловоразличению: *знать, нянька, весьма, крестьянин*. Формы инфинитива следует писать без мягкого знака: *знатся*. Он является излишним и на конце слов после шипящих: *ноч, моц, леч*. С устранением буквы *Ъ* мягкий знак (*Ь*) употребляется всегда внутри слов в разделительном значении: *объём, съестъ*;

б) после *Ж* и *Ш* пишется не *И*, а *Ы*: *жыр, жыть, жыла, сушить*. Вместе с тем является неуместным употребление мягкого знака в конце слов: *рож, тиш*;

в) после *Ц* всегда писать *Ы*: не только *цыган, цыновка*, но и *цыкорий, цытадель, цытата, станция, лекция*;

²⁵⁰ Там же. С. 11.

²⁵¹ Там же. С. 39–40.

г) после шипящих и Ц писать О: *жорнов, шол, течот, прельцион*;
 д) приставки *воз-, из-, низ-* и *раз-*, как и приставки *без-, чрез-* (через-) никогда не меняют З на С.

2. В области морфологии

а) в род. пад. ед. ч. муж. и ср. рода прилагательных, причастий, местоимений и порядковых числительных пишется окончание *-ово* и *-ево*: *злого, доброво, синево, тово, ево*;

б) в именит. и вин. пад. мн. ч. прилагательных и других частей речи того же склонения всегда пишется *-ыи, -ии*: *красныи, синии*;

в) форма *её* употребляется не только в вин., но и в род. пад.;

г) устраняется произвольное различие по родам равноправных форм местоимений и числительных: *они, одни* и *онъ, онъ*; только *они, одни*;

д) в предл. пад. ед. ч. существительных на *й, я, ie* (*Василій, линія, зданіе*) и в дат. ед. существительных на *-я* пишется по общему правилу *е*.

3. Переносы слов

Правила переноса слов не могут иметь никакой научной обязательности. Рекомендуются, однако, переносить слова по слогам с соблюдением лишь двух правил:

а) согласная причисляется к следующей гласной;

б) при стечении нескольких согласных возможно или все отнести к последующей гласной, или некоторые оставить с предыдущей гласной²⁵².

Как образец нового правописания был предложен текст, орфография которого во многом соответствует современной:

Осеннии впечатления в деревне

Солнце с каждым днем греет слабее, и небо все чаще и чаще покрывается облаками. В обнаженных лесах не услышишь уже веселого птичьего пения; в помертвевших лугах не полюбишься пестрым разнообразием трав и цветов; с полей уж давно убрали рожь и даже яровьи хлеба, и всюду, куда ни взглянешь, торчит лишь одна соломенная щетина. Из свинцовых туч безпрестанно льется мелкий дождь, превращая улицу в грязную лужу. Резкий ветер пронзительно свищет в ветвях оголенных деревьев и заставляет легкии деревянные ворота с визгом раскачиваться из стороны в сторону. Сквозь густой туман, разстилающийся иногда по деревне и ее окрестностям, едва виднеются ветхыи избушки.

На улице – полнейшее безлюдье. Все прячутся, кто кудаможет, лишь бы укрыться от этого осеннего ненастья. Окончив свои полевые работы, крестьяне с радостью отдыхают в теплых избах. Прогрели курь приютились под навесом сараев, завернув свою голову под тепленькое крылышко.

²⁵² Доклад Педагогического общества... С. 41–42.

Угрюмыи дворняжки также свернулись комком под телегами, сиротливо стоящими у плетня.

*Представьте себе всю эту картину, и вы поймете, какое грустное чувство должен испытывать непривычный посетитель, случайно попавший в нашу деревню поздней осенью*²⁵³.

Параллельно с комиссией под председательством Р.Ф. Брандта над этим же вопросом, вопросом упрощения русского правописания, работало и другое отделение Педагогического общества – отделение начального образования, возглавляемое М.С. Семеновым. Предложения этого отделения и комиссии Р.Ф. Брандта в большинстве случаев совпадали, но затем рассматривались и в заседании отделения русского языка, и в соединенных заседаниях обоих отделений, и в общих заседаниях Педагогического общества.

Основные положения доклада П.Н. Сакулина было решено разослать в различные ученые, педагогические и просветительские общества в Петрограде, Казани, Одессе, Риге, «чтобы и они высказали свое мнение и возбудили соответствующие ходатайства»²⁵⁴.

В этом же году осенью в Министерство народного просвещения было направлено ходатайство о созыве орфографического съезда и необходимости образовать комиссию из компетентных лиц для решения насущного орфографического вопроса, но МНП в феврале 1903 г. ответило решительным отказом несмотря на то, что проект предполагаемого упрощения был поддержан учительскими съездами 1902 и 1903 годов. С этим ходатайством по времени совпало выступление В. Куницкого «О возможностях упрощения русской орфографии» в заседании педагогической секции Неофилологического общества. Предложения автора значительно не совпадают с предложениями Педагогического общества (они основаны на звуковом принципе), но он также считает существующее правописание тормозом «общественного просвещения»²⁵⁵.

Деятельность орфографической комиссии под председательством Р.Ф. Брандта не привела к реформе, но сконцентрировала орфографические силы и поставила вопрос о реформе русской орфографии на повестку дня российской общественности.

В знак солидарности с московскими педагогами с предложениями об упорядочении и упрощении русского правописания выступило Казанское педагогическое общество. Здесь была создана специальная комиссия, которая в 13-ти заседаниях (1901–1902 гг.) обсудила проект упрощения московских коллег и

²⁵³ Там же. С. 42.

²⁵⁴ Вопросы воспитания и обучения: Труды Педагогического общества, состоящего при Московском ун-те. Вып. II. М., 1904. С. 17.

²⁵⁵ Куницкий В. О возможностях упрощения русской орфографии // Образование. 1901 (нояб.). № 11. С. 33.

создала свой, имеющий лишь незначительные отступления в сторону фонетического принципа проект:

1) после *Ж, Ш, Ц*, как и после твердых согласных, писать только «твердые гласные» и *Е* (*Е* нельзя заменить «твердым Э», так как Э пишется только в начале слов и в иноязычных словах): *жсыр, шыло, медицина, цыркуль, мужом, сердцом, лицо, шорох, женичина, шест*;

2) после *Ч* и *Щ* писать только «мягкие» *Я, Ю, Е, И*: *чодо, щюка, чай, щипать, чай*;

3) приставки *воз-, низ-, из-, раз-, без-, чрез-* писать по фонетическому принципу;

4) в им. п. ед. ч. муж. рода прилагательных, местоимений, причастий и числительных сохранить древнерусское окончание *-ой, -ей*: *черной, первой, синей, третьей*²⁵⁶.

Комиссией по упрощению русского правописания, образованной из профессоров Новороссийского университета и преподавателей русского языка средних учебных заведений г. Одессы при педагогическом отделе Историко-филологического общества Новороссийского университета (председатель — А.П. Флеров) решение московских педагогов было обсуждено и одобрено, поскольку было очевидно, что орфография Грота представляет собой «схоластический пережиток, играющий роль *сильного тормоза просвещения*»²⁵⁷. В печати одобрительное мнение «орфографическому почину» было выражено в некоторых публикациях представителей этого общества²⁵⁸.

С требованием о реформе в то время выступали и многие другие представительные «собрания»: Педагогическое отделение русского литературного кружка в Риге, Педагогическое отделение Петербургского нефилологического общества, Съезд преподавателей русского языка в военно-учебных заведениях России, Тверское педагогическое общества и др.

Те программы, которые были предложены педагогическими обществами других городов, при имеющихся разностях были едины в одном: они предлагали привести русскую орфографию в соответствие с живым состоянием языка.

Вопрос приведения в соответствие удалившейся от живого языка русской орфографии волновал многих педагогов и ученых-языковедов.

Ф.Е. Корш в работе «О русском правописании» заявил о своем полном согласии с мнением комиссии о необходимости реформы, но при этом выступил

²⁵⁶ Будде Е.Ф. Очерк истории возникновения, развития и деятельности комиссии, образованной Казанским Педагогическим обществом // Труды и протоколы Педагогического общества, состоящего при Казанском университете. Казань, 1904. С. 1–16.

²⁵⁷ Флеров А.П. Родной язык в школе и зло современного правописания // Педагогический сборник, издаваемый при Главном управлении военно-учебных заведений. СПб., 1903 (сент.) — С. 191–208; (окт.) — С. 310–330; (нояб.) — С. 418–436.

²⁵⁸ Доклад комиссии по упрощению русского правописания. Новороссийск. [6 г., предположительно 1903]; Лазурский В.Ф. Вопрос об упрощении орфографии у англичан, французов и немцев. Одесса, 1903.

против «фонетического идеала» Р.Ф. Брандта. «Не подлежит ни малейшему сомнению то, что, сколько бы мы ни приближались к современному нам выговору, нам никогда не удастся выдумать такое правописание, овладение которым не требовало бы никакого труда, потому что каждый пишущий найдет в нем нечто несогласное с его выговором и, следовательно, для него лично-условное, и точно так же несомненно то, что правописание тем легче, чем меньше в нем условного»²⁵⁹. Он предлагал писать в существительных им. п. ср. рода *нолѣ* и, поскольку русская азбука бедна знаками гласных звуков, оставить букву *Ѣ* для обозначения, в отличие от безударного (закрытого), ударного («чистого», открытого) гласного *Е*: то есть писать *неку, но тѣкаръ* и др.²⁶⁰

Свои несогласия с решениями московских педагогов выразили многие представители ученого и педагогического мира:

проф. А. С. Будилович, считавший, что «законные изменения в области образованного языка и установившегося правописания» следуют только живым примерам «образцовых писателей, незаметно пролагающих новые пути в образованной речи и постепенно подчиняющих своему влиянию как общество, так и школу», а законодательные реформы могут причинить только вред достоинствам языка²⁶¹;

проф. А. И. Томсон, утверждавший, что правописание всякого культурного народа являет собой «продукт действий разнообразных факторов», которые внесены в него (сознательно или бессознательно) «не произвольно, а под влиянием множества психических условий», которые никогда не удастся установить полностью»²⁶². Категорическое несогласие с решениями московских реформаторов он выразил и в других своих статьях, считая, что необходима реформа не самого правописания, а методов преподавания его в школе²⁶³;

акад. И. В. Ягич высказался против «решительно фонетической» реформы, но не отвергал реформу умеренную²⁶⁴;

приват-доцент А. С. Белкин выразил недоверие многим решениям орфографической комиссии (см.: Гл. 4. С. 160–169).

В выступлениях «за» или «против» упрощения неизменно отмечалось два недостатка русской орфографии: отсутствие единства в установлении принци-

²⁵⁹ Корш Ф.Е. О русском правописании. СПб., 1902. С. 34–35.

²⁶⁰ Там же. С. 28, 29.

²⁶¹ Будилович А.С. О московском проекте упрощения русского правописания: Сб. учено-литературного о-ва при Имп. Юрьевском ун-те. 1902. Т. 5. С. 170–196.

²⁶² Томсон А.И. К теории правописания и методологии преподавания его в связи с проектом упрощения русского правописания. Одесса, 1903. С. 4.

²⁶³ Томсон А.И. Реформа в ущерб грамотности и правописания. Одесса, 1904. 36 с.; Томсон А.И. Необходима реформа не правописания, а преподавания правописания. Одесса, 1905. 40 с.

²⁶⁴ Ягич И.В. По поводу статьи Р.Ф. Брандта «О лженаучности нашего правописания». Мнение академика Ягича о реформе правописания / Пер. Б.М. Ляпунова // Летопись историко-филологического о-ва при Имп. Новороссийском ун-те. Т. 11. Одесса, 1904. С. 271–274.

па (фонетический, исторический, словопроизводственный) и непоследовательность в проведении каждого из них.

Вся представленная многообразная орфографическая деятельность послужила решительным толчком для создания орфографической комиссии, которая была организована по постановлению Второго Отделения Императорской Академии наук и которая вошла в историю русской орфографии как Орфографическая комиссия 1904 года.

Деятельность Орфографической комиссии 1904 г. под председательством К.К. Романова

«...вопрос о реформе решен единогласно в утвердительном смысле»

1904 г. обозначил новый поворот орфографических событий. В существовавших до заседания Орфографической комиссии 1904 г. проектах упрощения русского письма сложилось два направления с разными намерениями и предложениями:

1. Провести радикальную реформу с исключением лишних букв и упрощением некоторых правил существующей орфографии.
2. Ограничиться педагогическим упрощением – относиться снисходительно к тем правилам правописания, которые представляются условными и спорными (слитные и раздельные написания слов, правила переноса, правописание иноязычных слов и др.).

Однако при всей разности своих устремлений представители того и другого направления отмечали, что книга Я.К. Грота «Русское правописание», получившая незыблемый статус орфографического руководства для школы, не решила всех задач, связанных с вопросами правописания, и не облегчила усвоение учащимися правил орфографии²⁶⁵.

В связи с этим Главное Управление военно-учебных заведений по приказу Его Императорского Высочества (Главного начальника военно-учебных заведений) обратилось с просьбой к Императорской Академии наук выяснить, признает ли она руководство Я.К. Грота своим официальным изданием, обязательным для школ и всех ведомств, и, кроме того, поставить вопрос об упрощении русского правописания в тех пределах, какие сама Академия признает целесообразными.

В ответ на эти заявления Второе отделение Императорской Академии наук сообщало, что при всех достоинствах орфографического руководства академика Я.К. Грота было бы ошибочно смотреть на изложенные в нем правила как

²⁶⁵ Протокол Первого заседания комиссии по вопросу о русском правописании. СПб., 1905. С. 5.

исходящие от Отделения русского языка и словесности, так как труд этот хотя и составлен по поручению именно этого отделения, но всего лишь одним из его представителей. Он не должен быть принимаем за свод орфографических правил, «выработанных самим Отделением в том составе, какой оно имело в I половине 1880-х годов», и потому критика орфографического руководства «не затрагивает интересов Академии наук»²⁶⁶. В ответ на вопрос Казанского Педагогического общества о *научности* существующего правописания было отмечено, что русское правописание должно представлять собою «условный компромисс двух принципов: фонетического и исторического» и что «самое соглашение этих разнородных принципов, основывающееся на тех или других практических удобствах, находится вне контроля какой-либо другой науки, кроме логики, хотя логичность, последовательность в построении правил правописания, конечно, не делает научным самое правописание»²⁶⁷.

Вопросу о реформе русской орфографии, научности и целесообразности существующей орфографии было посвящено Первое заседание Орфографической комиссии 1904 г., которое состоялось 12 апреля в 2 часа пополудни под предс. Августейшего Президента Императорской Академии наук Его Императорского Высочества Великого Князя Константина Константиновича Романова. Накануне заседания этой комиссии, 29 февраля 1904 г., проф. Р.Ф. Брандт в письме акад. Ф.Ф. Фортунатову оценивал как чрезвычайно положительный тот факт, что Академия во главе с ее президентом выступает против «ходячего правописания», и выражал надежду на успешность предстоящих решений.

В заседании комиссии принимало участие 50 лиц, замечательных представителей русской науки, культуры, печати, литературы, и среди них такие выдающиеся представители науки о языке, как академик Ф.Ф. Фортунатов, товарищ (= заместитель) председателя; академики А.А. Шахматов, Ф.Е. Корш и А.И. Соболевский; профессора А.И. Бодуэн де Куртэнэ и Р.Ф. Брандт; И.Ф. Анненский, директор Императорской Николаевской Царскосельской гимназии, известный поэт, и П.П. Гнедич, известный писатель и переводчик, и др.

Августейший председатель пригласил к обмену мнениями, выразив надежду, что мнения эти «не будут уклоняться в слишком общие и отвлеченные рассуждения о пользе и вреде преобразования», поскольку в решении этого вопроса «культурные и национальные задачи одинаково важны каждому»²⁶⁸.

Открывая это историческое заседание, акад. Ф.Ф. Фортунатов предложил на рассмотрение три основных вопроса:

1. Признает ли АН правописание, рекомендованное акад. Я.К. Гротом, своим?
2. Признает ли АН это правописание научным?

²⁶⁶ Там же. С. 6–7.

²⁶⁷ Там же. С. 7–8.

²⁶⁸ Там же. С. 9.

3. Не усматривает ли сама АН в этом правописании внутренних противоречий и при этом такого рода, что они наводят на мысль о необходимости систематизации правописания?

В выступлении акад. Ф.Ф. Фортунатова была настойчиво подчеркнута необходимость освобождения русского правописания от всех явлений, которые не находят соответствий в фактах современного языка, а некоторые – даже в фактах языка древнерусского. Он поднял свой авторитетный голос «в пользу полузабытых интересов родного языка и учащихся детей»²⁶⁹ и особенно обратил внимание присутствующих на то, что изучению букв *Ѣ, ѐ, і* десятиричное уделяется так много сил и времени, что их не остается для изучения самого языка, потому что «за орфографией спрятан сам язык». По его мнению, в школьном преподавании место для так называемых лишних букв не в теории и практике правописания, а в курсе школьной грамматики русского языка. Кроме того, он высказался определенно за необходимость упрощения некоторых орфографических правил.

Настойчиво выражая мнение о необходимости упрощения, Ф.Ф. Фортунатов указал на важное заблуждение, которое является тормозом в процессе его подготовки – неразличение звука и буквы и отсутствие руководящих принципов. Упрощение русского правописания, по его убеждению, требует применения исторического или этимологического принципа, который «имеет пределы, указываемые практической целью правописания»²⁷⁰.

«Высказываясь решительно за упрощение принятого ныне правописания, – сказал он в заключение своего выступления, – мы имеем в виду при этом прежде всего интересы школы. Можно было бы мириться в большей или меньшей степени с неудачами нашего правописания, если бы дело шло только об интересах практики; можно было бы останавливаться перед решительными шагами в борьбе с традицией и предлагать лишь незначительные поправки в орфографических требованиях даже и при сознании экономической невыгоды современного правописания для печати... но нельзя не признать в высшей степени желательную реформу нашего правописания в виду того вреда, какой приносят школе действующие орфографические требования. Школа, и низшая и средняя, подавлена этими требованиями... тот, кто желает школе более успешного изучения в ней русского слова и произведения этого слова, не может не желать, чтобы буквам было отведено далеко не первое место»²⁷¹.

Не одобряя фонетических намерений в планируемом упрощении правописания Ф.Е. Корша и Р.Ф. Брандта, свою задачу как ученого он видел в том, чтобы лишить орфографию «ложного ореола научности» и в разработке

²⁶⁹ Чернышев В.И. [1947] Ф.Ф. Фортунатов и А.А. Шахматов – реформаторы русского правописания (По материалам архива АН и личным воспоминаниям) // Чернышев В.И. Избр. труды: В 2-х т. Т. 2. М., 1970. С. 466.

²⁷⁰ Протокол Первого заседания комиссии... С. 11.

²⁷¹ Там же. С. 13–14.

проекта упрощения обозначить границы компромисса между фонетикой и историей языка.

Значительное место в работе комиссии занял доклад П.Н. Сакулина (в то время приват-доцент Московского университета), которого принято считать первым после академиков Ф.Ф. Фортунатова и А.А. Шахматова по степени причастности к идее реформы. В своем обстоятельном докладе он остановился на двух основных мотивах реформы – педагогическом и научном – и ответил на все возражения противников упрощения письма.

Важным педагогическим основанием предлагаемой реформы П.Н. Сакулин, как и академик Ф.Ф. Фортунатов, считал то, что «усвоение правописания составляет главную цель занятий по русскому языку в школах всех типов, а в начальных училищах – е д и н с т в е н н у ю, хотя полной грамотности не достигает», а отсюда, по мнению докладчика, при огромной и односторонней затрате умственной энергии, которая мешает школе в осуществлении ее общеобразовательных задач, у учителей нет уверенности в педагогической целесообразности этой работы.

Научные основания, представленные в докладе, не менее значительны: «операция упрощения, приводящая многих, по меньшей мере, в смущение, вполне совместима с достоинством науки и не заключает в себе никаких посягательств ни на интересы просвещения, ни на свойства живого литературного языка», которым можно по справедливости гордиться и который, без сомнения, «необходимо оберегать от всякой порчи».

П.Н. Сакулин подробно остановился на основных положениях орфографических взглядов противников и поборников реформы (приват-доцент А.С. Белкин, проф. А.С. Будилович, проф. А.И. Томсон, акад. И.В. Ягич и акад. Ф.Е. Корш), акцентируя внимание комиссии на необходимости дифференцировать при обсуждении вопросов упрощения такие понятия, как *язык* и *письмо*, а отсюда освободиться от ложного предубеждения, что изменения в орфографии приведет к изменениям в языке, и сохранять неизменным этимологический (морфологический) принцип орфографической системы русского языка. Ни настойчивое утверждение орфографических консерваторов о принципиальной невозможности производить изменения в орфографической системе (А.С. Будилович, А.И. Томсон), ни консерватизм грамотного человека (А.И. Томсон), ни опасения их реформой «нарушить единообразие правописания и породить долгие культурные неурядицы» (А.И. Томсон, А.С. Будилович, А.С. Белкин), ни утверждение об отсутствии экспериментальных данных, необходимых для проектирования реформы (А.С. Белкин, А.С. Будилович), ни, наконец, настойчивые уверения в том, что в настоящий момент «нет серьезной необходимости в изменении русского правописания» не могли поколебать его убеждение в настоятельной необходимости реформы: «таков общий взгляд педагогов, таково мнение многих выдающихся

ученых»²⁷². Убедительно в защиту реформы прозвучали его заключительные слова: «Если изменение орфографии не угрожает ни интересам народности и просвещения, ни достоинству нашего литературного языка, то зачем медлить с реформой? Неужели логика ума и жизни окажется бессильной перед логикой механических привычек глаза и руки? Положительного решения вопроса с напряженным вниманием ждет от нас русский учитель, ждут тысячи тысяч русских детей. Реформа дала бы школе возможность расширить и углубить свои образовательно-воспитательные задачи, и это подняло бы уровень русского просвещения и значительно помогло бы культурному росту всего нашего общества»²⁷³.

Считая реформу «благим делом», проф. Р.Ф. Брандт выступил в поддержку основных положений докладов и Ф.Ф. Фортунатова, и П.Н. Сакулина против «ходячего» правописания и за «возможно полное сближение письма с литературным выговором». Он отстаивал права фонетического принципа, поскольку «этимология, если не ограничиваться ближайшими, вполне явными, связями, дает нам крайне неустойчивое руководство для письма». При этом он подчеркнул, что буквы Ъ и Ы в русской орфографии «играют самую жалкую роль», потому что употребление их «столь трудно, что сами грамматисты в нем запутались и не раз укачивали «безграмотные» написания. Из всего сказанного следовало его решительное заключение:

Святой Кирилл сделал прекрасно, что, изобретая азбуку для такого славянского языка, где были особые звуки Ъ и Ы, ввел для них особые звуки и не затруднился «исказить» стародавний греческий алфавит этими (и другими) прибавками; также старейшие русские писцы не без основания удерживали буквы Ъ и Ы, имевшие у них особое произношение, хотя, надо думать, отличное от староцерковного. Но теперь таких звуков нет, и, следуя примеру самого св. Кирилла и применяя азбуку к потребностям данного языка, можно их исключить»²⁷⁴.

И, кроме того, в числе немногих Р.Ф. Брандт выступил против догматизма за орфографическую вариантность: в одних случаях, где этимологические и диалектные факторы не всегда надежны, ограничиться «этимологическими начертаниями, на которые указывает литературное произношение», а в других случаях «разрешить письмо по слуху: напр., не только *собака* и *корабль*, но и *са-, ка-*»²⁷⁵.

Выступление профессора А.С. Будиловича было единственным на этом заседании выступлением против реформы. Его орфографическая концепция заключалась в том, что нельзя резко вторгаться в пределы орфографии, что

²⁷² Протокол Первого заседания комиссии... С. 31.

²⁷³ Там же.

²⁷⁴ Там же. С. 37.

²⁷⁵ Там же. С. 39-40.

всякие орфографические изменения должны носить эволюционный характер и что только в ориентации на такое, эволюционное, направление в изменении орфографии работа комиссии будет успешной. В противном случае, если поставить как основную цель изменение установившейся системы правописания в фонетическую (что, по его мнению, неизбежно при устранении букв Ъ и Ы на конце слов), то это непременно вызовет в обществе сильные противодействия, а потому работа комиссии «не может рассчитывать на успех при всей авторитетности своего состава».

Как представитель министерства народного просвещения он высказал и свои педагогические опасения: школа существует не для того, чтобы производить эксперименты над учениками и распространять не проверенные жизнью теории, и сама мысль о реформе нельзя признать педагогической, поскольку «она явится актом насилия, для которого нет прецедентов ни в нашей, ни в западноевропейской истории»²⁷⁶.

Во многих других выступлениях, защищая идею реформы, авторы их доказывали, что:

1) вопрос о реформе назрел и созрел в недрах школы, «где была наибольшая практика применения способов и приемов обучения, где была развита лабораторная работа с опытами ввести в круг человеческих духовных знаний знание и русской орфографии». «Ни типографский станок, ни читатели, ни писатели не могли и не могут обогатить такими доказательными опытами нашей программы действий на пользу людей, которым предстоит в стране будущее, какими опытами обогатила нашу программу школа», а поэтому именно школа должна помочь ученику «изысканием легчайших и разумнейших способов усвоения изучаемого» (проф. Е.Ф. Будде);

2) шестидесятилетний опыт преподавания русского языка в школе привел к заключению о крайне плохой постановке дела по изучению орфографии в школах России (это страшная, ничем не вознаграждаемая потеря времени как для учеников, так и для учителей) – учителя учат разным орфографиям, и школьники в результате этого «подвергаются порицанию одного учителя за то, за что другой учитель их бы похвалил», и это напоминает известное выражение о вкусе и приличии: «что за Пиренеями добродетель, то по сю сторону Пиренеев – порок и обратно» (М.И. Михельсон);

3) предполагаемые изменения коснутся лишь тех явлений, которые живут в языке как наследие церковнославянского языка и составляют преимущественно «главные пункты преткновения в русском правописании» (проф. Ф.Е. Корш);

4) надо обратить внимание общественности на самое важное основание реформы вообще и реформы русского языка, в частности, на общепризнанное «утраты некоторыми из существующих черт языка своего прежнего истинного значения и необходимости исторически-естественной смены отжившего но-

²⁷⁶ Там же. С. 45.

вым, соответствующим современному состоянию языка» (Н.В. Волков, преподаватель С.-Петербургской 7-й гимназии);

5) «если вместо *ЕРОВ* и *ЯТЕЙ* мы дадим школе богатое духовное наследие, оставленное нам представителями русской литературы», то это не деморализует школу (как опасались некоторые), а поднимет ее: «уничтожив искусственно созданные трудности правописания, мы с большим усилием поведем все классы населения по пути к истинному просвещению, внесем здоровый дух, а не смуту» (Н.К. Кульман, преподаватель Императорского Александровского лицея);

6) только путем упрощения русской орфографии, то есть создания орфографии более простой «для усвоения и применения» с наименьшими отступлениями от традиционных способов письма, можно избавить русский народ «от грубой неграмотности» и создать «одно из необходимых условий для правильного развития народной школы», а все остальные способы повышения орфографической грамотности не могут иметь существенного значения – совершенствование приемов обучения правописанию, изменение основного типа школы, создание для народной школы особой упрощенной орфографии (Ф.Ф. Ольденбург, академик);

7) от упрощения орфографии выиграет не только низшая и средняя школы, но и высшая, например военная академия, где на вступительных и переходных экзаменах приходится «не пропускать значительное количество способных офицеров только потому, что с буквой *Ъ* они в споре» (Н.А. Котляревский, академик).

Все приведенные материалы очевидно свидетельствуют, что большинство выступавших на заседании убедительно представили законность попыток к созданию новой орфографической системы, которая была бы приведена к некоторому единообразию и значительно соответствовала бы живому произношению. При этом все они ставили во главу угла научные и педагогические основания предполагаемой реформы.

В.И. Маркевич, управляющий Сенатской типографией, изложил выгодные экономические последствия этой значительной акции.

Его расчеты сводятся к следующему: если взять, например, один выпуск Журнала министерства народного просвещения за март 1904 г. (26 и 1/8 листа), отпечатанный в количестве 2275 экземпляров (= 892 р.), то исключение лишних букв даст такую экономию:

1) Набор	11 р. 25 к.
2) Печать	7 р.
3) Брошюровка	4 р.
4) Бумага	14 р. 30 к.
5) Чтение I корректуры	1 р. 12 к.
6) Исправление ред. корректуры	2 р. 13 к.
Итого	40 р. 35 к.

После завершения дискуссии академик Ф.Ф. Фортунатов зачитал участникам заседания письмо сельского учителя на имя Августейшего председателя комиссии, где сообщалось о бедственном положении начальной школы, которая подавлена изучением грамотности, что является препятствием на пути образования и ставит Россию на последнее место среди европейских государств²⁷⁷.

Итак, на заседании Орфографической комиссии 1904 г. были прослушаны обе стороны – противников и сторонников реформирования русского правописания, и в результате вопрос об упрощении «единогласно был решен в утвердительном смысле». В решении вопроса о содержании реформы мнения участников разделились. Из 50 членов комиссии за упрощение голоса распределились следующим образом:

за упрощение с исключением некоторых букв – 42;

за упрощение без исключения букв – 8.

Результаты голосования по каждой конкретной букве тоже были решены не в пользу противников. «За» и «против» распределились (соответственно) так: *Ѡ* – 47/3; *Ъ* на конце слов – 36/14; *i* десятиричное/восьмерициное – 39/11; *Ѣ* – 34/15 (и один голос не был подан).

По предложению Августейшего председателя комиссии были избраны из всего состава «сложными записками» 7 членов и 3 кандидата в орфографическую подкомиссию, которой и предстояло разработать окончательный проект предстоящего упрощения.

В эту группу «разработчиков» вошли самые выдающиеся лингвистические силы России того времени: академики Императорской Академии наук Ф.Ф. Фортунатов, А.А. Шахматов, А.И. Соболевский и Ф.Е. Корш; профессора П.Н. Сакулин, И.А. Бодуэн де Куртенэ, Р.Ф. Брандт.

Кандидатами этой комиссии стали: профессор Имп. историко-филологического института С.К. Булич; приват-доцент Имп. С.-Петербургского университета Н.М. Каринский; преп. Имп. Александровского лицея Н.К. Кульман.

По личному приглашению Ф.Ф. Фортунатова в работе подкомиссии принимал В.И. Чернышев, в то время преподаватель.

Последние страницы «Протокола» заключают в себе особое мнение проф. А.С. Будиловича, в котором автор еще раз, как и в представленном комиссии докладе, выразил свои опасения, что устранение лишних букв изменит всю систему русского правописания от исторической к фонетической, что радикальная реформа не всегда осуществима, так как «письменность слишком тесно сливается со строем и состоянием данного языка, чтобы возможно было в любой момент разобщить их, не задевая при этом ни грамматики, ни лексику, ни разнообразных культурных соотношений языка в среде прочих факторов народной образованности».

²⁷⁷ Протокол Первого заседания комиссии по вопросу о русском правописании. СПб., 1905. С. 55, 58–61.

Здравый консерватизм жизни русского языка и мощный размах литературы, по мнению автора, не оправдывает реформы, и «можно смело утверждать, что в настоящее время никакому авторитету не удастся задержать маховое колесо русской письменности, чтобы дать ей другое, упростибельное направление».

Автор полагал также, что комиссия должна была ограничиться задачей регистрировать в грамматике и лексиконе то, что «развито жизнью, выработано писателями и принято обычаем», а в противном случае реформа представляется несбыточной, поскольку осуществить ее предполагается «руками школьников», а право на эксперименты подобного рода «крайне спорно» — «школа учреждается не для проведения тех или иных научно-педагогических гипотез и проектов, а для воспитания и образования молодежи путем преподавания ей определенных наук или искусств, достаточно уже разработанных, проверенных на опыте и имеющих отношение к целям общечеловеческого и народного развития», и поэтому «непедагогично делать школьников тараном для пробивания бреши в системе общепринятых форм письменности».

Проф. А.С. Будилович предложил, чтобы носителями новой орфографии стали члены комиссии и их последователи, чтобы они установили ее на месте традиционной системы, чтобы со временем возникла «целая новая литература, которая затмила бы собою литературу пушкинскую».

Он отвергал другие способы навязывания новой системы школе, считая их «актом ничем не оправдываемого насилия», не имеющего для себя прецедентов в истории образованных стран, «за изъятием Австрии, которая недавно административным актом заменила в червонорусских школах орфографию историческую фонетическую».

Единственно правильное решение, по его непоколебимому убеждению, — держаться здравого принципа: *quieta non movere*²⁷⁸.

Орфографическая комиссия 1904 г. не осуществила задуманного упрощения, но она сконцентрировала научные и педагогические силы в едином движении за грамотность и просвещение народа через реформу орфографии.

Деятельность Орфографической подкомиссии и ее последствия

«... публика и печать могли бы оказать
большее доверие специалистам»

Уже после заседания орфографической комиссии, в сентябре 1904 г., подводя итог ее деятельности и уверенно глядя в орфографическое будущее, П.Н. Сакулин напишет: «Пожелаем же, чтобы начатое дело упрощения было доведено до благополучного конца, чтобы новое правописание после тщательного теоре-

²⁷⁸ Протокол Первого заседания комиссии... С. 65–67.

тического обсуждения получило возможно широкое практическое применение и во всяком случае сделалось бы достоянием всей русской школы. Тогда свободней вздохнут тысячи тысяч русских детей и школа окажется в состоянии расширить и углубить свои воспитательно-образовательные задачи, что в свою очередь благотворно отразится на общем культурном росте нашего Отечества»²⁷⁹.

Желанием придать гласности все, связанное с обсуждением орфографического вопроса, предиктованы инициатива академиков Ф.Ф. Фортунатова и А.А. Шахматова и их непосредственное участие в опубликовании материалов с заседания Орфографической комиссии («Правительственный вестник. 30 апр. и 1 мая 1904 г.») и «Предварительное сообщение Орфографической подкомиссии» (СПб., 1904. — 16 с.). (По распоряжению Попечителя Киевского Учебного округа «Предварительное сообщение Орфографической комиссии» было опубликовано в Тифлисе (Тифлис, 1904. — 16 с.). Год спустя под редакцией Ф.Ф. Фортунатова был издан еще один документ — «Протокол первого заседания Комиссии по вопросу о русском правописании, состоявшегося 12 апреля 1904 г.» (СПб., 1905. — 67 с.).

Результаты работы Орфографической комиссии стали известны в широких кругах российской общественности. Как сообщала газета «Новое время» (№ 10104), педагоги с редким единодушием приняли постановление о реформе, поскольку они более чем кто-либо другой понимали, что школа должна воспитывать ученика на осмыслении и продуктивном труде, а таковыми качествами не отличались обычные упражнения на орфографические правила принятого тогда правописания: «зубрение ятевого списка» становилось «педагогической оргией».

Орфографические предложения «Предварительного сообщения», во многом унаследовавшие положения проекта упрощения Орфографической комиссии при Педагогическом обществе Московского университета, были разосланы всем интересующимся судьбой вопроса об усовершенствовании русской орфографии с просьбой прислать замечания к сентябрю на имя предс. Подкомиссии акад. Ф.Ф. Фортунатова. Этот шаг орфографической подкомиссии был вызван намерением получить всестороннюю оценку своей орфографической деятельности и предложенного проекта упрощения.

После первого заседания 12 апреля 1904 г. Орфографическая Подкомиссия под председательством академика Ф.Ф. Фортунатова приступила к работе над проектом упрощения. Сразу же состоялось 6 заседаний (13, 14, 16, 17, 19 и 20 апреля), а через 7 месяцев еще 4 заседания (18, 20, 21, 22 декабря), где было продолжено обсуждение проекта орфографического упрощения.

Связанные с проектом вопросы подвергались тщательному обсуждению и принимались чаще всего или большинством голосов, или единогласно. Пред-

²⁷⁹ Сакулин П.Н. Вопрос об упрощении русской орфографии // Вестник воспитания. 1904. № 6. С. 164.

ложение Ф.Ф. Фортунатова ввести букву *Ј* с двумя точками не вызвало одобрения и большинством голосов (против одного) было отвергнуто (ПФА РАН. Ф. 90. Оп. 2. Ед. 5. Л. 8).

Здесь же были рассмотрены многочисленные письма и брошюры, которые явились откликом на «Предварительное сообщение Орфографической комиссии». Так, Р.Ф. Брандт познакомил с содержанием присланной В.В. Тихомировым брошюры «Новая русская народная азбука» (Вильна, 1904), с рукописными замечаниями его же на «Предварительное сообщение» 1904 г. и с письмом сельской учительницы В.Я. Сердюковой (ПФА РАН. Ф. 90. Оп. 2. Ед. 5. Л. 7).

П.Н. Сакулин познакомил членов подкомиссии с несколькими документами:

1. Письмо магистранта Смирнова.
2. Рукописные замечания по поводу сообщений подкомиссии г. Герасимова.
3. Письмо ученика Харьковского земледельческого училища Гудзенко.
4. Письмо г. Лаврова.
5. Письмо дворянина Лебедева.
6. Брошюра Л. Филиппова «Абаш или рациональный букварь. Опыт улучшенного и сокращенного букваря для скорости печати».
7. Статья Учителя в журнале «Народное образование» за декабрь 1904 г.
8. Брошюра П. Сорочиского «Проект новой азбуки, орфографии и грамматики».

Ф.Ф. Фортунатов прочитал письма и сообщения от:

1. Человека, не считающего себя необразованным.
2. Инженера Боровского.
3. Житомирских ремесленников.
4. Инженера Величкина.
5. Учителя Ракобольской сельской школы (Ярославской губернии) Як. Ильинского.
6. Инженера Чмутова.
7. Любителя русского языка (без фамилии).
8. Г. Журавлева.
9. Генерала Милорадовича.

В.И. Чернышев привел многие пожелания и замечания из периодической печати, которые были вызваны также «Постановлением Орфографической комиссии» и свидетельствовали о широком общественном резонансе проводимой Орфографической подкомиссией деятельности: газеты «Свет», «Новое время», «Новости», «Биржевые ведомости», «Русь», «Петербургский листок», «Петербургская газета», «Петербургские Ведомости», «Разведчик», «Русские ведомости», «Русское слово» высказали свое слово одобрения.

С другими письмами и документами выступили Н.М. Каринский и И.А. Боудэн де Куртенэ и др. (ПФА РАН. Ф. 90. Оп. 2. Ед. 5. Л. 8).

Р.Ф. Брандт внес предложение установить прежде всего общий принцип, выработать «идею письма, которая бы в течение долгого времени не нужда-

лась в дальнейшей переработке», считая что принцип «звуковой четкости, прочности удобочитаемости» будет в высшей степени соответствовать главной задаче (ПФА. Ф. 90. Оп. 2. Ед. 5. Л. 8).

Идея реформы встретила мощное сопротивление именно как демократическая акция, продиктованная стремлением сделать русское правописание более доступным основной массе российского народа.

Недоброжелательно откликнулась на орфографические предложения 1904 г. периодическая печать, выступления которой отличались чаще всего орфографическим невежеством²⁸⁰. Начавшаяся в 1904 г. дискуссия, утихая лишь на время, почти не прекращалась вплоть до 1917 г.

Из стана орфографических консерваторов писали, что «против ересьборцев нужно восставать серьезно и энергично», а за букву *Ъ* бороться каждому и всем близоразумным и понимающим дело русским ученым и писателям»²⁸¹. В работе К. Радченко, написанной по горячим следам, но опубликованной только в 1910 г., было отмечено, что «радикальная реформа правописания в наше время ничем не оправдывается, и осуществление ее на практике создало бы столько затруднений, произвело бы такой хаос, что в результате получился бы только вред и задержка для народного просвещения, о преуспевании которого должен был заботиться всякий истинно образованный и искренне любящий свою родину человек»²⁸². В.Н. Щепкин в статье «К реформе русского правописания» отметил ошибочность взгляда на письмо как «условной передачи звуков» устной речи. В отличие от этого он считал, что для грамотного человека устная и письменная речь – это «два различных искусства», «два различных языка», хотя и связанных между собой в различных психических ассоциациях»²⁸³.

В предложении писать *конь*, но *еж* или *тень*, но *рож* он видел нежелательные последствия: разбиваются стройные категории зрительного языка, и этим русские реформисты «создают хаос, но несколько не достигают упрощения», потому что двойственность на письме по-прежнему остается. В ответ на предложения комиссии он делал свои предложения – ввести недостающие знаки в соответствии с историческим и морфологическим (= этимологическим) характером русского письма²⁸⁴.

В адрес подкомиссии поступило множество писем от разных лиц с различными мнениями о работе самой комиссии и ее предложениях. Один из фондов академика Ф.Ф. Фортунатова в Петербургском филиале Российской Академии

²⁸⁰ Чернышев В.И. [1947] Ф.Ф. Фортунатов и А.А. Шахматов – реформаторы русского правописания (По материалам архива АН и личным воспоминаниям) // Чернышев В.И. Избр. труды: В 2-х т. Т. 2. М., 1970. С. 574–584.

²⁸¹ Коларь О. Несколько замечаний по поводу русского правописания. СПб., 1905.

²⁸² Радченко К.Ф. Новейшие проекты реформы русской орфографии и мнения, высказанные по поводу их в печати нашими учеными. Нежин, 1910. С. 35.

²⁸³ Щепкин В.Н. К реформе русского правописания // Рус. ведомости. 1904 (25 сент.). № 267.

²⁸⁴ Там же.

наук (ПФА РАН) включает материалы частной переписки в связи с орфографическими событиями 1904 года (Ф. 9. Оп. 1. Е. 842):

Правление С.-Петербургского Педагогического общества взаимной помощи по постановлению общего собрания от 18 апреля (присутствовало 130 человек) приветствует комиссию и желает ей полного успеха в ее начинаниях (Л. 2).

Письмо А.А. Киреева (состоял при дворе великой княгини Александры Иосифовны) от 17.07.04., адресованное президенту Академии наук, заключало совсем противоположные оценки проекта упрощения («в изменениях нет ни малейшей надобности») и обращенную к президенту просьбу не давать хода «облегчительным проискам» (Л. 237–238).

Другой фонд (Ф. 90. Оп. 2. Е. 11) включает в себя 168 листов орфографических материалов 1904–1913 гг. Среди них также письма, авторы которых выражали одобрение орфографическим решениям подкомиссии:

докладная записка учителя Ракобольской средней школы в Императорскую Академию наук, приветствующая деятельность подкомиссии с чувством искренней радости (Л. 8);

открытое письмо представителей торгово-промышленных фирм и старших служащих в частных и общественных учреждениях с пожеланием не откладывать дело реформы (Л. 156).

Здесь же хранятся и письма тех, кто не принимал идею вмешательства в историю веками формировавшейся и уже сформировавшейся письменности. Например, гневное письмо от ремесленников г. Житомира, адресованное президенту Академии наук и Орфографической подкомиссии (Л. 40, 41):

«Ваше превосходительство
и гг. члены Орфографической комиссии!

Что вы выдумываете? Зачем хотите сделать грамматический раскол в России? Ей богу, вам ничего не удастся в изменении русской азбуки, потому что все, и ученые и неученые, в здешнем южном крае положительно не желают согласиться с вашей затеею. Подумайте, господа, что весь народ привык к нынешнему азбучному строю, где все буквы необходимы, потому что есть различие в основах и корнях слова...

Все мы ополчились против вашей затеи, потому что она вовсе несправедливая, и просим вас всех господ-затейников... оставить в покое старинный строй русской азбуки и ни в чем, даже ни на одну йоту, не изменять его... *Нас целый легион*, и мы не принимаем никакого изменения русской азбуки».

Однако, вопреки мнению и желаниям житомирцев, писем от сторонников упрощения было гораздо больше. Некоторые из этих писем уже тогда, в 1904 г., написаны были в новой, еще только проектируемой орфографии, и все они желали успеха уже начатой по упрощению орфографии кампании.

Представители педагогических кругов искренне и с радостью откликнулись на орфографические события года.

«Статьи и докладные записки, присланные в комиссию преподавателями русского языка, народными учителями и другими лицами с предложениями, сообщениями, отзывами по вопросам упрощения русского правописания» (Ф. 90. Оп. 2. Е. 15) – этот архивный документ включает 273 листа материалов, отражающих орфографические события 1904–1914 гг. Многие из них написаны тоже в новой орфографии. Желая «от глубины души, как своего личного счастья, успеха реформы» (Л. 50), народные учителя выражали свое полное согласие «с главнейшими изменениями в русском правописании» (Л. 94) и «отнеслись весьма сочувственно к намерениям членов Орфографической подкомиссии» (Л. 95).

Газета «Русь» (15 апреля 1904 г.) опубликовала интервью с Л.Н. Толстым, который выразил свое отрицательное отношение к планируемому упрощению. (Этот фрагмент истории подробно описан В.И. Чернышевым²⁸⁵.)

Авторы многих статей, не признающих вмешательства в существующую систему письма, призывали общество «не утешаться успокоительными заявлениями комиссии, а стоять на страже «священных кирилло-мефодиевских традиций», ибо «Россия слишком широка, чтобы перестраивать свою письменность по выговору, и слишком стара, чтобы переучиваться грамоте у московских и казанских шмельейтеров»²⁸⁶.

В обсуждении орфографической ситуации было высказано мнение, что в решении вопроса о русском правописании не следует руководствоваться лишь «горем и слезами учащихся», поскольку «правописание создано не школой, а всей историей языка». А отсюда вывод – «не столь русское правописание само по себе трудно для учащихся, сколько те мелочные педантичные требования, которые предъявляются к школьному правописанию». Так рассуждал казанский педагог А.С. Рождествен, настаивая на том, что «при орфографическом фанатизме школы» упрощение не изменит положения дел: поскольку в обучении языку на первый план выдвинута буква, то «ей будут следовать и гротоманы, и реформаторы»²⁸⁷. Свою работу он завершает призывом к разумной снисходительности при обучении правописанию. «Не карайте учащихся за орфографические ошибки неудовлетворительными баллами, – пишет он, – а постарайтесь возбудить у них любовь к родному языку, охоту к доброму письму и чтению, позвольте им в исключительных случаях справляться в орфографическом словаре – и поверьте, учащиеся без всякой затраты умственных сил научатся писать грамотно»²⁸⁸.

²⁸⁵ Чернышев В.И. [1947] Ф.Ф. Фортунатов и А.А. Шахматов – реформаторы русского правописания (По материалам архива АН и личным воспоминаниям) // Чернышев В.И. Избр. труды: В 2-х т. Т. 2. М., 1970. С. 614–617.

²⁸⁶ К.Л.М. К вопросу о реформе правописания // Новое время. 1904 (12 мая). № 10116.

²⁸⁷ Рождествен А.С. Упрощение русского правописания. Казань, 1908. С. 17.

²⁸⁸ Там же.

Решения орфографической комиссии пробудили силы не только сторонников упрощения, но и многочисленных противников. Шумная антиреформаторская кампания газеты «Новое время» и других периодических изданий, государственных лиц и некоторых представителей науки, культуры, школы и позиция умеренных реформаторов очень подробно освещены участником событий В.И. Чернышевым²⁸⁹. Высказывая свои мнения «pro» и «contra» упрощения орфографии, выступающие в печати чаще всего проявляли вкусовой субъективизм; из-за недостатка правильного, научного, понимания явлений языка и их отношения к письму, не учитывая научную литературу вопроса: «войдя в чужую сферу знаний», они давали чаще всего неправильные оценки деятельности комиссии.

Многочисленные статьи ученых, участников дискуссии, характеризовали русскую орфографию с разных сторон, давая главным образом научное и педагогическое оправдание предстоящему упрощению.

Именно им были адресованы слова проф. Р.Ф. Бранда: «в орфографическом вопросе публика и печать могли бы оказать большее доверие специалистам: как лечение поручается врачам, стройка – архитекторам, так дело орфографии преспокойно можно было бы поручить филологам и педагогам»²⁹⁰.

К ним обращался В.И. Чернышев: «Никто не станет писать о вопросах технических, о сельском хозяйстве, не познакомившись с ними хорошенько, а как дело дойдет до языка, то публицист, овладевший хорошим стилем, думает, что ему ничего не стоит решить какой угодно лингвистический и филологический вопрос»²⁹¹.

Наступившая после событий 1905 г. политическая реакция отвлекла внимание ученых от решения важных и насущных орфографических задач.

Дело упрощения было забыто в тех кругах, от которых зависело ее законодательное воплощение, но не забыто той частью российского общества, для которой были небезразличны культурные и образовательные задачи страны.

С 1907 г. в Академию наук снова стали поступать заявления о необходимости реформы. Заслуживает несомненного внимания письмо, которое подписали 315 членов Государственной Думы. В этом письме сообщалось, что представители Государственной Думы вопрос упрощения русского правописания считают в высшей степени неотложным и просят АН заняться им в самые ближайшие сроки, поскольку старое правописание является препятствием к распространению грамотности и «народу вместо ХЛЕБА образования дается КАМЕНЬ орфографии».

²⁸⁹ Чернышев В.И. [1947] Ф.Ф. Фортунатов и А.А. Шахматов – реформаторы русского правописания (По материалам архива АН и личным воспоминаниям) // Чернышев В.И. Избр. труды: В 2-х т. Т. 2. М., 1970. С. 581–589, 605–624.

²⁹⁰ Брандт Р.Ф. К орфографической реформе (Письмо в редакцию) // Русь. М., 1904. № 124.

²⁹¹ Чернышев В.И. [Рец.] Гиляров-Платонов Н.П. Экскурсии в русскую грамматику. М., 1904 (1-е изд. – 1884) // Рус. школа. 1905. № 3. С. 32.

Сходительством о реформе обращались и многие другие общественные собрания.

1909 г. – I Всероссийский съезд учителей городских училищ;

1910 г. – Московское общество грамотности; Московское общество содействия школьному образованию; Московское уездное земское собрание.

Многие ученые и рядовые носители русского языка, не причастные к деятельности педагогических обществ и орфографических комиссий, видя в русском правописании множество противоречий и разногласий с живым языком, также выступали со своими предложениями.

Только в декабре 1910 г. Орфографическая подкомиссия снова возобновила свою работу, приступив к новому пересмотру тех положений, которые изложены в «Предварительном сообщении» 1904 г. и тогда же обсуждены в 10-ти заседаниях. Теперь, уже 6 лет спустя, в двух заседаниях (22 декабря и 15 января) решается окончательно судьба проекта об упрощении русского правописания (ИФА РАН. Ф. 90. Оп. 2. Ед. 8. Л. 1, 2). Приняв те замечания, которые поступили уже после декабря 1904 г., Орфографическая подкомиссия (заседания ее проходили при участии Ф.Ф. Фортунатова, А.А. Шахматова, П.Н. Сакулина, А.И. Бодуэна де Куртэнэ, Ф.Е. Корша, С.К. Булича, Н.К. Кульмана, В.И. Чернышева, Н.М. Каринского) представляет комиссии при Академии Наук доклад, заключающий в себе руководство к проведению реформы (впоследствии опубликован как «Постановления Орфографической подкомиссии» (Пг., 1912). Через год «Постановления Орфографической подкомиссии» были перепечатаны с издания подкомиссии при содействии одного из инициативных сторонников реформы инженера Н.Н. Алянчикова (Пг., 1913).

Основные задачи «Постановлений» 1912 г. сводились к следующему:

1. Не принимать во внимание букву *V*, решительно устраненную еще орфографическим руководством акад. Грота и, следуя решениям 1904 г., исключить «лишние» буквы *Ѣ*, *Ѧ*, *Ѣ* и *Ѧ* как знак твердости, но оставить его как знак отдельный.

2. Не писать *Ь* в положении за конечной твердой согласной, а именно за *Ж* и *Ш*, где *Ь* пишется по требованию этимологии: *нож*, *мыш*.

3. Поскольку звуки *Ч*, *Щ* в господствующем произношении всегда мягки и мягкость эта по существующему правописанию не выражается буквой *Ь* в середине слов (*безупречный*, *овечка*, *моцный*), подкомиссия предложила не писать *Ь* в положении за *Ч*, *Щ* также в конце слов: *толоч*, *ноч* и пр.

4. Перед *-ся* после *Т* в глаголах неопределенной формы сохранить написание *-ться*, как обнаруживающие связь этой формы с формой неопределенного наклонения на *-ть*: *делать – делаться*, *считать – считаться*.

5. Исключение из алфавита буквы *Ѣ* выдвинуло вопрос о желательности обязательного обозначения звука *О* после предшествующей мягкой согласной буквой *Ѣ*, а не *Е* (*тѣтка*, *вѣл*, *рѣбра*). Подкомиссия признала употребление буквы *Ѣ* желательным, но не обязательным.

6. Современное правописание не представляет желательного однообразия по отношению к передаче звуков *О* и *Е* и различных их оттенков после букв *Ч, Ц, Щ*, обозначающих согласные всегда мягкие, и после букв *Ж, Ш, Ц*, обозначающих согласные всегда твердые (*черный* – *чопорный*; *шел* – *шорох*; *желтый* – *жохла*). Подкомиссия предложила передавать звук *О* под ударением, т. е. там, где он вполне явственно слышится, буквой *О*: *крючок, пчелка, черный, печот, печонка, щолк, ецо, жорнов, жолтый, лжот, свежо, мешок, шол, шолк, шопот, лицо, яйцо*; различные же оттенки звуков, являющиеся вместо *О* и *Е* в слогах без ударения после *Ч, Ц, Щ, Ж, Ш, Ц*, решено передавать по-прежнему через *Е*: *пчела, чернослив, чертог, щенок, топорище, вышел, выше, желток, жернова, немцев, сердце*.

7. Подкомиссия, имея в виду устранение противоречий, признала правильным написание *С* во всех указанных приставках перед всеми глухими согласными, например: *восприятие, рассудить, бесполезно, рассада, чересполсный* и т. д.

8. В твердом склонении писать *-ого* (*слепого, доброго, первого, которого, самого, шитого, данного*), в мягком – *-его* (*синего, волчьего, третьего, прочего, вещеого, горящего, сравн. синему, волчьему* и т. д.).

9. Имея в виду существующие в современном правописании окончания *-ые, -ие* (восходящие к древнерусским окончаниям Им.-Вин. мн. ч. женск. р. и Вин. мн. ч. муж. рода *-ыль, -льь*, которые вытеснили старые окончания Им. пад. мн. ч. муж. р. и Им.-Вин. пад. множ. ч. ср. р.), подкомиссия предложила сохранить их для муж. р. и распространить, по указанным выше соображениям, и на остальные роды, т. е. писать: *добрые люди, тесные улицы, доблестные войска, глубокие моря*.

10. Вести для всех трех родов написания *они, одни*, имея в виду произношение, господствующее в литературном наречии. Согласно с этим предположено писать для всех родов только *одних, одним, одними* (не *одних, однем, одними*).

11. Исключить из правописания правило, требующее писать *ея* в Род. пад.

12. При переносе слов ограничиться лишь следующими правилами:

согласная (одна или последняя в группе согласных) непосредственно перед гласной не должна быть отделима от этой гласной, как и группа согласных в начале слов не отделяются от гласной;

буква *Й* перед согласной не должна быть отделима от предшествующей гласной, а конечная согласная, конечно *Й* и группа согласных на конце слов не могут быть отделены от предшествующей гласной;

при переносе слов, имеющих приставки, предпочтительнее не переносить в следующую строку согласную в конце приставки, если эта согласная находится перед согласной, напр., лучше делить *под-ходить*, а не *по-дходить, раз-вязать*, а не *ра-звязать*.

И включение подкомиссия считала не лишним указать, что предлагаемое упрощение «не может представить никаких затруднений», поскольку подкомиссия «ограничилась только немногими предположениями, не производя никакой ломки правописания» и что проектируемое упрощение правописания «не представляет собою какого-либо исключительного новшества и имеет в виду, главным образом, упорядочить правописание путем устранения из него различных правил, введенных искусственно и не основанных на фактах языка ни в его настоящем, ни в его прошлом», «устранить из существующего правописания разнообразие в передаче одних и тех же звуковых сочетаний» и упростить правописание путем исключения из алфавита буквы *Ъ* как «твердого знака»²⁹².

Принятые подкомиссией в 1912 г. пункты упрощения предполагали менее радикальные преобразования русской орфографии, чем предложения 1904 г., но в основном они совпадали, и это совершенно закономерно, потому что составители обоих проектов имели дело не с произвольными пожеланиями и вкусами пишущих или обучающихся письму, а с материалом «строго определенным, доказанным точными, ясно сформулированными научными исследованиями»²⁹³.

Орфографическая позиция Ф.Ф. Фортунатова и А.А. Шахматова

«...литература и теория орфографии – совершенно различные области»

В возникнувшей орфографической полемике академики Ф.Ф. Фортунатов и А.А. Шахматов стали центром событий. Их тактические и стратегические устремления были направлены на то, чтобы защитить идею реформы от посягательств и досадных недоразумений, предавая гласности намерения комиссии и мотивы этих намерений; защитить, выявляя подлинный ход орфографических событий – только открытый диалог с обществом «поможет делу и успокоит умы».

Позиция академиков Ф.Ф. Фортунатова и А.А. Шахматова в отношении орфографической реформы была раз и навсегда определенной: в интересах русской культуры и просвещения необходима реформа существующего правописания «ввиду того вреда, который приносят школе действующие ныне орфографические требования»²⁹⁴. «В интересах дела и правды» они вступали в по-

²⁹² Постановления Орфографической подкомиссии. Пг., 1912. 10 с.

²⁹³ Чернышев В.И. Упрощение правописания и обучение правописанию // Дневник 1-го Всероссийского съезда по семейному воспитанию. 2 янв. 1913 г. СПб., 1913. № 2. С. 14.

²⁹⁴ Протокол Первого заседания комиссии по вопросу о русском правописании. СПб., 1905. С. 14.

лемику со своими оппонентами, которые пытались воспрепятствовать начатому делу упрощения.

Еще в свой допетербургский период Ф.Ф. Фортунатов проявлял серьезный интерес к вопросам русской орфографии. В 1900 г. он оказывал поддержку и принимал непосредственное участие в заседаниях Орфографической комиссии при Педагогическом обществе Московского университета, где был разработан первый проект орфографического упрощения.

А.А. Шахматов становится участником реформаторского движения как защитник новой орфографии от посягательств министра внутренних дел Д.С. Сипягина, которым был подготовлен проект, обязывающий органы печати к орфографической регламентации: не печатать книги без букв *Ѣ* на конце слов и *Ь* после шипящих, с заменой буквы *Ѣ* буквой *Е*. Ответ А.А. Шахматова (подготовлен при участии акад. А.И. Соболевского), представленный Отделению русского языка и словесности в декабре 1901 г. и переданный затем министру народного просвещения, во-первых, предотвратил появление запретительного правительственного указа и, во-вторых, определил отношение ученого к орфографической злобе дня.

В предложенном научному собранию выступлении А.А. Шахматов заявлял, что «весьма естественно стремиться к большему единообразию в правописании», к «согласованию его или с живым произношением, или с историческим развитием языка». Всякая попытка провести в правописание большее единообразие должна вызывать одобрение, а целесообразность предлагаемых упрощений может быть выявлена только на опыте. Отсюда – «в интересах усовершенствования русского правописания желательно видеть ничем не ограниченную свободу его в произведениях печати» и, напротив, маложелательно «закреплять обязательным распоряжением какую бы то ни было из существующих систем», поскольку ни одна из них «не может быть названа хотя бы отчасти совершенною». Определение достоинств и недостатков одной из этих систем определяется практикой, а властное вмешательство в дело правописания не защитит его в будущем от изменений. Иными словами – вряд ли достигнет того, «что достигалось контролем самого общества» (ПФА РАН Ф. 134. Оп. 1. № 235. Л. 1–4)

Статья А.А. Шахматова от имени всей Орфографической подкомиссии «По поводу реформы русского правописания» (Правительственный вестник от 20.04.04. № 93) служила орфографическому просвещению общества. Автор настаивал на том, что решающий голос в реформе должен принадлежать не Академии, а широкому кругу педагогов, публицистов, ученых. Он выявлял основные на слух недоразумения, связанные с работой подкомиссии и не имеющие оправдания. Его рассуждения убеждали общество в том, что «желательно получить право гражданства для нового правописания не только в интересах ограждения русского печатного слова от внешних стеснений», но и для того, «чтобы путем свободного соревнования выяснить сравнительные выгоды и

удобности старого и нового правописания», чтобы для окончательного выбора того или другого была предоставлена «возможность взвесить и оценить целесообразность и разумность» предложенных комиссией упрощений.

Обращаясь к широкой общественности, он заявлял, что сторонники реформы надеются на беспристрастный суд общества, надеются именно этим путем, путем свободного доступа нового правописания в печать, провести его в школу, где «потребность в упорядочении правописания вопиющая»: основное время тратится на изучение орфографии в ущерб изучению родной речи. Он предлагал теоретическое оправдание реформе, утверждая, что изучение правописания не есть изучение языка и реформировать правописание как одно из высших проявлений живой речи вовсе не означает посягательств на живой язык.

Отвечая блюстителям кирилло-мефодиевских традиций, в другой статье «*Ludiat et altera pars*» («Русь» от 10.05.04., № 17) А.А. Шахматов подчеркивал революционность миссии солунских братьев (созданием письменности для славянских народов они утвердили будущность и широкое развитие именно слов, а не его внешней оболочки – буквы) и великую роль Московских приказов и Петра Великого, которые «скидывают наложенные на русский язык и русское письмо иноземные цепи». Определяя дальнейший ход развития русского письма, он выявляет негативную роль устроителей правописания XVIII в., которые, «минуя всякие традиции и живую связь с XVI и XVII столетиями, обращаются к церковной славянщине как законодательному для языка источнику», в то время когда она уже не имела ничего общего с языком Кирилла и Мефодия. Она в то время уже отражала «не только сложный исторический процесс, который неизбежно подчиняет себе и мертвый книжный язык, но также и искусственную работу весьма искусных в науке о языке грамотеев».

В этой же статье указывает он также и на великую роль М.В. Ломоносова, которому «стоило немало усилий отстоять здравые орфографические приемы», наложенные в его грамматике с требованием, чтобы правописание «не отходило далеко от главных российских диалектов» и «чтобы не удалялось много от чистого выговору». С сожалением отмечает, что «многое из ломоносовской орфографии отвергнуто и забыто» по вине составителей школьных грамматик, которые «облекли русский язык в тот самый иноземный мундир, в котором мы его ждем, правда, уже с прорехами и заплатами». В заключение он высказывает несомненное убеждение в том, что комиссия по вопросу о русском правописании предлагает такие новшества, «в которых люди знающие, действительно знакомые с непрерывною нитью, соединяющей нашу письменность с первыми початками ее на Руси, усмотрят возвращение к старине; русские люди, чутко относящиеся к родной речи, поймут, что не искажена эта речь, а освобождена от уродливых наростов, путем письма проникающих и в произношение».

Сознавая важность и необходимость упрощения, Ф.Ф. Фортунатов, обращаясь к своим многочисленным адресатам, утверждал, что реформа не пред-

полагает никакого давления сверху; она проводится в интересах будущих поколений:

– «Мы не хотим никакого насилия в деле реформы правописания, мы, напротив, желаем освободить наше правописание от официальных пут, какие на него надеты в настоящее время... Уверен как сторонник реформы, что общество без всякого насилия, совершенно свободно убедится в превосходстве нового правописания... Реформа правописания не дело Академии наук как учебного учреждения, но люди науки, входящие в состав этого учебного учреждения, как скоро поставлен вопрос об упрощении, обязаны высказаться за упрощение, если они будут убеждены в том, что не пострадают ни интересы науки, ни интересы просвещения» (Из письма президенту Академии наук от 18 апреля 1904 г.: ПФА РАН. Ф. 9. Оп. 1. № 842. Л. 251).

– «Мысль Вашего высочества относительно того, что наилучшее место для этого заявления (имеется в виду заявление «По поводу реформы правописания». – Т. Г.) именно в «Правительственном вестнике», а не в частной газете, признана членами Подкомиссии по новому обсуждению вполне правильно: ведь в этом заявлении нет ни слова в защиту принудительных мер в деле осуществления реформы, а, напротив, высказывается мнение о желательности полной свободы при введении нового правописания, и потому напечатание этого заявления в правительственной газете не может вызвать в обществе никаких нежелательных для нас недоразумений» (Из письма президенту Академии наук от 22 апреля 1904 г.: ПФА РАН. Ф. 9. Оп. 1. № 842. Л. 252).

– «Мы имеем в виду не лиц, уже усвоивших правописание, а будущие поколения» (Из письма А.А. Шахматову от 11 июня 1904 г.: ПФА РАН. Ф. 134. Оп. 3. № 1606. Л. 233).

В письме к президенту Академии наук от 7 июня 1904 г. Ф.Ф. Фортунатов выражал сожаление по поводу орфографической некомпетентности антиреформаторов. За единственным исключением, они «не имеют элементарных сведений ни об отношении правописания к языку, ни о природе и истории языка»; хотя это незнание нельзя поставить им в большую вину (школа не дает никаких сведений), но «люди образованные должны были бы сознавать, что знания, вынесенные из школы... или случайно приобретенные впоследствии, частью, может быть, из источников мутных, являются во всяком случае недостаточными для критического отношения к тем выводам, какие делаются учеными специалистами на основании научных данных» (ПФА РАН. Ф. 9. Оп. 1. № 842. Л. 226).

Познакомившись с мнением Л. Толстого, литературный авторитет которого был безусловно велик (он был против реформы), Ф.Ф. Фортунатов снова обращается к президенту, настаивая, что «литература и теория орфографии – совершенно различные области», и даже самый великий «писатель-художник может быть в то же время некомпетентным судьей при решении орфографиче-

ских вопросов». Упоминание Л. Толстого о реформе немецкой орфографии как **ра** и свидетельствует в пользу науки: «проведена она в печати не литераторами, но учеными, знакомыми с немецким языком в его истории и с историей немецкого письма» (ПФА РАН. Ф. 9. Оп. 1. № 842. Л. 243).

После 1912 г. многие причины экстраорфографического характера, как **ви**жет потом А. Шахматов, «побуждали акад. Фортунатова не спешить с окончанием работы и не входить к президенту о созыве Комиссии» (Ф. 9. Оп. 1. Л. 1058. Л. 121). После этого орфографические события развивались уже без участия, хотя и в разной степени, но заинтересованных в реформе и акад. Фортунатова (скончался в 1914 г.), и Великого князя (скончался в 1915 г.).

Застой в орфографическом движении и его преодоление

«наболевший вопрос о школьном иге ... призывает к сплочению общественных сил»

«Реформа правописания стоит на месте, – с сожалением констатировал два года спустя после публикации «Постановлений Орфографической подкомиссии» журнал «Учитель и школа». – Два года не принесли никаких признаков обновления. В обществе отсутствует простой интерес, особенно в сравнении с тем оживленным обменом мнениями на страницах периодической печати, который был вызван публикацией “Предварительного сообщения” 1904 года”».

Автор статьи «К вопросу о реформе правописания (с соблюдением «Постановлений орфографической подкомиссии» 1912 г.)» Вл. Трофимов отмечал, что «наболевший вопрос о “школьном иге”», который приобрел значение **за**тихого социального зла, «призывает к сплочению общественных сил на борьбу с этим злом, на защиту дважды принятого почина орфографической подкомиссии»²⁹⁵.

Журналы «Для народного учителя», «Родной язык в школе» в течение нескольких лет из номера в номер публиковали работы, заключающие взгляд народного учителя на орфографическую злобу дня (см.: Гл. 4. настоящей работы).

В Петербурге на Рождестве 1913 г. состоялся I Всероссийский съезд по вопросам народного образования. В резолюциях съезда выражалось категорическое требование необходимости скорейшего осуществления реформы и не менее категорическое требование, чтобы современная печать теперь же, не дожидаясь реформы орфографии, практически приступила к ее упрощению и **из**ъяла бы из употребления буквы **Ъ**, **Ѳ**, **і** десятиричное и **Ъ** на конце слова.

²⁹⁵ Трофимов Вл. К вопросу о реформе правописания (с соблюдением «Постановлений орфографической подкомиссии» 1912 г.) // Учитель и школа. 1914. № 7 (апр.). С. 14.

В заседании V секции преподавателей русского языка средней школы I Всероссийского съезда, который был посвящен вопросам народного образования (1914 г.), были вынесены по вопросу упрощения орфографии следующие резолюции:

1. В интересах русской школы и всей русской культуры необходимо скорейшее осуществление орфографической реформы.

2. Необходимо ходатайствовать перед орфографической комиссией Академии наук о скорейшем завершении реформы, по крайней мере в ее теоретической стадии, и просить ее оповестить возможно шире Россию о своих постановлениях.

3. Желательно организовать на местах возможно широкую агитацию в пользу реформы, например, путем распространения сведений о предполагаемой реформе.

4. Необходимо выразить пожелание, чтобы современная печать теперь же, не дожидаясь реформы орфографии, практически приступила бы к ее упрощению, для чего в первую голову изъяла бы из употребления буквы *Ѣ, і, Ѡ, Ъ* на конце слов и тем самым положила бы начало фактической реформе.

5. Надлежит ходатайствовать о созыве орфографического съезда для выяснения практических путей осуществления реформы.

6. Желательно обратиться к Государственной думе с предложением взять на себя законодательную инициативу в этом деле.

7. Секция признает неотложно необходимым впредь до реформы орфографии установить порядок, при котором неправильное употребление в письме букв *Ѣ, і, Ъ* и др., относительно которых имеется постановление Орфографической подкомиссии Академии наук, не считать за ошибку при проверке успехов в письме в начальной школе.

8. Просить президиум съезда отпечатать труды съезда без *Ѣ*, а еще лучше и без *Ѣ*²⁹⁶.

Многие педагогические журналы в то время, выражая мнение народного учителя, сообщали, что школа «уже несколько ждет проведения в жизнь орфографической реформы и не может дождаться»²⁹⁷.

С 1913 г. Академия наук снова начинает получать ходатайства как от частных лиц, так и от учреждений о необходимости скорейшего решения вопроса об упрощении русского правописания. С этими же требованиями выступают учительские кружки, учительские съезды, земские собрания. Умножается поток публикаций с соблюдением «Постановлений Орфографической подкомиссии» (см. гл. «Орфографическое вольнодумство» как предвестие реформы).

²⁹⁶ Резолюция пятой секции Первого Всероссийского съезда по народному образованию о методах преподавания в начальной школе // Для народного учителя. 1914. Кн. 3. С. 13–14.

²⁹⁷ Упрощение русского правописания и возражения против него // Родной язык в школе. 1914–1915. № 1. С. 19.

Многие публикации вновь делают актуальным вопрос о проведении реформы русского правописания с его «балластными» буквами и правилами, которые есть плод «досужего вымысла и вопиющего невнимания к родному языку»²⁹⁸. К научной и педагогической критике «Русского правописания» акад. Грота присоединил свою отрицательную оценку Ученый комитет МНП, отметив, что «этот жесткий бич русской школы с каждым днем утрачивает все большее и большее число сторонников» и вызывает «законное желание пересмотреть гротовские измышления»²⁹⁹.

И вся эта многообразная орфографическая деятельность служила утверждению мысли о необходимости вернуться к окончательному разрешению орфографического вопроса.

Преддверие орфографической реформы

«Жертвы “орфографического бедствия” неисчислимы»

После периода относительного затишья в обсуждении орфографических задач в преддверии 1917 г. вопрос снова стал предметом активных обсуждений и споров.

Журналы «Для народного учителя», орган народного учительства, (1916. № 4) и «Петроградский учитель», учительский профессиональный журнал Петроградского Педагогического Общества Взаимной Помощи (1917 г. № 1. Январь), с некоторым временным промежутком публикуют открытое письмо педагогам и родителям от имени редакции журнала «Родной язык в школе» (см.: Гл. 4.).

С 27 декабря 1916 г. по 4 января 1917 г. в Москве проходил Первый Всероссийский съезд преподавателей русского языка средней школы. «Нет более безграмотных. Вместо буквы *Ѣ* – русские классики» – таковы были лозунги съезда, на котором присутствовало 1090 делегатов.

Среди прочих вопросов школьного образования съезд уделил внимание вопросу грамотности. В докладе Е.К. Брешко-Брешковской «Поход против безграмотности» сообщалось, что по переписи населения 1897 г. в России было

²⁹⁸ Трофимов Вл. К вопросу о реформе правописания (с соблюдением «Постановлений орфографической подкомиссии» 1912 г.) // Учитель и школа. 1914. № 7 (апр.). С. 11–24; № 21–22 (нояб.). С. 1–15; Житомирский К.Г. Как же учить грамоте? М., 1915. 124 с.; Житомирский К.Г. Молох XX века (Правописание). М., 1915. 258 с.; Миртов А.В. Русско-немецкое правописание академика Якова Карловича Грота. Пг., 1915. 40 с.; Миртов А.В. Можно ли писать «по Гроту»? К вопросу об искажении русской речи академиком Яковом Карловичем Гротом. Пг., 1916. 40 с.

²⁹⁹ Миртов А.В. Ученый комитет МНП о правописании Грота // Родной язык в школе. М., 1916–1917. № 2–3. С. 106–107.

свыше 99 миллионов неграмотного населения. По данным «Бюллетеня Московской областной организации Всероссийского учительского союза» (М., 1917), на 1917 г. уровень грамотности населения оставался по-прежнему низким, а процент неграмотности соответственно высоким: мужчины 30 лет и старше – 70 %; женщины 30 лет и старше – 90 %³⁰⁰.

Уровень грамотности в Сибири был еще более низким. По данным красноярского журнала «Енисейский учитель» (1919. № 2. С. 88), количество грамотных составляло всего лишь 14 %.

В соединенных заседаниях II и III секций на съезде было прослушано 4 доклада, посвященных упрощению русского правописания. В них еще раз подтверждалась научная и педагогическая значимость реформы и выдвигалось требование для учителя различать такие взаимосвязанные, но вместе с тем различные понятия, как «язык» и «письмо»:

– преподаватели младших классов должны обладать научным взглядом на язык и его отношение к письму;

– чтобы чувствовать под собой твердую почву, с одной стороны, и чтобы не насиловать умственные способности учеников, с другой – учитель должен ясно различать в каждом данном случае, обучает ли он языку или правописанию.

Доклад П.Н. Сакулина «Об упрощении русского правописания» содержал следующие положения:

1. Научная и педагогическая сторона самой идеи об упрощении русского правописания не поколеблена возражениями, которые до сих пор высказывались в печати.

2. Нет существенной надобности в дальнейшей теоретической разработке вопроса. Следует принять то, что утверждено орфографической комиссией в 1904 г. и орфографической подкомиссией в 1912 г.

3. Орфографическая реформа действительно необходима в интересах школы и всей русской культуры.

4. Тяжелые обстоятельства времени – не препятствие, а, напротив, самое подходящее время для реформы.

5. Возбудить от имени съезда ходатайство перед Академией наук, чтобы а) состоящая при АН орфографическая комиссия завершила работу, начатую ею еще в 1904 г. и чтобы б) АН оказала свое авторитетное воздействие к проведению реформы в жизнь школы³⁰¹.

В докладе «Мнимонаучные возражения против правописной реформы» профессор Р.Ф. Брандт снова утверждал мысль о реформе:

³⁰⁰ Первый Всероссийский съезд преподавателей русского языка средней школы. М., 1917. 63 с.

³⁰¹ Первый Всероссийский съезд преподавателей русского языка средней школы. М., 1917. С. 51–52.

1. Правописание с научной точки зрения ценно лишь постольку, поскольку своим постепенным изменением указывает на изменения выговора.

2. Для настоящего времени, когда исследователи прислушиваются к живой речи, литературной или народной, орфография лишена всякой цены и только обивает с толку неопытных записывателей.

3. Шука, когда не может довольствоваться обыкновенным письмом, прибегает к чисто звуковому, несколько не этимологическому – к фонетической транскрипции.

4. Ученые, противники упрощения, обыкновенно или не были филологами, или возражали не как филологи.

5. Из филологических доводов в пользу обычного письма ни один не выдерживает критики.

6. Наука не требует орфографических ухищрений и может только сочувствовать реформе³⁰².

В резолюциях съезда были записаны основные положения докладов П.Н. Сакулина и Р.Ф. Брандта:

1. В интересах русской школы и всей русской культуры настоятельно необходима скорейшая реформа в том направлении, какое она получила в трудах орфографической комиссии при Императорской Академии наук.

2. Тяжелые обстоятельства не могут служить препятствием, а напротив, устраниению всего, что мешало до сих пор развитию народного просвещения.

3. Необходимо возбудить ходатайство перед Императорской Академией наук, чтобы а) состоящая при АН орфографическая комиссия завершила работу, начатую ей еще в 1904 г. и чтобы б) АН оказала свое авторитетное воздействие к проведению реформы в жизнь школы.

4. Обратиться в комиссию по народному образованию в Государственной думе с ходатайством оказать содействие проведению реформы³⁰³.

В феврале 1917 г. поток ходатайств был особенно велик. Родительские организации, педагогические советы различных учебных заведений прислали на съезд свои заявления с требованием упростить орфографию и приблизить народ к источникам образования. Всероссийский съезд обращался к Академии Наук с ходатайством от 10 февраля оказать свое содействие проведению реформы в жизнь школы. Тяжелые обстоятельства переживаемого времени (в нем были повторены слова решения) не только не могут служить препятствием к осуществлению реформы, а наоборот, «требуют энергичного устранения всего, что до сих пор мешало широкому развитию народного просвещения»³⁰⁴.

³⁰² Первый Всероссийский съезд преподавателей русского языка средней школы. С. 52.

³⁰³ Там же. С. 57.

³⁰⁴ Чернышев В.И. [1947] Ф.Ф. Фортунатов и А.А. Шахматов – реформаторы русского правописания (По материалам архива АН и личным воспоминаниям) // Чернышев В.И. Избр. труды: В 2-х т. Т. 2. М., 1970. С. 634.

Газета «Свободная школа», издание центрального комитета средних учебных заведений г. Петрограда (29 апреля 1917. № 3) в статье «Почтенные академики» выражала недовольство по поводу того, что АН не удостоила вниманием январское письмо-петицию Всероссийского съезда учителей русского языка, и видела в этом проявление академической рутинности. Архивный фонд хранит множество писем от родительских комитетов с просьбой к АН возбудить ходатайство перед министерством народного просвещения о необходимости вернуться к вопросу о реформе (ПФА РАН. Ф. 9. Оп. 1. № 1058. Л. 36, 37, 38).

Подготовительная комиссия в разрешении орфографического вопроса

«...составляет насущную потребность страны,
рвущейся к просвещению»

Решение-ходатайство Первого Всероссийского съезда, в отличие от многих предыдущих, имело очень скорые последствия. Подаренные февральской революцией свободы снова решительно выдвинули в фокус общественного внимания вопрос об орфографическом упрощении. Академия наук снова вернулась к разработанному и опубликованному в 1912 г. проекту.

В связи с многочисленными требованиями орфографического упрощения собрание Академии наук 29 марта 1917 г. постановило образовать комиссию для дальнейшего разрешения столь актуального для общества орфографического вопроса. В состав избранной 15 апреля общим собранием Академии наук Подготовительной комиссии во главе с акад. А.А. Шахматовым вошли академики С.Ф. Ольденбург, А.И. Соболевский, В.Н. Перетц, Е.Ф. Карский и Н.К. Никольский. В заседании 25 апреля все члены этой комиссии, кроме А.И. Соболевского (находился в Москве) пришли к решению о необходимости созвать совещание по вопросу об упрощении русского правописания. Было разослано 63 приглашения учреждениям и лицам, в частности – К.С.Алексееву–Станиславскому, И.А. Бунину, П.П. Гнедичу, А.Ф. Кони, А.М. Пешкову (Горькому), которые оставили это приглашение без внимания.

В состоявшемся 11 мая 1917 г. совещании приняли участие члены Подготовительной комиссии, члены Орфографической подкомиссии 1904 г., члены Отделения русского языка и словесности и разряда изящной словесности, представители ученых и просветительских учреждений. Совещание проходило под председательством академика А. Шахматова. Выступив с докладом и изложив краткую историю вопроса об упрощении русской орфографии в связи с деятельностью Академии наук, для окончательного решения вопроса он предложил совещанию три возможных варианта:

1) принять проекты 1904–1912 гг. во всем объеме;
2) принять только одну часть (лишние буквы) и не принимать изменений орфографии;

3) пересмотреть предложения кардинально.

В последнем случае реформа сводилась бы к пяти пунктам:

1) сохраняется буква *Ѣ*, так как есть опасение чрезмерной ломки и слишком значительного отклонения от усвоенных приемов письма;

2) сохраняется два начертания для звука [и], так как трудно определить, какому начертанию отдать предпочтение;

3) буква *Ь* сохраняется как знак мягкости, как разделительный знак и как показатель этимологического признака рода;

4) сохраняется та последовательность, которую представляет современное правописание в пределах звуков [о] и [е] после шипящих и *Ц*: вместо предложенного *чорный – чернее, черный – чернее*, «чтобы не вносить буквенных в коренной части слова при различных его изменениях»;

5) сохранить *З* в написании приставок *без-*, *чрез-*, *через-*, а в остальных писать в соответствии с произношением (ПФА. Ф. 9. Оп. 1. Ед. 1058. Л. 120).

В заключение своего выступления акад. А. Шахматов сказал:

«Случайной причине мы обязаны тем, что собрались для вопроса о преобразовании русского письма в день, посвященный памяти первоучителей славянских Кирилла и Мефодия, апостольской деятельности которых мы обязаны великим духовным наследием, сохраненным нами в течение многих веков, а именно – богатейшим нашим литературным языком. И вот может возникнуть мысль, сошлись ли мы сегодня, 11 мая, для того, чтобы разрушить дело просветителей славянства, или, напротив, укрепить его в том самом направлении, которое было ими предуказано.

Отвечая на эту мысль, я прежде всего самым решительным образом утверждаю, что реформа правописания, даже наиболее радикальная, не может посягнуть на живой язык: письмо – это видимая глазу и только глазу грамотного человека оболочка живой речи, а именно живая речь, притом только она, а не ее письменная условная оболочка, является тем ценным духовным достижением каждого народа, о правах которого громко заговорил св. Мефодий в борьбе с *триединой* ересью; эта ересь утверждала право проповедовать слово Божие только за тремя языками: еврейским, греческим и латинским. Перенесенный в Древнюю Русь вместе со священным писанием древнеболгарский язык, как язык церкви и просвещения, был усвоен нашими предками не как нечто мертвое и чуждое, а как свое родное; в итоге многовекового развития на русской почве этот древнецерковнославянский язык слился так тесно с народным русским языком и образовал вместе с вошедшими в него русскими элементами такое однородное целое в виде нашего литературного языка, что только люди с серьезной филологической подготовкой в состоянии разъяснить, что в этой

нашей литературной речи свое, русское, и что наносное, древнеболгарское. Указанное развитие древнецерковнославянского языка на русской почве свидетельствует о том, что учение славянских первоучителей было воспринято нами в глубоком внутреннем смысле, а смысл его в том, что не форма управляет духом, а дух преобразует форму; не человек создан для субботы, а суббота для человека.

Но в настоящем случае в предстоящей нам задаче, повторяю еще раз, нам придется иметь дело не с преобразованием языка, а с преобразованием письма, решительно не касающемся языка: язык будет оставлен нами в полной неприкосновенности для того, чтобы он свободно и непринужденно развивался в дальнейшем по тем внутренним законам, которыми определяется его жизнь <...>

Можно с уверенностью сказать, что если бы русское духовное просвещение в конце XIV и в XV веке не подвергалось мертвящему влиянию южнославянских грамматических школ, задумавших регулировать искусственными правилами то, что на Руси регулировалось обычаями, старинной и пошлой, наше письмо, следуя данному ему еще в XI в. в Киевской Руси направлению, было бы гораздо совершеннее, чем наше современное, и гораздо точнее передавало бы на письме звуки живой речи, которую одну можно признать народным, национальным достоянием.

Итак, переходя к предстоящему нам преобразованию русского правописания, мы, как я думаю, последуем тому самому началу, которое заставило солунских братьев отказаться от мысли навязать болгарам, чехам, мораванам чуждый им греческий язык и побудило их дать этим славянам священное писание на их языке. Мы откажемся от исконно чуждых русскому языку или ставших ему с течением времени чуждыми написаний и заменим их написаниями, соответствующими русским звукам.

Весьма желательно было бы, чтобы это преобразование не вызвало в нашей среде разногласий, не воскресило среди нас гриязычников или их духовных последователей и дало бы нам окончить начатое дело с той любовью к просвещению и к русскому народу, с которой оно начато безвременно от нас отошедшим ученым, академиком Ф.Ф. Фортунатовым³⁰⁵.

Решая вопрос об упрощении правописания, Подготовительная комиссия исходила не только из научных данных, но учитывала интересы школы и просвещения, но предложения 1912 г. не приняла в полном объеме, считая, что «следование за всеми упрощениями может значительно затруднить применение нового правописания» (Л. 119).

Выступавшие в прениях по докладу отмечали нецелесообразность пересмотра ранее принятых предложений, поскольку представленный Подготови-

³⁰⁵ Протокол заседания Собрания по вопросу об упрощении русского правописания 11 (24) мая 1917 г. // ПФА РАН. Ф. 9. Оп. 1. Е. 1058. Л. 120–121.

тельной комиссией проект «никаких существенных упрощений правописания не дает и не облегчает изучения орфографии для народной школы», и настаивали на необходимости «во имя широкой демократизации знаний»... остаться «на началах» Орфографической комиссии 1904 г. (П.Н. Сакулин); предлагали отложить вопрос до более благоприятного времени (И.А. Бодуэн де Куртене), против чего решительно возразил товарищ министра О.П. Герасимов, считавший вопрос об упрощении неотложным, «имеющим громадное значение особенно для народной школы, которая весьма нуждается в целесообразном сохранении времени для изучения научных предметов», а поэтапное упрощение нецелесообразно потому, что произведет в школе вместо одного упрощения потрясений. Н.И. Андрусов предлагает принять предложение Подготовительной комиссии об исключении букв Ъ, Ѡ и одного И, отложив упрощение орфографии, но И.А. Бодуэн де Куртене «настаивает на присоединении к уничтожаемым буквам и буквы Ъ» (Л. 121).

Н.М. Соколов обратил внимание присутствующих на тот факт, что предложения Орфографической комиссии 1904 г. имеют широкое распространение в обществе и «часто применяются “явочным порядком”», чего можно опасаться и в школе. В связи с этим он считает делом Академии наук (именно на нее возлагают надежды педагоги, родители, учащиеся и члены Государственной Думы) «предупредить анархию в деле правописания». На это же указывал П.Н. Сакулин, напомнивший, что на последнем Всероссийском съезде преподавателей русского языка средних учебных заведений раздавались голоса за реформу без решения Академии наук и что съезд «не пошел навстречу такому “сепаратному” предложению в надежде на скорое осуществление реформы через Министерство народного просвещения» (Л. 121–122).

Высказанное Н.К. Кульманом опасение в том, что проектируемая реформа потребует громадных затрат, вызвало решительные возражения О.П. Герасимова, которого также поддержал П.Н. Сакулин: вопрос о практическом осуществлении реформы не является вопросом Собрания, которому предстоит решить единственно важный вопрос о научно-педагогическом значении упрощения (Л. 122).

Завершая прения, А.А. Шахматов еще раз предложил сохранить букву Ъ из опасения «такой радикальной реформой отпугнуть представителей педагогического мира», но его слова не вызвали поддержки, и он «отказался от защиты Ъ».

При голосовании первая часть предложений 1904 г. (об устранении лишних букв) была принята большинством голосов утвердительно (большинством всех против 6-ти при 2-х воздержавшихся). Из двух начертаний *и-і* комиссия отдала предпочтение первому (большинством против 5-ти). В предложении исключения Ъ на конце слов и желательности, но необязательности Ё комиссия приняла единогласно, равно как и вопреки решениям 1904 г. не утвердила двух пунктов: *О-Е* и *Ъ* после шиплящих.

Серьезная дискуссия возникла по поводу предложения о приставках на З. Л.В. Щерба выступил за восстановление этимологического принципа в правописании этих приставок и был поддержан П.Н. Сакулиным и П.П. Мироносицким, однако Е.Ф. Карский отстаивал фонетический принцип их написания и был поддержан В.И. Чернышевым и П.Л. Маштаковым. А.А. Шахматов отстаивал предложение Подготовительной комиссии оставить вопрос без решения. Но большинством голосов (15 против 6-ти при 6-ти уклонившихся) было принято фонетическое предложение 1912 г.

Остальные решения были приняты без прений единогласно:

1) писать в Р. п. прилагательных, причастий и местоимений *-ого, -его*, вм. *-аго, -яго*.

2) писать в им. и вин. пад. мн. числа женского и среднего рода прилагательных, причастий и местоимений *-ые, -ие*, вм. *-ья, -ия*.

3) писать *они* вместо *онѣ* в им. пад. множ. числа женского рода и в женск. роде *одни* вм. *однѣ*.

4) писать в род. пад. ед. ч. местоимения личного женск. рода *еѣ* вместо *ея*.

5) при переносе слов ограничиться следующими правилами:

а) согласная (одна или последняя в группе согласных) непосредственно перед согласной не должна быть отделяема от той гласной;

б) группа согласных в начале слов не отделяется от гласной;

в) буква *Й* перед согласной не должна быть отделяема от предшествующей гласной;

г) конечная согласная, конечное *Й* и группа согласных в конце слов не могут быть отделены от предшествующей гласной;

д) при переносе слов, имеющих приставки, нельзя переносить в следующую строку согласную в конце приставки, если эта согласная находится перед согласной, например, надлежит делить *под-ходить*, а не *по-дходить*, *раз-вязать*, а не *ра-звязать*.

б) допустить слитное и раздельное написание в наречиях, составленных из сложения существительных, прилагательных и числительных с предлогами (*встороне* и *в стороне*, *втечение* и *в течение*, *сверху* и *с верху*, *вдвое* и *в двое*) (ПФА РАН. Ф. 9. Оп. 1. №. 1058. Л. 122–123).

В результате Совещание признало реформу целесообразной и своевременной и утвердило решение о ее немедленном проведении. Здесь же были приняты «Постановления», включающие в себя 13 пунктов предстоящего упрощения с комментарием и краткой исторической справкой к каждому из них³⁰⁶. Комментарии к каждому пункту «Постановлений» свидетельствовали о том, что авторам реформы важно было не только исключить и упростить, но про-

³⁰⁶ Через полгода опубликованы как «Постановления совещания при Академии Наук под председательством академика А.А. Шахматова по вопросу об упрощении русского правописания, принятые 11 мая 1917 года» в: Изв. Рос. АН. 1917. Сер. 6. № 15 (нояб.). С. 1183–1187.

вести это с предельным тактом со своей стороны и с полным пониманием со стороны общества.

За исключением правила о написании приставок на З, которое А.М. Пешковский определил как «резкое фонетическое пятно на наиболее морфологическом участке нашего правописания», выпирающее из системы, а потому не облегчающее дело, а требующее к себе усиленного внимания³⁰⁷, «Постановления» 1917 г. стали в большинстве случаев разумным синтезом орфографических предложений 1904–1912 годов, то есть предложений, связанных с именем академика Ф.Ф. Фортунатова, которого А. Шахматов назвал «душой задуманной реформы» (Ф. 9. Оп. 1. Ед. 1058. Л. 119)]. Этим была отдана дань великому делу, инициатива которого бесспорно принадлежала ему. По утверждению В.И. Чернышева, «никогда не приходилось от него слышать каких-нибудь пессимистических мнений о будущем этого дела... никогда не высказывался он и в пользу каких-либо уступок противникам реформы для благополучного ее проведения в жизнь. Он несомненно сознавал и силу науки, и значение массового общественного мнения, и важность требований самой культурной части страны»³⁰⁸. Этим утверждалась убежденность А.А. Шахматова в том, что, имея исторические и научные основания, орфографическое упрощение «составляет насущную потребность страны, рвущейся к просвещению»³⁰⁹.

Постановление Совещания при АН встретило поддержку Государственного комитета при Министерстве народного просвещения, и Министерство народного просвещения при Временном правительстве приступило к введению упрощенной орфографии в школах, не дождавшись предполагаемого детального обсуждения постановлений совещания от 11 мая 1917 г. в Академии наук, то есть без окончательного решения Академии. И это не удивительно, потому что вопрос об упрощении русской орфографии, выдвинутый самой жизнью, особенно насущным был именно для школы.

Время сохранило множество мгновенных откликов школы «против», но больше «за» решение Академии:

«Вследствие единогласного постановления Общего собрания учительский союз г. Глухова имеет честь обратиться в АН с просьбой о немедленном осуществлении реформы правописания. Аналогичное ходатайство посылаётся союзом г-ну министру народного просвещения» (Письмо от 15 мая за подписью председателя учительского союза г. Глухова Черниговской губернии (ПФА РАН. Ф. 9. Оп. 1. №. 1058. Л. 33)).

³⁰⁷ Пешковский А.М. Реформа или урегулирование? // Русский язык в школе. 1930. № 3. С. 106.

³⁰⁸ Чернышев В.И. [1947] Ф.Ф. Фортунатов и А.А. Шахматов – реформаторы русского правописания (По материалам архива АН и личным воспоминаниям) // Чернышев В.И. Избр. труды: В 2-х т. Т. 2. М., 1970. С. 633.

³⁰⁹ Сакулин П.Н. Научно-общественная деятельность А.А. Шахматова // Изв. ОРЯС Рос. АН. Т. XXV. Пг., 1922. С. 305.

«Ввиду необходимости немедленно приступить к печатанию учебников по русскому языку (хрестоматии, грамматики) убедительно прошу Комиссию сообщить мне возможно скорее окончательное постановление 11 сего мая по вопросу об упрощении русского правописания» (Письмо от 27 мая за подписью инспектора Елинского высшего начального училища Черниговской губернии (ПФА РАН. Ф. 9. Оп. 1. №. 1058. Л. 32)).

Из Твери 18 мая сообщалось:

«Совет Тверского губернского учительского союза на основании постановлений Делегатского совещания учительских организаций Тверской губернии (9–10 мая сего года) доводит до сведения АН следующую резолюцию, вынесенную совещанием по вопросу о реформе русского правописания:

Признавая:

- 1) что теоретическая часть реформы русского правописания разработана с достаточной полнотой в трудах комиссии при АН;
- 2) что дальнейшее промедление с реформой русского правописания может сильно тормозить развитие народных масс;
- 3) что работа по упрощению русского правописания на местах может только затянуть давно назревшую реформу, съезд делегатов учительских организаций заявляет АН о необходимости проведения реформы по упрощению русского правописания с начала будущего учебного года на основаниях, выработанных комиссией при АН» (ПФА РАН. Ф. 9. Оп. 1. №. 1058. Л. 34).

Решения Академии были приняты в некоторых местах как указание к действию, о чем свидетельствуют архивные материалы. Например, Правление Союза учащихся Миллеровского района 15 октября обращалось от имени съезда учащихся (30 сентября 1917 г.) в Академию наук «как высший и компетентный орган по реформе правописания» с просьбой уведомить о состоявшейся реформе, выслать новые правила правописания с необходимыми для них объяснениями и комментариями «в интересах учебного дела» (ПФА РАН. Ф. 9. Оп. 1. № 1058. Л. 57).

«Постановления совещания при Академии Наук под председательством академика А.А. Шахматова по вопросу об упрощении русского правописания, принятые 11 мая 1917 года», – вот то, что стало итогом русской орфографической мысли за два ее столетия. Правда, некоторые разумные предложения более ранних проектов, к сожалению, были отвергнуты:

- 1) признать излишним написание буквы *ь* в конце слов за *ж* и *ш*, которые в произношении всегда тверды: *рож*, *плеш*, *ходиш*, *даш*, *лиш*, *сплош*, *настеж*;
- 2) не писать букву *ь* после *ч*, *щ* в конце слов, так как в произношении они всегда мягки и мягкость эта по существующему правописанию не выражается буквой *ь* в середине слов (*безупречный*, *овечка*, *мощный*): *толоч*, *ноч*, *печ*, *рѣч*, *точ в точ*, *навзнич*, *вещ*, *помощ*;

- 3) писать после *шипящих* и *ц* под ударением *о*: *крючок*, *пчолка*, *чорный*, *печот*, *печонка*, *щолк*, *ещо*, *жорнов*, *жсолтый*, *лжот*, *свежсо*, *мѣшок*, *идол*, *щолк*, *шопот*, *лицо*, *яйцо*; без ударения – *е*: *пчела*, *чернослив*, *чертог*, *щенок*, *топорнице*, *вышел*, *выше*, *желток*, *жернова*, *немцев*, *сердце*.

Этот исторический документ, вобрав в себя положительный опыт научных размышлений о русской орфографии предшествующих эпох, стал началом орфографической реформы, которая совершалась далеко не легким и простым путем.

Реформа русской орфографии до советских декретов

«Реформа проводится постепенно, начиная с младшего отделения начальной школы»

За пять месяцев до октябрьских событий Министерство народного просвещения при Временном правительстве рассылает I циркуляр о реформе во все учебные округа России – 17 мая 1917 года № 5456, который был сразу же опубликован в журнале «Родной язык в школе» (1917. № 2–3. С. 80–81). В этом распоряжении министр просвещения А. Мануйлов обращался с просьбой к руководителям региональных департаментов МНП принять все к осуществлению предложенной реформы «безотлагательно с начала будущего учебного года» и разослать означенные постановления во все подведомственные учебные заведения. Министерским же распоряжением новое правописание становилось обязательным «для канцелярских писаний департамента Министерства народного просвещения»³¹⁰.

Второе распоряжение МНП от 22 июня 1917 года № 6717 было опубликовано в нескольких журналах: Родной язык в школе (1917. № 2–3. С. 81–82); Журнал Министерства нар. просвещения (1917 (сент.). С. 41–43); Известия по нар. образованию (1917 (сент.). С. 140–144); Русский филологический вестник (1917. № 78. С. 18–22).

Этот документ заключал в себе конкретные рекомендации к практическому осуществлению реформы. Наиболее важная из них – о постепенности воплощения реформы. Причем обучение по новому правописанию, в случае его полного усвоения, предполагало знакомство с исключенными реформой буквами. В этом, без сомнения, выражалось желание МНП и Академии наук не разрушить навык восприятия художественных и других текстов, изданных в дореформенной орфографии, и тем самым не прервать давно сложившейся

³¹⁰ Мироносицкий П.П. В защиту родной письменности (По поводу мероприятий к упрощению русского правописания) // Народное образование. 1917 (май-июнь). Т. 1. Кн. 5–6. С. 309.

культурно-исторической традиции. Реформаторам было важно провести реформу с предельным тактом со своей стороны и с чувством полного понимания со стороны общества.

Обязательным новое правописание было только для младшего отделения начальной школы; на высших ступенях обучения следовало «лишь РЕКОМЕНДОВАТЬ учащимся переходить к новому правописанию». В соответствии с рекомендациями МНП, проводимая реформа не предполагала никакого элемента диктата над учащимися. Чтобы не превратить ее в насильственную, лишённую смысла акцию, МНП настаивало на необходимости всемерно разъяснять научные основы реформы и ее целесообразность.

Введение нового письма предполагало внедрение в общественное сознание мысли о том, что упрощение не стремится ввести произвольное письмо, но, напротив, – новая орфография является системой научно обоснованной и сохраняет все прежние основы русского правописания.

Министр народного просвещения акад. С.Ф. Ольденбург, сменив на посту министра А. Мануйлова, подтвердил циркулярные распоряжения о реформе своего предшественника.

Введение нового письма предполагало издание небольших брошюр, статей с изложением новых правил правописания и с их краткой научной мотивировкой; планировалось издание образцов нового правописания и справочных пособий и словарей, а также беседы и лекции для учащихся и учащихся. Многие из задуманного уже осуществилось. Обратимся к материалам тех публикаций, которые стали непосредственным откликом на циркуляры.

Известие о предстоящей реформе вызвало разные оценки. Например, инспектор Козловского Пушкинского I высшего начального училища в письме Отделению русского языка и словесности АН от 20 авг. 1917 г. (на 32 страницах) выступил с обвинениями по адресу реформаторов, которые полны противоречивых суждений, основанными на непонимании сущности языка и его письменной реализации. С одной стороны, автор считал, что «реформу следует проводить в недрах самого языка: отжившие формы должны быть отбрасываемы и заменяемы новыми, целесообразными». С другой – «реформа, проведенная Мануйловым, несовершенна, она упрощает язык и потому не может быть долговечной», и «нет ей ни научного, ни бытового оправдания» (ПФА РАН. Ф. 9. Оп. 1. №. 1058. Л. 55–56). Кроме того, автор считает, что введение упрощенного правописания заключает в себе угрозу нашей культуре и «послужит не сближению, а разъединению славянских народностей», внесет анархию в преподавание; проект реформы «не продуман, не разработан в достаточной мере», поэтому циркуляр «настоятельно необходимо немедленно отменить» (Л. 56).

П. Мироносицкий, обращаясь к реформаторам, настаивал на необходимости не разрушать святое правило *audiatur et altera pars* – выслушать противо-

положительную сторону. (Кстати заметить, эти же слова были адресованы антиреформаторам академиком А.А. Шахматовым в 1904 г.) Выступая в защиту родной письменности, П. Мироносицкий писал, что «письменная речь тем лучше, чем легче и скорее зрительным путем воспринимается по ней мысль писавшего», что «достоинство письма – в удобстве чтения». Упрощение учитывает только положение пишущего – таков его главный упрек реформаторам³¹¹. Другие его аргументы против упрощения заключаются в следующем:

– пусть сам читатель пишет малограмотно и нескладно, но в книге он видит слова русской речи такими, какими их видит сам автор книги, какими их видят самые образованные сограждане-современники³¹²;

– в Европе на страже исторической орфографии стоит высокое уважение к культуре, добытой трудами многих поколений³¹³;

– предписывая новое правописание, забыли, что письменность – это весы с двумя чашами. Письмо всегда стоит в равновесии с чтением. Теперь облегчили одну чашу, зато другая упала вниз. За упрощением правописания неизбежно должно последовать усложнение чтения³¹⁴.

В реформе правописания автор видит не что иное, как «нарушение принципа зрительной дифференциации в ущерб смыслу читаемого и во славу фонетики», «нарушение неизменности морфологических частей и опять во славу фонетики». Далее он приводит примеры, показывающие, что «торжество фонетики наносит ущерб идеографическому началу правописания», забыв при этом о дифференцирующей роли контекста: *Осел мел за муку принял; Осел мел на пол мелкой пылью; Исстари народ осел на берегах рек*.

П. Мироносицкий видит и еще множество нежелательных последствий орфографического упрощения. Например, при обучении новому письму отвлекать школьника при книгах в прежней орфографии – это узаконивать ошибку для всех школ форму безграмотного письма, поскольку грамотное останется только в книгах³¹⁵. Или, что реформа «отодвигает русскую грамоту от церковнославянского языка» и «изменит привычный и дорогой народу вид Библии»³¹⁶; что утрата (вследствие реформы) корней «не будет способствовать быстрой и находчивой работе словотворчества». Он справедливо отмечает также некоторые непоследовательности авторов реформы: в приставках *без-*, *чрез-* введен фонетический принцип, в то время как орфография других приставок (*над-*, *под-*) подчиняется совсем другому принципу. Он отмечает и полную «несостоятельность с точки зрения здоровой психологии тех приемов, которые в

³¹¹ Мироносицкий П.П. В защиту родной письменности... С. 309.

³¹² Там же. С. 310.

³¹³ Там же. С. 314.

³¹⁴ Там же.

³¹⁵ Там же. С. 317.

³¹⁶ Там же. С. 318.

преподавании правописания и полной неосведомленности составителей учебников грамоты и правописания с психологией неразрывных процессов чтения и письма»³¹⁷.

В итоге автор приходит к неожиданному утверждению, что реформа правописания нужна, но «сделать ее можно без шума, без крутой ломки, незаметно», так как «только в этом случае она проникнет в жизнь и принесет пользу, ибо сделает наше письмо еще более ясным и понятным для читателя»³¹⁸.

В числе тех, кто считал упрощение нежелательным, потому что оно пошатнет устой национальной культуры, привнесет не порядок, а орфографический хаос, была секция графических искусств при Всероссийском союзе мастеров. Зав. мастерскими и техники фабрично-заводских предприятий вместе с архитекторами и художниками выдвигали свои возражения. Они утверждали графическую нецелесообразность реформы, несогласованность с законами зрения, считая, что реформа проводится на основе лишь теоретических соображений филологов, которые не являются авторитетными в области графики и физиологии; что новое правописание может нанести непоправимый ущерб духовной и материальной культуре русского народа³¹⁹. Но голосам противников реформы мощно противостояли ее сторонники.

Во внимание были приняты все работы, представленные в каталогах научных библиотек Москвы (РГБ, ГНПБ им. Н.Д. Ушинского и ИРЯЗ РАН), Санкт-Петербурга (ГПБ им. М.Е. Салтыкова-Щедрина), Красноярска, Читы, Иркутска, Томска. Материалы этих каталогов (кстати сказать, они редко повторяются, но чаще дополняют друг друга) позволяют выделить несколько типов публикаций.

В числе первых вестников реформы были тексты «Постановлений», изданные отдельными брошюрами малого (карманного) формата в разных городах России. Они были одним из безусловных компонентов механизма упрощения, предназначенные своими обстоятельными комментариями создать предпосылки сознательного усвоения всех орфографических нововведений.

Следующий, наиболее многочисленный тип публикаций, включает в себя небольшие по объему, но чрезвычайно информативные работы просветительского характера. Их назначение – донести до всех сущность реформы, ее научные и педагогические основания. Эти работы, довольно стандартные по структуре, содержали в себе в полном объеме или фрагментарно материалы «Постановлений» и циркуляров, краткий исторический очерк подготовки реформы, а некоторые из них – методические рекомендации, орфографические упражнения и образцы нового правописания (иногда это отражалось в названии бро-

³¹⁷ *Мирославицкий П.П.* В защиту родной письменности... С 320.

³¹⁸ Там же.

³¹⁹ *Николаев Б.Н.* В защиту русской письменной речи по поводу упрощения русского правописания. Пг., 1918. С. 2.

шюры), материал для переписывания «с целью сформировать навык письма в новой орфографии».

Частично – это работы 1917 г. (думается, по причине времени). Но в большинстве своем – публикации 1918 г., которые тоже ориентировались на «Постановления», и циркуляры как единственные авторитетные руководства к проведению реформы.

Брошюры издавались с учетом того, что отсутствие соответствующих учебных пособий «крайне затруднило бы, а во многих случаях сделало бы невозможным введение реформы правописания, в наступающем году», в надежде хоть в какой-то степени заполнить «соответственный в данной области пробел».

Авторы работ выражали горячее одобрение и уверенность в успешном завершении реформы. Например, 3 декабря 1917 г. автор и одновременно издатель словаря (еще один тип публикаций) по новому правописанию Вс. Флёрв, известный в то время методист-словесник, обращаясь к учащейся молодежи, писал: «Я ни минуты не сомневаюсь, что, перейдя к новому письму, вы сделаетесь горячим его защитником и сами постараетесь шире его распространить, чтобы упрочить в школе и в обществе. Я горячо верю, что и вы, современная молодежь, и все подрастающие поколения, и вся наша будущая Родина, свободная и могучая, благословят тот день, который освободил нас и наш народ от пут орфографии и расчистил ему путь к просвещению и счастью»³²⁰.

П.Н. Сакулин в брошюре «Новое русское правописание», убеждая учительство в абсолютности научных и педагогических достоинств предстоящей реформы, писал, что упрощение «исходит от языка и, удаляя ложные написания, тем самым отчасти ограждает его от возможной порчи в будущем»³²¹.

В изданиях 1918 года уже подводились итоги работы за прошедший учебный год; авторы работ сообщали, что опыт «убедил многих в превосходстве новой орфографии, убедил даже и тех, которые были противниками ее введения»³²².

За очень короткий период были подготовлены книги не только для обучения новой орфографии, но и для изучения других предметов. Так, объемная (более 300 страниц) работа «Первый год занятий в новой народной школе. Применительно к новой орфографии», составленная кружком преподавателей одной из школ Москвы (ред. Ив. Сахаров), является работой из серии «Все для ученика в одной книге». В ней заключено все то, что необходимо школьнику, но уже в новой орфографии: новый наглядный букварь, новые наглядные орфографические задачи, классное чтение, пропись, рисование и лепка, игры для

³²⁰ *Флёрв Вс.П.* Мой словарь: Краткий справочник по новому правописанию с приложением правил. 2-е изд. М., 1918. С. 4.

³²¹ *Сакулин П.Н.* Новое русское правописание. М., 1917. С. 16.

³²² Правила нового русского правописания. Вологда, 1918. С. 3.

мальчиков и девочек, пение и т.д. Имеющаяся в современном фонде РГБ, эта книга представляет собой второе, исправленное и дополненное, издание первой, которая издана тоже в новой орфографии еще в 1917 г., но отсутствует в каталогах.

Этот случай не единственный. Найдено десятков книг, которые являются вторым изданием ныне не существующих, и их нельзя не принять во внимание: это еще более ранние отклики на циркуляры.

На защиту реформы стали все педагогические журналы, публикуя списки книг по новой орфографии, важнейшую литературу вопроса и первые опыты преподавания, этим упрочивая идею реформы как события большого просветительного значения, которое непосредственным образом связано с интересами русской культуры, и отстаивая мысль о том, что «в борьбе разума с привычкой побеждать должен разум».

Итак, около 80 брошюр-откликов, реальных, утерянных и гипотетических, определяют широкий географический диапазон начавшейся реформы орфографии: Москва, Петроград, Киев, Петрозаводск, Нижний-Новгород, Волчанск, Рига, Казань, Одесса, Ново-Николаевск, Иркутск, Томск, Харьков, Уфа, Чита, Красноярск, Астрахань, Великие Луки и многие другие, не выявленные города.

В большинстве своем брошюры издавались от имени Бюро губернских учительских союзов, но некоторые из них – авторские, и они выявляют прежде всего больших энтузиастов реформы (Ф.Х. Абраменко в Киеве, М.Б. Камшилов в Казани) и широкий ранговый диапазон ее непререкаемых сторонников: рядовые учителя-словесники, директора гимназий и реальных училищ, преподаватели женских курсов, реальных училищ и учительских институтов, приват-доценты и профессора.

Указанные работы, которые стали непосредственным откликом на циркуляры, не отражают в полном объеме весь корпус опубликованных текстов, изданных в то время. В него могут быть включены еще многие из тех, которые стали жертвой революционного времени: анонсированные на последних страницах изданных в то и сохранившихся до сего времени брошюр, они тоже отсутствуют в каталогах (список этих работ см. в разделе «Хронологическая библиография», пункт «Публикации о реформе русской орфографии до декретов 1917–18 гг.»).

Печать встретила реформу недружелюбно, и в защиту ее выступили многие. Как и во времена Кирилла и Мефодия, процесс введения нового, доступного народу письма, стал частью политической борьбы между прогрессистами и консерваторами. Противники реформы проявили яростное сопротивление.

Профессор П.Н. Сакулин выступил в печати дважды. Его первая статья «Важный шаг» (Русские ведомости. 8.06.17. № 123) заключала в себе мысль о том, что упрощение делается не в угоду малограмотным людям, как гневно восклицали противники, а «по соображениям научного и педагогического свойства», поскольку, «освобождая письмо от традиционного балласта, она суще-

ственнейшим образом облегчит усвоение русского правописания и даст возможность школе, особенно народной, использовать духовные силы учащихся в ином, более продуктивном направлении», а это, по его мнению, «должно плодотворно отразиться на росте нашей культуры». Он отверг все опасения и скептические речи, что сейчас, когда война и разруха, не время для таких событий, как реформа орфографии, сказав, что реформа, несмотря на сложность политического и экономического момента, заслуживает самой широкой общественной поддержки: «нельзя отказаться от маленькой жертвы в интересах большого культурного дела».

В другой своей статье, «Орфографические страхи» (Русские ведомости. 30.06.17. № 147), П.Н. Сакулин сообщал: *Об орфографической реформе начинают писать, а еще больше говорить. Конечно, в этом вопросе каждый пишущий имеет свой законный голос. Но будем искренними и признаемся, что огромное большинство пишущих не обладает ясным представлением о научных основах правописания; что люди, в других отношениях вполне образованные, здесь обнаруживают поразительную неосведомленность. Казалось бы, это обязывает их к известной осторожности суждений. Но, к сожалению, очень часто мы видим совершенно обратное явление: человек смело кладет свое мнение против мнения авторитетнейших специалистов, каковы академики Ф.Ф. Фортунатов, Ф.Е. Корш, А.А. Шахматов. Не замечая того люди бродят в орфографическом тумане, даже во мраке. А во мраке легко порождаются всякие призраки, которые пугают и без того встревоженное воображение.*

Комитет служащих МНП выразил протест против нового правописания (Биржевые ведомости 30.06.17. № 16312). Статья так и называлась – «Протест против нового правописания». Она заключала в себе требование подождать с реформой, «когда перед родиной стоит ряд существенных задач, выдвинутых на очередь революцией, а в деле народного просвещения есть гораздо более существенные задачи и указания жизни, нежели введение нового правописания». Кроме того, Комитет служащих МНП выражал требование о необходимости введения нового правописания «одновременно во всех ведомствах и учреждениях повсеместно».

Слухи о том, что МНП откажется перейти на новое правописание в наступающем учебном году были сразу же опровергнуты газетой «Вечернее время» от 5.08.17. (№ 1890). Здесь помещена беседа корреспондента с попечителем петроградского учебного округа профессором А.А. Вороновым, который сообщил, что «реформа упрощенного русского правописания необратима, поскольку построена на очень веских основаниях, и было бы не совсем верно говорить, что она поощряет неграмотность...»

И таким образом, в результате почти четырехмесячной интенсивной подготовительной работы с сентября 1917 года русская школа перешла к обучению по новому правописанию.

«Можно только горячо приветствовать решительный шаг нового министра в проведении этой демократической реформы, которой с нетерпением давно ждала русская школа и особенно семья педагогов-словесников», – сообщал августовский, дооктябрьский, номер журнала «Родной язык в школе» за 1917–1918 гг. (кстати сказать, выпущенный в безукоризненно новой орфографии – то есть в соответствии с «Постановлениями» Академии наук). В период за сентябрь-декабрь здесь было опубликовано множество статей и заметок, представляющих первый опыт преподавания по новой орфографии; публиковались списки новой учебной литературы, стенные таблицы – все, что необходимо при обучении новому письму.

В новой орфографии стали выходить отдельные периодические издания. Профессор П.Н. Сакулин выступил с проектом «Лиги правописания», которую предполагалось создать в сентябре-октябре 1917 г. «Лига» ставила перед собой задачу продолжать популяризацию реформы в широких слоях общества через издание брошюр, книг, чтение лекций; планировалась широкая пропаганда реформы среди работников печати и всех, кто обращается к письменному слову по долгу службы и в частной переписке. (Об орфографической деятельности П.Н. Сакулина см.: [Тригорьева 1995]).

Как свидетельствуют педагогические журналы того времени, недолгая практика преподавания по новому правописанию в начальной школе и в младших классах средней школы дала почувствовать, «насколько в новых условиях сознательнее можно ставить преподавание грамоты и письма, насколько лучше усваиваются новые правила и насколько плодотворно преподавание именно языка»³²³. Преподаватели на практике успели убедиться в выгодах нового, реформированного, правописания.

Современная литература представляет любопытный фрагмент дневниковой записи гимназиста 1917 г., свидетельствующий о том, что новое письмо сразу же стало фактом школьного сознания и было в основном принято не только в младших отделениях начальной школы, но и старшими группами. Автор очерка «Эта тихая уездная жизнь» О. Гладышева сообщает, что в Хвалынском краеведческом музее хранится дневник 1917 года некоего ученика 7 класса, который подписывался Мих. Чевеков. Запись от 4 октября – до октябрьских событий:

«Сегодня, 4 октября 1917 г., я первый раз писал сочинение по новой орфографии. Из прежних основных правил заменяются, исключаются следующие:

Буква **Ѣ** во всех случаях исключается.

Буква **Ѡ** заменяется на **Ф**.

Буква **Ѣ** исключается в конце слова, в середине остается.

Буква **і** совсем исключается.

³²³ Алферов А.Д. Быть или не быть новому правописанию // Новая школа. 1918. № 1. С. 12–21.

Приставки: *раз-, воз-, низ-, из-* – перед глухими согласными и перед *С* меняют *З* на *С*, например, *РАССОРИТЬСЯ*.

Все хорошо, это правда, но только вместо буквы *и* надо бы оставить *і* – гораздо лучше»³²⁴.

О том, что школа приняла упрощенное правописание как радостное событие, свидетельствуют воспоминания 90-летней жительницы Красноярска М.А. Дроздовой, полученные в частной беседе в 1990 г. (в 1917 г. она была ученицей Серпуховской гимназии), и известного авиаконструктора А.С. Яковлева: «Начались занятия в школе. К всеобщей радости учеников, ввели правописание по новой орфографии»³²⁵.

Журнал «Родной язык в школе» (1918. № 6–10. С. 207) сообщал, что 3 декабря 1917 г. в зале 11 гимназии Союзом Педагогических Советов Петрограда было устроено открытое заседание по вопросу о новой орфографии в средней школе. Выступающие приват-доцент Н.С. Державин и проф. Л.В. Щерба заявили себя сторонниками новой орфографии. Н.М. Каринский сделал некоторые замечания практического характера, обязывающие к известной осторожности в деле реформы.

Несмотря на многие трудности (привязанность к старой орфографии, предубеждение против новой, технические затруднения в чтении и письме, недостаток ясных представлений в обществе о том, что такое правописание и как оно соотносится с языком), несмотря на все эти трудности, новая орфография постепенно утверждалась, и все настойчивее возникала необходимость вывести реформу орфографии за пределы школы, потому что в печати, как свидетельствует С. Карцевский, особенно в повседневной прессе, «реформа прививалась весьма туго»³²⁶.

Учебный отдел Министерства торговли и промышленности циркулярным распоряжением от 9 октября 1917 г. за подписью министра А. Орлова (№ 7387), ссылаясь на Совещание при Академии наук и распоряжения МНП, извещал начальников учебных ведомств о необходимости перейти к обучению по новому правописанию (Гос. архив Читинской обл. Ф. 65. Оп. 1. Ед. 17. Л. 152 об.).

В послеоктябрьский период в проведении реформы можно выделить три региона, где орфографические события имели разные ориентации и свой собственный путь: Советская Россия, Сибирь и Русское зарубежье.

³²⁴ Гладышева О. Эта тихая уездная жизнь. Очерк второй. Безумие // Волга. 1991. № 9. С. 157–175.

³²⁵ Яковлев А.С. Цель жизни. Записки авиаконструктора. 2-е изд., доп. М., 1969. 634 с.

³²⁶ Карцевский С.И. Новая орфография // Русская школа за рубежом. Прага, 1923. Кн. 1. С. 4.

Реформа орфографии в Советской России

«...в кратчайший срок осуществить переход к новому правописанию»

В Советской России орфографическое упрощение стало одной из первостепенных акций новой власти. В дополнение к предыдущим, было издано еще три руководства к проведению реформы, но уже от имени советского правительства.

Первый из них – декрет Наркомпроса от 23 ноября 1917 г. за подписью наркома просвещения А.В. Луначарского с теми же 13-ю академическими пунктами упрощения, но без исторического комментария³²⁷ – является свидетельством того, что реформа продолжалась, и советское правительство, по словам А.В. Луначарского, «прекрасно отдавало себе отчет в том, что при всей продуманности этой реформы в ней было, по самой половинчатости своей, что-то, так сказать, “февральское”, а не “октябрьское”»³²⁸.

В то революционное время высказывались предложения провести более радикальную реформу. Снова возник вопрос о латинизации русского алфавита, имеющий давнюю историю. Но декретом от 23 декабря 1917 г. советское правительство начинает новый этап уже начавшейся орфографической реформы. Этот декрет по содержанию представлял собой синтез Постановлений Академии наук и двух циркуляров МНП при Временном правительстве. В отличие от своих предшественников, его главное предписание – «в кратчайший срок осуществить переход к новому правописанию», а это значило, что «все правительственные и государственные издания (газеты, журналы) и неперiodические (книги, труды, сборники и т. д.) должны печататься согласно новому правописанию с 1 января 1918 г.» Постепенность проведения реформы разрешалась лишь в школах республики.

Как свидетельствуют материалы послеоктябрьского времени, этот «декрет-плагиат» (так назвали его в педагогических кругах), первоначально опубликованный «Газетой Временного рабочего и крестьянского правительства» (23.12.17, № 40), не имел широкого резонанса. Его неэффективность отмечал и сам А.В. Луначарский. «На декрет, – писал он в той же статье, – можно сказать, и ухом никто не повел, и даже наши собственные газеты издавались по старому алфавиту...»³²⁹. Но в школе к реформе сформировалось другое отношение.

³²⁷ Декрет о введении нового правописания // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства. 1917. № 12 (30 дек.). Отд. первый. Ст. 176. С. 185–186.

³²⁸ Луначарский А.В. Латинизация русского правописания // Красная газета (Веч. выпуск). 1930 (6–7 янв.); см. также: Культура и письменность Востока. Кн. 6. Баку, 1930. С. 20–26.

³²⁹ Там же.

Педагогические журналы, издававшиеся как орган Учительских Союзов столичных и губернских городов («Родной язык в школе», «Петроградский учитель», «Для народного учителя», «Новая школа», «Вестник псковского учительства», «Донская школа» и др.), пропагандировали реформу, объясняя ее научные основания, и сами переходили или уже в большинстве своем перешли на новое правописание, призывая к этому «для облегчения труда наборщиков» общественность и авторов будущих статей журнала. Регулярно во многих журналах публиковалась литература по вопросам введения новой орфографии и первые опыты преподавания.

Однако, как свидетельствуют те же журналы, учительство, вставшее «на путь борьбы с большевистской властью, властью захватчиков», вынуждено было бороться «за самое существование школы, истекающей кровью, но автономной и свободной, независимой от тех, кто захватил в руки власть» (Петроградский учитель. 1918. № 1); школа, брошенная на произвол судьбы, за время с октября 1917 г. приходила в полный упадок «под руками людей неопытных, действующих часто не столько в видах сохранения народного образования, сколько в видах сохранения своей власти» (Петроградский учитель. 1918. № 10). Все это не создавало даже самых минимальных условий для осуществления реформы.

Вскоре после октябрьского переворота, как сообщает газета «Наше дело», в Петербурге и в Москве возникла забастовка учителей. Нелепый по своему существу известный циркуляр комиссара народного просвещения А.В. Луначарского с требованием от учителей чего-то вроде свидетельства о политической благонадежности сразу отшатнул от советской власти «принципиальные слои учащихся». «Оставив советской власти для сотрудничества как раз тех лиц, сотрудничество с которыми не являлось желательным, – сообщал один из педагогических журналов, – многие учебные заведения фактически закрылись, и 1917–1918 учебный год нужно считать потерянными для учащихся»³³⁰.

Эти неблагоприятные события на долгое время парализовали все попытки сделать что-либо в области просвещения вообще, в проведении реформы – в частности. Но тем не менее педагогические журналы продолжали ориентировать школу на эволюционный путь реформы, помещая статьи, отстаивающие ее необходимость, разъясняющие ее важность для русского просвещения и культуры.

Многочисленные публикации периодической печати (см.: Гл. 4) свидетельствуют о том, что процесс внедрения нового письма шел как бы параллельно: как задуманное на несколько лет эволюционное продолжение начатого до октябрьских событий процесса и как новое деяние новой власти.

Дальнейшие события по введению нового письма советским правительством первый нарком просвещения представляет так:

³³⁰ Цит. по журн.: Енисейский учитель. 1919. № 3. С. 29.

«Революция, однако, шутить не любит и обладает всегда необходимой железной рукой, которая способна заставить подчиниться колеблющихся решениям, принятым центром. Такой железной рукой оказался покойный Володарский: именно он издал в тогдашнем Петербурге декрет по издательствам печати, именно он собрал большинство отвечающих за типографии людей и с очень спокойным ицом и своим решительным голосом заявил им:

«Появление каких бы то ни было текстов по старой орфографии будет считаться уступкой контрреволюции, и отсюда будут делаться соответствующие выводы».

*Володарского знали... Он был как раз из тех представителей революции, которые шутить не любят, и поэтому к моему и многих других изумлению с этого дня в Петербурге, по крайней мере, не выходило больше ничего по старой орфографии»*³³¹.

Эти события, проведенные «железной рукой» революции, подготовили следующий этап в проведении орфографического упрощения; озаменованный двумя главными документами от имени советского правительства:

1. Декрет Совнаркома от 10 октября 1918 года (за подписью заместителя народного комиссара просвещения М. Покровского и управляющего делами Совета Народных Комиссаров В. Бонч-Бруевича)³³².

2. Постановление Высшего совета народного хозяйства «Об изъятии из обращения общих букв русского шрифта в связи с введением новой орфографии» от 14 ноября 1918 г. (за подписью председателя ВСНХ А.И. Рыкова и членов президиума Я. Рудзутака и А. Ломова)³³³.

Проект второго декрета, внесенный комиссариатом просвещения на рассмотрение Совнаркома, был принят комиссией при СНК 8 октября, утвержден 10 октября и «распубликован» в Известиях Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов от 13 октября 1918 г. (№ 223).

Декрет этот полностью повторял текст предыдущего лишь с некоторыми, казалось бы, незначительными изменениями:

1. В него не включены два пункта: пункт 5 (о желательном, но необязательном употреблении буквы Ё) и пункт 11 (о слитных и раздельных написаниях).

2. Новые правила правописания здесь представлены как *р а з р а б о т а н н ы е* (выделено мной. – Т. Г.) Народным комиссариатом просвещения.

Такое вмешательство существенным образом изменило положение: орфографическое упрощение уже не только по волеизъявлению, но и по содержанию

³³¹ Луначарский А.В. Указ. соч.

³³² Декрет Совета Народных Комиссаров. О введении новой орфографии // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства. 1918. № 74 (17 окт.). Отд. первый. Ст. 804. С. 909–910.

³³³ Постановление Высшего совета народного хозяйства «Об изъятии из обращения общих букв русского шрифта в связи с введением новой орфографии» от 14 ноября 1918 г. // Изв. ВЦИК. 1918. 14 окт. (№ 248/512).

становилось акцией советского правительства. И это стало одним из источников дезинформации об орфографической реформе впоследствии и является одной из причин ее негативных оценок в последние годы. Именно это в первую очередь сделало первый этап реформы – программу АН и МНП при Временном правительстве, уже во многом реализованную, – идеологической конъюнктурой.

Впрочем, упоминание об академических постановлениях и циркулярах А. Мануйлова представлено в литературе послеоктябрьского периода. Например, в статье Д.Н. Ушакова, написанной вскоре после реформы, но мало- или совсем недоступной в течение долгого времени: «Реформа проведена принятием известных Постановлений “Особого совещания”, введенных Временным правительством в школу и декретированных советской властью в декабре 1917 г. для печати и делопроизводства»³³⁴. Или в известной статье А.В. Луначарского (1930 г.), где автор так представляет реформу:

«Припомним, прежде всего, как произошла та довольно солидная реформа письменности, которая была проведена непосредственно после Октябрьской революции и которая до сих пор возбуждает скрежет зубовой у эмигрантов».

Потребность или сознание необходимости облегчить нелепый,отягченный всякими историческими пережитками дореволюционный алфавит возникла у всех мало-мальски культурных людей. В Академии Наук шла подготовительная работа».

Кадетский министр Мануйлов, опираясь на работу комиссии академика Шахматова, уже подготовил введение нового алфавита <...>, который на самом деле введен Советским правительством».

Собственно о предоктябрьских событиях в реформе встречается в статье В.И. Чернышева «Ф.Ф. Фортунатов и А.А. Шахматов как реформаторы русского правописания», где сообщается, что «кадетское правительство, чувствуя свою слабость, остановилось на полдороге, не решаясь проводить реформу дальше», и «это сделало советское правительство»³³⁵.

Декретивное вмешательство в проведение реформы превратило ее в жесткую законодательную акцию, которая проведена без учета интересов пишущих по старой орфографии, насильственно, против чего очень предостерегали авторитетные ученые, авторы и проводники реформы. Постановление ВСНХ «Об изъятии из обращения общих букв русского языка» предлагало чрезвычайно жесткий порядок проведения реформы, далекий от замыслов тех, кто стоял у ее истоков:

³³⁴ Ушаков Д.Н. Чем не закончена реформа правописания? (По поводу статьи В.П. Вахтемова) // Вестник просвещения. 1923. № 8. С. 18–25.

³³⁵ Чернышев В.И. [1947] Ф.Ф. Фортунатов и А.А. Шахматов – реформаторы русского правописания (По материалам архива АН и личным воспоминаниям) // Чернышев В.И. Избр. труды: В 2-х т. Т. 2. М., 1970. С. 646.

- прекратить отливку исключенных из русского алфавита букв;
- изъять матрицы их из касс ручных наборных машин;
- печатать всё по новой орфографии, за исключением уже включенных в набор работ;
- за нарушение постановления установить штраф до 10 000 рублей.

Воспоминания о том, что посланные в типографии матросы изымали из касс Ъ, Ъ и другие ненужные в новой орфографии буквы, история сохранила. То есть то, чего не удалось за недостатком времени совершить задуманным путем, было сделано, выражаясь словами свидетеля эпохи, «одним взмахом пера, стало свершившимся фактом благодаря декрету нынешних властей, с большой легкостью меняющих стили, переводящих повсеместно стрелки часов взад и вперед и оставивших пока в неприкосновенности времена года»³³⁶.

И в результате этого требования ученых всесторонне разъяснять целесообразность реформы, ее научные и педагогические основания остались нереализованными; насущно назревшая и научно обоснованная по содержанию реформа по форме своей стала репрессивной.

Реформа орфографии в Сибири

«...двухгодичный опыт практикования новой орфографии дал блестящие результаты»

Поскольку Сибирь оставалась за пределами Советской России, то есть – вне советского правления до 1920 г., то орфографическая реформа здесь стала продолжением дооктябрьского процесса, и орфографические события развивались в ориентации на министерские циркуляры в соответствии с замыслами: постепенно, с учетом интересов носителей дореформенной орфографии, и новое правописание без декретов стало доминирующим и в печати, и в школьном преподавании в течение двух лет, еще до времени окончательного установления советской власти.

Проследим путь воплощения упрощенной орфографии в разных регионах Сибири.

Енисейская губерния была в числе первых откликнувшихся на циркуляры. 14 июля в новой орфографии стала выходить газета «Красноярский рабочий» (№ 61); несколько позже упрощенной орфографии постепенно начинают отдавать предпочтение и другие газеты. Об этом же свидетельствуют и некоторые архивные данные: за протоколом педагогического совета Енисейского высшего начального училища № 9 от 19 апреля 1917 г., выполненного в старой орфографии, следует протокол № 13 от 4 июля 1917 г. (остальные в деле отсут-

³³⁶ Евгенийев А.С. Новая орфография на практике // Вестник лит. 1919. № 4. С. 4.

ствуют) «О выдаче аттестата Петру Пастухову, выбывшему вследствие призыва на военную службу в феврале 1917 года из 4 класса Енисейского высшего начального училища», выполненный в безукоризненной новой орфографии (Гос. арх. УНКВД Красноярского края. Отд. дореволюционных фондов. Ф. 3. Оп. 1. Л. 242).

В первой декаде августа (за три месяца до событий Октября) Бюро Учительского Союза Енисейской губернии издает книгу «Новое русское правописание» (Красноярск, 1917). В ней, кроме двух циркуляров МНП и Постановлений АН от 11 мая, заключена информация о том, что сделано департаментом МНП Енисейской губернии для воплощения нового правописания в жизнь школы: до начала учебного года организованы курсы для преподавателей и издана методическая литература:

Таблица нового русского правописания (стенная, большого формата – два издания);

Таблица нового русского правописания (малого формата);

Таблица нового русского правописания (малого формата на лучшей бумаге);

Первая книга для чтения по новой орфографии, составленная преимущественно из произведений Л.Н. Толстого.

В этой же брошюре опубликовано решение I Общегубернского съезда учащихся Енисейской губернии по вопросу о введении упрощенного письма.

Оно отражало более горячую заинтересованность участников съезда в проведении реформы, чем рекомендовало министерство. Постановление гласило: «Приветствовать реформу правописания и немедленно ввести ее в учебных заведениях, в том числе и во всех трех отделениях начальной школы»³³⁷.

Журнал «Думы забайкальского учителя», издание Читинского губернского учительского союза (1918. № 1–2: январь–февраль), в разделе «Печать» публикует орфографические материалы других изданий, заключающие в себе отношение учительства и рядовых носителей языка как к самой реформе, так и к действиям большевистского правительства в этом направлении.

Называя декреты советского правительства плагиатом, неизвестный автор из «Народного слова», принципиально не сочувствующий самой идее упрощения, в иронической форме высказывает свое отрицательное отношение и к начинаниям МНП, и к действиям большевистского правительства, отмечая при этом, что, вводя новое правописание, МНП было гораздо положе новой власти, которая «сразу и с корнем вырывает зло грамотности» «всем аппаратом карательных средств».

Следующая публикация представляет совсем противоположное мнение, компетентное (так считает редакция) мнение профессора Гензеля из газеты «Русские ведомости». Автор статьи, привлекая многие аргументы, горячо от-

³³⁷ Новое русское правописание. Красноярск, 1917. С. 11.

стаивал начавшуюся реформу, и это мнение разделяет редакция журнала, ненавязчиво призывая к этому читателей. Факт публикации различных мнений является свидетельством стремления редакции педагогического журнала воспитать у педагогов и читателей непедagogической ориентации сознательное отношение к упрощению, каким оно было задумано.

Журнал «Школа и жизнь Сибири», издание Томского губернского учительского союза, публикует статью Н. Баумана «Научные основания правописной реформы». В ней, кроме педагогических и научных оснований начавшейся реформы, автор излагает краткую историю ее подготовки с начала XX в. и предлагает свои аргументы к проведению реформы, считая ее одним из важнейших демократических шагов послефевральских событий³³⁸. Из 33 газет, издававшихся в то время в Томске, 17 после второго циркуляра перешли на новую орфографию. Первой из них была газета «Сибирский врач» – 4 июня 1917 г. (№ 21–22).

Новая орфография входила в жизнь с немалыми трудностями, и преподаватели-словесники приходили на помощь. Так, в Иркутске была издана книга «Новая грамота» (1918 г.), составленная народным учителем Я.Г. Грошковым. Она заключала в себе первоначальные сведения из курса грамматики, применимые к постановлению совещания по вопросу об упрощении русского правописания, упражнения для списывания и тексты изложений. В предисловии автор сообщал, что эта «грамматика, как и большинство других, приспособлена к новой орфографии» и что приступить к этой работе автора заставило, «с одной стороны, изменение правописания, а с другой стороны – отсутствие с центром сообщения и невозможность получить отсюда какой-либо материал для практических работ»³³⁹.

В Енисейской губернии начата с сентября 1917 г. реформа проходила задуманным путем. Год работы в школах по новой орфографии принес положительные результаты, которые отмечены II Делегатским съездом Енисейского Губернского учительского союза (проходил 15–25 августа 1918 г.). Съезд констатировал «блестящие результаты опыта по введению новой орфографии», несмотря на отсутствие книг и другие неблагоприятные условия, с сожалением признавал, что среди интеллигенции «замечаются некоторого рода предубеждения против нового правописания», и настаивал, что «новое правописание диктуется необходимостью» и что оно легче утвердится, если книги и периодические издания будут печататься по новой орфографии. В результате долгой дискуссии было принято решение:

1. Рекомендовать всем членам Союза деятельно пропагандировать в обществе преимущества нового правописания.

³³⁸ Бауман Н. Научные основания правописной реформы // Школа и жизнь Сибири. 1917. № 1 (сент.–окт.). С. 1–22.

³³⁹ Грошков Я.Г. Новая грамота. Иркутск, 1918. С. 3.

2. Поручить губернскому бюро от имени съезда выпустить обращение к обществу о необходимости введения новой орфографии.

3. Поручить губернскому бюро пропагандировать новое правописание среди газетных работников и настаивать на издании газет в новой орфографии.

4. Поручить членам Губернского комитета по народному образованию, представителям Союза, возбудить вопрос перед Комитетом о повторной рассылке циркуляра Мануйлова по учебным заведениям и комитетам по народному образованию.

Реформа в Сибири, однако, проходила небеспреткновенно. О том, как развивались события по ее воплощению в последующие годы, сообщает журнал «Енисейский учитель», орган Енисейского губернского учительского союза, который издавался типографией Ачинского товарищества печатного дела с января 1919 г. В фондах красноярской библиотеки имеется только четыре номера, но и они позволяют составить достаточно полное представление о введении нового письма в школах Енисейской губернии.

В марте 1919 г. в Енисейской губернии продолжалось противостояние сторонников и противников введения нового письма.

Журнал «Енисейский учитель» № 3 в разделе «Вести и факты» сообщал, что в родительском комитете одной из гимназий было принято ходатайство о возвращении к старому правописанию. Затем в статье сообщалось указание МНП при Временном Сибирском правительстве о том, что вопрос этот решен бесповоротно и «какая-нибудь обратная ломка, как и смешение старого правописания с новым, совершенно недопустимы».

В этом же номере – голос возмущенного учителя, который пожелал скрыться за псевдонимом Случайный. Его сообщение о том, что педагогический совет Ачинской женской гимназии постановил ходатайствовать перед МНП о восстановлении старой орфографии по той лишь причине, что проведение реформы встречает непреодолимые препятствия за отсутствием книг и учебников в новой орфографии. Как считает автор, «проще и целесообразнее ходатайствовать об издании соответствующих книг».

В конце марта 1919 г. в газетах появились тревожные слухи о стремлении некоторых влиятельных общественных кругов вернуть школу к старой орфографии. Четвертый выпуск журнала «Енисейский учитель» (апрель–май) предлагает несколько публикаций, посвященных реформе. В разделе «К походу против новой орфографии» журнал прежде всего публикует обращение Бюро учительского союза ко всем и особенно к работникам печати.

«Обновление новой школы в соответствии с потребностями жизни и условиями переживаемого момента является единодушным желанием всех слоев общества, – сообщалось в обращении. – В обновлении школы – залог нашего лучшего будущего. Все препятствия, мешающие школе выполнять ее великое культурное назначение, должны быть всемерно устранены. Время тратилось

непроизводителен для духовного развития, в ущерб ему, многое оставалось за пределами обучения из-за орфографии». В обращении сообщалось также, что теперь уже «двухгодичный опыт практикования в учебных заведениях новой орфографии дал блестящие результаты», что «учащиеся всех классов быстро освоились с новым правописанием», что «общая успеваемость в занятиях родным языком стала значительно выше», что «количество перекэкзаменовок сильно сократилось» и что «освободилась масса учебного времени для более серьезного и обстоятельного изучения родного языка и литературы» (с. 74).

С удовлетворением констатируя такое отрадное явление, Бюро обращалось к образованному обществу и в особенности к деятелям печатного слова с предложением расстаться со старой орфографией и перейти на новое, более легкое и рациональное правописание. «Переходом на новое правописание, – утверждалось в обращении, – общество и печать окажут незаменимую услугу и школе, и детям, а вместе с этим и русской культуре и русскому просвещению, столь у нас скудному, но столь для нас необходимому» (с. 75).

В ответ всем противникам реформы очень резонно звучали слова Н. Шевчугова: «Нужно иметь особое устройство мозга, чтобы не понять тех ценностей, какие даст нам реформа... Недостаток учебников – болезнь общая не только по отношению к правописанию. Если угодно, то книжный кризис имеет для успехов нового правописания положительную сторону, так как отсутствие учебников вынуждает переиздавать их вновь и предоставляет возможность ввести в них новую орфографию» (с. 51).

Автор упрекал учителей, которые не перешли на новое правописание, и не сомневался в том, что «консерваторы не возьмут верх», потому что «время их инспектирования прошло, и теми мерами, к которым они привыкли, уже нельзя воспитать молодое поколение». Он выражал абсолютную уверенность: возврат к старому уже теперь не возможен, поскольку «такая ломка встретит большие противодействия и ляжет на совесть осмелившихся пойти против науки и молодого поколения». «Если нам с трудом удастся заживить рану, – писал он в заключение, – то ее, вскрывшуюся вновь, нам уже не удастся вылечить» (с. 56).

7 мая 1919 г. состоялось заседание Губернского Комитета по народному образованию при Енисейской Губернской земской управе. На повестке дня стоял один вопрос – защита новой орфографии в связи с предполагающимся возвратом к старой. Здесь были прослушаны сообщения Правлений Ачинского и Канского уездов. Материалы этих сообщений свидетельствуют, что и Ачинский, и Канский учительские союзы считают возврат к старой орфографии невозможным. Затем последовало сообщение, что Совет народного образования при Алтайской губернской управе 11 апреля постановил «просить все областные и губернские земские управы применять в своем делопроизводстве и книгоиздательстве новую орфографию», подчеркивая этим, что она «не спорадическое модное явление, а действительно ценное завоевание, которое будет тем устой-

чивее, чем большее число позиций будет им занято и закреплено за ним, и тем легче будет его защищать против недремлющих противников».

Отдел по народному образованию Енисейской губернской земской управы выразил требование, чтобы губернская земская управа от лица всех земств Енисейской губернии направила в МНП протест против возврата к старой орфографии как против отрицательного явления, «знаменующего усиление реакционных течений в кругах, близких к центральному правительству», поскольку необходимо было искать пути к развитию народа, одним из которых является упрочение русского правописания. В результате всего была принята резолюция:

1. Вопрос о каких бы то ни было изменениях в новом русском правописании вправе обсуждать только одна Всероссийская Академия наук. Но если бы она нашла нужным ввести какие-либо изменения, то их не следовало бы пронодить в жизнь, пока новое правописание не будет испытано в нормальных условиях государственной и школьной жизни.

2. Учительство Енисейской губернии неоднократно заявляло совершенно определенно, что, несмотря на самые неблагоприятные условия, в которых школа находилась в течение последних двух лет (отсутствие книг и необходимых учебных пособий по новой орфографии) опыт введения новой орфографии в школы нужно признать вполне удачным. Существующие «дефекты» в правописании учащихся относятся не к требованиям новой орфографии, а к совершенно другим трудностям ее, которые не могут быть устранены никакими реформами: написание сомнительных согласных и пр.

3. Невысокий уровень грамотности является лишь результатом многочисленных трудностей в учебном процессе и недостаточностью времени для усвоения нового письма. Но при старой орфографии успеваемость была еще ниже, как она низка и по другим предметам.

4. При введении новой орфографии неизбежно было чисто субъективное консервативное противодействие ей поколения, воспитанного на старой орфографии. Поэтому со стороны МНП и правительства должны быть приняты меры, чтобы познакомить общество с научным обоснованием ее, которое дано столь компетентным учреждением, как Академия наук, чего со времени введения новой орфографии министерством профессора Мануйлова при Временном правительстве первого состава и до настоящего времени не только не было сделано, но, наоборот, со стороны правительственных учреждений новая орфография встречала явное противодействие вплоть до угрозы увольнения служащим, пытавшимся писать по-новому. При этом все правительственные газеты продолжают печататься по старой орфографии, а то время как все учительские журналы перешли на новое правописание.

5. Отсутствие учебных пособий и книг, а также предстоящее издание новых есть фактор, благоприятствующий введению и укреплению новой орфо-

графии. Усиливающийся процесс издания книг по новой орфографии станет еще быстрее, когда правительство перестанет колебаться в вопросе о более энергичном введении в жизнь новой орфографии.

6. Возврат к старой орфографии в школе после двухлетнего обучения по новой приведет лишь к отсутствию какой бы то ни было орфографии.

7. Изгнание из школы новой орфографии не уничтожит уже начавшегося ее распространения среди взрослого населения, которое и в частной переписке, и в печати постепенно начинает отдавать предпочтение ей. Если школа не будет содействовать тому, чтобы реформа продолжалась в соответствии с требованиями АН, то она неизбежно будет обществом искажена.

8. Принимая во внимание все вышеизложенное, Комитет по народному образованию протестует против предложения вернуться к старой орфографии и выражает надежду, что МНП и все правительство примут серьезные меры к скорейшему введению новой орфографии в официальных учреждениях и правительственных изданиях разного типа и к разъяснению ее основ и научной истории ее возникновения для всего населения.

Важную страницу в общем процессе утверждения нового правописания в Енисейской губернии представляют решения V Ачинского уездного съезда учащихся как раз в завершение учебного года: 27 мая — 4 июня 1919 г.

Обсудив вопрос о намечающихся тенденциях к восстановлению старой орфографии, съезд постановил:

1. Новая орфография, выработанная особой комиссией при АН, представляет собой научно обоснованную систему и значительно упрощает правописание.

2. В начальных школах уезда новая орфография прочно укрепилась.

3. Издание учебников по многим предметам упрочивает новое правописание в школе и в литературе. При создавшихся условиях возврат к старой орфографии невозможен без тяжелой ломки для школы, для молодого поколения, для грамотной части населения, успевшей усвоить начала новой орфографии. Эта ломка может привести к полному орфографическому хаосу, несравненно большему, чем некоторые нарушения стройности правописания, обязательные с переходом на новое письмо и обусловленные не сущностью реформы, а непоследовательностью ее проведения и общей разрухой школы.

Выступая в защиту нового правописания, съезд обращался ко всему учительству, земствам, городскому самоуправлению, кооперативам и всем другим организациям с просьбой прилагать все усилия, чтобы отстоять новую орфографию, ввести ее там, где она еще не введена. Перейти в своей собственной переписке и делопроизводстве на новую орфографию, потому что новая орфография — это «ценное завоевание новой школы, и необходимо объединить все передовые силы для ее полного утверждения».

Информация журнала «Енисейский учитель» этим исчерпывается (вероятнее всего, журнал больше не издавался), но о дальнейших событиях в проведе-

нии реформы сообщают другие периодические издания, и в частности газета «Правительственный вестник», издание Сибирского Временного правительства.

В разделе «По ведомствам» от 15 июня 1919 г. (№ 160) имеется такое сообщение: «В повременной прессе появляются известия, что министерство народного просвещения решило вернуться к старой орфографии. По этому поводу министерство считает необходимым сообщить следующее:

Новая орфография была введена после февральского переворота 1917 г. методом, далеко не соответствующим новым приемам управления, а именно — простым циркуляром МНП от 17 мая 1917 г., хотя бы и имевшим за собой авторитет Академии наук и длительную работу ученых и педагогических организаций. В результате до сих пор употребление новой орфографии формально установлено распоряжением лишь одного министерства, распоряжением, не обязательным для других ведомств.

Министерство нового состава полагало, что «как бы ни были многочисленны голоса за возврат к старой орфографии, не следует повторять ошибку, допущенную... его предшественниками, и циркуляром же отменять то, что два года назад считалось обязательным для школы и во многих местах вошло в жизнь».

Далее сообщалось, что министерством предпринята большая работа, чтобы выяснить отношение к новой орфографии отдельных ведомств и педагогических организаций, учебных заведений всех типов, учебных отделов при органах самоуправления и т. д. — одним словом, принять меры к тому, чтобы «широко и с достаточной полнотой выяснить компетентное мнение правительственных и общественных учреждений», поскольку только на основе компетентного мнения Совет министров намеревался «вынести то или иное окончательное решение».

Имея серьезное намерение урегулировать вопрос о русском правописании «путем законодательных норм», министерство обратилось к земским и городским самоуправлениям, педагогическим советам, родительским комитетам, учительским организациям и педагогическим обществам с просьбой выяснить точку зрения по этому чрезвычайно насущному вопросу и прислать свое заключение не позднее середины июля текущего года («Правительственный вестник» от 19 июня 1919 г. (№ 163)).

Прежде всего министерство предполагало выяснить такие вопросы:

1. В каких классах низших и высших начальных училищ и средних учебных заведений введена новая орфография?
2. Как отражается новая орфография на грамотности учащихся?
3. Какие затруднения встречаются при введении новой орфографии?
4. Желательно ли оставить новую орфографию и перейти к старой?

Несмотря на серьезность намерений министерства, газета не опубликовала в середине июля никаких результатов опроса, а в выпуске от 14 августа 1919 г. (№ 210) уже опубликовано «Положение» об эвакуации ведомств МНП из ме-

стностей, занятых и занимаемых Красной Армией. В последующих выпусках нет никакой информации от ведомства по народному просвещению, но тот факт, что до последнего номера газета «Вестник сибирского правительства» выходила в старой орфографии, весьма красноречив: Сибирское Временное правительство либо неодобрительно относилось к упрощению русского письма, либо не в состоянии было уделить реформе должного внимания.

И еще одно любопытное свидетельство о реформе в Сибири – журнал «Путь деревни», еженедельный журнал Ачинского уездного земства: № 21–22 за 1919 г. Сам журнал по инерции издавался в старой орфографии, но выступал защитником новой. Редакторская статья от 29 июня «В защиту новой орфографии» сообщает о том, что, не удовлетворяясь деятельностью МНП, Главный Комитет Сибземгора (Всесибирская земско-городская управа) взял инициативу по проведению реформы в свои руки, и этим решительно вывел реформу за рамки МНП. Внешним импульсом к его деятельности послужили многочисленные заявления от отдельных земств с требованием выступить в защиту орфографической реформы и принять все зависящие от комитета меры для более полного ее проведения.

Как сообщается в статье, Главный Комитет обратился ко всем земствам, городам, учительским союзам и «тем самым придал движению в защиту нового правописания о б щ е с и б и р с к и й х а р а к т е р» (выделено мной. – Т. Г.). Циркуляр Сибземгора о реформе орфографии был разослан всем сибирским самоуправлениям.

Отмечая неудовлетворительное состояние дел по введению нового правописания «повсеместно», Главный Комитет с сожалением констатировал: «В то время как в школе обучение производится по новому правописанию, в жизни все еще господствует старое, вследствие чего подрастающим поколениям по окончании школы приходится иметь дело с совершенно неизвестным для них правописанием».

Сибземгор, ссылаясь на свой опыт, обращался ко всем административным управлениям подать пример населению и немедленно перейти к новому правописанию как в земско-городском делопроизводстве, так и при издании земских и городских газет и журналов.

Кроме того, Комитет призывал местные органы управления взять на себя инициативу по разъяснению в обществе значения реформы, привлекая при этом местное учительство. Со своей стороны Сибземгор обязался издать в ближайшее время (июнь 1919) необходимые брошюры с кратким очерком реформы, постановлениями особого совещания при АН от 11 мая 1917 г. и двумя ц и р к у л я р а м и МНП за подписью Мануйлова и предоставить право свободной перепечатки этих материалов всем земствам и городам.

В заключение Главный Комитет выражал уверенность, что если на защиту нового правописания «дружно встанут земства, города, учительские союзы,

научные и правительственные общества и кооперативные объединения, п р о - в е д е н и я я (выделено мной. – Т. Г.) реформа не будет отменена, как бы энергично ни велась против нее кампания».

Отклик на это общесибирское воззвание обнаружен в журнале Иркутского сибирского земства (выпуск от 20 ноября 1919), где на титульном листе опубликовано решение-призыв: «Согласно постановлению Иркутского земского собрания с настоящего номера журнал «Земская Сибирь» будет печататься ПО НОВОЙ ОРФОГРАФИИ». Этот выпуск журнала публикует список книг, изданных уже в новой орфографии иркутским книгоиздательством «Сеятель», которые необходимы в обучении новому письму в школе.

Этот же журнал предлагает читателям новые материалы, представляющие уже имеющийся отрицательный опыт приобщения к новой орфографии – рецензия Ф. Филиппова на книгу В. Ананьина и др. того же кооперативного книгоиздательства «Сеятель».

«Главная ошибка издательства, – сообщалось в статье, – механическое применение новой орфографии при издании учебника. Издательство весьма просто, но весьма ошибочно применило новое правописание к старому учебнику: вместо бывших Ъ, Ѳ, и і (десятеричное) поставило в соответственных местах Е, Ф, И, отбросив Ъ на конце слов. К сожалению, издательство не посоветовалось со сведущими в этом вопросе лицами, а они бы указали, что новая орфография только тем и лучше старой, что от ее применения правописание становится более легким и многие упражнения старых учебников делаются ненужными, лишними. Издательство же не учло этого обстоятельства, оставив все упражнения, помещенные с единственной целью усвоения буквы Ъ».

В это же время типографией Томского союза кооператоров издается брошюра «В защиту нового правописания». Она включает в себя очерк о старом и новом правописании, Постановления совещания при АН 11 мая 1917 г. и два циркуляра МНП о введении нового правописания. Здесь же автор очерка о старом и новом правописании Вал. Денисов сообщает, что после двух лет применения нового правописания в школе постоянно приходится слышать о том, как «легко и просто усваивают школьники новую орфографию, сколько благодаря этому бережется времени для объяснительного чтения и для развития учащихся»³⁴⁰.

Приведенные материалы и орфография периодических изданий Красноярска, Читы, Иркутска, Томска свидетельствуют о самостоятельном пути реформы в Сибири. Здесь новое правописание, не испытав карательной силы декретов, к концу 1919 года стало не абсолютно господствующим, но доминирующим.

³⁴⁰ Денисов В.П. Старое и новое правописание // В защиту нового правописания. Томск, 1919. С. 12.

Реформированная орфография в практике письма

«... это было одно орфографическое суеверие?»

Реформаторское вмешательство в орфографию не сразу раз и навсегда установило орфографические новшества. Новое правописание для значительного круга носителей на первых порах было чуждым (сила привычки сильна в каждом человеке). Как вспоминает один из участников событий, вскоре многие поняли, что «это было одно орфографическое суеверие», потому что «не только в глазах не рябит, но и пишется легко и свободно, когда не надо отвлекаться мыслями, следует ли писать *-ья* или *-ые*, *они* или *онъ*...»³⁴¹

Излагая свои впечатления за шесть месяцев, В.С. Кривенко, другой свидетель орфографических перемен, писал, что сначала эта новая орфография была «крайне неприятна, рябило в глазах», новый облик печатного и написанного слова вызывал раздражение, но потом «свыкся с большинством декретных повелительных указаний» и «перестал испытывать болезненное чувство толчка на ухабе, когда безжалостным щелчком выбивал *Ъ* и заменял ее грубым *Е*». И очень скоро пишущие не только не жаловались на новую орфографию, но приветствовали ее, и упрощение пришлось так по душе, что возникла потребность внести в орфографию новые поправки³⁴².

Однако такая легкость в оценках реализации упрощенного правописания является достаточно односторонней и может быть справедливой, вероятно, лишь по отношению к тем, чьи навыки правописания не были прочными. Существуют и другие свидетельства, указывающие на более сложный путь воплощения новой орфографии, несмотря на жесткость мер ее внедрения.

О том, что процесс утверждения новой орфографии требовал значительных усилий людей высокой для своего времени орфографической культуры и достаточно длительного периода, свидетельствует опыт изучения практики внедрения упрощенного письма в текстах таких представителей революционного периода, как В.И. Ленин, А.В. Луначарский, П.Н. Сакулин и известный сибирский писатель А. Сорокин³⁴³.

В течение некоторого времени вплоть до 1923 г. отдельные издательства допускали в текстах дореформенные написания. Вопреки намерениям и ожиданиям реформаторов советского времени, воплощение новой орфографии не укладывалось в рамки декретивных мер. Периодическая печать как государственный институт не могла не подчиниться диктату декретов, но тем не менее

³⁴¹ Евгеньев А.С. Новая орфография на практике // Вестник лит. 1919. № 4. С. 4.

³⁴² Кривенко А.С. Точки над «И» (Еще о новой орфографии) // Вестник лит. 1919. № 5. С. 9.

³⁴³ Осипов Б.И., Шуйская С.А. Переход носителей старой орфографической нормы на новую орфографию после реформы 1917 г. // Фонетика-орфоэпия-письмо в теории и практике. Красноярск, 1996. С. 52–62.

сила инерции находила отражение и в печатных текстах. Изданный в помощь усваивающим новое письмо плакат «Правила нового правописания» (М.: Товарищество «График», 1922) сообщал, что «трехлетнее применение новой орфографии в печати не сумело в достаточной и твердой степени укрепить новое правописание». Отметив наиболее частотные погрешности в написании (особенно приставок на *-з*), составители плаката представляли краткую историю вопроса о подготовке реформы, основные требования упрощенного письма и предлагали таблицы для наиболее эффективного усвоения новых правил.

Декретивное вмешательство в реформу не сразу установило новые орфографические требования и в неперидических изданиях. В течение короткого времени для некоторых текстов характерны как навыки прошлого или как протест против упрощения дореформенные написания. Вот один из неединичных примеров. В сборнике стихов Н. Морозова, изданном в 1920 г., встречаются некоторые дореформенные орфограммы (правда, без буквы *Ъ*), в том числе и в самом названии «Звездныя песни»:

Откуда *оне* появились (С. 1)

 Истинная теория всенароднаго...
 общечеловеческаго... (С. 11)

 Он снова пошел в *безпросветную* тьму (С. 24)

 Она спала, *ея* дыханье...
 И утра алое сиянье
 Её окутало собой...
 И сны вокруг *ея* летали... (С. 12).

Несмотря на сложности воплощения упрощенного письма, связанные, в основном, с инерцией орфографического навыка, со временем оно вошло в практику, не совершив реформы в языке, литературе и русской культуре.

Русская орфография «в изгнании»

«...отождествить ее с ненавистным режимом
 и предать анафеме»

В связи с тем, что деятельность советского правительства в проведении реформы заслонила собой предшествующий, до советских декретов, период, антибольшевизм русского зарубежья стал определяющим в отношении и к реформе, и к дореформенной орфографии.

Реформа была вписана в один ряд с деяниями большевистского правительства, стала ностальгическим символом монархической России. Это в значительной степени усложнило орфографическую ситуацию и нашло свое выра-

жение в характерном для зарубежной печати, начиная с 20-х годов, орфографическом плюрализме.

Большинство периодических изданий русского зарубежья сохраняло верность дореформенному письму до последнего номера:

- парижский общественно-политический и литературный журнал «Современные записки» в течение 19 лет до 1939 г.;
- парижская газета «Возрождение», орган русской национальной мысли (ред. П. Струве) в течение 15 лет до 1940 г.;
- парижская ежедневная газета «Последние новости» (ред. П.Н. Миллюков) в течение 10 лет до 1930 г.;
- берлинская демократическая ежедневная газета «Руль» в течение 13 лет до 1931 г. и мн. др.

Журнал «Социалистический вестник», основанный Мартовым в Берлине, сразу же принял упрощенное письмо – 1921 г.

Другие же зарубежные периодические издания после некоторого периода отвержения постепенно тоже принимали его. Так, осуществив в 1922 г. первое издание в частично новой орфографии (без *Ъ* на конце слов и без *Ѳ*), пражский журнал «Воля России» с 1924 г. отдает новой орфографии полное предпочтение. Аналогичный орфографический опыт представляет пражский журнал «Вольная Сибирь» (1925–1930).

Есть и такой орфографический опыт: в изданиях, продолжавших дореформенную орфографическую традицию, в новой орфографии набирались отдельные разделы – «Знамя борьбы», ежемесячный берлинский журнал, орган заграничной делегации партии левых социал-революционеров максималистов (1925. № 1. С. 1–9).

В многообразии тем зарубежной периодической печати орфографические сюжеты занимают определенное место, отражая давнюю полемику сторонников и противников упрощения. Так, берлинская газета «Руль» помещает статью профессора Ф. Брауна «Новая орфография», где орфографический вопрос представляется автором как вопрос первостепенной значимости (27.04.21). Он выражает огорчение, что событие научной, педагогической и экономической важности превратилось в событие политическое; академическое и педагогическое авторство орфографической реформы заменено большевистским.

Чтобы создать необходимую, соответствующую реальности, в решении этого важного вопроса атмосферу, профессор Ф. Браун предлагает читателям краткую историю вопроса, выявляя основные этапы длительной подготовки реформы и ее дооктябрьское начало. Он выражает бесспорную уверенность, что новая орфография вошла бы в культурное сознание постепенно и безболезненно, если бы советское правительство не ускорило темпы ее проведения (№ 143, май).

Публикация Ф. Брауна не осталась незамеченной. В статье «О неправописном правописании» Потресов (Сергей Яблоновский) выразил противополож-

ный взгляд: реформа не была необходима и проведена «во имя лени и невежества», во имя «неправописного правописания» (№ 154, май).

Газета, как уже было отмечено, сохранила дореформенную орфографическую ориентацию до последнего номера. Но если судить по отдельным публикациям, все-таки видела будущее за новой орфографией:

- броское объявление о продаже Орфографического словаря по Гроту (издано Е.А. Гутнова в Берлине) «с приложением руководства для пользования им по новой орфографии» (21.05.22) и здесь же публикация в новой орфографии большого списка книг из Советской России;
- рекламная страница, представляющая множество работ по филологии, химии, физике, анатомии из «Библиотеки современного знания» (13.05.23);
- публикация перечня изданных в новой орфографии учебников и руководств по технике, сельскому хозяйству, физическому воспитанию разных берлинских издательств («Пламя», «Русская книга», УМКА PRESS, «Волга» и др.);
- изданные в упрощенной орфографии списки книг о жизни и деятельности замечательных людей – все эти примеры свидетельствуют о том, что вектор приверженности орфографической традиции неуклонно смещается в сторону реформированного письма.

Вопрос о новой орфографии был не менее (если не более) актуальным и для зарубежной школы, поскольку обучение орфографии (новой или старой?) требовало четкой позиции. Русские за пределами России были во власти «любви к утраченной Отчизне». Они пытались сохранить утраченное прошлое, и это порождало консерватизм и вселяло опасение, что какое-либо отступление от прежнего уклада (в том числе и орфографического) деформирует национальное самосознание детей. По воспоминаниям М. Раева, известного историка русского зарубежья, в некоторых школах, например в Русском женском лицее в Париже, дабы удержать школу в русле старой орфографии, следовали жесткому правилу: за ошибку в старой орфографии оценка снижалась на четверть или полбалла; за ошибку в новой орфографии – на один балл или два. Меньшее наказание оказывалось при этом предпочтительным несмотря на то, что требовало большего заучивания³⁴⁴.

Орфографический вопрос широко обсуждался на педагогических съездах и на страницах педагогической печати. Ставший доступным только в последние годы пражский журнал «Русская школа за рубежом» предлагает три орфографических сюжета, отражающих сложности орфографического положения в зарубежной школе:

Статья приват-доцента С. Карцевского «Новая орфография» написана в защиту нового правописания. В первых ее строках автор выражает недоумение по адресу тех противников реформы обывательского толка, кто считает

³⁴⁴ Раев М. Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции 1919–1939. М., 1994. С. 69.

новую орфографию одним из дьявольских изобретений большевиков и подвергает ее осуждению лишь только потому, что хочет «отмежеваться от большевиков хотя бы путем восстановления Ъ и Ъ. Он оценивает участие большевиков как третьестепенное: оно выражается лишь только в том, что большевики, «не стесняясь в средствах, провели академическую орфографию в жизнь»³⁴⁵.

Его статья дает ответ и другим категориям противников упрощения: тем, кто видит в реформе эстетическое надругательство над русским правописанием (Ъ имеет «готическую» заостренность и уподобляется русской часоулке с крестом на коньке), и тем, кто привязан к традиции векового письма и в силу инерции сознания не может принять упрощения.

«Эстетичность правописания, — пишет он, — вещь условная и всецело сводится к привычке: нашим детям гротовская орфография будет казаться такой же старомодной, как кринолины и тюрнзоры наших прабабушек. Традиция была уже столько раз насилована и Петром Великим, и Ломоносовым, и Гротом, что лучше было бы к этому аргументу не прибегать и согласиться, что, если орфографической традиции надлежало еще раз пострадать, то нельзя было избрать для этого лучшего момента, как наше время — время всеобщей ломки бытовых устоев»³⁴⁶.

Здесь же С.И. Карцевский обращается к антиреформаторам, считающим научные основания новой орфографии недостаточно продуманными, проводит анализ всех пунктов реформы с точки зрения научной, устанавливает взаимоотношения русского правописания с фонологической системой языка.

На следующих страницах работы (и это большая ее часть) он рассматривает научные основания реформы и убеждает читателя в их несомненной целесообразности: она не затронула основ русского правописания, но «миллионы детей и миллионы простых людей, которым нет возможности тратить годы и годы на усвоение хитроумных написаний, не связанные привычкой, свободные от «политики», смогут с меньшими усилиями приобщиться к русской и мировой культуре»³⁴⁷.

Автор другой орфографической публикации, профессор А. Григорьев, шаг за шагом излагая историю русского письма со времен его возникновения, подробно останавливается на каждом из 13-ти пунктов академического упрощения, приводит убедительные аргументы в их большей (в одних случаях) или меньшей — в других — целесообразности. Выступая в защиту реформы, он в первую очередь обращается к тем, кто не мыслит увидеть издания классиков, и прежде всего Пушкина, в новом, не авторском, орфографическом облике. Он утверждает, что ссылка на орфографический авторитет наших писателей не-

³⁴⁵ Карцевский С.И. Новая орфография // Русская школа за рубежом / Под ред. И.С. Гессена, С.И. Карцевского, В.А. Ригана. Прага, 1923. Кн. 1. С. 4.

³⁴⁶ Там же. С. 3.

³⁴⁷ Там же. С. 7.

корректна, и развеивает опасения противников в том, что новое правописание является умышленным искажением и правописания, и языка великих писателей. Он считает, что без обращения к подлинным рукописям классиков нельзя (по позднейшим печатным изданиям, исправленным в соответствии с требованиями издательства) судить о подлинном правописании и языке писателей. К тому же правописание, как и язык, разных писателей различны и менялись в соответствии с требованиями издательства, редакторов и корректоров³⁴⁸.

Заключительные строки его орфографических рассуждений убедительно свидетельствуют в пользу реформы:

1. Русское правописание, следуя за изменениями в языке, изменялось на протяжении всей своей истории.

2. Современная реформа — это одна из ступеней длительного процесса.

3. Реформа ведет к несомненному упрощению правописания, поскольку устраняет лишние буквы и унаследованные от прошлых эпох искусственные формы.

4. Новое, упрощенное правописание, несмотря на кажущуюся преждевременность и некоторую непоследовательность, представляет несомненный прогресс в сравнении с правописанием прежним.

Решительной отповедью антиреформаторам стала статья Евг. Аничкова, главного редактора серии «Русские классики» для фирмы «Деятель». Она адресована также тем ревнителям орфографической традиции, кто допускал издание классиков только «в привычной одежде старой орфографии», но никак не в «искаженной» реформированной.

Убедительные аргументы автора отвергают все стремления опорочить новое правописание какими-то совсем неподходящими обвинениями. Он — однозначно — за новую орфографию.

Во-первых, в печатном варианте есть разный (с точки зрения орфографической) Пушкин. Орфография его изданий от издателя к издателю изменялась до неузнаваемости, а собственно пушкинской орфографии не было, поскольку «этот совершенно неоспоримо первый среди равных русский классик грамотой владел бесконечно хуже, чем большинство более или совсем скромных его современников»³⁴⁹. Поэтому — соблюдать правописание самого автора (будь то Пушкин, или Лермонтов, или Гоголь и т. д.) есть утопия, и страшно подумать, какое бы началось бедствие, если бы в текстах Пушкина была восстановлена орфография его рукописей.

Во-вторых, потому, как показал его большой издательский опыт, что вера в единообразие прежней орфографии является великим заблуждением. Он выделяет три типа орфографий в дореформенный период:

³⁴⁸ Григорьев А. История русского правописания и основы новейшей реформы // Русская школа за рубежом. Кн. 2–3. Прага, 1923. С. 91.

³⁴⁹ Аничков В.Е. Правописание и классики // Русская школа за рубежом. Кн. 5–6. Прага, 1923. С. 79.

догровская орфография, воплощением которой стала суворинская газета «Новое время», государственные типографии и большие казенные учреждения;

орфография по Гроту, которая, во-первых, узаконила далекие от подлинной этимологии написания и, во-вторых, не отличалась абсолютным единообразием. Кроме того, орфографическое руководство академика Грота растиражировано в словарях и пособиях разных авторов на их собственный манер, что еще в большей степени не служило орфографическому единству;

«интеллигентская» орфография – манера письма, больше всего распространенная в студенческой среде и ставшая знаком особого этикета и щегольства: без буквы Ъ на конце слов.

Все это, по его убеждению, очевидно демонстрировало для людей непредвзятых невозможность старой и утверждало высокую целесообразность новой, упрощенной орфографии: документально утвержденная и единая, именно она будет более удобна для издания именно классической литературы³⁵⁰.

2–7 апреля 1923 г. в Праге состоялся съезд деятелей средней и низшей русской школы за границей. Журнал «Русская воля» публикует большой материал С.И. Карцевского, посвященный этому событию³⁵¹.

Как сообщалось в публикации, на съезде присутствовало 70 человек почти из всех стран Европы. Причем не только педагоги, теоретики и практики, но и представители академических групп, Земгора, Союза городов и Державной Комиссии (Югославия). Наряду с вопросами сохранения единства и устройства русской зарубежной школы, был рассмотрен орфографический вопрос. Он стал одним из двух, вызвавших наибольший интерес участников съезда.

Силы защитников и противников новой орфографии были равны. В защиту старой выступили проф. К.И. Арабиджин (Рига) и С.Г. Попич (Париж). Права новой орфографии отстаивали проф. А.Д. Григорьев (Брест) и приват-доцент С.И. Карцевский (Прага). Здесь, на съезде, были выявлены важные факты, свидетельствующие о сложностях практического воплощения упрощенного правописания в русской эмигрантской школе, и обозначены основные итоги работы по его воплощению:

1. В Латвии, Эстонии и Польше повсюду признана новая орфография.
2. Союз русских педагогов в Чехословакии высказался также в пользу нового правописания.
3. Главным противником упрощения (за исключением сельскохозяйственной школы в Тырново с преподаванием только по новой орфографии) выступают Болгария и Югославия.

³⁵⁰ Там же. С. 87.

³⁵¹ Карцевский С.И. Педагогический съезд // Русская воля, Прага, 1923б. № 6–7. С. 100–107.

4. Франция и Берлин, разделяющие позицию балканских государств, представляют слишком незначительное число (не свыше 600) русских учащихся.

5. Русские зарубежные издатели начинают серьезно думать о переориентации на новую орфографию.

В публикации сообщалось также, что доводы сторонников старого правописания, прозвучавшие на съезде, гораздо слабее, чем доводы противников, и носят, скорее, политический, чем научный и педагогический характер. Они основаны в большей степени на незнании подлинных фактов орфографической истории. Например, проф. Е.Д. Спекторский клеймил новую орфографию как ... распутинскую. Проф. Д.Н. Вергун говорил об «убитых и умученных большевиками за верность букве Ъ».

Новое правописание, несмотря на протесты, оказалось в более выгодном положении, так как за ним – авторитет Академии наук, Всероссийского съезда преподавателей и Государственного комитета при Министерстве народного образования.

В результате долгих прений съезд принял компромиссную резолюцию: несвоевременно решать вопрос выбора орфографии, чтобы не вносить разлада в уже сложившийся ход жизни зарубежной школы. Следует возложить его решение на педагогические советы.

В заключение С.И. Карцевский выразил надежду, что сторонники нового правописания почувствуют удовлетворенность, поскольку съезд снял с нового правописания «прежний одиум» – «большевистской орфографии больше нет», а «есть две орфографии: одна старая, гротовская, другая новая, реформированная, и школы сами вольны делать выбор между обеими». Глядя в будущее, он уверенно заявлял, что к следующему педагогическому съезду реформированная орфография «сделает много новых завоеваний»³⁵².

Стоит особенно отметить, что, несмотря на многочисленные выступления авторитетных ученых русского зарубежья в защиту реформы, ее «большевизм» продолжал доминировать в сознании эмиграции, потому что, как справедливо отмечает М. Раев, того факта, что проведение реформы связано с участием большевиков (пусть даже она была обсуждена и разработана большими учеными задолго до революции) было для большинства эмигрантов достаточно, чтобы «отождествить ее с ненавистным режимом и предать анафеме»³⁵³. То есть отмежеваться от большевиков хотя бы путем сохранения дореформенной орфографии.

Несмотря на столь твердое сопротивление, русская эмиграция пришла к новому правописанию, хотя гораздо позже, чем метрополия. До настоящего времени старое письмо сохраняется лишь в изданиях Свято-Троицкого мона-

³⁵² Там же. С. 107.

³⁵³ Раев М. Указ. соч. С. 68.

стыря в Нью-Йорке. Одним из его изданий стал выпуск ежемесячного журнала «Православная жизнь», посвященный дореформенной орфографии.

Написанные в разные годы разными авторами четыре статьи журнала по-прежнему предадут анафеме реформированное правописание, нужное только «врагам национальной России». Называют его советским, искаженным, революционным кривописанием, которое нанесло смысловые раны и литературе, и языку³⁵⁴.

Орфографическая ностальгия русского зарубежья сегодня выражена и в статье профессора А. Лермана. По его мнению, новое правописание, «обезображенное правописание», смогли навязать русскому обществу «только великий Ленин, кронштадские филологи-прикладники (вооруженные магросы. – Т. Г.) и ЧК-ГПУ-НКВД». Культурное возрождение России ему видится с самого начала. – «с геральдики языка», как назвал правописание Пушкин. – «с истин азбучных»³⁵⁵, т. е. с возвращения к старой орфографии.

Сожалеея о том времени, когда *Ѣ* и *Ѥ* были выразителями самодержавной власти, авторы всех этих статей, написанных в разные годы, по-прежнему ратуют за возвращение утраченной орфографической традиции и, как очевидно, более всего потому, что орфографическое упрощение 1917 г. и революционные преобразования в их сознании до сих пор представлены нераздельно – как звенья единой цепи. И это значит, что возвращение «азбучных истин» – это возвращение подлинных событий истории русской орфографии. И понимания, что декреты советского правительства – это последний (причем далеко не самый удачный) шаг в долгом ее пути к реформе 1917 г.

«Орфографическое вольнодумство» как предвестие реформы

«... самим делом, а не отвлеченным разговором раскрыть перед обществом, насколько проста и осуществима мысль об упрощении грамоты»

После 1917 г., несмотря на разные условия в осуществлении, реформа русской орфографии свершилась на всей территории России включая Сибирь. Упрощенное письмо рано или поздно утвердилось и в культуре русского зарубежья. Но не следует думать, что началом этого стал 1917 г. Реформа имеет более

³⁵⁴ *Перемидловский В.* [20-е годы] Новое или старое правописание? // *Православная жизнь.* 1987. № 2 (февр.). С. 1–9; *Васильев П. М.* Русская или советская орфография? [1951] // Там же. С. 9–12; *Ильин И. А.* О русском правописании. О наших орфографических ранах [1952] // Там же. С. 12–22; *Архиепископ Аверкий.* К вопросу о старой и новой орфографии // Там же. С. 23–27.

³⁵⁵ *Лерман А.* Восстановить азбучные истины // *Книжное обозрение.* 1993 (окт.). № 42. С. 7.

глубокие истоки и более раннее «начало». Стихийный процесс внедрения элементов упрощенного письма начался еще в XVIII в. и продолжался вплоть до времени его официального введения (список источников индивидуальной орфографии в соответствии с цифровыми обозначениями в тексте см. в разделе ПРИМЕЧАНИЕ этой части, с. 150–152).

Как сообщает П. Пекарский, рукописные («собственноручные») тексты В. Тредиаковского позволяют заметить, что он «чем далее, тем более усваивал себе им самим придуманное правописание», отличительной чертой которого было исключение некоторых букв азбуки и в особенности орфографии прилагательных им. п. мн.ч., не в соответствии с теми правилами, «как тогда уже велось»³⁵⁶.

По распоряжению директора Академии наук С. Г. Домашнева некоторые отделы Академических известий 1781 г. (показание новейших трудов разных академий) издавались без *Ъ* на конце слов. С отступлениями в соответствии с орфографическими воззрениями автора еще в 1792 г. была издана работа профессора элоквенции А. А. Барсова. В тексте не употребляются конечный *Ъ* и мягкий звук в конце слов; употребляется только один знак для буквы «и» – *і* [1].

История представляет множество примеров частных попыток писать и печатать с упрощением правописания.

Орфография переводов Д. И. Языкова наделена не присущими доминирующей орфографии упрощениями [2]. В романе «Басурман» (1838 г.) И. И. Лажечников сделал попытку приблизить правописание к произношению и не использовал совсем букву *Ѳ*, после шипящих писал *О*, отступил от общепринятого написания в орфографии окончаний прилагательных и местоимений и писал *ничего*, *старова*, *дальнева* и др., однако его орфографические нововведения, как свидетельствует Я. Грот, «не встретили ни в обществе, ни в литературе сочувствия», а, напротив, «возбудили только насмешки», поэтому во втором издании романа он отказался от орфографического эксперимента [3].

В предисловии к безъеровой публикации медицинской работы Феликса Нимайера сообщалось, что на все возможные возражения по поводу внесенного в книгу орфографического изменения ответ один: безъерная печать позволяет напечатать на сэкономленные деньги не одну лишнюю книгу, а неудобство чтения, как убедил опыт, совершенно мнимое – глаз уже с первых листов привыкает к безъеровой печати [4].

Опыт безъеровых публикаций разнообразных по содержанию книг (в основном – переводного характера) имел довольно широкое распространение как в предшествующие, так и в последующие годы [5].

С самого начала существования (1879 г.) журнал «Русский филологический вестник», прислушиваясь к запросам времени, предпринял попытку издания без *Ъ* на конце слов, считая, что буква эта «потеряла всякий смысл и значе-

³⁵⁶ *Пекарский П.* История Императорской Академии наук. СПб., 1870а, Т. 2. С. 120.

ние», и выражал уверенность, что «рано или поздно вопрос о букве Ъ будет решен всеми не в пользу этого бесполезного значка» [6]³⁵⁷.

Орфография многих работ Р.Ф. Брандта, посвященных вопросам русского правописания, отражала его поиски упрощения и была далека от наиболее распространенной орфографической практики его времени [7].

Нестандартной орфографии, принятой на совещаниях Орфографической комиссии под руководством В.Я. Стоюнина (1862 г.), придерживались совершенно сознательно при издании отчета участники этой комиссии, петербургские педагоги, «чтобы наглядно удостовериться, насколько цель упрощения достижима» [8].

Академик Ф.Е. Корш, отстаивая мысль о необходимости упрощения, предлагал свои индивидуальные орфографические опыты [9].

В выступлениях Орфографической комиссии 1904 г. были сообщения о серьезном опыте в издательской практике с отступлениями от существующих требований:

– Мелкие заметки газеты «Новое время», вся газета «Русский Туркестан» издавались без буквы Ъ [10].

– Управление типографии Министерства путей сообщения в журнале «Наборщик» целые статьи издавало не только без буквы Ъ, но и без букв *i* и *ѣ* [11].

Студенческая медицинская комиссия при Московском университете, как сообщалось в одном из ее изданий, взяла на себя «почин практически осуществить наиболее бесспорную часть предлагаемой реформы» и не употреблять в своих изданиях исключенных комиссией лишних букв [12]. Правда, смелость этого почина через некоторое время несколько угасла, и в публикациях работ этой комиссии более позднего времени восстановлена буква Ъ [13].

Откликом на решение Орфографической комиссии 1904 г. стали многие экспериментальные в орфографическом отношении работы. Авторы их предлагали упрощенную в меру своего понимания орфографию. «Простая грамота» Г.С. Михайлова-Мучкина, известного педагога-словесника, например, включала в себя 8 пунктов упрощения русского письма (изложена в авторском варианте):

1. Нет букв *i*, *ѣ*, *џ* и *ѡ*.
2. Мягкий знак ставится тол'ко в тех случаях действител'ной необходимости и изображается так, чтобы каждый видел, что это знак, а не буква (в пис'ме может остат'ся и буквенное изображение).
3. Звук *йо* изображается везде буквой *ѣ*.

³⁵⁷ Об орфографическом эксперименте, который был предпринят журналом «Русский филологический вестник», см.: Григорьева Т.М. «Русский филологический вестник о русской орфографии» // Русский филологический вестник. М., 1995. № 2. С. 31–38.

4. Родит. падеж имен прилагательных, числительных оканчивается не на *АГО, ЯГО, ОГО*, а на *ОВА, ЕВА* (света БЕЛОВА). Формы с ударением на последнем слоге имеют окончания *ОВО, ЕВО* (ВСЕВО, ТОВО).

5. Местоимение *ОНА* в родительном падеже имеет как и в винительном *ѣѣ* (по произношению).

6. Во множ. числе именит. падеже имена прилагат., числит. ... имеют одно окончание для всех родов: *ЫЕ*.

7. Числительная и местоименная формы *ОДНИ, ОНИ* для женского рода не имеют другаго окончания.

8. Перенос слов производится неограниченными правилами РАЗДЕЛЕНИЕМ МЕЖДУ ДВУМЯ ГЛАСНЫМИ СОГЛАСНЫХ БУКВ (*КА-Р-ТИ-НА, Ю-ВЕ-Й-ШАЯ, ПРО-С-Т-РА-Н-С-Т-ВО*) [14].

В полном соответствии с правилами собственной упрощенной грамоты, чтобы «самим делом, а не отвлеченным разговором раскрыть перед обществом», насколько проста и осуществима мысль о реформе, Г.С. Михайлов-Мучкин издал книгу «Сказка и Песня», в состав которой вошли два литературных текста: «Сказка о рыбаке и рыбке» и «Песня про купца Калашникова». В предисловии к этому изданию, которое написано 23 марта 1905 г. и адресовано «друзьям упрощения грамоты», он выразил желание к скорейшему осуществлению упрощения; чтобы «всем последующим поколениям учащих уже не пришлось многие годы сидеть над усвоением правил теперешнего русского правописания, которым нет числа и предела и меры» [15].

Поток печатной продукции с орфографическими отступлениями был настолько велик, что это вызвало протест министра внутренних дел Д.С. Сипягина. Им был подготовлен проект, запрещавший орфографическое вольнодумство в печати.

Изданный как «Предварительные сообщения Орфографической подкомиссии» (Пг., 1904), проект упрощения увеличивал практику упрощенного письма, пробуждал общественное мнение за орфографическое упрощение. При этом следует заметить, что газета «Новое время», возглавляемая А.С. Сувориным, занимала противоречивую позицию: печатая в течение 10 лет отдел мелких известий без буквы Ъ на конце слов, она резко восстала против предложений орфографической подкомиссии в 1912 г., хотя это не воспрепятствовало практике орфографического новаторства.

«Постановления Орфографической подкомиссии» (Пг., 1912) снова поколебали силы орфографических новаторов. Снова было опубликовано множество работ с предварительным заявлением авторов или издателей о том, что издание осуществляется (полностью или частично) «согласно постановлениям Орфографической подкомиссии при Императорской Академии наук» [16]. Практика письма без конечной буквы Ъ имела распространение в гимназиях. Об этом свидетельствует А. Мариенгоф в своих воспоминаниях [17]. Опыт безъерых публикаций служил иллюстрацией достоинств упрощенного письма.

Своеобразную страницу в истории орфографического «вольномудства» занимает «Тверская газета». С 13 ноября 1911 г. по 25 марта 1912 г. (№№ 300–325) газета печаталась вообще без литеры *Ъ* (в середине слова она заменялась апострофом). Известный в то время энтузиаст упрощения инженер Н.Н. Алянчиков, издававший в упрощенной орфографии книги, выступавший с горячими речами в защиту реформы, опубликовал в одном из номеров этой газеты «Открытое письмо». Он одобрял деятельность орфографической подкомиссии, приветствовал почин газеты и призывал работников печати последовать этому примеру.

К моменту орфографической реформы 1917 г. изданий с отступлениями насчитывалось около 100, различных в жанровом отношении и выявляющих многие лингвистические имена, всецело разделяющие идею упрощения [18].

Более 10 разных в орфографическом отношении работ И.А. Бодуэна де Куртене представляют его позицию, лишенную орфографического консерватизма. Поиск разумных вариантов усовершенствования письма диктует варьирование приемов орфографических отступлений: в одних случаях он полностью следует утверждению орфографической подкомиссией правописанию [19]; в других — реализует лишь некоторые ее предложения [20].

Если вспомнить о трех типах орфографий в предреформенный период (догروتовская, орфография по Гроту и интеллигентская), то можно сделать следующее заключение: опыт издания текстов в упрощенной орфографии в соответствии с проектом Орфографических комиссий и частными проектами упрощения, который имел широкое географическое распространение, создают определенное представление об орфографической ситуации дореформенного периода: в течение длительного времени орфографическое вольномудство создавало оппозицию доминирующей орфографии, поэтому объявленная почти за полгода до октябрьских событий 1917 г. реформа орфографии стала не только началом новой «эры» в русском правописании, но и в значительной степени продолжением уходящего в глубь истории русского письма процесса; подведением итогов длительного предшествующего периода, свидетельствующего о несовершенстве правописания и необходимости его упрощения на разумных началах; стала необходимой акцией, возмозжно, предотвратившей анархию в русском письме.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. БАРСОВ А.А. Сводъ бытій російскыхъ. (Изъ рукописей покойнаго Г. Профессора Антона Алексѣевича Барсова; Выписано съ точнымъ наблюдениемъ его орфографіи) // Московскій журнал. — 1792. — Ч. 7. — С. 344–347; 354–357.
2. ЯЗЫКОВ Д.И. Влюбленный Шекспир. Комедія в одномъ дѣйствіи и в прозѣ Александра Дювала. Пер. с франц. — СПб., 1807. — 43 с.; ЯЗЫКОВ Д.И. Сравненія, замѣчанія и мечтанія, писанныя в 1804 г. во время путешествія однимъ Русскимъ / Пер. с нем. — СПб., 1808. — 325 с.

3. ЛАЖЕЧНИКОВ И.И. Басурманъ. Соч. И. Лажечникова. — М., 1838. Ч. 1. — 247 с.; Ч. 2. — 246 с.; Ч. 3. — 274 с.; Ч. 4. — 286 с. Этот орфографический эксперимент имел прецедент. В статье «Предложеніе новаго правописанія» (Лит. прибавленія къ «Русскому инвалиду». — 1837. № 17. — С. 160–161) орфография форм прилатательных Род. п. ед. ч. муж. и ср. родов передается через *-ова*, *-ева*.
4. НИМАЙЕР Феликс. Частная патология и терапия, основанная преимущественно на физиологии и патологической анатомии. Пер. с нем. И. Паржицкого. — 2-е изд., доп. — СПб., 1864. — X + 403 + VIII с.
5. ЭМИН Н.Ф. Ода на заключение мира с готами Николая Эмина. СПб., 1790. — 10 с.; [БРАН-КЕВИЧ М.С.] Дух Эккартсгаузена или сущность ученія сего знаменитого писателя. В двух книгах: Кн. 1. (М., 1809. — 95 с.); Кн. 2. (М., 1810. — 176 с.); СУП для грудныхъ дѣтей Юстуса Либиха, с прибавленіями в отношеніи приготовленія и употребленія супа. Пер. с нем. Розалии Коган. — СПб., 1866. — 36 с.; ГРАФ Бисмарк. Біографическій этюд. Пер. с англ. — СПб., 1870. — 66 с.; ДУХ римскаго права на различныхъ ступеняхъ его развитія. Рудольфа Иеринга, орд. проф. правъ в Геттингенѣ. Пер. с нем. — СПб., 1875. — 305 с.; ОРЛОВ А.И. Полный филологическій словарь русскаго языка с подробнѣйшимъ разъясненіемъ всѣхъ отличій разговорной рѣчи от ея письменнаго изображенія и с указаніемъ значенія и замѣны всѣхъ иноязычныхъ словъ, вошедшихъ в составъ русскаго языка, чисто русскими словами. Т. 1. От А до Г. — М., 1884. — 815 с.; Т. 2. От Г до И. — М., 1885. — 912 с. и др. Об имѣющемся к тому времени большомъ опытѣ безъероныхъ публикацій см.: Грот Я.К. [1873] Филологическія разысканія. — Т. 2. — 3-е изд., с доп. и перем. — СПб., 1885. — С. 241–245.
6. КОЛОСОВ М.А. От редакціи. II. // Рус. филол. вѣстн. — 1879. — Т. 1. — С. V.
7. БРАНДТ Р.Ф. Мнение г. Тулова о русскомъ правописаніи // Рус. филол. вѣстн. — 1881. — Т. V. — С. 358–375. Дает «действительно звуковое правописание» части текста из рецензируемой работы М.А. Тулова (С. 369–370); БРАНДТ Р.Ф. Мнение о русскомъ правописаніи Игн. Викент. Ягича, Фед. Евген. Корша, Ант. Сем. Будиловича и Алдр. Ив. Томсона // Филол. зап. — 1904. — Вып. 2. — С. 1–56. Как приложение к статьѣ — «Образыи моихъ орфографій»: 1. Звуковое письмо латинскими буквами. 2. Фонетическая гражданца. 3. Мое полуэтимологическое письмо. 4. Письмо Московской Орфографической комиссіи. 5. Корневое письмо (С. 52–56); БРАНДТ Р.Ф. Загробный голосъ о русскомъ языкѣ и письмѣ // Филол. зап. — 1904. — Вып. 5–6. — С. 1–22; БРАНДТ Р.Ф. Отзывъ на записку И.А. Бодуэна де Куртене // Протоколы Подкомиссіи по транскрипціи географическихъ наименованій, состоящей при Картографической комиссіи Императорскаго русскаго географическаго общества. — СПб., 1905–1906. На правахъ рукописи.
8. ТРЕТЬЕ і ЧЕТВЕРТОЕ совѣщанія по вопросу об упрощеніи русской орфографіи // Учитель. — 1862. — Т. 2. — № 8. — С. 344–347; ПЯТОЕ совѣщаніе по вопросу об упрощеніи орфографіи // Учитель. — 1862. — Т. 2. — № 9. — С. 400–403.
9. КОРИН Ф.Е. О русскомъ правописаніи // Изв. Академіи наукъ ОРЯС. — 1902. — Т. 7. — Кн. 1. — С. 39–94. Здесь приведены образцы текстовъ в предлагаемой авторомъ орфографіи.
10. ПРОТОКОЛ Перваго засѣданія комиссіи по вопросу о русскомъ правописаніи. — СПб., 1905. — С. 24.
11. ПРОТОКОЛ Перваго засѣданія комиссіи по вопросу о русскомъ правописаніи. — СПб., 1905. — С. 42–43.
12. СЕРБСКІЙ Вл. Руководство къ изученію душевныхъ болезней. — М., 1906. — 573 с.
13. СЕРБСКІЙ Вл. Психіатрія. Руководство къ изученію душевныхъ болѣзней. — 2-е изд., испр. и доп. — М., [1912]. — 654+XXI с.

14. МИХАЙЛОВ-МУЧКИН Г.С. Совершенствование русской грамоты и правописания – в теоретическом обосновании и практическом решении. – Одесса, 1905. – С. II.
15. МИХАЙЛОВ-МУЧКИН Г.С. А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов. Сказка и песня. – Одесса, 1905. – С. 6.
16. ФАДДЕЕВ Т.Д. Школьная педагогика. Кн. I. Психология. – М., 1913. – 544 с.; Кн. II. Социология. М., [1917]. – 415 с.; МАРКО Королевич. Три ветречи. Рассказ М. Абезгуса, переведенный с эсперантского языка П. Стояном. – Пг., 1914. – 31 с.; ТРОФИМОВ В.А. К вопросу о реформе правописания // Учитель и школа. – 1914. – № 7 (апр.). – С. 11–24; ОСНОВНЫЕ положения реформы правописания // Учитель и школа. – 1914. – № 21–22 (нояб.). – С. 1–15; СПРАВОЧНИК курсов по дошкольному воспитанию. [б.м.]. – 1914. – 12 с.; КРУЖОК совместного воспитания и образования детей. Справочник по дошкольному воспитанию. Университет Шаньевского. – 2-е изд., испр. и доп. – М., 1915. – 28 с.
17. МАРИЕНГОФ А. Мой век, моя молодость, мои друзья и подруги. – Л., 1991. – С. 264, 283–284.
18. Имеющийся к настоящему времени список этих работ см.: ОБЗОР предложений по усовершенствованию русской орфографии. – М.: Наука, 1965. – С. 471–481. О попытках внедрения в практику упрощенного русского правописания написано Н.А. Бельковой в статье «Из истории русской орфографии» (Рус. речь. – 1967. – № 5. – С. 92–101).
19. БОДУЭН де КУРТЕНЭ И.А. О транскрипции польских местных названий // Протоколы Подкомиссии по транскрипции географических наименований, состоящей при Картографической комиссии Императорского русского географического общества. – СПб., 1905–1906. На правах рукописи. Заметки по поводу отзыва Р. Брандта // Там же.
20. БОДУЭН де КУРТЕНЭ И.А. Опыт фонетики резьянских говоров И. Бодуэна де Куртенэ. – Варшава; Пб., 1875. – 128 с.; Резьянский катихизис как приложение к «Опыту фонетики резьянских говоров с примечаниями и словарем» издал И. Бодуэн де Куртенэ. – Варшава; Пб., 1875. – 48 с.; Подробная программа лекций И.А. Бодуэна де Куртенэ в 1876–1877 уч. году. – Казань; Варшава, 1878. – 92 с.; Подробная программа лекций И.А. Бодуэна де Куртенэ в 1877–1878 учебном году. – Казань; Варшава, 1881. – 320 с.; Экзаменационные требования по «Введению в языковедение». – СПб., 1910. – 20 с. То же. СПб., 1911. – 20 с.; Об отношении русского письма к русскому языку. – СПб., 1912. – 132 с.; Польский язык сравнительно с русским и древне-церковно-славянским. Пособие для практических занятий по «сравнительной грамматике славянских языков» и для самообучения. – СПб., 1912. – 118 с.; Сборник задач по «Введению в языковедение», по преимуществу применительно к русскому языку. – СПб., 1912. – 96 с.

IV. Научная и педагогическая периодика «за» и «против» реформы

Путь русской орфографии к реформе 1917 г. и ее непосредственное воплощение в изданиях научной и периодической периодики нашел отражение во всем широком спектре его проявлений. В большинстве своем столичные педагогические журналы «Учитель и школа», «Петроградский учитель», «Новая школа», «Вестник воспитания», «Народное образование», «Русская школа», «Вопросы воспитания», «Вестник Европы», «Народное просвещение», «Народный учитель» и др. объективно отражали ход орфографических событий.

Многие педагогические журналы, издания губернских бюро учительских союзов, которые в большинстве своем начали издаваться после февральских свобод 1917 года, всеми мерами отстаивали идею реформы и, выражая решительную поддержку деятельности Министерства народного просвещения при Временном правительстве по ее практическому воплощению, являли собой вместе с тем самый ранний опыт применения упрощенного письма: «Думы забайкальского учителя» (Чита), «Енисейский учитель» (Красноярск), «Заря трудовой школы» (Омск), «Школа и жизнь Сибири» (Томск), «Сибирский учитель» (Иркутск), «Просвещение» (Рязань), «Народное образование» (Вологда) и др.

Так, в журнале «Кубанский учитель» (общественно-педагогический и профсоюзный журнал) за 1917 г. № 4 (апрель–май) уже публикуются сведения о «Постановлениях АН» и первом министерском распоряжении к реформе от 17 мая, а в следующем выпуске (август–сентябрь–октябрь) есть уже сообщение о том, что журнал «Родной язык в школе», который был ведущим журналом для преподавателей-словесников, перешел полностью на новую орфографию. В подборке материалов под общим заглавием «Реформа орфографии» следующий (1917, № 5) выпуск журнала «Кубанский учитель» приводит важные фрагменты второго циркуляра МНП от 22 июня и сообщение о том, что в Екатеринбургских школах новая орфография принята почти повсеместно с 1 сентября 1917 г. (с. 53).

Журнал «Педагогические известия» (ред. В.А. Флеров) сразу же откликнулся на орфографические события. Августовский выпуск (1917, № 1) сообщил о том, что Педагогический комитет при посредничестве Бюро Союза городов обсуждал внеочередное заявление В.П. Казанцева и Н.В. Тулупова по вопросу о введении упрощенного правописания в связи с вопросами о современной книжной разрухе.

В результате обсуждения этого вопроса всеми членами комитета принято следующее:

Педагогический комитет с полным сочувствием встречает распоряжение МНП об упрощении русской орфографии, видит в нем одну из мер, направ-

ленных к освобождению русской школы массы формальных занятий, препятствовавших образовательному воздействию школы на подрастающее поколение. Однако при отсутствии достаточного количества учебной литературы нежелательно обязательное его введение в школы именно с 1917 г.

Педагогический комитет в связи с этим предлагает два пути к более рациональному введению упрощенного письма:

1) проведение акта о новом правописании через законодательный орган, чтобы сделать его обязательным для всей официальной печати и переписки;

2) проведение принципа терпимости к ошибкам в правописании на всех ступенях.

Статьей Вс. Флерова «Поверженный Молох» журнал снова обращается к теме орфографического упрощения (октябрь–ноябрь), и выражает сожаление, что так долго ожидавшаяся реформа встречена холодно и даже враждебно в средней школе, а иногда возмутительно пренебрежительно периодической печатью. Но с другой стороны – «трудно описать тот восторг и энтузиазм, которыми сопровождалась весть о реформе на съездах, в собраниях, комитетах народных учителей... ни отсутствие букварей с новым правописанием, ни отсутствие переработанных книг для чтения и новых грамматик, ни, наконец, уже сложившиеся навыки письма у учеников старших классов – ничто не остановило учителей начальной школы перед немедленным упрощением русского правописания»³⁵⁸.

Автор статьи, отстаивая права реформы, которая может стать «неоценимой мерой борьбы с народной тьмой», заявляет:

– Нам говорят: до правописания ли теперь, когда рушатся судьбы родины и революции, когда каждый новый день приносит новые тревоги и угрозы, угрозы вашей жизни и всего государства. Да, пред яркостью и жуткостью переживаемых нами тревог бледнеют вопросы о правописании, затухают вопросы, отодвигаются куда-то на задний план вопросы просвещения народа... Но, думается, затухают эти вопросы у тех, кто слишком малодушен к тревогам дня и не воодушевляется в причины переживаемой разрухи.

Как бы ни были грозны и жутки глобы дня, мы не должны забывать, что корень их в народной темноте, и, живя тревогами минуты, мы все же должны смотреть вперед, в будущее, а светлым оно видится только в просвещении народа...

*Реформа правописания недаром родилась вместе с революцией: она ее детище, и среди тех славных глубоких перемен, которые внесла и внесет революция в русскую жизнь, упрощенное письмо займет почетное место как реформа, наилучшее способствующая скорейшему переходу темного русского народа к культуре, а вместе с тем и к государственности»*³⁵⁹.

³⁵⁸ Флеров В.П. Поверженный Молох // Пед. изв. М., 1917. № 3–4. С. 17.

³⁵⁹ Там же. С. 22.

К этой же группе периодических изданий, которые сразу отдали предпочтение реформированной орфографии, относится журнал для детей старшего и среднего возраста «Маяк»; «Сибирский учащийся», орган областного бюро учащихся Восточной Сибири (издание учащихся старших классов под девизом «В свободной России – свободная школа») и «Учитель», общественно-педагогический журнал Московской областной организации Всероссийского учительского союза (под ред. В.П. Вахтерова). Со статьей «Удовлетворительно ли разрешен вопрос упрощения письма новой русской орфографией?» в этом журнале выступил Е.Д. Поливанов³⁶⁰.

Статья написана в ответ на возражения, которые были высказаны «против принятой Государственным Комитетом по народному образованию реформы». Не принимая во внимание возражения обывательской публики (в их основе принципиальное отрицание необходимости в упрощении письма и вера в «непогрешимую правильность» привычной им орфографии) и возражения против немедленного проведения упрощенного правописания в школе и жизни Е.Д. Поливанов обращается к возражениям другого толка: возражениям против реформы в ее настоящем объеме (якобы недостаточном) и требованиям провести упрощение полностью и сразу же заменить существующую систему «идеально удовлетворяющим научным требованиям письмом» (с. 17). В общем не отвергая точку зрения реформаторов, отстаивающих мысль о «максималистической реформе», он вместе с тем доказывает, что реформа орфографии в ее настоящем объеме – это «диктуемый жизнью компромисс между теоретически желательным и фактически осуществимым» (с. 17), а отсутствие одного из пунктов реформы дало бы право считать ее «не соответствующей требованиям жизни» (с. 21).

Из всего множества периодических изданий того времени можно выделить и другой тип изданий. Это журналы, которые не разделяли идею реформы и публикуемыми материалами противодействовали развитию реформаторского взгляда: «Народное образование», еженедельный педагогический журнал, издание училищного совета при Святейшем Синоде (Петроград); журнал «Печатник», орган московского профессионального союза рабочих печатного дела, начал издание в новой орфографии только в 1919 г. (до этого допускались лишь единичные статьи, а весь журнал осуществлял издание без буквы Ъ на конце слов) и др.

По отношению к реформе выделяются и такие периодические издания, которые принимали реформу как культурно-просветительскую акцию, но бойкотировали проведение ее большевистскими методами.

В их числе можно назвать журнал «Русская школа», общепедагогический журнал для учителей и деятелей по народному образованию; журнал «Педаго-

³⁶⁰ Поливанов Е.Д. Удовлетворительно ли разрешен вопрос упрощения письма новой русской орфографией? // Учитель. 1917. № 2–3 (нояб.–дек.). С. 16–21.

гическая мысль»: «Педагогический сборник», журнал, издаваемый при Главном управлении высших учебных заведений, и журнал «Новая школа» (изд. И.Н. Кушнарев и В.В. Думнов), журнал независимой общественно-педагогической мысли, который вышел впервые в 1905–1906 гг., но после гонений со стороны репрессивной печати правительственным циркуляром был изъят из обращения и вновь возобновил издание с января 1918 г. Журнал был в оппозиции к советской власти и выступал против безграмотного и скороспелого воплощения нового правописания в жизнь.

За короткий издательский период журналом «Новая школа» опубликованы многие материалы, отстаивающие начавшееся упрощение: статьи, списки книг по новой орфографии, рецензии, библиография к вопросу о введении, подготовленная проф. П.Н. Сакулиным, и его небольшая публикация «Необходимая справка», которая (единственная в этом номере) набрана в новой орфографии.

В этой небольшой публикации П.Н. Сакулин с уверенностью заявлял, что реформа все больше и больше становится фактом жизни, несмотря на жизненные катаклизмы, и предлагал читателям еще раз историческую справку о русском правописании, чтобы устранить те сомнения, которые «смущают педагогическую совесть даже педагогов»³⁶¹. В заключение он, дабы развеять раздумья всех сомневающихся, уверенно заявлял, что «руководство Грота лишь по «недоразумению» считалось академическим», что «нет никаких оснований ждать нового академического правописания» и что «правописание, окончательно принятое на совещании 11 мая, является единственно авторитетным» (с. 22).

В самом первом примечании к статье П.Н. Сакулина помещено редакционное сообщение: «Журнал печатается по старому правописанию. Это вызвано необходимостью считаться как с техническими затратами, так и с привычками наших читателей. Однако для настоящей статьи, ввиду ее небольших размеров, редакция нашла возможным сделать исключение, чтобы тем самым подчеркнуть свое принципиальное сочувствие идее реформы русского правописания».

Статья А.Д. Алферова «Быть или не быть новому правописанию?», написанная непосредственно в ответ на все те события, которые связаны с самым началом реформы, опубликована в только что возобновившемся (январь 1918 г.) выпуске журнала «Новая школа» и адресована российскому учительству и всем раздумывающим над упрощением правописания. Будучи одним из наиболее последовательных сторонников реформы, А.Д. Алферов ставит перед собой цель убедить читателя в важности и необходимости ее для русской орфографии, русской культуры и просвещения.

Автор статьи выражает сожаление о теоретической некомпетентности тех, кто берет на себя смелость произносить суждения об орфографии, имея самые невежественные представления о самом языке и законах его развития: они не

³⁶¹ Сакулин П.Н. Необходимая справка // Новая школа. 1918. № 1. С. 21–22.

различают понятия язык и правописание, отождествляют их и не осознают, что правописание – это всего лишь «условная передача слов на бумаге, очень отдаленно обозначающая звуки языка»³⁶². Убедительной представляется ссылка автора на высказывание французского языковеда Гастона Париса, который считает, что обычные возражения типа «изменения в правописании являются посягательством на язык» есть плод незнания и недоразумения: «Записывайте стенографически греческую или французскую речь, язык греческий и французский от этого не изменяются. А придавать правописанию то значение, которое ему приписывают наши учебники, это все равно что знакомство с живым человеком ограничивать рассмотрением его портрета. Да что я говорю? Не его портрета, а портрета его прапрадеда, одетого в тогдашний костюм» (с. 13).

Излагая историю подготовки реформы начиная с XVIII века, А.Д. Алферов называет имена И. Посошкова, В. Светова, В.Я. Стоюнина, М.А. Тулова, Р.Ф. Брандта, В. Куницкого, В.П. Шереметьевского, С.Г. Смирнова, П.Н. Сакулина, И.П. Казанского, Н.Г. Бажанова, Ф.Е. Корша и других известных ученых и педагогов, причастных к идее реформы и разработке проекта орфографического упрощения, подробно освещает деятельность Российской Академии наук в разрешении орфографического вопроса. И здесь он снова ссылается на опыт упрощения французской орфографии и снова приводит убедительные слова за реформу Гастона Париса:

Национальное правописание на самом деле есть один из видов общественной жизни: чем более оно удобно, ясно и просто, тем легче гражданам сношаться письменно друг с другом и даже с иностранцами. Ведь чрезвычайно целесообразно, чтобы правописание, по крайней мере в своих основных чертах, было принято однообразно всеми теми, кто пишет на национальном языке. Это так верно, что за недостатком обратного государственного закона, устанавливающего новое правописание, нация сама склоняется со времени революции вполне послушно перед авторитетом Академии, на стороне которой та выгода, что она находится в соответствии с господствующими привычками и потому в этом вопросе рассматривается одновременно и как орган официальный и действующий с полным основанием. В действительности было бы лучше передать заботу о правописании в другие руки. Правописание вовсе не дело вкуса, это дело здравого смысла и практики.

Для того чтобы установить настоящим образом правописание, нужно бы содействие лингвистов, педагогов, дельцов и типографов; а вовсе не поэтов, романистов или даже философов и критиков... Большая часть их нисколько не заботится о правописании, самый вопрос им кажется пустым, а собственная их орфографическая практика в действующей орфографии переживает через все трудности и несообразности этого правописания... (с. 15).

³⁶² Алферов А.Д. Быть или не быть новому правописанию // Новая школа. 1918. № 1. С. 12.

Далес А.Д. Алферов очень обстоятельно знакомит своего читателя с содержанием реформы и рассматривает все замечания о неуместности и несвоевременности начавшегося упрощения, все возражения против него и в первую очередь называет главное из них – естественная привычка к старому письму, когда из орфографии делают что-то вроде фетиша, «прикосновение к которому кажется кощунством». Его обращение к высказыванию Гастона Париса помогает убедить читателя в наличии общих закономерностей введения нового правописания независимо от принадлежности к нации и типу государственности. «Для того чтобы все поняли полезность и осуществимость такой меры, как новое правописание, – пишет французский языковед, – быть может, нужна бы была вторая революция, такая же глубокая, как та, которая сто лет тому назад разрешила применение метрической системы к тысяче разнообразных мер и весов, существовавших в старой Франции... Почти все люди страстно привязаны к тому правописанию, которое сами знают, по которому они всегда читали и писали, они защищают это правописание самыми разнообразными и подчас весьма своеобразными доводами, которые все при ближайшем рассмотрении свидетельствуют лишь о непреодолимой силе привычки» (с. 17). Он приводит пример из далекого орфографического прошлого русской действительности: «люди трепетали и чувствовали себя глубоко оскорбленными, когда патриарх Никон решился, наконец, выправить испорченные письмена богослужебных книг соответственно их первоначальному истинному виду», и «не могли помириться с тем, чтобы слово *Иисус* не писалось *Исус* – новое письмо казалось преступным кощунством, оскорблением чистоты религии, между тем как это было просто возвращением к более правильным формам» (с. 17).

Обращаясь в первую очередь к считавшим новое правописание «изменой заветам старины», он утверждал, что опасения их напрасны, так как, напротив, «значительная часть этих нововведений есть возвращение к старине и притом национальной» (с. 16). Он считал большим недоразумением отношение к орфографии как к делу навсегда и неизбежно установленному: «нельзя без досады видеть, как ежедневно множество людей возмущаются какой-либо грамматической ошибкой человека, может быть, и образованного, и в то же время те же люди имеют самые невежественные представления о самом языке... и законах его развития» (с. 17).

Его сожаление о том, что реформа осуществляется только Министерством народного просвещения, обращено ко всем сочувствующим идее нового правописания. В связи с этим он отмечает необходимость «приложить все силы для проведения нового правописания в жизнь». С полным сознанием того, что воплощение нового письма есть многотрудное дело, автор считает недостаточным для этого ограничиваться лишь стенами школы: важно, чтобы новое правописание «сказалось чем-нибудь в официальных изданиях» (с. 19).

В этой же статье излагаются тезисы, предложенные А.Д. Алферовым и принятые единогласно Государственным комитетом по народному образованию:

1. Введение нового правописания только через школу не обеспечивает укрепления его в жизни и создает большие затруднения школе в ее работе над этим вопросом вследствие обособленности ее положения в жизни по отношению к новому правописанию, которое нигде за стенами школы последовательно не проводится.

2. Для проведения нового правописания в жизнь необходим широкий пример его практического осуществления прежде всего со стороны государственных и правительственных учреждений, введение которыми нового правописания в свои издания было бы в глазах населения убедительным фактом признания законности реформы русской орфографии и обеспечило бы ей прочность в будущем.

3. Первый пример по введению нового правописания в свои издания должен дать Государственный комитет по народному образованию и печатать свой «Бюллетень» по новому правописанию (старая орфография в этом официальном издании указывала только на громадную силу привычки).

4. Необходимо, чтобы Министерство народного просвещения, обязавшее школу ввести новое правописание, последовательно ввело новое правописание в свои издания и в официальную переписку по вверенному ему ведомству и в их сношениях с прочими ведомствами, определив порядок такого введения.

5. Необходимо внесение Министерством народного просвещения во Временное правительство вопроса о введении нового правописания в издания Временного правительства, как, например, «Вестник Временного правительства», правительственные распоряжения и т. п. Государственный комитет вынес решение и о необходимости «однородного отношения к новому правописанию в школах разных ведомств», и в связи с этим было единогласно принято постановление, которое давало возможность «плодотворно и уверенно» работать над воплощением нового правописания в школе: «Школы Министерства народного просвещения по введению нового правописания находятся среди школ других ведомств в обособленном положении. Для упрочения нового правописания во всей русской школе необходимо, чтобы Министерство народного просвещения срочно организовало совещание ведомств, имеющих школы, для согласования мер к проведению реформы в школах всех ведомств» (с. 19).

Как один из убежденных последователей идеи упрощения русского правописания, он считал абсолютно необходимым условием проведения реформы *сознательное отношение всех пишущих к вопросу*, признание целесообразности предлагаемого правописания, что в свою очередь требует широкой пропаганды орфографического вопроса во всей сложности и полноте его проявлений, и в этом деле он настаивал на бессомненной важности бережного отношения «к душевному состоянию людей» и необходимости «сдавить привычки и совершенно законные чувства и настроения людей всех возрастов» – «в жизни хорошо может привиться только то, что проводится с пощадой к внутреннему миру человека». А для этого необходим пример самого правительства, которое

может сделать благую мысль о реформе делом «ежедневного обихода со всеми своими благодетельными последствиями» (с. 20). При этом он ссылается на прецедент реформы французской орфографии, проведенной в начале XX века, и приводит два фрагмента из документов французского правительства по введению нового письма:

1. «Постановление министерства от 26 февраля 1901 г. не вносит никаких коренных перемен в правописание, как ошибочно об этом говорилось. Это постановление не имеет другой цели, как упростить преподавание синтаксиса, устанавливая случаи правописания, *допускаемые* на экзаменах и конкурсах, которые зависят от Министерства народного просвещения... Просто думалось, что в интересах ученика затрачивать свое время на простые упражнения, на хорошо выбранное чтение, на сочинения, а не на мелочи».

2. «Ни одно из новых указаний не имеет в виду стеснять учащихся или учащихся в применении правил грамматики, которыми они будут пользоваться осмысленно. Мы сообщаем их к сведению, для пользования ими на официальных экзаменах, в ожидании, пока опыт и практика найдут для них оправдание, так как в этих случаях опыт и практика являются единственными непрекращаемыми учителями» – 27 июля 1910 г. (с. 20–21).

Ссылаясь на высказывание известного французского лингвиста, отстаивающего мысль о необходимости «постепенных и осторожных шагов» в практическом воплощении упрощенного правописания, он пишет: «Трудности несомненны, и реформаторы, которые их не учитывают, закрывают глаза на самые большие препятствия, которые стоят на пути к исполнению их намерений. Опасения, которые они внушают в соединении с склонностью к рутине, поддержка общепринятого и с прочтением, почти суеверным, перед французской академией без сомнения будут препятствовать всякой последовательной реформе, пока наше общество останется таким, каково оно есть. Самое мудрое, может быть, для настоящего времени уступить или себя ограничить, как делает Cledat (автор грамматики французского языка 1896 г. – Т. Г.), и искать большей терпимости и свободы» (с. 21).

И заключительные строки этой статьи, во многом объясняющие антиреформаторскую (на данный короткий, как тогда казалось, момент) позицию журнала:

Моя работа была прервана на этом месте событиями первых чисел ноября, и меньше всего мне бы хотелось, чтобы реформа была проведена властью большевиков со всеми их вызывающими чувство негодования приемами. Не хотелось бы этого потому, что это значило бы, что реформа провалилась, как и все другие их деяния, которые отмечены будут в нашей истории печатью народной ненависти. Несомненно, теперь необходимо всем сторонникам реформы заботиться об отложении широких мер по ее проведению до лучших времен, когда истинная государственность, а не партийный произвол займет свое место в нашей ныне горькой русской действительности (с. 21).

Журнал не перешел на новую орфографию и в своих немногочисленных последующих номерах.

Среди периодических изданий XIX – начала XX веков заслуживают особого внимания такие, как «Журнал Министерства народного просвещения», «Филологические записки», «Русский филологический вестник», «Для народного учителя», «Родной язык в школе», в которых орфографический вопрос и его разрешение в течение длительного времени занимал самое серьезное место. Начавшие свое издание каждый в свое время, все они прекратили существование в 1917 г., за исключением журнала «Родной язык в школе», который имел несколько выпусков в 1918 г. Орфографические выступления каждого журнала описаны в отдельном разделе с приложением не претендующего на абсолютную полноту списка орфографических публикаций, расположенных в хронологической последовательности. Указанные в этих списках журнальные публикации не включены в общий список цитируемой литературы. В каждом разделе на них же делаются текстовые ссылки.

«Журнал Министерства народного просвещения»

«Журнал Министерства народного просвещения», который в разные годы возглавляли А. Никитенко, К. Ушинский, Э.Л. Радлов и др., издавался с 1834 г. С 1860 по 1865 г. он был исключительно министерским и педагогическим журналом. Позже, помимо официального раздела (публикация министерских распоряжений), был открыт научный раздел («по отделу humaniora»). С 1872 г. введен отдел классической филологии. Здесь были опубликованы многие работы таких известных представителей русской науки о языке, как Ф.И. Буслаев, А.Х. Востоков, А.А. Потебня, В.А. Богородицкий, И.А. Бодуэн де Куртене, А.А. Шахматов и др. Среди прочих вопросов просвещения и языкознания журнал освещал проблемы русского правописания.

Работой академика И.И. Срезневского «О русском правописании» открывается орфографический дискурс журнала. В статье описываются два периода истории русской письменности (первый, окончившийся введением книгопечатания при Иоанне Грозном, второй, связанный с введением гражданской азбуки) и изложен материал, который может стать поучительным «для исследователя правил правописания и судеб русской письменности» [Срезневский 1867: 449]. Автор отмечает некоторые перемены и движение в русском правописании «относительно к употреблению букв» и выделяет то, что «перешло в века поздние» и «оставило след свой в правописании», то есть то, что предопределило в будущем реформу орфографии:

– буква *Щ* (вязь букв *Ш* и *Т*), употреблявшаяся в древности рядом с сочетанием *ШТ* (*мощь* и *моишь*), стала потом «употребляться исключительно»;

– буква *Ѳ*, необходимая только для греческих и сврейских слов, очень часто была заменяема буквой *Ф* или *Т*.

– буква *і* заменяла в древности *И* только случайно или по недостатку места, но позже стала употребляться намеренно с двумя черточками, превратившимися со временем в точку (*і*);

– буква *О* простое (он) издревле была употребительна больше, чем *О* большое (омега); позже стали употреблять обе и «придумали правила» их написания, но «искусственное правило было искусственно и поддерживаемо», поэтому его старались избегать [Срезневский 1867: 461].

– буква *Ѣ* в древних рукописях большей частью употребляется правильно, на своем месте. Русские писцы удалялись от этимологии только в одном случае: после согласных *Р* и *Л* перед последующим согласным (*брьгъ, връгдъ, мльго, прьдъ* и др.). Московские же писцы позволяли себе писать *Е* вместо *Ѣ* во многих других случаях. «даже почти исключительно», но никогда не настаивали на изгнании ее [Там же: 462–463].

В этом же контексте истории правописания И.И. Срезневский рассматривает *Граматику* М. Смотрицкого. Текст *Граматики* очевидно свидетельствует о том, что «сам Мелетий в выговоре не наблюдал строгие различия между *Ъ* и *ь*, *Ы* и *и*, поэтому и писать правильно не умел, правила выдумывал, но так же легко забывал их, давал правила противоречивые и мог исполнять любое из них» [Там же: 474].

Рассмотренные в статье два периода русского правописания привели автора к заключению, что в Восточной Руси готовился переворот, которым должен был начаться новый период не только правописания, но и вообще письменности, и этот переворот, считает он, готовился вовремя [Там же: 480].

Две публикации В.И. Новаковского тоже связаны с вопросами русской орфографии. В первой из них автор рассматривает присущее русскому правописанию многообразие написаний и неупорядоченность. Он выступает против сложившегося в русском правописании положения, когда «увеличивается рубрика орфографических исключений, которых и без того довольно», и поэтому считает себя вправе писать *о чам*, поскольку *богачом* [Новаковский 1870: 250].

Вторая заметка является рассуждением по поводу «Филологических разысканий» Я.К. Грота. Выразив частное несогласие по поводу написания некоторых написаний, предложенных академиком, рецензент считает, что этот почтенный труд окажет «весьма ценную услугу русскому языку» [Новаковский 1874: 410].

В рецензии на работу А. Гильфердинга «Общеславянская азбука» (с приложением образцов славянских наречий) И.А. Бодуэн де Куртене определяет основные принципы графики:

«1) каждый звук языка должен обозначаться особым, самостоятельным начертанием, особою самостоятельную буквою;

2) каждое начертание должно во всех случаях обозначать один и тот же звук;

3) каждый звук должен во всех случаях обозначаться одним и тем же начертанием;

4) не должно быть в письме ни одного начертания, которое не произносится;

5) все звуки должны быть обозначены;

6) тождественные видоизменения, тождественные модификации звуков должны обозначаться тождественными видоизменениями начертаний;

7) следует стремиться к выражению на письме не существовавшего или же возможного, а к выражению существующего в языке» [Бодуэн де Куртене 1871: 160].

В статье «Несколько замечаний из истории русского языка», являющейся откликом на академическое издание сочинений М. Ломоносова «с объяснительными примечаниями акад. М.И. Сухомлинова» (СПб., 1898), рассматриваются основные составляющие филологической (и в том числе – орфографической) программы М.В. Ломоносова и его орфографических проявлений [Будде 1898; Будде 1899].

«Вопрос об упрощении русской орфографии в Московском педагогическом обществе» – так называлась статья приват-доцента по кафедре философии Московского университета А. Белкина, в которой автор, давая оценку решениям Орфографической комиссии Педагогического общества при Московском университете (1900 г.), высказал серьезные сомнения в том, что реформа орфографии является единственным средством облегчения труда учащихся по ее усвоению. Он находил странным, что орфографическая комиссия не предприняла даже малой попытки пересмотреть принятые в школе методы преподавания орфографии, которые, по мнению автора, может быть, и являются главной причиной плохого ее усвоения. Автор готов признать работу комиссии плодотворной только в том случае, если будет доказано, что упрощенное правописание принесет школе действительное облегчение и что новые правила не явятся источником новых ошибок, не затруднят понимания читаемого.

Автор статьи находит, что решения комиссии не соответствуют важности того дела, которое было ей поручено, и вопрос о том, какие улучшения можно было бы сделать в русском правописании, остается открытым, за исключением некоторых бесспорных пунктов: устранение *Ѵ*, *Ѳ* и буквы *Ѣ* на конце слов. Остальные предложения реформаторов вызывают большое сомнение [Белкин 1902: 47].

Автора статьи волнует также и вопрос о «механизме» введения упрощенных написаний, где он видит два пути:

1 – добровольное принятие новых начертаний;

2 – обязательное следование им в обучении орфографии.

При этом предпочтение отдается, безусловно, первому пути, потому что в обязательности автору видится множество невыгодных сторон, одна из которых – законное существование на первых порах двух орфографий: орфографии в школе и орфографии в печати. Автор за другой путь – путь убеждения и свободного соглашения. Выявляя невыгодные стороны обязательности, он предлагает ходатайствовать о том, чтобы преподавателям русского языка при обучении было дозволено делать отступления от принятой орфографии с тем, чтобы преподаватели не считали за ошибку, если учащийся напишет слово согласно теперешней орфографии, а с другой стороны – можно было бы оставить учителей, не согласных с новой орфографией, преподавать по-старому, не признавая лишь за ошибку написанное в соответствии с новой орфографией. Такая свобода сослужила бы и другую службу: общество приучилось бы постепенно к новым начертаниям, новая орфография вошла бы постепенно в литературу...

Произошел бы орфографический плебисцит: одни из новых начертаний были бы усвоены; другие, возможно, – нет [Белкин 1902: 49].

Выступление А. Белкина вызвало отклики двух участников Московского Педагогического общества, которые, как сообщалось в сноске, не разделяет редакция журнала. И профессор Р.Ф. Брандт, и профессор П.Н. Сакулин, указав на несостоятельность многих утверждений своего коллеги, отстаивали мысль о том, что реформа русского правописания сделает русское правописание более доступным простому народу и создаст условия для обучения действительным свойствам языка [Брандт 1902: 21]; освободит школу от тех оков орфографической традиции, которая тормозит решение ее воспитательно-образовательных задач [Сакулин 1902: 62].

Среди противников упрощения – проф. Одесского ун-та А.И. Томсон. Его работа – «К теории правописания и методологии преподавания его в связи с проектированным упрощением русского правописания» (Одесса, 1903), равно как и антиреформаторская позиция ее автора, была достаточно известной. В основу ее положен доклад, прочитанный автором на заседании орфографической комиссии при Одесском университете. Журнал представляет эту работу на своих страницах в оценке В.И. Чернышева, одного из последовательных сторонников реформаторского пути для русского правописания.

Подвергая детальному анализу работу одесского профессора, В.И. Чернышев обнаруживает односторонность его антиреформаторских настроений, ориентированных на собственный орфографический опыт, опыт человека, вполне овладевшего письмом и оценивающего орфографию со стороны тех выгод, которые представляет полная грамотность при чтении и письме, совершенно оставляя в стороне вопрос о том, как приходят к такой грамотности. Одна из причин такого взгляда (он имеет широкое распространение) – инертность сознания: для всякого, усвоившего ту или иную орфографию, она и есть самая лучшая и простая, с какими бы затруднениями ни соединялось ее изуче-

ние вначале. Более того. Чем менее совершенна с точки зрения научной системы правописания, тем труднее изучившим ее согласиться на перемены.

В.И. Чернышев соглашается с проф. Томсоном в одном: для совершенно овладевшего письмом и чтением человека оба искусства являются до определенной степени идеографией, чтением без расчленения на отдельные элементы. Поэтому, как естественное следствие, послереформенный период принесет грамотному человеку неизбежные трудности и в письме, и в чтении. Но грамотеи, по глубокому убеждению В.И. Чернышева, должны сделать уступки учащимся.

Не согласен рецензент с утверждением проф. А.И. Томсона о том, что упрощение общепринятой орфографии приведет к ее ухудшению или породит такие колебания, которые равносильны утрате правописания и возвращению общества в состояние полуграмотности.

Если говорить о колебаниях, то их немало и в существующей орфографии. Соглашаясь с мнением акад. Ф.Е. Корша «собственно все пишут неграмотно», В.И. Чернышев отмечает разнообразие орфографических колебаний в существующей практике письма – «орфографий столько, сколько лиц» [Чернышев 1903: 414–420].

При общем внимании к орфографическому вопросу журнал не откликнулся ни одной публикацией непосредственно на те события, которые связаны с деятельностью орфографической комиссии 1904 г. И только в 1906 г., в февральском номере, в сообщении о деятельности Общества классической филологии и педагогики в 1904 г. были изложены основные положения доклада почетного члена общества классической филологии Н.П. Некрасова «К вопросу о реформе русского правописания», где автор заявил о своей отрицательной оценке решениям комиссии, выразил абсолютно несочувственное отношение к планируемой реформе, поскольку находит основания для упрощения «крайне односторонними и совершенно несостоятельными» [Зоргенфрей 1906: 52]. В своих оценках и несогласиях он исходил из того, что русское правописание, как и правописание любого цивилизованного народа Европы, основывается на несомненном взаимодействии трех начал (фонетического, этимологического и исторического), а все отмены в «угоду» произношению, на его взгляд, коснутся еще в достаточной степени живых явлений языка и приведут к нежелательной, затрудняющей понимание текста омонимии. И вообще – реформа произведет всеобщую смуту, а все это не столько будет двигать вперед успехи просвещения, сколь задерживать их [Там же].

Его пожелание: вместо того чтобы упрощать русское правописание для безграмотных гонением на буквы, ломкой славяно-русской азбуки, которая по своей древности и по своим изобретателям должна быть драгоценной святыней для всех истинно русских людей, было бы несравненно лучше позаботиться кому следует о водворении в русском правописании большей последовательности и правильности в употреблении всех букв русской азбуки, а также и

об устранении из русского языка чрезмерного наплыва чужеземных слов и выражений [Зоргенфрей 1906: 56].

Со статьей «К вопросам обучения письму и орфографии в начальной школе» в журнале выступил известный методист П.О. Афанасьев [Афанасьев 1912]. Как руководитель занятий по русскому языку на летних педагогических курсах для начальных народных учителей он изложил некоторые моменты из опыта работы. В частности – в проведении нескольких кампаний всем участникам предварительно были разосланы вопросы, связанные с преподаванием русского языка в начальной школе. Один из вопросов – «является ли какой-либо вопрос школьного преподавания русского языка особенно болезненным?» Ответы народных учителей в большинстве случаев поразили своим однообразием. Таким болезненным вопросом является вопрос обучения правописанию:

– Самый трудный отдел занятий в школе по русскому языку – это правописание, на которое мы тратим больше времени и все-таки не достигаем желаемого результата.

– Наиболее болезненным является вопрос, как упрочить знание орфографии, так как через год после выхода из училища получаемые ими знания из грамматики сводятся к нулю.

– Из отделов занятий по русскому языку правописание и грамматика трудно усваиваются детьми и скоро забываются ими, между тем как на письмо затрачивается много времени во все годы обучения.

Подводя итоги опроса, автор статьи, сознающий сложности русской орфографии, однако, не склонен признавать, что единственные причины этой трудности кроются лишь в трудностях самого правописания. Отсюда – его убеждение – на реформу не следует возлагать много надежд: трудна не только орфография русского, но и других языков.

Далее П.О. Афанасьев рассуждает о пяти принципах русского правописания, отдавая преимущество принципу морфологических написаний. Этот принцип обеспечивает понимание написанного, восстанавливая самим написанием связь между отдельными морфологическими частями слова и их значениями в родственных словах. Здесь же он указывает на серьезные непоследовательности этого принципа, равно как и других принципов русского правописания. Он обвиняет реформаторов в односторонности их взгляда: не учтены особенности психофизиологии письма, так как во внимание были приняты в большей степени интересы пишущего, а не читающего. Хотя созданный однажды текст служит долговую службу для чтения. Он, как и А.Д. Алферов, известный своими выступлениями по вопросам русской орфографии методист-словесник, против преувеличенного внимания к вопросам орфографии в ущерб изучению самого языка, когда «будучи невежественными в вопросах устройства языка, люди придают такое огромное значение всякой ошибке в правописании»; он вслед за А.П. Шереметевским считает, что «не малые сии существуют для орфографии, а орфография существует для малых сих». Но, тем не менее, как бы ни было

упрощено правописание, это не разрешит всего вопроса обучения: всякое правописание, даже самое упрощенное, не может лишить его известной искусственности и условной нормировки, поскольку оно должно явиться одинаковым для очень большого количества лиц. Поэтому, от души желая наискорейшего решения вопроса об упрощении русской орфографии, особенно в интересах «малых сих», автор статьи полностью соглашается с проф. А.И. Томсоном: для разрешения этого сложного вопроса нужна не столько реформа самого правописания, сколько реформа его преподавания [Афанасьев 1912: 62–84].

Правописание «по Гроту» стало обязательным с момента издания его орфографического руководства – 1885 г. Оно не было не замеченным в свое время. Диапазон оценок этого труда необычайно широк: от одобрительных (и даже восторженных) до уничтожающих.

Брошюра А.В. Миртова «Русско-немецкое правописание академика Якова Карловича Грота» (Пг., 1915) стала одним из криков о спасении от правописания «по Гроту». Причем высказанных в достаточно нетактичной форме.

Журнал откликнулся на это событие двумя публикациями. Первая (декабрь 1915) принадлежала сыну автора «Руководства» Карлу Яковлевичу Гроту. Вторая (март 1916) – известному языковеду-слависту Н. Каринскому. Оба автора выступили с обвинениями А.В. Миртова. Первый справедливо упрекал в попытке сокрушить правописание Грота не научными доводами, а немецким происхождением автора [Грот 1915: 251–256]; второй – в отсутствии новизны и объективности в изложении фактов [Каринский 1915: 94–97].

Поворотным событием в орфографической позиции журнала стала статья (без автора) «Реформа русского правописания», опубликованная в сентябрьском номере журнала за 1917 г.

Сентябрь 1917 года. Время, когда русская школа, руководствуясь Постановлениями Академии наук и двумя циркулярами Министерства народного просвещения, почти за 3 месяца до октябрьских событий приступила к обучению по новому правописанию. Статья не явилась случайной публикацией, но была продиктована орфографическими событиями времени. Опубликованная в н о в о й о р ф о г р а ф и и, она служила своеобразным дополнением к тем документам, которые уже были обращены к школьному руководству, и заявляла о согласии редакции журнала с решением и Академии, и Министерства.

Автор статьи делает подробный экскурс в историю русского правописания, высвечивая те факты и события, которые стали определяющими вехами на пути к осуществлению реформы: работа Казанского и Московского педагогических обществ; деятельность орфографических комиссий 1900 и 1904 гг. и Орфографической подкомиссии; многочисленные ходатайства от частных лиц и от учреждений; решение I Всероссийского съезда по вопросам народного образования в 1913 г. о «необходимости скорейшего осуществления орфографической реформы» и пожелание, чтобы печать, не дожидаясь реформы, практически перешла на упрощенную орфографию; ходатайство о реформе I Все-

русского съезда преподавателей русского языка средней школы, проходившего в Москве в канун февральских событий 1917 г. Вслед за инициаторами реформы, автор статьи настойчиво подчеркивал мысль о том, что предстоящая реформа не имеет ничего общего с произвольным фонетическим письмом. Сохраняя основы прежнего правописания, она стремится лишь к установлению должного соответствия между письмом, с одной стороны, и звуковым составом и этимологическим строем живого литературного языка – с другой [Реформа 1917: 18–25].

Как руководство к действию здесь же опубликованы все 13 пунктов упрощения (в соответствии с «Постановлениями» Академии наук от 11 мая 1917 г.) и основные руководящие положения циркуляра от 22 июня к проведению реформы с предстоящего учебного года [О новом... 1917: 25–26]. Впрочем, министерский циркуляр от 22 июня (предваряя его, редакция делала сообщение и о 1-м) был опубликован полностью в этом же выпуске [Циркуляр 1917: 41–43].

Приведенные материалы публикаций свидетельствуют о проявляющемся с удивительной постоянностью интересе журнала к орфографическим событиям времени. Отражая орфографическую полемику, редакция совершенно очевидно принимала сторону авторов, имеющих антиреформаторские взгляды. Но фактом последних публикаций было заявлено о коренных переменах в орфографической позиции.

ОРФОГРАФИЧЕСКИЕ ПУБЛИКАЦИИ ЖУРНАЛА (в хронологической последовательности)

1. СРЕЗНЕВСКИЙ И.И. О русском правописании. Письмо I // ЖМНП. – 1867. – Ч. 134 (май). – С. 449–480.
2. НОВАКОВСКИЙ В.И. Орфографическая заметка // ЖМНП. – 1870. – Ч. 150 (авг.). – С. 249–251.
3. БОДУЭН ДЕ КУРТЕНЭ И.А. [Рец.]. Несколько слов по поводу «Общеславянской азбуки». Общеславянская азбука с приложением образцов славянских наречий / Сост. А. Гильфердинг. – СПб., 1871 // ЖМНП. – 1871. – Ч. 155 (май). – С. 149–195.
4. ФИЛЛИПОВ Т. Грамматическая заметка // ЖМНП. – 1871. – Ч. 65 (май). – С. 23–33.
5. НОВАКОВСКИЙ В.И. Заметки по поводу «Филологических разысканий» акад. Грота // ЖМНП. – 1874. – Ч. 172 (апр.). – С. 410–421.
6. СОВОЛЕВСКИЙ А.И. [Рец.] А.А. Иванов. О рациональной передаче греческих и латинских слов в русской речи и письме. – Киев, 1881 // ЖМНП. – 1882. – Ч. 222 (авг.). – С. 343–350.
7. БУДДЕ Е.Ф. Несколько замечаний из истории русского языка (По поводу академического издания соч. М. Ломоносова с примечаниями акад. М.И. Сухомлинова. Изд. Имп. Академии наук. Т. I–III. СПб., 1898) // ЖМНП. – 1898. – № 3. – С. 150–176.
8. БУДДЕ Е.Ф. Несколько замечаний из истории русского языка (Соч. М.В. Ломоносова с объяснительным приложением акад. М.И. Сухомлинова. Изд. Имп. Ак. наук. Т. IV. СПб., 1898) // ЖМНП. – 1899. – № 5. – С. 74–101.

9. БЕЛКИН А.С. Вопрос об упрощении русской орфографии в Московском педагогическом обществе // ЖМНП. – 1902. – Ч. 339 (январь). – С. 32–49.
10. БРАНДТ Р.Ф. О проекте упрощения русской орфографии: Ответ А.С. Белкину // ЖМНП. – 1902. – Ч. 342 (авг.). – С. 33–52.
11. САКУЛИН П.Н. Ответ критику доклада об упрощении русской орфографии // ЖМНП. – 1902. – Ч. 342 (авг.). – С. 53–62.
12. ЧЕРНЫШЕВ В.И. [Рец.] А.И. Томсон. К теории правописания и методологии преподавания его в связи с проектированным упрощением рус. правописания. (Одесса, 1903) // ЖМНП. – 1903. – Т. 349 (окт.). – С. 414–420.
13. ЗОРГЕНФРЕЙ Г. Общество классической филологии и педагогики в 1904 г. (заседание 12 окт., выступление Н.П. Некрасова) // ЖМНП. 1906. № 2. С. 47–61.
14. БАХТИН Н.Н. О передаче по-русски иностранных имен // ЖМНП. – 1911. – Ч. 32 (март). – С. 15–21.
15. АФАНАСЬЕВ П.О. К вопросам обучения письму и орфографии в начальной школе // ЖМНП. – 1912. – Ч. 37 (январь). – С. 62–84.
16. ГРОТ К.Я. Письмо в редакцию (по поводу брошюры г. Миртова о руководстве акад. Я.К. Грота «Русское правописание» // ЖМНП. – 1915. – № 12. – С. 251–256.
17. КАРИНСКИЙ Н. [Рец.] А.В. Миртов. «Русско-немецкое правописание акад. Я.К. Грота». Изд. Н. Карабасникова. – Пг., 1915 // ЖМНП. – 1916 (март). – Ч. 62. – С. 94–97. См. также: Известия по народному образованию. – 1916 (март). – Ч. 48. – С. 350–353.
18. РЕФОРМА русского правописания // ЖМНП. – 1917 (сент.). – Ч. 72. – С. 18–26. См. также: Известия по народному образованию. – 1917 (сент.). – Ч. 54. – С. 140–148.
19. О НОВОМ правописании // ЖМНП. – 1917 (сент.). – Ч. 71. – С. 25–26.
20. ЦИРКУЛЯР Министерства народного просвещения. 2. (22 июня 1917 г. – № 6717) // ЖМНП. – 1917 (сент.). – Ч. 71. – С. 41–43. См. также: Известия по народному образованию. – 1917 (сент.). – Ч. 54. – С. 140–146.

«Филологические записки»

Журнал «Филологические записки», основанный А.А. Хованским, издавался в Воронеже по 6 выпусков в год с 1860 г. В нем принимали участие такие известные ученые, как Ф.И. Буслаев, И.А. Бодуэн де Куртенэ, А.А. Потебня, Я.К. Грот, Р.Ф. Брандт и др. Наряду с вопросами общей филологии, славяноведения, фольклористики, журнал уделял очень серьезное внимание обсуждению орфографических проблем. Орфографические публикации разных авторов давали разные оценки и русской орфографии, и орфографической ситуации того времени в целом. В частности, журнал выступал с вопросами правописания окончаний имен прилагательных [И.Ч. 1887], написания частиц *НЕ* и *НИ* [Потебня 1875; Марков 1880; Андреев 1891; Обыденный 1896; Тимофеев 1902], орфографии причастных форм в русском и славянском языках [Херувинов 1898] и усовершенствования обучения орфографии [Харламов 1909; А.Н. 1909], с заметками, объясняющими правописание некоторых особенно затруднительных слов [Великанов 1880] и др.

С важным для своего времени орфографическим материалом выступил в первом выпуске редактор-издатель журнала А.А. Хованский, этим утверждая важность и злободневность орфографического вопроса. В его статье «Взгляд на правописание вообще» отмечалось, что русское правописание «много затрудняет учащихся» и «служит камнем преткновения для тех, которые уже получили некоторое образование» [Хованский 1860: 38]. В малоисследованном, но чрезвычайно актуальном вопросе о русском правописании, по его убеждению, важно не столько правописание отдельного слова, сколько принцип его написания – «почему так, а не иначе».

Создавая летопись современного правописания за последние 10–20 лет, А. Хованский отмечает малоизученность его нового состояния, отличного от правописания прежних лет, его неупорядоченность, видит в нем «много нововведений и разноречий», которые выражаются и в области слитного и раздельного написания, пунктуации, орфографии собственных имен, употребления строчных и прописных букв [Там же: 39]. К тому же он настаивает на необходимости выделения орфографии в самостоятельный раздел языкознания: ее не следует «разбрасывать» в разделах грамматики и этимологии; она должна быть «совершенно особою статьей языкознания» [Там же: 40].

Орфографическая реформа, не так давно проведенная в Германии, считает автор, должна служить некоторым ориентиром в выборе пути для русской орфографии: необходимо «общими усилиями приискать средство к установлению твердых правил правописания в важнейших спорных случаях», при этом сохраняя «господствующий обычай там, где нет споров» [Там же: 41]. Стремление к разумному единству в орфографии должно иметь «твердые начала, на которые оно бы прочно опиралось» [Там же: 45].

С сожалением отмечая периферийное место правописания в филологии, редактор журнала пишет о механистичности, бездоказательности русского правописания, которое приводит к отсутствию понимания его важности. Как следствие этого он выделяет три категории пишущих (1 – считают правописание маловажным делом; 2 – при всем своем желании писать правильно не знают, чего держаться: новейшего ли (журнального) правописания или следовать неустановившимся правилам; 3 – выдумывают свои правила и пишут по-своему) и указывает на единственный для всех орфографический эталон – церковнославянский язык. Это, по мнению автора, поможет преодолеть тот разлад в правописании, который стал «следствием «борьбы говора с буквою» в период становления русского языка, а в следовании правописания за выговором он видит порочный путь [Там же: 50].

Исходя из своего опыта по изучению русского правописания «в движении», то есть в текстах разных писателей и составителей грамматик, он отмечает в русском правописании излишнее «многообразие начертаний одних и тех же слов». Например, орфографические рекомендации в учебниках Греча и Востокова, которые в течение долгого времени выступали как господствующие, пред-

ставляют множество орфографических несоответствий. Не помогает установить единства, а, напротив, умножает «орфографическую разногласицу» и Словарь Академии Российской. Вот лишь немногие примеры этого орфографического хаоса: *пять сажень, обьемемъ, азіатский, прильжнный* (у Востокова); *сажень, обьемемъ, азіатский, прилежнный* (у Греча); *заецъ* (у Греча) и *заяць* (в Словаре Акад. Рос.) [Там же: 53].

Такая неупорядоченность самих орфографических руководств стала причиной «орфографического вольнодумства в среде писателей» и усилило орфографические отличия одного писателя от другого: одни стали следовать одной школе, другие – другой, а третьи «придумали» свою новую систему правописания [Там же: 56].

Считая «согласие в правописании» святым делом, А.А. Хованский в заключение своих рассуждений настаивает на необходимости выяснить то начало, на котором можно было бы основать неоспоримое доказательство русского правописания, и только тогда «разноречие само собой уступит место единообразию» [Там же: 65].

После первой статьи А.А. Хованского, которая исчерпывающим образом осветила состояние орфографического вопроса в теории и практике, только через 10 лет, в 1872 г., статьями В.И. Новаковского («Заметки о русском правописании») и А.А. Хованского («К вопросу о русском правописании») журнал вновь приобщал читателя к орфографической теме [Новаковский 1872; Хованский 1872].

В статье А. Хованского снова выражено горькое разочарование по поводу «грустной» орфографической действительности. Выпускники школ и студенты проявляют необычайное равнодушие к языку, «пишут без соблюдения орфографических правил», а это является следствием многих, по его убеждению, причин:

- нерациональные приемы преподавания родного языка;
- недостаточность отводимого на изучение родного языка времени;
- отсутствие единых норм правописания («чуть не у каждого преподавателя свое правописание»);
- орфографический разлад и произвол в прессе.

И все это, считает автор статьи, должно вызвать «протест в ученом мире», и русское правописание, как и правописание других образованных народов, должно стать предметом «особенной заботливости ученых» [Хованский 1872: 1–5]. Попытки изгнать буквы *Ъ* (ять), *Ь* (ер) и *Ь* (ерь) он рассматривает как «пустые затеи», потому что в деле правописания каждая буква – на своем месте [Хованский 1872: 5].

В 1872 г. журналом опубликована представляющая серьезные трудности русского правописания статья «Заметки о русском правописании» [Новаковский 1872]. В статье «Яркие факты насущной потребности» В.И. Новаковский продолжает начатую в предыдущей заметке тему русской орфографии. Обра-

щаяся к опыту Словаря церковнославянского и русского языка (сост. Вторым отделением Академии наук), выявляет в нем множество орфографических непоследовательностей, которые требуют безотлагательного исправления [Новиковский 1873].

Журнал приветствует появление в свет третьего издания труда Я.К. Грота «Спорные вопросы русского правописания от Петра Великого доныне». В целом одобряя новаторскую концепцию академика, рецензент предлагает тем не менее свои орфографические убеждения, которые не соответствуют изложенным в работе:

1) изгнание букв из русского алфавита «никогда не может состояться»: если этого не произошло в результате почти двухсотлетней борьбы, то и всякая подобная попытка в будущем «будет напрасной тратой времени, напрасным посягательством на неприкосновенность азбуки»;

2) нет надежды на установление однообразной системы правописания в спорных вопросах (пишущие по большей части придерживаются диаметрально противоположных взглядов и убеждений), и поэтому в русском правописании «разноречия в начертаниях одних и тех же слов останутся надолго» [Хованский 1873: 40–41].

Отзывы о трудах самого академика Я.К. Грота и об орфографических руководствах, составленных «по Гроту», которые заключали в себе в одних случаях одобрение и согласие, в других же, напротив, полное несогласие и хулу, публиковались и в последующих выпусках журнала [Андросов 1875; Иванов 1885; Аннинский 1879; Соломоновский 1880; Рождествен 1889 и др.].

В коротких публикациях И. Николича под общим названием «Выдержки из словаря Даля», опубликованных в разные годы (1874–1876), изложены критические заметки по поводу изложенного в словаре материала вообще и принятого в словаре правописания – в частности. По мнению автора критических заметок, В.И. Даль выступил диссонансом существующему правописанию, добавил разнообразие в существующее многообразие и усилил и без того существующий орфографический разноречивый. Автор словаря узаконивает «чересчур своеобразное и до него никем не принятое правописание, с основательностью которого согласиться никак невозможно и распространению которого, весьма вероятно при доверии к заслуженному впрочем вполне авторитету первостепенного словаря, следует всячески противодействовать» [Николич 1874: 24]; «страсть к слитному написанию в одно слово таких выражений, которые... состоят из двух или трех самостоятельных частей, завела составителя Толкового словаря чересчур далеко и наполнила его труд довольно значительным, не нужным вовсе материалом» [Николич 1875: 8].

Особенно это касается написания *НЕ* с другими частями речи, «расшатывающего основные грамматические правила и филологические соображения». В стремлении автора Толкового словаря писать одну согласную вместо двойной автору критических заметок видится скорее служение «прихотливому отрица-

нию бесполезности употреблять двойные согласные буквы, чем научным выводам и историческому укладу нашей письменной речи» [Николич 1875: 10].

Автор заметок решительно заявляет, что при всей авторитетности словаря не может служить орфографическим образцом, а для разрешения вопроса о правописании вообще и относительно раздельного и слитного письма составных выражений «ссылка на Толковый словарь Даля не может считаться наилучшей и благонадежной опорой» [Николич 1875: 10–11]. В связи с оценками словаря Даля он дает и общую оценку орфографической ситуации: «К сожалению, у нас сделалось чересчур ходячим убеждение, будто в русском языке недостаточно утвердились грамматические правила, а потому трудно руководствоваться в деле орфографии положительными указаниями нашей этимологии и синтаксиса. Едва ли это так. Скорее следует допустить, что безотчетность, а иногда и просто прихоть, не желающая справляться с корнесловием... раздвинули пределы... отступлениям от того правописания, которому следовали Карамзин, Жуковский и Пушкин» [Николич 1876: 1].

В заметке П.С. Козловского «Из записной книжки учителя» рассматривается один из пробелов в учебниках русской грамматики того времени – правила правописания приставок на *-з*. Отметив крайнюю непоследовательность сложившегося правила (этимологические написания для приставок *без-* и *чрез-*, но фонетическое для приставок *воз-*, *из-*, *раз-*), автор высказывается за фонетическую орфографию, и это вызывает возражение редакции журнала, высказанное в примечании к статье: «нам кажется, что вопрос о фонетическом письме может решиться только тогда, когда доказано будет, что в правописании рациональнее – этимологическое начало или фонетическое?» [Козловский 1875: 3].

Статья Д.В. Анципского «Несколько слов о русском правописании» вновь возвращается к большой для русского языка теме орфографической неупорядоченности. Автор отмечает, что для русских филологов вопрос о русском правописании «есть гордиев узел, который и до настоящего времени настолько еще запутан, что не представляется возможности разобрать его по ниточке, а приходится рубить каждому, как кому нравится» [Аннинский 1879: 1]. Он обращается к представителям науки выяснить эти орфографические разноречия и «вменить в обязанность школам следовать указанному ими способу письма» [Там же].

Статьей воронежского словесника А.И. Анастасиева «Отношение звуков русского языка к буквам русской азбуки» журнал обращает своего читателя к теме взаимоотношения понятий *язык* и *письмо*, *звук* и *буква*, поскольку факт их смешения относится к числу наиболее распространенных и даже может считаться «узаконенным недостатком», которого не избегают даже филологически образованные люди. В основу рассуждений А.И. Анастасиева положены работы известных в области правописания таких ученых, как Я.К. Грот, И.А. Бодуэн де Куртэнэ, Ф. Буслаев, В. Стоюнин и др.

Автор статьи настаивает на необходимости различать фонетическую сторону языка и те условные знаки (буквы), которыми обозначаются звуки человеческой речи. Подчеркивая условный характер письма, он дифференцирует такие его проявления, как алфавит, графика, орфография и определяет основные его принципы: *фонетический* (когда слова пишутся согласно с произношением), *морфологический* (когда дается возможность понимания частей, из которых составилось известное слово) и *этимологический* (он определяет «способы написания слов на основании исторического, не доступного в данный момент чутью народа, словопроизводства») [Анастасиев 1880: 9]. Как на особую, действующую в правописании силу он указывает также на традицию и навык в написании отдельных слов, которые существуют вопреки названным принципам. В его рассуждениях о русском правописании звучит мысль о тех написаниях, определяющим значением которых стали традиция, обычай и произвол, и с сожалением отмечает неудавшиеся попытки «устранить обычай и произвол» [Там же: 24].

Работа В.А. Богородицкого «Изучение малограмотных написаний» была впервые опубликована в журнале «Филологические записки» [Богородицкий 1881]. Изучение малограмотных написаний представляется В.А. Богородицким не как самоцель – в малограмотных написаниях замечаются однородные с явлениями правописания и языка тенденции, и наоборот. Малограмотные написания и их оценки самими пишущими дают материал и о состоянии русского правописания, и о его устройстве. Например, один из участников эксперимента не употреблял в своей письменной речи букву *Ѣ*. На вопрос «почему» был дан такой ответ: многие так пишут, попросту, а буква эта только в печати. Аналогичны рассуждения о букве *ѣ*, которая не использовалась испытуемым.

Как показал полученный материал, малограмотные написания, в основном, несут на себе печать произношения. Но обнаруживается и влияние орфографии. Например, в слове *вѣз* старушка-грамотница объясняла, что следует писать букву *З* так же, как в слове *везла*, а в слове *вход* – *д* так, как *входил*, а не *вхотил*. Выявленные примеры орфографической аналогии в малограмотных написаниях подтверждали сформулированный автором и опубликованный три года спустя принцип русского письма по аналогии.

Примеры малограмотных написаний привели автора к выводам о закономерном соотношении произношения и написания при обучении письму. Автор выделяет три стадии в обучении правописанию:

1) первоначальный процесс обучения письму развивается по аналогии с произношением; знакомству с орфографическими написаниями, которые с трудом реализуются, препятствует произношение;

2) постепенно усиливаются ассоциации звуков или их сочетаний с их орфографическим изображением, и обучающийся пишет «согласно с орфографией», хотя все еще продолжает употреблять фонетические написания;

3) для вполне грамотного человека «привычка к орфографическим написаниям» становится препятствием появлению фонетических написаний.

На основе материалов проведенного эксперимента выявлена определенная закономерность в соотношении языка и орфографии, которая заключается в том, что привычка к орфографическим написаниям у человека вполне грамотного очень сильна, и благодаря этой привычке правописание развивается не параллельно с развитием языка, а изменяется медленнее, чем язык: «произношение известного слова изменилось, а между тем это слово продолжает писаться по-прежнему так, как привыкли его писать». Иными словами – фонетические написания одного времени перестают быть таковыми в более поздний период истории языка, но сила привычки мешает изменить правописание, хотя письмо изначально не обозначает минимальные оттенки звука [Богородицкий 1881: 18].

Редакция журнала категорически не приветствовала безыеровой орфографии в словаре Орлова (М., 1885). Считая ее пустой и нелепой затеей, журнал выступал против подобного «брожения» из уважения к тысячелетней памяти св. братьев Кирилла и Мефодия, за азбуку, за которой стоит «тысячелетняя санкция» [Два слова... 1885: 19]. Публикацией же А. Степовича «Беглые грамматические заметки» выступал против сложившихся в русском языке орфографических нелепостей.

Орфографическую «сбивчивость и нелепость правил» автор заметки видит прежде всего в сложившемся правописании окончаний прилагательных Род. пад. ед. числа. На фоне «правильного» – *-аго, -яго* довольно распространенным (как исключение) является *-ого, -его*.

Но, как утверждает автор, «при ближайшем рассмотрении оказывается, что в данном случае исключение гораздо более народно, более свойственно духу русского языка и его звоническим потребностям, чем само правило», возникшее в русском правописании под влиянием церковнославянской грамматики, которая долгое время отождествлялась с русской. И автор предлагает способ освободиться от этой нелепости: или, «дорожа историческими связями», уничтожить исключения, или же, «руководствуясь соображениями жизненности и народности, принять исключения за правило, а правило уничтожить, подчинив его бывшему исключению» [Степович 1883: 35].

По убеждению автора грамматических заметок, нет этимологических оснований и для орфографии окончаний имен прилагательных Им. п. мн. числа *-ие* (муж. р.), *-ия* (ж. и ср. р.), «с легкой руки» введенных М. Ломоносовым, которые для всех родов могут быть едиными: – *-ии* [Там же: 36]. Написание предлогов *без-, чрез-*, занимающих привилегированное положение, следует подчинить общему правилу написания всех приставок [Там же: 39].

К орфографическим недоумениям, по мнению А. Степовича, относится и буква *Ѣ*, «ахиллесова пята русского правописания». Отметив «сбивчивость и нелепость правил» ее написания, он считает необходимым «позаботиться о

возможно большем устранении всяких недоумений или, по крайней мере, о лучшем их выяснении» [Степович 1883: 44].

На протяжении двух лет (1899–1900) журналом опубликовано три статьи, посвященных букве русского алфавита, которая как никакая другая буква служила так долго и настойчиво предметом горячих дискуссий, – букве *Ъ* [Горохов 1899; Фомин 1900; Прядкин 1900].

Статья преподавателя А. Горохова своим названием заявляет об отношении автора к этой букве – «Пора исключить “ЯТЬ” из русского алфавита». Его аргументы сводятся к следующему:

- 1) историческое начало в употреблении этой буквы давно прервано, поскольку буква утратила свое древнее произношение;
- 2) употребление ее не имеет смысла, потому что орфография многих слов не соответствует этимологии.

И поскольку все попытки восстановить ее не привели к желательным результатам, то «какой же смысл благоговейно сохранять изображение давно исчезнувшего звука» [Горохов 1899: 5]. Однако в примечании редакции журнала к этой статье выражается категорическое несогласие: немислимо отказаться от буквы *Ъ* в силу многих «соображений» [Там же: 8].

Две другие публикации выражают противоположную в этом вопросе точку зрения. Буква эта приносит большую пользу: «сохраняя для глаза память об историческом происхождении слова, она помогает уяснению его смысла» [Фомин 1900: 9]. Страдания школьников, о которых так много сказано, кажутся преувеличенными, а отсюда – «не уничтожение буквы *ЯТЬ*, а изыскание лучших способов и средств для облегчения трудности усвоения ее детьми» представляется единственно желательным [Фомин 1900: 11], и «буква *ЯТЬ* по существу своему в русском алфавите имеет законное право, опирающееся на историю нашего языка и на фонетику его» [Прядкин 1900: 20].

В трех публикациях проф. Р.Ф. Брандта изложена его орфографическая программа, в соответствии с которой упрощение следует проводить в общей ориентации «на выговор»: «О лженаучности русского правописания» [Брандт 1901], «Загробный голос о русском языке и письме» [Брандт 1904а] и «Мнения о русском правописании Игн. Викент. Ягича, Фед. Евген. Корша, Ант. Сем. Будиловича и Алдр. Ив. Томсона» [Брандт 1904б].

Завершением орфографической темы в журнале стали две рецензии на работы орфографического содержания.

Первая – орфографическая пропись, составленная А.И. Зачиняевым при участии К.Т. Зачиняевой (СПб., 1909), представлена журналом как одна из «симпатичных попыток поставить изучение орфографии на почву, удобную для детской души», которая компенсирует недостатки слабого состояния орфографии и является первым применением опыта В.А. Лая, испытанного в западных школах, – изучение орфографии через пропись, или списывание [А.Н. 1910а: 447].

В основу работы положена именно система В.А. Лая, сущность которой сводится к тому, чтобы, «возбудив и целесообразно направив внимание ученика, легче фиксировать в его памяти зрительно-моторные образы слов и постепенно переводить их путем упражнений из сферы сознания в область привычки, процесса» [Там же]. Автор прописи уверенно ориентирует школу на рукописный текст, работа с которым, как показывает его собственный опыт, повышает эффективность изучения орфографии вдвое. Как положительный момент прописи А.И. Зачиняева журнал отмечает то, что в нее включены некоторые важные, кратко и ясно сформулированные правила, а тексты для списывания умело включают пословицы и художественные тексты разных жанров. Журнал рекомендует школе работу А.И. Зачиняева, считая, что она будет служить повышению грамотности, в которой есть большая необходимость.

Вторая – работа, заключающая материалы к изучению «злосчастной из всех букв русской азбуки» – букве *Ъ*, представлена журналом как положительное явление в мире методики преподавания русского правописания. Брошюра выгодно отличается от многих методических пособий, рекомендации которых сводились к не всегда приемлемому в детском возрасте приему – зубрежке слов с буквой *Ъ*. Предлагаемый автором метод может быть успешно применен именно при обучении детей младшего возраста – ученики запоминают слова с буквой *Ъ* по логической связи, образуя отдельные группы. Иначе говоря – автор рекомендует мнемонический прием, который в его практике дал хорошие результаты. Правда, в рецензии отмечен и серьезный недостаток этой брошюры: группы слов с *Ъ* иногда образованы «несколько натянуто», и ученик не сможет долго сохранить их в своей памяти [А.Н. 1910б].

ОРФОГРАФИЧЕСКИЕ ПУБЛИКАЦИИ ЖУРНАЛА (в хронологической последовательности)

1. ХОВАНСКИЙ А.А. Взгляд на правописание вообще. Движение правописания. Необходимость и важность его. Отчего оно затруднительно? Разница между разговорным языком и письменным. Разночтения и нововведения в правописании // Филол. зап. – 1860. – Вып. 1. – С. 38–66.
2. НОВАКОВСКИЙ В.И. Заметки о русском правописании // Филол. зап. – 1872. – Вып. 1–2. – С. 15–26.
3. ХОВАНСКИЙ А.А. К вопросу о русском правописании // Филол. зап. – 1872. – Вып. 5. – С. 1–12.
4. НОВАКОВСКИЙ В.И. Яркие факты насущной потребности // Филол. зап. – 1873. – Вып. 1. – С. 1–5.
5. ХОВАНСКИЙ А.А. [Рец.]. Спорные вопросы русского правописания от Петра Великого доныне. Филол. разыскания Я.К. Грога. СПб., 1873 // Филол. зап. – 1873. – Вып. 2. – С. 1–41.
6. НИКОЛИЧ И. Выдержки из словаря В.И. Даля // Филол. зап. – 1874. – Вып. 6. – С. 24–28.
7. НИКОЛИЧ И. Выдержки из словаря В.И. Даля // Филол. зап. – 1875. – Вып. 3. – С. 8–11.

8. КОЗЛОВСКИЙ П.С. Из записной книжки учителя. Один из пробелов в учебниках русской грамматики (по правописанию) // Филол. зап. – 1875. – Вып. 2. – С. 1–4.
9. АНДРОСОВ Н. [Рец.]. Библиографическая заметка. Сборник правил русского правописания, составленный на основании филологических разысканий академика Я.К. Грота Иваном Вальковым. СПб., 1875. // Филол. зап. – 1875. – Вып. 6. – С. 1–8.
10. ПОТЕБНЯ А.А. Орфографическая заметка // Филол. зап. – 1875. – Вып. 6. – С. 8–9.
11. НИКОЛИЧ И. Выдержки из словаря В.И. Даля // Филол. зап. – 1876. – Вып. 2. – С. 1–6.
12. Бодуэн де Куртене Я.А. [Рец.]. Практические правила русского правописания и произношения, составленные Иваном Паплонским. – Варшава, 1876 // Филол. зап. – 1876. – Вып. 5. – С. 26–31.
13. АННИНСКИЙ Д.В. Несколько слов о русском правописании // Филол. зап. – 1879. – Вып. 1. – С. 1–12.
14. АНАСТАСИЕВ А.И. Отношение звуков русского языка к буквам русской азбуки // Филол. зап. – 1878. – Вып. 4–5. Цит. по: АНАСТАСИЕВ А.И. Отношение звуков русского языка к буквам русской азбуки (отг. из ж. «Филол. зап.») – Воронеж, 1880. – 51 с.
15. ТУЛОВ М.А. О малорусском правописании // Филол. зап. – 1879. – Вып. 4–5. – С. 1–23.
16. СОЛОМОНОВСКИЙ И.С. Несколько заметок по поводу «Филологических разысканий» акад. Грота. – Т. 2. // Филол. зап. – 1880. – Вып. 1. – С. 112–116.
17. МАРКОВ Н.М. Об употреблении НЕ слитно и отдельно при имени и глаголе // Филол. зап. – 1880. – Вып. 6. – С. 5–8.
18. ВЕЛИКАНОВ М.М. Объяснение правописания некоторых затруднительных слов // Филол. зап. – 1880. – Вып. 6. – С. 9–15.
19. БОГОРОДИЦКИЙ В.А. Изучение малограмотных написаний // Филол. зап. – 1881. – Вып. 3. – С. 1–32.
20. СТЕПОВИЧ А. Беглые грамматические заметки // Филол. зап. – 1883. – Вып. 4. – С. 33–47.
21. ИВАНОВ Н.И. Заметка о правописании. Русское правописание. Я.К. Грота. – 2-е изд. – СПб., 1885 // Филол. зап. – 1886. – Вып. 1. – С. 13–20.
22. ДВА СЛОВА от редакции в дополнение к рецензии на словарь Орлова, печатающийся без ЕРОВ // Филол. зап. – 1885. – Вып. 2. – С. 19–20.
23. [ЧЕТЫРКИН И.] И.Ч.н. Как следует писать окончание роль. пад. прилагательных на -ой: -ого или -аго? // Филол. зап. – 1887. – Вып. 3–4. – С. 8–9.
24. ПЕТРОПАВЛОВСКИЙ М.Ф. К вопросу правописания: -аго или -ого? // Филол. зап. – 1888. – Вып. 6. – С. 4–5.
25. АНДРЕЕВ В.Ф. Значение и употребление частицы НИ в русском языке // Филол. зап. – 1891. – Вып. 4–5. – С. 1–10.
26. ВАСИЛЬЕВ А.П. Еще к вопросу о русском правописании // Филол. зап. – 1896. – Вып. 5–6. – С. 1–8.
27. ОБЫДЕННЫЙ М.Е. Употребление частиц НЕ и НИ // Филол. зап. – 1896. – Вып. 5–6. – С. 1–12.
28. РОЖДЕСТВИН А.С. О правописании по Гроту // Филол. зап. – 1889. – Вып. 1. – С. 1–6.
29. ХЕРУВИМОВ А. Правописание причастных форм в русском и славянском языке // Филол. зап. – 1898. – Вып. 5. – С. 15–16.

30. Б. К вопросу о правописании // Филол. зап. – 1898. – Вып. 6. – С. 1–2.
31. ГОРОХОВ А.Е. Пора исключить ЯТЬ из русского алфавита // Филол. зап. – 1899. – Вып. 3–4. – С. 1–8. То же: 2-е изд., испр. и доп. – Орел, 1900. – 12 с.
32. ФОМИН Д.Н. Нужна ли буква ЯТЬ? // Филол. зап. – 1900. – Вып. 3. – С. 1–11.
33. ПРЯДКИН С.Н. Историческое и фонетическое правописание требует существования в русской азбуке буквы ЯТЬ // Филол. зап. – 1900. – Вып. 3. – С. 11–20.
34. БРАНДТ Р.Ф. О лженаучности нашего правописания (публичная лекция) // Филол. зап. – 1901. – Вып. 1–2, С. 1–58.
35. ТИМОФЕЕВ Н. Частицы НЕ, НИ и Нн в русском языке; их значение, употребление и правописание // Филол. зап. – 1902. – Вып. 4. – С. 25–33; Вып. 5. – С. 33–72.
36. З. О-В. По поводу некоторых неустановившихся случаев русского правописания // Филол. зап. – 1900. – Вып. 1. – С. 1–12; 1901. – Вып. 6. – С. 1–20; 1902. – Вып. 1. – С. 21–33; 1903. – Вып. 3. – С. 1–16. Опубликовано с незначительными изменениями: ОПОКОВ З.З. Орфографические заметки по поводу некоторых неустановившихся случаев русского правописания. – Киев, 1904. – 60 с.
37. ГЕРАСИМОВ А.Г. Правописание как научно обоснованный образ праворечия. (Проект реформы отечественного правописания взамен ранее предложенной мной «новой грамоты») // Филол. зап. – 1903. – Вып. 3. – С. 1–24.
38. БРАНДТ Р.Ф. Загробный голос о русском языке и письме // Филол. зап. – 1904а. – Вып. 5–6. – С. 1–22.
39. БРАНДТ Р.Ф. Мнения о русском правописании Игн. Викент. Ягича, Фед. Евген. Корша, Ант. Сем. Будиловича и Алдр. Ив. Томсона // Филол. зап. – 1904б. – Вып. 2. – С. 1–56.
40. ФОМИН Д.Н. Справочник по русскому правописанию // Филол. зап. – 1906. – Вып. 6. – С. 1–48.
41. ХАРЛАМОВ М. Какой способ обучения правописанию надо признать // Филол. зап. – 1909. – Вып. 6. – С. 1–17.
42. А.Н. [Рец.] Орфографическая пропись. Сост. А.И. Зачиняевым при участии К.Т. Зачиняевой. – СПб., 1909 // Филол. зап. – 1910а. – Вып. 3. – С. 447–448.
43. А.Н. [Рец.] Новый прием усвоения корней с буквой ЯТЬ. – Казань, 1909. // Филол. зап. – 1910б. – Вып. 3. – С. 448–449.

«Русский филологический вестник»

«Русский филологический вестник» досоветского периода издавался с 1879 г. около 30 лет, и в течение этого времени вопросы орфографической теории и практики находили в нем достаточно широкое освещение. Здесь опубликовано около 40 орфографических работ разных авторов, и среди них программные статьи В.А. Богородицкого, И.А. Бодуэна де Куртене и Р.Ф. Брандта.

С орфографическими публикациями выступали все три редактора-издателя (М.А. Колосов, А.И. Смирнов, Е.Ф. Карский), и каждый в свое время обозначил далеко небезразличное отношение к орфографическим событиям времени, каждый на свой манер считая правописание одним из важных слагаемых культуры народа. Журнал служил своеобразной ареной представления орфо-

графических программ, суждений, позиций и опытов тех, кто имел противоположные ориентации во взглядах на русское правописание: сторонников его упрощения и ревнителей орфографической старины.

С самого начала существования журнал, прислушиваясь к запросам времени, совершенно очевидно заявил о своей орфографической позиции. Изложена она на первых страницах первого (1879 г.) выпуска в статье первого редактора-издателя М.А. Колосова, известного в свое время автора многих исторических и теоретических работ в области языка и словесности. Его редакторская статья (без названия) включает размышления о букве Ъ, которая на конце слов после согласных «потеряла всякий смысл и значение», а поэтому, по мнению автора, от нее следует отказаться.

Доказывая законность этого исключения, он настаивал на различении таких понятий, как звук и буква и, вопреки тем, кто «из уважения к преданию» признавал и отстаивал лишь принцип исторических написаний, выражал уверенность, что «рано или поздно вопрос о букве Ъ будет решен всеми не в пользу этого бесполезного значка» [Колосов 1879а: V]. Орфографические воззрения редактора были реализованы в этом же выпуске журнала, и такое орфографическое новаторство продолжалось около двух лет: конечный Ъ не печатался в названии самого журнала и во всех его публикациях. О том, что это орфографическое новшество для того времени уже не было сенсационным, и о более ранних (с начала XIX в.) попытках изгнать из употребления «освященный традицией Ъ» «Русский филологический вестник» сообщает в статье Р.Ф. Францева «С ером или без него?» [Францев 1905]. Автор этой статьи также считал упрощение русского правописания вопросом, настойчиво требующим своего решения, а одним из главных пунктов этого упрощения – устранение конечного Ъ.

Уже в самом первом выпуске журнала в «Педагогическом отделе» была открыта рубрика «Заметки о русском правописании» для выяснения неясных и спорных вопросов русской орфографии, и первым ее автором стал сам М.А. Колосов, сразу же выразив сожаление, что сила привычки, незнание или личные убеждения и взгляды не приводят к единому знаменателю «существующих в русском письме разностей» [Колосов 1879б: 52]. Впоследствии свои орфографические размышления публиковали под этой рубрикой А.И. Соболевский, Я.К. Грот и другие известные лингвисты.

Орфографический эксперимент был прерван, когда во главе редакции стал профессор Варшавского университета А.И. Смирнов, орфографическая позиция которого была более сдержанной по сравнению с редактором-предшественником. Выступая за историко-этимологическое письмо, он считал, что с введением новых орфографических правил (в том числе и с отменой конечного Ъ) «наша педагогика изобретет новую помеху» [Смирнов 1886: 188].

В названии журнала буква Ъ была незамедлительно восстановлена (1881, Т. V), однако антиреформаторские взгляды нового редактора-издателя, возглав-

лявшего журнал целую четверть века и поднявшего его до уровня мировой известности, не стала помехой продолжению на его страницах орфографической полемики и безьеровых публикаций, но уже лишь в статьях отдельных авторов, которые твердо стояли на позициях реформаторства – И.А. Бодуэн де Куртене и Р.Ф. Брандт.

Так, выступая с рецензией на только что увидевшую свет и представленную А.И. Смирновым как единственно авторитетную в области правописания работу акад. Я.К. Грота «Русское правописание. Руководство, составленное по поручению Второго отделения Императорской Академии наук» (1885 г.), акад. А.И. Соболевский заявлял о своем категорическом несогласии как с приведенными в руководстве этимологическими аргументами в написании отдельных слов, поскольку они «не имеют никакого значения при решении вопроса о написании» [Соболевский 1885: 156–161], так и с тем сравнительным методом языка, к которому прибегает автор: он «кажется странным и непонятным» [Соболевский 1886: 368].

Работа И.А. Бодуэна де Куртене «Некоторые отделы “сравнительной грамматики” славянских языков», которая отражает период, когда, по словам самого автора, «терминологическая мания достигла чудовищных размеров», пришла к читателю впервые со страниц журнала «Русский филологический вестник» [Бодуэн де Куртене 1881]. Именно в этой работе впервые был введен морфологический критерий в фонетику: «морфологические сопоставления составляют исходную точку для сопоставлений фонетических» [Там же: 118]; впервые были обозначены разные типы звуков (*дивергенты* как видоизменения одного и того же звука, обусловленные теперь действующими законами, и *коррелятивы* как антропофонически различные, но гомогенные звуки, различие которых не может быть объяснено имеющимися теперь налицо условиями) и выдвинут тезис «следует дивергенты обобщать в фонемь» [Там же: 123].

В главе «О правописании» известного и выдержавшего впоследствии множество изданий труда В.А. Богородицкого «Курс русской грамматики» автор определяет русское правописание как предмет, который составляет значительную трудность в деле школьного обучения. Говоря об «устройстве» русской орфографии, наряду с фонетическими он выделяет новый тип написаний – написания по аналогии (по сходству) с родственными словами. Родственность слова при этом определяется не только по корню, но и по всем другим морфологически значимым частям его:

слова, имеющие общий корень, называются родственными по корню;
слова, имеющие общий префикс, называются родственными по префиксу;
слова могут быть родственны и по суффиксу, и по окончанию [Богородицкий 1884: 120].

При этом автор подчеркивает для русского правописания важность не столько фонетической стороны речи, сколько именно морфологической:

рожь, ночь – дверь;
плачь, режь – двинь;
мочь, лечь — читать, класть [Богородицкий 1884: 122].

В переизданном варианте этой работы (Казань, 1909) В.А. Богородицкий развил изложенные в публикации журнала положения орфографической теории. Основную цель своих научных изысканий в правописании он видит в том, чтобы представить обзор принципов орфографии (включая основной принцип графики) «в их взаимоотношении» и дать некоторые основания для решения частных и спорных вопросов. Он определяет ограниченность действия фонетического принципа, считает его «тормозом для быстрого чтения и письма» и утверждает главенствующую роль принципа письма по аналогии: он «основывается на ассоциации знаменательных звуковых комплексов в морфологических частях слов с определенными начертаниями», которые «применяются и в тех случаях, когда не вполне соответствуют произношению данной морфологической части». Сущность этого принципа, говоря иными словами, сводится к тому, что «некоторые звуки той или другой морфемной части в слове пишутся в соответствии не с теми звуками, которые слышатся, а в соответствии со звуками, произносимыми в *родственных словах*» [Богородицкий 1909: 138]. Этот принцип рассматривается автором в применении и к гласным, и к согласным в разных морфологических частях:

с дубом, сбыть, сделать – с ухом, сузить;
над селом, надсмеяться – над озером;
поднимать – поднял;
прилавок – станок;
споров – и домов [Богородицкий 1909: 139–140].

Своей работой автор показывает целесообразность для русской орфографии именно этого принципа, принципа письма по аналогии, поскольку он «водворяет в орфографии однообразие при написании одних и тех же корней и одних и тех придаточных морфемных частей, написание которых с применением фонетического принципа представляло бы ряд разновидностей», «благоприятствует легкости и быстроте схватывания слов при чтении, а также и быстроте передачи их на письме»: только при морфологическом письме «может легко образоваться переход деятельности чтения и письма из сознательной в бессознательную», что и необходимо «для целей общеупотребительного письма» [Там же: 140].

Говоря об исторических (традиционных) написаниях, В.А. Богородицкий отмечает, что русская орфография сохраняет не только такие, которые когда-то были фонетическими, но и которые а) никогда не соответствовали русскому произношению и перешли из церковнославянского письма; б) «придуманы в виде правил авторитетными грамматистами» и в) явились отражением диалектного произношения [Там же]. Отмечает нецелесообразность орфографического правила написания окончаний прилагательных, введенных «Российской

грамматикой» М. Ломоносова (§ 116), поскольку «в народном русском языке такого различия по родам не существовало» [Там же: 142]. В целом он оценивает как положительные попытки приблизить русскую орфографию к произношению и таким образом освободить ее от церковнославянского балласта.

На заседание Орфографической комиссии 1904 г. журнал откликнулся двумя публикациями.

Проф. Е.Ф. Карский, будущий (с 1905 г. – Т, 53) редактор-издатель, выступил со статьей «О реформе русской орфографии», в основу которой положен доклад, прочитанный автором 11 сентября 1904 г. на заседании историко-филологического Общества истории, филологии и права при Императорском Варшавском университете. Автор доклада (и статьи) указал на некоторую некорректность утверждения единогласности решений о реформе, поскольку, по его представлениям, по какой-то случайности (или нарочно) на заседание, кроме членов II Отделения, к тому же явившихся далеко не в полном составе, были приглашены в большинстве своем только лица, заведомо сочувствующие идее реформы. Рассматривая русское правописание на широком фоне истории, он излагал свою, не лишённую противоречий позицию по отношению к русской орфографии.

С одной стороны – вопреки решению комиссии за упрощение, он настаивал, что живой язык, как и всякий организм, «представляет выветрившиеся ткани, которые со временем умирают, оставляя по себе лишь память в передававших его буквах» [Карский 1904: 158], а отсюда – буквы русского алфавита, обозначающие утраченные языком звуки, не совсем лишены значения, ибо указывают на культурные связи народа. Он не отрицает, что обычай и время узаконили этимологически неправильные написания, действительно неудобные для письма, но удобные для чтения. А поскольку пишут и печатают всего лишь сотни, а читают миллионы, то русская орфография не нуждается в радикальных переменах.

С другой стороны – он не отрицает наличие в ней «омертвений», видеть которые хотя и привлекает зрение, но не чувствует в них никакой надобности, и их устранение не принесет никакого вреда. В числе этих орфографических «омертвений» он в первую очередь называет букву *Ъ*, которая указывает на твердость конечного согласного, в то время как «и без того такой согласный не может быть произнесен иначе, как твердо» [Там же: 160]. Вслед за решением комиссии он считает *Ъ* совершенно ненужным знаком, балластом, отнимающим у пишущих, печатающих и читающих массу труда, времени и средств, и не видит никакой научной ценности в доводах, приводимых в пользу сохранения в русской азбуке этой буквы: «этот тунейдец, эта пиявка, высасывающая лучшую кровь русского языка, этот нарост – род грамматического рака – на хвосте русских слов», пожирающих более 8 процентов времени и бумаги, ежегодно стоящий России более 4 млн. рублей и не приносящий ей «ни выгоды, ни чести» [Там же: 162].

В целом одобряя идею «строго этимологического начала» в проекте упрощения, он вместе с тем подробно останавливается на всех пунктах, опубликованных как «Предварительное сообщение Орфографической подкомиссии» (СПб., 1904), и высказывает в каждом случае свои суждения.

Например, на его взгляд, заслуживает одобрения решение комиссии устранить буквы *Ѡ* и *Ѣ* (десятеричное); не обозначать мягкость шипящих, поскольку «распределение по родам *Ъ* и *ь*, кроме кажущейся грамматической стройности, не имеет никакого основания ни исторического, ни фонетического [Там же: 166]; с полным основанием устраняется искусственное родовое различие в написании *одни—однѣ, они—онѣ*. Однако вызывает сомнение пункт упрощения, связанный с отменой родовых окончаний прилагательных, причастий и местоимений в Им. и Вин. п.: в этом есть некоторая доля правды, но «до несомненности этого положения еще очень далеко» [Там же: 170].

Категорически не принимается автором решение реформаторов об устранении буквы *Ѣ*. Даже приняв во внимание то, что буква эта утратила присущее ей звуковое значение, что она представляет серьезные трудности при обучении грамоте, нельзя забывать, что она помогает при том поддерживать связь с другими славянскими языками. А это, по мнению автора, важнее всех прочих, без сомнения, истинных ее проявлений. Однако, несмотря на исключительную, по его мнению, разумность большинства доводов и решений комиссии за орфографическое упрощение, для коренной реформы все-таки не настало еще время. Да и вряд ли это осуществимо вообще, поскольку на русском языке создана мирового ранга светская литература. Создана она в существующей орфографии. И за эту (свою орфографию) следует стоять [Там же: 173–174].

Еще одним серьезным откликом журнала на орфографические события 1904 г. стала статья Л.В. Щербы «Несколько слов по поводу “Предварительного сообщения Орфографической подкомиссии”».

Высказывая свои *pro* и *contra* решениям комиссии, он предлагает свой идеал правописания – параллелизм между «языком написанным и языком произносимым». Настаивает на необходимости различать фонетику и этимологию лингвиста от фонетики и этимологии обыкновенных людей, отличать «то, что доступно лишь изощренному вниманию исследователя, от того, что является общим достоянием и составляет живые, психически существующие факты языка и что собственно должно быть исключительной основой правописания» [Щерба 1905: 68]. Одни решения комиссии он абсолютно приветствует (написание в ударном положении *О* после шипящих и *Ц*, а в безударном – *Е*), другие же вызывают его неодобрение: непонятно решение комиссии писать *зимней, синей, лисьей, рыжей, меньшей*, поскольку нет им оправдания в фактах современного языка. Для написания этой группы прилагательных он видит два психически существующих окончания (*-ой* и *-ий*), которые варьируются в зависимости от фонетических условий:

1) не при несреднеязычных *Ж, Ш, Ц* (*рыжей, меньшей, божьей, старшей* как *злой*);

2) при среднеязычных *Ч, Щ* (*ходячий, тощий, овечий* и др.).

Высказывания Л.В. Щербы по поводу решений орфографической комиссии, однако, не лишены противоречия: с одной стороны, вопреки доминирующим фонетическим воззрениям на орфографию отстаивал принцип морфологического единства («последовательности ради следовало бы восстановить написание *З* перед глухими согласными»), с другой – «воспользоваться освященной традицией уступкой фонетике при приставках *из-, воз-, раз- низ-* и распространить ее на другие префиксы», чтобы писать *восприятие, поттереть, преттеча*. Он считал при этом, что этимологическое (= морфемное) чутье при ничуть этом не пострадает, и видел в этом орфографическом нововведении шаг вперед [Щерба 1905: 73]. Однако при всех его прореформаторских взглядах он считал совершенно необходимым не разрывать по возможности с традицией. И именно теперь, считал он, уместна реформа правописания, поскольку «оно сравнительно недалеко отстало от языка произносимого и потому приближение его к этому языку не произведет такого коренного переворота, как это было бы, например, в английском» [Щерба 1905: 72].

Особую страницу в истории журнала составляют публикации проф. Р.Ф. Брандта, которые отражали его орфографические воззрения за 18 лет (1881–1908 гг.). Из семи работ только последняя является собственно выступлением автора («Удобочитаемость как желательный принцип правописной реформы»), где он высказывает пожелание реформаторам русского правописания «выступать смелее и решительнее» [Брандт 1908: 48]. Остальные же представляют собой выступления в ответ на статьи и заметки различного характера. Но, отвечая ли М.А. Тулову по поводу его работы «Об элементарных звуках человеческой речи и русской азбуке. Пособие для обучающихся русской грамоте» (Киев, 1881) или Ф.В. Ржиге в связи с его статьей «По вопросу о реформе правописания» в «Русском филологическом вестнике» [Ржига 1904]; выступая ли с ответом на заметку «По вопросу об упрощении русского правописания» А.С. Будиловича, опубликованную в «Вестнике Европы» (май 1904), или редакции журналов «Филологические записки» и «Вестник Европы» – он неизменно отмечал «произвольное мудрствование» во многих возражениях против готовящегося упрощения, которое коснется лишь частных случаев, но послужит для пользы миллионов. Отстаивая последовательно свой «фонетический идеал», он выражал неизменную уверенность, что даже «простое разрешение упрощенного правописания в школе и в журнале будет равносильно осуждению теперешнего на медленное, но верное вымирание» [Брандт 1905: 26].

За длительный издательский период журнал информировал своего читателя о работах, представляющих всю сложность орфографического вопроса [Соболевский 1885; Истомин 1892; Флеров 1893; Ушаков 1910].

После всех представленных орфографических публикаций в течение семи лет, с 1910 г. по 1916 г., журнал оставался в стороне от орфографического движения. И только выпуск 1917 г. (Т. LXXVI-II), «ввиду крайней дороговизны типографских работ и бумаги» ставший последним, на своих уже очень немногочисленных страницах снова находит место для публикации важных орфографических материалов.

Под общим заглавием «Новая орфография» в числе первых журнал публикует важные документы к орфографической реформе:

1) Постановления совещания при Российской Академии наук по вопросу об упрощении русского правописания, принятые 11 мая 1917 г., где изложены все 13 пунктов упрощения с комментариями и примечанием;

2) сообщение о 2-м циркуляре Министерства народного просвещения при Временном правительстве за подписью министра А.А. Мануйлова [Новая... 1917: 18–22].

В «Педагогическом отделе» этого выпуска читателю предложены извлечения из «Дневника съезда» первого Всероссийского съезда преподавателей русского языка средней школы. В частности, здесь же сообщается, что 29 декабря в объединенном заседании второй и третьей секций обсуждался «животрепещущий и больной как для педагогов, так и для учеников вопрос о необходимости упрощения русского правописания» [Из дневника... 1917: 3]. Кратко представив мнения противоположно настроенных по отношению к реформе представителей, журнал сообщал, что в результате даже противники упрощения «признали возможным внести некоторые поправки в систему правописания по Гроту», после чего было принято постановление о желательности скорейшего осуществления реформы русской орфографии «в том направлении, какое дано этому делу Орфографической подкомиссией при Академии наук» в 1904 г. [Там же: 4].

Фактом публикации этих материалов, думается, журнал выразил свое одобрение и поддержку тому реформаторскому процессу, который был начат почти за полгода до Октября 1917 г., этим как бы замыкая круг орфографических размышлений в той же тональности, которая была задана журналу редакторским коллективом первых его выпусков, возглавляемых М.А. Колосовым: необходимо упрощение русской орфографии.

ОРФОГРАФИЧЕСКИЕ ПУБЛИКАЦИИ ЖУРНАЛА (в хронологической последовательности)

- КОЛОСОВ М.А. От редакции. II // РФВ. – 1879а. – Т. I. – С. III–VI.
- КОЛОСОВ М.А. Гильтебрандту // РФВ. – 1879б. – Т. I. – С. 317–320.
- [КОЛОСОВ М.А.] М.К. Заметки о русском правописании // РФВ. – 1879в. – Т. I. – Пед. отд. – С. 52–57.
- БОГОЛЮБОВ В. К вопросу о начертании и произношении греческих и латинских слов в русском языке // РФВ. – 1880. – Т. VI. – Пед. отд. – С. 41–53.

- БОДУЭН ДЕ КУРТЕНЭ И.А. Некоторые отделы «сравнительной грамматики» славянских языков // РФВ. – 1881. – Т. V. – С. 265–344.
- БРАНДТ Р.Ф. Мнение г. Тулова о русском правописании // РФВ. – 1881. – Т. V. – С. 358–375.
- БОГОРОДИЦКИЙ В.А. Курс русской грамматики // РФВ. – 1884. – Т. XII. – С. 107–123, 321–336.
- ГРОТ Я.К. Письмо по поводу «Руководства к русскому правописанию» // РФВ. – 1885. – Т. XIII. – С. 202–205.
- СОБОЛЕВСКИЙ А.И. [Рец.] Орфографические заметки. Русское правописание. Руководство, составленное, по поручению второго отделения Имп. Академии наук академиком Я.К. Гротом. – СПб., 1885. // РФВ. – 1885. – Т. XIV. – С. 156–161.
- СМИРНОВ А.И. Орфографические указатели и правила русского правописания. (Библиографические заметки) // РФВ. – 1885. – Т. XIV. – С. 170–209.
- БРАНДТ Р.Ф. Об устранении Ъ. Ответ на заметку редакции «Филол. записок» // РФВ. – 1885. – Т. XIV. – С. 347–352.
- ГРОТ Я.К. Несколько орфографических разъяснений // РФВ. – 1886. – Т. XV. – С. 1–6.
- СМИРНОВ А.И. Орфографические заметки // РФВ. – 1886. – Т. XV. – С. 181–188.
- СОБОЛЕВСКИЙ А.И. Еще несколько орфографических разъяснений // РФВ. – 1886. – Т. XV. – С. 362–368.
- ШИДЛОВСКИЙ А. По поводу некоторых нововведений в русском правописании в руководстве к правописанию акад. Я.К. Грота // РФВ. – 1889. – Т. XXII. – Пед. отд. – С. 60–69.
- БАХТИН Н. Основы русского правописания. Правописание отдельных слов. Гл. 1. Письмо // РФВ. – 1890. – Т. XXIII. – С. 112–124; Т. XXIV. – С. 70, 240.
- БАХТИН Н. Основы русского правописания. Правописание отдельных слов // РФВ. – 1891. – Т. XXV. – С. 17–26; Т. XXVI. – С. 199.
- БАХТИН Н. Основы русского правописания. Правописание отдельных слов // РФВ. – 1892. – Т. XXVIII. – С. 236–351.
- ЕЛЬСИН А.И. Русское правописание для учащихся // РФВ. – 1891. – Т. XXVI. – Пед. отд. – С. 1–45.
- ЕЛЬСИН А.И. Русское правописание для учащихся // РФВ. – 1892. – Т. XXVII. – Пед. отд. – С. 15–30, 58–70; Т. XXVIII. – Пед. отд. – С. 1–20.
- ИСТОМИН В. [Рец.] Где пишется *ЯТЬ* и где не пишется. Справочная карманная книжка / Сост. Н. Стремленов. – Либава, 1812. // РФВ. – 1892. – Т. XXVII. – С. 13–14.
- КАРПИНСКИЙ М. Заметка о § 99 «Русского правописания» акад. Я.К. Грота (О переносе частей слова из строки в строку) // РФВ. – 1892. – Т. XXVIII. – С. 31–32.
- ФЛЕРОВ А. Заметки о правописании слов: *свистнуть, виден*. (По поводу статьи П. Ар. Адамова «К вопросу о русском правописании») // РФВ. – 1893. – Т. XXIX. – С. 12–16.
- РЖИГА Ф.В. По вопросу о реформе правописания // РФВ. – 1904. – Т. LI. – Пед. отд. – С. 18–20.
- КАРСКИЙ Е.Ф. К вопросу о реформе орфографии // РФВ. – 1904. – Т. LII. – Пед. отд. – С. 154–174.
- БРАНДТ Р.Ф. Неято о правописной реформе (Ответ г. Ф. Ржиге) // РФВ. – 1905. – Т. LIII. – С. 11–19.

27. БРАНДТ Р.Ф. Ответ Ант. Сем. Будиловичу // РФВ. – 1905. – Т. LIII. – С. 20–30.
28. БРАНДТ Р.Ф. Несколько слов по адресу редакции «Вестника Европы» // РФВ. – 1905. – Т. LIII. – С. 30–31.
29. БРАНДТ Р.Ф. Ответ критику «Вестника Европы» // РФВ. – 1905. – Т. LIII. – С. 31–33.
30. ФРАНЦЕВ Р.Ф. С ером или без него? // РФВ. – 1905. – Т. LIII. – С. 34–37.
31. ПЕТРУЧЕНКО О.А. К вопросу о русском правописании // РФВ. – 1905. – Т. LIV. – Пед. отд. – С. 37–39.
32. ЩЕРБА Л.В. Несколько слов по поводу «Предварительных сообщений Орфографической подкомиссии» // РФВ. – 1905. – Т. LIY. – Пед. отд. – С. 68–73.
33. БРАНДТ Р.Ф. Удобочитаемость как желательный принцип правописной реформы // РФВ. – 1908. – Т. LX. – С. 37–49.
34. УШАКОВ Д.Н. [Рец.] В.И. Соколов. Опыт систематизации звуков нашей речи и проект реформы гражданской азбуки. – М., 1909 // РФВ. – 1910. – Т. LXIV. – С. 393–394.
35. НОВАЯ орфография // РФВ. – 1917. – Т. LXXVIII. – С. 18–22.
36. ИЗ «ДНЕВНИКА съезда преподавателей русского языка» // РФВ. – 1917. – Т. LXXVIII. – Пед. отд. – С. 3–4.

Журнал «Для народного учителя»

Журнал «Для народного учителя» начал издаваться в Москве (типография т-ва И.Д. Сытина) как орган народного учительства под редакцией известных педагогов А.В. Тулупова и П.М. Шестакова. Издавался 2 раза в месяц (кроме июля и августа – 20 выпусков в год) книжками от 2–3 листов с 1907 г. Журнал ставил своей первоочередной задачей «содействовать объединению работников по народному образованию для достижения наибольшей успешности в их работе», «содействовать проведению в жизнь принципов новой школы», «давать практические советы и указания учителям по вопросам школьного и внешкольного образования».

За годы довольно короткого существования журнала редакция способствовала в значительной степени широкому просвещению народного учителя, преобразованию школы в духе новых демократических принципов. Считая правописание такой областью обучения, где школьная практика встречает наиболее серьезные затруднения в достижении своих целей, журнал, наряду с вопросами общепедагогического характера, предлагал к широкому обсуждению его теоретических и практических вопросов.

Статьей «Об «укротении строптивой»» открывалась орфографическая «летопись» журнала. Здесь помещали свои статьи вплоть до последнего года издания, в основном, школьные учителя и методисты-словесники, для которых орфографический вопрос был далеко не праздным: орфография «как дамочков меч висела над школой». В целом на орфографические темы было опубликовано около 30 разных в жанровом отношении работ.

Эпиграфом к статье ее автором (М. С-ов) взята информация из газеты «Утро Свободы» (9 мая 1907 г.): за подписью более двухсот членов Государственной Думы внесено следующее заявление в Императорскую Академию наук:

В 1904 году в Императорской Академии наук была образована комиссия для разработки вопроса, связанного с упрощением русского правописания. Комиссия прекратила свои заседания, и результаты работы остались неизвестными. Не считая себя компетентными в обсуждении детальных упрощений русского правописания, мы все же полагаем, что форма установления правил, как, например, буква ЯТЬ, причинила горе не одному миллиону учащихся. Пора положить конец совершенно бесполезной трате молодых сил и дорогого времени для преодоления трудностей правописания, которые часто для более слабых становятся непреодолимыми и служат преградами на их дальнейшем пути.

В статье отмечалась необходимость «при всяком удобном случае разрушить прочно сидящее во многих головах мнение, что орфография есть нечто раз и навсегда данное, не подлежащее изменению». Его орфографическая позиция сводилась к следующему:

«Искусство письма было некогда изобретено, чтобы содействовать получению знаний... и люди справедливо считали его завоеванием человеческого ума. Между тем наше дело оказалось не то: средство превратилось в цель. Письмо, вместо того чтобы облегчить духовную работу человека, сделалось мало по малу поводом к самому тяжелому обременению ума. Разве не мучение, в самом деле, это заучивание массы орфографических правил, часто противоречащих друг другу и здравому смыслу, или заучивание исключений из исключений?..»

Искусство писать должно служить орудием для возможно широкого распространения просвещения. Наша система письма превратилась в тормоз, задерживающий доступ к свету для весьма многих стремящихся к нему. И что это так, стоит вспомнить те массы учащихся, которые ежегодно изгоняются из приютивших их было учебных заведений по малоуспешности в орфографии. Как велика ее роль именно в этом отношении, можно заключить уже из того, что каждый раз, как только кто-нибудь поднимает вопрос об упрощении орфографии или хотя бы о понижении требований к ней, наши мракобесы поднимаются, как один человек, против дерзновенного, а за ним устремлялось все панургово стадо». По мнению автора, «нужно всякими способами содействовать распространению и укреплению в обществе сознания, что современная русская орфография может быть и должна быть подвергнута историческому пересмотру в целом» [М. С-ов 1907: 10–11].

Автор безусловно поддерживал орфографическую деятельность Московского Педагогического общества и информировал читателя-педагога об основных принципах, в соответствии с которыми готовится проект предстоящего упрощения.

«Работы предстоит много, — писал он в заключение. — Великая заслуга — облегчить темному народу путь к правописанию. Первый шаг по этому пути — простая грамотность, то есть умение писать и читать на родном языке. Усовершенствовать ее — славный подвиг» [М. С-ов 1907: 15].

Публикуя эту статью, редакция от своего имени заявляла, что «охотно предоставит страницы своего журнала желающим высказаться по «орфографическому вопросу», который действительно в школьной практике играет очень важную роль, служа нередко тормозом народного образования» [Там же: 15].

В библиографическом отделе журнала серьезное место отводилось рецензированию орфографических работ, авторы которых отстаивали требования работников образования к упрощению русского правописания, поскольку оно является тормозом народного просвещения [Семенов 1908: 7]. В небольших заметках И. Хмирова, С. Белорусца высказывалась та же мысль: поскольку правописание есть такая область обучения, где школьная практика встречает наиболее серьезные затруднения в достижении своих целей, оно требует серьезного усовершенствования [Белорусец 1909: 6].

В статье «Русский язык в городских, по Положению 1872 года, училищах» журнал снова поднимает тему орфографического упрощения, которое необходимо в интересах культуры и просвещения [С.П. 1909].

Последующие выпуски журнала из номера в номер также предоставляли место работам, которые заключали взгляд народного учителя на орфографическую злобу дня. Вот фрагменты из этих публикаций, свидетельствующих о глубокой заинтересованности школьного учителя в упрощении правописания:

— Ученики тратят бесконечно много сил и часов на сложности употребления буквы *Ъ*. Набивши кое-как к экзамену руку и глаз на этой схоластике, они скоро забывают ее и остаются ни с чем. Кроме бесполезной затраты труда и времени, упражнения в правописании причиняют громадный вред еще и тем, что отбивают интерес у детей к учению, заглушают живой дух в школе...

В одном селе приезжий строгий экзаменатор поставил ученику за диктовку с пятью ошибками «двойку». Раздосадованный учитель, забыв субординацию, обратился к экзаменатору с упреком: «Вот Вы поставили мальчику “двойку” за пять ошибок во всей диктовке, а сама в нескольких строках своего извещения об экзаменах сделали четыре ошибки». И это очень характерно! [Обухов 1908: 2–3].

— Итак, академический проект упрощения русской орфографии уже существует. Остается только обсудить его в общем заседании отделения русского языка и словесности да опубликовать во всеобщее сведение — орфографическое иго будет свергнуто, «злой дух» низшей школы сгинет при свете разума [Перешивкина 1909: 28].

— За два столетия школа во многом двинулась вперед, но в одном не замечается прогресса: не обращают внимания на алфавит. Никто не подумал о лишних буквах: *ЯТЬ*, *ФИТА*, *і* и *ИЖИЦА*... Пора отречься от этих египетских иероглифов,

глифов, пора соединиться всем труженикам на ниве народной» [Учитель 1913: 45].

— Детей ведут в школу. Детей водят в школу. Но что они там делают? За чем долбят вечером, что — *тьмъ*, *тьда*, *тьхатъ* пишется через *ЯТЬ*. Этого не признают ни ученики, а того менее родители, которые видят, как надывается дитя этой «зубрячкой»... Послушайте наши уроки! Посмотрите, чем мы на них занимаемся, и вы убедитесь, что наши занятия сводятся к «механической дрессировке», ученики проводят часы за бессмысленной грамматикой, переписывая и списывая несколько раз проклятый диктант с его ничем не сокрушимыми *ЯТЯМИ* [Симонов 1914: 41–42].

В выпуске журнала за 1914 г. орфографические публикации были особенно многочисленны. В этом году состоялся Первый Всероссийский съезд по народному образованию о методах преподавания в начальной школе. Журнал публикует резолюции пятой секции этого учительского форума, с непереносимостью заключающие мысль о необходимости орфографического упрощения:

1. В интересах русской школы и всей русской культуры необходимо скорейшее осуществление орфографической реформы.

2. Необходимо ходатайствовать перед орфографической комиссией Академии наук о скорейшем завершении реформы, по крайней мере в ее теоретической стадии, и просить ее оповестить возможно шире Россию о своих постановлениях.

3. Желательно организовать на местах возможно широкую агитацию в пользу реформы, например, путем распространения сведений о предполагаемой реформе.

4. Необходимо выразить пожелание, чтоб современная печать теперь, не дожидаясь реформы орфографии, практически приступила бы к ее упрощению, для чего в первую голову изъела бы из употребления буквы *ЯТЬ*, *ФИТА*, *і* и *Ъ* на конце слов и тем положила бы начало фактической реформе.

5. Надлежит ходатайствовать о созыве Всероссийского орфографического съезда для выяснения практических путей осуществления реформы.

6. Желательно обратиться к Государственной Думе с предложением взять на себя законодательную инициативу в этом деле.

7. Секция признает неотложно необходимым впредь до реформы орфографии установить порядок, при котором неправильное употребление в письме буквы *ЯТЬ* и других, относительно которых имеется постановление подкомиссии при Академии наук, не считать за ошибку при проверке успехов в письме в начальной школе.

8. Просить президиум съезда отпечатать труды съезда без *Ъ*, а еще лучше — без *ЯТЬ* [Резолюции... 1914: 13–14].

В связи с изданием «Постановлений Орфографической подкомиссии» журнал (правда — с некоторыми опозданиями) публикует соответствующие материалы. Предложив для знакомства краткую историю подготовки проекта и все

пункты орфографического упрощения, чтобы «всякий мог видеть: предполагаемая реформа разумна, проста и осторожна», редакция выражает надежду, что авторитетный голос ученых, авторов проекта, должен быть услышан теми, от кого зависит реформа «в наболевшем у нас вопросе о правописании» [Постановления... 1914: 32–33].

Съезд деятелей по народному образованию в московском уездном земстве, представив большое место школы (увлечение грамматикой и злополучной буквой *ЯТЬ* и другими перлами русской орфографии), выразил одобрение и присоединился к мнению Всероссийского Петербургского учительского съезда и вынес пожелание о скорейшем упрощении орфографии [Съезд... 1914: 15].

В разделе «Письма с мест» журнал излагал орфографическую ситуацию в разных городах России. В частности, сообщалось, что возбужденный учительским обществом взаимопомощи перед земствами Ярославской губернии вопрос об ускорении реформы русского правописания на днях обсуждался на совещании по народному образованию при ярославском губернском управлении. При этом были высказаны разные мнения:

– вопрос заслуживает надлежащего внимания, поскольку орфографии в начальной школе отдается слишком много времени в ущерб другим предметам, поэтому как учительский персонал, так и земство очень заинтересованы в упрощении правописания, которое может быть проведено лишь распоряжением из центра, о чем следует ходатайствовать земству;

– необходимо понижение орфографических требований в начальной школе;

– вопрос об упрощении правописания достаточно серьезный, и это явствует из того, что он весьма внимательно обсуждался и в управах учебных округов, и на Всероссийском съезде по народному образованию, и на общеземском съезде;

– следует передать вопрос о возбуждении ходатайства перед Академией наук на рассмотрение губернского земского собрания, а вопрос о снижении орфографических требований на экзаменах в начальной школе – на обсуждение уездного училищного совета [Вопрос... 1914: 32].

Из Твери сообщали, что родительский комитет Тверского общественного реального училища послал министру народного просвещения П.Н. Игнатьеву петицию о введении упрощенного русского правописания следующего содержания:

Ваше сиятельство! Изучение русской грамматики, вследствие ее сложности и условности употребления некоторых букв и окончаний, а также многих исключений, представляет почти непреодолимую трудность для многих учеников средних учебных заведений, а даже при достижении в этом полного успеха не оправдывает громадной затраты сил и времени. Семь лет учения в таком заведении, которые для многих являются предельными, значительному числу учащихся не дает еще умения правильно, то есть согласно грамматическим правилам, писать на родном языке, что действует угнетающе как на

них, так равно и на учителей и родителей, которые с грустью видят малограмотность своих детей, столь вредной и в дальнейшей практической жизни взрослого человека... И невольно возникает мысль подойти к разрешению столь трудного дела путем упрощения самого правописания, и притом без всякого ущерба для правильности изображения и произношения слов и мыслей [Петиция... 1915: 36].

Родительский комитет Тверского реального училища, озабоченный скорейшим достижением грамотности учениками и проникнутый желанием сберечь детские силы и способности на изучение других наук в области литературы, языковедения, математики и других знаний теоретического и практического характера, способствующих общему развитию учеников, единогласно постановил «почтительнейше обратиться с ходатайством к Вашему сиятельству и покорнейше просить о принятии решительных мер к скорейшему проведению в жизнь упрощения правил правописания родного языка для уврачевания этого общего недуга учебных заведений» [Там же: 1915].

«Русское правописание» Д.Н. Ушакова (изд. Спиридонова. М., 1911), «Об отношении русского языка к русскому письму» И.А. Бодуэна де Куртене (изд. журнала «Обновление школы». Пг., 1912), «Молох XX в.» К. Житомирского (изд. «Труд». М., 1915) – эти три книги, посвященные самому больному вопросу русской школы – вопросу правописания, рекомендует читателю первый выпуск журнала за 1915 г. (апр.), считая их необходимыми в развитии теоретической компетентности учительства, без которой невозможно ни полноценное обучение правописанию, ни понимание сложного процесса его развития [М. С-ов 1915а: 25–27]. Попутно журнал предлагает краткую информацию из истории правописания: стремление усовершенствовать русское письмо возникло почти с введением гражданской азбуки, созданной Петром Великим путем приспособления славянского алфавита к потребностям русского языка, которое было далеко не полным, и в этом кроется самый главный источник всех дальнейших неурядиц русской орфографии, тяжелым бременем лежащих на школе [Там же].

На выход в свет работы К.Г. Житомирского журнал откликнулся еще одной публикацией: «Молох XX века» (По поводу книги К.Г. Житомирского) [М. С-ов 1915б]. Статья не явилась еще одной рецензией, но была написана действительно лишь по поводу с единственной целью еще раз утвердить мысль о бессмысленном служении орфографическому Молоху. Публикация завершается списком орфографической литературы, отражающей историю орфографического вопроса, историю попыток упрощения, вопрос о грамотности учащихся в связи с орфографическим вопросом, рецензии на книги орфографического содержания авторов, придерживающихся разных взглядов на идею упрощения [М. С-ов 1915б: 14–18].

В статье «Наша орфография» Е.А. Олейник решительно высказывал пожелание создать единый свод правил русской орфографии, который бы устранял

все противоречия «Руководства» Я.К. Грота, считая, что законодательницей в этом вопросе должна стать Академия наук. При этом он еще раз ставил в фокус внимания вопрос об упрощении русского правописания, считая его назревшим и требующим самого скорого разрешения. «Только путем упрощения правописания, — писал он, — мы избавим низшую и среднюю школы от ненужного балласта и сделаем возможным изучение русского языка в его практических целях» [Олейник 1916]. Он считал необходимым разрубить гордиев узел русской орфографии путем исключения лишних букв, которые как свидетельства истории должны храниться «в музее».

В 1915 г. было издано две орфографические работы, которым журнал уделяет свое внимание и дает им свои оценки: книга преподавателя Петроградской гимназии и Смольного института А. Миртова «Русско-немецкое правописание» Я.К. Грота, которая стала в значительной степени сенсационной своими грубыми отзывами об орфографической работе покойного академика Я.К. Грота (см. отзывы в ЖМНП за 1915–1916 гг.), и «Краткая грамматика» А.Д. Соловьева. Неизменный рецензент журнала М.С-ов в целом разделяет позицию А. Миртова [М. С-ов 1916а], однако совсем не одобряет работу А.Д. Соловьева, упрекая его в неправильно поставленном диагнозе школьной болезни — низкая грамотность — и малоэффективных методах и приемах исцеления от этой болезни, претендующих стать «панацеей от всех орфографических зол» [М. С-ов 1916б].

От имени редакции журнала «Родной язык в школе», который стал одним из организующих центров в популяризации самой идеи реформы, ее принципов и основных положений, журнал «Для народного учителя» помещает открытое письмо педагогам и родителям. Несколько позже, уже в самом преддверии реформы, это письмо без каких-либо изменений опубликовано и в журнале «Петроградский учитель» (1917. № 1 — январь):

«Обновление новой школы в соответствии с потребностями жизни и условиями переживаемого времени — единодушное желание всех слоев русского общества. В обновлении школы — залог обновления всей страны, наше будущее. Поэтому со стороны каждого русского гражданина будет высокопатриотическим делом устранение тем или иным путем препятствий, мешающих школе выполнить ее великую культурную задачу. Одним из таких препятствий является наша ОРФОГРАФИЯ, которая тормозит народное просвещение, как крепостное право тормозило развитие России. Усвоение нашей орфографии, крайне сложное, противоречивое и беспощадное, является для детей непосильным делом, а для некоторых, обладающих слуховым типом памяти, прямым несчастьем. Изменение правописания, точно регламентированного ведомством, поглощает почти все время и силы у учащихся в начальных школах и в конечном итоге, вместо любви, поселяет у детей отвращение к своему русскому языку. Таким же тормозом на пути к образованию является орфография в средней школе, которая уделяет ей не один год и достигает ничтожных результатов.

Сколько сотен детей выбросили за свои стены средние школы только потому, что они не смогли усвоить всех тонкостей правописания, ревностно охраняемых представителями школьной администрации

Жертвы «орфографического бедствия» неисчислимы. Они требуют со стороны школы, общества и государства борьбы с правоверными защитниками орфографии, которые напрасно видят в ней главный признак образования и упорно ее насаждают; диктуют необходимость всякого содействия реформе орфографии в смысле ее возможного упрощения. Реформа орфографии назрела, и она должна быть проведена в самом непродолжительном времени. Опыт показал, что одного улучшения способов преподавания недостает.

Надо отбросить опасения, что реформа правописания повредит правильность нашего языка. Наука показала неосновательность такого опасения. Целый ряд ученых давно отметили крупные недочеты и даже непригодность «Руководства русского правописания» акад. Грота, которое сейчас царит в школе. Академия Наук не признала это правописание своим и не пользуется им в своих изданиях, не имеет возражений Академия и против замены действующего правописания другим, более простым и системным. Ученый Комитет МПН также признал, наконец, правописание Грота неудовлетворительным.

Коренная реформа орфографии, как дело сложное и серьезное по своим последствиям, пока есть мечта. ЧАСТИЧНОЕ ЖЕ УПРОЩЕНИЕ ОРФОГРАФИИ ВПОЛНЕ ВОЗМОЖНО В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ. Уже изгнание одной буквы «ЯТЬ» из употребления было бы большим благодеянием для школы, не говоря о других упрощениях правописания, изложенных в известном проекте Орфографической подкомиссии при АН 1912 г. и других проектах. Не предвещая вопроса о том, в какие конкретные формы должна вылиться орфографическая реформа, редакция журнала «Родной язык в школе», обслуживающего интересы преподавателей русского языка, несущих главные тяготы по усвоению детьми правописания, обращаются с горячим призывом к русскому обществу, педагогам и родителям ВСЕМИ МЕРАМИ СОДЕЙСТВОВАТЬ ПРОВЕДЕНИЮ В ЖИЗНЬ РЕФОРМЫ НАШЕЙ ОРФОГРАФИИ В САМОМ БЛИЖАЙШЕМ ВРЕМЕНИ.

Пусть школы всех типов и ведомств, Педагогические общества и кружки, ученые учреждения, рядовые организации, редакторы газет и журналов и все, кому дороги интересы просвещения, интересы молодежи, проникнутся сознанием важности насущного дела и начнут подготовку орфографической реформы в смысле выработки наиболее удобных способов ее осуществления. Пусть собираются совещания, выработываются ходатайства перед АН, МПН, законодательными учреждениями о пересмотре существующей орфографии и необходимости ее упрощения. Предстоящий всероссийский съезд преподавателей русского языка средней школы должен непременно поставить вопрос об орфографической реформе во всей его широте, сделать его одним из главных предметов своих секционных общественных собраний.

Если проведение в жизнь орфографической реформы требует известной подготовительной работы, то СМЯГЧЕНИЕ ТРЕБОВАНИЙ, предъявляемых к грамотности учащихся низшей и средней школы, установление ОПРЕДЕЛЕННОГО МИНИМУМА ТРЕБОВАНИЙ ПО ОРФОГРАФИИ ДОЛЖНО БЫТЬ ПРОВЕДЕНО БЕЗОТЛАГАТЕЛЬНО. Педагоги и родители должны немедленно войти с ходатайствами в МНП о понижении требований по орфографии для учащихся, чтобы облегчить их непосильную работу и сохранить столь долгое время в школе для других более важных сторон обучения» [Открытое письмо... 1916: 40–41].

Орфографическая программа Первого Всероссийского съезда преподавателей русского языка в Москве (27.12.16–4.01.17) нашла подробное изложение в двух выпусках (февральском и мартовском) журнала. Статья Н. И-ина «По новому пути преподавания» предлагала основные положения докладов об упрощении русского правописания Р.Ф. Брандта и П.Н. Сакулина, которые вызвали на съезде «всеобщее внимание и широкое сочувствие» [Н. И-ин 1917]. А уже в статье следующего выпуска «Реформа правописания» журнал информировал читателей о тех событиях, которые стали началом реформы, — обращение министра народного просвещения А.А. Мануйлова к попечителям учебных округов с просьбой сообщить подведомственным им начальникам средних мужских и женских заведений, а также директорам и инспекторам народных училищ о необходимости безотлагательно приступить к реформе русского правописания в начале будущего, 1917–1918 уч. года. Как приложение к этому сообщению даны основные пункты предстоящего орфографического упрощения [Реформа... 1917].

Последним орфографическим материалом журнала стала републикация статьи из газеты «Утро России» А. Семенова-Тянь-Шанского «Легализация безграмотности». Представленная в разделе «Среди книг, газет и журналов», она стала следующей в немногочисленном ряду антиреформаторских публикаций.

А. Семенов-Тянь-Шанский оценивает предложенную Министерством народного просвещения реформу как «покушение на твердость наших культурных навыков и устоев» и видит две цели ее проведения: *первая* сводится к тому, чтобы уравнивать грамотных с неграмотными; *вторая* — упростить обучение молодого поколения русских и обеспечить им в будущем возможность «скороспелости».

В реформе правописания автор статьи видит многие нежелательные последствия:

Во-первых, грубо разрушаются исторические основы нашего литературного уклада, причем исчезает удобопонятность многих слов при их чтении (все — всё и т. п.). Во-вторых, создается неустрашимая двойственность правописания, ибо не можем же мы изъять из обращения всю ту громадную печатную литературу, которая создавалась у нас веками и имела и будет иметь определенное воспитательное значение.

Не можем мы навязать новое правописание великим создателям нашего литературного языка, великим мастерам нашего слова, которые отливали его в определенных грамматических формулах. Я разумею прежде всего нашу поэзию, где многие рифмы художников пушкинской школы немыслимы без общепринятого поныне начертания...

Отказ от буквы Ъ, которая помогает разобраться в корнях, а следовательно, и в смысле слов и отличать их от созвучных (есть — гьсть, уже — ужь и т. д.) тем менее обоснован, что буква та фонетически далеко еще не умерла. Множество наших крестьян будучи безграмотными в письме, замечательно грамотны в своей устной речи. И происходит это оттого, что они (я разумею крестьян-великоруссов) отчеканивают букву Ъ в каждом слове, причем она приближается о звуку при произношении скорее к букве «И», чем к букве «Е».

Единственное, что можно приветствовать в попытке упростить наше правописание, — это упразднение твердого знака в конце слов, где он не имеет никакого логического оправдания. Давно уже осознанное излишество этой буквы, не употребляемой многими в скорописи, не помогло еще нам освободиться от нее в печати. Такова уж консервативная сила привычки — не только глаза, ибо навыки руки в данном случае не имеют никакого значения: типографист-наборщик легко освободит каждого от закоренелой привычки. Решительный отказ от твердого знака ... освободит от печати в среднем 200–300 лишних букв в столбце каждой большой газеты. Что дает возможность помещать лишнюю статью на каждой странице газеты. В толстой книге экономия места получится несравненно более чувствительной, будет содействовать меньшему расходу бумаги... и некоторому удешевлению изданий.

Боюсь, как бы задуманная реформа не возымела печальных последствий, ибо это есть покушение на твердость наших навыков и устоев. В лучшем случае после затеянной реформы произойдет раскол: одни, составляющие культурную часть населения страны, вопреки министерским циркулярам и предписаниям, предпочтут оставаться людьми грамотными, другие — с облегченным сердцем перейдут в новое сословие неграмотных.

Публикуя статью А. Семенова-Тянь-Шанского, в предварительном комментарии к ней редакция журнала находит данную автором характеристику деятельности Министерства народного просвещения по проведению реформы неуместной [Семенов 1917: 33]. Равно как и в более раннем случае — в рецензии на книгу, заключающую антиреформаторские взгляды. По мнению рецензента, автор ее в вопросе упрощения русской орфографии разбирается столько же, сколько... луганский земский начальник, который еще в 1903 г. произнес в назидание священнику и учителям такую речь: «Господа! Как вам известно, в нашем уезде много порядочных, но существует значительное количество паршивых учителей. Они совсем не хотят признавать букву Ъ... Это есть своего рода бунт. Надо верить ходу истории!» [Там же: 33–34].

Следующий номер журнала (1917. № 10 – вторая майская книжка) стал последним. Новая орфография не нашла в нем отражения.

ОРФОГРАФИЧЕСКИЕ ПУБЛИКАЦИИ ЖУРНАЛА (в хронологической последовательности)

1. М.С-ов. Об «укрощении строптивой» // ДНУ. – 1907. – № 9. – С. 9–15.
2. ОБУХОВ А. Чем заниматься в четырехлетней начальной школе // ДНУ. – 1908. – № 15. – С. 1–5.
3. СЕМЕНОВ М. [Рец.] В. Новицкий «Малограмотность учащихся» (причины, предупреждение и исправление). – Александрия, 1908. // ДНУ. – 1908. – № 2. – С. 25–27.
4. С.П. Русский язык в городках, по Положению 1872 года, училищах. Статья 2 // ДНУ. – 1909. – № 5. – С. 9–13.
5. БЕЛОРУСЕЦ С. О сокращении грамматических правил // ДНУ. – 1909. – № 5. – С. 20–22.
6. ХМИРОВ И. Как должно учить грамотному письму // ДНУ. – 1909. – № 6. – С. 10–13.
7. ПЕРЕШИВКИНА М. [Рец.] Маштаков П.А. Грамматика русского языка для самообразования. С приложением корнеслова // ДНУ. – 1909. – № 11. – С. 26–28.
8. УЧИТЕЛЬ Уральский. Камни преткновения: Из учительских писем // ДНУ. – 1913. – № 1. – С. 45.
9. СИМОНОВ Д. Долго ли еще будет? // ДНУ. – 1914. – № 1. – С. 41–42.
10. РЕЗОЛЮЦИИ пятой секции Первого Всероссийского съезда по народному образованию о методах преподавания в начальной школе // ДНУ. – 1914. – № 3. – С. 13–16.
11. ЗАБРОШЕННЫЙ учитель. Голос учителя // ДНУ. – 1914. – № 3. – С. 42–43.
12. ПОСТАНОВЛЕНИЯ Орфографической подкомиссии // ДНУ. – 1914. – № 4. – С. 32–33.
13. СЪЕЗД деятелей по народному образованию в московском уездном земстве // ДНУ. – 1914. – № 9. – С. 14–19.
14. АНИКИНА А. К вопросу об организации вспомогательного обучения // ДНУ. – 1914. – № 10. – С. 8–13.
15. ВОПРОС о реформе русского правописания в земском совещании. Письма с мест // ДНУ. – 1914. – № 15–16. – С. 32–33.
16. М. С-ОВ. [Рец.] Д.Н. Ушаков. Русское правописание. – М., 1911; И.А. Бодуэн де Куртенэ. Об отношении русского языка к русскому письму. – СПб., 1912; К.Г. Житомирский. Молох XX в. – М., 1915 // ДНУ. – 1915а. – № 7. – С. 25–27.
17. ПЕТИЦИЯ об упрощении правописания // ДНУ. – 1915. – № 7. – С. 35–36.
18. М. С-ОВ. [Рец.] Житомирский К.Г. Молох XX в. – М., 1915 // ДНУ. – 1915б. – № 9. – С. 14–18.
19. ОЛЕЙНИК Е.А. Наша орфография // ДНУ. – 1916. – № 2. – С. 15–20.
20. М. С-ОВ. [Рец.] Миртов А.В. Русско-немецкое правописание Я.К. Грота. Изд. Н. Карabasникова. – Пг., 1915 // ДНУ. – 1916а. – № 4. – С. 29–30.
21. ОТКРЫТОЕ письмо педагогам и родителям от редакции журнала «Родной язык в школе» // ДНУ. – 1916. – № 18. – С. 40–41.
22. М. С-ов. [Рец.] Соловьев А.Д. Краткая грамматика и упражнения к ней в рассказах для детей. Руководство для начальных училищ и подготовительных классов средних учебных заведений в двух выпусках. – М., 1915 // ДНУ. – 1916б. – № 18. – С. 22–24.

23. Н. И-ИН. По новому пути. Первый Всероссийский съезд преподавателей русского языка в школе в Москве // ДНУ. – 1917. – № 5. – С. 7–19.
24. РЕФОРМА правописания // ДНУ. – 1917. – № 7. – С. 35.
25. СЕМЕНОВ-Тянь-Шанский А. Легализация безграмотности // ДНУ. – 1917. – № 9. – С. 33–34.

«Родной язык в школе»

Научно-педагогический журнал для учителей начальной и средней школы «Родной язык в школе» издавался в Ярославле с августа 1914–1915 учебного года под редакцией А.М. Лебедева 6 раз в год.

«Радостный вздох облегчения вырывается из груди, глаза загораются робкой надеждой всякий раз, когда учитель начальной и средней школы слышит, что где-то и кто-то работает над упрощением русского правописания. Тот, кому приходилось обучать детей русской орфографии, тратить много труда и энергии и достигать ничтожных результатов, поймет эту радость русского педагога.

Сколько лет уже он ждет проведения в жизнь орфографической реформы и не может дожидаться» – так начиналась одна из статей первого выпуска этого журнала [Упрощение... 1914–15: 19].

Редакция журнала, предложив читателю краткую историю попыток к упрощению русской орфографии с многочисленными доводами как сторонников (В.И. Чернышев, П.Н. Сакулин), так и противников (А.И. Томсон) реформирования, совершенно определенно заявляет о своей позиции в орфографическом вопросе: в интересах русской культуры и просвещения необходима реформа русской орфографии.

Год спустя, в одном из выпусков 1915–16 гг., журнал публикует статью известного в то время педагога-словесника, преподавателя 1-й Петроградской гимназии А. Миртова, автора известных брошюр по вопросам русского правописания. Статья посвящена русскому правописанию, которое, в авторском понимании, узаконено академиком Гротом. Называя правописание, изложенное в орфографическом труде Грота «русско-немецким», он считает его книгу вредной и совершенно недопустимой в школьном преподавании и предлагает изъять из школьного употребления как источник искажения русской речи. Ничем не оправданные сложности этого правописания, их изучение в школе закрывают сам язык, который, по его глубокому убеждению, является одним из самых главных средств национально-патриотического воспитания [Миртов 1915–16].

Еще через год (1916–17) в статье В. Попова «Проект упрощения русского правописания» (в основу ее положен доклад, прочитанный 13 марта 1916 г. в заседании родительского комитета при Псковской женской гимназии) снова указывается на непомерные трудности усвоения родного правописания. Как результат этого – несколько негрубых ошибок «закрывают возможности даже вполне достойному по своему общему духовному развитию учащемуся про-

должать свои дальнейшие испытания по остальным предметам учебного курса»; «одна или две орфографические ошибки на конкурсном экзамене при поступлении в высшие учебные заведения определяют непригодность экзаменуемого к изучению технических наук» [Попов 1916–17: 74].

Автор статьи не находит веских соображений для оправдания требований безукоризненной грамотности по Гроту, поскольку «отсутствие самой системы правописания» не влияет на «укрепление стройного логизма мысли учащихся», а напротив, создает «неизбежность чисто механических навыков письма» [Там же: 75].

Решительно отвергнув возражения «охранителей современного правописания», выразив некоторые несогласия с авторами проекта 1912 г., докладчик предлагает основанный на принципе фонетизма свой проект упрощения. В заключение он выражает приветствие вновь пробуждающемуся в русском обществе интересу к упрощению русского правописания и вместе с тем уверенность, что «раздающиеся теперь пока еще робкие голоса, может быть, даже тщетно призывающие к единению, по окончании войны будут подхвачены мощным хором пробудившегося сознания общественного мнения, и русское правописание избавится, наконец, от бессельного гнета педантичных требований школы «писать по Гроту» [Там же: 79].

Поскольку журнал в то время не был столичным, то письмо от имени редакции ко всем, кому дороги интересы просвещения и интересы молодежи, проникнуться сознанием важности упрощения и начать подготовку к ней «в смысле выработки наиболее удобных способов ее осуществления» были опубликованы в журнале «Петроградский учитель» и «Для народного учителя».

Журнал в числе первых откликнулся на все события, связанные с началом реформы. Выпуск журнала за август 1917 г. можно считать в истории русской орфографии выдающимся. Во-первых, потому что он в числе первых был набран в новой орфографии и, во-вторых, потому что активно выступил проводником самой идеи реформы и возможных путей ее осуществления.

Познакомив читателя с разными отзывами о предстоящих орфографических событиях в статье «О реформе правописания», журнал дает отрицательную оценку мнениям противников и отвергает возгласы о несвоевременности реформы, так как считает, что орфографическое упрощение имеет по отношению к народной школе положительное значение: оно освобождает школу от грозного Молоха и отвечает на одну из насущнейших потребностей страны – народу нужны не только земля и воля, но и просвещение. При этом журнал горячо одобрял решительный шаг нового министерства при Временном правительстве в проведении реформы, которой «с нетерпением давно ждала русская школа и особенно семья педагогов-словесников» [О реформе... 1917–18: 18].

В этой же статье дана информация, что на одном из собраний преподавателей-словесников и представителей видных издательских фирм при Московском обществе распространения технических знаний в середине июля обсуждались

возможные пути практического осуществления реформы. Присутствующие единодушно заявили о необходимости немедленного введения реформированной орфографии в практику новой школы с начала учебного 1917 г. В заключение сообщалось, что проф. П.Н. Сакулин познакомил присутствующих с проектом «Лиги правописания», которую он намеревался создать в Москве, чтобы популяризировать реформу в самых широких слоях общества и привлечь печать постепенно переходить к новой орфографии [Там же: 20].

Следующий выпуск журнала 1917 г. (№ 2–3 за сентябрь–октябрь), продолжив орфографическое начинание (издание в упрощенной орфографии), посвящает вопросам правописания и реформы большую часть всего объема – более 20 страниц.

Прежде всего – редакционный материал «К вопросу о реформе русского правописания», где редакция доводит до сведения всех читателей содержание двух циркуляров, заявляя еще раз о своем одобрении уже теперь широко начавшейся реформы. Здесь же представлено научное обоснование предпринятого упрощения орфографии, дабы еще раз убедить представителей педагогического мира в ее несомненной целесообразности. Почему исключены буквы *ѣ*, *ѐ*, *і* и *ѝ* на конце слова, почему заменены некоторые окончания и изменено написание приставок на *-з*, слитные и раздельные написания и правила переноса слов – все это объясняет журнал, убеждая читателей, что орфографическое упрощение исходит от языка и, удаляя ложные написания, тем самым отчасти ограждает его от «возможной порчи в будущем» [К вопросу... 1917–18].

В статье «Упрощение русского правописания» Пав. Первов, в целом одобряя идею реформы, вместе с тем выступает с критическими замечаниями о проекте ее. Он без сомнения считает, что упрощенное правописание даст значительную экономию механического и умственного труда при письме и чтении (произойдет замена некоторых сложных навыков более простыми и легче усваиваемыми), при печатании и обучении языку и грамматике [Первов 1917–18].

В рубрике «Новое правописание и никола» журнал сообщал о многих противодействиях реформе, которые имели место несмотря на то, что реформа встретила сочувственную поддержку со стороны большинства педагогов. Отдавая дань уважения всем возражениям, *разумным*, основанным на научных аргументах, и чисто *эмоциональным*, отражающим консерватизм и инерцию сознания, напоминая, что реформа не есть «дело вчерашнего дня», редакция информирует всех о том, что 4 октября 1917 г. Министерством народного просвещения был разослан циркуляр попечителям учебных округов с просьбой «подтвердить учебному начальству низших и средних учебных заведений к неуклонному руководству циркуляром министерства от 22 июня за № 6717 о порядке введения нового русского правописания» [Новое... 1917–18: 99]. Здесь же сообщалось решение Государственного комитета по народному образованию: *для успешного внедрения в жизнь нового правописания необходим «широкий пример его практического осуществления со стороны государствен-*

ных и правительственных учреждений» [Новое... 1917–18: 99]. Выражая свое одобрение реформе, редакция обращалась к читателям с просьбой сообщать о всех затруднениях, которые встречаются на практике, сообщать о своих первых опытах, а самые первые уже имеющиеся отклики на орфографическую реформу с мест опубликованы здесь. В некоторых из них сообщалось, что, несмотря на «сомнения и колебания по поводу практического осуществления реформы», несмотря на все затруднения переходного времени, неизбежные при всякой реформе, несмотря на неблагоприятные условия (консерватизм и инерция сознания, отсутствие достаточного количества учебной литературы), «школа должна принять новую орфографию под свое покровительство», имея для этого достаточно много оснований и побуждений как в самой сущности реформы... так и в той несомненной пользе, которая должна принести в недалгом будущем реформированная орфография для культурного развития страны. И. Плотников из Курска сообщал, что «всякие опасения и страхи в связи с «ломкой» орфографии оказались преувеличенными» [Плотников 1917–18: 100]. М. Тарасов информировал, что учащиеся воспринимают и усваивают новое правописание легче, количество ошибок, как и следовало ожидать, сократилось [Тарасов 1917–18: 103], а С. Горовой, сообщив об орфографической ситуации в школе (нельзя сказать, что на нее накинута без всякого рассуждения как на новинку, сулящую им всяческие облегчения), заключал совершенно уверенно: «результаты обещают быть несомненно значительными и плодотворными» [Горовой 1917–18: 105].

Авторы не сомневались, что новое правописание незаметным образом вытеснит из школы старое и постепенно завоюет себе права гражданства в жизни общества и государства [Архангельский 1917–18].

В этом же выпуске журнала помещены ценные, извлеченные из опыта материалы о технических приемах в обучении упрощенному письму в младших и старших классах, которые незаменимы при отсутствии учебников по новой орфографии, опубликованы отзывы о первых учебниках по новому правописанию, указатели книг и статей по вопросу о реформе, серия орфографических карточек, список планируемой по новой орфографии учебной литературы. В частности – отзыв о единственной книге, к тому времени изданной уже в реформированной орфографии и предназначенной для ученика младших классов в «целях приучения его руки и глаза к новому правописанию» (Купалов А.Ю. Новое письмо. Правила, примеры, статьи для чтения и списывания. Полтава, 1917. – 32 с.) [Отзывы... 1917–18: 114]. И рекомендация работникам школ, (поскольку реформа правописания застала школу врасплох) поставить популяризацию реформы «серьезнее и шире» и этим закрепить завоеванную уже позицию [Там же: 115]. А дальше представлен указатель книг и статей по вопросу о реформе правописания, изложенный дифференцированно: сторонники и противники реформы [Указатели... 1917–18], а также новые пособия для преподавателя и учебная литература, изданные уж в новой орфографии.

Здесь же приводятся статистические данные по двум гимназиям (мужской и женской), свидетельствующие о хороших результатах по усвоению нового правописания:

Мужская гимназия

Класс	По-новому	По-старому
Пригот.	все	—
I	все	—
II	все	—
III	10	40
IV	22	11
V	12	8
VI	29	20
VII	6	30
VIII	26	4

Женская гимназия

Класс	По-новому	По-старому
Пригот.	все	—
I	все	—
II	все	—
III	все	—
IV	все	—
V	—	все
VI	—	все
VII	8	24
VIII	4	12

По данным другой таблицы, сила инерции задерживает переход самих преподавателей на новое правописание: в женской гимназии из 19 по новому правописанию пишут 4; в мужской гимназии из 25 всего 3 [Технические... 1917–1918].

Выпуск журнала за ноябрь–декабрь вышел уже после Октября 1917 г., но в нем нет сведений об участии нового правительства в орфографических событиях года. Более того, журнал в изложении орфографических материалов по-прежнему ориентирует читателя на известные «Постановления» и циркуляры Министерства народного просвещения при Временном правительстве. Так, в частности, сообщается, что при Кубанском учительском союзе создана комиссия по русскому языку. Среди прочих задач эта комиссия ставила перед собой задачу 1) разгрузить программный материал по грамматике в связи с реформой орфографии, 2) издать таблицы новой орфографии большого и малого форматов и 3) «обратиться к газетам местным и по областям с воззванием перейти на новую орфографию» [Комиссия... 1917–18]. Кроме того, комиссия обсуждала и решала другие текущие вопросы, связанные с воплощением в практику реформированного правописания: издать таблицы новой орфографии в двух видах (большого формата для классных работ и ручную, размером в лист почтовой бумаги) [Там же].

Противоположные, за и против, взгляды на реформу предлагает большая статья «Отклики печати на орфографическую реформу». Предоставив слово тем, кто считает орфографическое упрощение грубым вмешательством в исторические основы нашего литературного уклада, призывая «стоять на страже

исторической орфографии». проявить «высокое уважение к культуре, добытой трудами многих поколений», журнал все-таки принимает сторону реформаторов. А они не сомневались, что новая орфография дает, безусловно, значительную экономию механического и умственного труда при письме, чтении, печати и обучении языку и грамматике, представляет собой «диктуемый жизнью компромисс между теоретически желаемым и фактически осуществимым» [Отклики... 1917–18].

А дальше – снова отзывы уже о многочисленных книгах, напечатанных в новой орфографии. Они несли всем читателям необходимые материалы о реформе: историю вопроса и рассуждения о научной, педагогической и общекультурной целесообразности упрощения.

Список пособий для преподавателя и учебная литература по новой орфографии, продолжающий опубликованный в предыдущем номере, – все это направлено на то, чтобы сформировать правильное понимание сущности реформы, ее значение для школы и русской культуры [Отзывы... 1917–18].

Статья Е.С. Истриной «Русское правописание и школьная грамматика» также является откликом на орфографические перемены, и направлена она на то, чтобы сформировать правильное понимание сущности реформы, ее значения для школы и русской культуры. Автор статьи отмечает, что хотя среди педагогов находятся лица, относящиеся несочувственно и скептически к реформе, большинство же, несомненно, сочувствует ей и с радостью указывает на связанные с ней облегчения школьной работы, на значительную экономию времени и сил учащихся которые могут быть использованы для усвоения более полезных знаний, чем знания трудных орфографических правил, в частности, – для развития устной и письменной речи [Истрина 1917–18: 181].

Большая важность реформы, считает автор, заключается в том, что она наглядно и настойчиво выдвигает вопрос о несоответствии между речью и письмом, и в связи с этим ставит в фокус внимания идею различия этих понятий, идею жизненности языка, которые должны неизбежно проникнуть в школу. Ценность такой работы, по мнению автора, трудно переоценить: она будет возникать в самом процессе школьного преподавания реформированного правописания, а не привноситься извне, поскольку реформа вполне наглядно и реально указывает на общее несоответствие того и другого.

Хоть живая речь и должна служить исходным пунктом в изучении языка вообще и грамматики в частности, все же не следует никогда забывать, что явления этой речи в значительной степени не соответствуют фактам русского правописания. В правописании русском она выделяет три типа написаний в соответствии с разными принципами:

- 1) звуковой (или фонетический), когда правописание более или менее точно передает живое произношение, – *рыба, вол* и др.
- 2) словопроизводственный (морфологический), когда на письме определенными однообразными начертаниями обозначаются основные формальные

части слов независимо от произношения их в других родственных словах, – *вода, ложка*, потому что *воду, ложек*.

3) исторические написания по традиции (исторические – древнерусские и церковнославянские), «отражающие явления этих языков, а не современной литературной речи» [Там же: 181–182].

В связи с этим автор настаивает на необходимости сопоставления фактов грамматики языка и правописания, которые будут полезны «и для теоретического изучения языка, и для усвоения системы правописания» [Там же: 182].

Ссылаясь на решения I Всероссийского съезда преподавателей русского языка (27 декабря 1916 – 4 января 1917 г.), где была принята резолюция о желательности упрощения системы русского правописания и на известные «Постановления» АН, автор настойчиво подчеркивает научно-педагогическую важность реформы, которая «вполне наглядно и реально указывает на общее несоответствие звука букве и живого произношения письму»:

– «чтобы почувствовать под собой твердую почву, с одной стороны, и чтобы не насиловать умственные способности учеников, с другой, преподаватель даже младших классов должен ясно различать в каждом данном случае, обучает ли он языку или правописанию» [Там же: 181];

– «в связи с реформой идея различия языка от письма, идея жизненности языка неизбежно должна проникнуть в школу и тем сильнее, что она несомненно будет возникать в самом процессе школьной работы, связанной с реформой, и не привноситься в школу извне» [Там же: 182];

– «реформа правописания вполне наглядно и реально указывает на общее несоответствие звука букве и живого произношения письму» [Там же: 182].

Еще раз подчеркнув, что реформа наглядно и настойчиво выдвинула вопрос о несоответствии между речью и письмом, Е. Истрина видит в ней только намечившийся путь для решения орфографического вопроса, но не его исчерпывающее решение. В статье рассматриваются те факты реформы, которые вызовут изменения в преподавании русского языка, и выражается надежда, что вместе с старой системой правописания из школы уйдут «те пережитки, те ложные положения, которые вообще покоятся на буквах – и исключенных, и оставленных» [Там же: 186].

Выпуск журнала со статьей Е. Истриной стал последним изданием того революционного времени. Впоследствии, с некоторым перерывом, был издан научно-педагогический сборник в 2-х книгах с тем же названием. Он включал в себя материалы за 3 года (1919–1922), но в нем уже не обсуждались проблемы орфографической реформы.

ОРФОГРАФИЧЕСКИЕ ПУБЛИКАЦИИ ЖУРНАЛА (в хронологической последовательности)

1. УПРОЩЕНИЕ русского правописания и возражения против него // Родн. яз. в шк. – 1914–15. – № 1. – С. 19–24.

2. МИРТОВ А.В. О русско-немецком правописании Я.К. Грота (ответ К. Гроту) // Родн. яз. в шк. 1915–16. – № 6. – С. 262.
3. ПОПОВ В. Проект упрощения русского правописания // Родн. яз. в шк. – 1916–17. – № 2–3. – С. 74–80.
4. О РЕФОРМЕ правописания // Родн. яз. в шк. 1917–18. – № 1. – С. 18–21.
5. К ВОПРОСУ о реформе правописания // Родн. яз. в шк. – 1917–18. – № 2–3. – С. 80–87.
6. ПЕРВОВ Пав. Упрощение русского правописания // Родн. яз. в шк. – 1917–18. – № 2–3. – С. 87–92.
7. НОВОЕ правописание и школа // Родн. яз. в шк. – 1917–18. – № 2–3. – С. 97–99.
8. ПЛОТНИКОВ И. Отклик на орфографическую реформу // Родн. яз. в шк. – 1917–18. – № 2–3. – С. 99–100.
9. ТАРАСОВ М. Отклик на орфографическую реформу // Родн. яз. в шк. – 1917–18. – № 2–3. – С. 102–103.
10. ГОРОВОЙ С. Из практики преподавания родного языка // Родн. яз. в шк. – М., 1917–18. – № 2–3. – С. 104–105.
11. АРХАНГЕЛЬСКИЙ Н. Отклик на орфографическую реформу // Родн. яз. в шк. – М., 1917–18. – № 2–3. – С. 101–102.
12. ТЕХНИЧЕСКИЕ приемы при проведении реформы правописания при отсутствии учебников, напечатанных по новой орфографии // Родн. яз. в шк. – М., 1917–18. – № 2–3. – С. 114–115.
13. ОТЗЫВЫ о книгах // Родн. яз. в шк. – М., 1917–18. – № 2–3. – С. 114–115.
14. УКАЗАТЕЛЬ книг и статей по вопросу о реформе правописания // Родн. яз. в шк. – 1917–18. – № 2–3. – С. 118–119.
15. КОМИССИЯ по русскому языку при Кубанском учительском союзе // Родн. яз. в шк. – М., 1917–18. – № 4–5. – С. 162–163.
16. ОТКЛИКИ печати на орфографическую реформу // Родн. яз. в шк. – 1917–18. – № 4–5. – С. 143–150.
17. ОТЗЫВЫ о книгах. Пособия для преподавателя и учебная литература, напечатанные по новой орфографии // Родн. яз. в шк. – 1917–18. – № 4–5. – С. 168–169.
18. ИСТРИНА Е.С. Реформа русского правописания и школьная грамматика // Родн. яз. в шк. – 1917–18. – № 6–10. – С. 181–187.

Изложенные материалы свидетельствуют, что полемика вокруг орфографического усовершенствования была в центре внимания ученых и педагогов в течение длительного периода. Все принятые во внимание журналы публиковали разные орфографические материалы, отражая естественное состояние вопроса в его противостоянии сторонников и противников реформирования русского правописания. Но следует отметить, что наиболее консервативную позицию занимала редакция «Журнала Министерства народного просвещения», а наибольшую заинтересованность в орфографическом упрощении проявляли педагогические журналы «Для народного учителя» и «Родной язык в школе». И это является бесспорным свидетельством того, что удалившаяся от живого языка русская орфография была реальным препятствием на пути к грамотной России.

V. Русская орфография в послереформенный период

Реформа русской орфографии 1917 г. в значительной степени облегчила участь школы и печати, способствовала устранению неоправданного орфографического разнообразия, однако многие случаи орфографической «двойственности» XIX столетия остались и даже умножились на раннем этапе советского периода, отражая значительные изменения в словарном составе русского языка новой эпохи. *Интра-* и *экстравариантность* обнаруживает себя в написании *о-ё* после шипящих и *ц* (*чёрный-чорный*); слов с удвоенными согласными (*ветренный-ветренный*); в употреблении иноязычных слов и прописных букв; в слитных, дефисных и раздельных написаниях отдельных категорий слов; в написании гиперфоном: *мачеха-мачиха, калач-колач* и др.

Послереформенные орфографические дискуссии

«Нужна ли дальнейшая реформа орфографии?»

Говоря о послереформенном пути русской орфографии, необходимо отметить, что сразу же после обнародования законодательных актов в среде носителей возникли разные по отношению к реформе настроения:

антиреформаторы, выступавшие за продолжение уходящей вглубь веков орфографической традиции. Одни из них отмечали графическую нецелесообразность, несогласованность с законами зрения новой системы письма. Отсюда их утверждение (реформа произведена неправильно, она не послужит распространению грамотности) и требование «принять меры к восстановлению прежней системы правописания»³⁶³. Другие же считали невозможным издание классиков в искаженном облике нового правописания. Антиреформаторские настроения после декретов советского правительства имели возможность реализации в основном в «рукотворных» текстах.

умеренные реформаторы двух типов:

1) считавшие, что предложенная реформа – это не только законодательные акты, но процесс, который требует времени³⁶⁴. Именно это соответствовало замыслам инициаторов реформы, авторов проекта упрощения – реформа проводится не для усвоивших старую орфографию, а для будущих поколений. Именно поэтому сам акад. А.А. Шахматов сохранил свои прежние орфографические навыки до последних дней своей жизни – 1920 г.³⁶⁵

³⁶³ Резолюция секции графических искусств по поводу нового правописания, вынесенная общим собранием 14 января 1918 г. Пг., 1918. 7 с.; *Николаев Б.Н.* В защиту русской письменной речи по поводу упрощения русского правописания. Пг., 1918.

³⁶⁴ *Суворовский А.* Распад орфографии // На путях к новой школе. 1927. № 11. С. 8–16.

³⁶⁵ *Карцевский С.И.* Новая орфография // Рус. школа за рубежом. Прага, 1923. Кн. 1. С. 7.

2) утверждавшие идею поэтапной реформы: «без шума, без крутой ломки, незаметно»; «она проникнет в жизнь и принесет пользу, ибо сделает наше письмо еще более ясным и понятным для читателя»³⁶⁶.

реформаторы-радикалы, утверждавшие, что орфографическое упрощение не в достаточной степени освободило русское письмо от графико-орфографического балласта. Поэтому, считали они, «сражение» за реформу русского правописания еще не закончено. В.П. Вахтеров, например, предлагал проект нового графического упрощения: исключить буквы *Я, Е, Ё, Ю* с заменой их буквосочетаниями *ЙА, ЙЕ, ЙЁ, ЙУ* (после разделительных *Ъ* и *Ь*, в начале слова и после гласной) или буквосочетаниями *БА, БЭ, БО, БУ* (как вариант – апостроф вместо *Ь*) – после согласных. Что же касается самого правописания, то в основе его, считал В.П. Вахтеров, должен быть тот принцип упрощения, который следует «поставить выше исторического – принцип письма по аналогии с родственными словами»: слова могут быть родственны не только по корням, но и по суффиксам, и по приставкам, и по окончаниям³⁶⁷.

Ответом на антиреформаторские настроения тех, кто считал издание в новой орфографии текстов классической литературы надругательством над русским языком, стала статья Н.С. Державина «О языке и орфографии Пушкина». Автор развеивал подобные опасения сообщением о том, что Пушкина в его подлинной орфографии никто не читал, кроме текстологов, а Пушкин настолько «исковеркан» гротовской орфографией, что в этом обличье сам «не захотел бы себя видеть»³⁶⁸.

С ответом реформаторам-радикалам выступил Д.Н. Ушаков, один из авторитетных в орфографическом вопросе ученых того времени. Графическо-орфографические нововведения В.П. Вахтерова он назвал «сомнительным благом», а завершением реформы, считал он, должно стать создание орфографического справочника³⁶⁹.

Дальнейшее развитие орфографического движения показывает, что спор орфографических *консерваторов*, выступающих за стабильность, и *реформаторов*, выражающих мысль об очевидной недостаточности реформы 1917 г., имеет длительное продолжение. В орфографических публикациях 20-х годов ранее доминирующая тема «необходимости упрощения на основе одного из принципов» в связи с орфографическим разнообразием и безграмотностью продолжала развиваться. Причем вопрос о низком уровне грамотности после ре-

³⁶⁶ *Мироносицкий П.П.* В защиту родной письменности (По поводу мероприятий к упрощению русского правописания) // Народное образование. 1917 (май-июнь). Т. 1. Кн. 5–6. С. 308–321.

³⁶⁷ *Вахтеров В.П.* Реформа правописания не закончена // Вестник воспитания. 1923. № 7–8. С. 17–18.

³⁶⁸ *Державин Н.С.* О языке и орфографии Пушкина // Книга и революция. 1920. № 6. С. 15.

³⁶⁹ *Ушаков Д.Н.* Чем не закончена реформа правописания? (По поводу статьи В.П. Вахтерова) // Вестник просвещения. 1923. № 8. С. 18–25.

формы приобрел необычайную остроту, чему в значительной степени способствовало изменение лексического состава русского языка. Своими названиями статьи послереформенного периода свидетельствуют об этом: «К вопросу об орфографической безграмотности»³⁷⁰; «Обучение грамоте в системе современной школьной работы»³⁷¹; «Причины школьной безграмотности и меры борьбы с нею»³⁷²; «К вопросу о мерах борьбы с малограмотностью учащихся»³⁷³; «О состоянии орфографической грамотности в школе II ступени»³⁷⁴; «Распад орфографии»³⁷⁵ и др.

Акад. Л. Щерба в статье «Безграмотность и ее причины» показал, что снижение грамотности – это неизбежное следствие всякой орфографической реформы, поскольку самим фактом реформы разрушается авторитет орфографии как таковой³⁷⁶.

Две причины: отсутствие орфографического однообразия и полноценной грамотности – снова становятся причиной целенаправленных выступлений за упрощение орфографии и, в связи с этим, за осознание ее как системно организованного устройства.

Вопрос орфографического упрощения оставался одним из важных в среде словесников. Газета «Советский юг», еженедельная газета Северокавказского краевого комитета Всесоюзного комитета партии большевиков в Ростове на Дону, сообщала о решениях Первого краевого съезда словесников от 24 апреля 1927 г.: предложить Академии наук «срочно поставить вопрос о латинизации русского алфавита и дальнейшей реформе»³⁷⁷.

Ответом на все настоятельные требования дальнейшей реформы стали две статьи Д.Н. Ушакова – «По поводу статьи т. Теверовской» и «Нужна ли дальнейшая реформа орфографии?», где утверждалось, что не нужна новая рефор-

³⁷⁰ *Малиховский В.А.* К вопросу об орфографической безграмотности // Родн. яз. в шк. 1925. Сб. 8. С. 98–105.

³⁷¹ *Богдьяленский Л.* Обучение грамоте в системе современной школьной работы // Родн. яз. в шк. 1926. Кн. 11–12. С. 153–169.

³⁷² *Золотарев С.* Причины школьной безграмотности и меры борьбы с нею // Родн. яз. в шк. 1926. Кн. 11–12. С. 169–187.

³⁷³ *Поздняков Н.* К вопросу о мерах борьбы с малограмотностью учащихся // Родн. яз. в шк. 1926. Кн. 11–12. С. 187–195.

³⁷⁴ *Сахаров В.И.* О состоянии орфографической грамотности в школе II ступени // Родн. яз. и лит. в трудовой шк. 1928. № 2. С. 107–124 (Докл. на конф. словесников); С. 143–146 (Закл. слово).

³⁷⁵ *Суворовский А.* Распад орфографии // На путях к новой школе. 1927. № 11. С. 8–16.

³⁷⁶ *Щерба Л.В.* Основные принципы орфографии и их социальное значение // Первый Всесоюзный тюрколог. съезд. 26 февр.–5 марта 1926 г. (Стенографический отчет). Баку, 1926. С. 157–161. (Доклад); С. 175–177 (Закл. слово); Текст доклада см. также: *Щерба Л.В.* Избр. работы по русскому языку. М., 1957. С. 45–49.

³⁷⁷ Дальнейшее упрощение орфографии. На I-м краевом съезде словесников // Сов. юг. 1927 (27 апр.). № 94 (1927); см. также: *Рязанцевский.* Дальнейшее упрощение русской азбуки // Родн. яз. в шк. 1925. Сб. 8. С. 96–98; *Теверовская Р.* Упрощение орфографии // Родн. яз. в шк. 1926. Сб. 10. С. 53–61 и др.

ма, но лишь усовершенствование некоторых существующих правил орфографии³⁷⁸.

В послереформенный период продолжают разрабатываться многие давние проблемы русского письма:

- взаимоотношения орфографии с грамматикой³⁷⁹;
- изучение орфографии на научных основах³⁸⁰.

Статья Н.Ф. Яковлева «Математическая формула построения алфавита» служила практическому приложению лингвистической теории к практике создания алфавитов бесписьменным народам России. В ориентации на работу И.А. Бодуэна де Куртене 1912 г. «Об отношении русского письма к русскому языку» (Избранные труды по общему языкознанию. Т. 2. М., 1963. С. 209–235) и Р.О. Якобсона «Remarques sur l'évolution phonologique du russe» (Prague, 1929. С. 10, 102)³⁸¹ автор утверждал принцип соответствия «буква–фонема» для создания алфавита, то есть фонематический принцип графики³⁸².

Путь к орфографической кодификации

«... покончить с ненужным и вредным разноречием»

В числе многих лингвистических проблем послеоктябрьского периода значительное место занимает сложный комплекс проблем русского правописания, в числе которых в первую очередь следует назвать проблему орфографического упрощения и орфографической кодификации, которые приобрели особенную остроту в связи с введением указа о ликвидации неграмотности.

³⁷⁸ Ушаков Д.Н. По поволу статьи г. Тверовской // Родн. яз. в шк. 1926. Сб. 10. С. 61–64; Ушаков Д.Н. Нужна ли дальнейшая реформа орфографии? // Учит. газ. 1927 (23 апр.).

³⁷⁹ Истрина Е.С. Реформа русского правописания и школьная грамматика // Родн. яз. в школе. 1918 (янв.–май). № 6. С. 181–187; Лешковский А.М. Правописание и грамматика в их взаимоотношениях в школе // Родн. яз. в шк. 1924. Кн. 6. С. 78–87; Фалев И. О грамматике и орфографии на рабфаках // Родн. яз. в шк. 1925. Сб. 8. С. 92–96; Ушаков Д.Н. Грамматика и орфография в новой программе // Родн. яз. и лит. в труд. шк. 1928. № 2. С. 107–124.

³⁸⁰ Щерба Л.В. Избр. работы по русскому языку. М., 1957. С. 45–49; Петерсон М.Н. К вопросу о рациональной методике обучения орфографии // Родн. яз. в шк. 1927. № 5. С. 175–180; Петерсон М.Н. К вопросу о рационализации методики обучения орфографии // Вопр. преподавания русского языка в школах взрослых / Тр. Всерос. конф. преподавателей-словесников школ политехпросвета 1928 г. / Под ред. И.В. Устинова. Вып. 1. [М.], 1928. С. 45–49; Афанасьев П.О. Научные основы методики правописания // Вопр. преподавания рус. языка в школах взрослых: Труды Всероссийской конференции преподавателей-словесников школ политехпросвета. 1928 г. / Под ред. И.В. Устинова. Вып. 1. [М.], 1928. С. 38–44; Петерсон М.Н. К вопросу о рационализации методики обучения орфографии // Там же. С. 45–49.

³⁸¹ См.: Реформатский А. Из истории отечественной фонологии. М., 1970. С. 23.

³⁸² Яковлев Н.Ф. Математическая формула построения алфавита (опыт практического приложения лингвистической теории) // Культура и письменность Востока / Всесоюз. центр. комитет нового тюркского алфавита. Кн. 1. М., 1928. С. 41–64. См. также: Реформатский А.А. Из истории отечественной фонологии. М., 1979. С. 123–148.

Поскольку реформа 1917 г. не устранила в русском правописании многие случаи неупорядоченности, орфографической «неустойчивости и двойственности» прошлого, то настоячивые требования нового орфографического усовершенствования по-прежнему не прекращались.

20-е годы. Статьей И.В. Устинова от 19 октября 1929 г. «Реформа русского правописания 1917 года осталась незавершенной» «Учительская газета» начинала кампанию за упрощение русского правописания. В статье отмечалось, что «русское правописание – это письмо для меньшинства», что «масса времени и энергии тратится впустую на запоминание противоречивых правил», что незавершенность реформы является сильнейшим тормозом для приобщения к культуре широких масс трудящихся («остались многие жупелы орфографии»), что в результате «творчества» отдельных корректоров в печати продолжается разноречие и что существующее правописание должно быть максимально упрощено «путем сближения его с живой речью», путем «освобождения от схоластики и рутины», но не вопреки научным представлениям о нем. Автор статьи выражал недоумение, почему этот покровительствуемый Главнаукой Молох «еще покачивается на своих кривых ножках и продолжает вымывать силы и энергию у многих масс учащихся, учительства и работников печати» и считал необходимым для разумного разрешения орфографического вопроса (в соответствии с современными запросами жизни) передать его секции языка и литературы при Комакадемии ЦИК СССР, которая может взять на себя инициативу по созыву Всероссийского орфографического совещания». Дальнейшее упрощение орфографии не терпит отлагательств, отмечал он, поскольку оно принесет «огромное облегчение миллионам русских детей, национальных меньшинств и тем взрослым учащимся, которые наполняют ликпункты, школы малограмотных, курсы и школы взрослых»³⁸³.

Хотя в опубликованных после 1917 г. работах по орфографии не было предложено ни одного проекта, но через Управление Главнауки их прошло около 100. Авторы этих проектов, педагоги и работники печати, выступали с точки зрения своих практических задач. Педагоги видели в упрощении правописания один из компонентов общей рационализации всего учебного процесса и важный момент в обучении русскому языку не только школьников, но и взрослых и представителей национальных меньшинств. Работники печати связывали с реформой упрощение издательского дела.

Журнал «Просвещение Сибири» статьей А. Топорова «Долой балласт!» поддерживал начатую «Учительской газетой» кампанию серией других материалов, в которых выражены разные по отношению к реформе мнения и предложения:

- орфографическая реформа 1917 г. не доведена до конца;

³⁸³ Устинов И.В. Реформа русского правописания 1917 г. осталась незавершенной // Учит. газ. 1929 (19 окт.). № 122.

– необходимо дальнейшее упрощение, поскольку орфография, как и в до-революционной школе, продолжает стоять в центре внимания всей учебно-воспитательной работы³⁸⁴;

– не спешить с реформой, потому что и новое упрощение не сможет удовлетворить всех, а частые реформы вредны³⁸⁵;

В ходе дискуссии 1929 г. возникла мысль о необходимости создания орфографической комиссии, которая была создана в ноябре при Главнауке (Главное управление научными, музейными и научно-художественными учреждениями) и начала работу над разработкой проекта реформы орфографии и пунктуации под руководством ученого секретаря Главнауки Г.К. Костенко.

В состав орфографической подкомиссии сектора науки Наркомпроса входили:

П.О. Афанасьев – проф. 2 Московского гос. ун-та и Акад. ком. воспитания.

Д.Н. Введенский – доцент Свердловского ком. ун-та.

Г.К. Данилов – член подсекции матер. лингвистики при Комакадемии, пред. кафедры языка в КУТВе (Коммунистический ун-г трудящихся Востока: 1921–1932. – Т. Г.) и Смоленском ун-те.

А.И. Ионин – преподаватель рабочих курсов.

В.А. Мамонов – преподаватель Государственного института журналистики.

А.Н. Никольский – преподаватель Государственного института журналистики.

И.Р. Палей – преподаватель опытной школы ВЧКЛБ (Всероссийская чрезвычайная комиссия по ликвидации безграмотности: 1917–1922. – Т. Г.).

М.Н. Петерсон – проф. 2 Московского гос. ун-та.

М.И. Уварова – представитель ассоциации корректоров при ДOME печати.

Д.Н. Ушаков – проф. 1 Московского гос. ун-та.

И.В. Устинов – председатель предметной комиссии по русскому языку в Государственном институте журналистики.

И.Н. Шапошников – методист.

30-е годы. 25 марта 1930 г. на заседании коллегии Наркомпроса был заслушан доклад комиссии о реформе и приняты следующие решения:

«1) Признать установку, на основе которой проделана работа по реформе русской орфографии (сочетание фонетического принципа с морфологическим,

³⁸⁴ *Топоров А.М.* Долой балласт! (К вопросу упрощения правописания) // Просвещение Сибири. Новосибирск. 1929. № 9. С. 92–98; № 10 (67). С. 93–98; см. также: *Тропин Г.* К вопросу о новом упрощении правописания. 1 // Просвещение Сибири. Новосибирск, 1930. № 1 (70). С. 111–114.

³⁸⁵ *Малаховский В.А.* К вопросу об орфографической безграмотности // Родн. яз. в шк. 1925. Сб. 8. С. 98–105; *Соколов Д.* Изменять ли орфографию? // Просвещение Сибири. 1929. № 12. С. 77–80.

максимальная экономия при обучении грамоте, полиграфический эффект, тенденции в развитии языка), правильной.

2) Поручить Главнауке основные предложения проекта новой орфографии опубликовать в центральной печати, а Госиздату издать соответствующую брошюру.

3) Поручить Главнауке созвать всероссийское совещание по реформе орфографии с приглашением союзных республик, после чего вопрос снова поставить на заседание коллегии Наркомпроса.

4) Поручить Главнауке продолжить использование для опытной проверки проекта новой орфографии ряда заводских и стенных газет, а также использование корреспонденций рабкоров и стенкоров»³⁸⁶.

Начав с разумных попыток лишь упорядочения русского правописания, Комиссия при Главнауке пришла к проекту реформы, который был опубликован в «Учительской газете» от 6.02.30. № 15 (385), изложен в журнале «Русский язык в советской школе» (1930. № 1. С. 151–155) и опубликован отдельными изданиями³⁸⁷.

После опубликования этого проекта сектором науки при Наркомпросе было получено около 300 писем-откликов как от частных лиц разных профессий, так и от орфографических комиссий, педагогических обществ, педагогических совещаний, лингвистических кружков и других коллективов из многих городов. Как и в оценках проектов до 1917 г., эти отзывы также представляли самые разнообразные мнения и предложения и снова выявляли реформаторов-радикалов («такие мизерные нищенские шаги», «надо упростить орфографию до крайности», «фетишизм буквы должен быть отброшен») и антиреформаторов, в протестах которых выражается опасение, что реформированная орфография станет орфографией второго сорта и лишит язык его возможностей передавать тонкие оттенки мыслей. Было выражено несогласие и с отдельными пунктами проекта. Но в большинстве отзывов реформа приветствовалась как необходимая мера и снова получено несколько новых проектов упрощения³⁸⁸.

Проект реформы 1930 г. предлагал значительные изменения русской орфографии – 20 пунктов с комментариями:

«1. Установить в качестве отделительного знака только один, именно *Ь*, писать: *сьезд, объявление, субъект, конъюнктура, трехъярусный, пью, шью, ружье <...>*

³⁸⁶ Проект реформы правописания / Под ред. К. Бархина, Г. Костенко и И. Устинова. М.; Л., 1930. С. 63. (Сектор Наркомпроса РСФСР. Издание официальное).

³⁸⁷ Проект Главнауки о новом правописании: Статьи о принципах реформы орфографии и пунктуации. Постановления Комиссии Главнауки. Комментарии. Образцы текстов по новому правописанию. Библиография. С предисловием ред. «За коммунистическое просвещение» / Сост. Н. Кременский и В. Мамонов; Пол. ред. Г. Данилова и Г. Костенко. М., 1930. 92 с.

³⁸⁸ Проект реформы правописания / Под ред. К. Бархина, Г. Костенко и И. Устинова. М.; Л., 1930. С. 50–51.

2. Не писать *Ь* после шипящих в следующих грамматических категориях: *доч, вещь, рож, навзнич, пастеж, сплош, стрич, реж, режете, еш, еште, моеш, моешься* <...>

3. После *Ж, Ч, Ш, Щ* и *Ц* ударяемое *О* писать через букву *О*: *пчолка, чорный, щоки, шолк, жорнов, жолтый, лжот, жонны, щол, щопот, облицовка, но пчела, чернеть, щека, желтеть, жена, щептать* и т. д. <...>

4. После *Ж, Ш, Ц* писать *Ы* вместо *И*: *жырный, лежыт, шыть, нашы, социализм, революция, цырк, пишыте*. Однако после *ЖЖ* и *ЗЖ* в случае их мягкого произношения писать *И*, напр.: *приезжий, дрожжи, жуужжит*, но: *разжырел, разжылся* <...>

5. Удвоенные согласные писать лишь в следующих случаях:

а) при встрече одинаковых букв в корнях и приставках (русских, а из иностранных в приставке контр-): *поддержка, оттепель, рассказ, контрреволюция*, но: *деревянный, соломенный, взволнованный, русский, Одеса, комиссия, искусство, коммунист, классовый, оппозиция, Ана, тона, Мюлер*.

б) в случае долгого *Ж* и *С* в корне: *жуужжать, ссора*, а также в глаголах на *-ся*: *спасся, сросся* <...>

6. В П. п. ед. ч. имен существительных, оканчивающихся на *ье*, писать *ье*: *в Поволжье, в уцелье, в ученье* <...>

7. Во всех существительных ж.р. на *я* в Р.п. мн.ч. надо писать *ь*: *дынь, яблонь, деревень, кухонь, басень, вишень, спалень, сотень, боень* <...>

8. а) в окончаниях существительных с суффиксами, заключающими в себе *ик* и *иц*, писать *а*, если эти существительные муж. или жен. рода, а если они ср. рода, то писать *о* или соответственно *е*: *бабушка, дедушка, хлебушка, ручника, котика, дворишка, ручица, котица, дворица, перушко, пальтишко, болотице*.

б) в словах ср. рода вместо суффикса *-иц-* писать *-ец-*: *платьеце, именьце*, как *ружьецо* (т. е. независимо от места ударения); вместо суффикса *-ышк-* писать *-ушк-*: *перушко, солнушко, гнездушко*.

в) в окончаниях слов муж. рода типа «запевала» писать *а*: *запевала, кутила, громила, подавала* и т. п. <...>

9. В Р.п. ед. ч. имен прилагательных и существительных, изменяющихся по склонению прилагательных, писать окончания *-ово*, *-ево* вместо *-ого*, *-его*: *портова, доброва, синева, чево, ево, идущево, ушедшево* <...>

10. В Им. и Вин. пад. мн.ч. прилагательных и существительных, изменяющихся по склонению прилагательных, установить окончания *-ыи*, *-ии* вместо *-ые*, *-ие*: *добрыи, синии, идущии, портныи, мастеровыи, животныи* <...>

11. Все сложные прилагательные писать в одно слово без черточки: *фабричнозаводской, сельскохозяйственный, бледнорозовый, трехаршинный, Московскоказанская ж. д., Нижневолжский* <...>

12. Личные окончания глаголов и окончания причастий наст. вр., если на них нет ударения, писать единообразно: *-ишь, -ит, -им, -ите, -ут* (*-ют*), *-ущий*,

-ящий, -имый: делаешь и т. д. – *делают, дышишь* и т. д. – *дышат, любишь* и т. д. – *любят, борешься* и т. д. *борются, строишь* и т. д. – *строят, роишь* и т. д. – *роют, возишь* и т. д. – *возют, делаешь, дышащий, борющийся, строящийся, забываемый* <...>

13. Наречия, состоящие из соединения предлогов с другими частями речи, писать в одно слово без черточки: *налево, подряд, порусски, постарому, помоему, впервых, впору*, а также слова: *втечение, вследствие, впродолжение* <...>

14. а) писать *не* с прилагательными и причастиями вместе также в том случае, когда при прилагательном или причастии стоят зависящие от них слова: *эта болезнь ни для кого неопасна; некоше́нная крестьянская трава; он ушел никем незамеченный; никому неприятно; никому неприятный; шикуда негодный; шикуда негодно; ни о чем незнающий; ни в чем дурном незамеченный*.

б) в глаголах: *не хватает, не достает* – согласно общему правилу *не* следует писать отдельно <...>

в) *ни* употребляется только как усиливающая частица.

1) при данном (или подразумеваемом) отрицании она усиливает отрицательный смысл, находясь при отдельном слове или при перечисляемых словах: *ни косточкой нигде не мог я поживиться; казак не хочет отдохнуть ни в чистом поле, ни в дубраве, ни при опасной переправе; на улице ни зги (не видно); без проказ ни на час (не останется)*;

2) при утвердительном сказуемом она усиливает положительный смысл (в выражениях *кто ни* = всякий; *куда ни* = всюду; *когда ни* = всегда; *как ни* = всячески и т. д.): *сколько ни бился, ничего не добился; куда ни посмотрю, повсюду рожь густая* <...>

15. а) приставки *анти-*, *ультра-*, *контр-*, *экс-* и т. п. писать вместе с последующими словами: *антиалкогольный, ультрафиолетовый, контрреволюция* и др.

б) *пол-* в значении «половина» (т. е. в сочетании с Р.п. существительного) писать всегда с дефисом: *пол-яблока, пол-лимона, пол-сотни, пол-магазина, пол-Европы*; но *полдень, полночь*.

в) частицы *бы, ли, же, то,нибудь, кое, таки, ка* и др. писать всегда с дефисом: *кто-либо, дай-ка, кое-что, что-нибудь, видал-ли, хотел-бы, он-же молчал, что-бы ты ответил?* <...>

16. Установить единое написание слов, в которых допускалось двойное, например: *итти – идти, калач – колач, ма́чиха – мачеха, ватрушка – вотрушка, январский – январьский* и мн. др. <...>

17. а) с большой буквы писать:

1) начало речи; 2) после точки, а также знаков вопроса и восклицания, заканчивающих фразу, после двоеточия, указывающего на перечисление, если члены этого перечисления состоят из цельных фраз, требующих каждая после себя точки; 3) собственные имена, отчества, фамилии и прозвища (без всяких исключений); 4) первое слово чужой речи после двоеточия; 5) первое слово в

сложных собственных названиях: Союз советских социалистических республик, Совет народных комиссаров, Красная армия, Рязанский отдел народного образования <...>

б) с малой буквы пишутся:

1) все прилагательные, образованные от имен собственных: *московские заводы, пушкинские стихи, ванькино письмо, гомерово эпоха*;

2) все сокращенные слова, не являющиеся собственными именами: *рик, вуз, окроно*;

3) «*вы*», «*ваи*», «*вас*» – во всех случаях;

4) названия должностей и титулов: *комиссар, директор* и др.

в) в сокращенных словах, образованных из первых букв собственных слов, все буквы пишутся большими: *СТО, ГИЗ, ВСНХ, СНК* <...>

18. Писать в ср. р. ед. ч. и в наречии «*все*» с двумя точками на *е* в отличие от мн. ч. «*все*»: *все́ для детей, все на работу, он всё спит*.

19. Допустить свободный перенос слов, причем буквы *ь* и *й* не отделяются от предшествующей буквы: *к-уст, ку-ст, кус-т, воз-раст, возра-ст, вой-на, ма-льчик, маль-чик* <...>

20. Не писать *ь* в окончании неопределенной формы глаголов на *-ться*: *он хотел учиться* и т. д. <...>³⁸⁹

Кроме того, комиссия не приняла некоторые предложения к упрощению:

1) В окончании прилагательных муж. р. писать *-ой, -ей* вместо *-ый, -ий*: *добрый, синий* <...>

2) Приставки *из-, воз-, раз-, без-, чрез-* писать этимологически, то есть всегда с *з* <...>

3) Приставку *С-* писать фонетически, то есть перед звонкими писать *З*: *сделать, збить, згореть* <...>³⁹⁰

Предлагая настоящий проект, комиссия учитывала «фонетический и морфологический принцип в их органической связи с небольшим уклоном в сторону фонетики», поскольку «фонетизация письма сама не противоречит живой морфологической ассоциации»³⁹¹.

Морфологический принцип в понимании реформаторов – написание в соответствии с «живыми ассоциациями между различными формами родственных слов: *гОлова, гОлов*. Фонетический – писать так, как говоришь: *дом, искалечил*³⁹².

Проект Главнауки вызвал множество критических замечаний.

³⁸⁹ Проект реформы правописания. С. 11–12; Проект Главнауки о новом правописании. С. 26–49.

³⁹⁰ Проект реформы правописания. С. 22; Проект Главнауки о новом правописании. С. 49–51.

³⁹¹ Проект Главнауки... С. 11.

³⁹² Там же. С. 14.

Причину малоэффективности Проекта Главнауки 1930 г. Р.И. Аванесов и В.Н. Сидоров видят в недостаточной отчетливости его «принципиальной» установки, в связи с чем оказался без изменений один из самых неудовлетворительных пунктов реформы 1917 г. – правило правописания приставок на *-з*, который очевидно требует морфологизации, поскольку «насилует живое морфологическое чутье» пишущих.

Они выделяют такие дефекты лингвистического сознания, как 1) отсутствие принципиальной точки зрения на письменный язык и на его соотношение с языком устным и 2) отсутствие дифференциации понятий морфологический и этимологический принцип. Они предлагают в качестве основополагающего принципа рациональной реформы орфографии русского языка, необходимость которой назрела вновь, принцип фонетический, который служит единству в написании морфем³⁹³.

Кроме того, в дискуссиях о проекте отмечалось, что в работе комиссии нет плановости, в предложениях ее – орфографической рационализации, а только «канцелярское усердие»; что «нет взаимного согласования», хотя многие предложения вполне разумны, и что в угоду пишущему забыт читатель: предложения комиссии приведут к нежелательному последствию – «будут ежедневно заставлять миллионы людей непроизводительно тратить несколько лишних минут при чтении газет»³⁹⁴.

В случае если требования читающего и пишущего находятся в противоречии, считал Н.Н. Дурново, реформа должна ориентироваться в первую очередь на интересы читающего³⁹⁵.

А.М. Пешковский отмечает многие недостатки проекта и ставит вопрос о разграничении таких понятий, как упрощение (реформа) и урегулирование, считая последнее в случае русского правописания наиболее необходимым³⁹⁶.

«Красной газетой» (веч. выпуск от 12.04.30) опубликована подборка материалов, отражающих мнение ученых о проекте реформы, – «Языковеды о реформе орфографии»:

1) Высказываясь за очевидную необходимость «дальнейших мероприятий к урегулированию и упрощению» правописания, которое связано с первоочередными задачами культурной революции (ликвидацией безграмотности), проф. Н.С. Державин отстаивал переход на латинский алфавит, считая, что «нет необходимости путаться с кириллицей, с этим наследием византийщины, когда

³⁹³ Аванесов Р.И., Сидоров В.Н. [1930] Реформа орфографии в связи с проблемой письменного языка // Рус. яз. в школе. 1930. № 4. С. 110–118. Впоследствии опубликовано в: Реформатский А.А. Из истории отечественной фонологии. М., 1970. С. 149–156.

³⁹⁴ Щерба Л.В. К вопросу о реформе орфографии // Рус. яз. в сов. шк. 1930. № 5. С. 126–127.

³⁹⁵ Дурново Н.Н. К вопросу о реформе русского правописания // Рус. яз. в шк. 1930. № 3. С. 110–116.

³⁹⁶ Пешковский А.М. Реформа или урегулирование? // Рус. яз. в шк. 1930. № 3. С. 93–110.

перед нами стоят широкие задачи международного культурного и хозяйственного строительства».

2) Проф. Б.В. Томашевский отметил с одной стороны непоследовательность проекта («некоторые правила находятся во взаимном противоречии друг к другу»), которая не создаст орфографического единства, но внесет новую неупорядоченность, но с другой – крайнюю робость его предложений, которые сводятся к «кое-каким заплатам на существующей системе».

3) Проф. Б.А. Ларин отметил неудовлетворительность проекта ни с практической, ни с научной точки зрения: он не способствует устранению остатков чисто исторических написаний и является «узкоместным (московским)»; стремясь к упрощению, он предлагает ряд «мнимолегких, но в действительности очень сбивчивых приемов письма», которые не будут способствовать легкому чтению и обучению грамоте. Его предложения сводятся к необходимости более последовательно провести морфологический принцип «как принцип, в наибольшей степени отвечающий потребностям понимания текста при чтении» и сочетать его с фонематическим там, где «морфологическая структура слова непрозрачна». Б.А. Ларин предлагает также провести более «радикальную и принципиальную» реформу с учетом возможности латиницы.

4) Проф. Д.В. Бубрих выступил с приветствием реформы и против осторожности. Считал необходимым этимологический принцип письма «ограничить строжайшими рамками целесообразности» и вводить как можно больше фонетики в орфографию и этим приблизить науку о языке «к практическим нуждам масс».

Оценивая орфографическое движение 30-х годов постфактум, в 1937 г. Д.Н. Ушаков отметил, что радикализм проекта Главнауки, доминирующая в нем мысль о необходимости кардинальной реформы, заслонила собой здравую мысль о назревшей потребности орфографического упорядочения³⁹⁷. Впоследствии он был квалифицирован как скороспелое детище группы лингвистов и педагогов, «стремившихся углубить революцию в русском письме»³⁹⁸; как проект «беспринципный» и «полюпринципный»³⁹⁹. Однако в большинстве же откликов своего времени предложения проекта были одобрены. Из 20 пунктов этого проекта 6 были включены в первый свод правил.

Важность решения орфографического вопроса была столь насущной, что в Научном институте языкознания была начата подготовка к Всероссийскому орфографическому съезду – 1931 г.⁴⁰⁰

³⁹⁷ Ушаков Д.Н. О современном русском правописании // Большевицкая печать. 1937. № 2–3. С. 16–18.

³⁹⁸ Горнунг Б.В. Об основном принципе русской орфографии // Вопр. языкознания. 1967. № 2. С. 73.

³⁹⁹ Реформатский А.А. Из истории отечественной фонологии (очерк) // Реформатский А.А. Из истории отечественной фонологии. М., 1970. С. 21.

⁴⁰⁰ Там же.

На орфографическую неупорядоченность в русском языке указывал акад. С.П. Обнорский («обилие орфографических руководств», каждое из которых «идет своим путем рецептурных указаний»), и требовал положить предел тому свободному творчеству, которое обнаруживает печатная продукция⁴⁰¹.

В 1934 г. для регламентации (не реформирования) русского правописания была создана новая Орфографическая комиссия под общим председательством наркома просвещения А.С. Бубнова, «чтобы обеспечить нашему правописанию единство и твердость»⁴⁰². Комиссия проводила работу в двух учреждениях: м о с к о в с к а я орфографическая комиссия при Ученом комитете Наркомпроса (под рук. Д.Н. Ушакова); л е н и н г р а д с к а я комиссия при Академии наук (под рук. акад. А.С. Орлова).

Составленные своды правил русской орфографии и пунктуации были обсуждены на совместном заседании двух комиссий в Ленинграде (июнь 1936 г.) с участием делегации УССР и представителей работников школ Ленинграда⁴⁰³. Год спустя были подготовлены и изданы «Таблицы к сводам орфографии и пунктуации правописания» (М., 1937. 30 с.). Но эта орфографическая деятельность не получила прав законности, а русское правописание оставалось по-прежнему неупорядоченным⁴⁰⁴. Поэтому при Академии наук для разрешения орфографических проблем была создана Правительственная комиссия ученых под рук. акад. С.П. Обнорского, в состав которой вошли Р.И. Аванесов, С.Г. Бархударов, Е.С. Истрина, Б.М. Ляпунов, А.С. Орлов, М.В. Сергиевский, А.М. Сухотин, В.И. Чернышев, Б.А. Шапиро и Л.В. Щерба.

Эта орфографическая комиссия ставила своей задачей «не пересмотр самой системы орфографии и пунктуации», а «установление единой орфографии и пунктуации в тех линиях, где должного единства нет», где имеются «элементы неустойчивости и двойственности», выступающие «негативным фактором культурного строительства»⁴⁰⁵. Комиссия считала необходимым лишь уточнить и пополнить отдельные правила, регламентировать правилами применение фонетических написаний «в пределах, не нарушающих универсальность морфологического принципа», устранить по возможности исключения из правил, а также различные написания одного и того же слова и этим утвердить наиболее целесообразные из встречающихся вариантов написаний, а также устано-

⁴⁰¹ Обнорский С.П. Русское правописание и язык в практике издательства // Изв. АН СССР. Сер. 7. 1934. № 6. С. 455–483.

⁴⁰² Обнорский С.П. Вопросы современной русской орфографии // Сов. педагогика. 1944. № 11–12. С. 28–35. См. также: Иоаннискиц С.А. Пора установить единообразие в правописании // Большевицкая печать. 1935. № 19–20. С. 38.

⁴⁰³ Ушаков Д.Н. О современном русском правописании // Большевицкая печать. 1937. № 2–3. С. 16–18.

⁴⁰⁴ См. об этом: Ушаков Д.Н. За единое русское правописание // Ферганская правда. 1939. 30 окт. и др.

⁴⁰⁵ Обнорский С.П. Основные принципы орфографической нормализации // Рус. яз. в школе. 1939. № 5–6. С. 5–13.

вить правила для написаний, не подводимых ни под какие правила⁴⁰⁶. Результатом этой работы стал Орфографический справочник, содержащий новые предложения по упорядочению русского правописания и (как приложение к нему) Проект орфографического словаря (до 30 тыс. слов), который не был издан⁴⁰⁷.

В дискуссиях 30-х годов русская орфография представляется как целостная система, которая «по-своему выдержанная, весьма экономичная, внутренне целостная и нисколько не хуже любой из систем письма европейских народов». Возникают первые опыты изучения орфографии на основе принципов⁴⁰⁸.

Необходимо отметить, что «Орфографический фронт» 30-х годов был открыт «широкой советской общественностью»⁴⁰⁹. Вопрос об упорядочивании правописания в этот период становится проблемой классовой и политической, так как «грамотность и культура необходимы для социалистического строительства»⁴¹⁰.

Существенным событием орфографического движения 30-х годов стало «Постановление ЦК ВКП(б) от 25 августа 1932 г. «Об учебных программах и режиме в начальных и средних школах»», предписывавшее необходимость формирования в процессе обучения русскому языку прочных навыков правильного чтения и письма, лишало создателей письменного текста возможности орфографических отступлений, создавало русскую орфографию как норму без вариантов и вводило ее в русло орфографического абсолютизма – орфографического режима⁴¹¹.

Итогом орфографических дискуссий 20–30-х годов стали несколько проектов свода правил русской орфографии и пунктуации:

1. Свод орфографических правил. 2-я ред.: Проект. М., 1936. 84 с. / Сост. Орфографической комиссией при Ученом комитете языка Наркомпроса с изменениями, принятыми Объединенной орфографической комиссией при Академии наук в Ленинграде 12–17 июня 1936 г., и на заседании Комиссии по упорядочению правописания 1 октября 1936 г. под председательством А.С. Бубнова.

2. Свод орфографических правил / Сост. Орфографической комиссией при Ученом комитете литературы и языка Наркомпроса РСФСР: Проект. М., 1936.

⁴⁰⁶ Ожегов С.И. Упорядочение русской орфографии // Вестн. АН СССР. 1957. № 1. С. 30–38.

⁴⁰⁷ Там же.

⁴⁰⁸ Астафьева А. Опыт работы по орфографии на основе принципов правописания // Рус. яз. в школе. 1939. № 2. С. 82–84.

⁴⁰⁹ Проект реформы правописания // Рус. яз. в сов. школе. 1930. № 1. С. 151.

⁴¹⁰ Проект Главнауки о новом правописании. М., 1930. С. 5.

⁴¹¹ Барановский Ф.Н. Принципы методики орфографии в семилетней русской школе: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 1954. 15 с.; Хрестоматия по методике русского языка: Преподавание орфографии и пунктуации в общеобразовательных учебных заведениях: Пособие для учителя / Авт.-сост. В.Ф. Иванова, Б.И. Осипов. М., 1995. С. 22–23.

86 с. / Сост. Орфографической комиссией: Д.Н. Ушаков (председатель), А.А. Реформатский, М.В. Сергисевский, А.М. Сухотин, А.Б. Шапиро.

3. Своды орфографических и пунктуационных правил: Проект. М., 1939. 96 с. / Сост. рабочей подкомиссией, выделенной из состава Правительственной комиссии по разработке единой орфографии и пунктуации русского языка, учрежденной постановлением Совета Народных Комиссаров Союза ССР от 10 июля 1939 г.

4. Правила единой орфографии и пунктуации. С приложением краткого словаря. 2-я ред.: Проект. М., 1939. 136 с. / Сост. рабочей подкомиссией, выделенной из состава Правительственной комиссии по разработке единой орфографии и пунктуации русского языка, учрежденной постановлением Совета Народных Комиссаров Союза ССР от 10 июля 1939 г.

50-е годы. Необходимость усовершенствования и упорядочения русского правописания рассматривалась как объективный факт, поскольку отсутствие единого свода правил правописания все так же создавало серьезные трудности его усвоения и применения, и это стало причиной новой волны орфографического движения.

Статьей В.В. Виноградова «К вопросу об упорядочении современного русского правописания» и Б.А. Шапиро «О проекте правил русской орфографии и пунктуации» журнал «Русский язык в школе» (1954. № 4) начинал новую орфографическую дискуссию, которая была направлена на завершение процесса кодификации русского правописания. В ней приняли участие многие известные ученые, преподаватели школ, представители печати.

Открывая дискуссию, акад. В. Виноградов отмечал, что существующие правила «нельзя рассматривать как устаревшие», а русская орфография, соблюдающая в процессе всего исторического пути «здоровые тенденции», нуждается не в «перевороте» и уже не в реформе, а в упорядочении и улучшении⁴¹². Предлагая проект свода правил русской орфографии и пунктуации, Б.А. Шапиро подчеркивал мысль о том, что «новый свод правил русского правописания, не внося изменений в те принципы, на которых покоится современное письмо, должен содействовать упорядочению норм последнего и тем самым облегчить усвоение правил... в школе и пользование этими правилами работниками печати и всеми пишущими»⁴¹³.

Журнал «Русский язык в школе» открывает рубрику «Вопросы правописания», где обсуждение орфографических вопросов проходит под лозунгом «Интересы миллионов на первом плане». «Учительская газета» в рубрике «Обсуждаем вопросы орфографии и пунктуации» (29.12.54) отметила, что обсужде-

⁴¹² Виноградов В.В. К вопросу об упорядочении современного русского правописания // Рус. яз. в шк. 1954. № 4. С. 33–37.

⁴¹³ Шапиро А.Б. О Проекте правил русской орфографии и пунктуации // Рус. яз. в шк. 1954. № 4. С. 38.

ние вопросов орфографии выявило единодушное мнение учителей против правил, потерявших практическое значение, и за унификацию правописания на морфологической основе. Ключевыми словами орфографических размышлений в этой дискуссии были не только слова *упрощение, разнобой, реформа*, но и *унификация, регламентация, упорядочение*.

Исходя из того, что орфография должна быть «удобна для пользования, проста и легка при изучении», С.И. Ожегов упорядоченность орфографии, «этого важного первоэлемента письменной речи», который выступает как «внешнее средство обозначения речи живой», рассматривает как необходимый показатель высокой культуры общества⁴¹⁴. Он считает, что, после того как русское письмо первых лет его существования на Руси, построенное по фонетическому принципу, эволюционировало и произношение перестало соответствовать написанию, а грамотность получила более широкое распространение, оказалось целесообразным «сохранить написание корневых и словообразовательных частей слова». Именно провозглашение морфологического принципа письма основным законом русской орфографии «создало прочную базу для борьбы за упорядочение русской орфографии»⁴¹⁵.

В своих орфографических публикациях Л.А. Булаховский определяет четкие границы представлений о правописании и возможностях его реформирования. Он определяет правописание как область культуры, где «привычка и покорность установившемуся действуют с особой силой и даже бесспорно разумные основания не в силах сломить историческую инерцию»⁴¹⁶. Он пишет также о необходимости «покончить с ненужным и вредным разнобоем», считая единообразие вполне достижимым в тех случаях, где «упрощение не идет вразрез с различительной функцией языка». Упразднить многочисленные частности, то есть создать такую орфографию, чтобы потребность в справочниках (создание их безусловно необходимо) «была не слишком частой»⁴¹⁷.

В орфографических дискуссиях 50-х годов обсуждался широкий круг проблем:

- принципы орфографической нормализации⁴¹⁸;
- устранение разнобоя в справочниках и словарях, унификация русской орфографии⁴¹⁹;

⁴¹⁴ Ожегов С.И. Русская орфография // *Огонек*. 1957. № 10. С. 28–29.

⁴¹⁵ Ожегов С.И. Об упорядочении русской орфографии // *Рус. яз. в шк.* 1954. № 5. С. 41.

⁴¹⁶ Булаховский Л.А. За целесообразное упрощение письма // *Учит. газ.* 1954. 1 дек.

⁴¹⁷ Булаховский Л.А. Замечания по вопросу об усовершенствовании русского правописания // *Рус. яз. в школе*. 1954. № 6. С. 24.

⁴¹⁸ Барановский Ф.Н. Принципы методики орфографии в семилетней русской школе: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 1954. 15 с.; Гордин Л. Научно обосновать нормы правописания // *Учит. газ.* 1954 (18 сент.); Геттер Ю.Р. О принципах упорядочения русской орфографии и пунктуации // *Рус. яз. в шк.* 1955. № 1. С. 39–41.

⁴¹⁹ Громыко В. Ликвидировать разнобой в грамматике и словарях // *Учит. газ.* 1954 (11 сент.); Смирнова М. и др. [всего десять авторов]. Пора унифицировать орфографию и пунк-

– правила, потерявшие значение⁴²⁰.

Но доминирующей темой стала проблема единого свода правил. В 50-е годы продолжается работа над разработанными в конце 1930–40-х годов проектами:

1. Правила единой орфографии и пунктуации. С приложением краткого словаря. Проект. М., 1940. 152 с. / Сост. Комиссией по разработке единой орфографии и пунктуации русского языка, учрежденной постановлением Совета Народных Комиссаров Союза ССР от 10 июня 1939 г.

2. Правила русской орфографии и пунктуации [Проект]. На правах рукописи. М.; Л., 1947. 136 с. (Академия наук Союза ССР. Министерство просвещения РСФСР);

3. Правила русской орфографии и пунктуации [Проект]. На правах рукописи. М.; Л., 1948. 142 с. (Институт русского языка Академии наук СССР. Министерство просвещения РСФСР).

В результате было создано еще два проекта:

1. Правила русской орфографии и пунктуации. Проект. (На правах рукописи). М., 1951. 183 с. (Институт языкознания Академии наук СССР. Министерство просвещения РСФСР).

2. Правила русской орфографии и пунктуации. Проект. М., 1955. 188 с. (Институт языкознания АН СССР. Министерство просвещения РСФСР).

Проект свода правил стал предметом широкого обсуждения в «Учительской газете». Почти во всех статьях и письмах, которые были получены редакцией, указывалось на необходимость «без коренной ломки» упорядочить орфографию с сохранением существующих принципов (фонетического и морфологического с учетом традиционного) и культурно-исторической целесообразности и освободить ее от исключений.

Созданная для завершения кодификационных работ новая комиссия ставила своей задачей устранить из действующих орфографических и пунктуационных правил «встречающиеся в них противоречия, неясности, ничем не оправданные исключения, уточнить формулировки нуждающихся в том правил, составить в необходимых случаях новые правила, упразднить двойные написания отдельных слов или их форм» и ввести определенную систему в расположении правил⁴²¹.

Итогом орфографического движения 50-х годов стали две работы, важность и значение которых трудно переоценить:

туацию русского языка // *Учит. газ.* 1954. (14 авг.); Чистяков В. Об исключении «исключений» // *Учит. газ.* (4 сент.); Ядвирис К.Н. Орфографический разнобой и необходимость его устранения в интересах школы // *Рус. яз. в шк.* 1955. № 1. С. 37–39 и др.

⁴²⁰ Никифоров В. О правилах, потерявших практическое значение. 1. // *Учит. газ.* 1954 (30 окт.); Шишов П. О правилах, потерявших практическое значение. 2. // *Учит. газ.* 1954 (30 окт.); Дергачев К. Устранить орфографические капканы // *Рус. яз. в шк.* 1955. № 1. С. 34–36.

⁴²¹ Шапиро А.Б. О Проекте правил русской орфографии и пунктуации // *Рус. яз. в шк.* 1954. № 4. С. 38.

1. «Правила русской орфографии и пунктуации» – первый академический свод правил, первый опыт наиболее полной кодификации, первый в истории русской орфографии и русской культуры официально утвержденный «документ», имеющий статус обязательного для всех пользующихся русским языком, утвержденный Академией наук, Министерством просвещения РСФСР и Министерством высшего образования в марте 1956 г. (М., 1956).

2. «Орфографический словарь русского языка» (под ред. С.И. Ожегова и А.Б. Шалиро. М., 1956. 1260 с.) с приложением правил орфографии.

Хотя неупорядоченность не была устранена полностью (оставалось неупорядоченным правописание сложных прилагательных, слитное и раздельное написание, частиц *НЕ* и *НИ* и др.), но утверждение «Правил» и издание Орфографического словаря АН СССР стали важным актом, безусловно способствующим через упорядочение (то есть через уточнение и детализацию некоторых правил, «исключение исключений» из правил и ликвидацию многих случаев разнобоя) утверждению норм русской орфографии.

Правила свода (203 параграфа, из которых 124 посвящены орфографии, а 79 – пунктуации) учитывали унификацию русской орфографии, которая сводилась к трем основным требованиям:

1. После приставок на согласный всегда писать букву *Ы* вместо буквы *И*: сыграть, разыграть, подытожить, за исключением приставок, оканчивающихся буквами *Ж* и *Х* (межинститутский, сверхизысканный) и некоторых приставок иноязычного происхождения: контр-, транс-, пан- (субинспектор, контригра, трансирдания, панславизм и др.).

2. Писать по единому правилу (через дефис) все наречия с частицей *по*: по-хорошему, по-прежнему, по-новому, по-другому и др.

3. Писать через дефис все прилагательные, обозначающие оттенки цветов: темно-каштановый, светло-зеленый, серебристо-голубой и др.

Орфографическая дискуссия 60-х годов

«... были отвергнуты крайние меры – как всеобщая ломка, так и отказ от изменений вообще»

Еще в 30-е годы в русле стремления к упорядоченности русского правописания возникли первые шаги «орфографического режима», который стал продолжением режима XIX в. и развивался параллельно режиму политическому. «Постановление ЦК ВКП(б) «Об учебных программах и режиме в начальных и средних школах» (1932 г.); «Единый орфографический режим в школе» (1935 г.) и др. – этими документами утверждалась необходимость формирования в процессе обучения русскому языку прочных навыков правильного чтения и письма. Представление о режимном отношении к орфографии формировалось в течение нескольких лет, о чем свидетельствуют изданные в разных

городах методические письма и рекомендации. Они возлагали на всех учителей (особенно словесников) и администрацию обязательство строго контроля за правильностью устной и письменной речи:

1. Единый орфографический режим и единые требования к культуре устной и письменной речи учащихся. Ростов на Дону. 1951.

2. О едином речевом и орфографическом режиме в школе. Методич. письмо. Орел, 1952.

3. Единый школьный режим грамотного письма и культуры речи. М., 1952.

4. Единый режим в школе. Материалы к январскому учительскому совещанию. М.: Школа советикэ. 1953.

5. Единый орфографический режим в школе. Кишинев, 1953.

6. Орфографический режим в начальной, неполной средней и средней школе. Разработан Н.А. Костиньм. Л.: ОблОНО, 1955.

Свод «Правила русской орфографии и пунктуации» 1956 г. и «Орфографический словарь» Института русского языка АН СССР (1-е издание 1956 г.), устранив случаи двойственного письма, утвердили единую безвариантную норму, и это породило орфографический фанатизм, который привел «к искаженному представлению о ценности самого орфографического навыка», стал причиной настоящего орфографического террора в школе: орфографическая ошибка была возведена «чуть ли не в ранг нравственной категории». Орфографический режим утверждался (см. методическое письмо «Единый школьный режим грамотного письма и культуры речи: О порядке введения и о проверке школьных тетрадей по русскому языку и литературе». 3-е изд. М.: Учпедгиз, 1959. 21 с.). И в результате Свод 1956 г. из «необходимого справочника» превратился в «кодекс письма», в «домострой письма», в «производственный план или закон», самым «возмутительным капканом» которого стало «запрещение закономерного варианта слова, неизбежного в сознании отдельного человека: черт – чорт; деревянный – деревняный». Даже минимальная орфографическая свобода (особенно в школе) имела самые негативные оценки.

Таким образом, принцип безвариантного письма был возведен в ранг абсолюта и явился в значительной мере отражением общей атмосферы режимного периода в обществе. Режимное орфографическое сознание носителей русского языка находило отражение и в издательской деятельности, и в преподавании русского языка в школах (ср., например, название одного из многочисленных методических пособий: «Памятка студенту-практиканту о едином школьном режиме грамотного письма и культуры речи» (Красноярск, 1976).

Утвердив безвариантную норму, свод правил не разрешил всех орфографических трудностей, и очень скоро вопрос об упорядочении снова возник на повестке дня. Большую роль в утверждении идеи реформы сыграла периодическая печать. Она быстро подхватила и поддержала общественно-научное движение, которое началось после опубликования в газете «Известия» (октябрь 1960) письма служащего В. Чуракова «О родном нашем языке». Рассуждения о

1. «Правила русской орфографии и пунктуации» – первый академический свод правил, первый опыт наиболее полной кодификации, первый в истории русской орфографии и русской культуры официально утвержденный «документ», имеющий статус обязательного для всех пользующихся русским языком, утвержденный Академией наук, Министерством просвещения РСФСР и Министерством высшего образования в марте 1956 г. (М., 1956).

2. «Орфографический словарь русского языка» (под ред. С.И. Ожегова и А.Б. Шалиро. М., 1956. 1260 с.) с приложением правил орфографии.

Хотя неупорядоченность не была устранена полностью (оставалось неупорядоченным правописание сложных прилагательных, слитное и раздельное написание, частиц *НЕ* и *НИ* и др.), но утверждение «Правил» и издание Орфографического словаря АН СССР стали важным актом, безусловно способствующим через упорядочение (то есть через уточнение и детализацию некоторых правил, «исключение исключений» из правил и ликвидацию многих случаев разнобоя) утверждению норм русской орфографии.

Правила свода (203 параграфа, из которых 124 посвящены орфографии, а 79 – пунктуации) учитывали унификацию русской орфографии, которая сводилась к трем основным требованиям:

1. После приставок на согласный всегда писать букву *Ы* вместо буквы *И*: сыграть, разыграть, подытожить, за исключением приставок, оканчивающихся буквами *Ж* и *Х* (межинститутский, сверхизысканный) и некоторых приставок иноязычного происхождения: контр-, транс-, пан- (субинспектор, контригра, трансирдания, панславизм и др.).

2. Писать по единому правилу (через дефис) все наречия с частицей *по*: по-хорошему, по-прежнему, по-новому, по-другому и др.

3. Писать через дефис все прилагательные, обозначающие оттенки цветов: темно-каштановый, светло-зеленый, серебристо-голубой и др.

Орфографическая дискуссия 60-х годов

«... были отвергнуты крайние меры – как всеобщая ломка, так и отказ от изменений вообще»

Еще в 30-е годы в русле стремления к упорядоченности русского правописания возникли первые шаги «орфографического режима», который стал продолжением режима XIX в. и развивался параллельно режиму политическому. «Постановление ЦК ВКП(б) «Об учебных программах и режиме в начальных и средних школах» (1932 г.); «Единый орфографический режим в школе» (1935 г.) и др. – этими документами утверждалась необходимость формирования в процессе обучения русскому языку прочных навыков правильного чтения и письма. Представление о режимном отношении к орфографии формировалось в течение нескольких лет, о чем свидетельствуют изданные в разных

городах методические письма и рекомендации. Они возлагали на всех учителей (особенно словесников) и администрацию обязательство строго контроля за правильностью устной и письменной речи:

1. Единый орфографический режим и единые требования к культуре устной и письменной речи учащихся. Ростов на Дону. 1951.

2. О едином речевом и орфографическом режиме в школе. Методич. письмо. Орел, 1952.

3. Единый школьный режим грамотного письма и культуры речи. М., 1952.

4. Единый режим в школе. Материалы к январскому учительскому совещанию. М.: Школа советикэ. 1953.

5. Единый орфографический режим в школе. Кишинев, 1953.

6. Орфографический режим в начальной, неполной средней и средней школе. Разработан Н.А. Костиньм. Л.: ОблОНО, 1955.

Свод «Правила русской орфографии и пунктуации» 1956 г. и «Орфографический словарь» Института русского языка АН СССР (1-е издание 1956 г.), устранив случаи двойственного письма, утвердили единую безвариантную норму, и это породило орфографический фанатизм, который привел «к искаженному представлению о ценности самого орфографического навыка», стал причиной настоящего орфографического террора в школе: орфографическая ошибка была возведена «чуть ли не в ранг нравственной категории». Орфографический режим утверждался (см. методическое письмо «Единый школьный режим грамотного письма и культуры речи: О порядке введения и о проверке школьных тетрадей по русскому языку и литературе». 3-е изд. М.: Учпедгиз, 1959. 21 с.). И в результате Свод 1956 г. из «необходимого справочника» превратился в «кодекс письма», в «домострой письма», в «производственный план или закон», самым «возмутительным капканом» которого стало «запрещение закономерного варианта слова, неизбежного в сознании отдельного человека: черт – чорт; деревянный – деревняный». Даже минимальная орфографическая свобода (особенно в школе) имела самые негативные оценки.

Таким образом, принцип безвариантного письма был возведен в ранг абсолюта и явился в значительной мере отражением общей атмосферы режимного периода в обществе. Режимное орфографическое сознание носителей русского языка находило отражение и в издательской деятельности, и в преподавании русского языка в школах (ср., например, название одного из многочисленных методических пособий: «Памятка студенту-практиканту о едином школьном режиме грамотного письма и культуры речи» (Красноярск, 1976).

Утвердив безвариантную норму, свод правил не разрешил всех орфографических трудностей, и очень скоро вопрос об упорядочении снова возник на повестке дня. Большую роль в утверждении идеи реформы сыграла периодическая печать. Она быстро подхватила и поддержала общественно-научное движение, которое началось после опубликования в газете «Известия» (октябрь 1960) письма служащего В. Чуракова «О родном нашем языке». Рассуждения о

необходимости или, напротив, ненужности реформы публиковались во многих периодических изданиях: «Учительская газета», «Московская правда», «Литературная газета», «Неделя», «Вечерняя Москва». В дискуссии приняли участие республиканские газеты Молдавии, Эстонии и областные: «Звезда» (Пермь), «Горьковский рабочий» (Нижний Новгород), «Северный рабочий» (Ярославль), «Курортная газета» (Ялта) и др.

В 1962 г. Президиум Академии наук при Институте русского языка АН СССР образовал орфографическую комиссию под руководством акад. В.В. Виноградова, и ей предстояло снова разработать проект усовершенствования русской орфографии. Участниками комиссии стали представители Академии наук и Министерства высшего и среднего специального образования, члены Союза писателей, Министерства просвещения и Академии педагогических наук РСФСР, ученые-языковеды, преподаватели средней и высшей школы, методисты, писатели:

В.В. Виноградов – академик (председатель).

Р.И. Аванесов – чл.-корр. АН СССР, зав. сектором Института русского языка АН СССР.

Н.Н. Алгазина – ст. научн. сотрудник Академии пед. наук.

С.Г. Бархударов – чл.-корр. АН СССР, руководитель словарной группы Института русского языка.

Д.Н. Богоявленский – д-р пед. наук, ст. научн. сотрудник Академии пед. наук.

Б.З. Букчина – научн. сотрудник Института русского языка (уч. секр. комиссии).

И.А. Василенко – проф. Московского пединститута им. В.И. Ленина.

И.Г. Голанов – проф. Московского пединститута им. В.И. Ленина.

А.И. Ефимов – проф. МГУ.

В.Ф. Иванова – доцент ЛГУ.

Т.А. Ладъженская – ст. научн. сотр. Академии пед. наук РСФСР.

Б.А. Ларин – акад. Литовской Академии наук, д-р филол. наук, зав. каф. ЛГУ.

В.Г. Лидин – писатель.

И.А. Лизогубова – учительница спец. школы № 9 Тимирязевского района г. Москвы.

Н.Г. Овчинникова – учительница школы № 106 Октябрьского района г. Москвы.

С.И. Ожегов – д-р филол. наук, зав. сектором Института русского языка.

М.В. Панов – канд. филол. наук, ст. научн. сотр. Института русского языка (зам. председателя).

И.Ф. Протченко – канд. филол. наук, зам. дир. Института рус. языка (зам. председателя).

А.А. Реформатский – д-р филол. наук, зав. сектором Института языкознания.

В.В. Решетов – директор Института национальных школ Академии пед. наук РСФСР, действит. член АПН РСФСР.

Д.Э. Розенталь – проф., зав. каф. рус. языка факультета журналистики МГУ.

В.П. Стрекозин – начальник программно-методического управления Министерства просвещения РСФСР.

А.В. Суперанская – канд. филол. наук, науч. сотр. Института языкознания.

В.А. Текучев – действит. член Академии наук РСФСР.

Н.М. Шанский – гл. ред. журнала «Русский язык в школе».

А.Б. Шапиро – д-р филол. наук, ст. научн. сотр. Института языка.

К.И. Чуковский – писатель.

Постановлением Президиума АН СССР от 5 февраля 1965 г. № 57 в состав комиссии были введены также писатели К.А. Федин, Л.М. Леонов, Л.Т. Твардовский, М.В. Исаковский.

Как сообщил А.В. Текучев на заседании актива учителей русского языка и литературы в Московском городском институте усовершенствования учителей (2 октября 1964 г. при обсуждении предложений по усовершенствованию русской орфографии), Орфографическая комиссия была вызвана к жизни требованиями об упрощении орфографии, исходящими от многих советских граждан, особенно от учителей русского языка и литературы. В работе над проектом, как сообщил В.В. Виноградов на этом же заседании, комиссией «были отвергнуты крайние меры – как всеобщая ломка, так и отказ от изменений вообще»⁴²².

За два года работы комиссией была проделана большая теоретическая и экспериментальная работа, и в сентябре к обсуждению уже были представлены «Предложения по усовершенствованию русской орфографии» (М., 1964. 64 с.), которые включали, кроме всего прочего, невоплощенные предложения Орфографической комиссии 1904 г. и приводили русскую орфографию к фонологическому знаменателю. (Перепечатаны с незначительными редакционными уточнениями в: Изв. 1964. № 228, 229; Учит. газ. 1964. 24 сент.; Рус. яз. в нац. шк. 1964. № 6. С. 4–52; Нач. школа. 1964. № 11. С. 86–90.)

В предисловии к проекту «Предложений» сообщалось, что существующая система правил русской орфографии и пунктуации не нуждается в коренном пересмотре, но имеет известные недостатки, которые осложняют изучение русского языка, отрицательно сказываются на работе школ и общем уровне грамотности. Предполагалось, что после опубликования проекта нового свода правил развернется широкое обсуждение, и только после того, как будут вы-

⁴²² Земцов Ю.В. Нужна упорядоченность, а не ломка (Об обсуждении предложений по усовершенствованию русской орфографии в Московском городском институте усовершенствования учителей) // Рус. яз. в школе. 1964. № 6. С. 42–44. (Об орфографической позиции В.В. Виноградова см.: Григорьева Т.М. В.В. Виноградов о необходимости усовершенствования русской орфографии // Международная юбилейная сессия, посвященная 100-летию со дня рождения В.В. Виноградова: Тез. докладов. М., 1995. С. 201–202.

сказаны все критические замечания и рассмотрены все предложения, новый свод правил после его утверждения правительством вступит в действие.

Опубликованные «Предложения» вызвали множество откликов. В ходе дискуссии были написаны десятки статей и тысячи писем, авторы которых выражали свое отношение к идее упорядочения в целом и к отдельным предложениям проекта – в частности. В дискуссии выступили многие ученые, писатели, работники просвещения и представители многих других профессий разного уровня образования.

Полное неприятие предложенного проекта высказали писатели Б. Захoder, В. Инбер, М. Исаковский, С. Кирсанов, Л. Леонов, И. Сельвинский, Г. Серебрякова. Напротив, одобрение всех предложений комиссии выразил Л. Успенский.

В обсуждении предложений общество обнаруживало полное незнание орфографической теории и истории, высказывая опасения о возможной (в результате реформы) деформации языка⁴²³. Материалы лингвистических статей выступали серьезным аргументом в пользу реформы, доказывали несостоятельность опасений, что орфографические изменения вызовут изменения языка⁴²⁴.

Проект орфографической реформы 1964 г. остался невоплощенным по многим причинам, главные из которых – отсутствие сознательного взгляда на соотношение понятий «язык» и «письмо» и некоторые несовершенства самого проекта.

И, вероятно, следует признать, что в период всеобщей грамотности и даже всеобщего среднего образования, каковым является наше время, реформаторские планы становятся все менее и менее реальными: орфографические реформы, как показывает опыт, проходят достаточно безболезненно в период общегосударственных коренных изменений и в обществе с низким уровнем грамотности.

Русская орфография в постсоветский период

«Велик русский язык, но время сильное»

Современная лингвистика отмечает значительные изменения в функционировании «вырвавшегося на свободу» русского языка периода гласности, когда норма-догмат, которая разрешала или категорически запрещала, сменяет норма-выбор, которая допускает и одобряет использование (из двух или нескольких) наиболее соответствующих в определенном речевом контексте языковых

⁴²³ Материалы дискуссии см.: Букчина Б.З., Калакуцкая Л.П., Чельцова Л.К. Письма об орфографии. М., 1969. 135 с.

⁴²⁴ Еськова Н.А. Язык не пострадает... // Семья и школа. 1964. № 12. С. 47; Панов М.В. О силе привычки // Изв. 1964. № 244.

средств. Обусловленность языковых процессов процессами социальными совершенно очевидна, и русская орфография не является исключением: она также становится своеобразным зеркалом кардинальных преобразований в обществе и общественном сознании.

Для русского правописания этого периода, в целом безусловно сохранившего верность Своду 1956 г., также характерно освобождение от оков «орфографического режима», и это выражается в не присущей периоду тотальных запретов орфографической свободе.

Графико-орфографическое однообразие эпохи орфографического догмата сменилось орфографическим плюрализмом. Кроме многообразия графических приемов и шрифтов, характерных для современного письменного текста, можно выделить три наиболее характерные тенденции, не присущие периоду тотальных запретов, выражающиеся в многообразии графико-орфографических реализаций – в полизнаковости.

- 1) возрождение элементов дореформенного правописания;
- 2) внедрение в русский текст графико-орфографических явлений разных языковых систем;
- 3) активизация параграфемного компонента, или тенденция к пиктографичности.

* * *

Одним из проявлений свободы русского письма в посттоталитарный период является дореформенная орфография, которая вернулась к современному читателю в текстах разных жанров нового времени. Связано это с тем, что декретивное вмешательство в проведение реформы русской орфографии 1917 года стало не столько осуществляющей силой, как было принято считать в советский период, сколько разрушило спланированную тактику и стратегию ее проведения, лишило общество представления о важных событиях орфографической истории и необходимых знаний о самой дореформенной орфографии.

В советскую эпоху реформа оценивалась как исключительная заслуга советской власти, одно из важных слагаемых программы революционного обновления, и это имело статус официально признанной и единственной оценки. (Такая оценка неудивительна и даже закономерна, поскольку подлинные факты, связанные с подготовкой реформы и реализацией реформаторских замыслов, хранились в спецхранах.)

«17 мая 1917 г. был опубликован циркуляр о введении с нового учебного года нового правописания в школах. Однако он не имел эффективного действия... лишь при советской власти удалось провести реформу русской орфографии»⁴²⁵.

⁴²⁵ Иванова В.Ф. Декрету о реформе русской орфографии 60 лет // Рус. речь. 1978. № 5. С. 81.

«Сравнительная простота нашей орфографии во многом обусловлена реформой, проведенной историческими декретами советского правительства от 23 декабря 1917 г. и 10 октября 1918 г.»⁴²⁶

«Лишь в результате победы Октябрьской революции давно назревшая реформа русского правописания была проведена в жизнь»⁴²⁷.

«Рекомендации Орфографической комиссии (1904 г. – *Т. Г.*), пройдя путь урезок и сокращений в разных официальных учреждениях, должны были ждать 1917 и 1918 г., когда были изданы декреты о реформе орфографии»⁴²⁸.

«Даже в годы войны и разрухи советское правительство не нашло возможным откладывать разрешение назревших вопросов – и народ получил, наконец, упрощенное правописание»⁴²⁹.

Советское время в соответствии с постановлением ВСНХ, казалось, полностью очистило языковое пространство от орфографического прошлого, однако внимательный взгляд сегодня отметит отдельные остатки исконного письма, которые сохранились вопреки требованиям времени и воспринимались в советский период как поправное наследие культурного прошлого узким кругом носителей русского языка или как ненужный, бессмысленный атрибут свергнутого режима – подавляющим большинством. В постсоветское время эти остатки старой орфографии обрели новую жизнь в новом социальном контексте.

В числе сохранивших дореформенную орфографию следует прежде всего назвать тексты надписей на немногочисленных памятниках дооктябрьского периода, которые избежали разрушения.

Памятник гренадерам в Москве, участникам войны с Турцией 1877–1878 гг., хранит надписи не только в старой дореформенной орфографии, но и в допетровской, которая передает фрагменты библейских текстов:

Гренадеры своимъ товарищамъ, павшимъ въ славномъ бою подъ Шлев-ной 28 ноября 1877-го года

Въ память войны съ Турціей 1877-го 1878-го года

Больши сеа любви никто же имать, дакто дѣшѣ свою положить за дрѣги своа

Аминь аминь глаголю вамъ: аще зерно пшенично падѣ на землю не оумреть, то едино пребываетъ: аще же оумреть, множь плодь сотворить

Другие (совсем немногочисленные) остатки дореформенной письменности – надписи на гробницах святых, мемориальные надписи на зданиях, архи-

⁴²⁶ Гвоздев А. И. Основы русской орфографии. М., 1950. С. 80.

⁴²⁷ Истрин В. И. 1100 лет славянской азбуки. М., 1988. С. 164.

⁴²⁸ Обзор предложений по усовершенствованию русской орфографии (XVII–XX вв.). М., 1965. С. 19.

⁴²⁹ Иванова В. Ф. Современный русский язык. Графика и орфография. М., 1976. С. 263.

тектурных памятниках XIX века и соборах. Мемориальная доска при входе в Елоховский собор:

июня 8 дня 1799 года
въ храмѣ
БОГОЯВЛЕНІЯ ГОСПОДНЯ
въ елоховѣ
крещень
А. С. ПУШКИНЪ

Здесь жилъ Суворовъ – надпись на здании нынешнего Посольства Нигерии (М. Никитская, 13); *Поставщикъ двора Его Императорскаго Величества Петръ Арсеньевичъ Смирновъ* – двусторонняя надпись на здании дома П. А. Смирнова (угол ул. Пятницкой и Овчинниковской набережной) в Москве; исконная надпись на фронтоне современного Дома учителя – *Домъ просвѣщенія* (Кирова, 24) в Красноярске и немногочисленные другие.

Отрицание советской эпохи в посттоталитарный период нашло отражение и в русской письменности: с возрождением многих социальных институтов дооктябрьского периода начинается стихийное «возрождение» дореформенной, старой, орфографии.

Возрождение старых, основанных до 1917 года, фирм и товаров возвращает их имена в современную действительность в исконном орфографическом облике:

– монпансье *Ландринъ*, изготовленное в Швейцарии по заказу компании «Ландринъ» в Санкт-Петербурге, и *ресторанъ «ЯРЪ»* (Ленинградский пр. 32/2) в Москве;

– *Пегасъ*, название одного из первых в России кинотеатров фирмы «А. Хонжоиковъ и К^о», основанный отечественным кинематографистом Александром Алексеевичем Хонжоиковым, на пл. Маяковского и *Товарищество «Эйнемъ»* (1851 г.) на Поварской, 29; магазин Ф. Леонтьева «*ФЕНИКСЪ*» – *торговля колоніальныхъ товаровъ, шоколатъ, сукна, трико, готовое платье, живая рыба* (Покровка, 2) и основанное в Таганроге предприятие (1868 г.) *ТОРГОВЫЙ ДОМЪ «ЧАЙ, КОФЕ і ДРУГІЕ КОЛОНИАЛЬНЫЕ ТОВАРЫ»* в современной Москве.

– макароны флотские «*Луканинъ*» Новосибирской макаронной фабрики (дело основано в 1910 году) – ул. Фабричная, 33 и др.

Кроме того, старая орфография вернулась в разнообразные тексты, отражая стремление их создателей вернуть якобы незаконно отнятое большевистскими декретами русское правописание.

Первым вестником нового графико-орфографического периода стали журналы «В мире книг» и «Наше наследие», которые обратились к дореформенному прошлому в самые первые перестроенные годы. На страницах других многочисленных газет появились воспроизведенные фототипическим способом

фрагменты или отдельные статьи из дооктябрьских периодических изданий и книг, републикации документов и театральных афиш, банковских билетов и акций – всего, что было вне знания читателей советского периода.

Элементы старой орфографии постепенно внедряются во многие сферы постсоветской жизни: на телеэкран (телепередачи *«Въеди»*, *«Русский мир»*, *«Кинематограф»*, *«Канон»*), название фильма *«Империю под ударом»* и телереклама кофе – *«Московская кофейня на паях»*; в названия журнальных статей – *«Макаръ нашего времени»* (Огонек. 2001. С. 28); парфюмерных изданий (*Сибирский цирюльник: о-де-колонь от Никиты Михалкова*), компьютерных игр (*Соборъ*), аудиокассет (*Александръ Малининъ «Венчание»*), сигарет (*Императоръ*), спичек (*Артёмъ*), водки (*Банкиръ*), музыкальных групп (*«Горнь»* и *«Ва-банкъ»*) и др.

Со временем русская дореформенная орфография стала совсем привычной в городской эпиграфике. Кроме многочисленных названий коммерческих банков (*БАНКЪ*) в малых и больших городах России, множество других имен:

– в Москве – ресторан *«Чеховъ»* и кафе *«Пушкинъ»*; антикварный салон *«Елисей»* и магазин *Антиквариатъ* на Арбате; несколько вывесок *Ломбардъ* и магазин *«Винный погребъ»*; ресторан и пивная *«Купецъ»*; рестораны *«Годуновъ»* и *«Англетеръ»*; *Трактиръ «У Елисеева»*, магазин *«Гурманъ на Солянкъ»* и множество щитов с цитатами из Пушкина к юбилею поэта;

– *Трактиръ* (на Торговом), магазины *Богуръ*, *Парижъ*, муз. группа *«Артефактъ»* в Красноярске и столовая *Казачья харчѣвня* на центральной улице пос. Казачинское Красноярского края;

– *Гостиный рядъ*; торговые павильоны *«Табакъ»* и *«Росичъ»* в Улан-Удэ и др.⁴³⁰

Кириллические названия букв, помимо того, становятся именами некоторых реалий постсоветской действительности:

– инспектор *ЯТЬ* в газете *«Я телохранитель»* (приложение к газете «Русское слово. XXI век») и русский деловой журнал *ЯТЬ*;

– предприятие *ИЖИЦА* в Красноярске (Матросова, 20-б) и др.

Характерной графико-орфографической приметой времени, своеобразным знаком новорусской России, стала буква Ъ. Именно этой букве был посвящен в конце мая 1998 года учредительный фестиваль Российского общественного движения *«Твердый знакъ»*, которое создано, чтобы объединить все фирмы и организации, имеющие в своем названии Ъ. Этот знак дореформенного правописания стал для твердознаковцев символом «возвращения к существовавшим в великой России традициям, к стабильности, надежности, «твердости»; символом России «вечной и непонятной, устойчивой и всегда идущей своим пу-

⁴³⁰ Примеры употребления дореформенной орфографии в современном тексте см. также: Григорьева Т.М. Русская орфография в посттоталитарный период // Русский язык сегодня. Вып. 1. М., 2000. С. 67–77.

тем». Участниками первой встречи стали представители многих уважаемых в столице «твердознаковцев»: компания *«Петр Смирновъ и потомки»*, *«Банкъ «Столичный»*», Издательский дом *«Коммерсантъ»*, полиграфический концерн *«Артёмъ»*, эксклюзивный поставщик массандровских вин *«Эльфъ»* (см. об этом: Волин В. Намъ твёрдый знакъ – совсемъ не врагъ // Лит. газета. № 26. 24.06.98).

Несмотря на наличие в пределах современного письменного пространства целых текстов и слов в дореформенной орфографии, нельзя сказать, что ее новая жизнь столь же интенсивна сейчас, как в первые годы постсоветского периода. Увлечение старой орфографией оказалась недолгим, и это можно проследить на примере двух периодических изданий: газеты *«Память»*, издание национально-патриотического фронта *«Память»* (учредитель Дм. Васильев), и Литературной газеты.

Первый номер газеты *«Память»* вышел в январе 1991 года на 16-ти страницах, и редакция продемонстрировала свое принципиальное расположение к старой орфографии, которое выражено, во-первых, в графико-орфографическом оформлении газеты (большинство материалов, републикаций, дано в дореформенной орфографии) и в публикации статей в защиту старого письма – во-вторых.

В выпусках газеты за 1992 год (№ 2, № 3, № 4) в дореформенном облике даны уже только публикации материалов дооктябрьского периода; статьи же современных авторов – в современной. Однако чем дальше от первого номера, тем больше газета уходит от старой орфографии. И скорее не потому, что пропало бывшее расположение, а потому, что дореформенная орфография заключает в себе многие трудности, которые оказались не под силу редакции газеты.

В 1993 году (№ 6) в статьях современных авторов в дореформенной облике только заголовки, некоторые эпиграфы и цитаты. В № 9 за этот же год и во всех последующих немногочисленных номерах дореформенность письма проявляется лишь в названиях статей и в фамилиях авторов с неизменным ъ в конце слов: *Какой социализмъ строить будем, господа-товарищи?* (Викторъ Хохловъ; 1994. № 3); *Разделение великой Россіи* (Евгений Шульгинъ; 1997. № 3–6); *Отъ Россіи убогой къ Руси обильной* (Викторъ Добровольскій; 1997. № 3); *Не бессмысленная смерть* (Сергѣй Васильевъ и др.; 1997. № 3) и под.

Материалы Литературной газеты также не обнаруживают развития тенденции. Это подтверждают все дореформенные графико-орфографические компоненты текстов, извлеченные из июльских номеров газеты за несколько лет (1975, 1980, 1990, 1991, 1992, 1993, 1994, 1995 и 1996 годы). (Эта работа была выполнена студенткой 4 курса факультета филологии и журналистики Красноярского госуниверситета И. Насенник.)

Говоря о новой жизни старой орфографии, следует сказать о сфере церковной письменности.

Старое правописание здесь сохраняется в чистом виде только в многочисленных репринтных и факсимильных изданиях богослужебной литературы священнослужителей прошлого:

КАКЪ УЧИТЬ ДѢТЕЙ ЗАКОНУ БОЖІЮ (по первой книжкѣ проіерей А. Маляревскаго (С.-Петербургъ. Типографія Училища Глухонемыхъ, Гороховая, 18. 1901).

ПЕРВАА КНИЖКА ПО ЗАКОНУ БОЖІЮ для детей с 34 рисунками. Сост. проіерей А. Маляревскій (С.-Петербург. Типографія СПб. акц. общ. печ. дѣла въ Россіи. Троицкая, 18. 1901) и др.

Материалы же современных священнослужителей издаются в новой орфографии:

В помощь кающимся. Из сочинений святителя Игнатия (Брянчанинова) и творений святых отцов. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1998.

Митрополит Сурожский АНТОНИЙ. О ПОКАЯНИИ. Проповеди. Клин: Фонд «Христианская жизнь», 1999. и др.

В новой орфографии издаются церковные газеты, журналы и ученые записки лишь с некоторыми вкраплениями старого письма в эпиграфе или заглавиях отдельных статей:

– **Прозрение:** Православный информационно-просветительский журнал.

– **Альфа и омега:** Уч. зап. общества распространения Священного Писания в России.

– **Православная Москва:** газета, издаваемая по благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II.

– Православное обозрение «**Радонеж**»;

– **Русь державная:** православная народная газета по благословению святейшего патриарха Московского и Всея Руси Алексия II.

И даже пасхальное **ХРИСТОСЪ ВОСКРЕСЕ** не во всех православных храмах России в соответствии с требованиями дореформенного письма.

Одним из последних проявлений новой жизни старой орфографии стал народный журнал 2000 года «*Распутинь*» с откровениями поклонницы Жириновского и рассказом о том, как *Иванъ Васильевичъ* меняет любовницу, где буква **Ъ**, похоже, выстает знаком новорусской порнографии.

В общем стремлении к возвращению дореформенного письма следует отметить, что доминирующей стихией являются графические дореформенные элементы. Собственно орфографическое возрождение выражено в минимальной степени. Причем среди возвращенных букв лидирует буква **Ъ**, которую в период реформы 1917 г. в первую очередь и безболезненно потеряла русская орфография. В современных текстах употребление ее носит ярко выраженный знаковый характер.

В меньшей степени характерно знаковое возвращение литеры *і* – в основном во фразеологизме «*поставить точки над і*».

Немногочисленны случаи возрождения буквы **Ъ**. Не выявлено ни одного случая возврата литеры **Ѳ**.

Современное «возрождение» дореформенного правописания во всем диапазоне его проявлений отражает, с одной стороны, стремление новых российских деятелей к знаковости. С другой стороны – современные орфографические эксперименты являются возвратом к якобы незаконно утраченному орфографическому наследию дореволюционной России, выступают как своеобразный вызов политическим событиям 1917 г. В этом случае они являются результатом мифических представлений о реформе 1917 г., поскольку проведение ее в современном общественном сознании до сих пор нераздельно связано с декретами советского правительства, которые в действительности стали не столько осуществляющей силой, сколько разрушили спланированную тактику эволюционного проведения реформы и заслонили собой важные этапы предшествующего советскому периоду русского орфографического прошлого.

Элементы орфографического «возрождения» сегодня свидетельствуют о прерванном в период революционных преобразований, но складывающемся теперь и безусловно имеющем будущее компромиссе до- и послереформенного письма, в котором все дореформенное станет живым свидетельством русского орфографического прошлого. Однако компромисс этот должен стоять на основах исторического знания и элементарной орфографической компетентности, которая была заложена в самой идее упрощения авторами и инициаторами реформы – акад. Ф.Ф. Фортунатов, А.А. Шахматов; проф. Р.Ф. Брандт, П.Н. Сакулин и др. Им важно было не только упростить, но провести это упрощение с полной мерой корректности со своей стороны и ответственности со стороны общества. Именно для этого предполагалось знакомство с исключительными реформой буквами и предшествующим реформе длительным периодом ее подготовки. Поскольку в проведении реформы нарушены спланированные тактика и стратегия проведения реформы и в результате общество осталось лишенным подлинных знаний орфографической истории, то современное ее возрождение отражает полное отсутствие адекватного орфографического сознания и опыта, и это в полной мере обнаруживают современные тексты.

Во - п е р ы х – орфографическая неграмотность отдельных названий в языковом пространстве современного города. Орфографическое сознание нашего времени очень ограничено в своих представлениях о правилах дореформенного письма, а отсюда – недифференцированное употребление букв **ъ** и **ѣ** и основанные на этом слепые отступления от правил старой орфографии:

– магазин «*Обувь*» в Москве (Садовое кольцо) и в Чите на улице Амурской;

– ларек «*Хлебъ*», название хора «*Тебе поемъ*» на майских афишах и магазин «*Алькс*» в Красноярске;

– магазин «*Хлѣб на Пятницкой*»; кафе «*БРЪ*» и его символическое представление в виде буквы **Ъ** (Старый Арбат, 2); оптово-розничный рынок «*Русь*»

на территории спорткомплекса ЦСКА и магазин **АРБАТСКАЯ ЛАВЦА** (Арбат, 27) и аптечные киоски «Старый лекарь» во многих районах Москвы и др. – хлебный магазин «Коммерсантъ» в Чите (Новобульварная, 2) и др.

Но «шедевром» орфографического возрождения является название московского ресторана «Репортёр» на Гоголевском бульваре 8, где собираются журналисты столицы. Именно здесь в конце мая 1998 г. проходил первый учредительный фестиваль «Возвращение твердого знака».

В о - в т о р ы х – неправильное употребление исключенных реформой букв в устной речи: букву **Ъ** называют в подавляющем большинстве случаев ЕРОМ и, наоборот, ЯТЬЮ букву **Ь** даже люди с филологическим образованием. Например, в книге Ник. Гайдука «Волхитка» (Красноярск, 1994), в подстрочном комментарии редактора (!!!) читаем: слово БОГ в рукописи всегда пишется с заглавной буквы и ЯТЯМИ на конце. Кроме того, буква ФИТА (Ф) произносится с ударением на первом слоге вм. правильного на втором.

В - т р е т ь и х – безапелляционные оценки современной орфографии как наследия большевизма, которые возникли в большинстве своем как следствие негативных оценок политических событий 1917 г.

Политизированное общественное сознание первых лет перестройки, расценивая реформу 1917 г. как ненужное вмешательство в исторические горизонты языка, считая ее результатом действия некой темной социальной силы, овладевшей языком, увидело в современной орфографии, лишенной реформированных букв и грамматических форм, некоторую ущербность⁴³¹.

Подтверждением этому служат многие выступления в периодической печати периода начала перестройки.

А. Вознесенский утверждал, что «репрессированные “твердые знаки” и “яти” были двойниками убитых в подвалах» (Огонек. 1991. № 12). Архиепископ Аверкий в статье «К вопросу о старой и новой орфографии», впервые опубликованной в дореформенной орфографии журналом «Православная жизнь» (1987. № 2) и перепечатанной в газете «Память» (1991. № 1) писал: «Провели эту реформу только большевики, почему эта “новая орфография”, по справедливости всей, и должна называться “большевистской”, или “советской”... только старая орфография и есть в собственном смысле слова орфография, или правописание, а та порча русского правописания, которая насильственно введена в употребление большевиками в поработанной ими России... не может и не должна претендовать на то, чтобы именоваться правописанием, есть искажение правописания»⁴³².

⁴³¹ Гусейнов Г.Ч. Ложь как состояние сознания // Вопр. философии. 1989. № 11. С. 64–76; Степанова Ильмира. Судьба русской орфографии, или Возвращение буквы ъ // Рус. мысль. 1996. № 4127 (23–29 мая).

⁴³² Другие высказывания против реформы в постсоветский период см.: Григорьева Т.М. Реформа русской орфографии: циркуляры или декреты? // Collegium. Київ. 1994. № 1. С. 54.

В числе орфографических антиреформаторов постсоветского периода акад. Д.С. Лихачев и А.И. Солженицын.

В статье 1928 г., которая опубликована только в наше время, акад. Д.С. Лихачев называет современную орфографию «делом антихристовой власти», порождением бесовщины 60-х годов XIX в.⁴³³

В защиту дореформенного письма, против «торопливой энтропийной реформы 1917–18 годов», в осуждение современного русского правописания с его недостатками изданы наблюдения А.И. Солженицына, которые возникли при его работе над Собранием сочинений⁴³⁴.

Орфографические настроения современного общества выражаются в ожидании антидекрета и контрреформы русской орфографии.

Учредители и участники проведенной в Санкт-Петербурге конференции «Судьба русской орфографии» (май 1996 г.) ставили перед собой определенную цель – «установить круг сторонников восстановления» дореформенной орфографии, поставить перед общественностью «вопрос о правомерности насильственного упрощения русской орфографии большевистскими декретами» и издавать классическую литературу в ее природной, то есть дореформенной, орфографии. Эта идея, отметил академик Д.С. Лихачев в приветственном слове участникам конференции, найдет отклик среди любителей и знатоков русской словесности». Однако, если вспомнить статью Е. Аничкова, который указал на существование разных типов дореформенной орфографии, закономерно возникает вопрос, к какой из них возвращаться (см. разд. «Русская орфография “в изгнании”»).

Между тем сами организаторы конференции «Судьба русской орфографии» (13 мая 1996 г.) продемонстрировали нежелательность возврата к дореформенному письму. В небольших по объему документах к ней, изданных в старой орфографии «Обществом возрождения духовных традиций Руси», орфографическая грамотность более чем низкая: Программа конференции, Обращение «Общества возрождения духовных традиций Руси», проект «Русская Орфография».

В статье преподавателя изящной словесности с 25-летним вузовским стажем также звучит призыв к возрождению дореформенной орфографии (Память. 1996. № 1), поскольку уничтожение буквы ъ, по мнению автора, «пронеслось по русскому письму подобно смерчу», а реформа довела русскую орфографию до абсурда. Анализ орфографических ошибок, как сообщается в статье, пока-

⁴³³ Лихачев Д.С. Тезисы доклада о старой орфографии. Медитации на тему о старой, традиционной, освященной, исторической орфографии, поправной и искаженной врагом церкви Христовой и народа русского, изложенные в трех рассуждениях // Дм. Лихачев. Статьи ранних лет. Тверь. 1993. С. 6. См. также: Рус. речь. 1993. № 1. С. 45–51.

⁴³⁴ Солженицын А.И. Некоторые грамматические соображения... // Рус. речь. 1993. № 2. С. 46–49.

зал, что все инакописания (имеются в виду орфографические ошибки. – Т. Г.) обусловлены генетической памятью и имеют «четко направленное стремление воспроизвести дореформенную орфографию». Преподавательский опыт автора якобы показал также, что «чем талантливее русский ученик или студент, чем сильнее в нем национальный дух, тем более он не в ладах с современной орфографией». В языке (а для автора это значит и в орфографии), как и во всех аспектах возрождения, «мы спасемся ровно настолько, насколько вернемся назад»⁴³⁵.

И такие высказывания, которые являются тревожным симптомом филологического и педагогического невежества, можно значительно умножить.

Дореформенное письмо в современном тексте уместно и, может быть, необходимо в случае, если оно функционально значимо и грамотно выполнено, однако приведенные факты неграмотного и немотивированного его применения ставят перед необходимостью лингвистического просвещения общества и преодоления каждым неадекватного представления о русском орфографическом прошлом, чтобы старая орфография не была предметом развлечения малообразованных.

* * *

Одним из проявлений свободы русского правописания является процесс внедрения в русский письменный текст элементов иноязычных систем. Это очевидно проявляется в том, что имена иностранных реалий (фирм, магазинов, журналов, газет, фильмов и т. д.), которые в советский период передавались посредством транслитерации, входят в текст в своем исконном, иноязычном, облике: ежедневная деловая газета «Ведомости» издается совместно с «*THE WALL STREET JOURNAL & FINANCIAL TIMES*»; марки автомашин *Carisma*, *Land Cruiser*, *Mazda*, *Pajero*, *Nissan*, *Honda* и др.; маски *Commedia dell'arte*, товары фирмы *Adidas*, напитки *Coca Cola* и *Sprite*; *Jack Pot* – зал игровых автоматов; фильтр *Stream Tee*; золотая медаль *Grand Prix*; британская компания *Pearson* и китайская *CTV Media*; компания *Encore International Liberty*, подразделение *Media Group*; муз. группа *Scorpions*; муз. диск *John Lennon. Come Together*. В иноязычном облике предстают современные преysкуранты. К примеру – преysкурант в буфете Российской государственной библиотеки (февраль 2001 г.): *Dirol* – 10 р. *Dirol kids* – 5 р. 50 к.; *Stimorol* – 9 р. *Stimorol (anasas, real mint)* – 5 р. 50 к.; *Super* – 12 р.; *Mynthon* – 10 р.; *Chewits* – 8 р.; *Boomer* – 2 р. и множественные др.

Письменное пространство современного города, периодических изданий и телеэкрана активно включает графико-орфографические элементы иносис-

⁴³⁵ *Полубояринова И.* О реформе системы народного образования: Доклад на Всероссийском съезде народно-патристического фронта «Память» // Память. 1996. № 1 (15). С. 13–15.

тем: быстро *СТОПКА*; магазин *ALEXANDRA*; *Bank Enisey*; клуб *NIRVANA* и др.); наряду с русским именем – его транслитерация средствами латинского алфавита (изд-во «Планета» – «*Planeta*»); рядом с русским – иноязычное («*Обувь*» – «*Shoes*»); «*Currency exchange*» – «*Обмен валюты*»; Степан Мезенцев и К – Степан *Mezentsev & C*); иноязычное и его транскрипция средствами русского алфавита (журнал «*Fit for fan*» – «*Фит фор фэн*»; магазины «*Second hand*» – «*Секонд хэнд*», *L'eskal* – Л'эскаль, *Loreal* – Лореаль); трехвариантное название банка в Москве (Б. Никитская, 57): *Объединенный банк* – *Objedinenny bank* – *Joint-stock commercial bank* и др. Случаи транслитерации иноязычия средствами русского письма чрезвычайно редки: бар *КОФЕ ХАУЗ* в Москве (Гоголевский б. 3/2); *М-р Доорз*, *Бест Керамикс* и немногочисленные др.

Латиница внедряется в русский текст, создавая своеобразный русско-латинский гибрид в пределах слова, словосочетания или фразы:

– Щитовая реклама в Москве: *Работа студентов в American Camp* к *American Chickens*; *Бальзам после бритья Nivea for men*; *Купи a la Carte*, *Магазин Nota bene*; *Итоги вместе с Newsweek*; *Братство from USA*; *Иванушки International* (молодежный ансамбль);

– CLASSIC мебель, DISKO город, TOYOTA-центр; спектакль театра им. М.Н. Ермоловой *Сальери Forever*; х/ф «*STAR TREK – ЗВЕЗДНЫЙ ПУТЬ*»; *Союз Travel* (тур. фирма); телепрограмма *GALADANCE-шоу*; «*АДРЕНАЛИН WEEKEND*»

Латиница внедряется в русское слово, взрывая словообразовательную модель и разрушая присущий ему орфографический облик:

– программа на MTV о жизни знаменитостей *Starmpek*; торговый дом *SIBсервис* и предприятие по авторемонту *АвтоZONA*; сибирские *BEST*ши; *Corientiryica* в красноярских газетах; *Deadуики* (рок группа); *Newвинка* (надпись на аудиокассете); *RECORD*ные новости и *SOLO*вьева (телеведущая программы «Снято» на московском канале ТВ-6 и *NOSTAL*гия – название рубрики в газете «Вятский край», посвященной В. Набокову; журнал «*Ровыесник*»; *HeIDEAL*ный бизнес – заглавие статьи в газете «Петербургский час пик» от 13.09.00; *FANT*стическая экзотика в рекламном плакате напитка и др.

– Сборник новой танцевальной музыки (1999. № 7) *Просто offигенный сборник*; щитовая реклама *Защити свою идею. РегистРация товаRных знаков*; *NZ*банк (Нац. залоговый банк) в Москве; *Дентана* – стоматология; *ЭПИЦЕНТР* – широкоформатный кинотеатр – в Красноярске; магазин *ПРОСПЕКТ* в Улап-Удэ; диско-клуб *KAZANTIП* и муз. ансамбль *СТРЕЛКИ*, муз. группа «*ИЗЮМ*»; *Светская Хроника* от Резанова–Хорошиловой (Комс. правда. 15–22дек. 2000 г. и др.), журналы «*Новый иностранец*» и периодические издания «*Иностранец*», *GAZETA.com.*; книга А. Тилле *Занимательная юриспруденция* (М.: Галарт, 2000) и *ОВИДИЙ* (М.: Экспо-пресс, 2000) и др. И даже *SHЭЙKER*.

Иноязычный словокомпонент *super* наряду с *new*, *lux* и *vip* обнаруживает высокую продуктивность: *super*-мебель; универсальные *super*-шпоры; безумные *super*-новости, *super*-новинка, *super*-читатель, *super*-фанаты, *super*-обзор, *super* -мнение, *super*-фишка *super*-досуг и др., как *vip*-академия, *vip*-дизайн, *vip*-мебель и др.

Названия рубрик молодежного журнала «Бумеранг» обозначили основные иноязычные графические элементы русского письма (*ЧЕЛОВЕК – СПОРТ – ВИДЕО – ЛЮБОВЬ – МУЗЫКА – БЕСТСЕЛЛЕР*), но лидерами графического иноязычия является литеры D и Z:

1. *Дивино* (парфюмерный магазин и журнал); *Диско* «Искра» – ночной клуб; *СТУДЕНЧЕСКАЯ ПЛАНЕТА* (рубрика в газете Компартии «Правда России»); *ДОМ КУЛЬТУРЫ* (снимок в газете «Правда Бурятии» 1999. 16-23 сент.); *НОВОГОДНЕЕ украшение 2000*; *ФИЛЬМ* а. Иващенко и Г. Васильева *Натуральный кислород* и др.

2. Магазин *БАРГУЗИН* в Красноярске; *сезон охоты, за кадром, за сценой, знакомство, кинозал, звезда, почтовоз, зачитай, засмотри, вруби музыку, из студий, живой звук*, рубрика «*Про жизнь, про секс*» в газете *SPEEDinfo*; *заметки, записки* в молодежной интернет-газете и др.

Знаки латинского алфавита, кроме того, становятся символами русских имен: *i* – информация и знак федеральной целевой программы «Интеграция»; *G* – *ГУТА БАНК* в Москве; *PSB* – *Промсвязь банк* в Москве; *Z* – логотип имени популярной эстрадной певицы *Земфиры*, мебельный магазин *Фронда* и компания *Флагман* – *F* в Красноярске и др.

Проявлением иноязычия в русском письме является английский знак «амперсанд»: журналы *КРАСОТА & ЗДОРОВЬЕ*; *РАБОТА & ЗАРАПЛАТА*; *ОБУЧЕНИЕ & ТРУДОУСТРОЙСТВО*, *ЧЕЛОВЕКИ & КАРЬЕРА* и др.; предприятия *ВЫВЕСКИ & ПОЛИГРАФИЯ*, *ДИЗАЙН & ПОЛИГРАФИЯ*, *ОКНА & ДВЕРИ* и др.; магазины *КОМПЬЮТЕРЫ & ПРОГРАММЫ*; *ОН & ОНА*; *КОЖА & ДУБЛЕНКИ*; *ЧЕБУРЕКИ & ШАШЛЫЧКИ* в Москве; *МЕХА & КОЖА* в Барнауле; *ДИВАНЫ & ДИВАНЧИКИ* в Москве, Красноярске и других городах России; рубрики в журнале *СПЕЦИИ & ПРЯНОСТИ*, *КОРОТКО & ЯСНО*, а также музыкальная группа *ПРЕЗИДЕНТ & АМАЗОНКИ* и реклама *САМЫЕ СОТОВЫЕ ТЕЛЕФОНЫ & САМЫЕ СНИЖЕННЫЕ СКИДКИ*. Знак & проник в научную литературу: Быкова & Гуревич, 1955; Живов & Успенский, Лотман & Успенский, Панченко & Успенский – так представлены авторы научных трудов в списке цитируемой литературы в работе Б.А. Успенского «Царь и император» (М.: Языки русской культуры, 2000). Выразительный пример использования этого знака заключен в статье «*ТЕЛЕВИЗОР & КРОВАТЬ* (взгляд на экран с высоты 16 лет)» А. Карахана, где феномен «*телевизор & кровать*» используется как выражение виртуального мира поколения Next (Лит. газ. 4.XI.98. № 44. С. 8).

* * *

Период графико-орфографической свободы постсоветского периода характеризуется активизацией параграфемного компонента. Так же преимущественно в сфере в рекламы и номинаций городских объектов. Буква-пиктограмма становится знаком имени или всего рекламного текста.

Примеры параграфематики не единичны. Многие знаки русского алфавита имеют (в зависимости от семантики включающего пиктографический элемент слова) свой набор рисуночных проявлений:

A – замочная скважина (*ЗАМКИ*); пятиконечная звезда (*АРМИЯ*); фирменный знак качества товаров корпорации Митцубиси (*РЕМОНТ БАМПЕРОВ*); циркуль или модифицированный треугольник (магазин «*КАНЦТОВАРЫ*»);

B – крышка кастрюли (*СЛУЖБА ХОРОШЕГО БЫТА*); курительная трубка – торговый павильон «*ТАБАК*»;

V – палец, указывающий на высокое качество (*КАЧЕСТВО*);

D – рыбы (в названии фирмы по производству консервов «*ДЕЛСИ*»);

E – глаз (*СМОТРИТЕЛЬ*); часы – политико-экономическая еженедельная газета «*ВРЕМЯ*»;

Ж – снежинка (*МОРОЖЕНОЕ*); комбинация слесарных инструментов (*ШИНОМОНТАЖ*);

I – перекладина в форме карандаша (*ШКОЛЬНИК*);

Й – в качестве знака краткости – стрелки часов (*Тайм-мастер*), луна (*Ночной клуб*), яйцо (одноименный магазин), звездочка (*Танцевальный рай*);

K – листья березы (магазин «*БЕРЕЗКА*»); бантик (*КОНФЕТЫ*);

L – брюки (магазин «*БОЛЬШИЕ ЛЮДИ*»); черпильница (*ШКОЛЬНИК*); иголка с ниткой (аудиокассета «*ЗАПЛАТКИ*»), Эйфелева башня (косметический магазин *Л'ЭСКАЛЬ*); кремлевская башня: *МОСКВА – СТОЛИЦА СУПЕР-МАРКЕТОВ* и др.;

M – окна с округлым верхом (*МОСКОВСКИЕ ОКНА*);

N – лестница (*МОНТАЖ*); антенна – «*МИР АНТЕНН*»;

T – шуруп (*ПАРТНЕР*); красный крест (*АПТЕКА*), богатырь с разведенными в сторону руками (газета «*БОГАТЫРЬ*») и др.;

У – кисть винограда (*ФРУКТЫ*);

X – раскрытые ножницы (*ПАРИКМАХЕРСКАЯ*);

Ц – цветок (*ЦВЕТЫ*);

Ш – якорь (автомаркет «*КРОНШТАДТ*»);

Ю – светящийся драгоценный камень, заполняющий круглый элемент буквы (*ЮВЕЛИРНЫЕ ИЗДЕЛИЯ*).

Среди 18-ти букв русского алфавита, которые выполняют функцию логотипа, самый широкий диапазон пиктографических реализаций имеет буква **O**:

- волна – радио «РУССКАЯ ВОЛНА»
- глобус – торговый павильон «НОВОСТИ»
- диск телефона – «ОБМЕН» (инф. бюл. гор. агентства); «КАРТОФОН»
- дом – агентство «НЕДВИЖИМОСТЬ»
- земной шар – журнал «ВОКРУГ СВЕТА»
- зрачок глаза – магазин «ОПТИКА»
- капля (нефти) – «ЛУКОЙЛЬ»
- картофелина – название продуктовых ларьков «КАРТОШКА»
- кочан капусты, помидор – магазин «ОВОЩИ»
- клубок питок – магазин «ШТОПКА»
- колесо – магазин «АВТОЗАПЧАСТИ»; «АВТОМАГАЗИН»
- конфета – магазин «ЛАКОМКА»
- колос в глобусе – предприятие «ЭКСПОХЛЕБ»
- компьютер – Интернет-ШОУ (выставка в Гостином дворе)
- лазерный диск – музыкальный магазин «ПОГРУЖЕНИЕ»
- лицо повара – магазин «СОЮШКА»
- лимон – ломбард «ТИП-ТОП»
- локон – парикмахерская «ОЧАРОВАНИЕ»
- нота – магазин «ВОЛШЕБНЫЙ МИКРОФОН»
- орбита электрона вокруг ядра – магазин ДОМ ЭЛЕКТРОНИКИ
- объектив фотоаппарата – МОМЕНТАЛЬНОЕ ФОТО
- открытая книга – учебно-производственный центр «ИНОПРОФ»
- петух – магазин «ЯЙЦО»
- плотина ГЭС – щитовая реклама «КРАСНОЯРСК»
- подсолнух – АГРОМАГ
- автодорожный знак «проезда нет» – плакат «ЗАПРЕТИТЬ ТОЛЛИНГ»
- разрез бревна – ресторан «ДРОВА»
- рекламируемый товар – «РАЗУМНЫЙ ЧЕЛОВЕК – РАЗУМНЫЙ ВЫБОР»
- рыба – магазин «ОКЕАН»
- след от пули – фильм «ВОРОШИЛОВСКИЙ СТРЕЛОК»
- смеющееся лицо – сборник «АНЕКДОТЫ»
- солнце – СОЛЯРИЙ
- спящая кошка – в рекламе теплых полов «ТЕХНОЛЮКС»
- фара автомобиля – магазин «ВСЕ ДЛЯ АВТОМОБИЛЯ»;
- фирменный знак – «ОХРАНА»
- фотоснимок героя выпуска – журнал «ПЕРСОНА»
- хрусталик глаза – магазин «ОЧКИ»;
- царская корона – компания «КОРОНА»
- цветок – магазин «ОПТИКА»
- часы – САЛОН «Часы»
- шина – предприятие «АВТОРЕМОНТ»

- шприц – плакат «СТУДЕНТЫ ПРОТИВ НАРКОТИКОВ»
- штурвальное колесо – туристическая фирма «КОЛУМБ»
- электроимпульс – предприятие «СВЕТОТЕХНИКА»
- электролампочка – бюро находок «НАХОДКИ»
- эмблема Сбербанка России – газета «ФИНАНСОВЫЙ ВЕСТНИК»
- яблоко – рекламное агентство «НЬЮТОН» и многочисленные другие.

Отмеченные проявления полизнаковости современного русского письма (возрождение дореформенного письма, внедрение иноязычия и активизация параграфемного компонента) имеют общероссийское распространение. Они являются следствием длительного периода орфографического режима и постсоветской свободы российского общества; отражением экстралингвистической действительности конца XX столетия с характерными для нее 1) отрицанием советской действительности, 2) широкими иноязычными контактами и 3) первостепенной значимостью коммерческой парадигмы.

* * *

Говоря о русской орфографии посттоталитарного периода, следует непременно отметить, что антирежимность русского письма выражается в наличии орфографических вариантов в некоторых его сферах. Особенно это относится к орфографии новых в языке слов и таких ее аспектов, как слитные, дефисные и раздельные написания; правописание сложных слов; прописная и строчная буква; удвоенные согласные и написания *Э/Е* в словах иноязычного происхождения и др.⁴³⁶

Нельзя не заметить и то, что в пострежимный период намечилось преодоление существующей в русском языке искусственной цепочки «словарь – словарь – словарь», когда вновь издавшиеся словари ориентировались только на орфографию словаря предшествующего и абсолютно не учитывали того нового, что накопилось в орфографической практике: она постепенно сменяется естественной цепочкой «язык – словарь – язык», при которой «явление (слово) извлекается из живого языка, оттуда попадает в словарь, чтобы в “ограниченном” виде вернуться опять в язык»⁴³⁷.

Свидетельством активизации орфографической деятельности является большой интерес сибирских языковедов Омска, Новосибирска, Томска, Иркутска, Барнаула, Кемерово, Красноярска к проблемам теории, истории, прак-

⁴³⁶ Букчина Б.З. Орфографическая норма в словарях разных типов // Теория языка и словаря. Кишинев, 1988. С. 187–191.

⁴³⁷ Калакуцкая Л.Л. Русский литературный язык в конце второго тысячелетия // Филологический сборник (к 100-летию со дня рождения академика В.В. Виноградова). М., 1995. С. 197–208.

тики русского правописания; вопросам его усовершенствования и преподавания в школе⁴³⁸.

Следует непременно заметить, что активизация орфографической деятельности в конце XX столетия характерна не только для русской орфографии. Разрабатывавшаяся в течение длительного периода, реформа немецкой орфографии вступила в действие в результате совместного заявления о введении новых правил немецкого правописания политическими представителями Германии, Австрии и Швейцарии, которое было подписано 1 июля 1996 г. Некоторые школы ФРГ уже в 1996 г. перешли на новую орфографию, хотя официальные сроки ее проведения – с 1 августа 1998 г. по 2005 г.⁴³⁹

Издательская свобода посттоталитарного периода нашла отражение в недоброкачественном и непрофессиональном (по словам авторов – скороспелом) издании словарей, заключающих в себе орфографическую дезинформацию⁴⁴⁰.

И, наконец, следует отметить, что посттоталитарный период русской орфографии характеризуется стремлением вывести вопросы правописания из области периферии в центр научного внимания, нарушить традицию «игнорирования» орфографии как науки, представляющей «единственным репрезентантом нормы письменного языка» орфографический словарь, не учитывающий реальной практики письма, не отражающий новые явления, накопившиеся в языке⁴⁴¹. Отмечается стремление орфографических сил современной русистики поставить письмоведение в ряд с другими областями языкознания. Оттого что правописание можно реформировать, считает В.Ф. Иванова, «орфографии отказывают в научности», считая ее сугубо прикладной дисциплиной, и от этого она несет несомненные потери как наука⁴⁴².

Одним из проявлений стремления поднять орфографию до уровня науки является то, что в школьной практике возникли реальные опыты ее изучения на научной основе⁴⁴³. Вопрос о необходимости ликвидации дефицита теорети-

⁴³⁸ Осипов Б.И. Сибирские языковеды о проблемах русской орфографии и пунктуации // Фонетика-орфоэпия-письмо в теории и практике. Красноярск, 1998. С. 49–54; Шмелева Т.В. Новое в русской орфографии // Новое в теории и практике описания и преподавания русского языка. Варшава, 1999. С. 315–319.

⁴³⁹ Шарнхорст Юрген. Проблемы исторического развития немецкой орфографии // Рус. филол. вестник. 1996. № 2. С. 103–116; Суцинский И.И. О реформе орфографии современного немецкого языка // Филол. науки. 1997. № 3. С. 86–95; Домашнев А.И. Реформа немецкой орфографии // Изв. АН. Серия лит. и яз. Т. 56. № 6. С. 9–13.

⁴⁴⁰ Иванова В.Ф., Осипов Б.И. О недоброкачественных изданиях орфографических словарей // Вестн. Омского ун-та, 1996. № 1. С. 103–104.

⁴⁴¹ Калакуцкая Л.Л. Указ. соч. С. 202.

⁴⁴² Иванова В.Ф. Академик Виктор Владимирович Виноградов как председатель Орфографической комиссии 60-х годов (научные и социальные аспекты орфографии) // Русистика сегодня. М., 1995. № 2. С. 110.

⁴⁴³ Русский язык: Учеб. для 5-го класса ср. школы / И.С. Ильинская, М.В. Панов, С.М. Кузьмина, Н.Е. Ильина и др. 2-е изд. М., 1995.

ческих знаний в области орфографии становится предметом внимания лингвистов⁴⁴⁴.

Конец XIX века истории русской орфографии ознаменован тем, что Орфографической комиссией под рук. проф. Р.Ф. Брандта, которая была создана при Московском университете для разрешения орфографических проблем того времени, был разработан Проект реформы русской орфографии, опубликованный в 1901 г. В самом конце XX в. события повторяются: орфографической комиссией при Институте русского языка им. В.В. Виноградова РАН создана новая редакция действующих в настоящее время «Правил орфографии и пунктуации» 1956 г. «Свод правил русского правописания. Орфография. Пунктуация» 2000 г. 1) регламентирует написание возникшего в языке второй половины XX столетия языкового материала, 2) устраняет те недостатки, которые обнаружались в Своде 1956 г. (не все явления русского языка отражены в нем) и 3) приводит правила правописания в соответствие с современным уровнем лингвистической науки, предлагая не только правила, как было в Своде 1956 г., но и научное их обоснование.

Предлагая такое решение орфографического вопроса в современных условиях, авторы полагали, что теоретические основы необходимы для осознанного, а не «механического» изучения правил: важно понимать, какие системно-языковые факторы определяют правило и особенности его употребления; осознавать, что в современном русском правописании «последовательность, соответствует его общим законам, а что является исключением из этих законов». Такое изложение орфографического материала, по мнению ученых, будет способствовать повышению и уровня преподавания русского языка, и общей культуры пишущих⁴⁴⁵.

Авторами проекта опубликованы материалы, разъясняющие с научных позиций сущность происходящего. Помимо указанной работы, можно назвать и многие другие:

- Кузьмина С.М. О новой редакции «Правил русской орфографии и пунктуации» // Рус. словесность. М., 1995. № 2. С. 81–85.
- Кузьмина С.М. Орфографическая комиссия и новая редакция Свода правил русского правописания // Язык: изменчивость и постоянство: Сб. статей к 70-летию Л.Л. Касаткина. М., 1998. С. 185–192.
- Кузьмина С.М. Общество и орфография // Язык. Культура. Гуманитарное знание. Научное наследие Г.О. Винокура и гуманитарное знание. М., 1999. С. 211–217.

⁴⁴⁴ Кузьмина С.М. Общество и орфография // Язык. Культура. Гуманитарное знание. Научное наследие Г.О. Винокура и гуманитарное знание. М., 1999. С. 211–217; см. также тезисы и материалы Всероссийской конференции «Лингвистика и школа» (Барнаул, 2000).

⁴⁴⁵ Кузьмина С.М., Лопатин В.В. К лингвистическому обоснованию «Свода правил русского правописания» (новая редакция) // Русистика сегодня. М., 1996. № 1. С. 88–102.

Однако сведения о готовящемся проекте создало оппозицию, по одну сторону которой – ученые, по другую – общество, представителям которого (в большинстве своем весьма далеким от идеальной грамотности) вдруг оказались дороги те правила, которые они проклинали, обучаясь орфографии в школе или готовясь к вступительному экзамену.

Главное заблуждение орфографических антиноваторов нашего времени, как и столетие назад, заключается в их ложном представлении, что изменения в правописании являются покушением на сам язык. Иными словами, орфография, в их понимании, – это и есть язык.

Выступления известных ученых современности в разных периодических изданиях, адресованные антиреформаторам нашего времени (кстати заметить, новый свод правил отнюдь нельзя назвать реформой, как уверенно считают они) по-прежнему остаются малоуслышанными:

– *Бойченко А.* Любовь к полупальсину: [По материалам беседы с гл. науч. сотр. Института рус. яз. Рос. акад. наук им. В.В. Виноградова *Е.А. Земской*] // Моск. комсомолец. 2000. 26 мая. С. 3;

– *Еськова Н.А.* О новом своде орфографических правил // Наука и жизнь. 2000. № 7. С. 32;

– *Костомаров В.Г.* Русский язык ушел вперед, а его костюм сшит по моде пятидесятых: [Беседа с Президентом Междунар. ассоциации преподав. рус. яз. и литературы *В.Г. Костомаровым*] // Рос. газ. 2001. 13 февр. С. 3.

– *Крысин Л.П.* «Назад к Островскому»: [Беседа с зам. дир. Института рус. языка Рос. акад. наук им. В.В. Виноградова / Зап. Е. Короткова] // Моск. комсомолец. 2001. 15 июня;

– *Кузьмина С.М.* Могуч русский язык, но время сильнее?: [Беседа с одним из авт. проекта «Новая редакция свода правил русского языка» *С.М. Кузьминой*] // Первое сентября. 2000. 16 дек. С. 2;

– *Лопатин В.В.* А «поджаренный бифштекс» останется!: [О проекте новой ред «Свода правил русской орфографии и пунктуации»]: Беседа с зам. предс. Орф. комиссии при Отд. лит. и яз. Рос. акад. наук *В. Лопатиным*] // Поиск. М., 2000. 22 сент. (№ 38). С. 6;

– *Лопатин В.В.* Наступит ли «ночь» без мягкого знака: Завершается работа над проектом нового свода русского правописания: Беседа с зам. предс. Орф. комиссии при Отд. лит. и яз. Рос. акад. наук *В. Лопатиным*] // Рос. газета. 2000. 11 авг. С. 9;

– *Лопатин В.В.* Напишите «парашют» через «у», и все будет о'кей: О подготовке нового «Свода правил русского правописания»: Беседа с зам. предс. Орф. комиссии при Отд. лит. и яз. Рос. акад. наук *В. Лопатиным*] // Комс. правда. 2000. 23 мая. С. 13;

– *Лопатин В.В.* Чтобы язык поспевал за временем: О новом «Своде правил русского правописания» [Беседа с зам. предс. Орф. комиссии при Отд. лит. и яз. Рос. акад. наук *В. Лопатиным*] // Независимая газ. 2000. 1 апр. С. 15.

– *Лопатин В.В.* Русский язык должен переболеть английской болезнью: [Беседа с зам. предс. Орф. комиссии при Отд. лит. и яз. Рос. акад. наук *В. Лопатиным*] // Общая газета. 2000. 16–22 марта (№ 11). С. 1–2;

– *Лопатин В.В.* «Парашют» из матраца»: Диалог о судьбах рус. орфографии [Беседа с сотрудником Института рус. яз. Рос. акад. наук им. В.В. Виноградова *В.В. Лопатиным*] // Новая газ. 2000. 15–21 янв. С. 17;

– *Лопатин В.В.* О новом своде правил русского правописания // Рус. яз. в школе. М., 2001. № 2. С. 55–60;

– *Молдован А.М.* Правописание с пробелами: «Правила рус. орфографии и пунктуации должны быть правильными // Рос. газ. 2000. 27 окт. С. 25.

– Под сводом новых правил: [Беседа с сотрудниками Института рус. языка Рос. акад. наук им. В.В. Виноградова *С.М. Кузьминой* и *Л.К. Чельцовой*] // Офис-организатор. М., 2000–2001. (дек.–янв.). С. 16–20;

– *Соловьев Н.* Не пора ли поставить точки над «ё»? [О проблемах орфографии рус. яз.: Беседа со ст. науч. сотр. Ин-та лингв. исслед. Рос. акад. наук // Смена. 2000. 17 янв. С. 3.

Прав был Р.И. Аванесов, который в 1978 г. писал, что поскольку орфографией пользуются все, то при обсуждении орфографических проблем, считая себя полноправными в ней «специалистами», с завидным апломбом высказываются представители самых разных профессий, хотя настоящих специалистов по орфографии мало даже среди лингвистов⁴⁴⁶.

Уместно вспомнить высказывания членов орфографической комиссии 1904 г., которые также стояли перед необходимостью убеждать общество в необходимости устранения из русской орфографии тех противоречий, которые возникли как следствие развития языка, с одной стороны, или как результат деятельности «не слишком сведущих, но очень смелых грамматистов», иначе говоря – малообразованных, – с другой.

О патриотизме, который не страшится необдуманности и хвастовства (а имя ему – *квасной патриотизм*) и не привлекает людей беспристрастных и логически мыслящих своей фальшивостью, писал, обращаясь к антиреформаторам своего времени, проф. Р.Ф. Брандт: «... в орфографическом вопросе публика и печать могли бы оказать большее доверие специалистам: как лечение поручается врачам, строительство – архитекторам, так дело орфографии преспокойно можно бы поручить филологам и педагогам»⁴⁴⁷.

Эту же мысль высказана В.И. Чернышевым, одним из неперенных участников создания проекта реформы 1917 г. В рецензии на книгу Н.П. Гилярова-Платонова «Экскурсии в русскую грамматику» (М., 1904. 63 с.) он писал: «Никто не станет писать о вопросах технических, о сельском хозяйстве, – не познако-

⁴⁴⁶ *Аванесов Р.И.* Заметки по теории русской орфографии // Восточно-славянское и общее языкознание. М., 1978. С. 222.

⁴⁴⁷ *Брандт Р.Ф.* К орфографической реформе (Письмо в редакцию) // Русь. 1904. № 124.

мившись с ними хорошенько, а как дело дойдет до языка, то публицист, овладевший хорошим стилем, думает, что ему ничего не стоит решить какой угодно лингвистический и филологический вопрос»⁴⁴⁸.

В то время у них была надежда, что «над схоластикой и рутиной восторжествует здравый смысл русского народа». В наше время, похоже, такой надежды нет: малоосведомленные журналисты и писатели смело выдвигают свое мнение против мнения ученых-специалистов, не думая о последствиях.

При сложившейся общественной ситуации первый свод правил русской орфографии и пунктуации, созданный в 1956 г. на основе научных разработок 30–40-х годов, может стать надолго последним, и это может привести к новому этапу неупорядоченности и разнобоя в русском письме.

⁴⁴⁸ Чернышова В.И. [Рец.] Н.П. Гилярова-Платонова. Экскурсии в русскую грамматику (М., 1904. 63 с.) // Рус. школа. 1905. № 3. С. 32.

Часть II

ПРИЛОЖЕНИЯ

I. Документы к реформе русской орфографии (до 1917 г.)

Проект реформы орфографической комиссии 1900 г. под председательством проф. Р.Ф. Брандта

(Опубликовано в: [Доклад... 1901: 40–42])

В основу проектируемой реформы положены следующие принципы:

1. Правописание не должно отождествляться ни с научно-фонетической транскрипцией, ни с свободнофонетическим письмом; оно должно быть определенной системой, не трудной для усвоения и годной для ясной (не абсолютно точной) передачи звуков живой речи.

2. Русское правописание не должно отражать произносительных особенностей какого-нибудь диалектического произношения.

3. Устойчивость и единообразие нашей орфографии могут быть достигнуты путем сохранения *этимологического начала*, но лишь поскольку оно проявляется в современном литературном языке.

4. Упрощение нашего правописания должно выразиться:

а) в устранении из состава азбуки букв, которым нет соответствия в звуках современного языка;

б) в устранении произвольных правил, введенных в наше правописание без достаточных оснований.

5. Единообразие письма не исключает некоторого разнообразия в несущественных и спорных случаях, например, при определении слитного и раздельного написания слов, в орфографии иностранных слов, при переносах и т. п.

Комиссией было предложено 16 пунктов упрощения:

А. Исключаются из *состава азбуки* лишние буквы: Ъ, Ь на конце слов, V, i, Ѳ.

Б. Предлагаются следующие орфографические правила.

I. В области фонетики

1) Мягкий знак пишется только в тех случаях, когда от опущения его получается искажение слова, например: *знать, нянька, весьма, крестьянин*. Поэтому мягкий знак должен быть опущен в окончании неопределенного наклонения *ться*, то есть следует писать: *знатсья*. Мягкий знак является излишним и на конце слов после шипящих Ч и Щ: *ноч, моц, леч*. С устранением *ера* мягкий знак употребляется всегда внутри слов в разделительном значении (*объём, съестъ*).

мившись с ними хорошенько, а как дело дойдет до языка, то публицист, владевший хорошим стилем, думает, что ему ничего не стоит решить какой угодно лингвистический и филологический вопрос»⁴⁴⁸.

В то время у них была надежда, что «над схоластикой и рутинной восторженствует здравый смысл русского народа». В наше время, похоже, такой надежды нет: малоосведомленные журналисты и писатели смело выдвигают свое мнение против мнения ученых-специалистов, не думая о последствиях.

При сложившейся общественной ситуации первый свод правил русской орфографии и пунктуации, созданный в 1956 г. на основе научных разработок 30–40-х годов, может стать надолго последним, и это может привести к новому этапу неупорядоченности и разноречия в русском письме.

⁴⁴⁸ Чернышев В.И. [Рец.] Н.П. Гилярова-Платонова. Экскурсии в русскую грамматику (М., 1904. 63 с.) // Рус. школа. 1905. № 3. С. 32.

Часть II

ПРИЛОЖЕНИЯ

I. Документы к реформе русской орфографии (до 1917 г.)

Проект реформы орфографической комиссии 1900 г.
под председательством проф. Р.Ф. Брандта

(Опубликовано в: [Доклад... 1901: 40–42])

В основу проектируемой реформы положены следующие принципы:

1. Правописание не должно отождествляться ни с научно-фонетической транскрипцией, ни с свободнофонетическим письмом; оно должно быть определенной *системой*, не трудной для усвоения и годной для *ясной* (не абсолютно точной) передачи звуков *живой речи*.
 2. Русское правописание не должно отражать произносительных особенностей какого-нибудь диалектического произношения.
 3. Устойчивость и единообразие нашей орфографии могут быть достигнуты путем сохранения *этимологического начала*, но лишь поскольку оно проявляется в современном литературном языке.
 4. Упрощение нашего правописания должно выразиться:
 - а) в устранении из состава азбуки букв, которым нет соответствия в звуках современного языка;
 - б) в устранении произвольных правил, введенных в наше правописание без достаточных оснований.
 5. Единообразие письма не исключает некоторого разнообразия в несущественных и спорных случаях, например, при определении слитного и раздельного написания слов, в орфографии иностранных слов, при переносах и т. п.
- Комиссией было предложено 16 пунктов упрощения:
- А. Исключаются из *состава азбуки* лишние буквы: Ъ, Ы на конце слов, V, i, Ѳ.
 - Б. Предлагаются следующие орфографические правила.

I. В области фонетики

- 1) Мягкий знак пишется только в тех случаях, когда от опущения его получается искажение слова, например: *знать, нянька, весьма, крестьянин*. Поэтому мягкий знак должен быть опущен в окончании неопределенного склонения *ться*, то есть следует писать: *знатся*. Мягкий знак является излишним и на конце слов после шипящих Ч и Щ: *ноч, моц, леч*. С устранением *ера* мягкий знак употребляется всегда внутри слов в разделительном значении (*объём, съестъ*).

2) После *Ж* и *Ш* пишется не *И*, а *Ы*: *жыр, жыть, жыла, сушить*. Вместе с тем является неуместным употребление *еря* в конце слов: *рож, тиш*.

3) после *Ц* допущенное во многих случаях *Ы* проводится повсюду: не только *цыган, цыновка* и т. п., но и *цыкорий, цытадель, цытата, станция, лекция*.

4) После шипящих и *Ц* ударяемое *О* постоянно изображается и на письме: *жорнов, шол, течот, прельцион*.

5) Приставки *воз-, из-, низ-* и *раз-*, подобно *без-, чрез- (через-)* и другим префиксам, никогда не меняют *З* на *С*.

II. В области морфологии

1) В Род. пад. ед. ч. муж. и ср. рода прилагательных, местоимений, причастий и порядковых числительных пишется *-ово* и *-ево*: *злого, доброво, синево, тово, ево*.

2) В Им. и Вин. пад. мн. ч. прилагательных и других частей речи того же склонения всегда пишется *ьи, ии*.

3) Форма *еѣ* употребляется не только в качестве Вин., но и в качестве Род. пад.

4) Устраняется произвольное различие по родам равноправных форм *они, одни* и *онѣ, онѣ* и вводится исключительное употребление форм *они, одни*.

5) В Предл. пад. ед. ч. существительных на *ій, ія, іе* (*Василій, линия, здание*) и в дат. ед. слов на *ія* допускается по общему правилу *Е (ь)*.

III. Переносы слов

Правила переноса слов не могут иметь никакой научной обязательности. Рекомендуются, однако, переносить слова по слогам с соблюдением лишь двух правил:

1) согласная причисляется к следующей гласной;

2) при стечении нескольких согласных возможно или все отнести к последующей гласной, или некоторые оставить при предыдущей гласной.

ОБРАЗЕЦ НОВОГО ПРАВОПИСАНИЯ

Осенние впечатления в деревне

Солнце с каждым днем греет слабее, и небо все чаще и чаще покрывается облаками. В обнаженных лесах не услышишь уже веселого птичьего пения; в помертвевших лугах не полюбуйся пестрым разнообразием трав и цветов; с полей уж давно убрали рож и даже яровьи хлеба, и всюду, куда ни взглянешь, торчит лишь одна соломенная щетина. Из свинцовых туч безпрестанно льется мелкий дождь, превращая улицу в грязную лужу. Резкий ветер пронзительно свищет в ветвях оголенных деревьев и заставляет легки деревянные ворота с визгом раскачиваться из стороны в сторону. Сквозь густой туман, разстилающийся иногда по деревне и ее окрестностям, едва виднеются ветхих избушки.

На улице — полнейшее безлюдье. Все прячутся, кто куда может, лишь бы укрыться от этого осеннего ненастья. Окончив свои полевые работы, крестьяне с радостью отдыхают в теплых избах. Продрогши куры приютились под навесом сараев, завернув свою голову под тепленькое крылышко. Угрюмый двор няжки также свернулись комком под телегами, сиротливо стоящими у плетня.

Представьте себе всю эту картину, и вы поймете, какое радостное чувство должен испытывать непривычный посетитель, случайно попавший в нашу деревню поздней осенью.

Предварительное сообщение Орфографической подкомиссии (1904 г.)

(СПб., 1904. 16 с.)

Письмо — вещь условная. Слово, напротив, есть необходимое, на глубоких законах основанное явление.

К.С. Аксаков

Подкомиссия, избранной в заседании 12 апреля 1904 года Комиссией по вопросу о русском правописании, было поручено выработать проект тех упрощений в ныне принятом правописании, которые не связаны с исключением из алфавита каких-нибудь букв. Но подкомиссия надлежало иметь при этом в виду, что постановлением Комиссии, состоявшимся 12-го апреля, буквы *Ъ, ъ, Ѵ* и одно из начертаний для звука *і* уже исключены из азбуки [1].

Остановившись на вытекающих из указанного постановления последствиях, комиссия обсудила прежде всего вопрос о том, какое из обоих начертаний для звука *і* удобнее исключить, и признала подлежащим исключению начертание *і* по следующим соображениям:

1) *і* встречается гораздо реже, чем *И*, таким образом исключение десятиричного *И* потребовало бы меньше ломки в принятом ныне правописании, чем исключение *И* восьмеричного;

2) в письме *і* представляет больше затруднений, чем *И*, ввиду необходимости отрывать руку для постановки точки [2];

3) буквы без надстрочных знаков (какова буква *И*) представляют в типографском отношении выгоды и удобства сравнительно с буквами, снабженными такими знаками;

4) сохраняя *Й* (*И* с краткой), надо тоже сохранить *И*; приняв же *і*, надо придумать другой знак для *Й*, что нежелательно.

Исключение буквы *Ъ* в конце слов не может встретить никаких затруднений. Но в середине слов эта буква перед *Я, Е* (*Ѣ, Ѥ*), *Ю* употребляется для отделения согласной от следующего звука, причем указанные буквы произносятся как *ja, je, ju*, т. е. между согласной и гласной слышится звук *j*, не имеющий в русской азбуке особого для себя знака. Исключение *Ъ* в этом положении, т. е. напр. в словах *объявлять, изъятый, всеобъемлющий, объем, подъехать, съестъ*, должно повлечь за собой замену буквы *Ъ* другим отдельным знаком. Отвергнув предложенную в некоторых проектах замену *Ъ* в таком положении соединительным знаком (*об-являть, с-ьестъ*), ввиду особого значения, которое этот знак имеет в нашем правописании, подкомиссия остановилась на предположении заменить *Ъ* перед буквами *Я, Е*, (*Ѣ, Ѥ*), *Ю* буквой *Ь*, т. е. писать: *объявлять, объем, съестъ, подъехать, изьянать*. В пользу такой замены можно привести то обстоятельство, что в московском произношении в этих случаях согласные перед *ј* (перед «йотированными гласными») мягки [3]. Правда, в литературном наречии известно и твердое произношение согласных в приставках перед «йотированными гласными», но это не может препятствовать предложенной подкомиссией замене *Ъ* через *Ь*, ибо буква *Ь*, в силу сложившейся уже традиции, употребляется не только в качестве знака мягкости (напр. в *теперь, весьма*), но также и как отделительный знак перед «йотированными гласными» (*Я, Ю, Ѣ, Е* или *Ъ, И*) и притом как после согласных, могущих быть мягкими (*листья, друзья*), так и после остающихся всегда твердыми (*цью, оружье*,

мышью). Притом же, как скоро исключена была бы буква Ъ в конце слова, она не могла бы уже иметь значение «твердого знака» при употреблении внутри слов, напр. в *объявить*.

Следствием исключения буквы Ъ в конце слов является возможность не писать Ъ в положении за конечной твердой согласной, а именно за Ж и Ш, где Ъ пишется теперь (по требованию этимологии) только в силу того общего правила, что конечная в слове согласная должна сопровождаться в письме твердым или мягким знаком.

Сохраняя вообще для Ъ значения 1) знака мягкости и 2) знака отделительного (*шью, объявят*), подкомиссия нашла излишним писать ту букву в конце слов за Ж и Ш, напр. в Имен. - Вин. пад. ед. ч. слов женского рода (*рож, плеш*), во 2 л. ед. ч. наст. и буд. вр. (*ходиш, даш*), в окончании наречий и союзов (*лиш, слыш, настеш*).

Имея в виду, что звуки Ч, Щ в господствующем произношении мягки и что мягкость эту не принято выражать буквой Ъ в середине слов (*безупречный, овечка, мощный*), подкомиссия предположила не писать Ъ в положении за Ч, Щ также и в конце слов, т. е. вместо *ночь, толочь, печь, речь, точь в точь, навзничь, вещь, помощь* писать *ноч, толоч, печ, реч, точ в точ, навзнич, вещь, помощь*.

Исключение из алфавита буквы Ъ выдвинуло вопрос о желательности обязательного обозначения звука О после предшествующей мягкой согласной буквой Ё, а не Е (*тётка, вёл, рёбра*). Исходя, однако, из того соображения, что отсутствие диезоточия над Е в современном письме не затрудняет чтения, подкомиссия признала употребление буквы Ё желательным, но не обязательным.

Обратившись к другим вопросам, связанным с упрощением русского правописания, подкомиссия находила целесообразным и желательным приближение письма к живому произношению. Но имея в виду частью опасения слишком больших затруднений при переходе от существующего ныне правописания к новому, частью же разнообразие в произношении некоторых звуков в отдельных говорах, отражающееся и в литературном наречии, подкомиссия решила по возможности не касаться звуковой стороны русской речи по отношению к выражению ее в письме. Только один вопрос современного правописания, не представляющего в этом именно случае желательного однообразия, остановил на себе внимание подкомиссии — это вопрос о передаче звуков О и Е и различных их оттенков после букв Ч, Щ, обозначающих согласные всегда мягкие, и после букв Ж, Ш, Ц, обозначающих согласные всегда твердые. Подкомиссия предположила передавать звук О под ударением, т. е. там, где он вполне явственно слышится, буквой О: *крючок, пчолка, чорный, щолк, ещо, жорнов, жолтый, джот, свежо, мейок, шол, шопот, лицо, яйцо*; различные же оттенки звуков, появляющиеся вместо О и Е в слогах без ударения, после Ч, Щ, Ж, Ш, Ц решено передавать по-прежнему через Е: *пчела, чернослив, чертог, щенок, топорище, вышел, выше, желток, жернова, немец, сердце*.

Напротив, этимологическая сторона русской речи в письменном ее выражении обратила на себя особое внимание подкомиссии, решившей допустить некоторые нововведения, основывающиеся именно на этимологическом (историческом) начале.

Во-первых, по требованию этимологии предположено изменить начертание слов *расти, расту* (*растёць, растёт* и т. д.), *растущее*: звук О вместо А, помимо указаний со стороны истории русского языка и свидетельств современных окружающих говоров, восстанавливается на основании прош. вр. *рос*. Итак: *рости, расту, растущее* [4]; равным образом *ростить, рощение*.

Последовательность требовала бы замены написания *раз* (в приставке) через *роз* в положении не под ударением, ибо русскому языку, как доказывает его история, свойственно было искони только произношение *роз* (напротив, церковно-славянскому языку — произношение *раз*), ср. *роз* под ударением, напр. в *розпись, розказни, розчерк, розвальни*. Но, имея в виду значительное число заимствованных из церковно-славянского языка слов с *раз* [5] (напр. *разнятие, развельч, разверстый, разврат, разумный*, ср. также *разум*, подкомиссия предположила остаться при современном правописании, т. е. писать приставку *раз* с А в слогах неударяемых.

Во-вторых, остановившись на изменениях коренной части слова (суффиксов), подкомиссия полагала необходимость строго придерживаться господствующего и в нынешнем правописании этимологического начала, в силу коего обозначение согласного звука коренной части слова не отражает в письме тех изменений, которым этот звук подвергся в произношении. Таким образом подкомиссия находила нужным сохранить написания, как *младший, тяэко, блиско, лодка* не *млатиший, тяшко, блиско, лотка*) и т. п. Равным образом решено писать с С и З такие слова, как *перепечник, разносчик, извозчик*, с Ж слово *мужчина* и т. д. Исходя из указанного начала, подкомиссия, в виду настоящего вр. *иду, приду*, остановилась на написании *идти, прийти* (но *дойти, пойти, найти, зйти, сойти, уйти* и др., так как в них не слышится двойное Т).

В-третьих, следуя тому же этимологическому началу, подкомиссия предположила последовательное проведение написаний с З в приставках *без-, из-, воз-, раз-, чрез-* и *чрез-, низ-* как перед гласными и звонкими согласными, так и перед глухими согласными, где в современном правописании приставки *из-, воз-, раз-, низ-* пишутся с С. Еще Грот заметил, что начертания *ис-, ис-, вос-, рас-* составляют противоречие общему характеру нашей орфографии, так как все прочие предлоги с «громкой» согласной в конце всегда сохраняют свои коренные буквы (*под-, над-, об-, пред-*) [6]. Имея в виду, что приставки *без-* и *чрез-* (*чрез-*) пишутся всегда с З, равно и то, что перед глухим С не меняют свое З также и прочие приставки (*из-, воз-, раз-, низ-*), подкомиссия нашла, что последовательное проведение этимологического написания всех названных приставок потребует менее ломки в принятом ныне правописании, между тем как фонетическое начало заставило бы писать *бес-, черес-* (*чрес-*) перед глухими согласными, а также *ис-, вос-, ис-, рас-* перед С. Итак: *возпрятие, разположение, низпослать, бесполезно, исчезнуть, распада* и т. п. [7]. Там, где состав слова не ясен, т. е. где приставка тесно срослась с корнем, возможно сохранить фонетическое написание (напр. *восток*).

В-четвертых, этимологическое начало правописания признано подкомиссией особенно желательным для некоторых грамматических окончаний. Вследствие искусственно возникших написаний, школьная грамматика и теория правописания различают нередко два разных окончания там, где ни живая речь, ни история языка не дают оснований к такому различению:

а) в склонении прилагательных мужского и среднего рода родительный падеж единств. ч. в современном правописании имеет два окончания *-ого* и *-аго* (*-яго*); первое окончание употребляется под ударением (*слыного, худого, родного*), второе в слогах неударяемых (*добраго, сильного, веселаго, сияго*). Правило это нового происхождения: еще очень недавно писали *-аго* и под ударением (*худаго, слыаго*). Имея в виду 1) свидетельство истории русского языка относительно того, что единственным окончанием этой падежной формы в склонении местоимений и прилагательных было всегда только *-аго* (*-аго*); 2) показания современных окружающих говоров, имеющих О, а не А, в *добраго, сильного*, и 3) то обстоятельство, что различение ударяемой и неударяе-

мой формы в Род. падеже не находит соответствия в формах других падежей (*слепому* и *доброму*, о *слепом* и о *добром*), подкомиссия предположила писать в окончании Род. пад. ед. ч. прилагательных при всяком относительно ударения положении только *-ого* после согласных твердых по происхождению (*слепого*, *доброго*, *сильного*). Соответственно с этим после отвердевших *Ж, Ш, Ц*, а также после мягких *Ч, Щ* надлежало бы писать *-его* в слогах неударяемых (*свежего*, *лучшего*, *прочего*, *вещего*, *куцега*) и *-ого* в слогах ударяемых (*чужого*), а после смягченных согласных, равно как и после отдельного *Б*, требовалось бы во всех случаях *-его* (*сынего*, *зимнего*, *божьего*, *овечьего*) [8].

б) в Имен.-Вин. падежах ед.ч. имен прилагательных мужского рода в современном правописании известны также два окончания после твердых согласных: *-ий (-ий)* не под ударением, напр. *добрый, сильный, красный, великий, ловкий*, и *-ой* под ударением, напр. *худой, слепой, городской*. Между тем в современном произношении и под ударением и без ударения слышится только *-ой* [9].

Оставляя в стороне древнерусский язык, где с XV века *-ой* становится обычным окончанием для формы Имен.-Вин. пад., отметим, что написания с *-ой* были всегда употреблены в литературе XVIII века. Ломоносов давал решительное предпочтение окончанию *-ой* в ударяемых и в неударяемых слогах; так, в «Грамматике» он пишет *сильной, скверной, сладкой, истинной и истинный*, но *богатый*. Кн. Щербатов в «Истории Российской» (изд. 1771 г.) писал: *бесплезной подходе, новой обычай, царской вьнець* и т. д. Княжнин в комедиях (изд. 1787 г.): *изрядной вопрос, логкой способь, умной и ученой человекъ* и т. д. Фонвизин: *битой часть, какъ вкопаной, любочестивой человекъ* и т. д. (Материалы для поля. собр. соч. Д.И. Фонвизина, труд Н.С. Тихонравова). Пушкин употреблял формы на *ой* в Имен.-Вин. пад. ед. ч. муж. р. и без ударения на окончании [10]. Особенно упорно держалось *-ой* в положении после *и, К.Х.* Востоков писал *О* в «смягчительном окончании» *-енькой* (напр. *новенькой*, не *новенький*) [11]. К. Аксаков писал: *Русской народ, Русской языкъ, легкой отпечатокъ, латинской* (но и *Латинский, Церковно-Славянский*). Подкомиссия предположила писать в окончании Имен.-Вин. пад. м. р. прилагательных *-ой* как под ударением, так и в неударяемом слоге, т. е. не только *худой, слепой*, но и *добрый, сильный, строгой, новенькой* [12]. Допустив *-ой* в окончании Имен.-Вин. пад. ед. ч. муж. р. после твердых согласных, подкомиссия нашла необходимым заменить окончание *-ий* после смягченных согласных через *-ей*, так как окончание *-ий* современной живой речи, рядом с которым слышится также *-ей* [13], восходит к древнему окончанию *-ей*, возникшему после смягченных согласных в то же время, когда после твердых согласных явилось *-ий*. И здесь уместна ссылка на Ломоносова, писавшего *прежней, божей, третьей* и т. д., и на кн. Щербатова, писавшего: *сльдующей годъ, древней льтописецъ* и т. д. Итак: *зимней, прежней, синей, лисей*. Замена современного написания *-ий* через *-ей* после *Ж, Ч, Ш, Щ, Ц*, требующих за собой *О*, когда окончание Имен.-Вин. пад. имеет ударение, вполне согласуется с общим правилом, принятым подкомиссией относительно чередования букв *О* и *Е* после указанных согласных в слогах ударяемых и неударяемых: поэтому *чужой, меньшей, княжой, при рыжей, меньшей, старшей, тощей, овечей, княжесей*.

в) в окончании Имен.-Вин. пад. мн. ч. имен прилагательных современное правописание требует *-ые, -ие* для мужского и *-ья, -ья* для женского и среднего рода. Окончания *-ья, -ья* никогда не были свойственны живой русской речи и явились под влиянием отчасти церковнославянских окончаний *-ѣа, -ѣа*, для Имен.-Вин. пад. мн. ч. жен. р., отчасти же окончаний *-ѣа, -ѣа*, для Имен.-Вин. пад. мн. ч. ср. рода. В современной

речи все три рода имеют в форме Имен.-Вин. пад. мн. числа имен прилагательных одно окончание, которое могло бы быть передано как написаниями *-ые, -ие*, так и написаниями *-ьи, -ьи*. Подкомиссия, имея в виду существующие в современном правописании окончания *-ые, -ие* (восходящие к древнерусским окончаниям Им.-Вин. мн.ч. жр. и Вин. мн.ч. м.р. *-ыѣ, -ыѣ*, вытеснившим старые окончания Им.-Вин.п. мн.ч. ср.р.), предположила сохранить их для муж. рода и распространить, по указанным выше соображениям, и на остальные роды, т. е. писать *добрые люди, тесные улицы, доблестные войска, глубокие моря* [14].

г) современный язык употребляет формы *они, одни* и *онъ, одинъ* безразлично в Имен. и Вин. пад. мн. ч. всех трех родов. Теория правописания выступает с искусственным требованием писать *они, одни* для муж. и ср. родов, *онъ, одинъ* для женского рода. В старину отличалась в письме по родам и форма Имен. пад. мн. ч. *отъотъ*: эти для мужского, *этъ* для женского и среднего или же *эти* для мужского и среднего, *этъ* для женского рода. Но искусственное различие это продержалось не долго. Нет основания сохранять его и для Имен. и Вин. пад. мн. ч. слов *онъ* и *одинъ*. Подкомиссия предположила ввести написания *они, одни* для Имен. и Вин. пад. для всех трех родов. Равным образом предположено писать для всех родов только *одних, одним, одними* (не *одних, однем, однеми*) [15].

д) письмо отличает форму Род. пад. ед. ч. местоимения женского рода *она* от формы Вин. пад. особым начертанием, несмотря на то, что обе формы звучат одинаково: *ея* (род. ед. ч.), *ее* или *еѣ* (вин. ед. ч.). Имея в виду, что форма *ея* никогда не существовала в русском языке, получившем в родительном падеже форму *еѣ*, с позднейшим ее изменением в *еѣ*, и распространившем употребление этой формы также и на Вин. пад. (звучавший раньше *Ю*), подкомиссия предположила исключить из теории правописания правило, требующее писать *ея* в Род. пад. ед. ч. (ср. форму *самоѣ* для Род. и Вин. пад. жен. р.) [16].

Вопросы о слитном и раздельном написании слов, а также об употреблении между словами соединительной черты могли быть разрешены подкомиссией лишь в самых общих чертах. В общем предположено остаться при существующих правилах.

Но вместе с тем, ввиду того, что слитность и раздельность написания слов зависят во многих случаях от субъективного понимания говорящих [17], предположено допустить то и другое написание в наречиях, составленных из сложения существительных, прилагательных и числительных с предлогами, т. е. допустить написания *в стороне и встороне, в течение и втечение, сверху и сверху, в двое и вдвое*.

Соединительную черту предположено употреблять перед частицами *то* и *ли* ввиду особой энклитичности их. Кроме того, соединительную черту предположено писать перед сокращенными формами союзов *же, бы* и *ли* (*Ж, Б* и *Ль*). Во всех других случаях признано необходимым допустить свободу в употреблении этой черты.

При переносе простых, несложных слов предположено ограничить свободу лишь следующим правилом: согласная (одна или последняя в группе согласных), являющаяся непосредственно перед гласной, а в начале слов также и вся группа согласных перед гласной не должны быть отделяемы от этой гласной.

При переносе сложных слов предположено иметь в виду этимологический их состав, причем, однако, часть сложного слова переносимая в следующую строку, должна составлять слог.

Деятельность подкомиссии не ограничивалась приведенными выше соображениями и предположениями, выработанными частью единогласно, частью большинством голосов. Подкомиссией довольно обстоятельно рассмотрены также и другие частные вопросы правописания, но при разрешении большей части их признано было необходимым держаться принятых ныне правил, а к обсуждению некоторых из таких вопросов подкомиссия предполагает вернуться при возобновлении занятий этой осенью.

Члены подкомиссии выражают надежду, что изложенные здесь результаты их совещаний подвергнутся всесторонней оценке со стороны лиц, интересующихся судьбой русского правописания. Замечания просят присылать до 15 сентября на имя председателя орфографической подкомиссии Филиппа Федоровича Фортунатова (адрес до 1 сентября: Петрозаводск, а после 1-го сентября: С.-Петербург, Кабинетская 20, кв. 7). Все замечания будут приняты во внимание подкомиссией при составлении ею доклада для Комиссии по вопросу о русском правописании.

Напечатано по распоряжению Императорской Академии Наук.
Май 1904 года. Непременный Секретарь, акад. Н. Дубровин

Тип. Импер. Академии Наук (Вас. Остр., 9-я лин., № 12).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Не лишним представляется напомнить, что еще в XVIII столетии были попытки исключить букву *Ѣ* из русского алфавита. По распоряжению директора Академии наук Домашнева в нескольких книжках Академических Известий за 1781 год печаталась без этой буквы отдел «Показания новейших трудов разных Академий» (Я. Грот. Спорные вопросы русского правописания. 2-е изд. С. 202). В начале 70-х годов акад. Я.К. Грот высказался за исключение буквы *Ѣ* в конце слов, заметив, что частое употребление лишней буквы на письме является несколько странным анахронизмом. «Есть однако повод думать, — заключает Я. Грот. — что учащееся ныне поколение наконец освободит наши исходные согласные от их навязчивого спутника» (Там же. С. 318). В другом месте, в статье «По поводу толков о правописании», напечатанной в 1862 г. (Совр. летопись Русского вестника. № 28), Я.К. Грот, обсуждая вопрос о необходимости отбросить *Ѣ* в конце слов, прибавляет: «А.Х. Востоков и И.И. Срезневский, которым я сообщал эти замечания, вполне согласны со мною во взгляде на излишество буквы *Ѣ* в конце слов» (см. Спорные вопр. русск. право. 2-е изд. С. 383). Против *Ѣ* в конце слов высказывался в том же 1862 г. М.Н. Катков: «Нам также кажется, — писал он, — что дело следует начать с отмены *ЕРА* в конце слов, но мы полагаем, что для этого нужно согласие по крайней мере нескольких из наиболее распространенных наших журналов. Мы заранее заявляем готовность присоединиться к договору». По расчетам М.Н. Каткова, «сбережение (от устранивания буквы *Ѣ*) составило бы приблизительно 8 % на наборе, печати и бумаге.

Издание, тратящее на эти предметы 100 000 рублей, платит за букву *Ѣ* приблизительно 8 000 рублей» (Совр. летопись Русского вестника за 1862 г. № 28. Ср. Я. Грот. Спорные вопросы русского правописания. 2-е изд. С. 236 и 405).

Буквы *Ѣ* и *Е* смешиваются уже в древнейших памятниках русской письменности к XI в. Это объясняется или диалектическим совпадением обоих звуков в одном, или смешением их в церковнославянском произношении, обычном на Руси. В современном московском и литературном произношении звук *Ѣ* совпал вполне со звуком *Е*. Об этом свидетельствуют целый ряд авторитетных ученых.

А.Х. Востоков в § 165 своей «Русской грамматики» писал: «Буква *Ѣ*, произносимая в русском языке совершенно сходно с буквою *Е*, пишется в нижеследующих коренных словах и окончаниях...». Протоиерей Павский в § 125 «Филологических наблюдений» СПб., 1841 —

(первое рассуждение): «Гласная *Ѣ* по своему выговору нимало не отличается от *Е*». Академик О.Н. Бетлинг в 1851 г. писал: «В нынешнем русском языке эта буква, как приписывают и грамматики, совершенно одинакова с *Е*» (Уч. зап. Имп. Акад. наук по первому и третьему отделению. 1852. Т. 1. Вып. 1. С. 84). В.И. Даль в Толковом словаре отметил, что значение и смысл буквы *Ѣ* до того утрачены, что правописание чрез нее стало шатко. «С помощью других славянских наречий можно было бы разобрать эту путаницу и установить правило или же остаться при одном *Е*». Проф. В.И. Григорович в лекциях, вышедших под заглавием «Славянские наречия» (Варшава, 1884), несколько раз указывал на полное совпадение звуков *Е* и *Ѣ* в великорусском наречии (С. 8, 71, 145). Проф. А.А. Потебня: «Старославянское *Е* во всем великорусском северном и южном произношении мягко, как *Е*, в выговоре и на письме смешивается с *Ѣ*, начиная с первых памятников Русской письменности» («Два исследования о звуках русского языка». Воронеж, 1860. С. 63). Проф. М.А. Колосов: «Что русскому языку уже в XI столетии звук этот (*Ѣ*) сделался чужд, то доказываются памятниками. Исчезнув в русском языке еще в начале его истории, *Ѣ* оставило в нем следующие замены: в малорусском *і*, в великорусском *Е*, за исключением новгородского, где в большинстве случаев, как и в малорусском, *И*» (Очерки истории звуков и форм. Варшава, 1872. С. 36). Акад. Я.К. Грот: «Буква *Ѣ* в нынешнем великорусском языке ничем не отличается от *Е*» (ст. «По поводу толков о правописании», напечатанная в 1862 г.; см. «Спорные вопросы русского правописания». 2-е изд. С. 375). Он же: «Но как бы ни произносилось *Ѣ* в древности, в нынешнем русском языке оно не более как письменный знак, имеющий целью только отличать известные корни языка и грамматические окончания. Другими словами: живой язык не знает *Ѣ*: им занимаются только правописание и грамматика» (Спорные вопр. русск. правописания. 2-е изд. СПб., 1876. С. 309). Акад. А.И. Соболевский: «В большей части памятников, которые в позднейшую эпоху были списываемы на нашем севере с древнерусских оригиналов, *Ѣ* и *Е*, несмотря на то, что этими буквами означался один звук, продолжали употребляться более или менее правильно, то есть традиционно; благодаря этому употребление и различение на письме *Ѣ* и *Е* сохранились до наших дней и сделалось одною из труднейших частных особенностей нашего правописания (Лекции по истории русского языка. Киев, 1888. С. 61). Можно указать и на В.Г. Белинского, который в своей книге «Основания русской грамматики» (СПб., 1837) отметил, что «буква *Ѣ* в произношении не имеет отличия от *Е*» (Полн. собр. соч. В.Г. Белинского / Под ред. С.А. Венгерова. Т. III. С. 86). В его рецензии на книжку Колинского (Калинского) (СПб., 1842) читаем: «Вероятно, буква *Ѣ* в древности хоть сколько отличалась произношением от буквы *Е*; но теперь это исчезло, и на какие голоса и тоны ни произносите слова *меч* и *течь*, *медь* и *тень*, вы никакой разницы в произношении этих слов не получите. Соч. В. Белинского. 1860. Т. IX. С. 494. (Припомним при этом следующий отзыв И.С. Тургенева о Белинском: «Ни у кого уха не было более чутко, никто не ощущал более живо гармонию и красоту нашего языка».)

В современном великорусском наречии нет ни одного говора, где звук, соответствующий древнему *Ѣ*, отличался бы в произношении от *Е* закрытого (узкого) или открытого (широкого) или от *И*. Говоры, настойчиво проводящие замену *Ѣ* через *И*, изменяют в *И* сердце, и звук *Е* в положении его перед мягкой согласной (*лить*, *тиль*, но также *двирь*).

Звук *Е* (независимо от того, восходит ли он к старому *Ѣ*) произносится теперь или открыто (широко) или закрыто (узко). Под ударением открытое и закрытое произношение звука *Е* зависит от того, следует ли за ним твердая или мягкая согласная. Так *Е* открытое в *вес* (пишется *вьесъ*), *мест* (п. *мѣсть*), *мелкой* (п. *мѣлкій*), *крест* (п. *крѣсть*), *пеля* (п. *пѣля*); оно закрыто в *весь*, *месть*, *мел*, *крестик* (п. *крѣстикъ*), *пели* (п. *пѣли*). Кроме того, ударяемое *Е*, как и другие гласные, в закрытом слоге звучат короче, чем в открытом: отсюда разница в произношении *Е* в *корабельный*, *колыбельный*, *удельный* (удѣльный) и т. п., с одной стороны, в *беленькой* (*бѣленькій*), *зелено* и т. п. — с другой.

Надлежит еще отметить, что обычное правописание в целом ряде случаев допускает *Е* на месте этимологического (и при том засвидетельствованного памятниками) *Ѣ*. Таковы слова:

блеск, ведро, деверь, колебать, мелкий, ночлеж, негде, некогда, некому, песок, пест, плеск, семья, темя, треск и др.; *колыбель, купель, дребезги, вообще*; кроме того, в Им.-Вин. мн. ч. прилагательных пишется *-ые, -ие* вм. *-ый, -ий*. Наконец, с *Е*, а не с *Ъ*, как того требует церковнославянский язык, пишутся заимствованные из этого языка слова, как *безбрежный, вляку, вред, время, древесный, жребий, млечный путь, пред, пре-, прежде, среда, посредник, средний, треба, требовать, трезвый, член, чрево, учреждать, чрез, чресла, шлем* и др. В общем числе случаев, где буква *Е* заменяла в современном правописании *Ъ*, не менее числа случаев, где *Ъ* пишется не согласно с этимологией.

О букве *Ѣ* Я.К. Грот писал в 1862 году в статье «По поводу толков о правописании»: «Пора изгнать этого монополиста русской азбуки и начать писать *Мифодий*, точно так, как давно уже пишем *Кирилл*, вместо *Кирилл...*». *Федор, Федот* и *Агафья* ничем не хуже *Кирьяна, Акцидина* и *Олимпиады* (ср. Спорные вопросы русского правописания. 2-е изд. С. 379).

Относительно двух букв для звука *й* Я.К. Грот в той же статье писал: «Различное употребление двух букв «совершенно условно, и без одной из них можно бы очень хорошо обойтись» (ср. Спорные вопросы русского правописания. 2-е изд. С. 378).

2. «Скоропись тем удобнее, чем менее в ней надстрочных знаков: едва ли не легче и не скорее можно начертить две палочки, чем одну с точкой над ней» (Я. Грот. Спорные вопросы русского правописания. 2-е изд. С. 378).

3. Протоиерей Г. Павский: «Принимать *изъять, изъемаю, въехал*, а говорим *изъвить, изъемлю* и т. д.» (Филологич. наблюд. Первое рассуждение. § 108).

4. Это правило не распространяется на слово *растение* как книжное, т. е. церковнославянское.

5. Ср. заимствованные из церковнославянского языка *пред, чрез* при русских *перед* и *через*.

6. Я. Грот. Спорные вопр. русск. правописания. 2-е изд. С. 260.

7. Подобное правописание долго держалось у нас и в XIX веке. Покойный акад. Л.М. Майков проводил его и в академических изданиях.

8. М. Ломоносов считал окончание *-ого* более приличным, чем *-аго* в Род. п. ед. ч. муж. и ср. р. причастий на *-ый*, произведенных от российских глаголов; *-его* он писал в *тльвего, ницего* и проч. (Ср. Е. Будде. Несколько замечаний из истории русского языка // ЖМНП. 1899. № 5). В. Белинский в указанной рецензии на книжку Кадинского заметил, что «буква *А* не имеет и не должна иметь места в окончании Род. п. прилагательных».

9. «В прилагательных муж. р. ед. ч., как например *старый, слабый*, где *Ы* также произносится как неударяемый *О*; но здесь звука *Ы* собственно нет: эта буква только пишется, чтобы выставить окончание *-ый* как характеристический признак муж.р.; в сущности же здесь имеется окончание *-ой*, где *О* произносится как неопределенный гласный между *А* и *О*» (Я. Грот. Спорные вопр. русск. правописания. 2-е изд. С. 38).

10. «По крайней мере из академического издания I тома (II издание 1900 г.) сочинений Пушкина видно, что сам Пушкин употреблял окончание *-ой* без ударения не только в тех случаях, когда такая форма прилагательного муж. р. рифмовалась с формой жен. р. на *-ой*, или с формой на *О*, или, наконец, с формой ср.р. на *-О*, но в середине строки-стиха, где удобно можно было бы поставить и окончание *-ый*» (Е. Будде. Опыт грамматики языка Пушкина. Ч. 1. Вып. 2. С. 22; напр. на приложенных к изданию снимках: *Забавной право ты поэт. Да снова стройной глас / Герою в честь прольется*).

11. Русская грамматика. § 39.

12. Приводим соображения прот. Г. Павского: «В окончании прилагательных имен на *-ый* гласную *Ы* мы произносим за *О*, наипаче тогда, когда над нею ударение. Написано: *доброй, честный, смилный*, а читаем: *доброй, честной, смилной*. Произношение *Ы* за *О* в прилагательных именах происходит не оттого, что гласные *Ы* и *О* близки между собою, а оттого, что тут стеклись между собою наречия, церковнославянское и простое русское. Церковносла-

вянское требует *Ы*, русское требует *О*... Наше правописание, утвердившееся на основании церковных книг, согласно с церковнославянским выговором продолжает писать *Ы*, а общегосударственный русский язык, презирая устарелое для себя правописание, говорит по-своему *О*... Зачем мы пишем *-ый*, когда говорим *-ой?*» (Г. Павский. Филологические наблюдения. Первое рассуждение. § 114). В. Белинский в рецензии на книжку Кадинского, вышедшую в 1842 г., высказывался за необходимость приплять для Им.-Вин. пад. окончания *-ой* (*больной, славной, всякой, великой*) и *-ей* (*синей, дальней, рыбей*). (Соч. 1860. Т. IX. С. 499).

13. «Продолжаем писать *синий, рыжий, лисий*, а говорим *синей, рыжей, лисей*». (Г. Павский. Филологич. наблюдения. § 124).

14. К. Аксаков в статье «Несколько слов о нашем правописании» писал: «Обыкновенно во мн. ч. ставят *Е* после мужского; *Я* после женского и среднего рода: *добрые, добрым*; но это также произвольно. В церковнославянском языке есть точно такая разница, но она основана совершенно на другой причине...» В заключение своего рассуждения Аксаков находит, что окончание Им.-Вин. пад. мн. ч. «не должно иметь разницы родов, должно быть одно для всех родов». (К.С. Аксаков. Соч. Т. II. С. 394–395).

Правило о написании *Е* в окончании Имен. пад. мн. ч. прил. муж. р., а *Я* в окончании ж. и ср. рода принято было в 1733 г. академической типографией, М. Ломоносов говорил, что «обеих букв, *Е* и *Я*, во всех родах имен прилагательных употребление дозволяется; хотя мне кажется, что *Е* приличнее в мужеских, а *Я* в женских и средних». Поучительны сделанные по этому поводу замечания акад. Я.К. Грота: «Построенное на этом основании правило, как оно ни произвольно, так утвердилось мало-помалу, что стало соблюдаться с величайшею точностью. Такова сила условных соглашений в языке: им обыкновенно подчиняются с гораздо большею внимательностью, нежели многим действительным законам его» (Спорные вопросы русск. правописания. 2-е изд. С. 188).

15. К. Аксаков в приведенной выше статье указывает, что наши грамматики совершенно ошибочно приняли нашу разницу в произношении (*эти* и *эты*, *они* и *онь*, *одни* и *однь*) за разницу родов и стали совершенно искусственно употреблять *эти, они, одни* для обозначения мужского рода, а *эты, онь, однь* для обозначения женского и среднего. «Надо взять одну форму для всех родов», — заключает К. Аксаков.

16. Также *всее, тог, одное* (см.: Ф. Буслаев. Историческая грамматика. 4-е изд. § 98).

17. «Не все глядят на слова одинаково: одни считают за нераздельные слова *следствие, наперекор, в двоим, между прочим, от части, по неволе, с начала, под конец* и пр. и пишут их сливая; другие разделяют каждое из этих выражений на два слова» (И. Срезневский. Об изучении родного языка // Изв. Импер. Академии наук. 1860).

Протокол первого заседания комиссии по вопросу о русском правописании, состоящейся под председательством Августейшего Президента Императорской Академии Наук, 12 апреля 1904 г.

(СПб., 1905. 67 с.)

В заседании в 2 часа пополудни прибыли:

Августейший Председатель Комиссии Его Императорское Высочество Великий князь Константин Константинович Романов и члены:

1. Д.И. Абрамович, доцент С-Петербургской Духовной Академии;
2. И.Ф. Анненский, директор Императорской Николаевской царскосельской гимназии;
3. И.А. Анопов, член Совета Министра финансов, представитель министерства финансов;
4. К.К. Арсеньев, почетный акад. Императорской Академии Наук;
5. А.С. Архангельский, проф. Императорского Казанского ун-та;
6. А.Ф. Бардовский, инспектор Патриотического института, представитель ведомства учреждений Императрицы Марии;
7. Ф.Д. Батюшков, проф., редактор журнала «Мир Божий»;
8. И.А. Бодуэн де Куртене, проф., представитель Неофилологического общества при Императорском С.-Петербургском ун-те;
9. Р.Ф. Брандт, проф. Императорского Московского ун-та;
10. Е.Ф. Будде, проф., представитель Педагогического общества при Императорском Казанском университете;
11. А.С. Будилович, проф., представитель Министерства Народного Просвещения;
12. С.К. Булич, проф. Императорского Историко-филологического института;
13. Ф.А. Витберг, преподаватель, председатель Союза Ревизителей русского слова;
14. Н.В. Волков, преподаватель С-Петербургской 7-й гимназии;
15. П.П. Гнедич, писатель;
16. Е.Е. Голубинский, акад. Императорской Академии Наук;
17. В.В. Заленский, акад. Императорской Академии Наук;
18. К.Я. Здравовыслов, начальник архива Св. Синода;
19. Н.М. Каринский, приват-доцент Императорского С-Петербургского ун-та;
20. Г.М. Князев, преподаватель С-Петербургского 1-го реального училища;
21. Н.П. Кондаков, акад. Императорской Академии Наук;
22. Н.Н. Корево, помощник статс-секретаря Государственного Совета, представитель Государственной канцелярии;
23. Ф.Е. Корш, акад. Императорской Академии Наук;
24. Н.А. Котляревский, проф. Императорского Александровского лицея;
25. П.А. Кулаковский, проф., гл. ред. «Правительственного вестника»;
26. Н.К. Кульман, преподаватель Императорского Александровского лицея;
27. А.Л. Липовский, преподаватель Павловского института;
28. А.И. Ляшенко, инспектор С-Петербургского Петровского Коммерческого училища;
29. В.И. Маркевич, управляющий Сенатской типографией;
30. М.И. Михельсон (оставил заседание до голосования);
31. Н.К. Невзоров, директор С-Петербургской 7-й гимназии;
32. П.В. Никитин, вице-президент Императорской Академии Наук;
33. С.Ф. Ольденбург, акад. Императорской Академии Наук, зав. типографией Академии Наук;
34. Ф.Ф. Ольденбург, педагог Тверской Земской Учительской школы;
35. П.В. Петров, чиновник особых поручений при Главном Управлении военно-учебных заведений, представитель Главного Управления военно-учебных заведений;
36. А.Н. Пынин, акад. Императорской Академии Наук;
37. В.Р. Розен, акад. Императорской Академии Наук, барон;

38. П.Н. Сакулин, приват-доцент Императорского Московского ун-та, представитель Педагогического общества при Императорском Московском ун-те;
39. В.В. Сиповский, приват-доцент Императорского С-Петербургского ун-та;
40. А.И. Соболевский, акад. Императорской Академии Наук;
41. Д.Н. Соловьев, управляющий Канцелярией Обер-прокурора Св. Синода, представитель ведомства Православного исповедания;
42. К.А. Сорокин, капитан Гренадерского Саперного батальона;
43. М.М. Стасюлевич, редактор журнала «Вестник Европы»;
44. И.И. Толстой, вице-президент Императорской Академии Художеств, граф;
45. Ф.Ф. Фортунатов, акад. Императорской Академии Наук, товарищ Августейшего Председателя Комиссии;
46. В.И. Чернышев, преподаватель С-Петербургского Благовещенского городского училища;
47. В.М. Чулицкий, преподаватель;
48. А.А. Шахматов, акад. Императорской Академии Наук;
49. И.А. Шляпкин, проф. Императорского С-Петербургского ун-та;
50. Л.В. Щерба, преподаватель.

Не присутствовали в заседании члены:

1. А.Н. Веселовский, акад. Императорской Академии Наук;
2. А.А. Голенищев-Кутузов, почетный акад. Императорской Академии Наук, граф;
3. А.Ф. Кони, почетный акад. Императорской Академии Наук;
4. В.И. Ламацкий, акад. Императорской Академии Наук;
5. А.С. Суворин, издатель газеты «Новое время». <...>

По открытии заседания Августейшим Председателем Комиссии товарищ председателя акад. Ф.Ф. Фортунатов доложил собранию о поводах, вызвавших постановление Второго Отделения Императорской Академии Наук относительно создания комиссии по вопросу об упрощении русского правописания.

Этими поводами послужили следующие обстоятельства:

Педагогическое общество при Императорском Казанском университете, занимаясь вопросом о русской орфографии, обратило внимание на то обстоятельство, что, хотя употребительное ныне и обязательное для всех школ правописание, рекомендованное акад. Я.К. Гротом, считается *академическим*, сама Академия Наук не придерживается строго этого правописания, как видно из ее изданий. В связи с этим и признавая вообще желательным выслушать по вопросу о русской орфографии мнение Отделения русского языка и словесности, Педагогическое общество при Казанском университете в отношении от 9.04.03 г. за № 5 обратилось к Отделению с просьбой высказаться по следующим вопросам:

- 1) Признает ли Академия Наук правописание, рекомендованное акад. Я.К. Гротом, своим?
- 2) Признает ли сама Академия это правописание *научным*?
- 3) Не усматривает ли сама Академия в этом правописании внутренних противоречий и притом такого рода, что они наводят на мысль о необходимости его систематизации в том и другом смысле?

<...> 10.02.04 г. было получено отношение за № 3497 от Главного Управления военно-учебных заведений следующего содержания:

«В последние десятилетия неоднократно возбуждался как отдельными лицами, так и педагогическими кружками и обществами из представителей различных учебных ведомств вопрос о желательности и необходимости упрощения русского правописания в целях облегчения учащимся трудного дела усвоения орфографии».

«В начале 900-х годов Педагогическое общество, состоящее при Императорском Московском университете, а вслед за ним и некоторые петербургские кружки преподавателей, равно как и отдельные лица, служащие в провинциальных учебных заведениях, стали возбуждать ходатайство о скорейшем разрешении того же вопроса, находя, что было бы величайшим благодеянием для школы, если бы оказалось возможным устранить те орфографические путы, которые тормозят свободное развитие школы и задерживают стремление к живому знанию».

«В декабре минувшего года, на I-м Съезде преподавателей русского языка в кадетских корпусах и в военных училищах этот, по-видимому наболевший вопрос (в связи с общим вопросом о характере и значении преподавания грамматики в средней школе) стал предметом живого обмена мыслями между членами Съезда».

«При этом было выяснено, что в существующих проектах упрощения орфографии намечаются два направления: 1) представители одного стремятся к радикальной реформе правописания, требуя исключения из азбуки лишних букв (ъ, ь, ъ, і, ѳ) и предлагая новые орфографические правила в области фонетики и морфологии; 2) представители другого, более умеренного, находят желательным ограничиться, так сказать, педагогическим упрощением орфографии; по их мнению, школа будет поступать правильно, если на первых порах будет снисходительно относиться к тем вопросам правописания, которые представляются условными или даже спорными (напр., слитное и раздельное написание слов, правила переноса, правописание иностранных слов и пр.)».

«Представители обоих направлений, кроме того, указали, что вышедшее в 1885 г. "Русское правописание" акад. Я.К. Грота далеко не решило всей задачи, связанной с вопросом о правописании, и не облегчило усвоения учащимися правил орфографии. Между тем книга акад. Грота получила значение официального руководства, и большинство составителей учебников и хрестоматий придерживались в своих изданиях орфографии, принятой в этом руководстве».

«В виду вышеизложенных обстоятельств и на основании пожелания, высказанного на упомянутом съезде преподавателей, Главное Управление по приказанию Его Императорского Высочества Главного Начальника военно-учебных заведений просит Императорскую Академию Наук: 1) уведомить, признает ли Академия руководство акад. Я.К. Грота своим официальным изданием, обязательным для школ всех ведомств, и 2) поставить на обсуждение вопрос об упрощении русского правописания в тех пределах, какие сама Академия признает целесообразными».

Второе Отделение в ответ на вышеизложенные вопросы... высказало, что, «признавая достоинства за трудом покойного акад. Я.К. Грота "Русское правописание", она не может, однако, считать бесспорным, не подлежащим критике представленные здесь решения различных вопросов русского правописания, и потому не находит достаточного основания требовать, чтобы в изданиях Отделения строго применялось правописание акад. Грота. На руководство акад. Грота было бы ошибочно смотреть как на изложение требований по правописанию, исходящих от Отделения русского языка и словесности; руководство составлено было... по поручению Отделения одним

из его членов и не должно быть принимаемо, следовательно, за свод орфографических правил, выработанных самим Отделением в том составе, какой оно имело в первой половине 1880-х годов. <...> Правда, в предисловии к 1-му изданию руководства, повторяющемуся и в последующих изданиях, акад. Грот, указав на то, что в основание труда положено было изданное им исследование «Спорные вопросы русского правописания», считал нужным прибавить следующее: «при этом каждый вопрос подвергался тщательному пересмотру в собрании всех наличных членов Отделения русского языка и словесности и решаем был с общего согласия»; однако и эти слова предисловия... не должны давать повода думать, будто правила русского правописания, изложенные в руководстве акад. Грота, выработаны были по постановлению Отделения. Известно, что в новых изданиях этой книги, быстро следовавших одно за другим, делаемые были автором различные изменения и дополнения, и если бы руководство в 1-м издании действительно выражало не мнение акад. Грота и других лиц, но постановление Отделения русского языка и словесности, то и при всяком изменении или дополнении в последующих изданиях этой книги необходим был бы новый тщательный пересмотр данного вопроса в собрании членов Отделения, а о таком пересмотре <...> акад. Грот не упоминал в предисловии к новым изданиям руководства. Его слова в предисловии к 5-му изданию, повторяющиеся и в последующих «ни одно из присланных мне замечаний не осталось без самого внимательного с моей стороны обещания» ясно показывают, что участие Отделения в этом обсуждении не требовалось именно потому, что руководство "Русское правописание" было трудом, составленным по поручению Отделения, но не от имени Отделения».

«Таким образом, критическое отношение к правилам русского правописания акад. Грота не затрагивает интересов Академии Наук, и Отделение русского языка и словесности в настоящем своем составе не могло бы представить принципиальные возражения против мысли о желательности заменить правописание акад. Грота другим, более простым и более систематичным».

«Что же касается вопроса Казанского Педагогического общества "признает ли Академия Наук... правописание акад. Грота научным", то Отделение русского языка и словесности оставляет без ответа этот вопрос как неясный. В применении к литературному языку, имеющему за собой более или менее длинное прошлое, правописание, как известно, должно представлять условный компромисс двух принципов: фонетического и исторического. Требования правописания, основывающиеся на каждом из этих принципов в отдельности, подлежат ведению науки, которая определяет, соответствуют ли эти требования действительности как по отношению к написаниям, передающим звуковые различия современного языка, так и по отношению к случаям, в которых имеется в виду история звуковой стороны данных слов; но самое соглашение этих разнородных принципов, основывающееся на тех или иных практических удобствах, находится вне контроля какой-либо науки, кроме логики, хотя логичность, последовательность в построении правил правописания, конечно, не делает научным самое правописание».

«Принимая во внимание, что упрощение принятого ныне русского правописания должно основываться не на одних только научных данных, а также и на всестороннем обсуждении затрагиваемых при этом интересов школы и народного просвещения, Отделение русского языка и словесности постановило привлечь к решению назревшего вопроса об упрощении русского правописания представителей школы, науки, литературы и повременной печати. Вследствие этого, с разрешения Августейшего Президента Императорской Академии Наук, при Втором Отделении образована Комиссия, в

состав которой, кроме представителей Академии Наук, вошли также и представители ведомств, имсущих учебные заведения; представители педагогических обществ; преподаватели высших, средних, городских и начальных учебных заведений; литераторы и редакторы некоторых журналов и газет. Августейшему Президенту угодно было принять на себя председательство в Комиссии».

После этого сообщения товарища Августейшего Председателя Комиссии была прочитана В.И. Чернышевым «Историческая справка по вопросу об упрощении русского правописания», в которой докладчик указал на ряд попыток орфографического упрощения в XVIII – XIX вв.

Затем Августейший Председатель изволил обратиться к членам Комиссии со следующими словами:

«Приглашая гг. членов Комиссии приступить к обмену мнениями по вопросу о преобразовании русского правописания, выражаю надежду, что эти мнения, рассматривая вопрос по отношению к цели правописания или в связи с нуждами школы и печати, не будут уклоняться в слишком общие и отвлеченные рассуждения о пользе или вреде преобразования. Такие рассуждения могли бы вызвать излишние прения и отняли бы у нас время. Не может подлежать никакому сомнению, что культурные и национальные задачи одинаково дороги каждому из нас. А потому и в виду нашей многочисленности, вызванной сложностью вопроса и его многосторонностью, позволю себе просить гг. членов Комиссии высказываться по возможности кратко и сжато».

Академик Ф.Ф. Фортунатов (с. 9–14)

«Я буду иметь честь изложить перед собранием тот взгляд на реформу русского правописания, в котором я схожусь с некоторыми из моих уважаемых товарищей по Отделению, присутствующими в заседании Комиссии. Мы считаем желательным освободить русское правописание от всех тех орфографических правил, которые не основываются на фактах, существующих в языке, и не могут быть оправдываемы также и как применение исторического или этимологического принципа орфографии в тех пределах, какие указываются практической целью правописания. Сюда принадлежат, во-первых, все требования орфографии, которые не имеют основания не только в фактах современного языка, но также и в языке древнерусском, а среди этих орфографических правил, устранение которых не касалось бы исключения из азбуки каких-либо букв. Таково, например, требование различать в письме окончаний *-е* и *-я* в Им. и Вин. падежах множественного числа имен прилагательных по различиям в роде имен существительных, например, в *добрые* и *добрыя*, между тем как в самом языке нет и никогда не было соответственного различия; или, например, различие, делаемое в письме между *они*, *одни* и *онь*, *однь*, также не находит никакой опоры в самом языке. Затем к орфографическим правилам, не основывающимся на фактах русского языка, нового и древнего, принадлежат требования относительно употребления буквы *ѣ* и двух букв вместо одной для звука «й»; с устранением этих излишних орфографических правил должны быть исключены из алфавита буква *ѣ* и один из двух знаков для звука «й». Буква *ѣ*, внесенная в церковно-славянский алфавит для обозначения известного греческого звука в заимствованных словах, не отличается и не отличалась в русском произношении от буквы *ѣ*. Различие в употреблении двух букв *и* и *і* для выражения одного и того же звука есть явление исключительно графическое и по происхождению, то есть не имеющее и не имевшее отношения к какому-либо различию в звуках языка; церковно-сла-

вянский алфавит получил для звука «й» две буквы вместо одной вследствие подражания греческому алфавиту. Удобство различать в написаниях *миръ* и *миръ* два слова, совпадающие по звуковой стороне, не может служить доводом в пользу сохранения двух букв для звука «й» даже и в этом случае, так как ведь в связи с написаниями *миръ* и *миръ* в двух различных значениях находится существующее в настоящее время колебание при передаче звука «й» в таких собственных именах, как *Владимиръ* и *Владимирь*.

В русской азбуке числится ещё одна буква, произносящаяся как звук «й» и называемая ижицей (*ѣ*), но в настоящее время она обыкновенно уже не употребляется и ещё академик Грот в руководстве «Русское правописание» основательно заметил, что «ижица может считаться исключенною из русской азбуки»; поэтому теперь нет уже надобности ставить вопрос об исключении этой буквы.

К излишним орфографическим правилам принадлежат также и требования писать те буквы, которые некогда отличались по произношению от других наших букв, но в настоящее время не сохраняют уже этого значения; таковы буква *ѣ*, не выражающая теперь никакого звука, и буква *ѣ*, совпавшая по ее звуковому значению для великорусского языка с другими буквами, именно с буквой *е* по отношению к русскому литературному языку. Поэтому буквы *ѣ* и *ѣ* должны быть исключены из азбуки. <...> В защиту букв *ѣ* и *ѣ* нельзя ссылаться на необходимость исторического принципа в правописании. Правописание основывается, конечно, не только на произношении, но также и на происхождении звуковой стороны слов; однако применение исторического или этимологического принципа имеет пределы, указываемые практической целью правописания. Орфографические требования, основывающиеся на происхождении звуковой стороны слов, должны находить опору в фактах современного языка, то есть должны иметь в виду ту или другую звуковую мену, наблюдаемую в современном языке <...>. Среди защитников буквы *ѣ* есть лица, думающие, что вместе с исключением *ѣ* из русской азбуки понизится та степень грамматического знания родного языка, какая необходима и при элементарном образовании. Нельзя, однако, смешивать звуки языка и буквы. Умение писать букву *ѣ* во всех тех случаях, где это требуется правилами орфографии, само по себе не может давать, конечно, никакого знания фактов языка, именно потому, что употребление буквы *ѣ* не находит никакой опоры в современном литературном языке; притом же в нашем правописании буква *ѣ* в значительной степени смешана по употреблению с буквой *е*, то есть существует ряд случаев, в которых мы пишем *е*, между тем как следовало бы писать *ѣ*, как скоро различаются вообще в письме *ѣ* и *е* (например, в *песок*, *мелкий* вместо правильных *пѣсок*, *мѣлкій*) и наоборот, есть случаи, где буква *ѣ*, требуемая нашей орфографией, в действительности представляет собой ошибочное написание (например, в *сѣдло*, *цвѣсти* вместо правильных *седло*, *цвести*).

Я и те мои товарищи по Отделению, с которыми я схожусь во взгляде на реформу русского правописания, мы считаем совершенно излишнюю букву *ѣ* в правописании, но вместе с тем, однако, мы признаем желательным, чтобы в школе, именно в средней школе, учащиеся получали сведения и о букв *ѣ*, и о букве *ѣ*, притом не только в тех случаях, где она пишется теперь, равно как и о букве *ѣ* не в одном её значении мягкого знака, а эти сведения учащиеся должны приобретать, знакомясь с историей звуковой стороны русского языка: в теоретическое изучение грамматики родного языка в средней школе необходимо должен входить, по нашему мнению, исторический элемент. Таким образом, мы думаем, что в школьном преподавании место для буквы *ѣ* в курсе русской грамматики, а не в теории и практике правописания.

Упрощение принятого ныне правописания мы считаем желательным, кроме того, также и по отношению к некоторым из тех орфографических правил, которые по самому существу их не касаются передачи на письме звуков слов; таковы, например, слишком сложные и в значительной степени произвольные правила современной орфографии относительно переноса слов из одной строки в другую.

Высказываясь решительно за упрощение принятого ныне русского правописания, мы имеем в виду при этом прежде всего интересы школы. Можно было бы останавливаться перед решительными шагами в борьбе с традицией и предлагать лишь незначительные поправки в орфографических требований даже и при сознании экономической невыгоды современного правописания для печати, а следовательно и для распространения в обществе печатных произведений; но нельзя не признать в высшей степени желательною существенную реформу нашего правописания в виде того вреда, какой приносят школе действующие ныне орфографические требования. Школа, и низшая, и высшая, и средняя, подавлены этими требованиями, препятствующими правильной постановке дела преподавания, и прежде всего страдает вследствие этого преподавание русского языка. Тот, кто желает школе более успешного изучения в ней русского слова и произведений этого слова, не может не желать, чтобы буквам было отведено в школьном преподавании далеко не первое место.

Наша комиссия в случае, если она, при помощи избранной ею комиссии, выработает проект нового, упрощенного правописания, была бы бессильна, конечно, оказать прямое воздействие на школу; на это она не имеет никаких полномочий и не в этом ее непосредственная задача. Желательно думать, однако, что если Комиссия высказается за упрощение принятого ныне русского правописания, сторонники такой реформы не ограничатся теоретическим решением вопроса и будут заботиться о том, чтобы правописание все более проникало в печать, хотя в частной практике они могли бы оставаться при старой, привычной орфографии; а как скоро новое правописание будет все более применяться в печати, оно, конечно, найдет доступ в школу.

Председатель Педагогического общества при Императорском Московском университете приват-доцент П.Н. Сакулин (с. 14–31)

«<...> От лица нескольких тысяч московских педагогов позволю себе принести почтительнейшую благодарность Его Императорскому Высочеству и тем членам II Отделения Академии Наук, которые подали свой авторитетный голос за желательное упрощение русской орфографии.

Поднятая этот вопрос ещё в 1901 г., Московское Педагогическое общество вполне сознавало всю ответственность, какую налагает на нас важность и сложность дела, но оно было глубоко убеждено, что наступил момент, когда непосредственные деятели школы обязаны, наконец, громко и откровенно высказать свое мнение о достоинстве современной системы правописания как предмета обучения. Нам приятно констатировать, что теперь этот временно забытый вопрос привлек к себе общее внимание. <...> Два основных мотива побуждали Московское Педагогическое общество стоять за необходимость орфографической реформы: один педагогический; другой — научный.

Усвоение правописания составляет в настоящее время главную цель занятий по русскому языку в школах всех типов, а в начальных училищах даже единственную, и, несмотря на это, учащиеся, даже окончившие средние учебные заведения, далеко не всегда достигают полной грамотности.

Огромная и столь односторонняя затрата умственной энергии учащимися, несомненно, мешает школе в осуществлении ее образовательных задач. Сознание этого зло тем более печально, что у самих учителей нет и не может быть спокойной уверенности в педагогической целесообразности производимой работы. Каждый преподаватель знает, как часто приходится отвечать прискорбным молчанием на законные вопросы ученика «почему» и сознаваться в условности или даже ложности тех правил орфографии, которые школа стремится внедрить в ученическую память путем разнообразных упражнений. Ни дальнейшее улучшение методов преподавания, ни понижение требований к низшей школе, ни другие подобные паллиативы не принесут существенной пользы. Московское Педагогическое общество твердо держится того взгляда, что причина указанных явлений коренится в самом состоянии современной русской орфографии и что крайне необходимо приступить к ее немедленному пересмотру с целью упрощения.

Эта операция упрощения, приводящая многих, по меньшей мере, в смущение, вполне совместима с достоинством науки и не заключает в себе никакого посягательства ни на интересы просвещения, ни на свойства литературного языка, которым мы по справедливости гордимся и который действительно мы обязаны оберегать от всякой порчи.

Сохраняя незыблемым этимологический (морфологический) принцип нашей орфографической системы, московский проект считал возможным произвести в современном правописании ряд таких изменений, которые прямо подсказываются всей историей нашего языка и правописания. Язык живет своей сложной органической жизнью, развиваясь соответственно духовному росту всего народа. Письмо же по самой своей природе отличается большей неподвижностью, чем язык, и неизбежно отстает от последнего. Это обстоятельство делает вполне закономерным периодический пересмотр правописания, имеющий целью устранение накопившихся исторических переживаний, заветанных орфографической традицией, но не оправдываемых явлениями современного живого языка, его фонетическим и этимологическим строем. При подобной реформе язык нормирует живую орфографию; его живые факты служат критерием при решении орфографических вопросов, и, следовательно, правописание будет приспосабливаться к состоянию языка, а не наоборот. <...>

Посмотрим теперь, насколько основательны те *возражения*, которые были сделаны по поводу московского проекта (см. Проект реформы Орфографической комиссии 1900 г. под рук. проф. Р.Ф. Брандта на с. 249–250 наст. работы. — Т.Г.). <...>

1) Первое и, по-видимому, самое главное возражение сводится к *принципиальному отрицанию права* производить изменения в данной системе орфографии. «Орфография каждого исторического образованного языка, как и его состав и строй», говорит проф. А.С. Будилович («О московском проекте русского правописания»). Юрьев, 1902. С. 25), «насквозь пропитана историей народа, отражает все его прошлое и в заметной степени определяет его будущее». <...> «Правописание культурного народа, имеющего историю», рассуждает точно так же проф. А.И. Томсон («К теории правописания и методологии преподавания его в связи с проектированным упрощением русского правописания». Одесса, 1903. С. 4), «представляет продукт действия разнообразных факторов. Многие лица, сознательно и бессознательно вносили свои изменения, действуя в том и другом случае не *произвольно*, а под влиянием множества психических условий, которые никогда не удастся установить полностью». По мнению проф. Будиловича, «законные изменения в области нашего образованного языка и установившегося в

нем веками *правописания*) могут производиться только «живым примером образцовых писателей, незаметно пролагающих новые пути в образованной речи и постепенно подчиняющих своему влиянию как общество, так и школу» (с. 28). Всякие же иные непрошенные реформы причиняют лишь явный ущерб достоинствам языка.

Газетные противники реформы особенно часто пользуются именно этим аргументом, который, очевидно, производит на них впечатление строго научного закона, импонирующего своей загадочной глубиной.

Несмотря на весь авторитет названных ученых, мы решаемся утверждать, что их суждения в значительной степени основаны на неточном употреблении понятий **язык** и **правописание**, доходящем почти до полного отождествления этих явлений. В действительности же, язык и письмо существенно отличаются друг от друга как по природе своей, так и по историческим судьбам.

Процесс развития языка до сих пор заключает в себе много таинственного, не поддающегося анализу точной науки. Правда, и теперь уже мы можем определенно указать некоторые факторы, влияющие на жизнь языка (см., например, исследование Н. Paul'a «Prinzipien der Sprachgeschichte»), но наши знания в этой области все еще весьма неполны, и многое мы должны приписывать действию бессознательных психических актов. В отдельных случаях перемены в языке являются результатом сознательных стремлений какого-нибудь писателя или группы лиц, например, задавшихся целью бороться с варваризмами в языке. Из истории русского языка нетрудно было привести примеры подобных сознательных нововведений, усвоенных потом всем обществом. Таковы хотя бы многие неологизмы Карамзина. Тем не менее, в общей истории языка роль сознательных реформаторов остается ничтожной, и приходится признать справедливость того положения, что *usus* языка изменяется путем медленных, невольных и бессознательных перемен, вносимых в речь говорящими (Н. Paul. С. 29) <...> Язык, таким образом, представляет продукт коллективной работы всего народа и особенно избранной его части – писателей, и было бы столько же преступно, сколько и невежественно посягать на свободный рост языка, одного из основных признаков народности.

Иначе обстоит дело с письмом, с правописанием. Не отрицая известной аналогии в истории языка и письма, мы, однако, особенно должны подчеркнуть существование важных отличий, которые имеют решающее значение в интересующем нас вопросе. Уже в самом своем генезисе звуковое (буквенное) письмо обыкновенно является плодом творчества изобретательных умов. Не даром почти каждый народ сохранил имена этих благодетелей, или вполне достоверных, как у славян свв. Кирилл и Мефодий, или легендарных, как у египтян – Таут; у греков – Кадм. Письмо, как и язык, не остается неизменным; оно тоже живет и развивается, но совершенно иным способом, чем язык. Доля бессознательности, произвольности есть и в истории письма, но она очень невелика и прогрессивно уменьшается по мере распространения просвещения, которое дает пишущему теоретические основы правописания и, следовательно, возможность сознательного отношения к письму. Последнее обстоятельство и служит стимулом к стремлению внести те или другие изменения в установившуюся систему правописания, если она не находится в надлежащем соответствии с живыми явлениями языка. Изменения в орфографии, говорит Г. Пауль, гораздо более сознательны и преднамеренны, гораздо больше обязаны отдельным личностям, чем изменения в языке, и обыкновенно происходят не с медленной постепенностью, а скачками (*sprungweise*).

История любого народа знает не одну сознательную попытку реформировать правописание. У нас в этом направлении действовали некоторые книжники XIV–XV вв., Пётр Великий, писатели XVIII века и в наши дни покойный академик Я.К. Грот. Если мы не можем себе представить быстрой и крупной революции языка, то в сфере письма это не раз наблюдается в истории народов. Не только писатели, как думает проф. Будилович, пользуются привилегией вносить изменения в правописание. Сохраняя за ними преимущественное право выработки литературного языка, мы должны по отношению к правописанию признать вполне законным вмешательство и читателей, а особенно специалистов по языкознанию и педагогов. Как раз в противоположность языку, орфография может и даже должна быть предметом планомерных реформ со стороны сведущих людей. Совершенно справедливо замечание, что правописание, как и язык, насквозь пропитано историей, отражает все прошлое народа. Если так, то почему же мы хотим поставить в особенно невыгодное положение наш исторический момент? Почему он не вправе наложить своего отпечатка на орфографию, введя в неё то, что создано самим языком и что характеризует его современное состояние? Никаких принципиальных оснований для этого нет.

Но, может быть, преобразование орфографии неминуемо отразится и притом с нежелательной стороны на жизни самого языка, на его свойствах? Это опасение, очевидно, играет не последнюю роль в соображениях противников орфографической реформы, и они, пожалуй, могли бы сослаться на авторитет В. Гумбольдта, который выразился так: «Изменения в письме ведут к изменениям в языке, и хотя собственно так пишут потому, что так говорят, но часто бывает и наоборот: так говоря потому, что так пишут» (Werke. VI. С. 432; ср. «Филологические разыскания» Грота. Т. II. С. 92). В подтверждение этого можно, конечно, сослаться на то, что малограмотные учащиеся, «цивилизованные» простолюдины, а иногда и вообще люди с жеманно-книжным произношением стараются точнее воспроизвести начертание слов, выговаривая, как написано: *ея*, *чло* и т. д. Все подобные случаи, однако, мало убедительны и скорее доказывают: *ея*, *чло* и т. д. Все подобные случаи, однако, мало убедительны и скорее доказывают желательность такой реформы правописания, которая бы сгладила различие между живой речью и письмом и тем самым положила бы границы дальнейшему искажению языка. Вообще же говоря, жизнь языка идет своим путем, без рабской зависимости от письма. Язык сильнее письма и вырабатывается главным образом в процессе живого употребления при неизбежном условии взаимного влияния говорящих. (Н. Paul. С. 31). Роль письма здесь второстепенная. <...> Письмо, по удачному выражению Пауля, относится к речи, как грубый эскиз к картине, тщательным образом нарисованной красками (Н. Paul. С. 324). <...> ... Если орфографическая реформа не только не вступает в антагонизм с живою литературною речью, а, напротив, берет последнюю за норму, то, при этих условиях, было бы положительно странно бояться за чистоту русского языка: реформа ... облегчит языку свободу развития, поскольку она тормозится присутствием в нашем правописании мертвых форм вроде *ея*.

Итак, скажем в заключение по первому пункту: у правописания есть своя область, хотя и смежная с языком, но самостоятельная, и порядки этой области вполне подлежат сознательному воздействию компетентных людей.

2) Второе возражение подсказано совершенно естественным консерватизмом грамотного человека. На этой точке зрения опять стоит большинство врагов реформы, которые никак не могут отрешиться от усвоенных привычек и которых коробит одна мысль о возможности какого-нибудь иного начертания слов. *Лес* вместо *льсь* им представляется чем-то положительно чудовищным. Проф. Томсон особенно энергично

выдвигает это возражение. «Ведь правописание, — читаем в его книге, — существует не только на бумаге, но и в нервах зрительных и отчасти акустических, а также в мускулах каждого грамотного русского человека» <...> Против реформы, таким образом, восстают прочные навыки глаза и мускулов, и образованное общество, вполне грамотные люди не примут новшеств.

Хотя мы без труда можем стать на точку зрения проф. Томсона, но удивляемся, как можно придавать приведенному аргументу абсолютное значение. Ведь если последовать предостережениям почтенного профессора, то немислима решительно никакая реформа: все мы и во всех отношениях более или менее рабы привычек. Реформа должна оцениваться по своей сущности, а о невыгодах ее необходимо судить прежде всего с точки зрения тех, на кого простирается ее действие. В данном случае первыми объектами реформы явятся дети, у которых ещё нет никаких орфографических привычек и для которых одинаково естественно писать *льсь* и *лес* с той лишь разницею, что первая орфография в несколько раз труднее. Что касается людей уже грамотных, то, само собой разумеется, добрая воля каждого принять или не принять нововведения. Пример Германии и Франции позволяет надеяться, что не только школа малопомалу создаст контингент пишущих по новой орфографии, но что последняя, если она действительно обладает ценными преимуществами, рано или поздно завоюет себе сочувствие и тех, которые уже свыклись с существующей орфографией. Некоторые факты последнего времени (отсутствие *ъ* в мелких заметках «Нового времени», печатание всей газеты «Русский Туркестан») убеждают нас в основательности подобных ожиданий.

3) ... говорят наши противники, что никакая реформа нежелательна потому, что она разрушит существующее единообразие правописания и породит долгие *культурные неурядицы*. <...>

Рассматриваемое возражение до некоторой степени связано с вопросом о способе проведения будущей реформы. Московское педагогическое общество, всего более заинтересованное положением школы, полагало, что реформу необходимо начать с низших классов школ, с детей, только что приступающих к освоению грамоты. <...>

Московское педагогическое общество высоко ставит принцип единообразия правописания и по мотивам психологического и чисто педагогического характера выставило тезис, что орфография в основных своих чертах должна быть прочно установленной системой. И только сознание настоятельной необходимости реформы заставляет нас временно нарушить этот важный принцип. <...> По нашему мнению, всякая основательная, назревшая и «безупречная» реформа необходима, так как, несомненно, она предпринимается с целью устранения тех или других вредных сторон жизни и, следовательно, в интересах народа. Нам думается, кроме того, что наши оппоненты сильно сгустили краски, когда рисовали картину будущей орфографической и даже общественной смуты. Мы видим, что разумное и целесообразное преобразование орфографии найдет сторонников и в обществе, и в печати. Школа же, именно по педагогическим соображениям, должна будет усвоить себе единообразную орфографию. Как ни заманчива свобода преподавания, но она не уместна в деле обучения правописанию. <...> Конечно, и мы не станем безусловно отрицать известных неудобств переходного момента, но, по нашему убеждению, необходимо спокойно примириться с временными затруднениями, неизбежными при всяком нововведении во имя ожидаемых и для нас несомненных благих последствий реформы. Русский народ в течение своей истории не раз переживал глубокие изменения своего социального строя. Неужели же орфографи-

ческая катастрофа, как бы она ни была значительна, окажется не по силам современному русскому обществу?

4) По мнению некоторых наших противников, работа над созданием ново правописания пока невозможна, так как мы не располагаем точными данными по *экспериментальной фонетике*. Приват-доцент Белкин (Журн. Мян. Нар. Просвещ. 1902. № 1) хотел подорвать научность московского проекта ссылкой на то, что составители «совсем не знакомы с новым экспериментальным направлением в фонетике». <...>

Это возражение только на первый взгляд кажется веским научным аргументом. <...> Составители московского проекта знали о существовании экспериментальной фонетики, но сознательно не обратились к выводам этой науки. Не говоря уже о том, что экспериментальная фонетика, особенно у нас, есть дело новое, ее помощь была бы мало пригодна для реформаторов орфографии. Правописание, служащее практическим потребностям жизни, нельзя отождествлять с научно-фонетической транскрипцией. Помимо, конечно, этимологических оснований, оно может и должно отличаться звуковую сторону речи лишь постольку, поскольку она воспринимается простым человеческим умом. Экспериментальная же фонетика не довольствуется показаниями слуха — она прибегает к точным аппаратам, так как стремится, по словам Руссело, «заменить личное впечатление объективной реальностью, увеличить способность зрения и слуха, в своих изысканиях выйти за узкие пределы наших ощущений». Вся эта работа, представляющая огромную научную важность, не имеет никакого непосредственного отношения к правописанию, и мы спокойно можем приступить к реформированию орфографии, не дожидаясь дальнейших успехов в области экспериментальной фонетики.

5) Оставляя в стороне довольно обычный, впрочем, упрек, что реформаторы проектируют «неграмотное» письмо, так как этот упрек преимущественно относится к свободно-фонетическому письму, а, главное, заключает в себе явное недоразумение, простое непонимание условного характера термина «грамотность», перейду к последнему доводу, которым пользуются противники орфографической реформы, именно в настоящий момент *нет серьезной необходимости* в изменении русского правописания. <...>

Конечно, русское правописание имеет свои достоинства; оно лучше французской и особенно английской орфографии. Но из этого сопоставления нельзя сделать никаких категорических заключений в пользу неизменности нашего правописания. Ведь и немцы, и французы, и англичане озабочены несовершенствами своего правописания и принимают известные активные меры к их устранению. Англичанам всего труднее произвести реформу: их орфография так удалась от живого языка. <...> Следовательно, если уж пользоваться традиционным аргументом «обратим наши взоры на Запад», то пример Англии должен получить в наших глазах значение исторического предостережения, как опасно допустить застой в области правописания, когда язык продолжает неизменно развиваться. <...>

Очевидно, педагоги несколько не сомневаются в существовании трудностей русского правописания. Они хорошо знают цену тех паллиативов, на которые указывают им гг. Белкин, Будилович и Томсон; они с разных сторон подошли к решению вопроса, занимались им, несомненно, и впредь будут заниматься улучшением методов преподавания, но они на основании продолжительного и горького опыта решаются утверждать, что усвоение правописания затруднительно для учащихся прежде всего вследствие его крупных недостатков. Афоризм, что школа должна приучать к труду, педагогам тоже хорошо известен, но в данном случае они считают его совершенно неумест-

ным, справедливо полагая, что школа обязана воспитывать ученика на осмысленном и продуктивном труде, а таковым нельзя признать бесконечные упражнения на современные орфографические правила. Кто действительно желает составить себе ясное и беспристрастное суждение о русской орфографии, о степени ее трудности, тот должен отказаться от всяких априорных рассуждений и статистических выкладок, а просто пойти на урок русского языка в один из младших классов. Неубежденный человек без труда увидит, сколько мучительных усилий употребляет слабый детский ум, чтобы постигнуть все тонкости современного правописания. Перед этими живыми впечатлениями должна умолкнуть всякая холодная риторика.

Реформа правописания необходима. Таков общий взгляд педагогов, таково мнение многих выдающихся ученых. Если изменение орфографии не угрожает ни интересам народности и просвещения, ни достоинству нашего литературного языка, то зачем медлить с реформой? Неужели логика ума и жизни окажется бессильной перед логикой механических привычек руки и глаза? Положительного решения вопроса с напряженным вниманием ждет от нас русский учитель, ждут тысячи русских детей. Реформа дала бы школе возможность расширить и углубить свои воспитательно-образовательные задачи, а это подняло бы уровень русского просвещения и значительно помогло бы культурному росту всего нашего отечества).

Представитель Педагогического общества при Императорском Казанском университете проф. Е.Ф. Буддэ (с. 31–36)

«<...> Учить тому, чему можно *научить* – истинная задача деятеля разумно построенной школы, независимо от выбора предметов преподавания. А «научить» – значит сделать возможным «усвоение» преподаваемого путем привлечения к работе органов восприятия человека.

Как нельзя более убедительным в этом отношении является опыт преподавания в нашей школе системы ныне принятого и обязательного русского правописания. Вопрос о его пересмотре, упорядочении и упрощении уже давно назрел в связи с общим прогрессом культурных понятий нашего общества. Но где назрел и созрел? Конечно, там, где была наибольшая практика применения способов и приемов изучения и обучения, где была развита лабораторная работа с опытами ввести в круг человеческих духовных знаний и знание русской орфографии. Такой деятельной лабораторией является *школа и только она*. Ни типографский станок, ни читатели, ни писатели не могли и не могут обогатить такими доказательными опытами нашей программы действий в пользу людей, которым предстоит в стране будущее, какими опытами обогатила нашу программу школа. Читатель воспринимает глазами готовое, наборщик передает оригинал, писатель – самостоятелен, а ученик несвободен и несамостоятелен. Следовательно, школа должна ему помочь изысканием легчайших и разумнейших способов усвоения изучаемого.

Школа давно негодует на зло преподавания ныне обязательного правописания, школа давно затаила свою законную злобу; она просит стоном мольбы придти навстречу ее нуждам, так как осознает свое бессилие в деле помощи ученикам. Преподавать то, чего сам не знаешь; требовать исполнения того, чему не видишь разумных оснований; сознавать свое бессилие в деле объяснения преподаваемого предмета – значит быть в положении связанного человека. Такой человек – современный преподаватель русского языка в низшей и средней школе; этот человек пока обречен на высокомерное и снисходительное отношение к себе со стороны прочих деятелей школы, потому что

за ним нельзя признать силы: он пассивный и бессознательный проводник обременительного материала в нашу молодую среду. Дать этому человеку надлежащий предмет преподавания – значит уравнивать его с другими учителями наук и возратить школе могучую силу.

Стоя на этой точке зрения, я предложил в общем собрании Казанского Педагогического общества 30-го сентября 1901 г. заняться по примеру Московского Педагогического общества вопросом о русском правописании. По моему предложению была тогда же образована комиссия из преподавателей русского языка всех школ г. Казани, которая и работала на основании опытных данных более года над вопросом о том, что представляется в школе наиболее трудным из русского правописания, почему это так и что представляет сама по себе ныне существующая обязательная система русской орфографии, какими мерами можно ее осилить с учениками и сделать предметом разумного преподавания. Нами были разосланы по Казанскому и Оренбургскому учебным округам приглашения высказать свои желания на основании школьных опытов. Сделаны были пробные диктанты во всех низших и средних учебных заведениях г. Казани, в результате были получены однородные жалобы на трудность усвоения окончаний имен прилагательных во мн. числе в Им. падеже; в Род. падеже ед. числа муж. и средн. рода; на правописание «шипящих» в сочетании с гласными, на слова «*юнь*» и «*юдень*». В этом сошлись все голоса. Борьба с ошибками в этих случаях оказалась почти везде в течение ряда лет безуспешною. Пришлось вникнуть в те основания, которые заставляли школу бороться безуспешно и круто с «естественными» ошибками учеников. Основания для такой борьбы могли быть найдены разве только в формализме нашей школы, причем никакими путями (ни книгами, ни обращением к представителям науки) учителя не могли дойти до решения вопроса: «почему так писать?» и «как объяснить причину такого правописания ученикам?» Само собою разумеется, что этими и подобными вопросами могли волноваться *только школа и только родители учеников*. Все остальное общество, вся пресса и представители литературы могли отодвигать эти жгучие вопросы и закрывать перед ними глаза, но школа не могла этого делать: с каждым днем эти и подобные вопросы все более мучили все ее существо; а дети, прощаясь со школой, прощались и с орфографией, так как могли примкнуть в жизни к тем, которые получили право удалить от себя эти вопросы... Комиссия, проработав целый год, представила в общее собрание Казанского Педагогического общества свой проект желательных изменений в русской орфографии *в интересах школы для будущих поколений*, нисколько не затрагивая вопроса об удобствах прессы и не касаясь вопроса установившихся привычек. Комиссия стояла на той точке зрения, что 1) реформа правописания в смысле упорядочения желательна; 2) реформа должна быть проводима в жизнь постепенно и опыт может указать на тот вид новой орфографии, который с течением времени получит общественное признание, и 3) если не будет найден желательный вид реформы, то, по крайней мере, ныне принятая орфография не должна быть обязательною для школы.

Общее собрание в декабре 1902 и январе 1903 гг. большинством своих наличных членов приняло проект комиссии, найдяши его соответствующим своему назначению и проникнутым одной общей идеей. Но прежде чем возбудить ходатайство перед Министерством Народного Просвещения об облегчении участи школы в том или ином виде, общее собрание постановило ... обратиться к третьему суду II Отделения Академии Наук за разрешением вопроса, который в сущности был поставлен так, что мог содействовать решению вопроса всех учителей: *чему мы учим?* Какой-либо науке, все содер-

жание которой ясно кому-либо из ученых, или мы обучаем *навыкам* и для этой цели употребляем русскую орфографию, преподавать которую ни учителя, ни ученые не могут, если от них потребовать сознательного отчета в преподавании?

Ныне получен нами ответ от II Отделения, где ясно сказано, что существующее и обязательное теперь правописание не принадлежит Академии Наук и что Академия не имеет принципиальных возражений против попыток упорядочить наше правописание на тех или иных началах.

Другой вопрос, из каких элементов должно и можно составить удобное для усвоения правописание. Это дело нового обмена мыслей большого круга членов комиссии и дело времени, но во всяком случае составные элементы правописания должны удовлетворять требованиям удобопонятности и действительной наличности живого языка. Все же противоречащее этому и невозможное для преподавания должно быть исключено.

Держась такого взгляда и основываясь на данных фонетики и истории русского языка, комиссия Казанского Педагогического общества предлагает свой проект как один из возможных. Причем ей представляется достойным внимания единство принципа, проведенного в предлагаемом проекте реформы, и легкость и удобство ее построения.

Принцип этот – условие обнаружения природы гласного и согласного в современном русском языке. Это – принцип фонетический. В тех же случаях, где этот принцип находит поддержку и в исторической традиции, не изменяющей его по существу, комиссия нашла желательным сохранение последней. Наконец, в тех случаях, где историческая традиция не сложилась в однообразной форме, а фонетический принцип способствует проведению единства идеи правописания, комиссия решила предпочесть единство идеи, хотя бы для этого пришлось жертвовать старыми знаками нашей азбуки.

Профессор Р.Ф. Брандт (с. 36–41)

«Вопрос об упрощении грамоты мне чрезвычайно дорог... так как считаю реформу в этой области благим делом на пользу отечественного просвещения. Я душевно рад уже самой постановке этого вопроса в Академии Наук – это имеет важное принципиальное значение.

Грамота, несомненно, трудна. <...>

Что до труда, то, конечно, труд – дело святое. Стоит затратить много и усилий, и времени, но только для достижения какой-нибудь великой и разумной цели. Является ли таковой наша грамотность? Нет. Ценность ее чисто условная. Теперь принято писать известным образом, а не уметь этого – стыдно. Орфография – главная наука в начальной и в средней школе, и кто не усвоил, тот – смело можно сказать – ещё в мненьшей мере знаком с другими науками и может считаться крутым невеждой. <...>

Как же, однако, можно восставать – да ещё филологу – против старинных букв, играющих важную роль в истории и в диалектологии русского языка? Очень можно. Тут надо различать место и время. Св. Кирилл сделал прекрасно, что, изобретая азбуку для такого славянского языка, где были особые звуки *ѣ* и *ѥ*, ввел для них особые буквы и не затруднился «исказить» стародавний греческий алфавит этими (и другими) прибавками; также старейшие русские писцы не без основания удерживали буквы *ѣ* и *ѥ*, имевшие у них особенное произношение, хотя, надо думать, отличное от староцерковного. Но теперь таких звуков нет, и, следуя приему самого св. Кирилла и применяя азбуку к потребностям данного языка, можно их исключить. <...> Буквы *ѣ* и *ѥ* в настоя-

щее время играют самую жалкую роль. Масса людей чисто механически, безо всякого понимания исторической основы, привыкает ставить после конечных согласных *ѣ* и в иных случаях писать букву *е* через *ѣ*. Употребление этих букв – вследствие того, что они современной русской речи не свойственны – столь трудно, что сами грамматисты в нем запутались и не раз узаконили «безграмотные написания», например, «мечь» через твердый знак, «мелкѣй» через *е* и «индѣецъ» через *ѣ*. Действительную цену употребления *ѣ* и *ѥ* имеет только в староцерковном языке, где они писались с достаточной правильностью: тамошние *ѣ* и *ѥ* в самом деле бросают яркий свет на некоторые явления русской речи.

Ещё менее прав, чем *ѣ* и *ѥ*, имеют *ѵ*, *Ѷ* и *ѷ*: механически заимствованные из греческой азбуки, эти знаки не находятся ни в какой связи со славянской речью. <...>

Я, впрочем, и вообще всегда стоял и стою за возможно полное сближение письма с литературным выговором; причем владеющему этим выговором почти не надо учиться орфографии, а не владеющий им может научиться ему по письму. <...>

Столь решительным поборником по возможности значительной реформы меня сделали как научные занятия разными языками, так и опыт по начальному преподаванию. Я убежден, что намечаемая реформа находится в соответствии с ходом развития нашего литературного языка от книжной искусственности к живой простоте, а также на том, что стоит только свыше разрешить упрощенное письмо, несколько не преследуя старого, и оно вскоре само завоеует себе полное господство. Да, вовсе не так трудно устранить то, что отжило свой век, ибо, говоря словами Апостола Павла, «обветшавшее и состаревающееся близ есть истления» (Евр. 8, 13)».

М.И. Михельсон (с. 41–43)

«<...> Я совершенно согласен с мнениями, высказанными представителями Московского и Казанского Педагогических обществ, указывающих, насколько плохо поставлено дело орфографии в России: один учитель учит так, другой – иначе, и дети подвергаются порицанию одного учителя за то, за что другой учитель их бы похвалил. Это напоминает знаменитое изречение о вкусе и приличии: «что за Пиренеями добродетель, то по сю сторону Пиренеев – порок, и обратно». <...>

Изменение орфографии в виде упрощения её вызывается прежде всего нуждами школы. Чем орфография проще, тем она отнимает меньше времени у учащихся и дает возможность употребить теряемое время на более полезные занятия. Говорят, что англичане не очень заботятся об упрощении своей орфографии; но англичане, как народ весьма практичный, с этим мирятся, имея в виду, что зато язык их не имеет, собственно, особых грамматических правил (одно и то же слово – и глагол, и существительное; нет склонений и спряжений) и настолько легок, что хватает времени на ознакомление с орфографией. Что касается вообще изучения орфографии, то я скажу на основании 60-летнего опыта в качестве преподавателя и по занятиям моим в области русского языковедения, что это страшная потеря времени как для ученика, так и для учителей, потеря, ничем не вознаграждаемая. <...>».

Профессор А.П. Будилович (с. 43 – 45)

«Обсуждаемый вопрос может быть рассматриваем с двух сторон: научной и педагогической. В отношении научном следовало бы прежде всего обсудить, ... коснется ли предлагаемая реформа только деталей существующей орфографии или составит поворот к другой системе? Это вопрос довольно важный, потому что хотя обыкновен-

но в жизни каждого литературного языка происходят непрерывные изменения, между прочим и в отношениях графическом и орфографическом, однако такие изменения носят обыкновенно характер эволюции, а не революции. <...> Если комиссия поставит своей задачей изменение в смысле перехода к система фонетической, что неизбежно при изгнании начертаний ъ и ѣ, то должна будет вызвать сильное противодействие в обществе и не может рассчитывать на успех при всей авторитетности своего состава.

Что касается второй стороны этого дела – педагогической, то здесь встречается еще больше трудностей. Школа существует не для того, чтобы производить над учениками эксперименты или распространять новые, не проверенные ещё ни наукою, ни жизнью теории. В частности, в области языка и письменности школа должна познакомить учеников с установившимися в литературе формами речи и письменности, а не с проектами ее, обращенными к будущему. <...> Поэтому никак нельзя признать педагогической мысль, выраженную здесь от имени Казанского Педагогического общества, чтобы проведение новой орфографии возложено было на учеников как лиц несвободных, подчиненных. В этом случае я готов, скорее, согласиться с акад. Ф.Ф. Фортунатовым, который заявил, что Комиссия не имеет никаких полномочий кому бы то ни было навязывать новое правописание, а всего меньше – школе, и что, наоборот, это дело должно начаться с нас, присутствующих; затем нашему примеру, может быть, последуют и другие, и таким образом явится целая литература с новой орфографией, после чего только мог возникнуть вопрос о введении ее в школу. В противном же случае это было бы актом насилия, для которого нет прецедентов ни в нашей, ни в западно-европейской истории».

Профессор П.А. Кулаковский (с. 45–47)

«Между многими указанными в докладе Ф.Ф. Фортунатова пунктами есть такие, над которыми приходится глубоко задуматься не только по причинам практического свойства, но и по некоторым другим. Оставляю в стороне вопрос, нужна ли переделка русской орфографии. Все живое может расти и развиваться или падать и умирать. Конечно, нельзя связывать живое с мертвым: мертвое обыкновенно отпадает от живого. И в нашей орфографии кое-что вымерло. Быть может, то, что вымерло, может быть отброшено без всяких лишений и сожалений (напр., ъ в конце слов). Но есть еще пункты хотя и мертвые с виду, но на самом деле живые, к которым надо относиться с большой осторожностью. Я бы считал одним из таких пунктов букву ѣ. Эта буква, о которой так много говорили и в старое, и в новое время. Она имеет свою историю в нашей письменности и, по моему мнению, еще живет. <...> Выбрасывая ѣ из алфавита, вы затрудняете, например, малороссу, понимание написанного на общем русском литературном языке. <...> В русских наших школах учатся инородцы, где буква ѣ может быть даже большой помощью. Признавая вполне авторитет акад. Ф.Ф. Фортунатова, я бы не мог признать достаточно обоснованным его суждение относительно ѣ и удаления ѣ из азбуки. Для меня неясно, почему обучение правописанию в школах представляется как мучение, как мучительная обязанность, а не как педагогический прием. <...> Мне кажется, что дети, задумываясь, когда пишут то или другое слово, ... производят мстительную работу, и эта работа необходима и полезна».

Академик Ф.Е. Корш (с. 47–49)

«<...> Едва ли ссылка А.С. Будиловича на историю правописания отдельных славянских народов может поколебать стремление собравшейся здесь комиссия к преоб-

разованию существующего русского правописания. ... Наше правописание восходит к Ломоносову, а ломоносовское правописание, как заметил А.С. Будилович, основалось на церковно-славянском правописании в русской редакции, следовательно, на правописании языка нам чуждого, другого языка. Таким образом, в русский язык были внесены некоторые черты из церковно-славянского языка, и они-то преимущественно и составляют главные пункты преткновения в русском правописании в настоящее время. К числу таких черт принадлежит буква ѣ, унаследованная самими Ломоносовым от гораздо более ранней эпохи. Не подлежит никакому сомнению, что, как показывает история русского языка, это ѣ не позднее XV в. совершенно совпало по выговору в большинстве русских наречий с е, кроме случаев перехода в ё, да и это различие не удержалось вполне последовательно; так и ѣ в некоторых словах произносится теперь как ё. Ссылка на малороссов, поляков и других славян, которые должны учиться русскому языку или учатся ему, едва ли много говорит за сохранение ѣ. <...> В вопросе о русском правописании нам следует ограничиться только русским языком и именно великорусским; литературным языком, устраняющим провинциализмы».

Профессор Е.Ф. Будде (с. 53) по поводу мнения проф. Л.А. Кулаковского относительно желательности сохранения буквы ѣ в целях более легкого усвоения русского правописания поляками и малороссами, указал на сделанное Казанскому Педагогическому обществу сообщение директора Казанской инородческой семинарии о том, что более 50 % восточных инородцев не могут овладеть русским правописанием вследствие его трудности и потому лишаются возможности ассимилироваться посредством школы с русской культурой.

Н.К. Кульман (с. 53–54)

«... проецированное упрощение правописания обсуждалось с двух точек зрения – научной и педагогической. ... в связи со второй мы услышали несколько грозных слов: смута, деморализация и т. п. Эти слова многих могут заставить призадуматься, а между тем они только страшны с виду. Было указано, что школа не место для экспериментов, что в школу нельзя вводить никаких неустойчивых теорий. Никто, конечно, не станет спорить с этой основной педагогической аксиомой, но ведь она не имеет решительно никакого отношения к вопросу об упрощении правописания. Когда мы говорим об уничтожении буквы ѣ и ѣ, то мы не предлагаем никаких теорий: если педагоги XVI–XVII вв. находили, что «вельми зорно и укорно *ять* с *естем* мешати, понеже от сего великое несмыслество учение бывает», то они не теорию строили, а высказывали свой чисто формальный взгляд на значение переданной по традиции буквы. Очевидно, и в настоящее время есть педагоги, которые тоже находят, что «*ять* с *естем* мешати вельми зорно и укорно», но прочитанные сегодня от имени Московского и Казанского Педагогических обществ доклады, а также ходатайство Съезда преподавателей русского языка в военно-учебных заведениях доказывают, что теперь масса педагогов и ученых не видит ничего зорного и укорного не только в смешении ѣ с е, но даже и в полном уничтожении ѣ. Следовательно, речь идет не о какой-нибудь теории, а о замене одного формального взгляда другим.

Затем нам задали вопрос, как отнесется школа к уничтожению букв ѣ и ѣ, и предсказали ее деморализацию. Не думаю, чтобы и это соображение было основательно. Можно даже сказать наоборот: излишнее увлечение *ерами* и *ятями* является деморализацией школы. Народные учителя, насколько мне известно ..., все в один голос ука-

зывают на невозможность просвещать школой народ при тех усилиях, которые приходится тратить на усвоение нашей в высшей степени непоследовательной, случайно сложившейся, мало обоснованной орфографии. На то же жалуются учителя средней школы. Если вместо *еров* и *ятей* мы дадим школе богатое духовное наследие, оставленное нам представителями русской литературы, то мы поднимем школу, а не деморализуем ее; уничтожив искусственно созданные трудности правописания, мы с большим успехом поведем все классы населения по пути к истинному просвещению, внесем здоровый дух, а не смуту».

Управляющий Сенатской типографией В.И. Маркевич сообщал следующую справку (с. 55) относительно того, насколько бы удешевило у нас книгу исключение из алфавита букв **ѣ** и **ѥ**:

«В листе “Журнала Министерства Народного Просвещения” (16 стр.) — 37,664 буквы, составляющих 624 строки (60–61 буква в строке). При исключении **ѣ** и **ѥ** каждая страница сократилась бы примерно на 103 буквы, а лист на 1648 букв, то есть на 27 строк.

Если взять книгу «Журнала Министерства Народного Просвещения» за март 1904 г., содержащую в себе $26\frac{1}{8}$ листа, отпечатанную в количестве 2 275 экземпляров и стоившую министерству 892 руб., то исключение означенных букв дало бы приблизительно следующую экономию в типографских расходах по выпуску в свет этой книги:

1) набор ($1\frac{1}{8}$) листа	11 р. 25 к.
2) печать (как 2 листа)	7 р. —
3) брошюровка ($2\frac{1}{4}$)	4 р. 55 к.
4) бумага (2 листа)	14 р. 30 к.
5) чтение 1-й корректуры	1 р. 12 к.
6) исправление редакционной корректуры	2 р. 13 к.

Итого: 40 р. 35 к.».

Академик С.Ф. Ольденбург (с. 55), подтвердивши этот расчет, разъяснил, что при исключении буквы **ѣ** не было бы затруднений и для типографских наборщиков, привыкших уже механически брать букву **ѣ** из определенного места в кассе: нужно только разделить букву **е** на две части и одну из них положить на место **ѣ**.

Профессор И.А. Шляпкин (с. 55) заметил, что нельзя основывать реформу правописания на типографских соображениях экономии места, так как в таком случае надо было бы вместо широких букв **ж** и **ш**, занимающих много места, выдумывать новые знаки, более узкие.

Ф.Ф. Ольденбург (с. 55–56), говоря о желательности упрощения русского правописания в интересах народной школы, представил следующие положения:

«1) Усвоение принятой в настоящее время орфографии безусловно непосильно для русской народной школы с ее трех- или четырехгодичным курсом. Все усилия в этом направлении, отражаясь чрезвычайно вредно на общей постановке дела, дают только призрачные результаты, и орфографические знания, усвоенные к выпускному экзамену, утрачиваются после бесследно в самый короткий срок; 2) только сильное упрощение орфографии избавит большинство русского народа от грубой неграмотности и создаст одно из необходимых условий для правильного развития народной шко-

лы; 3) все остальные способы повышения орфографической грамотности населения не могут иметь общего существенного значения: а) дальнейшая методическая разработка приемов обучения правописанию обещает только незначительное улучшение орфографии учащихся; б) изменение основного типа современной русской школы и значительное удлинение ее курса в ближайшие десятилетия недостижимо; в) создание для народной школы особой упрощенной орфографии и невыполнимо, и нежелательно; 4) реформа орфографии будет иметь серьезное значение для народной школы только в том случае, если она повлечет за собой исключение из алфавита буквы **ѣ**. 5) при выработке проекта новой системы правописания желательно возможно последовательнее применять два принципа: а) стремиться к созданию орфографии наиболее простой для усвоения и применения; б) возможно меньше отступать от традиционного способа письма. Соблюдение этого последнего принципа необходимо как для того, чтобы не особенно затруднять лиц, привыкших к установившейся орфографии, так и главным образом для того, чтобы не вызвать сильного противодействия самой идее реформы правописания. В настоящее время можно отказаться от буквы **ѣ** и от двойного начертания для **е**, **ф** и **и**, но нежелательно вводить новое обозначение йотированных звуков и мягких согласных».

Н.М. Каринский (с. 57)

«Необходимость орфографической реформы сейчас несколько раз ставилась в связь с трудностью усвоения нашей системы правописания в народной школе. По моему мнению, если руководиться при реформе правописания педагогическими мотивами, то следует говорить только о нашей средней школе, школах городских и вообще учебных заведениях, через которые может проходить сколько-нибудь значительная часть нашей интеллигенции и в которых возможно более или менее удовлетворительное усвоение орфографической системы. Что же касается народных школ, то в громадном большинстве их положительно неосуществимо полное усвоение орфографии, как бы ни была упрощена ее система, так как русская орфография, в виду значительных отличий друг от друга народных говоров, никак не может быть упрощенной до такой степени, чтобы точно передавать звуки разговорной речи, но должна во многих случаях придерживаться исторической традиции и вводить в программы народных школ с их двух- или трехгодичным курсом как обязательное требование полного усвоения системы правописания во всяком случае окажется едва ли возможным без ущерба для других, более необходимых предметов обучения».

Академик Ф.Е. Корш (с. 57)

«Мне приходилось слышать напоминание о западных народных школах, что как же там, на Западе, достигают полной грамотности в короткий срок обучения. Это совершенно несправедливо: не достигают грамотности и там. Самое грамотное письмо в народных школах — это у сербов; довольно грамотное — чехов, но это объясняется именно простотой сербского и чешского правописания и его соответствием живому языку. Правда, и в Германии в последнее время стали достигать в школе более или менее грамотного письма, но там дети начинают учиться с шестилетнего возраста и учатся 6–8 лет, тогда как у нас — 3–4 года. Во Франции же и Англии обучение правописанию в народных школах приводит к таким результатам, что когда приходится читать письмо простодушна француза или англичанина, то без тщательной критики текста ничего нельзя понять, и нужно обладать немалым остроумием, чтобы добиться, что этот

молодец имеет в виду сказать своим удивительным сочетанием букв. О новогреческом правописании я уже не говорю».

* * *

Товарищ Августейшего председателя комиссии акад. Ф.Ф. Фортунатов прочитал извлечение из письма, присланного одним сельским учителем (с. 58–61) на имя Августейшего председателя комиссии, где автор выражал горячую поддержку тем ее членам, которые выступали за реформу правописания. «Сотни тысяч людей с трепетом ожидают благополучного решения этого вопроса» – писал он.

Профессор Н.А. Котляревский (с. 57)

«Я думаю, что из всего того, что здесь говорили, всем уже ясно, какая громадная польза получится из предлагаемой реформы для нашей низшей и средней школы. Но есть еще и высшие школы, которые от этого упрощения орфографии могут выиграть. Я разумно военные академии. В качестве лектора русского языка в Академии Генерального Штаба мне приходится ежегодно на вступительных экзаменах и даже на переходных не пропускать значительное количество офицеров только потому, что с буквой Ъ они в ссоре. Не думаю, чтобы это было правильно, так как нередки случаи, когда очень способные офицеры (в своей области знания даже знаменитые) обнаруживали большую храбрость в расправе с русской орфографией. Я думаю, что упрощение орфографии может помочь многим офицерам свободнее развивать те качества и способности, которые от них преимущественно требуются».

* * *

<...> вопрос о том, находит ли Комиссия желательным упрощение принятого ныне русского правописания, ... единогласно решен в утвердительном смысле.

<...> высказались 1) за упрощение правописания с исключением некоторых букв алфавита – 42, а за упрощение без исключения каких-либо букв – 8; 2) за исключение буквы ѳ – 47, за сохранение – 3; 3) за исключение буквы ѣ – 36, за сохранение – 14; 4) за исключение одной из букв и или і – 39, за сохранение обеих – 11; 5) за исключение буквы њ – 34, за сохранение – 15 (и один голос не был подан).

* * *

Для разработки тех вопросов по упрощению русского правописания, которые не связаны с исключением из алфавита каких-либо букв, Комиссия, по предложению Августейшего Председателя, избрала из своего состава сложными записками семь человек и трех кандидатов... Избранными в подкомиссию членами стали акад. А.А. Шахматов, акад. Ф.Ф. Фортунатов, акад. А.И. Соболевский, акад. Ф.Е. Корш, приват-доцент П.Н. Сакулин, проф. И.А. Бодуэн де Куртенэ и проф. Р.Ф. Брандт; кандидатами – проф. С.К. Булич, приват-доцент Н.М. Каринский и Н.К. Кульман.

Члены подкомиссии избрали своим председателем акад. Ф.Ф. Фортунатова, о чем было заявлено Августейшему Председателю Комиссии.

Затем Августейший Председатель Комиссии изволил закрыть заседание.

В приложении к протоколу было опубликовано особое мнение проф. А.С. Будилевича (с. 64–67), где он по-прежнему отстаивал свои позиции противника реформы и мысль о несообразности замены «домоносовской системы орфографии какой-нибудь новой»; о непедагогичности «делать школьников тараном для пробивания брешки в системе общепринятых форм письменности».

Постановления Орфографической подкомиссии (1912 г.)

(СПб., 1912. 10 с.)

12 апреля 1904 года происходило первое заседание комиссии, созданной Императорской Академией Наук по вопросу о русском правописании [1]. На этом заседании было единогласно признано желательным упростить русское написание и значительным большинством голосов постановлено исключить буквы Ъ, Ъ, ѳ и одно из начертаний для звука і. Об исключении ИЖИЦЫ говорить не приходилось, потому что она вышла сама собой из употребления, и еще академик Грот в руководстве «Русское правописание» писал, что «ижидца может считаться исключенною из русской азбуки».

Вместе с тем комиссия избрала из своего состава подкомиссию, которой было поручено разработать проект тех упрощений в принятом русском правописании, которые не связаны с исключением из алфавита каких-либо букв, кроме, разумеется, исключенных самой комиссией.

В мае 1904 года подкомиссия опубликовала «Предварительное сообщение» с изложением некоторых своих предположений. «Предварительное сообщение» вызвало целый ряд замечаний, возражений, пожеланий, которые и были рассмотрены подкомиссией в декабре 1904 года.

Тем не менее своевременное обнародование решений подкомиссии было надолго задержано событиями общественно-политической жизни, и только в декабре 1910 года подкомиссия снова приступила к пересмотру своих предположений и к окончательной формулировке постановлений, причем были приняты во внимание и все замечания, доставленные подкомиссии с конца декабря 1904 г.

При этом подкомиссия должна была в своей работе иметь в виду, что, как указано выше, Ъ, Ъ, ѳ и одно из начертаний для звука і уже исключены из азбуки постановлением комиссии.

Всестороннее рассмотрение различных вопросов правописания привело подкомиссию к ряду следующих заключений, которые должны войти в доклад, представляемый комиссии.

I. О начертании звука «і»

По вопросу о том, которое из начертаний для звука і оставить, подкомиссия предположила исключить букву і, руководствуясь следующими соображениями:

- 1) і встречается гораздо реже, чем И, потому исключение і вызовет менее ломки в существующем правописании;
- 2) в письме і представляет больше затруднений, чем И, ввиду необходимости отрывать руку для постановки точки [2];
- 3) приняв і, пришлось бы ввести вместо И (И с краткой) новый знак применительно к букве і, (і или і̇), но введение новых знаков вообще признано нежелательным.

II. Об отделительных знаках

Считаясь с исключением буквы Ъ, «твердого знака», подкомиссия должна была обсудить вопрос об отделительном знаке в случаях, подобных объявлять, объем, подъем, подъехать, съест, изъятый и т. п. Сделанное в некоторых проектах предложение о замене в таком положении соединительным знаком – (об-являть, с-ест) подкомиссия отвергла, так как этот знак имеет в нашем правописании особое значение, и, кроме

того, употребление его излишне замедлило бы самый процесс писания. Введение же с этой целью знака апострофа (’), напр., *об’являть, об’ем, под’ехать, с’есть*, вызвало бы еще большее затруднение при письме.

Точно так же подкомиссия не признала возможным ввести в таких случаях в качестве отделительного знака *Ъ*. Хотя *Ъ* не в конце приставок и играет эту роль в нашем письме перед *Я, Ю, Е* или *В, И*, не только после согласных всегда мягких или сохраняющих большую или меньшую степень мягкости в этом положении, но и после всегда твердых *Ш, Ж* (*шью, ружью, мышью*), однако употребление его в таких случаях оправдывается этимологией (ср. *шей, ружей, мышей*). Что же касается употребления буквы *Ъ* в том же значении в конце приставок, то оно, с одной стороны, не согласовалось бы с господствующим в литературном наречии твердым произношением согласных в значительной части таких случаев, а с другой — не имело бы и этимологического основания (*подъезд — подойти, предъявлять — предоставить, объем — обобратить, съемка — сойтись*). Таким образом, хотя комиссия и устранила букву *Ъ* как «твердый знак», однако подкомиссия ввиду указанных соображений предположила сохранить ее в конце приставок в значении знака отделительного.

III. О написании *Ъ* после *Ж* и *Ш* в конце слов

Следствием исключения буквы *Ъ* в конце слов является возможным не писать *Ъ* в положении за конечной твердой согласной, а именно за *Ж* и *Ш*, где *Ъ* пишется теперь (по требованию этимологии) только в силу того общего правила, что конечная согласная в слове должна сопровождаться в письме твердым или мягким знаком. При сохранении вообще для *Ъ* значения 1) знака мягкости согласных и 2) знака отделительного не в конце приставок (см. § II), подкомиссия неизбежно должна была признать излишним написание этой буквы в конце слов за *Ж* и *Ш*, которая в господствующем произношении всегда тверды, например, в Имен. и Вин. пад. ед. ч. слов жен. рода (*рож, лещи*), во 2 л. ед. ч. настоящем и будущем времени (*ходишь, дашь*), в окончании наречий и союзов (*лишь, сплошь, настоеж*).

IV. О написании *Ъ* после *Ч* и *Щ* в конце слов

Имея в виду, что звуки *Ч, Щ* в господствующем произношении всегда мягки и что мягкость эта по существующему правописанию не выражается буквой *Ъ* в середине слов (*безупречный, овечка, мощный*), подкомиссия предложила не писать *Ъ* в положении за *Ч, Щ* также в конце слов, т. е. писать без *Ъ*: *толоч, ноч, печ, реч, точ в точ, навзнич, вещь, помощ*.

V. О знаке *Ъ* после *Т* в неопред. накл. перед *ся*

Перед *ся* после *Т* в окончании неопределенного наклонения глаголов подкомиссия постановила сохранить написание *-тъся*, как обнаруживающая связь этой формы с формой неопределенного наклонения на *-ть*, напр. *делать — делаться, считать — считаться* [3].

VI. О букве *Ѣ*

Исключение из алфавита буквы *Ѣ* выдвинуло вопрос о желательности обязательного обозначения звука *О* после предшествующей мягкой согласной буквой *Ѣ*, а не *Е* (*тѣтка, вѣл, рѣбра*). Подкомиссия признала употребление буквы *Ѣ* желательным, но не обязательным.

VII. О передаче звуков *О* и *Е* после *Ч, Ш, Ж, Щ, Ц*

Современное правописание не представляет желательного однообразия по отношению к передаче звуков *О* и *Е* и различных их оттенков после букв *Ч, Щ*, обозначающих согласные всегда мягкие, и после букв *Ж, Ш, Ц*, обозначающих согласные всегда твердые (*черный — чопорный; шель — шорох; желтый — жохъ*). Подкомиссия предложила передавать звук *О* под ударением, т. е. там, где он вполне явственно слышится, буквой *О*: *крючок, пчолка, чорный, печот, печонка, цолк, ещо, жорнов, жолтый, лжот, свежо, меиок, шол, шолк, шолот, лицо, яйцо*; различные же оттенки звуков, являющиеся вместо *О* и *Е* в слогах без ударения после *Ч, Щ, Ж, Ш, Ц*, решено передавать по-прежнему через *Е*: *пчела, чернослия, чертог, щенок, топорище, вышел, выше, желток, жернова, немцев, сердце*.

VIII. О правописании приставок *без-, из-, воз-, раз-, чрез- и через-, низ-*

Современное правописание этих приставок отличается большой непоследовательностью: 1) в приставках *воз-, из-, раз-* в силу фонетического начала пишут *С* перед глухими согласными, но при этом исключают *С*, перед которым пишут *З*; 2) допуская фонетическое начало в написании приставок *воз-, из-, низ-, раз-*, не распространяют его на *без-, чрез- и через-*, где *З* сохраняется в письме и перед глухими согласными.

Подкомиссия, имея в виду устранение этих противоречий, признала правильным написание *С* во всех указанных приставках перед всеми глухими согласными, например: *восприятие, рассудить, бесполезно, рассада, чересполосный* и т. д.

IX. Об окончании родительного падежа единственного числа имен прилагательных, местоимений прилагательных и причастий мужского и среднего рода

В склонении имен прилагательных, местоимений прилагательных и причастий мужского и среднего рода родительный падеж единственного числа в совр. правописании имеет два окончания: *-ого* и *-аго* (*-яго*), причём первое окончание употребляется при ударении на первом *О* (*слъного, второго, какого*), второе при отсутствии ударения на последней гласной (*доброга, первого, котораго, волчьаго*), хотя еще не так давно в прилагательных именах писали *-аго* также и при ударении на звук *О* в предпоследнем слоге (*слънаго*). Написания *-аго, -яго* в родительном падеже явились у нас под влиянием церковнославянской письменности. Имея в виду 1) показания современных окружающих говоров, сохраняющих *О*, а не *А*, напр., в *доброга, первого*, и 2) то обстоятельство, что различие в письме ударяемой и неударяемой гласной в родит. падеже не находит соответствия в написании других падежей тех же слов (*слънаму в доброму, о слъномъ и о добромъ*), — подкомиссия предположила в твердом склонении писать *-ого* (*слъного, доброга, первого, котораго, самого, шитого, данного*), в мягком *-аго* (*синего, волчьаго, третьего, прочаго, вещьаго, горящаго, сравн. синему, волчьему* и т. д.). При этом, согласно с § VII, после всегда твердых *Ж, Ш, Ц* предположено писать *-ого* при ударении на предпоследней гласной и *-аго* в положении без ударения (*чужаго, меньшаго, свежаго, меньшаго, лучшаго, куцаго*). Согласно с тем же параграфом после всегда мягких *Ч* и *Щ* следовало бы писать *-аго* в случаях, где предпоследняя гласная имеет на себе ударение, но такие случаи не существуют в литературном наречии русского языка.

Примечание. В Имен. и Вин. пад. ед. ч. имен прилагат., местоимений прилагат. и причастий муж. р. подкомиссия ввиду сложности вопроса решила остаться при существующих ныне правилах правописания, т. е. писать напр., *добрый, синий, великий, ловкий, котрый, горящий, худой, городской*.

X. Об окончании именительного и винительного падежей множественного числа имен прилагательных, местоимений прилагательных и причастий

В окончании Имен. и Вин. пад. мн. числа имен прилагательных, местоимений прилагательных и причастий современное правописание требует *-ые, -ие* для мужского и *-ья, -ья* для женского и среднего рода. Написания *-ья, -ья*, не находящие себе опоры в живой литературной речи, явились путем школьной практики под влиянием отчасти церковнославянских окончаний для Имен.-Вин. пад. мн. ч. ж. р., отчасти же окончаний для Имен.-Вин. пад. мн. ч. ср. рода. В современной речи все три рода имеют в Имен. и Вин. пад. множ. ч. этих слов одно окончание, которое могло бы быть передано как написаниями *-ые, -ие*, так и написаниями *-ьи, -ьи*. Подкомиссия, имея в виду существующие в современном правописании окончания *-ые, -ие* (восходящие к древнерусским окончаниям имен.-вин. мн.ч. женск.р. и вин. мн.ч. муж.рода *-ьль, -ьль*, которые вытеснили старые окончания Имен. пад. мн. ч. муж. р. и Имен.-Вин. пад. множ. ч. ср. р.), предположила сохранить их для муж. р. и распространить, по указанным выше соображениям, и на остальные роды, т. е. писать: *добрые люди, тесные улицы, доблестные войска, глубокие моря* [4].

XI. О написаниях *они, один* для всех родов

Современное правописание выступает с искусственным требованием писать *они, они* для муж. и ср. родов, *онь, одинь* для женского рода [5]; под влиянием этого правописания соответствующее различие делается иногда и в произношении. В старину отличалась в письме по родам и форма Имен. и Вин. пад. мн. ч. от *этот*: *эти* для мужского, *эть* для женского и среднего или же *эти* для мужского и среднего, *эть* для женского рода. Но это искусственное различие продержалось недолго. Нет решительно никакого основания сохранять его и для Имен. пад. мн. ч. слова *онь* и для Имен. и Вин. пад. мн. ч. слова *одинь*. Поэтому следует писать для всех трех родов или *они, они*, или *онь, одинь*, так как и то и другое написание одинаково согласовалось бы с произношением. Подкомиссия предлагает ввести для всех трех родов написания *они, они*, имея в виду произношение, господствующее в литературном наречии. Согласно с этим предположено писать для всех родов только *одних, одним, одними* (не *одних, однем, одними*) [6].

XII. О написаниях *ея*

Современное правописание отличает форму Род. пад. ед. ч. местоимения женского рода *она* от формы Вин. пад., несмотря на то, что обе формы звучат одинаково: пишут *ее* в Род. пад. и *ее* или *ея* в Вин. пад. Написание *ея* в Род. пад. явилось под влиянием церковнославянской письменности; русскому языку не было свойственно соответствующее этому написанию произношение. Он имел в родительном падеже форму *ей*, с позднейшим ее изменением в *ея*, причем распространил употребление этой формы также и на винительный падеж (звучавший раньше *ю*). Поэтому подкомиссия

предложила исключить из правописания правило, требующее писать *ея* в Род. пад. [7].

XIII. О переносе слов

При переносе слов подкомиссией предположено ограничиться лишь следующими правилами:

Согласная (одна или последняя в группе согласных), непосредственно перед гласной, не должна быть отделима от этой гласной. Равным образом группа согласных в начале слов не отделяется от гласной.

Буква *й* перед согласной не должна быть отделима от предшествующей гласной. Также конечная согласная, конечное *й* и группа согласных на конце слов не могут быть отделены от предшествующей гласной.

При переносе слов, имеющих приставки, предпочтительнее не переносить в следующую строку согласную в конце приставки, если эта согласная находится перед согласной, напр., лучше делить *под-ходить*, а не *по-дходить, раз-вязать*, а не *ра-звя-зать*.

В заключение подкомиссия считает не лишним указать, что проскизируемое ею упрощение правописания не представляет собою какого-либо исключительного новшества и имеет в виду, главным образом, упорядочить правописание путем устранения из него различных правил, введенных искусственно и не основанных на фактах языка ни в его настоящем, ни в его прошлом (в параграфах VIII, IX, X, XI, XII, XIII).

В параграфах II, III, IV подкомиссия предлагает упрощение правописания, вызываемое исключением из алфавита буквы *Ъ* как «твердого знака».

В параграфе VII предполагается устранить из существующего правописания разнообразие в передаче одних и тех же звуковых сочетаний.

Таким образом, осуществление всех предложений подкомиссии, конечно, не может представить никаких затруднений.

В своих работах подкомиссия ограничилась только немногими предположениями, не производя коренной ломки правописания. Так, при обсуждении различных вопросов подкомиссии не раз приходилось признавать крайнюю желательность изменения принятой у нас системы обозначения мягкости согласных не в самой согласной, а в следующей за ней гласной (напр., в написаниях *тя, мя* и т. п.). Но такая реформа потребовала бы введения новых знаков и вызвала бы уже существенную ломку письма, и потому подкомиссия отказалась внести соответствующее предложение.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. В заседании под председательством Августейшего Президента Академии Наук приняли участие 50 лиц: академики, профессора, приват-доценты, преподаватели средней и начальной школы, представители литературы, делегаты различных ведомств и органов печати.

2. «Скорпись тем удобней, чем меньше в ней надстрочных знаков: едва ли не легче и не скорее можно начертить две палочки, чем одну с точкой над ней». Я. Грот. Спорные вопросы русского правописания (с. 378).

3. В неопределенных наклонениях *толочся, улечся, уберечся* *ь* не пишется так же, как в *толоч, леч, убереч* (см. § IV).

4. «*Е* и *Я*», говорил Ломоносов, «нередко за едино употребляются, особливо во множественном числе прилагательных пишут *святыя* и *святья*. Сие различие букв *Е* и *Я* в родах

именя прилагательных никакого разделения чувствительно не производит: следовательно обоим буквам *Е* и *Я*, во всех родах, употребление позволяет; хотя мне и кажется, что *Е* приличнее в мужеских, а *Я* в женских и средних» («Российская Грамматика» § 116). По этому поводу акад. Я.К. Грот замечает: «Построенное на этом основании правило, как оно ни произвольно, так утвердилось мало помалу, что стало соблюдаться с величайшей точностью. Такова сила условных соглашений в языке: им обыкновенно подчиняются с гораздо большею внимательностью, нежели многим действительным законам его» (Спорные вопросы русского правописания. С. 188); К. Аксаков в статье «Несколько слов о нашем правописании» писал: «Обыкновенно во множественном числе ставят *Е* после мужского, *Я* после женского и среднего рода: *добрые, добрыя*; но это также произвольно. В церковнославянском языке есть точно такая разница, но она основана совершенно на другой причине...». В заключении своего рассуждения К. Аксаков находит, что окончание Имен.-Вин. пад. мн. ч. «не должно иметь различных родов, должно быть одно для всех родов». (Соч. К.С. Аксакова. Т. II. С. 394–395).

5. Эта искусственность началась еще с Ломоносова, который писал в «Российской Грамматике» по поводу *они* и *онъ* следующее: «Различие рода во множественном не весьма чувствительно, так что без разбору один вместо другого употребляются; однако лучше в среднем и в женском *онъ*, а в мужском *они*» (§ 436). Впоследствии это правило изменилось, и в среднем роде стали писать так же, как и в мужском, *-они*.

6. К. Аксаков в приведенной выше статье указывает, что наши грамматики совершенно ошибочно приняли различие в произношении (*эти* и *эть*, *они* и *онъ*, *одни* и *однь*) за различие родов и стали совершенно искусственно употреблять *эти, они, одни* для обозначения мужского рода, *эть, онъ, однь* для обозначения женского и среднего. «Надо взять одну форму для всех родов» — заключает К.С. Аксаков.

7. Ср. форму *самой* для Род. и Вин. пад. жен. р. Также *всё, той, одной*. (См. «Историч. грамматика Буслаева», § 93). М.В. Ломоносов допускал в Род. пад. местоимения *она* форму *ее*, но при этом замечал: «*ее* в просторечии, *ея* в штиле употреблять пристойнее» (§ 435 и 436). При учении Ломоносова о трех штилях такое различие было еще понятно, однако школьная практика сохранила его и тогда, когда литературным языком сделался язык русский.

II. Документы и законодательные акты к реформе 1917 г.

Постановления совещания при Академии наук под председательством академика А.А. Шахматова по вопросу об упрощении русского правописания, принятые 11 мая 1917 г.

1. Исключить букву *Ъ* с последовательной заменой ее через *Е* (*колени, вера, семья, в избе, кроме*).

Некогда буквы *Ъ* и *Е* означали в древнецерковнославянском и древнерусском письме два разных звука. Но звуки эти в русском языке с течением времени совпали с произношением. Это повело к их смешению, обнаруживающемуся уже в древних русских памятниках; в некоторых памятниках *Ъ* стало вытесняться буквой *Е* систематически. Буква *Ъ* исключается из русского алфавита по следующим основаниям: во-первых, *Е* и *Ъ* в

настоящее время произносятся одинаково как в литературной нашей речи, так и в подавляющем большинстве великорусских говоров (ср. *день* и *наднь*, *бестолочь* и *бѣс*, *Арсений* и *сѣни*, *Моисей* и *Алексѣй*, вообще и в *плащѣ*); «живой язык не знает *Ъ*: им занимаются только правописание и грамматика» (Я.К. Грот. Спорные вопросы русского правописания. С. 309); во-вторых, в весьма многих случаях *Ъ* уже уступило место букве *Е*, напр., в словах, заимствованных из церковнославянского языка, как *время, вред, среда, чрево, треба, чрез-, пред-, пре-, запрещать, трезвый, млечный, извлечь, член, шлем* и др., а также в русских словах, как *мелкий, треск, плеск, песок, ведро, семья, некогда, некому, ночлег, деверь* и др.; в-третьих, буква *Ъ* во многих словах пишется несогласно с этимологией, напр., *копѣйка, рѣдька, хмѣль, брюю, змѣй*; в-четвертых, употребление на письме букв *Ъ* и *Е* «сделалось одною из труднейших опасностей нашего правописания» (А. Соболевский. Лекции по истории русского языка. С. 61).

См. Постановления Орфографической комиссии 1904 года.

2. Исключить букву *Ѡ* с заменой ее через *Ѡ* (*Ѡма, Афанасій, фиміам, кафедра*).

Буква *Ѡ* соответствует греческой букве, которая в древнегреческом языке означала особый звук, отличный от звука *Ѡ*, но с течением времени этот звук перешел в *Ѡ*. Это повело к произношению буквы *Ѡ* как *Ѡ*. С таким произношением *Ѡ* заимствована и в древнерусский язык. В древнерусских памятниках находим написания: *Ѡедор, Ѡедосій, Ѡефимоны* и т. д. Буква *Ѡ* исключается потому, что различие букв *Ѡ* и *Ѡ* на письме для не знакомых с греческим языком представляется весьма затруднительным. «Пора изгнать этого монополиста русской азбуки и начать писать *Мефодій*...» (Я.К. Грот. Спорные вопросы русского правописания. С. 379).

См. Постановления Орфографической комиссии 1904 г.

3. Исключить букву *Ѣ* в конце слов и частей сложных слов (*хлеб, послал, меч, пять куч, контр-адмирал*), но сохранить ее в середине слов в значении отделительного знака (*съёмка, разъяснять, адъютант*).

Буква *Ѣ* означала некогда особый звук, произносившийся как краткий гласный неполного образования. С течением времени звук *Ѣ* исчез в одних положениях и перешел в *Ѡ* в других. Слова *дѣно, сѣна, дѣва, гѣнати, сѣказька, сѣдорово* стали произноситься и писаться как *дно, сѣна, дѣва, гнати, сказка, сдорово (здорово)*. Равным образом отпал *Ѣ* в конце слов, но здесь он сохранился на письме и с течением времени получил значение знака твердости после согласной.

Буква *Ѣ* в конце слова исключается как излишняя, ибо согласная, не сопровождаемая буквой *Ѣ*, произносится во всяком случае твердо. «А.Х. Востоков и И.И. Срезневский, которым я сообщал эти замечания, — писал Я.К. Грот в 1862 г., обсуждая вопрос о необходимости отбросить *Ѣ* в конце слов, — вполне согласны со мною во взгляде на излишество *Ѣ* в конце слов». В середине слов *Ѣ* сохраняется в принятом ныне правописании только в окончаниях первой части сложного слова, в окончании приставок и в некоторых иностранных словах. В окончаниях приставок и в некоторых иностранных словах буква *Ѣ* может при этом иметь значение отделительного знака, показывающего, что следующий затем гласный звук отделен от предшествующего согласного звука *Ѣ*; буква *Ѣ* в таком значении должна быть сохранена, ибо *съёмка*, если опустить букву *Ѣ*, будет прочтено *Сѣмка*; также *адъютант, конъюнктив*.

См. Постановления Орфографической комиссии 1904 г. и Постановления Орфографической подкомиссии. СПб. 1912.

4. Исключить букву *i* с заменой ее через *И* (*учение, Россия, пивка, Иоанн, высокий*).

Различное употребление букв *И* и *i*, обозначающих один звук (ср. *мир* и *мир*), «совершенно условно, и без одной из них можно бы очень хорошо обойтись» (Я.К. Грот. Спорные вопросы русского правописания. С. 378). Из двух начертаний для звука *И* сохраняется *И*, во-первых, потому что при быстром письме *i* представляет затруднения, т. к. руке приходится отрываться для постановки точки; во-вторых, потому что рядом с буквой *И* есть буква *И̇*, вм. которой пришлось бы придумать другой знак, если бы исключить букву *И*.

См. Постановления Орфографической комиссии 1904 г. и Постановления орфографической подкомиссии 1912 г. Отд. 1.

5. Признать желательным, но необязательным употребление буквы *Ѣ* (*нѣс, вѣл, всѣ*).

Желательность употребления буквы *Ѣ* вызывается исключением буквы *Ѣ*. Напр., буква *Ѣ* может быть употреблена для различения *все* (*всѣ*) и *всѣ*; но признать употребление *Ѣ* обязательным не представляется необходимым, т. к. смысл написанного показывает, как прочесть то или другое слово (ср. *небо* в значении *небо* и *небо*).

См. Постановления Орфографической подкомиссии. Отд. 4.

6. Писать приставки (*из-, воз-, вз-, раз-, роз-, низ-, без-, чрез-, через-*) перед гласными и звонкими согласными с *З*, но заменять *З* буквой *С* перед глухими, в том числе и перед *С* (*извините, воззвание, разумно, разыскать, низвергать, безвольный, чрезвычайно, исправить, воспитать, восхожие семья, расставить, роспись, ниспосланный, бесполозно, чересполощица, чересседеальник*).

Постановление совещания отличается от принятого теперь правила тем, что, во-первых, не отделяет приставок *без-, чрез-, через-* от других приставок, меняющих *З* на *С*; во-вторых, допускает замену *З* через *С* не перед некоторыми только глухими согласными, а пред всеми, следовательно, и перед *С*.

См. Постановления Орфографической подкомиссии. Отд. 8.

7. Писать в Род. падеже прилагательных, причастий и местоимений *-ого, -его, вместо -аго, -яго* (*доброго, пятого, которого, синего, свежего*).

Исконными русскими окончаниями Р. п. сложного склонения прилагательных были *-ого, -его*. Что касается окончаний *-аго, -яго*, то они заимствованы из древнецерковнославянского языка. Под влиянием церковного письма *-аго* господствовало до 80-х годов прошлого столетия даже под ударением (*сальаго, дурнаго*), но потом *-аго* под ударением уступило место написанию *-ого* (*сального, дурного*). Нет основания сохранять церковнославянские окончания *-аго, -яго* в неударяемом положении, раз они вытеснены в ударяемых словах. «Буква *А* не имеет и не должна иметь места в окончании Род. пад. прилагательных» – читаем у В.Г. Белинского (Полн. собр. соч. / Под ред. С.А. Венгерова. Т.3. С. 86).

См. Постановления Орфографической подкомиссии. Отд. 9.

8. Писать в Именит. и Винит. пад. мн. числа женск. и ср. рода прилагательных, причастий и местоимений *-ые, -ие, вместо -ья, -ия* (*добрые, синие, какие, старые*).

В русском языке уже в древнем периоде утрачены были родовые различия во мн. числе местоимений и прилагательных; в настоящее время прилагательные, причастия

и местоимения в Им. и Винит. падеже множественного числа имеют одни и те же окончания для всех трех родов. «Учение наших учебных грамматик о том, что формы *-ые, -ие* (древнерусск. *-ьль, -ьль*) – формы мужского рода, а формы на *-ья, -ия* (заимствованные из церковнославянского; в них *Я* = церковнославянскому *А*) – формы женского и среднего рода, не имеет под собой никакого основания» (А.И. Соболевский. Лекции по истории русского языка. С. 210). Ср., например, *мои, те, все, эти, божьи, козьи* для всех родов. «Окончание Именит. и Винит. пад. множественного числа, – писал К.С. Аксаков, – не должно иметь различия родов, должно быть одно для всех родов». (Соч. Т. 2. С. 395).

См. Постановление Орфографической подкомиссии. Отд. 10.

9. Писать *они* вместо *онѣ* в Им. пад. множ. числа женского рода.

Как указано, родовые отличия не сохранились во множ. числе местоимений. В русском языке известны две формы: *они* и *онѣ*, но та и другая форма в живой речи означает одинаково Им. падеж множ. числа как мужского, так и женского рода. «Надо взять одну форму для всех родов» (К.С. Аксаков. Соч. Т. 2). «Хотя в настоящее время на некоторые из этих форм (*онѣ, онѣ*) принято смотреть как на формы исключительно женского и среднего рода, но ни старые памятники, ни современный язык не дают права на такого рода взгляд» (См.: А.И. Соболевский. Лекции по истории русского языка. С. 188). Совещание отдало предпочтение форме *они* как более употребительной.

См. Постановления Орфографической подкомиссии. Отд. 11.

10. Писать в женск. роде *одни, одних, одним, одними*, вместо *однѣ, однѣ, однѣ, однѣ*.

Из двух форм *одни* и *однѣ*, означающих Им. падеж мн. числа как мужск., так и женского рода, более употребительна форма *одни*. Совещание потому и отдало ей предпочтение.

См. Постановление Орфографической подкомиссии. Отд. 11.

11. Писать в Род. пад. ед. ч. местоимения личного женск. рода *еѣ* вместо *ея*.

Живой русский язык знает форму *еѣ* в значении как винит., так и родит. падежа женск. рода. Ср.: *самоѣ, одноѣ*, в таком же значении. Форма *ея* возникла как результат произношения церковнославянского *А* на русской почве, а потому представляется искусственной и противоречащей закону русской речи. Ц-славянскому *А* в русском языке соответствовало и соответствует *еѣ, еѣ*.

См. Постановления Орфографической подкомиссии. Отд. 12.

12. При переносе слов ограничиться следующими правилами: а) согласная (одна или последняя в группе согласных) не перед согласной не должна быть отделяема от той гласной; б) группа согласных в начале слов не отделяется от гласной; в) буква *И̇* перед согласной не должна быть отделяема от предшествующей гласной; г) конечная согласная, конечное *И̇* и группа согласных в конце слов не могут быть отделены от предшествующей гласной; д) при переносе слов, имеющих приставки, нельзя переносить в следующую строку согласную в конце приставки, если эта согласная находится перед согласной, например, надлежит делить *под-ходить*, а не *по-дходить, раз-вязать*, а не *ра-звязать*.

См. Постановления Орфографической подкомиссии. Отд. 13

13. Допустить слитное и раздельное написание в наречиях, составленных из сложения существительных, прилагательных и числительных с предлогами (*в стороне и в стороне, в течение и в течение, сверху и сверху, вдвое и в двое*).

См. замечание И.И. Срезневского («Об изучении русского языка»): «Не все глядят на слова одинаково: одни считают за нераздельные слова *в следствие, на перебор, в двоим, между прочим, от части, по неволе, с начала, под конец* и пр. и пишут их сливая; другие разделяют каждое из этих выражений на два слова».

См. Предварительное сообщение Орфографической подкомиссии (СПб. 1904).

Примечание. Вопреки предложениям Орфографической подкомиссии, опубликованным в 1912 году, Совецание постановило:

1. Сохранить без изменения существующие теперь правила букв *О* и *Е* после *Ч, Ш, Щ, Ж, Ц*.

2. Сохранить букву *Ь* (мягкий знак) во всех случаях, где эта буква употребляется в современном правописании, в частности, писать: *речь, вещь, прочь, ешь, ходишь, настезь* и т. д.

Циркуляр Министерства народного просвещения при Временном правительстве о введении нового правописания от 17 мая 1917 г. № 5456

Господину Попечителю
учебного округа

Вопрос об упрощении русского правописания уже давно является предметом особого внимания ученых и педагогических кругов России. В начале XX столетия то или иное решение этого вопроса представлялось настолько неотложным, что Академия наук в 1904 г. образовала особую Орфографическую комиссию при участии представителей педагогического мира, разработавшую те основания, на которых должно быть произведено упрощение правописания. Работы этой комиссии (опубликованы в особых брошюрах: Предварительное сообщение Орфографической подкомиссии. Петроград. 1904 г. и Постановления Орфографической подкомиссии. Петроград. 1912 г.) практического осуществления не получили несмотря на то, что и в ученых и в педагогических кругах встретили в общем полное одобрение и сочувствие.

В настоящее время упрощение правописания вновь сделалось предметом пожеланий педагогических съездов, отдельных учреждений и лиц. Так, например, за необходимость реформы правописания категорически высказался Всероссийский съезд преподавателей русского языка и словесности, происходивший в Москве. Аналогичные пожелания поступили в Министерство народного просвещения и от других съездов.

11 мая с. г. особое Совецание при Академии наук под председательством академика А.А. Шахматова признало вполне своевременным и целесообразным произвести в русском правописании упрощения, основанные на работах Орфографической комиссии и состоявшейся при ней подкомиссии.

Прилагая при сем копию постановления означенного совещания, прошу Вас принять меры к осуществлению предложенной совещанием реформы русского правописания безотлагательно с начала будущего учебного года и с этой целью разослать озна-

ченные постановления во все подведомственные Вам средние мужские и женские учебные заведения, а также директорам и инспекторам народных училищ.

К сему считаю необходимым добавить, то в ближайшее время Вам будут сообщены Министерством некоторые соображения относительно практического осуществления настоящего мероприятия.

Министр народного просвещения

А. Мавуилов

Директор

П. Сурин

Опубликовано в: Родн. яз. в школе. 1917. № 2-3. С. 80-81.

Циркуляр Министерства народного просвещения при Временном правительстве о проведении реформы от 22 июня 1917 г. № 6717

Господину Попечителю
учебного округа

Циркулярным распоряжением от 17 минувшего мая за № 5456 Министерство народного просвещения сообщило Вам, что особое совещание при Академии наук под председательством академика А.А. Шахматова признало вполне своевременным и целесообразным произвести в русском правописании упрощения и предложило Вам принять меры к осуществлению намеченной названным совещанием реформы русского правописания безотлагательно с начала будущего учебного года.

При проведении реформы в жизнь школы настоящего мероприятия прошу Вас принять к руководству нижеследующие основания:

1. Реформа проводится *постепенно*, начиная с младшего отделения начальной школы; в этом отделении при обучении чтению уже обязательно применение нового правописания, причем учащие должны ознакомиться с исключенными буквами (*Ъ, Ї, Ѳ, ИЖИЦА*), но лишь после прочного усвоения ими нового правописания, когда и где они найдут удобным. В старшем отделении начальной школы, в высшем начальном училище и в среднем учебном заведении следует лишь *рекомендовать* учащимся переходить к новому правописанию.

2. Намеченная реформа должна быть осуществлена **ЦЕЛИКОМ**, во всем ее объеме и отнюдь не может осуществляться по частям, в виде применения в предстоящем уч. году тех или других отдельных ее пунктов.

3. При проведении реформы необходимо избегать **НАСИЛИЯ** над желаниями самих учащихся, почему не может быть допущено принудительное переучивание тех, кто уже усвоил правила прежнего правописания; при этом преподавателю необходимо относиться ТЕРПИМО к правописанию учащихся и, поощряя переход всего класса к новому правописанию, не принуждать к тому отдельных учащихся в классе против их желания. В каждом классе соответственно этому могут быть две группы: пишущих по старому и пишущих по новому правописанию; третьей группы не должно быть, так как беспорядочное смешение обеих систем не может быть допускаемо как противоречащее осуществлению реформы в целом ее виде и разрушающее в основе самую идею правописания.

4. В отношении лиц, державших вступительный экзамен, необходимо руководствоваться нижеследующими указаниями:

а) для них остаются в силе лишь те требования правописания, которые являются общими и для прежнего и для нового правописания, а ошибками являются лишь нарушения этих правил;

б) к готовившимся к экзамену по новому правописанию не может быть предъявляемо требование по прежней орфографии;

в) не должны признаваться ошибками все случаи написания, не погрешающие против правил или нового, или старого правописания.

5. При проведении нового правописания в жизнь школы в настоящем году придется считаться с тем неизбежным обстоятельством, что букварей, приспособленных к новому правописанию и столь желательных, по крайней мере для младшего отделения начальной школы, не будет в распоряжении школы, и поэтому придется при обучении чтению пользоваться старыми букварями; новое же правописание вводить при обучении письму, широко пользуясь подвижной азбукой по удалении из нее лишних букв и неизбежно уделяя больше внимания письму.

6. В целях выяснения смысла реформы и привлечения доверия общества, родителей и учащихся проводимому министерством мероприятию, выработанному особым совещанием при Академии наук и встретившему поддержку Государственного комитета при Министерстве народного просвещения, необходимо всемерно выяснять, что настоящее упрощение русского правописания отнюдь не стремится ввести произвольное фонетическое письмо, а, напротив, *новая* орфография является системой научно обоснованной, которая, сохраняя все прежние основы нашего правописания, стремится лишь к установлению соответствия между написанием, с одной стороны, и ЗВУКОВЫМ СОСТАВОМ и ЭТИМОЛОГИЧЕСКИМ СТРОЕМ – с другой. Этой цели могли бы служить небольшие брошюры, статьи с изложением новых правил правописания и с краткой, но в то же время научной их мотивировкой; издание образцов нового правописания и справочных словариков, а также беседы и лекции для учащихся.

7. Несмотря на стремление предусмотреть все возможные случаи, связанные с проведением в жизнь нового правописания, все же могут встретиться такие затруднения, которые не могут быть разрешены преподавателем, и тогда надлежит разрешить таковые на местах в комиссиях преподавателей русского языка и в педагогических советах.

В уверенности, что преподаватели отнесутся с должным вниманием к настоящей реформе и приложат все усилия к наилучшему ее проведению в жизнь, я прошу Вас сделать зависящее распоряжение о принятии указанных оснований к руководству при введении реформы русского правописания в жизнь школы с предстоящего уч. года.

Министр народного просвещения

А. Мануйлов

Директор

П. Сурин

Опубликовано в: Родн. яз. в школе. 1917. № 2–3. С. 81–82; «Изв. по нар. образованию». 1917 (сент.). С. 140–144; «Журн. мин-ва нар. просвещения». 1917 (сент.) С. 41–43.

Декрет Наркомпроса о введении нового правописания от 23 декабря 1917 г.

В целях облегчения широким народным массам усвоения русской грамоты, поднятия общего образования и освобождения школы от ненужной и непроизводительной траты времени и труда при изучении правил правописания предлагается всем, без изъятия, государственным и правительственным учреждениям и школам в кратчайший срок осуществить переход к новому правописанию.

Порядок проведения реформы в жизнь:

Все правительственные и государственные издания, периодические (газеты, журналы) и непериодические (книги, труды, сборники и т.д.) должны печататься согласно новому правописанию с 1 января 1918 г.

Во всех школах республики переход к новому правописанию должен быть произведен согласно следующим основаниям:

1. Реформа правописания проводится постепенно, начиная с младшего отделения начальной школы.
2. При проведении реформы не может быть допущено принудительное переучивание тех, кто уже усвоил правила прежнего правописания.
3. Для всех учащихся и вновь поступающих остаются в силе лишь те требования правописания, которые являются общими и для прежнего, и для нового правописания, и ошибками являются лишь нарушения этих правил. Государственной комиссии поручается принять меры для проведения в жизнь нового правописания.

Изменения правописания и новые правила:

1. Исключить букву *Ъ* с последующей заменой ее через *Е*.
2. Исключить букву *Ѣ* с последующей заменой ее через *Ѧ*.
3. Исключить букву *Ь* в конце слов и частей сложных слов, но сохранить ее в середине слов в значении отделительного знака.
4. Исключить букву *і* с заменой ее через букву *и*.
5. Признать желательным, но необязательным употребление буквы *Ѣ*.
6. Писать приставки (*из-, воз-, вз-, раз-, роз-, низ-, без-, чрез-* и *через-*) перед гласными и звонкими согласными с *З*, но заменять *З* буквой *С* перед глухими согласными, в том числе и перед *С*.
7. Писать в Род. пад. прилагательных, причастий и местоимений *-ого, -его*, вместо *-аго, -яго*.
8. Писать в Именит. и Вин. пад. мн. числа женск. и ср. рода прилагательных, причастий и местоимений *-ые, -ие*, вм. *-ья, -ия*.
9. Писать *они*, вместо *ѣнь* в Именит. пад. множ. числа женского рода.
10. Писать в женск. роде *одни, одних, одним, одними*, вм. *однѣ, однѣх, однѣм, однѣми*.
11. Писать в Род. пад. ед. ч. местоимения личного женск. рода *ее* (или *еѣ*), вместо *ея*.
12. При переносе слов ограничиться следующими правилами:
 - а) согласная (одна или последняя в группе согласных) непосредственно перед согласной не должна быть отделяема от той гласной;

- б) группа согласных в начале слов не отделяется от гласной;
- в) буква *Й* перед согласной не должна быть отделяема от предшествующей гласной;
- г) конечная согласная, конечное *Й* и группа согласных в конце слов не могут быть отделены от предшествующей гласной;
- д) при переносе слов, имеющих приставки, нельзя переносить в следующую строку согласную в конце приставки, если эта согласная перед согласной.

13. Допустить слитное и раздельное написание в наречиях, составленных из сложения существительных, прилагательных и числительных с предлогами.

Народный комиссар по просвещению
Секретарь

А.В. Луначарский
Дм. Лещенко

Опубликовано в: Собр. узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства. 1917. № 12 (30 дек.). Отд. первый. Ст. 176. С. 185–186; Газета Временного рабочего и крестьянского правительства. 1917. № 40.

Декрет Совнаркома о введении новой орфографии от 10 октября 1918 г.

В целях облегчения широким массам усвоения русской грамоты и освобождения школы от непроизводительного труда при изучении правописания Совет народных комиссаров постановляет:

I. Все правительственные издания, периодические (газеты и журналы) и непериодические (научные труды, сборники и т.п.), все документы и бумаги должны с 15 октября 1918 г. печататься согласно при сем прилагаемому новому правописанию.

II. Во всех школах республики:

1. Реформа правописания вводится постепенно, начиная с младшей группы I ступени единой школы.
2. При проведении реформы не допускается принудительное переучивание тех, кто уже усвоил правила прежнего правописания.
3. Для всех учащихся и вновь поступающих остаются в силе лишь те требования правописания, которые являются общими для прежнего и для нового правописания и ошибками считаются лишь нарушения этих правил.

Новые правила правописания, разработанные Народным комиссариатом просвещения

1. Исключить букву *Ѣ* с последующей заменой ее через *Е*.
2. Исключить букву *Ѧ* с последующей заменой ее через *Ф*.
3. Исключить букву *Ѣ* в конце слов и частей сложных слов, но сохранить ее в середине слов в значении отделительного знака.
4. Исключить букву *і* с заменой ее через букву *И*.
5. Писать приставки (*из-, воз-, вз-, раз-, роз-, низ-, без-, чрез- и через-*) перед гласными и звонкими согласными с *З*, но заменять *З* буквой *С* перед глухими согласными, в том числе и перед *С*.

6. Писать в Род. пад. прилагательных, причастий и местоимений *-ого, -его*, вместо *-аго, -яго*.
7. Писать в Имен. и Вин. пад. мн. числа женского и среднего рода прилагательных, причастий и местоимений *-ые, -ие*, вместо *-ья, -ия*.
8. Писать *они*, вместо *онѣ* в Им. пад. множ. числа женского рода.
9. Писать в женск. роде *одни, одних, одним, одними*, вместо *однѣ, однѣх, однѣм, однѣми*.
10. Писать в Род. пад. ед. ч. местоимения личного женск. рода *ее* (или *еѣ*), вместо *ея*.
11. При переносе слов ограничиться следующими правилами:
 - а) согласная (одна или последняя в группе согласных) непосредственно перед согласной не должна быть отделяема от той гласной;
 - б) группа согласных в начале слов не отделяется от гласной;
 - в) буква *Й* перед согласной не должна быть отделяема от предшествующей гласной;
 - г) конечная согласная, конечное *Й* и группа согласных в конце слов не могут быть отделены от предшествующей гласной;
 - д) при переносе слов, имеющих приставки, нельзя переносить в следующую строку согласную в конце приставки, если эта согласная перед согласной.

Зам. народного комиссара просвещения

М. Покровский

Упр. делами Совета народных комиссаров

В. Бонч-Бруевич

Опубликовано в: Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства. 1918. № 74 (13 окт.). Отд. первый. Ст. 804. С. 909–910.

Постановление Председателя ВСНХ от 14 октября 1918 г. «Об изъятии из обращения общих букв русского языка»

Президиум Высшего Совета Народного хозяйства об изъятии общих букв русского шрифта в связи с введением новой орфографии.

1. Немедленно по опубликовании сего все словолития Москвы и Петрограда объяваны:

а) прекратить отливку исключенных из русского алфавита букв *і, ѣ, Ѧ*, изъев из обращения их пуансоны и матрицы;

Примечание. Пуансоны и матрицы литеры *і* остаются в пользовании для отливки комплектов латинских шрифтов.

б) изменить в комплектах шрифтов соответственно количественное соотношение отливки букв *Е, И, Ф, З, С, Ъ*;

в) для удовлетворения требований на пополнение комплектов шрифтов сделать в запас в необходимом количестве приливки букв *Е, И, Ф, С*.

2. Те типографии, в коих имеются словолитные отделения со специальными машинами или с наборно-отливными машинами «Монотип» обязаны прекратить отливку исключенных букв как для собственной надобности, так и на продажу.

3. Все типографии в пределах РСФСР, национализированные и частные, обязаны немедленно:

а) прекратить прием заказов на печатание по старой орфографии как мелких, так и крупных работ периодической и непериодической печати;

б) начатые набором по старой орфографии книги закончить, не меняя орфографии, причем, если какая-либо из начатых книг должна печататься в нескольких выпусках, то по отпечатании остальных выпусков по старой орфографии каждый новый выпуск той же самой книги должен быть набираем по новой орфографии;

в) изъять из касс ручных наборных машин «Монотип», «Линотип» и «Типограф» матрицы буквы *i, k, o*;

г) изъять из касс ручных наборных те же исключаемые буквы и насыпать в соответственные гнезда литеры *И, Е, Ф*, чем дается возможность наборщику привычным движением руки брать нужную для набора текста литеру;

д) набрать текст декрета о новом правописании, опубликованный в № 223 Известий ВЦИК от 13 октября сего года, отпечатать на плотной бумаге в формате карманной книжки и раздать всем наборщикам и корректорам на руки для руководства, оставив некоторое количество оттисков в запасе.

4. Все литографии, фотоцинографии, граверные фабрики и мастерские каучуковых и медных штампов, также обязаны принимать заказы и производить все работы в своих предприятиях с применением новой орфографии.

5. За нарушение сего постановления и исполнение каких-либо графических работ по старой орфографии, виновные должны быть подвергаемы штрафу до 10 000 рублей. Контроль за исполнением сего постановления возлагается на комиссары по делам печати или на исполнительные Комитеты Советских рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов.

Председатель ВСНХ
Члены президиума

А.И. Рыков
Я. Рудзутак
А. Ломов

Опубликовано в: Изв. ВЦИК от 14.10.18. № 248/512.

III. Проекты орфографической реформы после 1917 года

Проект Главнауки (1930 г.)

1. Установить в качестве отделительного знака только один, именно *Ъ*. писать: *съезд, объявление, субъект, конъюнктура, трехъярусный, пью, шью, ружье* <...>

2. Не писать *Ъ* после шипящих в следующих грамматических категориях: *доч, вец, рож, навзнич, настоек, слош, стрич, реж, режете, еш, еште, моеш, моешся* <...>

3. После *Ж, Ч, Ш, Щ* и *Ц* ударяемое *О* писать через букву *О*: *пчолка, чорный, цоки, шояк, жорнов, желтый, лжот, жоны, шол, шопот, облицовка, пчела, чернеть, чека, желатеть, жена, шептать* и т. д. <...>

III. Проекты орфографической реформы после 1917 г.

4. После *Ж, Ш, Ц* писать *Ы* вместо *И*: *жырный, лжыт, шыть, нашы, социализм, революция, цырк, пишыте*. Однако после *ЖЖ* и *ЗЖ* в случае их мягкого произношения писать *И*, напр.: *приезжий, дрожжи, жуужжит*, но: *разжырил, разжылся* <...>

5. Удвоенные согласные писать лишь в следующих случаях:

а) при встрече одинаковых букв в корнях и приставках (русских, а из иностранных в приставке *контр-*): *поддержка, оттепель, рассказ, контрреволюция*, но: *деревяный, соломенный, взволнованный, русский, Одеса, комиссия, искусство, коммунист, классовый, оппозиция, Ана, тона, Мюлер*.

б) в случае долгого *Ж* и *С* в корне: *жуужжать, ссора*, а также в глаголах на *-ся*: *спласса, спресся* <...>

6. В П. п. ед. ч. имен существительных, оканчивающихся на *ье*, писать *ье*: *в Поволжье, в ущелье, в ученье* <...>

7. Во всех существительных ж. р. на *ня* в Р. п. мн. ч. надо писать *ь*: *дынь, яблонь, деревень, кухонь, басень, вишень, спалень, сотень, боень* <...>

8. а) в окончаниях существительных с суффиксами, заключающими в себе *ШК* и *Щ*, писать *А*, если эти существительные муж. или жен. рода, а если они ср. рода, то писать *О* или соответственно *Е*: *бабушка, бабушка, хлебушка, ручища, котичка, дворичка, ручица, котичка, дворичка, пальтишко, болотище*.

б) в словах ср. рода вместо суффикса *-иц* писать *-ец*: *платьеце, именьеце*, как *ружьецо* (т. е. независимо от места ударения); вместо суффикса *-ышк* писать *-ушк*: *перушко, солнушко, гнездушко*.

в) в окончаниях слов муж. рода типа «заввала» писать *А*: *заввала, кутила, громила, подавала* и т. п. <...>

9. В Р. п. ед. ч. имен прилагательных и существительных, изменяющихся по склонению прилагательных, писать окончания *-ово, -ево* вместо *-ого, -его*: *портовово, добровово, синевово, чевово, евово, идуцевово* <...>

10. В Им. и Вин. пад. мн. ч. прилагательных и существительных, изменяющихся по склонению прилагательных, установить окончания *-и, -ии*, вместо *-ые, -ие*: *добрыи, синици, идуцици, портныи, мастеровыи, животныи* <...>

11. Все сложные прилагательные писать в одно слово без черточек: *фабричнозаводской, сельскохозяйственный, бледнорозовый, трехаршинный, Московскоказанская ж. д., Нижегородский* <...>

12. Личные окончания глаголов и окончания причастий наст. вр., если на них нет ударения, писать единообразно: *-ишь, -ит, -им, -ите, -ут (-ют), -уций, -юций, -имый: делашь* и т. д. — *делают, дышишь* и т. д. — *дышат, любишь* и т. д. — *любят, борисься* и т. д. — *борются, строишь* и т. д. — *строят, роишь* и т. д. — *роют, возишь* и т. д. — *возют, делаемый, дышущий, борющийся, строящийся, забываемый* <...>

13. Наречия, состоящие из соединения предлогов с другими частями речи, писать в одно слово без черточки: *налево, подряд, порусски, постарому, помоему, впервые, впуру*, а также слова: *втечение, вследствие, впродолжение* <...>

14. а) писать *не* с прилагательными и причастными вместе также в том случае, когда при прилагательном или причастии стоят зависящие от них слова: *эта болезнь ни для кого неопасна; нескошенная крестьянская трава, он ушел никем незамеченный; никому неприятно; никому неприятный; куда негодный; куда негодно; ни о чем незнающий; ни в чем дурном незамеченный*.

б) в глаголах: *не хватает, не достает* согласно общему правилу не следует писать отдельно <...>

в) *ни* употребляется только как усиливающаяся частичка:

1) при данном (или подразумеваемом) отрицании она усиливает отрицательный смысл, находясь при отдельном слове или при перечисляемых словах: *ни кэсточкой нигде не мог я пожить; казак не хочет отдохнуть ни в чистом поле, ни в дубраве, ни при опасной переправе; на улице ни зги (не видно); без проказ ни на час (не остается)*.

2) при утвердительном сказуемом она усиливает положительный смысл (в выражениях *кто ни* = всякий; *куда ни* = всюду; *когда ни* = всегда; *как ни* = всячески и т. д.): *сколько ни бился, ничего не добился; куда ни посмотрю, повсюду рожь густая* <...>

15. а) приставки *анти-, ультра-, контр-, экс-* и т. п. писать вместе с последующими словами: *антиалкогольный, ультрафиолетовый, контрреволюция* и др.

б) *пол-* в значении «половина» (т.е. в сочетании с Р. п. существительного) писать всегда с дефисом: *пол-яблока, пол-лимона, пол-сотни, пол-магазина, пол-Европы; но полдень, полночь*.

в) частицы *бы, ли, же, то,нибудь, кое, таки, ка* и др. писать всегда с дефисом: *кто-либо, дай-ка, кое-что, что-нибудь, выдай-ли, хотел-бы, он-же молчал, что-бы ты ответил?* <...>

16. Установить единое написание слов, в которых допускалось двойное, например: *итти – ийти, калач – колач, мачиха – мачеха, ватрушка – вотрушка, январский – январьский* и мн. др. <...>

17. а) с большой буквы писать:

1) начало речи; 2) после точки, а также знаков вопроса и восклицания, заканчивающих фразу, после двоеточия, указывающего на перечисление, если члены этого перечисления состоят из цельных фраз, требующих каждая после себя точки; 3) собственные имена, отчества, фамилии и прозвища (без всяких исключений); 4) первое слово чужой речи после двоеточия; 5) первое слово в сложных собственных названиях: *Союз советских социалистических республик, Совет народных комиссаров, Красная армия, Рязанский отдел народного образования* <...>

б) с малой буквы пишутся:

1) все прилагательные, образованные от имен собственных: *московские заводы, пушкинские стихи, ванькино письмо, гомерово эпоха*; 2) все сокращенные слова, не являющиеся собственными именами: *рик, вуз, окроно*; 3) «*вья*», «*ваин*», «*вас*» – во всех случаях; 4) названия должностей и титулов: *комиссар, директор* и др.

в) в сокращенных словах, образованных из первых букв собственных слов, все буквы пишутся большими: *СТО, ГИЗ, ВСНХ* <...>

18. Писать в ср. р. ед. ч. и в наречии «*всё*» с двумя точками на *Е* в отличие от мн.ч. «*все*»: *всё для детей, все на работу, он всё спит*.

19. Допустить свободный перенос слов, причем буквы *Ь* и *Й* не отделяются от предшествующей буквы: *к-уст, ку-ст, кус-т, воз-раст, возра-ст, вой-на, ма-льчик, маль-чик* <...>

20. Не писать *Ь* в окончании неопределенной формы глаголов на *-ться*: *он хотел учиться* и т. д. <...>

Кроме того, комиссия не приняла некоторые предложения к упрощению:

1) В окончании прилагательных муж. р. писать *-ой, -ей* вместо *-ый, -ий*: *доброй, сней* <...>

2) Приставки *из-, воз-, раз-, без-, чрез-* писать этимологически, то есть всегда с *З* <...>

3) Приставку *С-* писать фонетически, то есть перед звонкими писать *З*: *сделать, збить, згореть* <...>

ОБРАЗЕЦ НОВЕЙШЕГО ПРАВОПИСАНИЯ

Осени впечатления в деревне

Солнушко с каждым днем греет слабее, и небо все чаще и чаще покрывается облаками. В облажонных лесах не услышишь уже веселого пения; в помертвельх лугах не цолобуишься пестрым разнообразием трав и цветов; с полей уже давно убрали рожь и яровый хлеба и повсюду, куда ни взглянишь, торчат лиш соломенная щетина. Из свинцовых туч беспрестано льется дождь и превращает улицу в лужи, полные черной жыдт-рязи. Резкий ветер пронзительно свищит в ветвях оголедеревьев и заставляит легкии деревянные ворота с визгом из стороны в сторону. Сквозь густой туман, косплоиц застилант деревню и ее окрестности, едва различишь ветхьи избушки.

Въезжаем в деревню. На улице – полнейшее безлюдье. Все, кто куда можьт, лиш бы укрытсь от этого осенено. Продрогшьи куры приютились под навесом сараев, голову под тепленькии крылушки. Воробы забилсь в мяткии гнездушки. Угрюмыи дворняжки также свернулись и не выходют из-под сиротливо стоящих у плетня.

Опубликовано в: Проект Главнауки о новом правописании / Сост. Н. Кременский и В. Мононов; Под. ред. Г. Данилова и Г. Костенко. М., 1930. 92 с.

Предложения по усовершенствованию русской орфографии (1964 г.)

I. НОВЫЕ ПРАВИЛА (СРАВНИТЕЛЬНО СО СВОДОМ ПРАВИЛ 1956 г.)

1. ОСТАВИТЬ ОДИН РАЗДЕЛИТЕЛЬНЫЙ ЗНАК – Ъ

НОВЫЕ ПРАВИЛА

В разделительной функции употребляется только *Ь*: *подъезд, объявление, волеизъявление, адъютант, дизъюнкция, конъюнктура, вью, ружье, ночью, лисье, чья* и т. д. Разделительный знак не пишется в образованиях с элементами *сверх-, меж-, двух-, трех-, четырех-, пан-, транс-, конф-*: *сверхестественный, межъярусный, трансвертопейский, паневропейский, трехъярусный*.

ПРАВИЛА 1956 г.

§ 70. Буква *Ь* пишется только перед *Е, Ю, Я* в следующих случаях:

1. При сочетании приставки, оканчивающейся на согласную, и корня, например: *подъезд, объем, сверхъестественный, волеизъявление, межъярусный*.
2. В сложных словах после числительных *двух-, трех-, четырех-*, например: *трехъярусный*.

3. В иноязычных словах после иноязычных приставок *аб-, ад-, диз-, ин-, интер-, кон-, контр-, об-, суб-, транс-* и после начальной составной частицы *пан-*, например: *адъютант, дизъюнкция, инъекция, интеръекционный, коъюнктура, контръярус, объект, субъект, трансевропский, панъевропейский*.

§ 71. Буква *Ь* пишется внутри слова не после приставок для отделимости в произношении согласной от следующих за нею *И, Е, Ю, Я*, например: *карьер, вьюн, бурьян, подъячий, семья, ружье, ночью, рожью, воробьиный, курьезный, лисье, лисью, лисьи, чья, чье, чью, пью, шью*.

Действующее правило (писать *Ь* для обозначения *Ј* после приставок, а в остальных случаях *Ь*) сложно, так как во многих случаях в современном языке трудно вычленив приставку (*отъявленный, объятия, съемка, изъясниться* и т. д.).

Предлагаемое новшество (в разделительной функции употреблять только *Ь*) не приведет к искажению произношения, так как в настоящее время согласные перед *йотом* (как в тех случаях, где пишется *Ь*, так и в тех случаях, где пишется *Ъ*, например, *вьюга, въехал*) произносятся и твердо и мягко, а в отдельных словах с *Ь*, типа *адъютант*, мягкое произношение даже преобладает.

Предложение не писать *Ь* после *пан-, сверх-, транс-* и т. д. основано на том, что в указанных элементах конечный согласный произносится с совершенно стабильной твердостью и написание *Ь* после них будет провоцировать мягкое произношение: *панъяпонский, трансевропейский*. Написание без разделительного знака уже существует в сложносочиненных словах типа *детясли, комьячейка*.

2. ПОСЛЕ Ц ПИСАТЬ ВСЕГДА И

НОВЫЕ ПРАВИЛА

После *Ц* не пишется *Ь*, а пишется *И*, например: *цыган, циркуль, огурцы, бледнолицый, сестрицын*.

ПРАВИЛА 1956 г.

§ 2. После *Ц* буква *Ь* пишется в окончаниях и суффиксах *-ЫН*. Например: *птицы, овцы, огурцы, белолицый, сестрицын, лисицын*, а также в словах *цыган, цыпленок, на цыпочках, цыц* (междометие) и в других словах того же корня. В остальных случаях после *Ц* пишется всегда *И*, например: *станция, цыбик, цинковка, цимбалы, цинк, медицина*.

По правилам 1956 г. в корне слова после *Ц* всегда пишется *И* (*циркуль, цирк, революция* и др.), кроме слов *цыган, цыпленок, цыц* и *на цыпочках*. Нет никакой необходимости оставлять на письме эти исключения.

ЦЫ в корнях и *ЦИ* во флексиях во всех отношениях тождественны. Единственное возражение против введения *ЦЫ* во флексиях заключается в том, что буквосочетание *Ц+Ы* частотно, привычно, изменение его кажется нежелательным. Однако внутренняя логика построения русской графики требует принятия написания *ЦИ* и решительного отвержения написания *ЦЫ*. После всех остальных согласных непарных по твердости-мягкости (*Ж, Ш, Ч, Щ*) пишется *И*, а не *Ы* (*жир, ширина, чистый, щит*). Это обусловлено тем, что обозначать твердость или мягкость согласных которые всегда только тверды или только мягки, нет необходимости. Если после *Ц* всегда писать *Ы* (например *революция, цивилизация*), то есть передавать на письме твердость *Ц*, то нужно так же

писать *ножы, грошы, скажы*, т. е. передавать твердость *Ж, Ш*, а после *Ч, Щ* писать *И* (*чистый, щит*). Но если проводить фонетический принцип, то следует ввести написания *чя, чю, щя, щю* (при *жа, жу, ша, шу*). Этого требует последовательность в построении русской графики: допустив фонетические написания в одном случае, мы обязаны распространить их и на другие, иначе правило о написании *ЦЫ* окажется изолированным от других и будет противоречить другим правилам.

Написание *ЦИ* не повлияет на произношение слов, так же как не вызвали мягкого произношения *Ц* написания *цифра, цирк, цинк, революция* и др.

Предлагаемое написание позволит заменить действующее в настоящее время сложное правило простым: после *Ж, Ш, Ч, Щ* не пишутся буквы *Я, Ю, Ё, Ы*, а пишутся *А, У, О, Е, И* (т. е. основные гласные буквы).

3. ПОСЛЕ Ж, Ч, Ш, Щ, Ц ПИСАТЬ ПОД УДАРЕНИЕМ О, БЕЗ УДАРЕНИЯ – Е

НОВЫЕ ПРАВИЛА

После шипящих (*Ж, Ч, Ш, Щ*) и *Ц* под ударением пишется *О*, без *Е*: *жолтый, жолудь, шов, цюки, чорный, цоколь, плечом, пращой, медвежонок, ручонка, смешон, течет, окруженный, жжот, свежо, горячо*, но: *желтеть, желудей, щека, чернеть, плачем, роццей, плачет, выжженный, ярче*.

Примечание:

1. Слово еще пишется с *Е(Ё)* независимо от того, находится ли оно под ударением или нет.
2. Некоторые заимствованные слова (*жюкей, эжонглер, шокировать, шоссе, шофер* и др.) пишутся с буквой *О*.

ПРАВИЛА 1956 г.

§ 4. А. Если после *Ж, Ч, Ш, Щ* под ударением произносится *О*, то буква *О* пишется:

1. В окончаниях имен существительных и прилагательных, например: *плечо, ножом, шалашом, плечом, Фомичом, плащом, межой, вожжой, душой, свечой, пращой, чужой, большой*.

2. В суффиксах:

а) имен существительных:

- ОК, например: *рожок, петушок, крючок, барщок;*
- ОНОК, например: *медвежонок, мышонок, галчонок, бочонок*
- ОНКА, например: *книжонка, рубашонка, ручонка*, также *деньжонки*;

б) имен прилагательных:

- ОВ-, например, *эжовый, грошовый, парчовый, хлицовый*;
- ОН- (с беглым -О-), например: *смешон*

в) наречий, например: *свежо, горячо, общо*.

3. В Род. пад. мн. ч. на -ОК, -ОН имен существительных, например: *кишок, княжон*.

4. В словах (и в производных от них): *обжора, крыжовник, жом, трещотка, трущоба, чокаться, чопорный, Печора, шов, шордх, шоры*; в именах существительных: *изжога, ожог, поджог* (ср. написание с -ЕГ в прошедшем времени глаголов: *изжег, ожег, поджег*); также в некоторых областных и просторечных словах, например: *жолкнуть, зажора* (и *зажор*), *жош, ужо* (в значении «потом», «после»), *вечор* (вчера вечером), *чох* (например, в выражении «не верит ни в сон, ни в чох»), наречие *чохом*.

Примечание. Иноязычные слова пишутся согласно произношению, например: *крюшон, мажор, шампол* – *шампола*, *Чосер* (фамилия), но: *жест, планиет*.

Б. Во всех прочих случаях после *Ж, Ч, Ш, Щ* под ударением пишется буква *Е*, хотя и произносится *О*, а именно:

1. В глагольных окончаниях *-ЕШЬ, -ЕТ, -ЕМ, -ЕТЕ*, например: *лжешь, лжет* и т. д., *печешь, печет* и т. д.

2. В глагольном суффиксе *-ЕВЫВА-*, например, *затушёвывать, перекочевывать, затушёвывание, перекочевывание*.

3. В суффиксе отглагольных сущ-ных *-ЕВК-*, например: *перекочевка, размежевка*.

4. В суффиксе существительных *-ер-*, например: *дирижер, ретушер, стажер, уха-жер*.

5. В суффиксе причастий страдательного залога *-ЕНН-* (*-ЕН-*) и в словах, образованных от таких причастий, например: *напряженный, напряжен, напряженность, напряженно; отрешенный, отрешенность; размягченный, размягченность; упрощенный, упрощенность; ученый, ученость; толченный; жженный, жженка*

6. В словах, в корне которых под ударением произносится *О*, чередующееся с *Е* в других формах или в других словах того же корня; например: *желтый (желтеть), жесткий (жестковатый), жернов (жернова), желудь (желудей), жердочка (жердей); дешевый, дешева (дешеветь), шелк (шелковистый), шерстка (шерстяной), решетка, решетчатый (решето), кошелка (кошелёк), шепот (шептать), челн (челнок), челка (чело), черт (чертей), черный (чернота), чет (нечет), чечетка (чечет), отчет, счет (вычет, вычесть), черточка (черта), печенка (печень), бечевка (бечева); щетка (щетина), шелкать (шелчок), пощечина, щеки (шека); в корнях глагольных форм: *сжег, поджег, сжегший, поджегший (сжечь, поджечь), шел (шедший), разжевывать (разжевать)*.*

7. В предложном падеже местоимения что: о чем, на чем, а также в словах *причем, ничо чем*. (Правила § 4, равно как и все другие, не распространяются на фамилии: они пишутся в соответствии с написанием в официальных личных документах).

§ 5. В русских словах в неударяемых слогах после *Ж, Ч, Ш, Щ* буква *О* не пишется, например: *горошек* (ср. *петушок*), *сторожем* (ср. *чижом*), *большого* ср. *большого*), *рыжего* (ср. *чужого*).

В иноязычных словах допускается буква *О* и в слогах неударяемых, например: *жюкей, шоколад*.

Существующие в настоящее время правила написания *О, Е* после шипящих имеют целый ряд недостатков:

1) во-первых, они противоречат всем остальным правилам русского письма: ударное написание проверяется безударным (*желтый* – *желтеть*, *желудь* – *желудей* и др.), тогда как по общему правилу безударные гласные проверяются ударными;

2) во-вторых, создаются затруднения в случаях *сжимать* – *жам*, *разжевать* – *разжован*; правописание *Е–О* после шипящих оказывается связанным с различием *Е–И* в безударной позиции;

3) в-третьих, чтобы написать правильно данное слово, надо вспомнить все однокоренные слова.

В действительности это приводит к тому, что слова с *О, Е* после шипящих надо просто заучивать наизусть.

Предложение писать после шипящих под ударением *О*, без ударения *Е* (*желтый, желудь, цокот, плечом, пращой, медвежонок, течот, окруженный, горячо*, но *жел-*

теть, желудей, чернеть, плачем, роцней, горошек, планет, выжженный, ярче) заменяет 14 правил, которые даны в Своде 1956 г., изживает все исключения и дает полную унификацию.

Академия педагогических наук по договоренности с Институтом русского языка поставила некоторые опыты в городских и сельских школах, позволяющие сделать ряд выводов относительно предлагаемого правила. Эксперименты, проведенные среди учащихся разного возраста, показали, что предлагаемые новые написания не представляют трудности для усвоения. Специально проведенными подсчетами установлено, что написание, которое подлежит изменению, не обладает значительной частотностью в тексте. Наиболее частотное слово *ещё*, встречающееся как под ударением, так и без ударения, оставлено без изменения.

4. ПОСЛЕ *Ж, Ч, Ш, Щ* НЕ ПИСАТЬ *Ь*

НОВЫЕ ПРАВИЛА

После шипящих (*Ж, Ч, Ш, Щ*) буква *Ь* не пишется, например: *доч, мыш, рож, стреч, вылеч, читаем, отреж, спрячь, намаж, назнач, лиш, сплос, навзнич* и т. д.

ПРАВИЛА 1956 г.

§ 75. После шипящих (*Ж, Ч, Ш, Щ*) буква *Ь* пишется только в следующих случаях:

1. На конце существительных женского рода в Им. и Вин. пад. ед. ч., например: *рожь, ночь, мышь*.

2. В окончании 2-го лица настоящего и будущего времени глагола после конечного *Щ*, например *несешь – несешься, носишь – носишься, примешь – примешься*.

3. На конце глагола в ед. ч. повелительного наклонения, причём буква *Ь* сохраняется и перед *-ся*, например: *мажь – мажься; спрячь – спрячься; ешь*.

4. Во множ. ч. повелительного наклонения перед *-те, -тесь*, например, *мажьте – мажьтесь; спрячьте – спрячьтесь; ешьте*.

5. На конце глагола в неопределенной форме, причём буква *Ь* пишется и перед *-ся*, например: *стричь. стричься*.

6. Во всех наречиях после конечных *Ш* и *Ч*, например: *сплось, скачь, прочь*, а также в наречии *настежь*.

7. На конце частиц: *вишь, бишь, лишь, ишь*.

До реформы 1918 г. каждое слово должно было оканчиваться или гласной буквой или буквами *Ь* и *Ъ*. Такое положение распространялось и на шипящие. Отмена *Ь* в конце слова упростила написание *ножь, грошь* и пр., написание же с *Ь* в конце слов осталось.

Предложение отменить *Ь* после шипящих логически вытекало из отмены *Ъ* в конце слов, оно и было выдвинуто еще в Орфографической комиссии 1904 г. Противники этого предложения считают, что *Ь* нужно оставить как сигнал грамматических форм у существительных 3-го склонения (*ночь, дочь, мышь*), в инфинитивах и повелительном наклонении (*беречь, отрежь, намажь*). Но такой сигнал совершенно не нужен. В случаях типа *дверь, кость* или в формах повелительного наклонения *вынь, гладь, жарь* буква *Ь* пишется не для того, чтобы сигнализировать о грамматической форме, а для того, чтобы указать на мягкость конечной согласной (т. к. в русском языке есть твердые и мягкие *Р, Т, Н, Д*). В случаях же *ночь, рожь, мышь*, как и в формах повелительного наклонения *спрячь, отрежь, намажь* необходимости в букве *Ь* нет, так как *Ч, Ш, Ж*,

Ш не различаются по твердости-мягкости (*Ч, Щ* — всегда мягки, а *Ш* и *Ж* — всегда тверды). Соображение, что отмена *Ь* в словах *ночь, рожь, мышь* затруднит изучение русского языка иностранцами, тоже несостоятельно. Иностранцы должны изучить парадигму *ноч — ночью, рож — рожьо — ржи*, или запомнить сочетания *моя доч*, чтобы верно употреблять эти слова (подобно тому, как русские, изучая французский или немецкий языки, запоминают сочетания артикля с существительным).

5. ОТМЕНИТЬ ЧЕРЕДОВАНИЯ В КОРНЯХ ЗАР-ЗОР, РАСТ-РОСТ, ГАР-ГОР, ПЛАВ-ПЛОВ И Т. Д.

НОВЫЕ ПРАВИЛА

1. В корнях *зар-, рас(т)-* — *рос(т)-, равн-* — *ровн-, гар-* — *гор-, плав-, рост-, плав-, гар-, лог-, мок-* гласная в безударном положении пишется в соответствии с ее написанием под ударением, например: *зоря, зорница, зоревой (зори), рости, ростение, возрост (рост), мокать (мок), предлагать, предпологать (предлог), плавец, плавчиха (плавать), загареть, загарелый (загар)*.

2. В корнях *-клон-/—клан-, -скок-/—скак-, -кос-/—кис-* без ударения пишется *О* (*поклониться, вскочить, косаться*).

3. В корнях *-равн-/—ровн-* разные гласные пишутся в зависимости от значения: корень *равн-* в словах, которые связываются по значению с *равный* (одинаковый); корень *ровн-* — с *ровный*.

4. В глагольных корнях гласные *И* и *Е* чередуются: *сжигать* — *сжечь, постирать* — *постелю, расстилать* — *расстелю* и т. п.; *раздирать* — *раздери, удирать* — *удери* и т. п.; *оттирать* — *оттереть, умирать* — *умереть, избирать* — *изберу; вычитать* — *вычесть; сидеть* — *сесть; блистать* — *блестеть*.

ПРАВИЛА 1956 г.

§ 13. Следует различать гласные *А* и *О* в корнях *-зар- -зор-, рас(т)- -рос(т)-, равн- -ровн-, гар- -гор-, плав- -плов-*:

1. Корень *зар-* пишется в словах: *заря, зарница, озарять* (под ударением *зарев*о, *лучезарный*) и во всех образованных от них словах (*озарение* и др.); корень *зор-* пишется под ударением в отдельных словах и формах: *зорька, зоренька, зорюшка, зори, зорь, зорю* (*бить, играть зорю*).

2. Корень *рае(т)-* пишется в глаголах: *расти, растить, вырастать, наращать* и т. п. и во всех образованных от них словах, например: *растение, произрастание, рращение, рращение, возраст* и т. п., а также в слове *отрасль*; корень *рос(т)-* пишется в прошедшем времени и в причастии прошедшего времени от *расти*, например: *рос, росла, росло, росший, вырос, выросший* и т. п., а также в словах *заросль, поросль, водоросль, недоросль, росток* и в образованных от них словах.

3. Корень *равн-* пишется преимущественно в словах, которые связываются по значению с *равный* («одинаковый»), например: *равномерный, равнозначный, сравнить, равенство, равнять(ся), поравняться, все равно*; корень *ровн-* пишется преимущественно в словах, которые связываются по значению с *ровный* («гладкий», «прямой»), например: *ровнять, сровнять* и т. п., *уровень*; в слове *равнина* пишется *А*.

4. Корень *гар-* пишется под ударением, например: *загар, нагар*, а также в словах *изгарать, выгарки*; корень *гар-* пишется в остальных случаях, например: *загорелый, нагореть*.

5. Корень *плав-* пишется во всех случаях, кроме слов: *пловец, пловчиха, пловцуны*. Чередование *А* и *О* находим также в глаголах *скакать* — *выскочить, кланяться* — *поклониться, касаться* — *коснуться, предлагать* — *предложить, излагать* — *изложить* и т. п., а также *макать* — *мочить* и в образованных от них словах: *скакун* — *выскачка, касательство* — *прикосновение, облагание* — *обложение* и др.

§ 14. Чередование *И* и *Е* находим в следующих глаголах: *сжигать* — *сжечь, выжигать* — *выжечь* и т. п.; *постилать* — *постелю, расстилать* — *расстелю* и т. п.; *раздирать* — *раздери, удирать* — *удери* т. п.; *оттирать* — *оттереть, запирает* — *запереть* и т. п.; *стирать* — *стереть, растирать* — *растереть* и т. п.; *умирать* — *умереть, помирать* — *помереть, замирать* — *замереть* и т. п.; *избирать* — *изберу; прибирать* — *приберу* и т. п.; *вычитать* — *вычесть, прочитат* — *прочесть* и т. п.; *сидеть* — *сесть*, а также *блистать* — *блестеть*.

Предлагаемое правило подводит трудный для усвоения раздел Свода под общее правило русского письма: безударный гласный проверять ударным (*росту* — *рос, плавец* — *плавать, зоря* — *зори, загарать* — *загар...*). Предлагается также сохранить единство в написании корня в тех случаях, когда есть 2 ударных образца для проверки (*поклон* — *кланяться, скачет* — *вскочит*) или когда ударный образец отсутствует (*касаться* — *коснуться*). В этих случаях Комиссией выбирался из двух письменных вариантов тот, введение которого в качестве единственного вызовет наименьшую ломку традиций.

Чередование *Е* — *И* в глагольных корнях Комиссия решила оставить. Исходила она из того, что написания эти привычны, а глагольные корни очень употребительны, частотны. Ломка привычных навыков затруднила бы чтение. Кроме того, действующие написания не противоречат основному принципу нашего письма.

6. ВМЕСТО ДВУХ СУФФИКСОВ -ИНСКИЙ И -ЕНСКИЙ ПИСАТЬ ТОЛЬКО -ИНСКИЙ

НОВЫЕ ПРАВИЛА

В прилагательных, образованных от географических названий, всегда пишется суффикс *-инск-*, например: *пензинский, преснинский, фрунзинский* и т. п.; *-енск-* пишется только в тех случаях, когда *-ен-* не входит в суффикс прилагательного: *коломенский* (Коломна), *ровенский* (Ровно), *песоченский* (Песочня) и т. п.

ПРАВИЛА 1956 г.

§ 29. Прилагательные, оканчивающиеся на неударяемые *-инский*, или *-енский*, группируются по написанию следующим образом:

1. Прилагательные оканчиваются на *-инский*:

а) если от соответствующих существительных употребительно притяжательное прилагательное на *ин-*, например: *сестрийский* (*сестра* — *сестрин*), *Мариинский* (*Мария* — *Мариин*), *Аннинский* (*Анна* — *Аннин*), *Саввинский* (*Савва* — *Саввин*);

б) если они образованы от географических названий (склоняемых и несклоняемых), оканчивающихся на *-и* (*-ы*), например: *грязинский* (*Грязи*), *мытищинский* (*Мытищи*), *химкинский* (*Химки*), *сочинский* (*Сочи*), *топкинский* (*Топки*), *талсинский* (*Талсы*);

в) если они образованы от географических названий, оканчивающихся на *-а* (*-я*), например: *жиздринский* (*Жиздра*), *ялтинский* (*Ялта*), *охтинский* (*Охта*), *ронгинский* (*Ронда*), *балашихинский* (*Балашиха*), *ельнинский* (*Ельня*).

Примечание. Некоторые прилагательные, образованные от существительных на -а (-я), в соответствии с прочно установившейся традицией, сохраняют написание с *-енский*, например: *пресненский* (*Пресни*), *пензенский* (*Пенза*).

2. Прилагательные оканчиваются на *-енский*, если они принадлежат к другим словообразовательным типам, например, *грозненский* (*Грозный*), *городищенский* (*Городище*), *зареченский* (*Заречье*), *фрунзенский* (*Фрунзе*), *коломенский* (*Коломна*), *песоченский* (*Песочия*), *горшеченский* (*Горшечное*). (В последних трех примерах прилагательные содержат в своем составе беглое *e* и суффикс *-ск-*).

Для двоякой орфографической передачи данного суффикса нет никаких оснований. Под ударением он выступает только в виде *-иск-*: *алмаатинский*, *карагандинский*, *туапсинский* и т. д. Передача его как *-енск-* — дань традиции.

7. ВМЕСТО ДВУХ СУФФИКСОВ *-ЕЦ-* И *-ИЦ-* ПИСАТЬ ТОЛЬКО *-ИЦ-*

НОВЫЕ ПРАВИЛА

В существительных среднего рода пишется только суффикс *-ец-*: *пальтецо*, *платеце*.

ПРАВИЛА 1956 г.

§ 18. Следует различать суффиксы существительных *-ец-* и *-иц-*...

В существительных среднего рода пишется *-ец-*, если ударение стоит после суффикса, и *-иц-*, если ударение предшествует суффиксу, например: *пальтецо*, но: *платеце*.

Двоякая орфографическая передача данного суффикса ничем не оправдана.

8. ОТМЕНИТЬ ДВОЙНЫЕ СОГЛАСНЫЕ В ИНОЯЗЫЧНЫХ СЛОВАХ

НОВЫЕ ПРАВИЛА

В иноязычных словах удвоенные согласные не пишутся, например: *иригация*, *коррозия*, *асимиляция*, *дисимиляция*, *тенис*.

Удвоенные согласные пишутся только в словах: *ванна*, *гамма*, *сумма*. (Список слов еще не окончательный).

ПРАВИЛА 1956 г.

§ 68. Написание двойных согласных в иноязычных словах определяется в словарном порядке, например: *иригация* *коррозия*, *кассация*, *эксцесс*, *эссенция*, но: *афиша*, *литера*, *официальный*, *офорт*, *рапорт*.

В результате проведенной работы (статистически обработано записанное произношение слов с удвоенными согласными в заимствованных словах) выяснилось, что большинство слов типа *дифференциация*, *аннексия* произносятся с кратким, неудвоенным согласным. Учитывалось и то, что во всех славянских орфографических системах (украинской, белорусской, польской, чешской, сербской, болгарской) удвоенные согласные в заимствованных словах не воспроизводятся — это относится и к терминологической лексике.

Принято предложение писать удвоенные согласные только тогда, когда это написание отражает живой, современный состав слова. Список слов, у которых остается

написание двойных согласных, небольшой: *ванна*, *гамма*, *сумма* и др. (В Своде правил он будет уточнен).

9. УПРОСТИТЬ НАПИСАНИЕ *Н* - *НН* В ПРИЧАСТИЯХ

НОВЫЕ ПРАВИЛА

В приставочных причастиях пишется *НН* (*израненный*, *написанный*, *перегруженный*), в бесприставочных — *Н* (*раненый в руку*, *написанные маслом картины*, *груженная кирпичем машина*).

ПРАВИЛА 1956 г.

§ 62. Двойное *Н* пишется в страдательных причастиях прошедшего времени, например: *читанные на торжественном заседании доклады*, *бои, раненный вражеской пулей*, *колхоз, организованный в 1930 году*, *усиленный двумя ротами отряд*, *депутаты, избранные в Верховный Совет*.

§ 63. Двойное *Н* пишется во всех прилагательных, образовавшихся из страдательных причастий прошедшего времени (или по их типу), если эти прилагательные имеют приставки либо оканчиваются на *-ованный*, *-еванный* (кроме *жеванный* и *кованный*), например: *больному назначено усиленное питание*, *вышел том избранных сочинений Пушкина*, *возвышенный стиль*, *вписанный треугольник*, *выдержанное вино*, *доверенный человек*, *умеренный климат*, *изысканные манеры*, *отвлеченный вопрос*, *рассеянный ученик*, *поношенное платье*, *поддержанные книги*, *заплаканное лицо*, *заржавленный ключ*, *рискованный шаг*, *балованный ребенок*, *корчеванный участок*.

По существующим правилам написание *НН* и *Н* в причастиях ставится в зависимости от наличия или отсутствия 1) пояснительных слов, 2) приставки. Первое правило трудно (ср.: *груженная машина* — *груженная кирпичом машина*). Различение же приставочных и бесприставочных образований особых затруднений не вызывает.

10. СОЧЕТАНИЕ *ПОЛ-* (ПОЛОВИНА) С ПОСЛЕДУЮЩИМ РОД. ПАДЕЖОМ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО ИЛИ ПОРЯДКОВОГО ЧИСЛИТЕЛЬНОГО ПИСАТЬ ВСЕГДА ЧЕРЕЗ ДЕФИС

НОВЫЕ ПРАВИЛА

ПОЛ- (половина) с последующим родительным падежом существительного или порядкового числительного (обозначающего время, час) пишется всегда через дефис, например: *пол-метра*, *пол-лимона*, *пол-очка*, *пол-Москвы*, *пол-восьмого*, *пол-одинадцатого*.

ПРАВИЛА 1956 г.

§ 79. Пишутся через дефис:

1..., 2...

12. *ПОЛ-* (половина) с последующим родительным падежом существительного, если существительное начинается с гласной буквы или согласной *Л* например: *пол-оборота* *пол-яблока*, *пол-лимона*, но: *полметра*, *полчаса*, *полкомнаты*; через дефис пишутся также сочетания *пол-* с последующим именем собственным, например: *пол-Москвы*, *пол-Европы*. Слова, начинающиеся с *полу-*, всегда пишутся слитно, например: *в полуверсте от города*, *полустанок*, *полукруг*.

Существующее правило писать *ПОЛ-* через дефис, если существительное начинается с гласной или *Л*, а также если *ПОЛ-* предшествует имени собственному, в остальных случаях слитно – сложно. Новое правило унифицирует все случаи написания *пол-*.

11. СЛОЖНЫЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ, НАЧИНАЮЩИЕСЯ С ЭЛЕМЕНТОВ *ВИЦЕ-, УНТЕР-, ОБЕР-, ЭКС-, ЛЕЙБ-, ШТАБ-*, ПИСАТЬ СЛИТНО

НОВЫЕ ПРАВИЛА

§ 76. 2. Пишутся слитно слова с приставками (включая *вне-, после-, сверх-, а-, анти-, архи-, инфра-, контр-, ультра-, экс-* и др.), а также с нач.-ными составными частями *пан-, квази-, псевдо-, вице-, лейб-, обер-, унтер-, штаб-* и др., например: *пан-американизм, эксчемпион, экспрезидент, унтер-офицер, лейбгвардия, вице-президент, штабквартира, оберкондуктор.*

ПРАВИЛА 1956 г.

§ 76. Пишутся слитно: 1...

2. Слова с приставками (включая *вне-, после-, сверх-, а-, анти-, архи-, инфра-, контр-, ультра-* и др.), а также с начальными составными частями *пан-, квази-, псевдо-* и др., например: *довоенный, внеплановый, подотдел, аморальный, сверхприбыль, архинелепый, инфракрасный, контрудар, ультрафиолетовый, междуведомственный, панамериканизм, квазиученый, псевдоклассический.*

§ 79. Пишутся через дефис: 1..., 2...

13. Слова, первой составной частью которых являются иноязычные элементы *обер-, унтер-, лейб-, штаб-, вице-экс-*, например: *обер-мастер, унтер-офицер, лейб-медик, штаб-квартира, вице-президент, экс-чемпион.*

Преимущество слитного написания существительных с перечисленными элементами в сравнении с существующим их дефисным написанием заключается в том, что устраняются исключения в правилах орфографии: языковые единицы, не употребляющиеся самостоятельно в языке, всегда пишутся слитно. Элементы *обер-, вице-, лейб-* и др. (так же как и *квази-, пан-* и др.) самостоятельно в языке не употребляются или употребляются окказионально и поэтому их следует писать слитно (ср. слитное написание этих элементов в других славянских языках), унифицируется также слитное написание существительных с первым элементом *штаб-* и *унтер-*. Под общее правило писать слитно приставки подводятся и написание существительных с приставкой *экс-*.

12. ПИСАТЬ ВСЕ ЧАСТИЦЫ РАЗДЕЛЬНО

НОВЫЕ ПРАВИЛА

Пишутся раздельно все частицы, за исключением случаев, когда они входят в состав целых слов (*чтобы, также*), например: *бы (б), ли (ль), же (ж), вот, ктонибудь, где либо, скажи ка, кто то, да с.*

ПРАВИЛА 1956 г.

§ 86. Пишутся через дефис:

3. Слова с частицами *кое-, кой-, -ка, -либо, -нибудь, -то, -тка, -с, -де*, например: *кое-что, кое-кто, кое-какой, кой-куда, кто-нибудь, кто-либо, кто-то, давай-ка, как-нибудь, как-либо, как-то, ну-тка, да-с.*

Девчонка воротилась, объявляя, что барышня почивала-де дурно, но что ей-де теперь легче и что она-де сейчас придет в гостиную (Пушкин).

Примечание 1. Местоимения *кое-кто* и *кое-что* при сочетании с предлогами пишутся раздельно (в три слова), например: *кое у кого, кое в чем*. Местоимение *кое-какой* при сочетании с предлогом пишется в три слова: *кое с какими*, или в два: *с кое-какими*.

Примечание 2. Частица *таки* пишется через дефис в составе слов *все-таки, так-таки* и некоторых других, а также в тех случаях, когда она следует за глаголом, например: *Узнал-таки меня?* Во всех остальных случаях частица пишется отдельно, например: *Я таки думаю кое-что* (М. Горький). *И все же таки я тебя не понимаю.*

§ 87. Пишутся раздельно:

1. Частицы *бы (б), ли (ль), же (ж)*, за исключением случаев, когда они входят в состав цельных слов, как указано в § 85, п. 4.

Согласно существующим правилам орфографии все частицы пишутся раздельно. В виде исключения через дефис пишутся частицы *кое-* (*кой-*), *-то, -либо, -нибудь, -таки, -ка, -тка, -де, -с*, принадлежащие к различным разрядам частиц (формообразующие, словообразовательные и относящиеся к отдельному слову или содержанию всего предложения). Отказ от дефисного написания унифицирует раздельное написание всех частиц.

13. ДОПУСТИТЬ ФАКУЛЬТАТИВНЫЕ НАПИСАНИЯ ФЛЕКСИЙ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

НОВЫЕ ПРАВИЛА

В передаче Предл. пад. существительных мужского рода на *ИЙ*, среднего рода на *ИЕ* и Дат.-Предл. пад. существительного женского рода на *ИЯ* допустить вариативность, например: *о Василии – о Василие, на линии, к линии – на линии, к линии, о здании – о здание*, в остальных случаях пишется только *Е*, например: *о клее, в платье, к Марье, о Марье, о счастье*.

ПРАВИЛА 1956 г.

§ 40. В существительных мужского и среднего рода в Предл. пад. и в существительных женского рода на *-А(-Я)* в Дат. и Предл. пад. ед. ч. пишется в ударяемом положении *И* только в том случае, если ему предшествует тоже *И*, например: *о гени, о Киц, в «Виш», по реке Би, в отделении, по возвращении, при содействии, к Марии, о Марии*; в остальных случаях в ударяемом положении пишется *Е*, например: *о клее, в платье, в ущелье, в устье, в Закавказье, на взморье, на перепутье, к Марье, о Марье, о счастье*.

Этого предложения не было в предварительном проекте Института русского языка. Предполагалось, что оно касается слишком частотных флексий и поэтому вызвало бы слишком большую ломку привычных написаний. Однако после обсуждения Комиссия сочла возможным включить в число своих предложений это новое правило, чтобы узнать, насколько приемлемым оно окажется для широких слоев пишущих.

Написание окончания *Е* в дательном и предложном падежах существительных I склонения и в предложном падеже существительных II склонения уничтожает исторически понятные, но из современного русского языка необъяснимые исключения.

14. ИЗЪЯТЬ ИСКЛЮЧЕНИЯ

1) ПИСАТЬ: **ЖУРИ, БРОШУРА, ПАРАШУТ**

НОВЫЕ ПРАВИЛА

По общему правилу написания гласных после шипящих в словах *брошюра, жури, парашут* после *Ш* и *Ж* пишется *У*.

ПРАВИЛА 1956 г.

§ 1... Буквы *Ю* и *Я* допускаются после этих согласных (*Ж, Ч, Ш, Щ*) только в иноязычных словах (преимущественно французских), например: *жюри, парашют* (в том числе – именах собственных, например: *Сен Жюст*), а также в сложносокращенных словах и буквенных аббревиатурах, в которых по общему правилу допускаются любые сочетания букв (см. § 110).

Это предложение ликвидирует исключения в передаче гласных после шипящих. Так как заимствованных слов, в которых после *Ж* и *Ш* пишется *Ю*, очень мало (*брошюра, брошюровать, брошюровщик; жюри; парашют, парашютировать, парашютист* и нек. др.), то изменение их написания не приведет к ломке орфографических навыков.

2) УСТРАНИТЬ ИСКЛЮЧЕНИЯ В ПЕРЕДАЧЕ УМЕНЬШИТЕЛЬНОГО СУФФИКСА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ, ОБЫЧНО ПЕРЕДАВАЕМОГО КАК **-ЕНЬК-**; ПИСАТЬ: **ЗАЕНЬКА, ПАЕНЬКА, БАЕНЬКИ**

НОВЫЕ ПРАВИЛА

В ласкательных именах существительных на *-енька* может быть перед *-Н-* только *О* или *Е*, например: *березонька, липонька, заенька, паенька, баеньки*.

ПРАВИЛА 1956 г.

§ 21. В ласкательных именах существительных на *-енька* может быть перед *-Н-* только *О* или *Е*, например: *березонька, липонька, бабонька, Веронька, Лизонька, Лисонька* (но не «*Лизанька*», «*Лисанька*»), *полосонька* (но не «*полосынька*»); *Петенька, Оленька, Марфенька, Сереженька, Зоенька* (но не «*Петинька*», «*Зоинька*»), *душенька, ноченька*; также *волосоньки* (но не «*волосыньки*»).

Однако в словах *заянька, пашенька, баиньки* пишется *-инька* (*-иньки*), а в существительных, образованных от слов на *-иня*, пишется *-ынька*, например: *милостынька* (от *милостыня*).

Предлагаемое правило полностью унифицирует написание суфф. *-еньк-*, снимает ничем не оправданные с точки зрения современного языка исключения.

3) ПИСАТЬ: а) **ДОСТОЕН**, б) **ЗАЕЦ, ЗАЕЧИЙ**

НОВЫЕ ПРАВИЛА

а) Прилагательные, оканчивающиеся на *-йный*, пишутся в краткой форме мужского рода с *Е* перед *-Н-*, например: *спокойный – спокоен, буйный – буен, достойный – достоен*.

б) В существительных мужского рода пишется *-ец-* (с беглым *Е*), например: *европеец – европейца, заяц – зайца*.

ПРАВИЛА 1956 г.

§ 28. Прилагательные, оканчивающиеся на *-йный*, пишутся в краткой форме мужского рода с *Е* перед *Н*, например: *спокойный – спокоен, знойный – зноен, буйный – буен, прямолинейный – прямолинеен*. Но от *достойный – достоен* (*достойнство*), однако *причастие удостоенный, удостоен* (от *удостоить*, по § 26).

§ 18... В существительных мужского рода пишется *-ец-* (с беглым *Е*), например: *комсомолец – комсомольца, европеец – европейца*.

Примечание. От написаний существительных мужского рода с суффиксом *-ец-* следует отличать написания слов *заяц* и *месяц*.

Сохранять исключения *достоен, заяц* нет никакого смысла, так как беглая гласная после *Ж* регулярно передается буквой *Е*: *зноен, спокоен, армеец, кореец*. (Ср. *зноен – знойный; достоен – достойный; кореец – корейца, заяц – зайца*).

4) ПИСАТЬ **ДЕРЕВЯННЫЙ, ОЛОВЯННЫЙ, СТЕКЛЯННЫЙ**

НОВЫЕ ПРАВИЛА

Прилагательные, образованные при помощи суффикса *-ян-* (*-ан-*), пишутся всегда с одним *Н*: *овсяный, подотняный, кровяной, дровяной, кожаный, деревянный, оловянный, стеклянный*.

ПРАВИЛА 1956 г.

§ 61. ...Прилагательные с суффиксом *-ян-* (*-ан-*), образованные от существительных, пишутся с одним *Н*, например: *волосяной, дровяной, глиняный, кожаный*. Прилагательные *деревянный, оловянный, стеклянный* пишутся с двойным *Н*.

Унификация написания этих прилагательных обоснованна, поскольку она ликвидирует исключения (*деревянный, оловянный, стеклянный*), часто вызывающие затруднения у пишущих – в результате влияния других образований этой же суффиксальной группы прилагательных.

Опубликовано в: Известия. 1964. № 228, 229.

IV. Хронологическая библиография

Предлагаемая хронологическая библиография составлена на основе алфавитной библиографии, изложенной в монографии «Обзор предложений по усовершенствованию русской орфографии (XVIII–XX вв.)» (М.: Наука, 1965. С. 418–471).

Поскольку исходный библиографический материал включает только работы, вышедшие не позднее 1 мая 1965 г., то в предлагаемой хронологической библиографии учтены публикации, отраженные в каталогах Российской государственной библиотеки, научной библиотеки Московского государственного университета на 1 февраля 2002 г. Используются материалы следующих библиографических источников.

- «Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII в.» (1725–1800): В 5 т. – М.: Книга, 1966;
- Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII в.» (1725–1800). Дополнения. Разыскиваемые издания. Уточнения. – М.: Книга, 1975;
- Описание изданий, напечатанных при Петре I. Сводный каталог: Дополнения и приложения. – Л., 1972.
- «Описание изданий гражданской печати 1702–января 1725». – М.–Л., 1955.
- Библиографический бюллетень. Фундаментальная библиотека общественных наук им. В.П. Волгина. Новая советская литература по языкознанию (1965–1967 гг.).
- Библиографический бюллетень ИНИОН СССР. Новая советская литература по общественным наукам. Языкознание (1970–1975 гг.).
- Библиографический указатель ИНИОН СССР «Новая литература по социальным и гуманитарным наукам. Языкознание» (1976–19?? гг.).
- Библиографический указатель ИНИОН СССР «Новая литература по социальным и гуманитарным наукам. Языкознание» (1975–2001 гг.).

Библиография составлена в соответствии с правилами описания печатных текстов в библиографических изданиях (ГОСТ 7.1–84 «Библиографическое описание документа. Общие требования и правила составления»). В ней не включены диссертации (только авторефераты); методическая литература, рассчитанная на короткое время пользования, и статьи из сборников студенческих работ.

Все публикации до 1965 г., не отраженные в библиографии «Обзора», отмечены знаком *.

Кроме общепринятых, в работе имеются следующие сокращения:

ЖМНП – «Журнал Министерства народного просвещения»;
ДНУ – журнал «Для народного учителя».

Орфографические публикации XVIII–XIX вв.

1709

1. *Азбука. – М., 1709. (см. «Описание изданий гражданской печати». – С. 25).

1710

1. Азбука гражданская с нравоченлями. Правлена рукою Петра Великого. Дана лета 1710. – 19 с.

1714

1. *Азбука. – Петербург, 1714. (см. «Описание изданий гражданской печати». – С. 170).

1715

1. *Азбука. – Петербург, 1715. (см. «Описание изданий гражданской печати». – С. 184).

1731

1. [Алодунов В.Е.] Anfangs-Grunde der Russische Sprache. Das I Capitel. Von denen Buchstaben, derselben Prononciation, und was sonst noch dabei vorcommt // Deutsch-Latenisch-und Russisches Lexicon, samt denen Anfangs-Grunden der Russischen Sprache. Zu allgemeinen Nutzen bey Kayserl. Academie der Wissenschaften zu Druck beforten. Немецко-латинский и русский лексикон купно с первыми началами русского языка к общей пользе при Императорской Академии наук печатью издан. – СПб., 1731. – С. 3–9.

1746

1. Тредиаковский В.К. Об окончании прилагательных имен целых, мужского рода, множественного числа, и о двух некоторых разностях, до правописания принадлежащих [1746 г. с добавл. 50-х гг.] // Зап. Имп. Академии наук. – 1866. – Т. 8. – Кн. 2. – Прилож. 7. – С. 102–116.
2. Ломоносов М.В. Примечания на предложение о множественном окончании прилагательных имен [1746] // Полн. собр. соч.: В 10 т. – Т. 7: Труды по филологии. – М.; Л., 1952. – С. 83–87.

1748

1. Тредиаковский В.К. Разговоръ между Чужестраннымъ челоувѣкомъ і Россійскимъ объ ортографіи старинной і новой і о всемъ что принадлежитъ къ сей матеріи. Сочиненъ Васильемъ Тредіаковскимъ, Профессоромъ Елоквиціи. Въ Санктпетербургѣ при Императорской Академіи наукъ. – 1748. – 460 с.

1750

1. Ломоносов М.В. Суд российскихъ письмен, перед разумомъ и обычаемъ от грамматики представленныхъ [1750] // Полн. собр. соч.: В 10 т. – Т. 7: Труды по филологии. – М.; Л., 1952. – С. 379–388.

1755

1. Ломоносов М.В. Российская грамматика [1755]. Наставление второе. О чтении и правописания российскомъ // Полн. собр. соч.: В 10 т. – Т. 7: Труды по филологии. – М.; Л., 1952. – С. 421–437.

1763

1. *Российская азбука, способствующая к чтению гражданской печати. – СПб. [тип. Сухопутн. кад. корпуса], 1763. – 19 с.

1768

1. [Барсов А.А.] Азбука церковная и гражданская, с краткими примечаниями о правописании. – М., 1768. Разд. Краткие примечания о правописании. – С. 38–58. Раздел под тем же названием включен в кн.: Краткие правила российской грамматики, собранные из разных российских грамматик в пользу обучающегося юношества в гимназиях Императорского московского университета. – М., 1773. – С. 83–96; 8-е изд. – 1797.

1769

1. Курганов Н.Г. Российская универсальная грамматика, или всеобщее писмословие, предлагающее легчайший способ основательного учения русскому языку с семью присовокуплениями разных учебных и полезно-забавных вещей. – СПб., 1769. – Ч. 3. – Гл. 2. Об орфографии или правописании. Отд. I–II. – С. 95–100; 6-е изд. – 1796 (под загл.: Писмовник, содержащий в себе науку российского языка со многим присовокуплением разного учебного и полезно забавного вещесловия).

1772

1. *Правила о произношении российских букв и о исправлении тех же в новейшем гражданском письме, или о правописании, собранные из российских грамматик. – [М.], печ. при Имп. Моск. ун-те. – 1772. – 56 с.

1773

1. Краткие правила российской грамматики, собранные из разных российских грамматик в пользу обучающегося юношества в гимназиях Имп. Московского ун-та. – [М.], 1773. – 103 с.; 3-е изд. 1780; 4-е изд. – 1752; 5-е изд. – 1786; 6-е изд. – 1790; 7-е изд. – 1793. 8-е изд. – 1797.
2. Российская азбука для обучения малолетних мальчиков, с сказочками, приключениями их возрасту и с картинками. – М.: тип. Селивановского и товарища. – 1975. – 52 с.
3. [Светов В.П.] Опыт нового российского правописания, утвержденный на правилах российской грамматики и на лучших примерах российских писателей. – СПб., 1773 – 42 с.; 2-е изд. – 1787.

1775

1. Опыт о языке вообще и о российском языке // Собрание новостей. – 1775. (окт.). – С. 58–79 (Перед. заглавием: Следующее сочинение сообщено нам из Ярославля от неизвестного сочинителя).

1777

1. *Гражданская азбука с кратким катехизисом и молитвами сочиненная для употребления школ Тверского, Новгородского и Московского наместничества. – СПб.: Тип. Вейнберга и Шнора, 1977. – 48 с.

1781

1. *Решетников А.Г. Краткая Решетникова азбука, для юных детей при помощи божией начинающих учению письменам российского языка, с присовокуплением Священной истории Ветхаго и Новаго завета с картинками и пр. для детей правоучительных наставлений. – М.: Губ. тип. у А. Решетникова, 1800. – 96 с.

2. Российская азбука для обучающегося юношества чтению, напечатанная для общественных школ по высочайшему повелению. – СПб.: тип. при Имп. Акад. наук [1781]. – 47 с.; То же. – М.: Моск. [Синод.] тип. – 1783.

1781

1. Сумароков А.П. [1759] К типографским наборщикам // Полн. собр. соч.: В 10 т. – Т. 6. – М., 1781. – С. 326–334; 2-е изд. – 1787.

1782

1. Переверзев И.А. Краткия правила российского правописания из разных грамматик выбранныя; и по свойству украинского диалекта для употребления малороссиянам дополненные в Харькове [М.: Сенатская тип., 1782]. – 48 с.; 2-е изд. 1787.
2. Сумароков А.П. Наставление ученикам (1771 – 1773) // Полн. собр. соч.: В 10 т. – Т. 10. – М., 1782. – С. 51–54; 2-е изд. – 1787.
3. Сумароков А.П. О правописании [1771 – 1773] // Полн. собр. соч.: В 10 т. – Т. 10. – М., 1782. – С. 3–39; 2-е изд. – 1787.
4. Сумароков А.П. Примечание о правописании [1771 – 1773] // Полн. собр. соч.: В 10 т. – Т. 10. – М., 1782. – С. 40–50; 2-е изд. – 1787.

1784

1. Краткие правила российской грамматики, собранные и вновь дополненные из разных российских грамматик в пользу обучающегося юношества в гимназиях Имп. Моск. ун-та. – М., 1784. – Ч. 1. О правилах правописания. – С. 4–22.

1787

1. Сырейщиков Е.Б. Краткая российская грамматика, изданная для начальных училищ Российской империи по высочайшему повелению царствующия императрицы Екатерины Вторья. – СПб., (1787.) Изд. Комиссии по учреждению народных училищ; 3-е тиснение. – СПб., 1794; 4-е тиснение. – СПб., 1796.

1788

1. *Астахов Иван. Новая российская грамматика. – СПб. [Тип. Морск. кад. корпуса]. – 1788. – 96 с.
2. *Соколов П.И. Начальные основания российской грамматики в пользу учащегося в гимназии при Имп. Академии наук юношества. – СПб., 1788. – 148 с.; 2-е изд., 1792; 3-е изд. 1794.

1790

1. Светов В.П. Краткие правила по изучению языка российского, с присовокуплением кратких правил российской поэзии, или науки писать стихи, собранные из новейших писаний в пользу обучающегося юношества, Вас. Световым. – М., 1790. – Ч. 1. О правописании. – С. 10 – 28.

1791

1. *Богородский Василий. Новая российская азбука, в которой показывается новые методы учения, начальные правила грамматические правила чтения и произношения, правописания и чистописания, сколько для сей части нужно, что все расположено естественно и сообразно возрастающему детскому разуму порядком с присовокуплением различных молитв, правоучений, новых правоучительных басен с картинками, прописей для письма и кратких писем. – М.: Унив. тип. у Риддигера и Клаудия. – 1798. – 119 с.

2. *Краткое известие о достопамятных приключениях капитана д'Сивилия. Перевод Ф...а К...а [Федора Коржавина]. С примеч. о неправильном выговоре и писании многих иностранных слов. – М.: Унив. тип. у В. Окорокова, 1791. – 35 с.

1794

3. Краткая российская грамматика в пользу юношества в Благородном пансионе при Имп. Московском ун-те у В. Окорокова. – М., 1793. – 40 с.

1794

1. *Правописание российское, с предварительным наставлением о произношении букв, о складах и о чтении, из разных грамматик и новейших о правописании правил Киевской Академии учителем Максимом Семигиновским собранное. – М.: тип. Селивановского и товарища. – 1794. – 56 с.; 2-е изд., 1795.

1796

1. [Подшивалов В.С.] Сокращенный курс российского слога, изданный Александром Скворцовым. – М., 1796. – Гл. 3. О правописании. С. 13–22.
2. *Российская церковная и гражданская азбука. – [М.], [Моск. Синод. тип., 1796]. – 40 с.

1802

1. Российская грамматика, сочиненная Имп. Рос. академиею. – СПб., 1802. – Ч. 1. О правописании. Гл. 1–5. – С. 1–31; 3-е изд. – 1819. Основной составитель этой грамматики П.С. Соколов (см. указания Я.К. Грога).

1808

1. Востоков А.Х. [Примечания] // Борн И.М. Краткое руководство к российской словесности. – СПб., 1808. – Гл. 1. Некоторые примечания о правописании и словопроизношении. – С. 2–14. А.Х. Востокову принадлежат примечания на с. 3–6; 9–12.

1809

1. Языков Д.И. Замечания о некоторых русских буквах // Цветник. – 1809. – Ч. 2. – С. 55–81.

1812

1. [Вербницкий А.А.] Начертание правил российского правописания. – Харьков, 1812. – 31 с.

1813

1. Вербницкий А.А. Краткая российская грамматика, содержащая в себе правила, руководствующие к познанию российского языка, в вопросах и ответах, изданная Андреем Вербницким. – Харьков, 1813. – Ч. 3. О правописании. – С. 127–141.
2. Руссов С.В. Словарь российской орфографии или правописания. – М., 1813. – 16 с.
3. Словарь российской орфографии или правописания. – М., 1813. – 16 с.

1815

1. Российское правописание, с примечаниями из лучших сочинителей. – М., 1815. – 56 с.
2. Соколов П.И. Правила употребления буквы ъ. – СПб., 1815. – 83 с.

1816

1. Деминский Я. Российское правописание, для обучения юношества. – СПб., 1816. – 124 с.
2. Подшивалов В.С. Чтение и письмо // Тр. об-ва любителей российской словесности при Имп. Моск. ун-те. – 1816. – Ч. 5. – С. 82–112. Посмертная публикация с предисловием и послесловием за подписью: Л. Прокоп. Антонский.

1820

1. [Остолопов Н.Ф.] Фома Антифитин. Письмо к издателю // Благонамеренный. – 1820. – Ч. 10. – № 8. – С. 136–140.

1822

1. [Остолопов Н.Ф.] Н. О. Письмо к издателю Благонамеренного // Благонамеренный. – 1822. – Ч. 18. – № 18. – С. 190–194.

1824

1. Калайдович И.Ф. [Из «Приложений» к статье: Замечания о родах грамматических в языке русском] // Соч. в прозе и стихах. Труды об-ва любителей российской словесности при Имп. Моск. ун-те. – 1824. – Ч. 5. – С. 196–197, 202–204.
2. Шишков А.С. Разговоры о словесности между лицами Аз и Буки. О правописании // Собр. соч. и переводов адмирала Шишкова. – СПб., 1824. – Ч. 3 – С. 1–42.

1825

1. Калайдович И.Ф. [Из «Ответа на критику замечаний о родах грамматических в языке русском»] // Сын отечества. – 1825. – Ч. 101. – № 1. – С. 267–276.

1827

1. Греч Н.И. Практическая русская грамматика. – СПб., 1827. – Ч. 5. Орфография, или правописание. – Гл. 1–3. – С. 505–561; 2-е изд. – 1834.
2. Греч Н.И. Пространная русская грамматика. – СПб., 1827. – Т. 1. – Ч. 1. – Гл. 1. О буквах; Гл. 2. О слогах. – С. 56–86; 2-е изд. – 1830.
3. Калайдович И.Ф. [Из «Ответа на замечания из книжки: Краткое изложение правил для составления ручного словаря нынешнего языка русского»] // Сын отечества. – 1827. – Ч. 115. – № 17. – С. 77–79.

1828

1. [Яковлев П.Л.] Рукопись покойного Клементия Акимовича Хабарова, содержащая рассуждение о русской азбуке и биографию его, им самим писаную, с присовокуплением портрета и съёмка с почерка сего знаменитого мужа. – М., 1828. – 48 с.

1830

1. Новая тяжба о букве Ъ // Лит. газета. – 1830. – Т. 1. – № 22. – С. 174–177. См. также: Маяк. 1842. – Т. 4. – Кн. 8. – С. 64–75.

1831

1. Буков А. Введение в новейшую русскую грамматику // Молва. – 1831. – Ч. 1. – № 19. – С. 1–9. Написанное в духе фельетона рассуждение о лишней буквах.
2. Востоков А.Х. Русская грамматика Александра Востокова, по начертанию его же сокращенной грамматики полнее изложенная. – СПб., 1831. – Ч. 3. О правописании. – С. 341–372; 12-е изд. – 1874; 16-е, посл. изд. – 1877.

1833

1. Новые усовершенствованные литеры для русского алфавита, или удобнеее средство учиться чтению и письму русскому, даже и иностранцам, приспособленное вместе к изучению всех европейских алфавитов, с прилож. некоторых исторических замечаний о употреблении букв у древних и новых народов. – М., 1833. – 37+У1 с.

1835

1. Белинский В.Г. [Рец., 1835]. Грамматические уроки русского языка Димитрия Каширина, старшего учителя Пинского дворянского училища, нравственно-политических наук действительного студента. М., 1835 // Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. – Т. 1. – 1953. – С. 337–338.
2. Белинский В.Г. [Рец., 1835]. О жизни и произведениях сира Вальтера Скотта. Сочинение Аллана Каннингама. – СПб., 1835 // Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: В 10 т. – Т. 1. – М., 1953. – С. 342–346.
3. [Сенковский О.И.]. [Рец.]. Грамматические уроки русского языка Димитрия Каширина, старшего учителя Пинского Дворянского училища, нравственно-политических наук действительного студента. – М., 1835 // Б-ка для чтения. – 1835. – Т. 11. – Ч. 2. – № 2. – Отд. 6. – С. 33–35.
4. [Шишков А.С.] Нечто о правописании // Краткие записки, содержащие в себе разные примечания и суждения о языке и словесности, издаваемые от Рос. Импер. Академии. – СПб., 1835. – Кн. 2. – С. 70–96.

1837

1. Лажечников И.И. Предложение новаго правописания // Лит. прибавления к «Русскому инвалиду». – 1837. – № 17.

1839

1. [Галахов А.Д.] Абесседер. Мнение о новом правописании г. Лажечникова в романе его «Басурман» // Сын отечества. – 1839. – Т. 7. – Отд. 4. – С. 131–140.

1840

1. Греч Н.И. Нынешняя орфография (Д.М. Княжевичу) // Сев. пчела. – 1840. – № 34, 35.

1841

1. Павский Г.П. Филологические наблюдения протоиерея Павского над составом русского языка. Первое рассуждение. О простых и сложных звуках, служащих основанием русскому слову, и в письменном их изображении. – СПб., 1841. – 148 с. Второе рассуждение. – СПб., 1842. – С. 74–75, 216–217 (отдельные орфографические рекомендации); 2-е изд. – 1850.
2. [Надеждин Н.Н.] [Рец.]. Филологические наблюдения протоиерея Г. Павского над составом русского языка. – СПб., 1841 и 1842. Три рассуждения в трех книгах. Статья вторая // Отч. зап. – 1844. – Т. 35 (авг.). – Отд. 5. – С. 17–32.
3. Ястребцов И.И. Два орфографических замечания // Исповедь или собрание рассуждений доктора Ястребцова. – СПб., 1841. – С. 113–122.

1842

1. Васильев В.А. Грамматические заметки. III. // Маяк. – 1842. – № 6. – С. 12.–Гл. 5. – С. 45–47. О написании двойных согласных в заимствованных словах.
2. Греч Н.И. Литературные замечания // Сев. пчела. – 1842. – № 59.

3. Греч Н.И. Начальные правила русской грамматики. – СПб., 1828. – Ч. 4. Правописание. – Гл. 1–4. – С. 126–146; 9-е изд. – 1842; 10-е и 11-е изд. (под названием «Краткая русская грамматика») – 1843.
4. Доброхотов П.О. Звукоизменении (Umläutung). Грамматическая апелляция к здравому смыслу и беспристрастию. Статья первая // Отч. зап. – 1842. – Т. 21 (апр.). – Отд. 8. – С. 94–96.
5. Кадинский К.М. Отрывок из грамматических заметок // Маяк. – 1842. – Т. 1. – Кн. 2. – С. 124–126.
6. Кадинский К.М. Упрощение русской грамматики. – СПб., 1842. – 56 с.
7. Перевлевский П.М. Практическая орфография с предварительными к ней замечаниями, составленная Петром Перевлевским, старшим учителем Ярославской гимназии. – М., 1842. – 232 с.

1843

1. Васильев В.А. [Рец.]. Филологические наблюдения над составом русского языка протоиерея Г. Павского. В трех рассуждениях. – СПб., 1841 // Маяк. – 1843. – Т. 8. – Кн. 16. – Гл. 4. – С. 49–80; 1844. – Т. 13. – Кн. 24. – Гл. 4. – С. 64–81.

1844

1. Белинский В.Г. [Рец. 1844]. Русская грамматика Александра Востокова, по начертанию его же сокращенной грамматики полнее изложенная; 6-е изд., испр. – СПб., 1844 // Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: В 10 т. – Т. 8. – М., 1955. – 252–256.

1845

1. Белинский В.Г. [Рец., 1845]. Грамматические разыскания В.А. Васильева. 1) О букве ё. 2) Об образовании имен уменьшительных рода мужского и женского. – СПб., 1845 // Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. – Т. 9. – М., 1955. – С. 222–235. Содержит предложение о написании *о* и *е* после шипящих.
2. Белинский В.Г. [Рец., 1845] Упрощение русской грамматики. Uproscenie rusci grammatichi. Соч. К. М. Кодинского. СПб., 1842 // В.Г. Белинский. Полн. собр. соч.: В 13 т. – Т. 9. – М., 1955. – С. 328–345.
3. [Васильев В.А.] В.В. Грамматическая заметка. О букве ё // Маяк. – 1845. – Т. 21. – Кн. 41. – 42. – Гл. 3. – С. 1–6.
4. Васильев В.А. Грамматические разыскания. 1) О букве ё. 2) Об образовании имен уменьшительных рода мужского и женского. – СПб., 1845. – 66 с.
5. Аксаков К.С. Несколько слов о нашем правописании [1846] // Полн. собр. соч.: В 3 т. – Т. 2. – Ч. 1. Соч. филол. – М., – 1875. – С. 391–406.
6. Киров К.С. Замечания на словесные науки. Кн. 1. Замечания на русскую грамматику. – М., 1846. Орфография. – С. 38–51.

1847

1. Грот Я.К. О произношении букв *Е, ЯТЬ, Э* [1847] // Грот Я.К. Филологич. разыскания. – СПб., 1873. – С. 277–281. См. также: Филологические разыскания. – 4-е изд. – СПб., 1899.

1848

1. Барановский С.И. О согласовании правописания с произношением // Иллюстрация. – 1848. – Т. 6. – № 9. – С. 340–443.

1849

1. Два слова о правописании собственных имен // Москвитянин. – 1849. – Ч. 2. – № 5. – Отд. 6. – С. 16.
2. [Канарский А.]. Орфография, или верный и самый легкий, способ в короткое время узнать правописание русского языка / Сост. А. Е...р...ий. – М., 1849. – 71 с.
3. Лихошин М. О правописании иностранных собственных имен // Москвитянин. – 1849. – Ч. 4. – № 13. – Кн. 1. – Отд. 3. – С. 33–38.

1850

1. Григорьев В.В. О правописании в деле русской номенклатуры чужеземных местностей и народов // Географич. изв. – 1850. – Вып. 2. – С. 175–201.

1851

1. Греч Н.И. Учебная русская грамматика (для учащихся). – СПб., 1851. – Ч. 4. Правописание. – С. 248–288.
2. Соколов Д.Н. Руководство к правописанию, заключающее в себе практические замечания о правильном употреблении слов в разговоре и письме. С присовокуплением ошибок против русского языка, делаемых русскими в разговоре и письме, расположенных в алфавитном порядке. – СПб., 1851. – 55 с.

1852

1. Бетлинг О.Н. Грамматические исследования о русском языке (Читаны 1 авг. 1851 г.). I. Сколько звуков в современном русском языке и какие именно? // Уч. зап. Импер. Академии наук по первому и третьему отделениям. – 1852. – Т. 1. – С. 58–81.
2. Греч Н.И. Начальная русская грамматика. – СПб., 1852. Правописание. – С. 72–82.
3. Грот Я.К. О некоторых особенностях в системе звуков русского языка [1852] // Грот Я.К. Филологич. разыскания. – СПб., 1873. – С. 282–310. См. также: Филологические разыскания. – 4-е изд. – СПб., 1899.
4. [Давыдов И.И.] Опыт общесравнительной грамматики русского языка, изданный вторым отделением Импер. Академии наук. – СПб., 1852. – Ч. 3. Правописание. – Отд. 1. Правописание слов. – С. 380–420; 3-е изд. – 1854.
5. Стоюнин В.Я. О русской азбуке // Ведомости С.-Петербургской гор. полиции. – 1852. – № 242, 243.
6. Фурманн. Простые беседы // Ведомости С.-Петербургской гор. полиции. – 1852. – № 213, 226.

1853

1. Извлечение из протоколов второго отделения Импер. Академии наук за август 1853 г. // ИОРЯС. – 1853. – Т. 2. – С. 267–272. Орфографические предложения учителя Суваляской гимназии Кравченко. – С. 268–269.
2. Извлечение из протоколов Второго отделения Импер. Академии наук за сентябрь 1853 г. // ИОРЯС. – 1853. – Т. 2. – С. 305–310. Мнение А.Х. Востокова об орфографических предложениях учителя Кравченко. – С. 308–309.

1854

1. Срезневский И.И. [Рец.]. О согласовании правописания с произношением г. Барановского // ИОРЯС. – 1854. – Т. 3. – Вып. 7. – С. 297–298.

1855

1. Брандт Р.Ф. Об устранении Ъ: Ответ на заметку редакции «Фил. записок» // Рус. филол. вестник. – 1855. – Т. 14. – С. 347–352.

1857

1. Баньковский И.И. Непродуктивность многописания // Экономич. указатель. – 1857. – № 18. – С. 401–404.
2. Добролюбов Н.А. Заметки о современном русском правописании [1856–1857] // Собр. соч.: В 9 т. – Т. 1. – М.; Л., 1961. – С. 488–492.
3. Кадинский К.М. Преобразование и упрощение русского правописания. – СПб., 1857. – 32 с.
4. [Сенковский О.И.] Брамбеус. [Ред. на кн.: К.М. Кадинский. Преобразование и упрощение русского правописания. – СПб., 1857] // Сын отечества. – 1857. – № 32. – С. 753–756. См. также: Листки барона Брамбеуса. – СПб., 1858. – Ч. 2. – С. 630–641.

1858

1. Буслаев Ф.И. Опыт исторической грамматики русского языка: Уч. пособие для преподавателей. – М., 1858. – Ч. 1. Этимология. Гл. 1. Звуки и соответствующие им буквы. – С. 23–71; Ч. 2. Синтаксис. – Гл. 1, III. 1. Расстановка и соединение слов на письме. – С. 106–111. Прибавление к § 173. О прописных буквах С. 116–118. То же: 2-е изд., перед. (под названием «Историческая грамматика русского языка»). – М., 1863. – Ч. 1. – С. 25–83; Ч. 2. – С. 97–102, 106–108; 5-е изд. – 1881. Переизд. в 1959 г.

1859

1. Михайлов М. Грамматические сомнения // Рус. пед. вестник. – 1859. – № 1. – С. 18–42.

1860

1. [Варнек К.А.] К.В. По поводу нового правописания // Рус. инвалид. – 1860. – № 96
2. Типографшик. Поправка к статье о Ъ, Ь и Й // Книжный вестник. – 1860. – № 7–8. – С. 52–54.
3. Типографшик. Ъ и Ь с типографской и издательской точки зрения // Книжный вестник. – 1860. – № 3–6. – С. 32–33.
4. Хованский А.А. Взгляд на правописание вообще. Движение правописания. Необходимость и важность его. Отчего оно затруднительно? Разница между разговорным языком и письменным. Разногласия и нововведения в правописании // Филол. зап. – 1860. – Вып. 1. – С. 38–66.

1861

1. К. Су-в. Плач корректора // Время. – 1861. – Т. 5. – № 10. – Отд. 4. – С. 127–142.

1862

1. А.С. По вопросу об упрощении русской орфографии // Б-ка для чтения. – 1862. – Т. 170 (апр.). – С. 76–92.
2. А.С. Совет орфографическим собраниям // Сев. пчела. – 1862. – № 108.
3. Баженов А. [Рец.]. Толковый словарь живого великорусского языка В.И. Даля. Вып. 1 и 2 (от А до Вгас-). Изд. О-ва любителей рос. словесности // Моск. ведомости. – 1862. – № 75.
4. Белобородов М. Несколько слов об упрощении правописания // Книжный вестник. – 1862. – № 5. – С. 116–117.

5. В защиту буквы *ЯТЬ* (К издателю Северной пчелы) // Сев. пчела. – 1862. – № 95.
6. Второе совещание по вопросу об упрощении русской орфографии // Учитель. 1862. – Т. 2. – № 7. – С. 300–302.
7. [Второе совещание по вопросу об упрощении русской орфографии] // Сев. почта. – 1862. – № 71.
8. [Геннадий Г.Н.] Григорий Книжник: Библиогр. справки по предполагаемому изгнанию из азбуки буквы *Ъ* // Книжный вестник. – 1862. – № 11. – С. 253.
9. Грот Я.К. По поводу толков о правописании // Совр. летопись. – 1862. – № 28.
10. В несколько сокращенном виде дается как приложение к работе: «Спорные вопросы русского правописания от Петра Великого доныне».
11. К. Су-в. Непотребные буквы. (Из дневника корректора) // Время. – 1862. – Т. 12. – № 7. – Отд. 1. – С. 239–250.
12. К. Су-в. Орфографическая распря // Время. – 1862. – Т. 8. – № 3. – Отд. 4. – С. 57–74.
13. Кеневич В.Ф. Несколько замечаний по поводу статьи г. Грота в №28 Современной летописи «Русского вестника» // Сев. пчела. – 1862. – № 314.
14. М. В. Несколько слов по поводу совещаний об упрощении русского правописания // С.-Петербургские ведомости. – 1862. – № 89.
15. Н. Н. [Ред.]. Новый русский словарь. Толковый словарь живого великорусского языка В.И. Даля. Изд. О-ва любителей российской словесности. – Вып. 1, 2 и 3. – М., 1861 и 1862 // Рус. вестник. – 1862. – Т. 39 (июнь). – С. 811–825; С. 818–822. О правописании Даля. Неодобрительная оценка готовящегося преобразования орфографии.
16. Первое совещание по вопросу об упрощении русской орфографии // Учитель. – 1862. – Т. 2. – № 6. – С. 265–269.
17. [Первое совещание по вопросу об упрощении русской орфографии] // Сев. почта. – 1862. – № 65.
18. По вопросу об упрощении орфографии // Учитель. – 1862. – Т. 2. – № 17. – С. 885–892; № 18. – С. 936–944.
 Публикация писем и статей, полученных редакцией. Содержание: 1. Ризников. Попытка не шутка, спрос не беда (перепечатка из № 30 «Кронштадтского вестника»); 2. В совещательное собрание по вопросу об упрощении русской орфографии (без подписи); 3. Письмо за подписью: Федор Ледник; 4. Письмо без подписи; 5. О русской азбуке (без подписи); 6. Иосиф Сикачевский. Упрощение русской азбуки; 7. Карл Горегляд-Вылацкий. Замечания на помещенную в «Русском вестнике» 1862 года в июле месяце статью Я. Грота под заглавием «По поводу толков о правописании»; 8. Письмо за подписью: А. Шевляков.
19. Пятое совещание по вопросу об упрощении орфографии // Учитель. – 1862. – Т. 2. – № 9. – С. 400–403.
20. [Пятое совещание по вопросу об упрощении русской орфографии] // Сев. пчела. – 1862. – № 124.
21. Семенов А.В. Полный указатель русского правописания. – М., 1862. – Вып. 1. – 54 с.
22. Третье и четвертое совещания по вопросу об упрощении рус. орфографии // Учитель. – 1862. – Т. 2. – № 8. – С. 344–347.
23. [Третье совещание по вопросу об упрощении русской орфографии] // Сев. пчела. – 1862. – № 97.
24. [Четвертое совещание по вопросу об упрощении русской орфографии] // Сев. пчела. – 1862. – № 111.
25. Шестое совещание по вопросу об упрощении орфографии // Учитель. – 1862. – Т. 2. – № 13–14. – С. 607–610.
26. [Шестое совещание по вопросу об упрощении русской орфографии] // Сев. пчела. – 1862. – № 144.

1863

1. Головин В. О неписании и непечатании буквы *Ъ* на конце слов (К изд-ию «Северной пчелы») // Сев. пчела. – 1862. – № 237.
2. Даль В.И. [Из «Напутного слова»] // Толк. словарь живого великорус. языка. – М., 1863. – Ч. 1. А–З. – С. XII–XIII. О правописании, принятом в словаре.
3. Добротворский А. Заметка об исключении и замене некоторых букв в русском алфавите // Вестн. Юго-Западной и Западной России. – 1863. – Т. 3 (март). – Отд. 4. – С. 173–179.
4. Седьмое орфографическое совещание // Учитель. – 1863. – Т. 3. – № 2. – С. 95–98.

1867

1. Классовский В.И. Справочная книжка по русскому правописанию. – СПб.; М., 1867. – 145 с.; 2-е изд. – 1872–1879.
2. Срезневский И.И. О русском правописании. Письмо 1 // ЖМНП. – 1867. – Ч. 134 (май). – Отд. 2. – С. 449–480.

1868

1. Даль В.И. Грамата // Русский. – 1868. – № 25, 31, 39.

1869

1. Еще об употреблении иностранных слов // Совр. известия. – 1869. – № 25.
2. Студенский А.О. Корректурный список. 700 слов, наиболее требующих одинакового начертания. – СПб., 1869. – 52 с.
 См. также: Логико-грамматические и философско-ноологические этюды: Сб. отдельных брошюр А.О. Студенского. – СПб., 1875. – Т. 1.

1870

1. Новаковский В.И. Орфографическая заметка // ЖМНП. – 1870. – Ч. 150 (авг.). – Отд. 3. – С. 249–251.
2. Студенский А.О. Корректурно-грамматический, или корректорский список. – СПб., 1870. – 200 с.
 См. также: Логико-грамматические и философско-ноологические этюды: Сб. отдельных брошюр А.О. Студенского. – СПб., 1875. – Т. 1.

1871

1. Бодуэн де Куртенэ И.А. [Ред.]. Несколько слов по поводу «Общеславянской азбуки». Общеславянская азбука с приложением образцов славянских наречий / Сост. А. Гильфердинг. – СПб., 1871. // ЖМНП. – 1871. – Ч. 155 (май). – С. 149–195.
2. Засядко Н. О русском алфавите. – М., 1871. – 73 с.
3. Филиппов Т. Грамматическая заметка // ЖМНП. – 1871. – Ч. 65 (май). – Отд. 3. – С. 23–33.

1872

1. Новаковский В.И. Высший курс русской грамматики. – СПб., 1872. О членораздельных звуках или буквах и о разных их переменах в составе слов. – С. 15–26.
2. Новаковский В.И. Заметка о русском правописании // Филол. зап. – 1872. – Вып. 1–2. – С. 1–18.
3. Скандовский Н. Законно ли не допускать учеников в университет за две или три грамматические ошибки? // Голос. – 1872. – № 162.

4. Хованский А.А. К вопросу о русском правописании // Филол. зап. – 1872. – Вып. 5. – С. 1–12.
5. Шлезингер В. Справочная книга по русской орфографии, с приложением правил употребления знаков препинания и прописных букв и словаря трудных слов. – М., 1872. – 57 с.

1873

1. Грот Я.К. Спорные вопросы русского правописания от Петра Великого доньше // Грот Я.К. Филол. разыскания. – СПб., 1873. – С. 459–668.
То же: 2-е изд., значит. пополнил. // Грот Я.К. Филол. разыскания. – СПб., 1876. – 2-е изд. – Т. 2. – 460 с.
То же: 3-е изд., с доп. и переменами // Грот Я.К. Филологические разыскания. – СПб., 1885. – 3-е изд. – Т. 2. – 520 с.
См. также: Филологические разыскания. – 4-е изд. – СПб., 1899.
2. Грот Я.К. [Рец., 1870]. Толковый словарь живого великорусского языка В.И. Даля // Грот Я.К. Филол. разыскания. – СПб., 1873. – С. 1–60.
См. также: Филологические разыскания. – 4-е изд. – СПб., 1899.
3. Новаковский В.И. Яркие факты насущной потребности // Филол. зап. – 1873. – Вып. 1. – С. 1–5.
4. Хованский А.А. [Рец.]. Спорные вопросы русского правописания от Петра Великого доньше. Филол. разыскание Я.К. Грота. – СПб., 1873 // Филол. зап. – 1873. – Вып. 2. – С. 1–40.

1874

1. Никодим И. Выдержки из словаря В.И. Даля // Филол. зап. – 1874. – Вып. 6. – С. 24–28; 1875. – Вып. 3. – С. 8–11; 1876. – Вып. 2. – С. 1–6.
2. Новаковский В.И. Заметки по поводу «Филологических разысканий» акад. Грота // ЖМНП. – 1874. – Ч. 172 (апр.). – Отд. 2. – С. 410–421.
3. Потегбня А.А. [О написании *нѣ* с глаголами] // Потегбня А.А. Из записок по русской грамматике. II. Составные члены предложения и их замены в рус. языке. – Харьков, 1874. – С. 253; 2-е изд. – 1888. Переизд. в 1958 г.
4. Тулов М.А. Об элементарных звуках человеческой речи и русской азбуке: Пособие для обучающихся русской грамоте. – Киев, 1874. – 76 + 18 с.

1875

1. Вальков И.И. Сборник правил русского правописания, составленный на основании филологических разысканий акад. Я.К. Грота. – СПб., 1875. – С. 58.
2. Андреев Н. [Рец.]. Библиографическая заметка: Сб. правил русского правописания, составленный на основании филологических разысканий академика Я.К. Грота Иваном Вальковым. – СПб., 1875 // Филол. зап. – 1875. – Вып. 6. – С. 1–8.
3. Козловский П.С. Из записной книжки учителя. Один из пробелов в учебниках рус. грамматики (по правописанию) // Филол. зап. – 1875. – Вып. 2. – С. 1–4.
4. Потегбня А.А. Орфографическая заметка // Филол. зап. – 1875. – Вып. 6. – С. 8–9.
5. Успенский Н.В. Справочная книжка по русскому правописанию с объяснением грамматических правил. – Киев, 1875. – 50 с.

1876

1. Бодуэн де Куртене И.А. [Рец.]. Практические правила русского правописания и произношения, составленные Иваном Папловским. – Варшава, 1876 // Филол. зап. – 1876. – Вып. 5. – С. 26–31.

2. [Ягич И.В.] V.J. [Рец.]. Филологические разыскания Я. Грота // Philologische Untersuchungen von J. Grot. – St-Petersburg. – 1876.

1877

1. Азбука с исправлениями императора Петра Великого и указом его о введении в употребление гражданского шрифта. – СПб., 1877. – 12 с.
2. Нигпарт И.Л. Опыт статистики затруднительных случаев правописания, показывающий, сколько раз и какие затруднительные случаи правописания попадают на сто слов диктанта. – Нижний Новгород, 1877. – 110 с.

1878

1. Анастасиев А.И. Отношение звуков русского языка к буквам русской азбуки // Филол. зап. – 1878. – Вып. 4–5. – С. 1–51.
2. Бодуэн де Куртене И.А. Подробная программа лекций в 1876–1877 уч. году. – Казань-Варшава, 1878. Гл. 2. Отношения звуков русского языка к буквам русской азбуки. – С. 54–56.
3. Сухомлинов М.И. [Из «Истории Российской Академии»] // Сб. ОРЯС. – 1878. – Т. 19. – № 1. – С. 307–317; 1880. – Т. 22. – № 1. – С. 38–40; 1882. – Т. 31. – № 3. – С. 357–361; 1885. – Т. 37. – № 1. – С. 196–199, 278–279, 291–300; 1888. – Т. 43. – № 4. – С. 245–247. О деятельности В.П. Светова и др.
4. Тихомиров Д. Неудачность в обучении правописанию // Уч.-воспитательная библиотека. – М., 1878. Т. 2. – Отд. 3. – С. 19–59.
5. Тихомиров Д. Основы обучения правописанию // Уч.-воспитат. б-ка. – М., 1878. – Т. 2. – Отд. 3. – С. 59–90.

1879

1. Анастасиев А.И. Отношение звуков русского языка к буквам русской азбуки (отд. оттиск из журн. «Филологические записки»). – Воронеж, 1879. – 51 с.
2. Аннинский Д.В. Несколько слов о русском правописании // Филол. записки. – 1879. – Вып. 1. – С. 1–12.
3. Гейнинг В.П. Справочная книжка и указатель русского правописания. – СПб., 1879. Отд. первый, заключающий в себе алфавитный список 300 более или менее затруднительных по правописанию слов, с толкованиями, со 130-ю примечаниями и с приложением алфавитного списка 400 суффиксов, приставок и глагольных примеч. – 94 с. Отдел второй (теоретический). – 86 с.
4. Гильдебрандт П. Необходимость «Уложения о русском правописании» // Древняя и новая Россия. – 1879. – Т. 1. – № 2. – С. 159–160.
5. Гильдебрандт П. Ответ г. Колосову // Древняя и новая Россия. – 1879. – Т. 1. – № 4. – С. 346–347.
6. Гильдебрандт П. По поводу изгнания буквы *Ѣ* // Древняя и новая Россия. – 1879. – Т. 1. – № 2. – С. 165–166.
7. Колосов М.А. Г. Гильдебрандту // Рус. филол. вестник. – 1879. – Т. 1. – С. 317–320.
8. [Колосов М.А.] М. К. Заметки о русском правописании // Рус. филол. вестник. – 1879. – Т. 1. – Пед. отд. – С. 52–57.
9. Колосов М.А. От редакции. II. // Рус. филол. вестник. – 1879. – Т. 1. – С. III–VI.
10. Тулов М.А. О малорусском правописании // Филол. зап. – 1879. – Вып. 4–5. – С. 1–23.

1880

1. Анастасиев А. Отношение звуков русского языка к буквам русской азбуки. – Воронеж, 1880. – 251 с.

2. Боголюбов В. К вопросу о начертании и произношении греческих и латинских слов в русском языке // Рус. филол. вестник. – 1880. – Т. 4. – Пед. отд. – С. 41–53.
3. Великанов М.М. Объяснение правописания некоторых затруднительных слов // Филол. зап. – 1880. – Вып. 6. – С. 9–15.
4. Гильтебрандт П. Князь Петр Андреевич Вяземский о букве *Ъ* // Древняя и новая Россия. – 1880. – Т. 16. – № 2. – С. 374–378.
5. Марков Н.М. Об употреблении *НЕ* слитно и отдельно при имени и глаголе // Филологические записки. – 1880. – Вып. 6. – С. 5–8.
6. Соломоновский И.С. Несколько заметок по поводу «Филологических разысканий» акад. Грота // Филол. зап. – 1880. – Вып. 1. – С. 112–116.

1881

1. Богородицкий В.А. Изучение малограмотных написаний // Филол. зап. – 1881. – Вып. 3. – С. 1–32. Статья почти без изменений под тем же названием опубликована в: Богородицкий В.А. Очерки по языковедению и русскому языку: Пособие при изучении науки о языке. – Казань, 1991. – С. 103–125.
То же [в значительно измененном виде]: Богородицкий В.А. Очерки по языковедению и русскому языку. – 2-е изд., испр. и значит. доп. – Казань, 1909. – С. 148–163.
То же [вновь перераб.]: Богородицкий В.А. Очерки по языковедению и русскому языку. – М., 1939. – С. 83–90.
2. Брандт Р.Ф. Мнение г. Тулова о русском правописании // Рус. филол. вестник. – 1881. – Т. 5. – С. 358–375.
3. Иванов А.А. О рациональной передаче греческих и латинских слов в русской речи и в письме. – Киев, 1881. – 56 с.
4. Сухомлинов М.И. [Из «Отчета Отделения русского языка и словесности за 1879 год»] // Зап. Имп. Академии наук. – 1881. – Т. 37. – С. 153–156. См. также: Сб. ОРЯС. – 1881. – Т. 21. – № 7. – С. 12–15. О деятельности Я.К. Грота. О гонениях на лица буквы.

1882

1. Соболевский А.И. [Рец.]. О рациональной передаче греческих и латинских слов в русской речи и письме А.А. Иванова. – Киев, 1881 // ЖМНП. – 1882. – Ч. 222 (авг.). – Отд. 2. – С. 343–350.

1883

1. Степович А. Беглые грамматические заметки // Филол. зап. – 1883. – Вып. 4. – С. 33–47.

1884

1. Мандельштам И. К вопросу об орфографии // Пед. сборник, издаваемый при Главном упр. военно-учебных заведений. – 1884. – С. 403–413.

1885

1. Брандт Р.Ф. Об устранении *Ъ*. Ответ на заметку редакции «Филол. записок» // РФВ. – 1885. – Т. XIV. – С. 347–352.
2. Грот Я.К. По поводу орфографических вопросов // Новости и биржевая газета. – 1-е изд. – 1885. – № 326.
3. Грот Я.К. Русское правописание. Руководство, составленное по поручению второго отделения Имп. Академии наук академиком Я.К. Гротом // Сб. ОРЯС. – 1885. – Т. 36. – № 1. – С. 1–144.
То же: 5-е изд., пополни. с некоторыми изменениями. – СПб., 1886. – 120+XL с.; 22-е изд. – 1916.

4. Два слова от редакции в дополнение к рецензии на словарь Орлова, печатающийся без ЕРОВА // Филол. зап. – 1885. – Вып. 2. – С. 19–20.
5. Иванов Н.И. Заметка о правописании. Русское правописание. Я.К. Грота. – 2-е изд. – СПб., 1885 // Филол. зап. 1886. – Вып. 1. – С. 13–20.
6. Малоросовилов М. Обязательное правописание // Новости и биржевая газета. – 1-е изд. – 1885. – № 312.
7. Малоросовилов М. Орфографический сбор // Новости и биржевая газета. – 1-е изд. – 1885. – № 338.
8. Смирнов Л.И. Орфографические указатели и правила русского правописания (Библиографические заметки) // Рус. филол. вестник. – 1885. – Т. 14. – С. 170–209.
Разбор трудов Я.К. Грота («Русское правописание» и «Филологические разыскания») и руководств П. Красногорского и В.И. Разыграева.
9. Соболевский А.И. [Рец.]. Орфографические заметки. Русское правописание: Руководство, составленное, по поручению второго отделения Имп. Академии наук академиком Я.К. Гротом. – СПб., 1885. Два издания // Рус. филол. вестник. – 1885. – Т. 14. – С. 156–161.
10. Степович А. Русское правописание (Заметка по поводу книги академика Я.К. Грота) // Женское образование. – 1885. – № 5. – С. 359–367.
11. Фита или Ферт? Открытое письмо академику Я.К. Гроту // Пед. хроника: Еженедельное прибавление к журналу «Семья и школа». – 1885. – № 12–13. – Стлб. 185–189.
12. Фита или Ферт? Еще открытое письмо к академику Я.К. Гроту (По поводу 2-го изд. «Русского правописания») // Семья и школа. – 1885. Кн. 2. – Т. 1–2. – С. 430–455.

1886

1. Бахтин Н.Н. Проект новой системы азбуки и орфографии. – Киев, 1886. – 26 с.
2. Брандт Р.Ф. Письмо в редакцию // Новости и биржевая газета. – 1-е изд. – 1886. – № 140. Затрагивает вопрос о правописании без *Ъ* на конце слов.
3. Грот Я.К. Несколько орфографических разъяснений // Рус. филол. вестник. – 1886. – Т. 15. – С. 1–6.
4. Грот Я.К. Несколько разъяснений по поводу замечаний о книге «Русское правописание»: Записка Я.К. Грота, читанная во втором отделении Имп. Академии наук // Сб. ОРЯС. – 1886. – Т. 40. – № 1. – С. 1–55.
См. также: Грот Я.К. Филологические разыскания. – 4-е изд. – СПб., 1899. – С. 818–858.
5. Доброписцев М.Е. Возможно ли применить русское правописание академика Я.К. Грота к практике? Разбор руководства, составленного акад. Я.К. Гротом. – СПб., 1886. – 45 с.
6. Зелинский В.А. Алфавитный справочник по русскому правописанию / Сост. по Гроту В. Зелинским. – М., 1886. – 100 с.
Начиная с 3-го изд., называется: Справочник по русскому правописанию. В 10-м изд. подзаголовок: Вып. I. Правописание слов. Начиная с 4-го изд. включает приложение: Справочный словарь буквы *ЯТЬ*. Полный список коренных и производных слов, в которых пишется буква *ЯТЬ*. Разные издания справочника несколько различаются по расположению материала.
7. Корш Ф.Е. [Рец.]. Грот Я.К. Несколько разъяснений по поводу замечаний о книге «Русское правописание». – СПб., 1886 // Газета А. Гатсуха. – 1886. – Т. 12. – № 20.
8. Малоросовилов М. Что можно и чего нельзя // Новости и биржевая газета. – 1-е изд. – 1886. – № 49, 79, 124, 319, 321.
По поводу «Русского правописания» Я.К. Грота.
9. Смирнов А.И. Орфографические заметки // Рус. филол. вестник. – 1886. – Т. 15. – С. 181–188.

10. Соболевский А.И. Еще несколько орфографических разъяснений // Рус. филол. вестник. – 1886. – Т. 15. – С. 362–368.
11. Собрание преподавателей русского языка в Педагогическом музее В.У.З. 11–20 февраля // Женское образование. – 1886. – № 2. – С. 159–160.
12. Степович А. Чем должно быть наше правописание, наукой или искусством? (Еще по поводу книги академика Грота «Русское правописание») // Женское образование. – 1886. – № 1. – С. 26–33.

1887

1. Богородицкий В.А. О русском правописании // Богородицкий В.А. Курс грамматики русского языка. Ч.1. Фонетика. – Варшава. – 1887. (Отд. оттиск из «Рус. филол. вестника»). Гл. 3. С. 40–71. Глава включена почти без изменений в: Богородицкий В.А. Очерки по языковедению и русскому языку: Пособие при изучении науки о языке. – Казань, 1901. – С. 76–102.
2. Грот Я.К. По поводу заметки об окончании *-ого* в склонении прилагательных // Филол. зап. – 1887. – Вып. 6. – С. 1–2.
3. Разыграев В.И. Справочный указатель спорных написаний в русской орфографии. – СПб., 1887. – 117 с.
4. [Четыркин И.] И. Ч-н. Как следует писать окончание род. падежа прилагательных на *-ий*: *-ого* или *-аго*? // Филол. зап. – 1887. – Вып. 3–4. – С. 8–9.

1888

1. Петропавловский М.Ф. К вопросу правописания: *-аго* или *-ого*? // Филол. зап. – 1888. – Вып. 6. – С. 4–5.

1889

1. Воскресенский С.И. Несколько слов о русском правописании в русской школе // Филол. зап. – 1889. – Вып. 1. – С. 1–3.
2. О русском правописании // Север. – 1889. – № 4.
3. Шидловский А. По поводу некоторых нововведений в русском правописании в руководстве к правописанию акад. Я.К. Грота // Рус. филол. вестник. – 1889. – Т. 22. – Пед. отд. – С. 60–69.

1891

1. Андреев В.Ф. Значение и употребление частицы *НИ* в русском языке // Филол. зап. – 1891. – Вып. 4–5. – С. 1–10.
2. Бахтин Н. Основы русского правописания. Правописание отдельных слов // РФВ. – 1891. – Т. XXV. – С. 17–26; Т. XXVI. – С. 199.
3. Ельсин А.И. Русское правописание для учащихся // Рус. филол. вестник. – 1891. – Т. XXVI. – Пед. отд. – С. 1–45.
4. Лоначевский А.И. Грамотность и грамота. Анализ усвоения грамоты. Условия, препятствующие широкому распространению грамотности. Критика русской грамоты и способов ее изучения. Возможно ли достигнуть, чтобы в России все были грамотны? Мысли о грамотном человечестве. – Гомель, 1891. – 82 с.
5. Шереметевский В.П. К вопросу о «единообразии» в орфографии по поводу академического руководства «Русское правописание». – М., 1891. – 92 с.
См. также: Шереметевский В.П. Соч. – М., 1897. – С. 236–311.

1892

1. Адамов П.Л. К вопросу о русском правописании // Филол. зап. – 1892 – Вып. 3. – С. 1–12; 1893. – Вып. 4. – С. 1–8; 1897. – Вып. 4. – С. 5–10.
2. Бахтин Н.Н. Основы русского правописания. Правописание отдельных слов. Часть теоретическая. – Варшава, 1892. – 160 с. (отд. отт. из Рус. филол. вестника).
3. Ельсин А.И. Русское правописание для учащихся // РФВ. – 1892. – Т. XXVII. – Пед. отд. – С. 15–30, 58–70; Т. XXVIII. – Пед. отд. – С. 1–20.
4. Истомин В. [Рец.] Где пишется *ЯТЬ* и где не пишется. Справочная карманная книжка / Сост. Н. Стремленов. – Либава, 1812. // РФВ. – 1892. – Т. XXVII. – С. 13–14.
5. Карлинский М. Заметка о § 99 «Русского правописания» акад. Я.К. Грота (О переносе частей слова из строки в строку) // Рус. филол. вестник. – 1892. – Т. 28. – С. 31–32.
6. Паульсон И.И. Методика грамоты по историческим и теоретическим данным. Ч. 2. – СПб., 1892. Письменное означение членораздельных звуков, буквы и их сочетания (грамматика). Орфография и орфоэпия и их взаимное отношение. – С. 158–192.
7. [Пузыревский А.И.] А. П. К вопросу об азбучной реформе // Пед. сборник, издаваемый при Главном управлении военно-учебных заведений. – 1892 (нояб.). – С. 393–406.

1893

1. Флеров А. Заметки о правописании слов: *свистнуть*, *виден*. (По поводу статьи П.А. Адамова «К вопросу о русском правописании») // РФВ. – 1893. – Т. XXIX. – С. 12–16.

1894

1. Житомирский К.Г. Краткий список полезных для русского языка орфограмм // Пед. сб., издаваемый при Главном управлении Военно-учебных заведений. – 1894 (февр.). – С. 129–150.
2. Житомирский К.Г. Принципы правописания и их применение к русскому языку // Пед. сб., издаваемый при Главном управлении Военно-учебных заведений. – 1894 (январь). – С. 1–29.

1895

1. Мусорные буквы // Неделя. – 1895. – № 47. – Стб. 1494–1495.
Заметка, полученная из Калуги за подписью целого ряда учителей. О необходимости исключить *ЯТЬ*, *и*, *ФИТА*, *Ъ*.

1896

1. Васильев А.П. Еще к вопросу о русском правописании // Филол. зап. – 1896. – Вып. 5–6. – С. 1–8.
2. Обыденный М.Е. Употребление частиц *НЕ* и *НИ* // Филол. зап. – 1896. – Вып. 5–6. – С. 1–12.

1897

1. Шереметевский В.П. Об орфографии вообще и о письме под диктовку как упражнении элементарном в особенности [1883] // Соч. – М., 1897. – С. 1–34.

1898

1. Б. К вопросу о правописании // Филол. зап. – 1898. – Вып. 6. – С. 1–2.
2. [Бенедиктов И.А.] Справочный орфографический указатель спорных слов для руководства типографии при печатании изданий / Сост. и издал И.А. Б. – СПб., 1898. – 23 с.

3. Будде Е.Ф. Несколько замечаний из истории русского языка (По поводу академического издания соч. М. Ломоносова с примечаниями акад. М.И. Сухомлинова. Изд. Имп. Академии наук. Т. I–III. СПб., 1898) // ЖМНП. – 1898. – № 3. – С. 150–176.
4. [Булич С.К.] С. Б-ч. Правописание // Энциклопедический словарь: Изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Эфрон. – Т. 24а. – СПб., 1898. – С. 923–924.
5. Воеводский Л.Ф. Опыт упрощения русского правописания. – Одесса, 1898. – 22 с. См. также: Зап. Имп. Новороссийского ун-та. – Одесса, 1899. – Т. 76. – Отд. 2. – С. 1–26.
6. Кремлев П. Мытарства одного юнца на письменных экзаменах по русскому языку // Рус. школа. – 1898. – № 12. – С. 36–68. Содержит критику ряда правил, утвержденных «Русским правописанием» Я.К. Грота.
7. Рождествен А.С. О правописании по Гроту // Филол. зап. – 1898. – Вып. 1. – С. 1–6.
8. Филипов П. Абаш или рациональный букварь. Опыт улучшения и сокращения азбуки и букв для скорописи и печати. – Одесса, 1898. – 24 с.
9. Херувимов А. Правописание причастных форм в русском и славянском языке // Филол. зап. – 1898. – Вып. 5. – С. 15–16.
10. Чернышев В.И. Русское правописание и народные говоры // Калужский вестник. – 1898. – № 8.

1899

1. Будде Е.Ф. Несколько замечаний из истории русского языка (Соч. М.В. Ломоносова с объяснительным приложением акад. М.И. Сухомлинова. Изд. Имп. Ак. наук. Т. IV. СПб., 1898) // ЖМНП. – 1899. – № 5. – С. 74–101.
2. Горохов А.Е. Пора исключить *ЯТЬ* из русского алфавита // Филол. зап. – 1899. – Вып. 3–4. – С. 1–8.
То же: 2-е изд., испр. и доп. – Орел, 1900. – 12 с.

1900

1. Благовещенский Н. О необходимости уничтожения буквы *ЯТЬ* // Рус. мысль. – 1900 (февр.). – Отд. 2. – С. 131–138.
2. В. Кв. Новое русское правописание: Опыт рациональной орфографии. – Орел, 1900. – 20 с.
3. Колтановский А.Д. Реформа русской азбуки. Вниманию народных учителей и лиц, интересующихся успехами народного образования. – 2-е изд., перераб. и доп. – Винница, 1900. – 67 с.
4. [Опоков З.З.] З. О-в. По поводу некоторых неустановившихся случаев русского правописания // Филол. зап. – 1900. – Вып. 1. – С. 1–12; 1901. – Вып. 6. – С. 1–20; 1902. – Вып. 1. – С. 21–33; 1903. – Вып. 3. – С. 1–16.
5. Пряжкин С.Н. Историческое и фонетическое правописание требует существования в русской азбуке буквы *ЯТЬ* // Филол. зап. – 1900. – Вып. 3. – С. 11–20.
6. Соболев А.П. Критический обзор способов обучения правописанию // Рус. школа. 1900. – № 5–6. – С. 255–291; № 7–8. – С. 244–272; № 9. – С. 200–224; № 10–11. – С. 252–281.
7. Фомин Д.Н. Нужна ли буква *ЯТЬ*? // Филол. зап. – Воронеж, 1900. – Вып. 3. – С. 1–11.

Орфографические публикации XX в.
(дореформенный период)

1901

1. Брандт Р.Ф. Второй и последний ответ г. Учителю // Моск. ведомости. – 1901. – № 289.
2. Брандт Р.Ф. О лженаучности нашего правописания (публичная лекция) // Филол. зап. – 1901. – Вып. 1–2. – С. 1–58.
3. Брандт Р.Ф. Ответ г. Учителю относительно упрощения русской грамоты // Моск. ведомости. – 1901. – № 279.
4. Брандт Р.Ф. Открытое письмо экстраординарному профессору Московского университета князю Сергею Николаевичу Трубецкому по вопросу об упрощении орфографии // Рус. ведомости. – 1901. – № 138.
5. Будде Е.Ф. Предложения по вопросу о русском правописании // Труды и протоколы пед. о-ва при Имп. Казанском ун-те. – Т. 1. – Вып. 3. – Казань, 1901. – С. 127–131.
6. Вопрос об упрощении орфографии в Московском обществе грамотности // Лит. вестник. – 1901. – Т. 2. – Кн. 8. – С. 373.
7. Вопрос об упрощении орфографии // Лит. вестник. – 1901. – Т. 1. – Кн. 4. – С. 530–531.
8. Герасимов А.Г. Подарок неизгнанного неба «Рожок-сам-гудок», или новые песни, новые речи, новая грамота. – М., 1901. – 74 с.
9. Казанский И.П. Итоги опыта исследования грамотности в средних учебных заведениях // Вопросы воспитания и обучения: Тр. пед. об-ва, состоящего при Имп. Моск. ун-те. – Т. 1. – М., 1901. – С. 68–80.
10. Каллаш В.В. К реформе средней школы. II. Несколько слов о выработанном Московским педагогическим обществом проекте упрощения русского правописания // Рус. мысль. – 1901. – Кн. 8. – С. 178–182.
11. Кунццкий В. О возможных упрощениях русской орфографии // Образование. – 1901. – № 11. – С. 33–43.
12. [Опоков З.З.] З. О-в. Несколько слов об «орфографических» словарях гг. Алексеева и Сеславина // Филол. зап. – 1901. – Вып. 4–5. – С. 1–18.
13. [Сакулин П.Н.] Доклад Педагогического общества, состоящего при Императорском Московском ун-те, по вопросу об упрощении русской орфографии // Вопросы воспитания и обучения: Тр. пед. об-ва, сост. при Имп. Моск. ун-те. – Т. 1. – М., 1901. – С. 3–42.
14. Сакулин П.Н. Ложная тревога (Ответ кн. С.Н. Трубецкому) // Курьер. – 1901. – № 130.
15. Сакулин П.Н. Проект упрощения русской орфографии // Курьер. – 1901. – № 149.
16. Сакулин П.Н. Несколько слов кн. С.Н. Трубецкому // Курьер. – 1901. – № 150.
17. Фомин Д.Н. Затруднительные случаи русского правописания // Филол. зап. – 1901. – Вып. 1–2. – С. 1–16; Вып. 4–6. – С. 17–44.
18. Шейн-Фогель А.К. Реформа орфографии или правописание русского языка (с разбором русского алфавита). – Тифлис. 1901. – 14 с.

1902

1. Белкин А.С. Вопрос об упрощении русской орфографии в Московском педагогическом обществе // ЖМНП. – 1902. – Ч. 339 (январь). – Отд. 4. – С. 32–49.
2. Брандт Р.Ф. О проекте упрощения русской орфографии. Ответ А.С. Белкину // ЖМНП. – 1902. – Ч. 342 (август). – Отд. 4. – С. 19–52.
3. Будилович А.С. О московском проекте упрощения русской орфографии // Сб. учено-лит. об-ва при Имп. Юрьевском ун-те. – Юрьев. – 1902. – Т. 5. – С. 170–196.
4. Корш Ф.Е. О русском правописании // Изв. ОРЯС. – 1902. – Т. 7. – Кн. 1. – С. 39–94.

5. Лямбек Э. Педагогическое отделение Неофилологического общества // Лит. вестник. – 1902. – Т. 3. – Кн. 2. – С. 239–241.
6. Об упрощении русского правописания // Историч. вестник. – 1902 (май). – С. 792–793. Сообщение о совещании об охране чистоты русской речи в «Русском собрании» 29 марта. Изложение замечаний А.С. Будиловича о проекте Московского педагогического общества об упрощении правописания.
7. Сакулин П.Н. Академик Ф.Е. Корш о русском правописании // Курьер. – 1902. – № 165.
8. Сакулин П.Н. Ответ критику доклада об упрощении русской орфографии // ЖМНП. – 1902. – Ч. 342 (авг.). – Отд. 4. – С. 53–62.
9. Тимофеев Н. Частицы *НЕ*, *НИ* и *НЪ* в русском языке; их значение, употребление и правописание // Филол. зап. – 1902. – Вып. 4. С. 25–33; Вып. 5. – С. 33–72.
10. Тумин Г. Самоучитель русской орфографии. – 2-е изд. (Тетрадь 6). – СПб., 1902. – 32 с.
11. Ходатайство об упрощении русского правописания // Прибалтийский край. – 1902. – № 14. См. также: Лит. вестник. – 1902. – Т. 3. – Кн. 2. – С. 248–251.

1903

1. Бодуэн де Куртенэ И.А. [Из «Предисловия к 1-му выпуску»] // Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. – 3-е изд., испр. и значительно доп. / Под ред. проф. И.А. Бодуэна де Куртенэ. – Т. 1. А–З. – СПб.; М., 1903. – С. VIII.
2. Герасимов А.Г. Правописание как научно обоснованный образ праворечия (Проект реформы отечественного правописания взамен ранее предложенной мной «новой грамоты») // Филол. зап. – 1903. – Вып. 3. – С. 1–24.
3. Доклад комиссии по упрощению русского правописания. – Новороссийск. [Б. г., предположительно 1903]. – 4 с.
4. Опоков З.З. Русский орфографический словарь. – Киев, 1903. – 200 с. Включает лишь общеупотребительные слова, представляющие затруднения в правописании.
5. Сорокин К.А. Упрощенная русская азбука и правописание Константина Александровича Сорокина. – СПб., 1903. – 40 с.
6. Сорочинский П.Г. Проект новой системы азбуки, орфографии и грамматики. – Варшава, 1903. – 60 с.
7. Томсон А.И. К теории правописания и методологии преподавания его в связи с проектированным упрощением рус. правописания. – Одесса, 1903. – 168 с. См. также: Летопись историко-филологического общества при Имп. Новороссийском ун-те. XI. Педагогическое отд-ние. I. – Одесса, 1904. – С. 75–242.
8. Флеров А.П. Родной язык в школе и зло современного правописания // Пед. сб., издаваемый при Главном управлении военно-учебных заведений. – СПб., 1903 (сент.). – С. 191–208; (окт.). – С. 310–330; (нояб.). – С. 418–436.
9. Чернышев В.И. [Рец.] А.И. Томсон. К теории правописания и методологии преподавания его в связи с проектированным упрощением русского правописания (Одесса, 1903) // ЖМНП. – 1903. – Ч. 349 (окт.). – Отд. 2. – С. 414–420.

1904

1. Брандт Р.Ф. Загробный голос о русском языке и письме // Филол. зап. – 1904. – Вып. 5–6. – С. 1–22.
2. Брандт Р.Ф. К орфографической реформе (Письмо в редакцию) // Русь. – 1904. – № 124.
3. Брандт Р.Ф. Мнения о русском правописании Игн. Викент. Ягича, Фед. Евген. Корша, Ант. Сем. Будиловича и Алдр. Ив. Томсона // Филол. зап. – 1904. – Вып. 2. – С. 1–56.
4. Брандт Р.Ф. Речь о правописании, произнесенная на заседании Орфографической комиссии Императорской Академии Наук 12 апреля 1904 г. // Русь. – 1904. – № 130.

5. Будде Е.Ф. Очерк возникновения, развития и деятельности комиссии, образованной Казанским педагогическим обществом, состоящим при Императорском Казанском ун-те, для рассмотрения вопроса о русской орфографии // Тр. и проток. пед. о-ва, состоящего при Имп. Казан. ун-те. – Т. 1. – Вып. 4. – Казань, 1904. – 16 с.
6. Будилович А.С. Академия наук и реформа русского правописания // Рус. вестник. – 1904. – Т. 292 (июль). – С. 241–283.
7. Будилович А.С. По вопросу об упрощении русского правописания // Вестник Европы. – 1904 (май). – С. 419–422.
8. Гиляров-Платонов Н.П. Эскурсии в русскую грамматику. Изд. К.П. Победоносцева. – М., 1904. – 63 с. Посмертная перепечатка из журнала «Радуга» за 1883 г. Письмо первое: Выговор письму не указ. – № 7. – С. 142–144; Письмо второе: Почитайте родителей. – № 22. – С. 498, 500, 502; Письмо третье: Совесть в русском языке. – № 25. – С. 564, 568–569; Письмо четвертое: Творящая этимология. – № 28. – С. 636–638. Помещено за подписью Н.Г-в. Содержит рассуждения о принципах русского правописания.
9. Карский Е.Ф. К вопросу о реформе русской орфографии // Рус. филол. вестник. – 1904. – Т. 152. – С. 154–174.
10. Лысков И.П. К вопросу о реформе правописания // Рус. школа – 1904. – № 12. – С. 135–154.
11. В. Б-в. Положение вопроса о русском правописании // Вестник и б-ка самообразов. – 1904. – № 22. – Стб. 867–872.
12. Опоков З.З. Несколько замечаний о существующих русских орфографических словарях. – Киев, 1904. – 27 с. Разбор орфографических словарей П.А. Ромапкевича, С.Н. Алексева, Д.Н. Сеславина, «Словаря русского языка, составленного вторым отделением Имп. Академии наук», в орфографическом отношении.
13. Опоков З.З. Орфографические заметки по поводу некоторых неустановившихся случаев русского правописания. – Киев, 1904. – 60 с.
14. Предварительное сообщение Орфографической комиссии. – СПб., 1904. – 16 с.
15. Предварительное сообщение Орфографической комиссии. – Тифлис, 1904. – 16 с.
16. Р. Вопрос об упрощении орфографии // Лит. вестник. – 1904. – Т. 7. – Кн. 3. – С. 54–72. Перепечатка ряда материалов, относящихся к деятельности Орфографической подкомиссии. Включает также: Отклики печати по вопросу об упрощении правописания (общирные библиографические справки).
17. Ржига Ф.В. По вопросу о реформе правописания // Рус. филол. вестник. – 1904. – Т. 51. – Пед. отд. – С. 18–20.
18. Сакулин П.Н. Вопрос об упрощении русской орфографии // Вестник воспитания. – 1904. – № 6. – С. 116–164.
19. Сакулин П.Н. Новый фазис в истории орфографического вопроса // Рус. ведомости. – 1904. – № 140, 141.
20. Сакулин П.Н. Язык и правописание // Русь. – 1904. – № 129.
21. Селиванов П.А. К вопросу об упрощении русского правописания // Рус. школа. – 1904. – № 4. – С. 181–198; № 5–6. – С. 230–267; № 7–8. – С. 202–230. Подробный разбор книги Л.Ф. Воеводского в сравнении с «Русским правописанием» Я.К. Грота.
22. Соболевский А.И. Не что об орфографической реформе (письмо в редакцию) // Новое время. – 1904. – № 10104.
23. Соболевский А.И. Упрощение русской орфографии // Вестник и биб-ка самообразования. – 1904. – № 21. – Стб. 811–814.
24. Тихомиров В.В. Новая русская народная азбука. – Вильна, 1904. – 58 с. Включает приложение: Разбор предварительного сообщения Орфографической подкомиссии. – С. 28–54.

25. Томсон А.И. Реформа в ущерб грамотности и правописания. – Одесса, 1904. – 36 с.
26. Учитель. Заметки к вопросу об упрощении русского правописания // Нар. образование. – 1904. – Т. 2. – Кн. 12. – С. 576–605.
27. Чернышев В.И. Письма о старой и новой орфографии. – СПб., 1904. – 18 с.
28. Чернышев В.И. Упрощение русского правописания. 1. Современное состояние русского правописания. 2. Исторический очерк вопроса об его упрощении. – СПб., 1904. – 76 с. То же: 2-е изд., доп. – СПб., 1912. – 96 с.; 3-е изд. – Тверь, 1913.
29. [Шахматов А.А.] По поводу реформы русского правописания // Правительственный вестник. – 1904. – № 93.
30. Шахматов А.А. *Audiatur et altera pars* (по поводу статьи г-на К.Л.М.) // Русь. – 1904. – № 147.
31. Шейн-Фогель А. К реформе орфографии. Открытое письмо всем педагогам по поводу изъятия некоторых букв из рус. алфавита. – Тифлис, 1904. – 32 с.
32. Щепкин В.Н. К реформе русского правописания // Рус. ведомости. – 1904. – № 267, 281.
33. Ягич И.В. Второе мнение академика И.В.Ягича о реформе русского правописания (Ответ на открытое письмо Р.Ф. Брандта) / Пер. Б.М. Ляпунова // Летопись историко-филол. о-ва при Имп. Новороссийском ун-те. – Т. 11. – Одесса, 1904. – С. 275–276.
34. Ягич И.В. По поводу статьи Р.Ф. Брандта «О лженаучности нашего правописания»: Мнение академика Ягича о реформе правописания / Пер. Б.М. Ляпунова // Летопись историко-филологич. о-ва при Имп. Новороссийском ун-те. – Т. 11. – Одесса, 1904. – С. 271–274.
35. Ш. Из бесед // Русь. – 1904. – № 127.
Беседа с Ф.Ф. Фортунатовым. По его собственной оценке, его мысли переданы в этой корреспонденции недостаточно точно (см.: Чернышев, 1947. – С. 167–252).

1905

1. Брандт Р.Ф. Нечто о правописной реформе (ответ г.Ф. Ржиге) // Рус. филол. вестник. – 1905. – Т. 53. – С. 11–19.
2. Брандт Р.Ф. Ответ Ант. Сем. Будиловичу на «Заметку по вопросу об упрощении русского правописания» // Рус. филол. вестник. – 1905. – Т. 53. – С. 20–33. Включает приложения: Несколько слов по адресу редакции «Вестника Европы» (С. 30–31). Второе дополнение. Ответ критику «Вестника Европы» (С. 31–33).
3. [Великанов М.М.] Архимандрит Мефодий. К вопросу о реформе русского правописания. – СПб., 1905. – 16 с.
4. Иванов Вяч. [Рец.]. К вопросу об орфографической реформе. Архимандрит Мефодий (Великанов), член Орфографической комиссии. К вопросу о реформе русского правописания. – СПб., 1905 // Вопр. жизни. – 1905. – № 9. – С. 254–256.
5. Коларь О. Несколько замечаний по поводу русского правописания. – СПб., 1905. – 16 с. (Оттиск из «Сборника в честь В.И. Ламанского»).
6. Михайлов-Мучкин Г.С. Совершенствование русской грамоты и правописания – в теоретическом обосновании и практическом решении вопроса. – Одесса, 1905. – 48 с.
7. Петрученко О.А. К вопросу о русском правописании // Рус. филол. вестник. – 1905. – Т. 54. – Пед. отд. – С. 37–39.
8. Протокол первого заседания Комиссии по вопросу о русском правописании, состоявшегося 12 апр. 1904 г. – СПб., 1905. – 67 с.
Включает выступления: Ф.Ф. Фортунатова (С. 9–14), П.Н. Сакулина (С. 14–31), Е.Ф. Будде (С. 31–36 и 53), Р.Ф. Брандта (С. 36–41), М.И. Михельсона (С. 41–43), А.С. Будиловича (С. 43–45), А.П. Кулаковского (С. 45–47), Ф.Е. Корша (С. 47–49 и 57–58), Н.В. Волкова (С. 49–53), Н.К. Кульмана (С. 53–54) и др. Приложения к протоколу: Особое мнение профессора А.С. Будиловича (С. 63–67). Извлечения из протокола см.: Правительственный вестник. – 1904. – № 101, 102.

9. Протоколы Подкомиссии по транскрипции географических наименований, состоящей при Картографической комиссии Императорского русского географического общества. № 1–5 (с 25 мая 1904 по 22 апр. 1906 г.). – СПб., 1905–1906 (на правах рукописи). Председатель комиссии Ю.М. Шокальский. В комиссию входили И.А. Бодуэн де Куртене и А.А. Шахматов.
10. Томсон А.И. Необходима реформа не правописания, а преподавания правописания. – Одесса, 1905. – 40 с.
11. Флоров А.П. Основы русского правописания (Опыт систематического изложения) // Пед. сборник, издаваемый при Главном управлении военно-учебных заведений. – СПб., 1905 (апр.). – С. 437–458.
12. Францев В.А. С ером или без него? (Архивная справка) // Рус. филол. вестник. – 1905. – Т. 53. – С. 34–35.
13. Чернышев В.И. [Рец.]. 3. Опоков. Русский орфографический словарь. – Киев, 1903 // Рус. школа. – 1905. – № 3. – Отд. 2. – С. 29–30.
14. Чернышев В.И. [Рец.]. Н.П. Гиляров-Платонов. Экскурсии в русскую грамматику. – М., 1904 // Рус. школа – 1905. – № 4. – Отд. 2. – С. 30–33.
15. Чернышев В.И. Я.К. Грот и его критики. Письмо в редакцию // Рус. школа. – 1905. – № 3. – С. 223–224.

1906

1. Абрамович Д.И. К вопросу о реформе русского правописания // Христианское чтение. – 1906 (февр.). – С. 282–305.
2. Зоргефрей Г. Общество классической филологии и педагогики в 1904 г. (заседание 12 окт., выступление Н.П. Некрасова о решении Орфографической комиссии 1904 г.) // ЖМНП. 1906. – № 2. – С. 47–61.
3. Сергиевский А.П. Сопоставление при повторении орфографии. – М., 1906. – 126 с.
4. Тростников М.А. Методика письма. Обучение чистописанию, скорописи, правописанию, пунктуации, письменной речи, исправлению письменных работ: Руководство для учащихся и учащихся. – Юрьев, 1906. – 125 с.
5. Чернышев В.И. Из истории русского правописания // ИОРЯС. – 1906. – Т. 11. – Кн. 4. – С. 1–48.
Правописание первой напечатанной в России книги: «Апостола» 1071–1072 годов, «Уложения Алексея Михайловича» и «Ведомостей» Петровского времени. Об орфографии Ломоносова и Карамзина. Правописание Пушкина по печатным текстам его прижизненных изданий.

1907

1. Ботородидский В.А. Общий курс русской грамматики (Из университетских чтений). – Казань, 1904. – Гл. 2. Принципы русского правописания. – С. 25–30.
То же: 2-е изд., испр. и доп. – Казань, 1907. Гл. 2. – С. 24–30.
То же: 3-е изд., доп. – Казань, 1911. Гл. 3. – С. 37–44.
То же: 4-е изд., доп. – Казань, 1913. Гл. 3. – С. 42–51.
То же: 5-е изд. – М.; Л., 1935. Гл. 3. – С. 30–35.
2. Годлев А.В. Проект легко осуществимой реформы русского правописания: Доклад, читанный в Симбирском семейно-педагогическом кружке. – Симбирск, 1907. – 42 с.
3. М. С-ов. Об «укрощении строптивой» // Для народного учителя. – 1907. – Кн. 9. – С. 9–15.
4. Опоков 3.3. Несколько возражений рецензенту по поводу отзыва о «Русском орфографическом словаре» 3. Опокова. – Киев, 1907. – 20 с.
5. Сорокин К.А. Упрощенная русская азбука. 1. Правописание. – 2-е изд. – Пб., 1907. – 16 с. (1-е изд. – СПб., 1903).

1908

1. Брандт Р.Ф. Удобочитаемость как желательный принцип правописной реформы // Рус. филол. вестник. – 1908. – Т. 60. – С. 37–49.
2. Будде Е.Ф. Очерки истории современного литературного русского языка // Энциклопедия славянской филологии. – СПб., 1908. – С. 1–130.
3. Обухов А. Чем заниматься в четырехлетней начальной школе // ДНУ. – 1908. – № 15. – С. 1–5.
4. Семенов М. [Рец.] В. Новицкий «Малограмотность учащихся» (причины, предупреждение и исправление). – Александрия, 1908. // ДНУ. – 1908. – № 2. – С. 25–27.
5. Рожествен А.С. Упрощение русского правописания. – Казань, 1908. – 17 с.

1909

1. А.Н. [Рец.] Орфографическая пропись. Сост. А.И. Зачиняевым при участии К.Т. Зачиняевой. – СПб., 1909 // Филол. зап. – 1910. – Вып. 3. – С. 447–448.
2. А.Н. [Рец.] Новый прием усвоения корней с буквой *ЯТЬ*. – Казань, 1909. // Филол. зап. – 1910. – Вып. 3. – С. 448–449.
3. Белорусен С. О сокращении грамматических правил // ДНУ. – 1909. – № 5. – С. 20–22.
4. Бодуэн де Куртенэ И.А. [Из «Послесловия к 3-му, испр. и доп. изд. словаря Даля»] // Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. – 3-е изд., испр. и значительно доп. / Под ред. проф. И.А. Бодуэна де Куртенэ. – Т. 4 (С–V). – СПб. – М., 1909. – С. III–IV. Разъяснения по поводу принятой в словаре орфографии.
5. Зелинский В.А. Подробный орфографический словарь. – М., – 1906. – 488 с. То же: 2-е изд., испр. и знач. увелич. – М., 1914. – 685 с.
6. Перешивкина М. [Рец.] Маштаков П.А. Грамматике русского языка для самообразования. С приложением корнеслова // ДНУ. – 1909. – № 11. – С. 26–28.
7. Соколов В.И. Опыт систематизации звуков нашей речи и проект реформы гражданской азбуки. – М., 1909. – 40 с.
8. С.П. Руеский язык в городских, по Положению 1872 года, училищах. Статья 2 // ДНУ. – 1909. – № 5. – С. 9–13.
9. Харламов М. Какой способ обучения правописанию надо признать // Филол. зап. – 1909. – Вып. 6. – С. 1–17.
10. Хмиров И. Как должно учить грамотному письму // ДНУ. – 1909. – № 6. – С. 10–13.

1910

1. Брандт Р.Ф. Петровская реформа азбуки. – М., 1910. – 8 с.
2. Ольденбург Ф.Ф. Современное положение вопроса о реформе русского правописания: Тез. к докл. (2 с.) // Извещение о заседаниях Тверского общественного педагог. кружка. 3 марта 1910 г. (Описано по экземпляру из архива Ф.Ф. Фортунатова).
3. Радченко К.Ф. Новейшие проекты реформы русской орфографии и мнения, высказанные по поводу их в печати нашими учеными. – Нежин, 1910. – 35 с.
4. Тумим Г.Г. Пиши грамотно! Вопросы, ответы и упражнения по русскому правописанию: В 3-х вып. – Вып. 1. – СПб., 1910. – 76 с.
5. Ушаков Д.Н. [Рец.] Соколов В.И. Опыт систематизации звуков нашей речи и проект реформы гражданской азбуки. – М., 1909 // Рус. филол. вестн. – 1910. – Т. 64. – С. 393–395.

1911

1. Бахтин Н.Н. О передаче по-русски иностранных имен // ЖМНП. – 1911. – Ч. 32 (март). – Отд. 2. – С. 15–21.

2. Бодуэн де Куртенэ И.А. Азбука // Русская энциклопедия / Под ред. С.Д. Андрианова и др. – Т. 1. – СПб., [1911]. – С. 117.
3. Брандт Р.Ф. К школьной злобе дня (Об упрощении русской граммоты) // Утро России. – 1911. – № 11.
4. Михайлов А.В. Опыт введения в изучение русского литературного языка и письма. – Варшава, 1911. – Русское литературное письмо. – С. 222–252.
5. Поварской Ю. Проста ли русская орфография? // Природа и люди. – 1911. – № 12. – С. 197–199.
6. Ушаков Д.Н. Русское правописание. Очерк его происхождения, отношения его к языку и вопроса о его реформе. – М., 1911. – 102 с.; 2-е изд., доп. – М., 1917. – 116 с.
7. [Хомутов Я.С.] 100 000 слов, сомнительных в правописании. Новый орфографический словарь / Сост. группой корректоров по Я.К. Гроту и др.; Под общ. ред. В. Гречанинова. – М., [1911]. – 432 с.
8. [Щерба Л.В.] Дополнение и поправки к «Русскому правописанию» Я.К. Грота со спр. указателем к нему. – СПб., 1911. – 46 с.

1912

1. Афанасьев П.О. К вопросам обучения письму и орфографии в начальной школе // ЖМНП. – 1912. – Ч. 37 (январь). – Отд. 2. – С. 62–84.
2. Бодуэн де Куртенэ И.А. Об отношении русского письма к русскому языку. – СПб., 1912. – 132 с. В сокрац. виде см.: И.А. Бодуэн де Куртенэ. Избр. труды по объёму языкознанию. – Т. 2. – М., 1963. – С. 209–235.
3. Костин И.Т. Правописание и экспериментальная психология. – М., 1912. – 78 с.
4. Постановления Орфографической подкомиссии. – СПб., 1912. – 10 с.
5. Протокол 6-го (11-го) заседания 12 марта 1912 г. // Краткий обзор деятельности пед. музея военно-учебных заведений за 1911–1912 гг. (Сорок второй обзор). Вып. III. Деятельность отдела русского языка учебно-воспитательного комитета. – СПб., 1914. – С. 46–50. Излож. докл. Н.К. Кульмана «О трудах Орфографической подкомиссии при Имп. Академии наук». Сочувствие трудам Комиссии.
6. Чуриловский Н.Ф. Поправки к современному русскому правописанию. – СПб., 1912. – 28 с.

1913

1. Огиенко И.И. Где писать два *Н*, а где одно: Пособие для учащихся, учащихся и самообразования. – Киев, 1913. – 115 с.
2. Учитель Уральский. Камни преткновения: Из учительских писем // ДНУ. – 1913. – № 1. – С. 45.
3. Чернышев В.И. Упрощение правописания и обучение правописанию // Дневник 1-го Всерос. съезда по семейному воспитанию. – 2 янв. 1913 г. – № 2. – СПб., 1913. – С. 13–14.

1914

1. Аникина А. К вопросу об организации вспомогательного обучения // ДНУ. – 1914. – № 10. – С. 8–13.
2. Вопрос о реформе русского правописания в земском совещании. Письма с мест // ДНУ. – 1914. – № 15–16. – С. 32–33.
3. Езерский Ф. Народная русская азбука из 24 букв, как и в латинском, взамен 36: В 3-х ч. I. Для составителей правописания. II. Для учащихся. III. Для учащихся. – СПб. – М., 1914. – 30 + 32 с.

4. Зброшенный учитель. Голос учителя // ДНУ. – 1914. – № 3. – С. 42–43.
5. Новое русское писмо или упрощенное правописание. – [Пб., 1914]. – 4 с.
6. Резолюция пятой секции Первого Всероссийского съезда по народному образованию о методах преподавания в начальной школе // ДНУ. – 1914. – № 3. – С. 13–16.
7. Симонов Д. Долго ли еще будет? // ДНУ. – 1914. – № 1. – С. 41–42.
8. Трофимов В.А. К вопросу о реформе правописания (С соблюдением «Постановлений Орфографической подкомиссии» 1912 г.) // Учитель и школа. – 1914. – № 7 (апр.). – С. 11–24.
9. Трофимов В.А. Основные положения реформы правописания (С соблюдением «Постановлений Орфографической подкомиссии» 1912 г.) // Учитель и школа. – 1914. – № 21–22 (нояб.). – С. 1–15.

1915

1. Грот К.Я. Письмо в редакцию (по поводу брошюры г. Миртова о руководстве акад. Я.К. Грота «Русское правописание» // ЖМНП. – 1915. – № 12. – С. 251–256.
2. Житомирский К. Как же учить грамоте? – М., 1915. – 124 с.
3. Житомирский К.Г. Молод ХХ века (Правописание). М., 1915. – 258 с.
4. Миртов А.В. Русско-немецкое правописание академика Якова Карловича Грота. – Пг., 1915. – 40 с.
5. М. С-ов. [Рец.] Д.Н. Ушаков. Русское правописание. – М., 1911; И.А. Бодуэн де Куртене. Об отношении русского языка к русскому письму. – СПб., 1912; К.Г. Житомирский. Молод ХХ в. – М., 1915 // ДНУ. – 1915. – № 7. – С. 25–27.
6. М. С-ов. [Рец.] Житомирский К.Г. Молод ХХ в. – М., 1915 // ДНУ. – 1915. – № 9. – С. 14–18.
7. Первов П.Д. О переносе слов // Родн. яз. в школе. – 1915–1916. – № 6 (январь). – С. 241–250; № 7 (февр.). – С. 300–306.
8. Петиция об упрощении правописания // ДНУ. – 1915. – № 7. – С. 35–36.
9. Семенов М.С., Семенов Н.М. Скорый способ изучения правописания слов с буквой ъ в корне. – 3-е изд., заново передел. – М., 1915. – 22 с.

1916

1. Васильев К.А. вопросу об экономической борьбе с Германией (Новый русский алфавит). – Киев, 1916. – 8 с.
2. Иеропольский К.А. К вопросу об упрощении русского правописания. – Харьков, 1916. – 9 с.
3. Карянский Н. [Рец.] А.В. Миртов. «Русско-немецкое правописание акад. Я.К. Грота». Изд. Н. Карабасникова. – Пг., 1915 // ЖМНП. – 1916 (март). – Ч. 62. – С. 94–97. См. также: Изв. по нар. образованию. – 1916 (март). – Ч. 48. – С. 350–353.
4. Миртов А.В. Можно ли писать «по Гроту»? К вопросу об искажении русской речи академиком Яковом Карловичем Гротом. – Пг., 1916. – 40 с.
5. М. С-ов. [Рец.] Миртов А.В. Русско-немецкое правописание Я.К. Грота. Изд. Н. Карабасникова. – Пг., 1915 // ДНУ. – 1916а. – № 4. – С. 29–30.
6. М.С-ов. [Рец.] Соловьев А.Д. Краткая грамматика и упражнения к ней в рассказах для детей. Руководство для начальных училищ и подготовительных классов средних учебных заведений в двух выпусках. – М., 1915 // ДНУ. – 1916. – № 18. – С. 22–24.
7. Олейник Е.А. Наша орфография // ДНУ. – 1916. – № 2. – С. 15–20.
8. Открытое письмо педагогам и родителям от редакции журнала «Родной язык в школе» // ДНУ. – 1916. – № 18. – С. 40–41; см. также: Петроградский учитель. – 1916. – № 1. – С. 40–41.
9. Попов В.И. Проект упрощения русского правописания // Родн. яз. в школе. – 1916–1917. – № 2–3 (сент.-окт.). – С. 74–80.

Публикации о реформе русской орфографии до декретов 1917–1918 гг.

Предлагаемый список является приложением к дооктябрьскому этапу реформы 1917 года. Он включает в себе орфографические работы, которые изданы или как отдельные брошюры, или как небольшие по объему книги, являющиеся откликом на «Постановления совещания при Академии наук о проведении реформы, принятые 11 мая 1917 г.», и два циркуляра Министерства народного просвещения при Временном правительстве.

К рассмотрению были приняты все публикации, представленные в каталогах научных библиотек Москвы (РГБ, ГИПБ им. Н.Д. Ушинского и ИРЯЗ РАН), Санкт-Петербурга (ГПБ им. М.Е. Салтыкова-Щедрина, БАН), Красноярска, Читы, Иркутска, Томска. Материалы этих каталогов, которые редко повторяются, но чаще дополняют друг друга, позволяют выявить несколько типов публикаций.

Этот список, не претендующий на абсолютную полноту, включает в основном ранее не известные публикации. Лишь 9 из них, помеченные звездочкой (*), значатся в библиографии «Обзора предложений по усовершенствованию русской орфографии».

В конце раздела дан список журнальных статей этого же периода, составленный на основе библиографии «Обзора».

I. «Постановления совещания при Академии Наук под руководством академика А.А. Шахматова по вопросу об упрощении русского правописания, принятые 11 мая 1917 г.»

1. Постановления Совещания при Академии Наук по вопросу об упрощении русского правописания. – Пг., 1917. – 9 с.
2. Постановления Совещания при Академии Наук по вопросу об упрощении русского правописания. – Казань, 1917. – 8 с.
3. Совещание по вопросу об упрощении русского правописания. Постановления по вопросу об упрощении русского правописания, принятые 11 мая 1917 г. – Казань, 1917. – 8 с.
4. Постановления об упрощении русского правописания, утвержденные 11 мая 1917 г. – Одесса, 1917. – 8 с.
5. Постановления Совещания по вопросу об упрощении русского правописания. – Пг.: Тип. В.Ф. Киршбаума, 1917. – 8 с.
6. Постановления по вопросу об упрощении русского правописания, принятые 11 мая 1917 г. – Иркутск, 1917. – 19 с.
7. Новая орфография: Постановления Совещания по вопросу об упрощении, принятые 11 мая 1917 г. – Уфа, 1917. – 16 с.
8. Новое русское правописание: Постановления Совещания при Акад. наук под предс. акад. А.А. Шахматова по вопросу об упрощении русского правописания, принятые 11 мая 1917 г. – Ново-Николаевск, 1919. – 12 с.

II. Брошюры-отклики на циркуляры

A. Сторонники реформы

1. Абраменко Ф.Х. Пишите по новому правописанию, утвержденному Академией наук и принятому Министерством народного просвещения. – 2-е изд. – М.-Пг., 1918. – 7 с.

2. Абраменко Ф.Х. Пишите по новому правописанию, утвержденному Ак. наук и принятому Мин. нар. проsv. – Киев, 1918. – 8 с.
3. Абраменко Ф.Х. Пишите по новому правописанию, утвержденному Академией наук и принятому Министерством народного просвещения. – 2-е изд. – Киев, 1918. – 8 с.
4. В защиту нового правописания. – Томск, 1919. – 30 с.
5. Георгиевский А.П. Справочник упрощенного правописания с приложением статей на приведенные правила, краткой историей вопроса, особенностей нового правописания и методических указаний по проведению его в жизнь: Пособие для низшей, средней школы и самообразования. – Казань: Книжник, 1917. – 32 с.
6. Георгиевский А., Машкин А. Справочник упрощенного правописания. – Казань: Книжник, 1917. – 32 с.
7. Грошков Я.Г. Новая грамота. – Иркутск, 1918. – 28 с.
8. *Грунский Н.К. Новое русское правописание. – Киев, 1917. – 11 с.
9. Двинашников Н.П., Добровольский П.А. Новая орфография. Азбука упрощенного правописания с приложением циркуляров Министерства народного просвещения и постановлений Орфографической подкомиссии при АН (СПб., 1912). – Астрахань, 1917. – 15 с.
10. Каминский Г. Новое правописание. – Казань, 1917. – 16 с.
11. Кампилов М.П. Азбука упрощенного правописания. – Казань, 1917. – 16 с.
12. Кампилов М.Б. Азбука упрощенного правописания. – 2-е изд. – Казань. – 16 с.
13. Купалов А.Ю. Новое письмо. Правила, примеры, статьи для чтения и списывания. – Полтава, 1917. – 32 с.
14. К реформе русского правописания (ее смысл). – Великие Луки: Тип. П.Т. Державина, 1917. – 16 с.
15. *Миртов А.В. Новое правописание русского языка. Систематический указатель орфографии, составленный по принципам Комиссии при Академии наук. – Пг., 1918. – 16 с.
16. Новое русское правописание. Красноярск, 1917. – 22 с.
17. Новое русское правописание (согласно постановлению особого совещания при Академии наук от 11 мая и циркуляра МНП от 17 мая 1917 г.). Ч. I. Реформа русского правописания. Новые правила переноса слов / Сост. Ф.Х. Абраменко. – 3-е изд. – М.: Думнов, 1918 (окт.). – 32 с.
18. Новое русское правописание (согласно постановлению особого совещания при Академии наук от 11 мая и циркуляра МНП от 17 мая 1917 г.). Ч. II. Полный сборник правил правописания с упражнениями и краткими сведениями о знаках препинания / Сост. Ф. Абраменко. – 3-е изд., испр. и доп. – М., 1918 (окт.). – 95 с.
19. Новое русское правописание. – Н-Новгород, 1917. – 7 с.
20. Новое правописание. Краткое руководство для учащихся и учащих. – Волчанск, 1917. – 12 с.
21. Новые правила правописания (согласно циркуляру МНП) / Сост. Ф.Х. Абраменко. – Киев: Новинка, 1917. – 15 с.
22. Новые правила русского правописания (согласно циркуляру МНП) / Сост. Ф.Х. Абраменко. Киев, 1917. – 15 с.
23. Новые правила правописания (согласно циркуляру МНП) / Сост. Ф.Х. Абраменко. – 2-е изд. – Киев, 1917. – 15 с.
24. *Первов П.Д. Упрощенное русское правописание. (Изд. ред. журнала «Педагогический листок»). – М., 1918. – 24 с.
25. Первый год занятий в новой народной школе. Применительно к новой орфографии / Сост. кружком преподавателей / Под ред. Ив. Сахарова. – 2-е изд., испр. и доп. – М., 1918. – 304 с.
26. Правила нового русского правописания. – Вологда, 1918. – 9 с.

27. Правила упрощенного русского правописания согласно постановлению Совещания по вопросу об упрощении русского правописания, принятые 11 мая 1917 г. С предисловием автора. – М., 1917. – 15 с.
28. Реформа русского правописания. – Пг., 1917. – 15 с.
29. *Сакулин П.Н. Новое русское правописание. – М., 1917. – 16 с.
30. *Сакулин П.Н. Реформа русского правописания. – Пг., 1917. – 69 с.
31. *Соколов Б.М. Упрощение правописания. – М., 1917. – 40 с.
32. Упрощение русского правописания. – Томск: Изд. Е.И. Венедиктовой, 1917. – 12 с.
33. Упрощенное новое русское правописание (согласно постановлению особого совещания при АН от 11 мая и циркуляра МНП от 17 мая 1917 г. Ч. I. Полный сборник правил упрощенного правописания / Сост. Ф.Х. Абраменко – Харьков, 1918. – 32 с.
34. Упрощенное новое русское правописание (согласно постановлению особого совещания при Академии наук от 11 мая и циркуляра МНП от 17 мая 1917 г. Ч. II. Полный сборник правил упрощенного правописания / Сост. Ф.Х. Абраменко. – Москва, 1917. – 88 с.
35. *Ушаков Д.Н. Новое правописание. – М., 1917. – 15 с.
36. Шалошников И.Н. Новое правописание. Первая ступень – 1-е изд. Т-ва В. Думнов, наследники Бр. Силасвых. – 1918. – 49 с.

Б. Противники реформы

1. *Миросницкий П.П. В защиту родной письменности (по поводу мероприятий к упрощению русского правописания). – Пг., 1917. – 15 с.
2. *Николаев Б.Н. В защиту русской письменной речи по поводу упрощения русского правописания. – Пг., 1918. – 43 с.
3. Резолюция секции графических искусств по поводу нового правописания, вынесенная общим собранием 14 января 1918 г. – Пг., 1918. – 7 с.

III. Брошюры-отклики на циркуляры в защиту реформы: анонсированные в период реформы, но отсутствующие в каталогах современных библиотек

А. Вышли из печати (в новой орфографии)

1. Абраменко Ф.Х. Пишите по новому правописанию. – Харьков, 1917. (Абраменко Ф.Х. Пишите по новому правописанию. – 2-е изд., 1918).
2. Богданов В.И. Кодекс упрощенной орфографии. 50 правил. – 1-е изд. – М., 1917. (Новая школа. – 1918. – № 1. – С. 53).
3. Василевский Ар. Горечь минувшего (Рассказы из гимназической жизни. Краткое изложение правил нового правописания). – Чита, 1917. (Думы забайкальского учителя. 1917. № 29 (окт.).
4. Каминский Гр. Упрощенное правописание: Пособие для учащихся. – Казань, 1917. (Георгиевский А., Машкин А. Справочник упрощенного правописания).
5. Купалов А.Ю. Новое письмо. Орфографические карточки. № 1 – сущность реформы, правила. – 2-е изд.; № 2 – сцена из Чехова и проч. – Полтава, 1917 (Купалов А.Ю. Новое правописание).
6. Лаптев С. Начальные сведения по географии: Курс начального обучения / Под ред. проф. Б.Ф. Адлера. – Казань, 1917. (Георгиевский А., Машкин А. Справочник упрощенного правописания).
7. Упрощенное новое русское правописание (согласно постановлению особого совещания при Академии наук от 11 мая и циркуляру МНП от 17 мая 1917 г.) / Сост. Ф.Х. Абраменко. Ч. I. – 1917 (Абраменко Ф.Х. Пишите по новому правописанию. – 2-е изд. 1918).

8. Шапошников И.Н. Наглядные стенные таблицы для усвоения правил нового правописания. На плотной бумаге. Размер каждой таблицы 12x8 вершков. Для нач. и ср. школы. – 1917 (Шапошников И.Н. Новое правописание. Первая ступень. – 1-е изд. Т-ва В.В. Думнов, наследники Бр. Силаевых. 1918).
9. Шапошников И.Н. Наглядное усвоение правил нового правописания (для раздачи учащим на руки). – 1917 (Шапошников И.Н. Новое правописание. Первая ступень. – 1-е изд. Т-ва В.В. Думнов, наследники Бр. Силаевых. – 1918).
10. Шапошников И.Н. Наглядный этимологический задачник применительно к новой орфографии. – 1917 (Шапошников И.Н. Новое правописание. Первая ступень. – 1-е изд. Т-ва В.В. Думнов, наследники Бр. Силаевых. 1918).
11. Шапошников И.Н. Картинки для ведения сочинений в начальной и средней школе. – 2-е изд. – 1918 (Шапошников И.Н. Новое правописание. Первая ступень. – 1-е изд. Т-ва В.В. Думнов, наследники Бр. Силаевых. 1918).
12. Шапошников И.Н. Художественный альбом стенных картин для письменных и устных сочинений. Картины выполнены в красках, наклеены на паспарту из бristolской бумаги. 1917 (Шапошников И.Н. Новое правописание. Первая ступень. – 1-е изд. Т-ва В.В. Думнов, наследники Бр. Силаевых. 1918).

Б. В печати (по новой орфографии)

1. Георгиевский А., Машкин А. В семье и школе: Книга для чтения в младших классах средней и высшей школы. – Казань (Заканчивается печатанием). (Георгиевский А., Машкин А. Справочник упрощенного правописания).
2. Георгиевский А., Машкин А. В царстве природы: Книга для чтения в младших классах средней и высшей начальной школы. – Казань. Печатается. (Георгиевский А., Машкин А. Справочник упрощенного правописания).
3. Машкин А. Русская грамматика. Курс начального обучения по грамматике. – Казань. Печатается. (Георгиевский А., Машкин А. Сборник упрощенного правописания).

В. Готовятся к печати (по новой орфографии)

1. Брюханов В., Георгиевский А., Машкин А. и Светлаков А. Указатель книг для чтения в средней и высшей начальной школе. – Казань. Готовятся к печати. (Георгиевский А., Машкин А. Справочник упрощенного правописания).
2. Георгиевский А., Машкин А. Жизнь и сказка: Книга для чтения в младших классах средней и высшей начальной школы. – Казань. (Георгиевский А., Машкин А. Справочник упрощенного правописания).
3. Замятина В., Каминский Г., Машкин А. Мой букварик. – Иллюстрированное изд. (Георгиевский А., Машкин А. Справочник упрощенного правописания).

IV. Брошюры-отклики на циркуляры в защиту реформы, имеющиеся только в библиотеке по месту издания

1. Новое русское правописание. Красноярск, – 1917. – 22 с.

V. Гипотетические брошюры

1. Абраменко Ф.Х. Пишите по новому правописанию, утвержденному Академией наук и принятому Министерством народного просвещения. – 1-е изд. – М.; Пг.
2. Камшилов М.Б. Азбука упрощенного правописания. – 1-е изд. – Казань.

3. Купалов А.Ю. Новое письмо. Орфографические карточки. № 1 – сущность реформы. правила. – 1-е изд.
4. Новое русское правописание (согласно постановлению особого совещания при Академии наук от 11 мая и циркуляра МНП от 17 мая 1917 г.). Ч. I. Реформа русского правописания. Новые правила переноса слов / Сост. Ф.Х. Абраменко. – 1-е изд.
5. Новое русское правописание (согласно постановлению особого совещания при Академии наук от 11 мая и циркуляра МНП от 17 мая 1917 г.). Ч. I. Реформа русского правописания. Новые правила переноса слов / Сост. Ф.Х. Абраменко. – 2-е изд.
6. Новое русское правописание (согласно постановлению особого совещания при Академии наук от 11 мая и циркуляра МНП от 17 мая 1917 г.). Ч. II. Полный сборник правил правописания с упражнениями и краткими сведениями о знаках препинания / Сост. Ф.Х. Абраменко. – 1-е изд., испр. и доп.
7. Новое русское правописание (согласно постановлению особого совещания при Академии наук от 11 мая и циркуляра МНП от 17 мая 1917 г.). Ч. II. Полный сборник правил правописания с упражнениями и краткими сведениями о знаках препинания / Сост. Ф.Х. Абраменко. – 2-е изд.
8. Новые правила правописания (согласно циркуляру МНП) / Сост. Ф.Х. Абраменко. – 1-е изд.
9. Первый год занятий в новой народной школе: Применительно к новой орфографии / Сост. кружком преподавателей / Под ред. Ив. Сахарова. – 1-е изд.

VI. Словари

1. Словарик затруднительных для правописания слов, правила правописания и правила расстановки знаков препинания. – 25-е изд. / Сост. Ф.Х. Абраменко. По новому правописанию. – 1918 (сент.). – 208 с. (Для пишущих по старой орфографии «Словарику» будет печататься в прежнем виде – от составителя).
2. Флеров Вс. Мой словарь: Краткий справочник по новому правописанию с приложением правил. Для учащихся. – 2-е изд. – М., 1918. – 64 с.
3. Шапошников И.Н. Наглядный орфографический словарь для письменных упражнений, задач и справок. – 2-е изд. Т-ва В.В. Думнов, наследники Бр. Силаевых. – 1917. – 192 с.

VII. Учебная литература

1. Абраменко Ф.Х. Практический синтаксис. – 32-е изд. По новому правописанию. – 1918. – 33 с.
2. Державин Н.С. Основы методики преподавания русского языка и литературы в средней школе: Курс лекций, читанных автором в Петрогр. ун-те и на Пед. курсах для подготовки преподавателей средней школы. С приложением биолог. указателя «Библиотека преподавателя». – Пг., 1917. II. Орфография. – С. 94–153.
3. Практический курс нового правописания. Вып. I / Сост. Т. и Пав. Леонтьевы. – Петрозаводск, 1918. – 28 с.
4. Практический курс нового правописания. Вып. II / Сост. Т. и Пав. Леонтьевы. Петрозаводск, 1918. – 47 с.
5. Сатаров В.К. Сборник грамматических упражнений по новому правописанию. – Вып. I. – М., 1918. – 32 с.
6. Сатаров В.К. Новое русское правописание: Пособие для четырехгодичных нач. школ. – М., 1918. – 52 с.

VIII. Публикации периодической печати

А. Сторонники реформы

1. Алферов А.Д. Быть или не быть новому правописанию? // Новая школа. – 1918. – № 1. – С. 12–21.
2. Бахтин Н.Н. Демократизация русского правописания // Пед. сборник, издаваемый при Главном управлении военно-учебных заведений. – Пг., 1918 (январь–март). – С. 33–64; (апрель–июнь). – С. 275–334.
3. Бауман Н.Н. Научные основания правописной реформы // Школа и жизнь Сибири. – 1917. – № 1. – С. 22–29.
4. Брандт Р.Ф. Демократизация русской грамоты. – М., 1917. – 16 с.
5. Брандт Р.Ф. Мнимонаучные возражения против правописной реформы // Первый Всероссийский съезд преподавателей рус. яз. ср. школы в Москве 27 дек. 1916 г. – 4 янв. 1917 г. – М., 1917. – С. 52.
6. Гензель П. Реформа правописания // Рус. ведомости. – 1917. – № 139.
7. Житомирский К.Г. К реформе правописания // Пед. мысль. – 1918. – № 1–2. – С. 52–72.
8. Из «Дневника съезда преподавателей русского языка» // Рус. филол. вестник. – 1917. – Т. LXXVIII. Пед. отд. – С. 3–4.
9. Н.И.-ин. По новому пути. Первый Всероссийский съезд преподавателей русского языка в школе в Москве // ДНУ. – 1917. – № 5. – С. 7–19.
10. Новая орфография // Рус. филол. вестник. – 1917. – Т. LXXVIII. – С. 18–22.
11. О новом правописании // ЖМНП. – 1917 (сент.). – Ч. 71. – С. 25–26.
12. Поливанов Е.Д. Своевременна ли реформа орфографии? // Новая жизнь. – 1917. – № 44.
13. Поливанов Е.Д. Удовлетворительно ли решен вопрос упрощения письма новой русской орфографии // Учитель. – 1917. – № 2–3. (нояб.–дек.). – С. 16–21.
14. Реформа русского правописания // ЖМНП. – 1917 (сент.). – Ч. 72. – С. 18–26.
То же: Изв. по нар. образованию. – 1917 (сент.). – Ч. 54. – С. 140–148.
15. Реформа правописания // Для нар. учителя. – 1917. – № 7. – С. 35.
16. Сакулин П.Н. Важный шаг // Рус. ведомости. – 1917. – № 123.
17. Сакулин П.Н. Насущная реформа // Дело народа. – 1917. – № 57.
18. Сакулин П.Н. Новое правописание и школа // Рус. ведомости. – 1917. – № 206.
19. Сакулин П.Н. Орфографические страхи // Рус. ведомости. – 1917. – № 147.
20. Сакулин П.Н. Необходимая справка // Новая школа. – 1918. № 1. – С. 21–22.
21. Томашевский В. К реформе правописания // Жизнь для всех. – 1918. – № 4–6. – С. 443–447.
22. Флеров В.А. Поверженный Молох // Пед. изв. – М., 1917. – № 34. – С. 11–22.

Б. Противники реформы

1. Брюсов В.Я. О правописании // Время (веч. газета). – 1917. – № 953.
2. Зелинский Ф. О некотором «орфографическом усмотрении» // Рус. воля. – 1917. – № 232.
3. Семенов-Тянь-Шанский А. Легализация безграмотности // Для нар. учителя. – 1917. – № 9. – С. 33–34.
4. Чудовский В. За букву ЯТЬ // Аполлон. – 1917. – № 4–5. – С. V–VIII.
5. Шагинян М.С. Тяп да ляп. (Письмо в редакцию) // Рус. воля. – 1917. – № 155.

Орфографические публикации XX в.
(послереформенный период)

1919

1. Денисов В.Л. Старое и новое правописание // В защиту нового русского правописания. – Томск, 1919. – С. 3–14.
2. Евгеньев А. Новая орфография на практике // Вестн. литературы. – 1919. – № 4. – С. 4.
3. Кривенко В.С. Точки над *И* (Еще о новой орфографии) // Вестн. литературы. – 1919. – № 5. – С. 9–10.

1920

1. Державин Н.С. О языке и орфографии Пушкина // Книга и революция. – 1920. – № 6. – С. 15–19.

1921

1. Браун Ф. Новая орфография // Руль. – Берлин, 1921. – № 143.

1922

1. Российское правописание с примечаниями, из лучших сочинителей избранное. – М., 1922. – 41 с. (М., 1815. – 56 с.).

1923

1. Аничков Евг. Правописание и классики // Рус. шк. за рубежом. – Кн. 5–6. – Прага, 1923. – С. 78–87.
2. Вахтеров В.П. Реформа правописания не закончена // Вестн. просвещения. – 1923. – № 7–8. – С. 12–18.
3. В.С. О твердом знаке (Письмо в редакцию) // Родной яз. в школе. – 1923. – Кн. 3. – С. 127–128.
4. Григорьев А. История русского правописания и основы новейшей реформы // Рус. школа за рубежом. – Кн. 2–3. – Прага, 1923. – С. 80–91.
5. Державин Н.С. Основы методики преподавания русского языка и литературы в школе. Ч. 3. Русское правописание. – 2-е изд., доп. – М., 1923. – 110 с.
6. Карцевский С.И. Новая орфография // Рус. школа за рубежом / Под ред. И.С. Гессена, С.И. Карцевского, В.А. Ригана. – Прага, 1923а. – Кн. 1. – С. 2–7.
7. Карцевский С.И. Педагогический съезд // Русская воля. – Прага, 1923б. – № 6–7. – С. 100–107.
8. Карцевский С.И. Новая орфография // Рус. школа за рубежом. – Прага, 1923в. – Кн. 1. – С. 2–7.
9. Миртов А.В. Наше правописание. Методы и способы изучения орфографии. – [Харьков], 1923. – 41 с.
10. Новое русское правописание: Сборник правил (согласно Постановлению особого совещания при АН 11 мая 1917 г.) / Сост. Н.Д. Гудков. – Рига, 1923. – 24 с.
11. Ушаков Д.Н. Чем не закончена реформа правописания? (По поводу статьи В.П. Вахтерова) // Вестн. просвещения. – 1923. – № 7–8. – С. 18–25.

1924

1. [Зубатов Н.В.] Руководство для наборщиков и корректоров. Элементарные правила набора и корректуры. – М., 1924. – 32 с.

2. Пешковский А.М. Правописание и грамматика в их взаимоотношениях в школе // Родн. яз. в школе. – 1924. – Кн. 6. – С. 78–87. См. также: Пешковский А.М. Избр. труды. – М., 1959. – С. 63–73.

1925

1. [Зубатов Н.В.] Руководство для корректоров и наборщиков. – М., 1925. – 29 с.
2. Малаховский В.А. К вопросу об орфографической безграмотности // Родн. яз. в школе. – 1925. – Сб. 8. – С. 98–105.
3. Петерсон М.Н. Русский язык: Пособие для преподавателей. – М.; Л., 1925. III. Главнейшие особенности русской орфографии. – С. 16–18.
4. Рязанцевский. Дальнейшие упрощения русской азбуки // Родн. яз. в школе. – 1925. – Сб. 8. – С. 96–98.
5. Фалев И. О грамматике и орфографии на рабфаках // Родн. яз. в школе. – 1925. – Сб. 8. – С. 92–96.

1926

1. Поздняков Н. К вопросу о мерах борьбы с малограмотностью учащихся // Родн. яз. в шк. – 1926. – Кн. 11–12. – С. 189–195.
2. Тверовская Р. Упрощение орфографии // Родн. яз. в школе. – 1926. – Сб. 10. – С. 53–61.
3. Ушаков Д.Н. По поводу статьи т. Тверовской // Родн. яз. в школе. – 1926. – Сб. 10. – С. 61–64.
4. Щерба Л.В. Основные принципы орфографии и их социальное значение // Первый Всесоюз. тюрколог. съезд. 26 февр. – 5 марта 1926 г. (Стенографический отчет). – Баку, 1926. – С. 157–161 (доклад); С. 175–177 (заключительное слово). Текст доклада см.: Щерба Л.В. Избр. работы по русскому языку. – М., 1957. – С. 45–49.

1927

1. Данилов В. К вопросу об этиологии современной школьной безграмотности // Родн. яз. в школе. – 1927. – Кн. 1. – С. 156–161.
2. На I-м краевом съезде словесников. Дальнейшее упрощение орфографии // Сов. юг. – 1927 (27 апр.). – Излагается содержание доклада Л.В. Миртова.
3. Петерсон М.Н. К вопросу о рациональной методике обучения орфографии // Родн. яз. в школе. – 1927. – № 5. – С. 175–180.
4. Поливанов Е.Д. К десятилетию орфографической реформы // Родн. яз. в школе. – 1927. – № 5. – С. 180–189.
5. Суворовский А.М. Распад орфографии // На путях к новой школе. – 1927. – № 12. – С. 8–16.
6. Техничко-орфографические правила. – М.; Л., – 1927. – 32 с.
7. Ушаков Д.Н. Нужна ли дальнейшая реформа орфографии? // Учит. газ. – 1927. – 23 апр.
8. Фатов Н.П. О правописании и произношении (В порядке постановки вопроса) // Родн. яз. в школе. – 1927. – Кн. 1. – С. 235–242.
9. Хомутов Я.С. Новый полный справочный орфографический словарь для корректоров, выпускающих и литературных работников / Под ред. В.И. Гречанинова. – М., 1927. – 468 с.
10. Чернышев В.И. Отрицание НЕ в русском языке. Материал для Словаря русского языка. – Л., 1927. – XI+98 стб. (Приложение к 1-му выпуску 8-го тома «Словаря русского языка», издаваемого вторым отделением АН СССР).
11. Щерба Л.В. Безграмотность и ее причины // Вопр. педагогики. – 1927. – Вып. 2. – С. 82–87. См. также: Щерба Л.В. Избр. работы по русскому языку. – М., 1957. – С. 56–62.

1928

1. Абакумов С.И. Справочник по правописанию: Научно-педагогической секцией Государственного ученого совета допущено для школ II ступени. – М.; Л., 1928. – 148 с.
2. Афанасьев П.О. Научные основы методики правописания // Вопр. преподавания русского языка в школах взрослых / Труды Всерос. конф. преподавателей-словесников школ политпросвета 1928 г.; Под ред. И.В. Устинова. – Вып. 1. – [М.], 1928. – С. 38–44.
3. Истрина Е.С. Грамматические основы методики правописания // Изв. Ленингр. гос. пед. ин-та им. А.И. Герцена. – 1928. – Вып. 1. – С. 19–40.
4. Петерсон М.Н. К вопросу о рационализации методики обучения орфографии // Вопр. преподавания русского языка в школах взрослых / Тр. Всерос. конф. преподавателей-словесников школ политпросвета 1928 г.; Под ред. И.В. Устинова. – Вып. 1. – [М.], 1928. – С. 45–49.
5. Поливанов Е.Д. К вопросу о заглавных буквах // Культура и письменность Востока / Всесоюз. центр. комитет нового тюркского алфавита. – Кн. 1. – М., 1928. – С. 91–95.
6. Сахаров В.И. О состоянии орфографической грамотности в школе II ступени // Родн. яз. и литература в трудовой школе. – 1928. – № 2. – С. 107–124 (Докл. на конф. словесников); С. 143–146 (Заключительное слово).
7. Сергиевский М.В. О передаче иностранных фамилий и имен в русском языке // Публичная библиотека СССР им. В.И. Ленина. Сб. 2. – М., 1928. – С. 212–227.
8. Южный П. Революция в нашей орфографии // Полиграф. производство. – 1928. – № 10. – С. 19–22.
9. Яковлев Н.Ф. Математическая формула построения алфавита (опыт практического приложения лингвистической теории) // Культура и письменность Востока / Всесоюз. центр. комитет нового тюркского алфавита. – Кн. 1. – М., 1928. – С. 41–64. См. также: Реформатский А.А. Из истории отечественной фонологии. – М., 1970. – С. 123–148.

1929

1. Вокруг реформы русского правописания // Рус. яз. в сов. школе. – М., 1929. – № 6. – С. 170–171.
2. Кочкин М. Новые технико-орфографические правила // Полиграф. производство. – 1929. – № 2. – С. 25–26.
3. Малаховский В.А. К вопросу об упрощении правописания (По поводу статьи тов. Топорова «Долой балласт!») // Просвещение Сибири. – Новосибирск, 1929. – № 11 (68). – С. 60–62.
4. Оральных Н. Опыт статистического анализа развития орфографических навыков у учащихся // Рус. яз. в сов. школе. – М., 1929. – № 1. – С. 102–118.
5. Орфографические правила для наборщиков и корректоров. С приложением словаря сомнительных и трудных слов. – М.; Л., 1929. – 30 с. В конце сделано предупреждение, что словарь в гранках будет разослан специалистам для проработки, а потом поступит в Наркомпрос на утверждение.
6. Пешковский А.М. Зачем нужен учет орфографических ошибок? // Рус. яз. в сов. школе. – М., 1929. – № 4. – С. 78–95. См. также: А.М. Пешковский. Избранные труды. – М., 1959. – С. 192–214 (под названием: Цели и методы учета орфографических ошибок).
7. Полонский А.З., Ремез Г.А. В помощь газетному работнику: Пособие для литературных правщиков, машинисток, наборщиков и корректоров. – М., 1929 или 1930. – 48 с.
8. Рождественский Н.С. Грамотность в старой и новой школе. // Рус. яз. в школе. – М., 1929. – № 4. – С. 127–129.
9. Соколов Л. Изменять ли орфографию? // Просвещение Сибири. – Новосибирск. – 1929. – № 12 (69). – С. 77–80.

10. Суворовский А.М. Лингвистические казусы // Тр. Ярославского пед. ин-та. – 1929. – Т. 3. – Вып. 1. Литературно-лингвистич. сборник. – С. 47–49. – Анализ некоторых диалектных орфографических ошибок.
11. Топоров А.М. Долой балласт! (К вопросу упрощения правописания) // Просвещение Сибири. – Новосибирск. – 1929. – № 9 (66). – С. 92–98; № 10 (67). – С. 93–98.
12. Усердов А.А. Две трудности в правописании глаголов // Рус. яз. в сов. школе. – М., 1929. – № 6. – С. 141–149.
13. Устинов И.В. Реформа русского правописания 1917 года осталась незавершенной // Учит. газ. – М., 1929. 19 окт.
14. Хомутов Я.С. «Кустарная революция» в нашей орфографии // Полиграф. производство. – 1929. – № 2. – С. 27–28.
15. Хомутов Я.С. Новый полный справочный орфографический словарь для корректоров, наборщиков, выпускающих и литературных работников / Под ред. В.И. Гречанинова. – 2-е изд., испр. – М., 1929. – 431 с.

1930

1. Аванесов Р.И., Сидоров В.Н. Реформа орфографии в связи с проблемой письменного языка // Рус. яз. в школе. – М., 1930. – № 4. – С. 110–118.
2. Бархин К.Б. Реформа правописания // Известия. – М., 1930. – 10 янв.
3. Без прописных // Журналист. – М., 1930. – № 16. – С. 11–12.
4. Гвоздев А.Н., Гвоздева К.Н. Как отразится на ошибках учащихся реформа орфографии по проекту Главнауки? // Рус. яз. в сов. школе. – М., 1930. – № 5. – С. 113–120.
5. Данилов Г.К. В чем задача? // Рус. яз. в сов. школе. – М., 1930. – № 3. – С. 116–119. Возражения А.М. Пешковскому в связи с оценкой проекта Главнауки.
6. Дурново Н.Н. К вопросу о реформе русского правописания // Рус. яз. в сов. школе. – М., 1930. – № 3. – С. 110–116.
7. Кавокин Г.Н. Справочник по орфографии и пунктуации для селькоров, рабкоров, корректоров и лит. работников, а также для учащихся совпартшкол, рабфаков, техникумов и школ второй ступени. – М.; Л., 1930. – 104 с.
8. Луначарский А.В. Латинизация русской письменности // Красная газета (веч. вып.) – 1930. – 6–7 янв. См. также: Культура и письменность Востока. Кн. 6. – Баку, 1930. – С. 20–26. Содержит сведения о том, как проводилась реформа 1917–1918 гг. А.В. Луначарский приводит высказывания В.И. Ленина о реформе орфографии.
9. Львов В.Е. Без прописных. В порядке обсуждения // Журналист. – 1930. – № 7–8. – С. 20–21.
10. Мальцев М.Д. О новом правописании (В порядке обсуждения в связи с Всероссийским орфографическим съездом) // Мол. гвардия. – 1930. – № 21. – С. 88–91.
11. Мальцев М.Д. «Орфография» Главнауки. – Белгород, 1930. – 12 с.
12. Марр Н.Я. К реформе письма и грамматики // Рус. яз. в школе. – М., 1930. – № 4. – С. 44–48.
13. Материалы по вопросу о латинизации русской письменности // Культура и письменность Востока. – Кн. 6. – Баку, 1930. – С. 208–219. Включает тезисы проф. Н.Ф. Яковлева и материалы, относящиеся к деятельности комиссии Главнауки.
14. Оральников Н. Проверочные и беспроверочные написания в письме школьника // Рус. яз. в сов. школе. – М., 1930. – № 3. – С. 86–92.
15. Орфографический технический справочник: Пособие для литературных правщиков, машинисток, наборщиков и корректоров издательства и типографии «Известий ЦИК СССР и ВЦИК». – М., 1930. – 40 с.
16. Пешковский А.М. Реформа или урегулирование? // Рус. яз. в школе. – М., 1930. – № 3. – С. 93–110.

17. Проект Главнауки о новом правописании: Сб. статей о принципах реформы орфографии и пунктуации. Постановления Комиссии Главнауки. Комментарий. Образцы текстов по новому правописанию. Библиография. Предисловие редакции «За коммунистическое просвещение» / Сост. Н. Кременский, В. Мамонов; Под ред. Г. Данилова, Г. Костенко. – М., 1930. – 92 с.
18. Проект реформы правописания / Под ред. К. Бархина, Г. Костенко, И. Устинова. – М.; Л., 1930. – 64 с. (Сектор науки Наркомпроса РСФСР. Издание официальное).
19. Проект реформы правописания // Рус. яз. в сов. школе. – М., 1930. – № 1. – С. 151–155. Тот же текст напечатан: Учит. газ. 1930. – 6 февр. Этот вариант проекта отличается в некоторых пунктах от варианта, опубликованного в отдельных брошюрах (см.: Проект. 1930).
20. Тропин Г. К вопросу о новом упрощении правописания, 1. // Просвещение Сибири. – Новосибирск, 1930. – № 1 (70). – С. 111–114.
21. Уаров М.И. Как реформировать орфографию // Полиграф. производство. – 1930. – № 2. – С. 44–46.
22. Ушаков М.В. Зрительно-двигательное запоминание при усвоении правописания // Рус. яз. в сов. школе. – М., 1930. – № 5. – С. 106–112.
23. Ушаков М.В. К реформе орфографии // Рус. яз. в сов. школе. – М., 1930. – № 4. – С. 102–110.
24. Ушаков М.В. Научно-лингвистические основы методики обучения правописанию // Рус. яз. в сов. школе. – М., 1930. – № 2. – С. 108–120.
25. Хомутов Я.С. Новый полный справочный орфографический словарь для корректоров, наборщиков, выпускающих и литературных работников / Под ред. В.И. Гречанинова. – М., 1930. – 60 с. (На правах рукописи)
26. Черных П.Я. К вопросу о новом упрощении правописания. 2. // Просвещение Сибири. – Новосибирск, 1930. – № 1 (70). – С. 114–115.
27. Чехов Н.В. Методика обучения чтению и письму и новое правописание // Рус. яз. в сов. школе. – М., 1930. – № 5. – С. 120–126.
28. Щелкунов М. Без прописных. Дискуссия // Журналист. – М., 1930. – № 11–12. – С. 28–29.
29. Щерба Л.В. К вопросу о реформе орфографии // Рус. яз. в сов. школе. – М., 1930. – № 5. – С. 126–127.
30. Языковеды о реформе орфографии (Анкета веч. «Красной газетью») // Красная газета (веч. выпуск). – 1930. – 12 апр. Содержит высказывания Н.С. Державина, С.П. Обнорского, Б.В. Томашевского, Б.А. Ларина, Д.В. Бурбиха о принципах русской орфографии.
31. Яковлев Н.Ф. За латинизацию русского алфавита // Культура и письменность Востока. – Кн. 6. – Баку, 1930. – С. 27–43.

1931

1. Гвоздев А.Н. К вопросу о реформе орфографии // Рус. яз. в сов. школе. – М., 1931. – № 1. – С. 102–106.
2. Гвоздев А.Н. О взаимоотношении разных элементов в орфографии (На материале усвоения правописания гласных после шипящих) // Рус. яз. в школе. – М., 1931. – № 4. – С. 94–106.
3. Егоров П. Научно-педагогическая жизнь (Реформы правописания. Отзывы с мест. Заключение Всесоюзной академии наук) // Рус. яз. в школе. – М., 1931. – № 1. – С. 168–172. Излагаются: 1) Отзыв АН о проекте 1930 г. 2) Предложения Яфетического института Академии наук СССР, выдвинутые в связи с оценкой этого проекта. 3) Соображения Л.В. Щербы о транскрипции иностранных слов. 4) Затопяев А.В. Реформа правописания как фактор культурной революции. – М., 1931. – № 1. – С. 74–77.

- Оральников Н. Орфографическое правило и грамотность (Экспериментальное исследование) // Рус. яз. в сов. школе. – М., 1931. – № 1. – С. 90–102.
- Орфографические правила для наборщиков и корректоров. – М., 1931. – 26 с.
- Роде Н. Ленинградское общество изучения и преподавания языка и словесности (Русская секция в 1929 и 1930 гг.) // Рус. яз. в сов. школе. – М., 1931. – № 4. – С. 190–194. Изложение доклада Л.В. Щербы «Проект реформы орфографии по работам Ленинградского лингвистического общества» (С. 192–193).
- Ушаков М.В. Грамматика и правописание // Рус. яз. в сов. школе. – М., 1931. – № 2–3. – С. 125–143.
- Щерба Л.В. Транскрипция иностранных слов и собственных имен и фамилий // Изв. Комиссии по рус. яз. АН СССР. – Т. 1. – 1931. – С. 187–196. См. также: Щерба Л.В. Избр. работы по языкознанию и фонетике. – Т. 1. – Л., 1958. – С. 153–161.
- Япольский М. Азбука или буквосвод // Рус. яз. в сов. школе. – М., 1931. – № 2. – С. 196–199.

1932

- Гвоздев А.Н. Орфография как система // Литература и язык в политех. школе. – 1932. – № 4. – С. 60–74.
- Практика газетной корректуры. В помощь газетному корректору, правщику и работникам фабрично-заводской и районной печати. – Л., 1932. Техничко-орфографические правила. – С. 53–74.
- Служивов Л.И. Справочник корректора: Практ. руководство для корректора, наборщика, редактора и автора. – М., 1932. Главнейшие правила правописания. – С. 50–55.

1933

- Иванович И. Новые орфографические справочники // Журналист. – 1933. – № 8. – С. 31–32.
- Изымов А. Основы газетной корректуры: Практическое руководство для газетных корректоров и выпускающих. – М., 1933. Орфография корректора. – С. 29–32.
- Реформатский А.А. Лингвистика и полиграфия // Письменность и революция. – Сб. 1. – М.; Л., 1933. – С. 42–58.
- Реформатский А.А. Техническая редакция книги. Теория и методика работы / Под ред. Д.Л. Вейса. – М., 1933. Перед заглавием: А.А. Реформатский при участии М. Каушанского. Гл. 9. § 6. Орфография рукописи. – С. 219–224.
- Техничко-орфографический словарь-справочник / Под ред. Н. Филиппова. – Л., 1933. Орфографический справочник. Орфографический словарь. – С. 67–208.
- Шапиро А.Б. Орфография и словарь // Шапиро А.Б., Уаров М.И. Орфография, пунктуация и техника корректуры: Справ. для работников печати. – М., 1933. – С. 5–45, 134–206.
- Яковлев Н.Ф. Основы орфографии (Предварительный набросок тезисов) // Революция и письменность. – 1933. – № 1 (16). – С. 27–32.

1934

- Аванесов Р.И., Сидоров В.Н. Русский язык: Учеб. для пед. техникумов. – М., 1934. – Орфография. – С. 25–29. 3-е изд. – 1936.
- Гвоздев А.Н. К вопросу о роли чтения в усвоении орфографии // Рус. яз. и литература в средней школе. – 1934. – № 4. – С. 4–19.
- Истрина Е.С. Методика орфографии и пунктуации // Бархин К.Б., Истрина Е.С. Методика русского языка в средней школе: Учеб. для высших пед. учеб. заведений и пособие для преподавателей. – М., 1934. – С. 80–109. 3-е изд. – 1937.

- Малаховский В.А. Причины орфографической безграмотности // Рус. яз. в ср. школе. – 1934. – № 1. – С. 41–50.
- Обнорский С.П. Русское правописание и язык в практике издательств // Изв. АН СССР. – Сер. 7. – 1934. – № 6. – С. 455–483.
- Рождественский Н.С. Очередные проблемы методики орфографии // Вопр. лингвистики и методики рус. яз. – Вып. 1. Методические записки в помощь словеснику средней школы. – М., 1934. – С. 51–76.
- Текуцев А.В. Значение грамматики при обучении орфографии // Рус. яз. и лит. в ср. школе. – 1934. – № 4. – С. 20–25.
- Ушаков Д.Н. Орфографический словарь. Для начальной и средней школы. – М., 1934. – 240 с.
То же: 6-е изд., испр. и доп. – М., 1944. – 196 с. С 6-го изд. перед заглавием авторы: Д.Н. Ушаков и С.Е. Крючков.
То же: 7-е изд., испр. и доп. М., 1951. – 190 с.
То же: 13-е изд. М., 1957. – 208 с. 20-е изд. – 1964.
- Шор Р.О. Орфография // Лит. энциклопедия. – Т. 8. – М., 1934. – Стб. 322–325.

1935

- Булаховский Л.А. Курс русского литературного языка. Харьков, 1935. – Гл. 6. – Правописание. – С. 193–212. (5-е изд. – 1952. – Т. 1. – Гл. 5. – С. 239–263).
- Иоаннисянц С.А. Пора установить единообразие в правописании // Большевицкая печать. – 1935. – № 19–20. – С. 38.
- Рождественский Н.С. Метод сопоставлений в занятиях по орфографии // Рус. яз. и лит. в ср. школе. – 1935. – № 4. – С. 26–37.
- Ушаков Д.Н. О современном состоянии орфографии // Материалы совещания преподавателей рус. яз. и лит. ср. школе. – 1935 (март–апр.). – М., 1935. – С. 23–25.
- Ушаков М.В. Еще раз о принципах нашего правописания // Рус. яз. и лит. в ср. школе. – 1935. – № 4. – С. 38–41.
См. также: В помощь школе. – Саранск, 1936. – № 1–2. – С. 39–44.

1936

- Афанасьев П.О. Грамматическая база орфографической работы // Рус. яз. в школе. – М., 1936. – № 2. – С. 19–27.
- Афанасьев П.О. О морфологическом анализе слова как основе развития орфографических навыков // Вопр. орфографии в школе: Материалы науч. совещ. 13–17 дек. 1935 г. – М., 1936. – С. 7–15 (доклад); 23–24 (заключительное слово).
- Богданович Я. Правописание отрицательной частицы НЕ // Рус. яз. в школе. – М., 1936. – № 3. – С. 68–75.
- Гвоздев А.Н. Динамика ошибок на проработанные и непроработанные орфограммы // Вопр. орфографии в школе: Материалы науч. совещ. 13–17 дек. 1935 г. – М., 1936. – С. 25–34 (доклад); 41–44 (заключительное слово).
- Изменения и дополнения к тексту «Свода орфографических правил» (б. м., б. г.). – 14 с. Относится к проекту свода 1936.
- Иоаннисянц С. [Рец.]. Шапиро А.Б., Уаров М.И. Орфография, пунктуация и техника корректуры: Справ. для работников печати. – М., 1933 // Большевицкая печать. – 1936. – № 12. – С. 69–70.
- Истрина Е.С. О правописании предлогов // Рус. яз. в школе. – М., 1936. – № 2. – С. 34–36.
- Малаховский В.А. Значение фонематического анализа в воспитании правописного навыка // Вопр. орфографии в школе. Материалы науч. совещ. 13–17 дек. 1935. – М., 1936. – С. 45–53 (доклад); С. 56–58 (заключительное слово).

9. Малаховский В.А. Проблема безударных гласных в методике правописания // Рус. яз. в школе. – М., 1936. – № 2. – С. 37–42.
10. Обнорский С.П. Орфография и язык // Рус. яз. в школе. – М., 1936. – № 2. – С. 3–4.
11. Орфографический справочник / Сост. Орфографической комиссией при Академии наук СССР. Проект. Корректур. – М., 1936. – 80 с.
12. Рождественский Н.С. К характеристике современной русской орфографии // Рус. яз. в школе. – М., 1936. – С. 52–67.
13. Свод орфографических правил / Сост. Орфографической комиссией при Ученом комитете литературы и языка Наркомпроса РСФСР. Проект. – М., 1936. – 86 с. (Составлен Орфографической комиссией: Д.Н. Ушаков (председатель), А.А. Реформатский, М.В. Сергиевский, А.М. Сухотин, А.Б. Шапиро).
14. Свод орфографических правил. 2-я ред. Проект. – М., 1936. – 84 с. / Сост. Орфографической комиссией при Ученом комитете языка Наркомпроса с изменениями, принятыми Объединенной орфографической комиссией при Академии наук в Ленинграде 12–17 июня 1936 г. и на заседании Комиссии по упорядочению правописания 1 октября 1936 г. под председательством А.С. Бубнова.
15. Ушаков М.В. Методика правописания: Пособие для учителей неполн. ср. школы. – М., 1936. – 128 с.
То же: 2-е изд., перераб. – М., 1941. – 124 с.
То же: 3-е изд., перераб. – М.; Л., 1947. – 166 с.
То же: 4-е изд., перераб. и доп. – М., 1959. – 256 с.
16. Ушаков М.В. Орфография и диалектология // Рус. яз. в школе. – М., 1936. – № 2. – С. 14–18.

1937

1. Абакумов С.И. К вопросу об отношении русского письма к русскому языку // Рус. яз. в школе. – М., 1937. – № 1. – С. 76–83.
2. [Карцевский С.О.] Karcevskij S. Sur la rationalisation de l'orthographe russe // Mélanges linguistiques et philologiques offerts à M. Aleksandar Āelich – Beograd, 1937. – P. 31–38.
3. Малаховский В.А. Произношение и орфография А.С. Пушкина // Рус. яз. в школе. – М., 1937. – № 2. – С. 3–12.
4. Объяснительная записка к сводам орфографических и пунктуационных правил. – М., 1937. – 16 с.
Относится к проекту свода 1936 / Сост. Д.Н. Ушаков и А.А. Реформатский. – 2-я (сокращ.) ред. (Сведения сообщены А.А. Реформатским)
5. Поливанов Е.Д. О трех принципах построения орфографии // Вопр. орфографии дунганского языка. – Фрунзе, 1937. – С. 59–71.
6. Реформатский А.А. Упорядочение русского правописания // Рус. яз. в школе. – М., 1937. – № 1. – С. 63–70; № 6. – С. 76–84; 1938. – № 1. – С. 93–101.
7. Рождественский Н.С. М.В. Ломоносов в истории русской орфографии // Рус. яз. в школе. – М., 1937. – № 1. – С. 47–62.
8. Солосин И.И. Орфография и язык // Рус. яз. в школе. – М., 1937. – № 1. – С. 71–75.
9. Таблицы к сводам орфографических и пунктуационных правил. – М., 1937. – 30 с.
10. Ушаков Д.Н. О современном русском правописании // Большевицкая печать. – 1937. – № 2–3. – С. 16–18.
11. Ушаков М.В. Правописание приставок *пре-* и *при-* // Рус. яз. в школе. – М., 1937. – № 1. – С. 84–92.

1938

1. Рождественский Н.С. Слитное и раздельное написание слов // Уч. зап. каф. рус. языка Моск. гос. пед. ин-та. – Вып. 2. – М., 1938. – С. 63–106.

2. Тукумцев Г.Р. Звуки и буквы // Рус. яз. в школе. – М., 1938. – № 4. – С. 10–27.
3. Ушаков М.В. Сомнительные согласные // Рус. яз. в школе. – М., 1938. – № 5–6. – С. 122–131.
4. Чернышев В.И. Заметки о языке и орфографии Г.И. Успенского // Глеб Успенский. Материалы и исследования. 1. – М.; Л., 1938. – С. 493–516.

1939

1. Астафьев А. Опыт работы по орфографии на основе принципов правописания // Рус. яз. в школе. – М., 1939. – № 2. – С. 82–84.
2. Богородицкий В.А. О русском правописании // Богородицкий В.А. Очерки по языковедению и русскому языку. – 4-е изд., перераб. – М., 1939. – С. 75–83.
3. Матвеева Е.В. Из истории русской грамматики. «Российская грамматика» Ломоносова. Орфоэпия и орфография // Тр. Горьковского гос. пед. ин-та. – 1939. – Т. 2. – С. 45–59.
4. Обнорский С.П. Об установлении единой орфографии и пунктуации русского языка // Уч. зап. – 1939. – 11 окт.
5. Обнорский С.П. Основные принципы орфографической нормализации // Рус. яз. в школе. – М., 1939. – № 5–6. – С. 5–13.
6. Правила единой орфографии и пунктуации. С приложением краткого словаря. – 2-я ред.: Проект. – М., 1939. – 136 с. / Сост. рабочей подкомиссией, выделенной из состава Правительственной комиссии по разработке единой орфографии и пунктуации русского языка, учрежденной постановлением Совета Народных Комиссаров Союза ССР от 10 июля 1939 г.
7. Свод орфографических и пунктуационных правил: Проект. – М., 1939. – 96 с. / Сост. рабочей подкомиссией, выделенной из состава Правительственной комиссии по разработке единой орфографии и пунктуации русского языка, учрежденной постановлением Совета Народных Комиссаров Союза ССР от 10 июля 1939 г.
8. Ушаков Д.Н. За единое русское правописание // Ферганская правда. – 1939. – 30 окт.
9. Ушаков М.В. Трудные случаи орфографии // Рус. яз. в школе. – М., 1939. – № 3. – С. 47–49.
10. Филиппов Н.Н. Техничко-орфографический справочник для корректоров. – М.; Л., 1939. I. Орфографический справочник. II. Орфографический словарь. – С. 9–234. Спорные вопросы нашей орфографии. Вместо послесловия. – С. 288–295.
11. [Шапиро А.Б.] А. Ш. Орфография // Большая сов. энциклопедия. – Т. 43. – М., 1939. – Стлб. 412–414.

1940

1. Былинский К.И., Уаров М.И. О «Правилах единой орфографии и пунктуации» // Большевицкая печать. – 1940. – № 3. – С. 35–38.
2. Лоя Я.В. Основные вопросы письменности // Рус. яз. в школе. – М., 1940. – № 1. – С. 13–22.
3. Патынко Г.А. Правописание иностранных слов с удвоенными согласными в русском языке // Науч. зап. Днепрпетр. гос. ун-та. – Т. 21. – 1940. – Сб. студенческих работ. – Вып. 1. – С. 171–193.
4. Правила единой орфографии и пунктуации. С приложением краткого словаря. Проект. – М., 1940. – 152 с. / Сост. Комиссией по разработке единой орфографии и пунктуации русского языка, учрежденной постановлением Совета Народных Комиссаров Союза ССР от 10 июля 1939 г.
5. Рождественский Н.С. Об учете орфографической грамотности // Рус. яз. в школе. – М., 1940. – № 2. – С. 80–85.

6. Румянцев В.В., Хмельков А.М. О проекте «Правил единой орфографии и пунктуации» / Уч. зап. Северо-Осетин. пед. ин-та. – Т. 2 (15). – Вып. 1. – Орджоникидзе, 1940. – С. 84–102.
7. Шерба Л.В. Об идеальном грамотном человеке // Учит. газ. – 1940. – 3 нояб.

1941

1. Винокур Г.О. Орфография и язык Пушкина в академическом издании его сочинений (Отвст В.И. Чернышеву) // Пушкин. Временник Пушкинской комиссии, 6. – М.; Л., 1941. – С. 462–494.
2. Земский А.М. К вопросу о правописании глагольных корней с чередованием гласных / Уч. зап. Моск. гос. пед. дефектолог. ин-та. – Т. 1. – 1941. – С. 133–146.
3. Ковалев П.К. Категориальное и функциональное значение частицы *НЕ* // Рус. яз. в школе. – М., 1941. – № 1. – С. 30–36.
4. Курчева Ю.В. Основные вопросы русского правописания с XVIII в.: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1941. – 16 с.
5. Матусевич М.И. Введение в общую фонетику. – Л., 1941. Гл. 11. Письменная форма речи. – С. 89–106; 3-е изд. – 1959.
6. Рождественский Н.С. Дифференциация значений средствами орфографии / Уч. зап. Моск. гос. пед. дефектолог. ин-та 1941. – Т. 1. Каф. рус. яз. и лит.-ры. – С. 99–131.
7. Чернышев В.И. Замечания о языке и правописании А.С. Пушкина (По поводу академического издания) // Пушкин. Временник Пушкинской комиссии, 6. – М.; Л., 1941. – С. 433–461.

1942

1. Абакумов С.И. О букве *Е* // Учит. газ. – 1942. – 23 дек.
2. Абакумов С.И. Современный русский литературный язык. – М., 1942. III. Графика и орфография. – С. 48–53.
3. Былинский К.И., Никольский Н.Н. Трудные случаи орфографии и пунктуации. – Вып. 1. Трудные случаи орфографии. – М., 1942. – 64 с.

1943

1. Былинский К.И., Крючков С.Е., Светлаев М.В. Употребление буквы *Е*: Справочник / Под ред. Н.Н. Никольского. – М., 1943. – 260 с. (На правах рукописи).
То же: М., 1945. – 222 с.
2. Методические указания о применении буквы *Е* в русском правописании / Сост. М.В. Светлаев и П.М. Минин. – М., 1943. – 12 с.
3. Орлова В.Г. Историческое освещение некоторых вопросов русской орфографии / Уч. зап. Марийск. гос. пед. ин-та за 1942 г. – Т. 3. – Козмодемьянск, 1943. – С. 241–267.

1944

1. Афанасьев П.О. Методика русского языка в средней школе: Учебник для пед. и учит. ин-тов. – М., 1944. Гл. 6. Методика обучения правописанию. – С. 160–225.
То же: 2-е изд., испр. – М., 1947. – С. 146–212.
2. Былинский К.И., Уаров М.А. Справочник корректора. – М.; Л., 1944. X. Основы орфографии и пунктуации. XI. Правила орфографические. – С. 43–87; 2-е изд. – 1945.
3. Обнорский С.П. Вопросы современной русской орфографии // Сов. педагогика. – 1944. – № 11–12. – С. 28–35.

1945

1. Винокур Г.О. Орфография как проблема истории языка [1945] // Винокур Г.О. Избр. работы по рус. яз. – М., 1959. – С. 463–467.

2. Шор Р.О., Чемоданов Н.С. Введение в языковедение / Под ред. И.И. Мещанинова. – М., 1945. § 84. Орфография и ее принципы. – С. 253–255.

1946

1. Зарецкий А.И. Строение русской орфографии // Рус. яз. в школе. – М., 1946. – № 5–6. – С. 30–38.
2. Малаховский В.А. К вопросу о влиянии говора на орфографию школьника // Рус. яз. в школе. – М., 1946. – № 1. – С. 56–60.
3. Рождественский Н.С. Противопоставление как одно из свойств морфологического правописания // Рус. яз. в школе. – М., 1946. – № 3–4. – С. 37–49.

1947

1. Былинский К.И., Никольский Н.П. Справочник по орфографии и пунктуации для работников печати. – М.; Л., 1947. – 116 с.
То же: 2-е изд., перераб. – М., 1952. – 312 с.
То же: 3-е изд., перераб. – М., 1957. – 336 с.
2. Винокур Г.О. К истории нормирования русского письменного языка в конце XVIII в. (Словарь Академии Российской. 1789–1794) // Вестн. МГУ. – 1947. – № 5. – С. 27–47.
3. Правила русской орфографии и пунктуации [Проект]. На правах рукописи. – М.; Л., 1947. – 136 с. (Академия наук Союза ССР. Министерство просвещения РСФСР.)
4. Гвоздев А.Н. Основы русской орфографии. – М.; Л., 1947. – 64 с.
5. Реформатский А.А. Введение в языковедение: Пособие для учит. институтов. – М., 1947. Гл. 5. Письмо. – С. 122–138.
6. Ушаков М.В. К вопросу о так называемой «какографии» // Рус. яз. в школе. – М., 1947. – № 1. – С. 55–57.
7. Чернышев В.И. Ф.Ф. Фортунатов и А.А. Шахматов – реформаторы русского правописания (По материалам архива Академии наук СССР и личным воспоминаниям) // А.А. Шахматов. 1864–1920. Сб. статей и материалов / Под ред. акад. С.П. Обнорского. – М.; Л., 1947. – С. 167–252.

1948

1. Богоявленский Д.Н. Очерки психологии усвоения орфографии. – М.; Л., 1948. – 128 с.
2. Винокур Г.О. Орфографическая теория Третьяковского // Изв. Акад. наук ОЛЯ. – 1948. – Т. 7. – Вып. 2. – С. 141–158; См. также: Винокур Г.О. Избр. работы по рус. яз. – М., 1959. – С. 468–489.
3. Правила русской орфографии и пунктуации [Проект]. На правах рукописи. – М.; Л., 1948. – 142 с. (Институт русского языка Академии наук СССР. Министерство просвещения РСФСР.)
4. Скороглядова О.В. Русская графика и орфография // В помощь учителю рус. яз. в нерус. школе. – Баку, 1948 (дек.). – С. 3–11.
5. Текучев А.В. Обучение орфографии с учетом особенностей местного диалекта. – М.; Л., 1948. – 299 с.
6. Текучев А.В. Что такое диалектные ошибки // Рус. яз. в школе. – М., 1948. – № 5. – С. 21–26.

1949

1. Рождественский Н.С. Обучение орфографии в начальной школе: Пособие для учит. – М., 1949. – 307 с.
То же: 2-е изд., перераб. – М., 1960. – 295 с.

1950

1. Былинский К.И., Служивов Л.И. Справочник корректора / Под общ. ред. К.И. Былинского. – М., 1950. X. Техничко-орфографические правила, применяемые при вычитке и корректуре. – С. 121–172.
2. Гвоздев А.Н. Основы русской орфографии. – М.; Л., 1947. – 64 с.
То же: 2-е изд., доп. и испр. – М., 1950. – 99 с.
То же: 4-е изд. – М., 1954.
См. также: Гвоздев А.Н. Избр. работы по орфографии и фонетике. – М., 1963. – С. 25–86.
3. Реформатский А.А. Методические указания и руководства по современному русскому языку для студентов-заочников. Изд. Лит. института ССРП. На правах рукописи. – М., 1950. Алфавит, графика, орфография. – С. 40–47.
4. Ушаков М.В. Обучение орфографии в средней школе. – М., 1950. – 176 с.

1951

1. Гвоздев А.Н. Вопросы современной орфографии и методика ее преподавания // Изв. АПН РСФСР. – 1951. – Вып. 39; С. 96–109 (доклад); С. 305–307 (заключительное слово). Текст доклада см. также: Материалы объедин. научной сессии ОЛЯ АН СССР и АПН РСФСР... (27–29 ноября 1950 г.). – М., 1951.
Текст доклада включен в 3-е и 4-е изд. книги А.Н. Гвоздева «Основы русской орфографии».
2. Крючков С.Е. [Рец.]. Л.Б. Шапиро. Русское правописание. Ак. наук СССР. Ин-т языкознания. – М., 1951 // Сов. книга. – № 4. – С. 106–110.
3. Крючков С.Е. Актуальные вопросы современной русской орфографии // Нач. школа. – 1951. – № 8. – С. 15–28.
4. Правила русской орфографии и пунктуации. Проект. (На правах рукописи). – М., 1951. – 183 с. (Институт языкознания Академии наук СССР. Министерство просвещения РСФСР).
5. Рождественский Н.С. Краткий очерк истории русского правописания // Шапиро А.Б. Русское правописание. – М., 1951. – С. 160–198.
6. Шапиро А.Б. Вопросы русской графики и орфографии // Изв. Акад. наук ОЛЯ. – 1951. – Т. 10. – Вып. 3. – С. 257–268.
7. Шапиро А.Б. [Выступление на Объединенной научной сессии ОЛЯ АН СССР и АПН РСФСР...] // Изв. АПН РСФСР. – 1951. – Вып. 39. – С. 110–112. О проекте единого орфографического свода.
8. Шапиро А.Б. Русское правописание. – М., 1951. – 200 с. Краткий очерк истории русского правописания написан Н.С. Рождественским (С. 160–198);
То же: 2-е изд., перераб. – М., 1961. – 246 с.

1952

1. Крючков С.Е. Вопросы современной орфографии: Стеногр. публичной лекции, прочитанной в Центральной лектории Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний в Москве. – М., 1952. – 32 с.
2. Крючков С.Е. О спорных вопросах современной русской орфографии. – М., 1952. – 54 с.; 2-е изд. – 1954.
3. Крючков С.Е. Спорные написания в современной русской орфографии // Рус. яз. в школе. – М., 1952. – № 1. – С. 31–44.
4. Шапиро А.Б. Орфография и графика русского языка // Современный рус. язык. Морфология: Курс лекций / Под ред. В.В. Виноградова. – М., 1952. – С. 494–519.

1953

1. Вяземский Б.А., Заморзаева Е.Н. Практика газетной корректуры. – Л., 1953. Гл. 3. Основные технико-орфографические сведения. Разд.: Прописные буквы. Написание слов слитное, раздельное и с дефисом. Частицы НЕ и НИ. Переносы. – С. 20–80.
2. Зорин Н.И. Вопрос о переносе слов в школьной практике и методической литературе // Рус. яз. в школе. – М., 1953. – № 1. – С. 33–37.
3. Ильинская И.С., Сидоров В.Н. Современное русское правописание // Уч. зап. Моск. гор. пед. ин-та им. В.П. Потемкина. – 1953. – Т. 22. – Вып. 2. – С. 3–40.
4. Текучев А.В. Основы методики орфографии в условиях местного диалекта / Под ред. С.П. Обнорского. – М., 1953. – 384 с.

1954

1. Барановский Ф.Н. Принципы методики орфографии в семилетней русской школе: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Научно-исслед. ин-т методов обучения АПН РСФСР. – 1954. – 15 с.
2. Булаховский Л.А. За целесообразное упрощение письма // Учит. газ. – 1954. – 1 дек.
3. Булаховский Л.А. Замечания по вопросу об усовершенствовании русского правописания // Рус. яз. в школе. – М., 1954. – № 6. – С. 20–24.
4. Былинский К.И. «Правила русской орфографии и пунктуации» в действии // Рус. яз. в школе. – М., 1954. – № 5. – С. 20–26.
5. Валимова Г. Назревший вопрос. 1. // Учит. газ. – 1954. – 17 нояб.
6. Весский В., Сельцев Б., Бобров П., Кучерявая Г. За единое понимание принципов орфографии // Учит. газ. – 1954. – 29 дек.
7. Виноградов В.В. К вопросу об упорядочении современного русского правописания // Рус. яз. в школе. – М., 1954. – № 4. – С. 33–37.
8. Виноградов В.В. О реформе и упорядочении русской орфографии // Учит. газ. – 1954. – 21 авг.
9. Вовчок П. Требование жизни // Учит. газ. – 1954. – 13 окт.
10. Георгиевский А.П. Без коренной ломки // Учит. газ. – 1954. – 4 сент.
11. Гордич Л. Научно обосновать нормы правописания // Учит. газ. – 1954. – 18 сент.
12. Горланова В.П. Орфография «Ведомостей» эпохи Петра I: Автореф. дис. ... канд. филол. наук (Тбилис. гос. ун-т). – Тбилиси, 1954. – 12 с.
13. Громыко В. Ликвидировать разнобой в грамматике и словарях // Учит. газ. – 1954. – 11 сент.
14. Дмитриев-Кельда И.Д. Об упорядочении русской орфографии // Рус. яз. в школе. – М., 1954. – № 6. – С. 30–33.
15. Добромислов В.А. Облегчить изучение правописания в школе // Учит. газ. – 1954. – 28 авг.
16. Добромислов В.А. Облегчить усвоение правописания – основная задача его унификации // Рус. яз. в школе. – М., 1954. – № 5. – С. 27–33.
17. Иванов В.В. К вопросу о правописании сложных слов // Рус. яз. в школе. – М., 1954. – № 3. – С. 51–56.
18. Крючков С.Е. Унификация орфографии и школа // Рус. яз. в школе. – М., 1954. – № 5. – С. 38–40.
19. Лавин В. Правописание иностранных слов // Учит. газ. – 1954. – 23 окт.
20. Миртов А.В. Академическое правописание // Рус. яз. в школе. – М., 1954. – № 5. – С. 34–38.
21. На какой основе проводить унификацию: Обзор писем читателей // Учит. газ. – 1954. – 22 сент.

22. Никифоров В. О правилах, потерявших практическое значение. 1. // Учит. газ. – 1954. – 30 окт.
23. Обнорский С.П. Задачи Орфографической комиссии // Рус. яз. в школе. – М., 1954. – № 5. – С. 17–19.
24. Обнорский С.П. Правописание наречий и наречных сочетаний // Рус. яз. в школе. – М., 1954. – № 6. – С. 17–19.
25. Ожегов С.И. Об упорядочении русской орфографии // Рус. яз. в школе. – М., 1954. – № 5. – С. 41–43.
26. Платонов Е. Как писать сложные слова // Учит. газ. – 1954. – 22 сент.
27. Самбикина М. Создать устойчивые нормы письменной речи // Учит. газ. – 1954. – 20 окт.
28. Смирнова М. и др. [всего десять авторов]. Пора унифицировать орфографию и пунктуацию русского языка // Учит. газ. – 1954. – 14 авг.
29. Упорядочить правописание наречий: Обзор писем читателей // Учит. газ. – 1954. – 11 дек.
30. Трояновский В. Против упрощенчества // Учит. газ. – 1954. – 4 сент.
31. Ухов А.Д. В интересах школы // Учит. газ. – 1954. – 2 окт.
32. Харченко И. Нужен академический словарь // Учит. газ. – 1954. – 20 окт.
33. Чистяков В. Об исключении «исключений» // Учит. газ. – 1954. – 4 сент.
34. Чмелев П., Подшивайлова М., Бирюлина Н. Назревший вопрос. 2 // Учит. газ. – 1954. – 17 нояб.
35. Шанский Н.М. Замечания по академическому своду «Правил русской орфографии и пунктуации» // Рус. яз. в школе. – М., 1954. – № 6. – С. 25–29.
36. Шапиро А.Б. О проекте правил русской орфографии и пунктуации // Рус. яз. в школе. – М., 1954. – № 4. – С. 38–48.
37. Шишов П. О правилах, потерявших практическое значение. 2. // Учит. газ. – 1954. – 30 окт.

1955

1. Абдуллаев Х. С этим нельзя согласиться // Учит. газ. – 1955. – 2 февр.
2. В защиту буквы Ё // Учит. газ. – 1955. – 2 февр. Подборка статей. Авторы: З. Перкаль, Д. Мальцев.
3. Вишнепольская А.Г. Влияние соотношения некоторых орфограмм в русской лексике на усвоение правописания (психологическое исследование): Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Ин-т психологии. – М., 1955. – 16 с.
4. Власенко М.М. О некоторых случаях разнобоя и противоречий в правописании // Рус. яз. в школе. – М., 1955. – № 1. – С. 19–23.
5. Галкин Д. Интересы миллионов – на первом плане // Рус. яз. в школе. – М., 1955. – № 1. – С. 16–19.
6. Георгиевский А.П. Коренная ломка орфографии или упорядочение? // Рус. яз. в школе. – М., 1955. – № 1. – С. 27–28.
7. Гепнер Ю.Р. О принципах упорядочения русской орфографии и пунктуации // Рус. яз. в школе. – М., 1955. – № 1. – С. 39–41.
8. Горланова В.П. К вопросу о реформе русской орфографии // 20-я научная сессия: Планы работы и тез. докладов. – Телави, 1955. – С. 19.
9. Гухман М.М. Ас или асс? // Вопр. культуры речи. – М., 1955. – Вып. 1. – С. 224–225.
10. Дергачев К. Устранить орфографические капканы // Рус. яз. в школе. – М., 1955. – № 1. – С. 34–36.
11. Добромислов В.А., Розенталь Д.Э. Трудные вопросы грамматики и правописания: Пособие для учителей / Под ред. А.Б. Шапиро. – М., 1955. Орфография. – С. 86–131. То же: 2-е изд., перераб. – Вып. 1. – М., 1958. – С. 105–154; Вып. 2. – М., 1960. – С. 99–144.

12. К итогам дискуссии по вопросам правописания // Рус. яз. в школе. – М., 1955. – № 2. – С. 32–42.
13. К итогам обсуждения вопросов правописания // Учит. газ. – 1955. – 9 апр.
14. Киселева Н., Панфилов А. Против разнобоя в русской орфографии // Рус. яз. в школе. – М., 1955. – № 1. – С. 23–26.
15. Кожин А.Н. Несколько замечаний к проекту новых правил русской орфографии // Рус. яз. в школе. – М., 1955. – № 1. – С. 28–31.
16. Кувичко Д.П. Проблемы современного русского правописания // Рус. яз. в школе. – М., 1955. – № 1. – С. 28–31.
17. Лурье-Дерский А. За орфографию, обязательную для всех // Рус. яз. в школе. – М., 1955. – № 1. – С. 44–45.
18. Мы ждем большего // Учит. газ. – 1955. – 2 февр. Подборка статей. Авторы: Л. Оголихин, А. Назаров, П. Петрушин, Г. Колб. О недостатках предложенных унифицированных правил орфографии.
19. Обзор поступивших в редакцию корреспонденций по вопросам правописания // Рус. яз. в школе. – М., 1955. – № 2. – С. 23–31.
20. О мягком и твердом знаках // Учит. газ. – 1955. – 2 февр. Подборка статей. Авторы: П. Ивченко, С. Ленченко.
21. О правописании двойных согласных: Обзор писем читателей // Учит. газ. – 1955. – 16 февр.
22. О правописании частиц НЕ и НИ: Обзор писем читателей // Учит. газ. – 1955. – 5 янв.
23. Орлов В.Ф. О желательных изменениях в орфографии и пунктуации // Рус. яз. в школе. – М., 1955. – № 1. – С. 43–44.
24. Петерсон М.Н. Система русского правописания. – М., 1955. – 108 с.
25. Правила русской орфографии и пунктуации. Проект. – М., 1955. – 188 с. (Институт языкознания АН СССР. Министерство просвещения РСФСР).
26. Пронина И.В. Обучение орфографии в связи с развитием речи учащихся: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. / Научно-исследоват. ин-т методов обучения АПН РСФСР. – М., 1955. – 15 с.
27. Реформатский А.А. Введение в языкознание: Учеб. пособие для педагогич. институтов. – М., 1955. Гл. 5. Письмо. – С. 274–297; 2-е изд. – 1960.
28. Ухов А.Д. За действительное упорядочение и упрощение орфографии // Рус. яз. в школе. – М., 1955. – № 1. – С. 31–34.
29. Ушаков М.В. Правописание ё (е) – о после шипящих в корне // Рус. яз. в школе. – М., 1955. – № 4. – С. 31–33.
30. Шапиро А.Б., Баскаков Н.А. Орфография // Больш. сов. энцикл. – 2-е изд. – Т. 31 – [1955]. – С. 247–248.
31. Ядвиршиц К.Н. Орфографический разнобой и необходимость его устранения в интересах школы // Рус. яз. в школе. – М., 1955. – № 1. – С. 37–39.

1956

1. Асланов Г.Н., Величук А.П. Русская графика и орфография (Седьмая статья по современному русскому языку) // Рус. яз. в нерус. школе. – Баку, 1956. – № 7. – С. 33–48.
2. Бок И., Киселев Н. Упорядочить написания географических наименований // Казахстанская правда. – 1956. – 2 июня.
3. Билинский К.И. Новые правила единой орфографии // Сов. печать. – 1956. – № 9. – С. 37.
4. Крючков С.Е. Единый свод правил орфографии и пунктуации // Учит. газ. – 1956. – 26 мая.
5. Крючков С.Е., Розенталь Д.Э. Унификация современной русской орфографии и пунктуации // Нач. школа. – 1956. – № 8. – С. 47–51.

6. Крючков С.Е., Розенталь Д.Э. Унификация современной русской орфографии и пунктуации // Рус. яз. в школе. – М., 1956. – № 4. – С. 36–48.
7. Кулагин А.Ф. Частица *НЕ* и одноименная приставка в их отношении к степеням сравнения имен прилагательных // Рус. яз. в школе. – М., 1956. – № 1. – С. 12–16.
8. Москвочкина Р.А. Написание производных основ с непроверяемыми гласными в связи с их изучением в школе // Уч. зап. Краснодар. гос. пед. ин-та. – 1956. – Т. 18. – С. 173–183.
9. Орфографический словарь русского языка. 110 000 слов / Под ред. С.И. Ожегова, А.Б. Шапира. – М., 1956. – 1260 с.
То же: 5-е изд. испр. и доп. Около 104000 слов / Под ред. С.Г. Бархударова, С.И. Ожегова и А.Б. Шапира. – М., 1963. – 1040 с.
10. [Панов М.В.] Графика. Орфография // Бунина М.С., Василенко И.А., Кудрявцева И.А., Панов М.В. Современный русский язык: Сб. упражнений. – М., 1956. – С. 86–109; 2-е изд. – 1961; 3-е изд. – 1982.
11. Правила русской орфографии и пунктуации. – М., 1956. – 176 с.; 2-е изд. – 1962.
12. Фессаловицкий С.Л. О правописании слов с корнем *-ровн-* – *-равн-* // Уч. зап. Иванов. гос. пед. ин-та. – 1956. – Т. 9. – Педагогические науки. – С. 39–44.
13. Шапира А.Б. Замечание критикам // Лит. газ. – 1956. – 9 авг.
По поводу правила об употреблении букв *Ы* и *И* после приставок в своде 1956 г.
14. Шапира А.Б. Упорядоченное русское правописание. К выходу «Правил русской орфографии и пунктуации». – М., 1956. – 38 с.

Русская орфография после первого свода правил

1957

1. Богоявленский Д.Н. Психология усвоения орфографии. – М., 1957. – 416 с.
2. Булаховский Л.А. [Рец.]. Академия наук СССР. Институт языкознания. Орфографический словарь. 110 000 слов / Под ред. С.И. Ожегова и Л.Б. Шапира. – М., 1956 // Рус. яз. в школе. – М., 1957. – № 5. – С. 110–114.
3. Былинский К.И., Розенталь Д.Э. [Рец.]. Орфографический словарь русского языка. 110 000 слов / Под ред. С.И. Ожегова и А.Б. Шапира. – М., 1956. – 1261 с. // Вопр. языкознания. – М., 1957. – № 5. – С. 141–145.
4. Горшкова К.В. Графика и орфография // Галкина-Федорук Е.М., Горшкова К.В., Шанский Н.М. Современный русский язык. Лексикология. Фонетика. Морфология. – М., 1957. – С. 161–171; 3-е изд. – М., 1962 (Современный русский язык. Ч. 1).
5. Крючков С.Е. Об унификации русской орфографии // Рус. яз. в нач. школе. – М., 1957. – № 3. – С. 1–10.
6. Крючков С.Е. Переход школ на унифицированную орфографию и пунктуацию // Рус. яз. в школе. – М., 1957. – № 4. – С. 51–59.
7. Кулагин А.Ф. О частице *НЕ* и приставке *НЕ-* // Рус. яз. в школе. – М., 1957. – № 6. – С. 26–28.
8. Максимов Л.Ю. Частица *НЕ* и приставка *НЕ-* с краткими прилагательными // Рус. яз. в школе. – М., 1957. – № 2. – С. 7–17.
9. Обнорский С.П. [Рец.]. Орфографический словарь русского языка. – М., 1956 // Изв. Акад. наук ОЛЯ. – 1957. – Т. 16. – Вып. 4. – С. 366–369.
10. Ожегов С.И. Русская орфография // Огонек. – 1957. – № 10. – С. 28–29.

11. Ожегов С.И. Упорядочение русской орфографии // Вестн. АН СССР. – 1957. – № 1. – С. 30–38.
12. [Супрун А.Е.] А.С. З в орфографической практике В.И. Ленина // Уч. зап. филологич. факультета Киргизского гос. ун-та. – Вып. 4. – Фрунзе, 1957. – С. 237.
13. Трофимов В.А. Современный русский литературный язык. Фонетика. Графика. – Л., 1957; Графика. Орфография. – С. 104–127.
14. Ушаков М.В. Правописание *ѣ* – *е* – *о* после шипящих. – М., 1957. – 46 с.
15. Филиппов С.С. Обучение русской орфографии в национальной школе: Лекция для учителей. – М., 1957. – 36 с.
16. Щерба Л.В. Теория русского письма [1942–1943] // Избр. работы по рус. яз. – М., 1957. – С. 144–179.

1958

1. Гвоздев А.Н. Современный русский литературный язык. Ч. 1. Фонетика и морфология. – М., 1958. Орфография. – С. 76–97; 2-е изд. – 1961.
2. Иванова В.Ф. Русское правописание и его новые правила. – Л., 1958. – 44 с.
3. Крючков С.Е. [Рец.]. Д.Н. Богоявленский. Психология усвоения орфографии. – М., 1957 // Рус. яз. в школе. – М., 1958. – № 4. – С. 103–107.
4. Крючков С.Е. Специальный курс «Современная русская орфография» // Уч. зап. МГПИ им. В.И. Ленина. – Т. 39. – 1958. Историко-филол. ф-т. – Вып. 1. Наш опыт. Сб. ст. на историко-филол. ф-те / Под общ. ред. проф. И.В. Устинова. – С. 220–229.
5. Листвинов Н.Г. Трудные вопросы русской орфографии и пунктуации. (В помощь слушателям высших партийных школ и советско-партийных школ.) – М., 1958. – 48 с.
То же: 2-е изд., доп. – М., 1959. – 69 с.
6. [Супрун А.Е.] А.С. Об одном излишнем орфографическом исключении // Уч. зап. филол. факультета Киргизского гос. ун-та. – Вып. 5. Славянский сборник, 1. – Фрунзе, 1958. – С. 178–179.
7. Текучев А.В. Методика преподавания русского языка в средней школе: Учебник для высших педагогических учебных заведений. – М., 1958. Методика обучения орфографии. – С. 263–381.
8. Толмачев А.И., Васильев В.Н., Федоров А.А., Ильин М.М. Как писать русское название рода *Larix*? // Ботан. журнал. – 1958. – Т. 43. – № 8. – С. 1233–1234.
9. Шапира А.Б. Еще раз о нашей орфографии // Рус. яз. в школе. – М., 1958. – № 4. – С. 91–99.
10. Шпринцин А.Г. О правописании геолого-географических названий // Материалы по геологии и полезным ископаемым Северо-Востока СССР. – Вып. 12. – Магадан, 1958. – С. 206–210.

1959

1. Боровский Я.М. [Рец.]. Орфография и вопросы языка. По поводу новых изданий «Правил русской орфографии и пунктуации». (М., 1957. – 176 с.) и «Орфографического словаря русского языка». – 1957. – 1260 с. // Вестн. ЛГУ. – 1959. – № 2. – Сер. ист. яз. и литры. – Вып. 1. – С. 170–175.
2. Винокур Г.О. Орфография как проблема истории языка // Г.О. Винокур. Избр. работы по русскому языку. – М., 1959. С. 463–467.
3. Скобликова Е.С. К изучению орфографии в вузе и семинарах учителей. – Куйбышев, 1959. – 22 с.
4. Суперанская А.В. Об одной ошибке в написании географических названий // Вопр. культуры речи. – М., 1959. – Вып. 2. – С. 163–167.
5. Суперанская А.В. Орфографические казусы // Вопр. культуры речи. – М., 1959. – Вып. 2. – С. 225–226.

6. Шубов Я.И. О правописании сложных прилагательных // Рус. яз. в школе. – М., 1959. – № 6. – С. 52–56.
7. Щенников Е.И. О правилах переноса слов // Уч. зап. Куйбышевского гос. пед. ин-та. – 1959. – Вып. 26. – С. 35–55.

1960

1. Былинский К.И., Жилин А.Н. Справочная книга корректора. – М., 1960; 15. Названия (употребление прописных букв) – С. 125–149; Орфографический словарь. – С. 439–521.
2. Гвоздев А.Н. Об основах русского правописания. В защиту морфологического принципа русской орфографии. – М., 1960. – 64 с. См. также: Гвоздев А.Н. Избр. работы по орфографии и фonetике. – М., 1963. – С. 211–248.
3. Зиндер Л.Р. Общая фонетика. – Л., 1960; Гл. 7. Графика и орфография. – С. 306–316.
4. Реформатский А.А. Практическая транскрипция иноязычных собственных имен // Изв. Акад. наук ОЛЯ. – 1960. – Т. 19. – Вып. 6. – С. 529–534.
5. Рождественский Н.С. Свойства русского правописания как основа методики его преподавания. – М., 1960. – 304 с.

1961

1. Алгазина П.Н. Трудные случаи правописания. (Из опыта работы.) – М., 1961. – 84 с.
2. Гвоздев А.Н. К вопросу об основном принципе русской орфографии // Вопросы теории и методики изучения русского языка: Труды второй науч. конференции кафедр русского языка пед. ин-тов Поволжья 20–24 мая 1958. – Куйбышев, 1961. – С. 5–21.
3. Глушкина С.М., Жуковская З.В. Разделительные знаки в русском письме // Рус. яз. в школе. – М., 1961. – № 4. – С. 22.
4. Еськова Н.А. Предана или преданна? // Вопр. культуры речи. – М., 1961. – Вып. 3. – С. 220–224.
5. Истрин В.А. Развитие письма. – М., 1961. – 346 с.
6. Ушаков М.В. К изучению правописания числительных // Рус. яз. в школе. – М., 1961. – № 1. – С. 39–42.
7. Цапукевич В.В. Графика и орфография // Валгина Н.С., Розенталь Д.Э., Фомина М.И., Цапукевич В.В. Современный русский язык: Учебник для вузов. – М., 1961. – С. 98–115; 2-е изд. – 1964.
8. Цветкова Л.Ф. Логический анализ правил правописания частицы *НЕ* с существительными, прилагательными и наречиями // Логико-грамматические очерки. – М., 1961. – С. 237–243.
9. Шапиро А.Б. Современная русская орфография // Рус. яз. в узбекской школе. – Ташкент, 1961. – № 2. – С. 3–20.

1962

1. Антошин Н.С. О фонематическом принципе русской орфографии // Тез. докл. шестой научно-теоретической конф. – Таганрог, 1962. – С. 44–46.
2. Барановский Ф.Н. О морфологическом принципе русской орфографии // Уч. зап. Кемеровского пед. ин-та: Сб. труд. кафедр рус. яз., лит-ры и педагогики. – 1962. – Вып. 5. – С. 138–156.
3. Биргер Э.И. Давно назревшая задача // Рус. яз. в школе. – М., 1962. – № 4. – С. 100–104.
4. Бочкарев А.П. Шесть предложений по орфографии // Рус. яз. в школе. – М., 1962. – № 4. – С. 107.
5. Варухин В.С. О некоторых вопросах правописания и преподавания русского языка в школе // Рус. яз. в школе. – М., 1962. – № 4. – С. 104–105.
6. Виноградов В.В. Русская орфография и ее реформа // Изв. – 1962. – № 297.

7. Ворошилова Т.С. О некоторых вопросах правописания // Рус. яз. в школе. – М., 1962. – № 6. – С. 67–66.
8. Горбунова А.А. Ещё раз об орфографии и красноречии // Рус. яз. в школе. – М., 1962. – № 4. – С. 106–107.
9. Ефимов А.И. Красноречие и орфография // Изв. – 1962. – № 71.
10. Иванова В.Ф. Трудные случаи употребления и правописания частиц *НЕ* и *НИ*. – М., 1962. – 108 с.
11. Летченко М.С. Трудности изучения русской орфографии // Рус. яз. в школе. – М., 1962. – № 6. – С. 91–92.
12. Панов М.В. Письмо (графика, орфография) // Русский язык и советское общество. Проспект. (Материалы Всесоюзной конференции, посвященной закономерностям развития литературных языков народов СССР в советскую эпоху.) – Алма-Ата, 1962. – С. 91–94.
13. Польша П. Письмо в редакцию // Рус. яз. в школе. – М., 1962. – № 6. – С. 94. О трудностях, которые бы причинила иностранцам отмена *Ъ* после шипящих; о необходимости употреблять букву *Ё*.
14. Разумовская М.М. Грамматический анализ при обучении орфографии: Пособие для учителя. – М., 1962. – 76 с.
15. Решетников М.М. Упрощение или усложнение? // Рус. яз. в школе. – М., 1962. – № 5. – С. 99–100.
16. Розенталь Д.Э. Вопросы русского правописания. – М., 1962. – 158 с.
17. Рукавишников С.С. Изучение устаревшего правописания приводит к снижению грамотности // Рус. яз. в школе. – М., 1962. – № 5. – С. 98–99.
18. Фигуровский И.А. Радикально упростить орфографию // Рус. яз. в школе. – М., 1962. – № 5. – С. 96–98.
19. Филиппова Л.Е. Некоторые предложения об изменении написания русских слов // Рус. яз. в школе. – М., 1962. – № 6. – С. 92–94.
20. Шапиро А.Б. Немаловажный вопрос. (К спорам о русском правописании) // Изв. Акад. наук ОЛЯ. – 1962. – Т. 21. – Вып. 6. – С. 465–480.
21. Якобсон Р.О. Избыточные буквы в русском письме (*Й* и *Ъ*; после шипящих *Ё* и конечный *Ъ*) // Jakobson R. Selected writings. Mouton. – 1962. – P. 556–567.

1963

1. Андреев И.А. К дискуссии о русской орфографии // Рус. яз. в школе. – М., 1963. – № 3. – С. 87–88.
2. Антошин Н.С. О реформе русского правописания // Рус. яз. в школе. – М., 1963. – № 6. – С. 79–81.
3. Арбатский Д.И. Принципы русского правописания и пути его упрощения // Рус. яз. в школе. – М., 1963. – № 4. – С. 74–76.
4. Ардентов Б.П. За радикальную реформу русской орфографии // Рус. яз. в школе. – М., 1963. – № 1. – С. 32–33.
5. Барлас Л.Г. Надо упростить орфографию // Рус. яз. в школе. – М., 1963. – № 2. – С. 85–88.
6. Бархударов С.Г. Не ломка, а улучшение нашего письма // Рус. яз. в школе. – М., 1963. – № 1. – С. 15–19.
7. Воробьева В.В., Кувичко В.Е. Разумная реформа правописания – дело всех словесников // Рус. яз. в школе. – М., 1963. – № 5. – С. 88–89.
8. Громова Н.М. К предлагаемой реформе русской орфографии // Рус. яз. в школе. – М., 1963. – № 3. – С. 88–89.
9. Грунин И. О русском правописании // Рус. яз. в школе. – М., 1963. – № 2. – С. 94–95.
10. Данилов А.А. Без крохоборства и насилия над языком // Рус. яз. в школе. – М., 1963. – № 6. – С. 81–85.

11. Демидова К.И. О некоторых вопросах правописания // Рус. яз. в школе. – М., 1963. – № 4. – С. 87–88.
12. Дудов Б.К. Только реформа! // Рус. яз. в школе. – М., 1963. – № 4. – С. 90–91.
13. Емельченко И.Р. Несколько слов о разумном реформировании орфографии // Рус. яз. в школе. – М., 1963. – № 3. – С. 83–86.
14. Еськова Н.А. О форме сравнительной степени от прилагательного *ХЛЕСТКИЙ* // Вопр. культуры речи. – М., 1963. – Вып. 4. – С. 179–183.
Рассматривается соотношение орфографических вариантов *хлестче* и *хлеще*.
15. Ефимов А.И. Культура речи и орфография // Рус. яз. в школе. – М., 1963. – № 1. – С. 6–15.
16. Ешке Г. Письмо в редакцию: Пер. Д.А. Шефер // Рус. яз. в школе. – М., 1963. – № 3. – С. 91–92.
17. Жажа С. Возможности координации правил правописания в славянских языках // Sborník praci filosofické fakulty Brněnské university, ročník 12. – 1963. – Rada jazykovedna. С. 11. – С. 63–71.
18. Иванова В.Ф. О русской орфографии и путях повышения грамотности // Рус. яз. в школе. – М., 1963. – № 1. – С. 19–26.
19. Кайдалова А.И. К вопросу о правописании сложных прилагательных // Рус. яз. в школе. – М., 1963. – № 1. – С. 27–31.
20. Калакуцкая Л.П. Нерешенные вопросы. (О правописании страдательных причастий прошедшего времени) // Вопр. культуры речи. – М., 1963. – Вып. 4. – С. 128–136.
21. Калакуцкая Л.П. О правописании страдательных причастий прошедшего времени // Изв. АН Латв. ССР. – 1963. – № 4. – С. 53–62.
22. Калинин А.В. Разумно упростить орфографию // Рус. яз. в школе. – М., 1963. – № 2. – С. 91–94.
23. Ключов Г.К. Дискуссия о реформе русского правописания // Рус. яз. в школе. – М., 1963. – № 5. – С. 82–86.
24. Лекант П.А. Орфография, графика, грамматика, произношение // Рус. яз. в школе. – М., 1963. – № 2. – С. 81–84.
25. Леонтьев А.А. О написании иностранных имен // Вопр. культуры речи. – М., 1963. – Вып. 4. – С. 154–156.
26. Макарова Н. К вопросу об унификации русского правописания // Рус. яз. в школе. – М., 1963. – № 5. – С. 86–88.
27. Мгеладзе Д.С., Колесников Н.П. Пора упростить русское правописание // Рус. яз. в школе. – М., 1963. – № 2. – С. 79–81.
28. Миссия Р.К. Меньше исключений // Рус. яз. в школе. – М., 1963. – № 6. – С. 90.
29. Моисеев А.И. Несколько предложений и одно возражение // Рус. яз. в школе. – М., 1963. – № 6. – С. 89.
30. Орехов В.И. Об упрощении русской орфографии // Рус. яз. в школе. – М., 1963. – № 2. – С. 89–90.
31. Панов М.В. Об усовершенствовании русской орфографии // Вопр. языкознания. – М., 1963. – № 2. – С. 81–93.
32. Панфилов В.М. О букве *Ё* // Рус. яз. в школе. – М., 1963. – № 4. – С. 84–85.
33. Потапов С.М. К вопросу об усовершенствовании русской орфографии // Рус. яз. в школе. – М., 1963. – № 5. – С. 80–82.
34. Потерин И.И. Об упрощении русского правописания // Рус. яз. в школе. – М., 1963. – № 3. – С. 80–83.
35. Руднев А.Г. К усовершенствованию русской орфографии // Рус. яз. в школе. – М., 1963. – № 2. – С. 77–79.
36. Санжаров Л.Н. Реформировать и упрощать разумно // Рус. яз. в школе. – М., 1963. – № 4. – С. 86–87.

37. Синдикский А.Р. О совершенствовании русского правописания // Рус. яз. в школе. – М., 1963. – № 6. – С. 85–86.
38. Сиренко А.А. Об употреблении буквы *Ё* // Уч. зап. Стерлитамакского гос. пед. ин-та. – 1963. – Вып. 12. – Серия «Филология». – № 2. – С. 83–99.
39. Тошьян С.Б. Упрощение правописания облегчит нерусским изучение русского языка // Рус. яз. в школе. – М., 1963. – № 4. – С. 76–78.
40. Утрюмов А.А. Несколько мыслей о реформе русской орфографии // Рус. яз. в школе. – М., 1963. – № 4. – С. 89–90.
41. Ушаков М.В. Об обозначении мягкости согласных (О сочетаниях согласных, в которых не пишется *Ъ*) // Рус. яз. в школе. – М., 1963. – № 4. – С. 32–34.
42. Ушаков М.В. Учимся годы, читаем всю жизнь // Рус. яз. в школе. – М., 1963. – № 6. – С. 78.
43. Фигаровская Ю.А. За реформу орфографии на морфологической основе // Рус. яз. в школе. – М., 1963. – № 6. – С. 86–88.
44. Шанская Т.В. О категории рода имен существительных и орфографии // Рус. яз. в школе. – М., 1963. – № 2. – С. 95–97.
45. Штармин М. Только ли школа виновата? // Новый мир. – М., 1963. – № 9. – С. 271–272.
46. Щенников Е.П. Орфография не виновата // Рус. яз. в школе. – М., 1963. – № 4. – С. 82–84.
47. Этов В.И. Обзор статей и писем по вопросам орфографии // Рус. яз. в школе. – М., 1963. – № 5. – С. 91–101.
48. Янакиев М. Основы теории орфографии // Вопр. языкознания. – М., 1963. – № 5. – С. 47–57.

1964

1. Аванесов Р.И. О правописании приставок на *-Ъ* в связи со смежными вопросами // О современной русской орфографии. М., 1964. – С. 117–120.
2. Адалис А. Е. Стихи речи // Лит. Россия. – 1964. – № 41.
3. Алгазина Н.Н. Правописание наречий // Вопр. русской орфографии. – М., 1964. – С. 37–42.
4. Алгазина Н.Н. Правописание неударяемых гласных в личных глагольных окончаниях // О современной русской орфографии. – М., 1964. – С. 121–122.
5. Алгазина Н.Н. Трудности, связанные с освоением школьниками правописания *о* и *е* после шипящих // О современной русской орфографии. – М., 1964. – С. 110–113.
6. Алексеев Д.И. Правописание сложносокращенных слов // Грамматический строй современного русского языка: Труды V–VI конференций кафедр русского языка педагогических институтов Поволжья (1961–1962). – Куйбышев, 1964. – С. 50–58.
7. Алексеев Д.И. Прописные и строчные буквы в аббревиатурах // О современной русской орфографии. – М., 1964. – С. 48–57.
8. Антокольский П.Г. О коренном достоинстве народа // Лит. Россия. – 1964. – № 44.
9. Басенко К.В. Пути повышения грамотности учащихся // Рус. яз. в школе. – М., 1964. – № 1. – С. 96–98.
10. Болховитянов Ю. В. К реформе русского правописания // Рус. яз. в школе. – М., 1964. – № 2. – С. 100–102.
11. Будагов Р.Л. К спорам вокруг русской орфографии // Рус. яз. в школе. – М., 1964. – № 6. – С. 4–7.
12. Букчина Б.З. Чередования в корнях слов // О современной русской орфографии. – М., 1964. – С. 88–97.
13. [Букчина Б.З., Максимова Л.К.] Б.Б. и Л.М. Огурцы или огурцы? // О современной русской орфографии. – М., 1964. – С. 158–159.
Обзор писем, полученных Институтом русского языка АН СССР.

14. [Букчина Б.З., Максимова Л.К.] Б.Б. и Л.Л. Писать ли мышь без мягкого знака? // О современной русской орфографии. – М., 1964. – С. 157–158. Обзор писем, полученных Институтом русского языка АН СССР.
15. Букчина Б.З., Максимова Л.К. Так работала комиссия // Неделя. – 1964. – № 39.
16. Букчина Б.З., Протченко И.Ф. К обсуждению некоторых предложений по орфографии. (С заседаний Орфографической комиссии) // Вопр. русской орфографии. – М., 1964. – С. 120–135.
17. Валгина Н.С., Фомина М.И. Усовершенствование ли? // Рус. яз. в школе. – М., 1964. – № 6. – С. 30–31.
18. Ветвицкий В.Г. О рациональном построении русской орфографии // Проблемы современного русского правописания. – М., 1964. – С. 158–175.
19. Виноградов В.В. Культура речи и орфография // Лит. газ. – 1964. – 13 июня.
20. Виноградов В.В. О необходимости усовершенствования нашего правописания // Вопр. рус. орфографии. – М., 1964. – С. 5–22.
21. Власенко М.М. О русском правописании // Рус. яз. в школе. – М., 1964. – № 3. – С. 105–106.
22. Войнова А.В. О правописании суффиксов *-Н-* и *-НН-* в сложных прилагательных с формой страдательного причастия прошедшего времени во второй части // Рус. яз. в школе. – М., 1964. – № 6. – С. 33–35.
23. Волков О. Управиться ли чинить // Лит. Россия. – 1964. – № 42.
24. Волоцкая З.М., Моложная Т.М., Николаева Т.М. Опыт описания языка в его письменной форме. – М., 1964. – ??? с.
25. Воробьев П. Во власти ложных идей // Лит. Россия. – 1964. – № 44.
26. Гавронов Н.Ф. К вопросу о правописании иноязычных слов с удвоенными согласными // Проблемы современного русского правописания. – М., 1964. – С. 116–130.
27. Газиев М. Стройность русской речи – прежде всего // Рус. яз. в школе. – М., 1964. – № 3. – С. 102.
28. Галаченский А.Д. Не шопот, а шёрох // Рус. яз. в школе. – М., 1964. – № 6. – С. 35.
29. Гловинская М.Я. Написание двойных согласных в заимствованных словах // Проблемы современного русского правописания. – М., 1964. – С. 101–115.
30. Глушенко Л. Мнение тех, кто учится // Сов. Россия. – 1964. – 9 авг.
31. Грищенко В.Ф. Реформа необходима // Рус. яз. в школе. – М., 1964. – № 3. – С. 107.
32. Демидова К.И. О правописании наречий и наречных выражений // Рус. яз. в школе. – М., 1964. – № 3. – С. 102–103.
33. Дмитриев-Кельда И.Д. Упростить русское правописание // Рус. яз. в школе. – М., 1964. – № 2. – С. 93–94.
34. Добромыслов В.А. О реформе правописания // Наука и жизнь. – М., 1964. – № 1. – С. 146–147.
35. Долинина Н. Во имя чего? // Комс. правда. – 1964. – 29 окт.
36. Еськова Н.А. Графическая передача фонемы <и> в начале морфемы, не являющейся флексией или суффиксом, после твердой согласной предшествующей морфемы // О современной русской орфографии. – М., 1964. – С. 5–17.
37. Еськова Н.А. Можно ли совсем избежать употребления Э после согласных в именах нарицательных? // О современной русской орфографии. – М., 1964. – С. 45–47.
38. Еськова Н.А. О разделительных знаках // О современной русской орфографии. – М., 1964. – С. 18–27.
39. Еськова Н.А. О слитном и раздельном написании *НЕ* // Вопр. русской орфографии. – М., 1964. – С. 80–99.
40. Еськова Н.А. О случае «какографополизма» в современной орфографии // Вопр. культуры речи. – М., 1964. – Вып. 5. – С. 203–205.

41. Еськова Н.А. Передача фонемы <о> после шипящих и <л> // проблемы современного русского правописания. – М., 1964. – С. 141–157.
42. Еськова Н.А. Почему огурци, а не секция? // Изв. – 1964. – № 241.
43. Еськова Н.А. Язык не пострадает... // Семья и школа. – 1964. – № 12. – С. 47.
44. Ефремов И.А. Надо слышать и чувствовать // Лит. Россия. – 1964. – № 44.
45. Жовтобрюх М.А., Русановский В.М. Обсуждение «Предложений по усовершенствованию русской орфографии» // Вопр. языкознания. – М., 1964. – № 6. – С. 21–25.
46. Задорнов Н. «Доч цигана съела огурци» // Лит. газета. – 1964. – 26 сент.
47. Зализняк А.А. К вопросу о правописании безударных гласных в глагольных окончаниях // О современной русской орфографии. – М., 1964. – С. 132–139.
48. Заходер Б. «Заеи?» Почему? // Лит. Россия. – 1964. – № 41.
49. Земцов Ю.В. Нужна упорядоченность, а не ломка. (Об обсуждении предложений по усовершенствованию русской орфографии в Московском городском институте усовершенствования учителей) // Рус. яз. в школе. – М., 1964. – № 6. – С. 45–47.
50. Зимин П. Семь раз отмерь... // Лит. газ. – 1964. – 26 сент.
51. Иванова В.Ф. О морфологическом принципе русского правописания // Рус. яз. в школе. – М., 1964. – № 3. – С. 6–13.
52. Иванова В.Ф. Об исключениях из правил // О современной русской орфографии. – М., 1964. – С. 122–125.
53. Иванова В.Ф. Теоретические основы действующих правил о слитном и раздельном написании *НЕ* и возможные пути совершенствования и облегчения этих правил // Вопр. русской орфографии. – М., 1964. – С. 51–79.
54. Инбер В.М. Давайте подумаем хорошенько... // Лит. газ. – 1964. – 8 окт.
55. Ионина М.В. За разумное упрощение орфографии // Рус. яз. в школе. – М., 1964. – № 3. – С. 100–101.
56. Исаковский М.В. Во имя чего? // Лит. газ. – 1964. – 22 окт.
57. Ищенко Д.С. Упрощение правописания необходимо // Рус. яз. в школе. – М., 1964. – № 2. – С. 98–100.
58. Калинин А.В. Обессилить или обессилевать? // Вопр. культуры речи. – М., 1964. – Вып. 5. – С. 184–188.
59. Калинин А.В. Позвольте омрачить праздник // Неделя. – 1964. – № 39.
60. Калугин В. Мон «за» и «против» // Сов. Россия. – 1964. – 9 окт.
61. Качкин М. Усовершенствование русской орфографии – назревший вопрос // Рус. яз. в школе. – М., 1964. – № 6. – С. 35–37.
62. Кирпотин В.Я. Нужна ли полная унификация? // Изв. – 1964. – № 241.
63. Кирсанов С.И. Вопреки букве и духу... // Лит. газ. – 1964. – 1 окт.
64. Ковалев В.П. Несколько замечаний о «Предложениях по усовершенствованию русской орфографии» // Рус. яз. в школе. – М., 1964. – № 6. – С. 23–25.
65. Коган Б.И. И так, и эдак? // Лит. газ. – 1964. – 26 сент.
66. Кожин А.Н. За морфолого-фонематическое правописание // Рус. яз. в школе. – М., 1964. – № 1. – С. 100–101.
67. Колб Г.Я. Об упрощении русского правописания // Рус. яз. в школе. – М., 1964. – № 1. – С. 98–100.
68. Коляда Г.И. К вопросу о написании двойных согласных в иностранных словах // Рус. яз. в школе. – М., 1964. – № 3. – С. 103–104.
69. Комиссаров А.А. Необходимое пожелание // Рус. яз. в школе. – М., 1964. – № 3. – С. 104–105.
70. Кондырев Л.Н. Едва ли это благотворно // Лит. газ. – 1964. – 1 окт.
71. Копорский С.А. К дискуссии об усовершенствовании русской орфографии // Рус. яз. в школе. – М., 1964. – № 6. – С. 7–10.

72. Копыленко М.М., Шубов Я.И. О правописании сложных слов в связи с общей проблемой разграничения графических единиц // О современной русской орфографии. – М., 1964. – С. 139–145.
73. Котов С. Нужна коренная реформа // Рус. яз. в школе. – М., 1964. – № 3. – С. 104–105.
74. Крючков С.Е. Об улучшении русского правописания // Рус. яз. в школе. – М., 1964. – № 6. – С. 10–14.
75. Кузьмина С.М. О личных окончаниях глаголов // О современной русской орфографии. – М., 1964. – С. 129–132.
76. Лавров Н. Из слова букву не выбросишь // Сов. Россия. – 1964. – 17 окт.
77. Ладьяженская Т.А. Для учителя и ученика // Изв. – 1964. – № 234.
78. Леонов Л.М. Прошу слова // Лит. газ. – 1964. – 3 окт.
79. Лизогоубова И.А. Яснее и разумнее // Изв. – 1964. – № 231.
80. Лейфман Н.Я. За дальнейшее усовершенствование русской орфографии // Рус. яз. в школе. – М., 1964. – № 3. – С. 109–110.
81. Луккин М.Ф. В защиту некоторых старых написаний // Рус. яз. в школе. – М., 1964. – № 6. – С. 25–26.
82. Майоров Д.К. О предложениях по усовершенствованию русской орфографии // Рус. яз. в школе. – М., 1964. – № 6. – С. 37.
83. Максимова Л.К. Общее собрание отделения литературы и языка // Изв. АН СССР СЛЯ. – 1964. – Т. 23. – Вып. 6. – С. 555–557.
84. Максимова Л.К. Употребление букв Э, Е после гласных в заимствованных словах // О современной русской орфографии. – М., 1964. – С. 33–39.
85. Максимова Л.К. Усваивать правила будет легче // Лит. газ. – 1964. – 8 окт.
86. Маркарян С. Здравый смысл победил // Рус. яз. в школе. – М., 1964. – № 6. – С. 37–38.
87. Морозов А.А. Заметка о языке. Упорядочение или реформа? // Нева. – Л., 1964. – № 6. – С. 177–181.
88. Мы предлагаем. (Коллективное письмо группы учителей русского языка) // Рус. яз. в школе. – М., 1964. – № 2. – С. 94–97.
89. Невинская Л. Упорядочение или «революция»? // Учит. газ. – 1964. – 6 окт.
90. Николаева Т.М. [Рец.] М.В. Панов. И все-таки она хорошая. Рассказ о русской орфографии, ее достоинствах и недостатках. – М., 1964 // Рус. яз. в школе. – М., 1964. – № 3. – С. 88–92.
91. Обзор статей и писем по вопросам правописания // Рус. яз. в школе. – М., 1964. – № 4. – С. 106–111.
92. Обсуждение предложений по усовершенствованию орфографии // Сов. педагогика. – 1964. – № 11. – С. 147–151.
93. Одинокая Ц.Г., Дискаева Н.А., Бухарина Д.А., Шехонина А.Д. Усовершенствование нужно, но... // Учит. газ. – 1964. – 10 окт.
94. Панов М.В. И все-таки она хорошая! Рассказ о русской орфографии, ее достоинствах и недостатках. – М., 1964. – 168 с.
95. Панов М.В. О дефисных написаниях. (Замечания к предложениям проф. А.А. Реформатского) // О современной русской орфографии. – М., 1964. – С. 150–154.
96. Панов М.В. О правописании глагольных окончаний // О современной русской орфографии. – М., 1964. – С. 125–128.
97. Панов М.В. О силе привычки // Изв. – 1964. – № 244, 246.
98. Панов М.В. О слитных и раздельных написаниях // Вопр. русской орфографии. – М., 1964. – С. 100–119.
99. Песков В. Об упорядочении орфографии // Рус. яз. в школе. – М., 1964. – № 3. – С. 100.
100. Пленкин Н. Продуманно и обстоятельно // Учит. газ. – 1964. – 1 окт.
101. Поспелов Г.Н. Ложные принципы // Рус. яз. в школе. – М., 1964. – № 6. – С. 14–17.

102. Предложения по усовершенствованию русской орфографии. – М., 1964. – 64 с. (Отделение литературы и языка АН СССР. Институт русского языка. Комиссия по усовершенствованию русской орфографии). Перепечатаны с незначительными редакц. уточнениями: Изв. – 1964. – № 228, 229; Учит. газ. – 1964. – 24 сент.; Рус. яз. в нац. школе. – М., 1964. – № 6. – С. 4–52.
103. Предложения по усовершенствованию русской орфографии // Нач. школа. – М., 1964. – № 11. – С. 86–90.
104. Продуманно решать вопросы правописания. (К итогам дискуссии) // Рус. яз. в школе. – М., 1964. – № 5. – С. 106–110.
105. Протченко И.Ф. Обсуждение «Предложений по усовершенствованию русской орфографии». [1] // Вопр. языкознания. – М., 1964. – № 6. – С. 17–21.
106. Протченко И.Ф., Суперанская А.В. Прописные буквы. (Проект правил) // Проблемы современного русского правописания. – М., 1964. – С. 131–140.
107. Рабина С. Верить чувству грамотности // Учит. газ. – 1964. – 10 окт.
108. Реформатский А.А. Буква Ё // О современной русской орфографии. – М., 1964. – С. 28–32.
109. Реформатский А.А. Дефис и его употребление // О современной русской орфографии. – М., 1964. – С. 146–150.
110. Розенталь Д.Э. Взвесим «за» и «против» // Рус. яз. в школе. – М., 1964. – № 6. – С. 17–19.
111. Розенталь Д.Э. К вопросу о правописании сложных слов // Вопросы русской орфографии. – М., 1964. – С. 23–36.
112. Розенталь Д.Э. О реформе русского правописания // Рус. яз. в нац. школе. – М., 1964. – № 2. – С. 3–13.
113. Сазонова И.К. Обсуждение «Предложений по усовершенствованию русской орфографии» в издательстве «Советская энциклопедия» // Рус. яз. в школе. – М., 1964. – № 6. – С. 49–51.
114. Санжаров Л.Н. Снова исключения? // Учит. газ. – 1964. – 6 окт.
115. Санкина Г.Н. О русском правописании // Рус. яз. в школе. – М., 1964. – № 3. – С. 107–108.
116. Сельвинский И.Л. В глобус землю втиснуть хотят // Лит. Россия. – 1964. – № 44.
117. Серебрякова Г.И. Осторожно! // Лит. газ. – 1964. – 8 окт.
118. Семенихин В.П. Анашэм письмо // Рус. яз. в школе. – М., 1964. – № 3. – С. 109.
119. Семушкин Т.З. Не проще, а хуже // Изв. – 1964. – № 248.
120. Скокова Л.И. Несколько слов против ломки орфографии // Рус. яз. в школе. – 1964. – № 2. – С. 91–93.
121. Скорякова М. С отдельными предложениями нельзя согласиться // Рус. яз. в школе. – М., 1964. – № 6. – С. 26.
122. Смирин В. «Логика» упрощения и живая логика языка // Лит. газ. – 1964. – 8 окт.
123. Смирнова А. Хороший проект // Рус. яз. в школе. – М., 1964. – № 6. – С. 38.
124. Соколова М.А. К предстоящей реформе орфографии // Рус. яз. в школе. – М., 1964. – № 1. – С. 95–96.
125. Солоницын Ю., Балыбердин А. Наши замечания // Учит. газ. – 1964. – 1 окт.
126. Спасокукоцкий А. Берегите русский язык // Лит. газ. – 1964. – 1 окт.
127. Суперанская А.В. Написание заимствованных слов в современном русском языке // Проблемы современного русского правописания. – М., 1964. – С. 69–100.
128. Суперанская А.В. Ромштекс // Вопр. культуры речи. – М., 1964. – Вып. 5. – С. 189–191.
129. Теленкова М.А. Несколько замечаний по вопросам русской орфографии // Рус. яз. в школе. – М., 1964. – № 6. – С. 26–28.
130. Торпусман Б.Н. Проект слишком радикален // Рус. яз. в школе. – М., 1964. – № 6. – С. 39.
131. Тудоран Л., Пеку В. Зачем это? // Учит. газ. – 1964. – 10 окт.

132. Тхоржевский С. Стою твердо за «мягкий знак» // Лит. Россия. – 1964. – № 41.
133. Тырин И. Лучше построить несколько химических заводов! // Лит. Россия. – 1964. – № 41.
134. Тюрина Л. По поводу «Предложений по усовершенствованию русской орфографии» // Рус. яз. в школе. – М., 1964. – № 6. – С. 31–32.
135. Удалов В. Бели уж мести, так чисто // Лит. газ. – 1964. – 26 сент.
136. Успенский Л.В. Наконец-то // Неделя. – 1964. – № 39.
137. Успенский Л.В. Странное и непривычное станет привычным и обычным // Лит. газ. – 1964. – 10 окт.
138. Успенский М. К пониманию основного принципа русской орфографии // Тези доповідей VI звітної наукової конференції інституту. Секція історичних, філологічних наук і музикознавства. 29–30 вересня 1964 р. – Дрогобич, 1964. – С. 34–39.
139. Устинов И.В. и др. (всего восемь авторов). За разумное усовершенствование орфографии – против грубых искажений морфологической системы и звукового строя русского языка // Рус. яз. в школе. – М., 1964. – № 6. – С. 19–23.
140. Ушаков Д.Н. Орфографический словарь. Для начальной и средней школы. – 20-е изд., – М., 1964.
141. Фоменко Ю.О. Правила употребления парных гласных букв в русском письме // Рус. яз. в школе. – М., 1964. – № 6. – С. 29–30.
142. Фомичева Г.А. В президиуме Академии педагогических наук РСФСР // Рус. яз. в школе. – М., 1964. – № 6. – С. 47–49.
143. Фрумкина Р.М., Ходорович Т.С. Некоторые количественные оценки предполагаемой реформы орфографии // Рус. яз. в нач. школе. – М., 1964. – № 2. – С. 15–20.
144. Хаймашева Ж. Проще – значат лучше // Сов. Россия. – 1964. – 9 окт.
145. Ходорович Т.С. Сравнение количественных оценок двух предложений по упорядочению передачи <о> после шипящих на письме // О современной русской орфографии. – М., 1964. – С. 113–117.
146. Хомизури П.И. Смысловое значение знака дефис в геологической терминологии // О современной русской орфографии. – М., 1964. – С. 154–156.
147. Черкасова Е.Т. О правописании производных предлогов // О современной русской орфографии. – М., 1964. – С. 98–109.
148. Чешко Л.Л. Будет ли лучше? // Учит. газ. – 1964. – 22 окт.
149. Чикнаверов Г. Дорогие новшества // Изв. – 1964. – № 234.
150. Шагинян М.С. Не включаясь в спор // Лит. газ. – 1964. – 22 окт.
151. Шанский Н.М. Правописание наречий // Вопр. русской орфографии. – М., 1964. – С. 43–50.
152. Шевчик Н. Несколько слов о проекте новых правил орфографии // Рус. яз. в школе. – М., 1964. – № 6. – С. 39–40.
153. Шкловский В.Б. Реформа правильна // Лит. газ. – 1964. – 3 окт.
154. Шубов Я.И. Употребление букв Э, Е после согласных в заимствованных словах // О современной русской орфографии. – М., 1964. – С. 40–44.
155. Шуртаков С.И. Упрощенис... Не опрощение ли? // Лит. Россия. – 1964. – № 41.
156. Щагина А. Будет легче // Неделя. – 1964. – № 39.
157. Якобсон А.А. Глазами учителя // Рус. яз. в школе. – 1964. – № 6. – С. 40–42.
158. Янакиев М. Теория орфографии и речь // Вопр. языкознания. – М., 1964. – № 1. – С. 61–75.
159. Янковский Т.М. Нужны ли новые правила? // Рус. яз. в школе. – М., 1964. – № 6. – С. 42–45.

1965

1. Антипов И.Д. К вопросу об изучении правописания безударных личных окончаний глагола // Рус. яз. в школе. – 1965. – № 5. – С. 54–55.

2. Бейкман Э., Инфантьев Б. Еще раз взвесить и обдумать // Рус. яз. в нач. школе. – М., 1965. – № 1. – С. 72–73.
3. Берг С.Л. О чуждых русскому языку звукосочетаниях и буквосочетаниях в географических названиях при их передаче по-русски // Орфография собственных имен. – М., 1965. – С. 104–116.
4. Бондарук Г.П., Тюрин С.А. Правописание географических названий // Орфография собственных имен. – М., 1965. – С. 11–20.
5. Будагов Р.А. К спорам вокруг русской орфографии // Рус. яз. в школе. – М., 1965. – № 6. – С. 3–51.
6. Григорьев В.П. Обсуждение «Предложений по усовершенствованию русской орфографии» // Вопр. языкознания. – М., 1965. – № 1. – С. 69–75.
7. Жирмунский В.М. К вопросу о русской орфографии // Изв. АН СССР СЛЯ. – 1965. – Т. 24. – Вып. 1. – С. 29–33.
8. Истрия В.А. Возникновение и развитие письма. – М., 1965. – 599 с.
9. Калакуцкая Л.П. Орфографическая передача долгих согласных в заимствованных именах собственных // Орфография собственных имен. – М., 1965. – С. 90–103.
10. Канкава М., Харазишвили Т., Белиошвили О. Наши соображения // Рус. яз. в нач. школе. – М., 1965. – № 1. – С. 73–74.
11. Макенмова Л.К. Некоторые трудные случаи употребления Э, Е, Ё, О в иноязычных собственных именах // Орфография собственных имен. – М., 1965. – С. 81–89.
12. Николаева Т.М. Что же такое графема? // Филол. науки. – М., 1965. – № 3. – С. 130–134.
13. Обзор предложений по усовершенствованию русской орфографии (XVII–XX вв.). – М., 1965. – 500 с.
14. Обсуждение «Предложений по усовершенствованию русской орфографии» [статьи: Протченко И.Ф., Жовтобрюк М.А. и Русановский В.М.] // Вопр. языкознания. – М., 1965. – № 6. – С. 17–25.
15. Реформатский А.А. Орфография собственных имен // Орфография собственных имен. – М., 1965. – С. 5–10.
16. Сталтмане В.Э. Раздельное, слитное и дефисное написание собственных названий // Орфография собственных имен. – М., 1965. – С. 44–80.
17. Суперанская Л.В. Прописная и строчная буква в собственных именах разных категорий // Орфография собственных имен. – М., 1965. – С. 25–43.
18. Чистяков В.О. «Предложения по усовершенствованию русской орфографии» // Рус. яз. в нач. школе. – М., 1965. – № 1. – С. 75–77.
19. Шаболин М.Н. Орфография регионального словаря // Учен. зап. (Кабардино-Балкар. ун-т). – Вып. 25. – 1965. – С. 20–32.
20. Шапиро А.Б. К вопросу о написании сложных прилагательных // Проблемы современной филологии: Сб. статей к семидесятилетию акад. В.В. Виноградова. – М., 1965. – С. 281.

1966

1. Абдулаев Х.А. Ошибки в письменной работе студентов на пути их устранения // Науч. записки (Ташкентский ин-т нар. хозяйства). – Вып. 27. – Ташкент, 1966. – С. 42–51.
2. Букчина Б.З. Член-корр. или член-кор.? // Вопр. культуры речи. – М., 1966. – Вып. 7. – С. 135–139.
3. Еськова Н.А. О написании *НН-Н* в полных формах страдательных причастий и соотносительных прилагательных // Вопр. культуры речи. – М., 1966. – № 7. – С. 122–135.
4. Иванова В.Ф. Современный русский язык. Графика и орфография. – М., 1966. – 255 с.
5. Орфография и русский язык / Отв. ред. И.С. Ильинская – М., 1966. – 135 с.
6. Панов М.В. Графика и орфография // Языки народов СССР. Индоевропейские языки. – М., 1966. – С. 65–67.

7. Руделев В.Г. К построению орфографической модели русского языка // *Вопр. совр. рус. лит. языка*. – Вып. 1. – 1966. – С. 228–247.
8. Смирнова А.Г. Работа над ошибками – один из методов повышения грамотности // *Тр. (Алма-атинский мед. ин-т)*. – Т. 23. – 1966. – С. 545–547.
9. Фрадков Я.М. За грамотность и культуру речи: Таблицы по орфографии и пунктуации с приложением образцов деловых бумаг и шрифтов / Под. ред. В.А. Малаховского. – Куйбышев, 1966. – 168 с.
10. Шеворошкин В. Повесть о букве (к истории возникновения буквенного письма) // *Знание – сила*. – 1966. – № 6. – С. 38–40.
11. Шеворошкин В.В. К транслитерации немецких дифтонгов // *Вопросы культуры речи*. – Вып. 7. – М., 1966. – С. 140–141.

1967

1. Букчина Б.З. Космонавт три или Космонавт-три // *Рус. речь*. – М., 1967. – № 2. – С. 70–73.
2. Горнунг Б.В. Об основном принципе русской орфографии // *Вопр. языкознания*. – М., 1967. – № 2. – С. 73–81.
3. Данелиа С. К вопросу о русской транскрипции одной группы грузинских имен // *Рус. язык в груз. школе*. – Тбилиси, 1967. – № 1. – С. 7–11. О правописании мингрельских фамилий на «а».
4. Еськова Н.А. О недостаточности действующего правила употребления так называемой буквы *Ѣ* // *Вопр. культуры речи*. – М., 1967. – № 8. – С. 73–84.
5. Еськова Н.А. Звуки и буквы // *Рус. речь*. – М., 1967. – № 4. – С. 52–55.
6. Еськова Н.А. Из истории русской орфографии // *Рус. речь*. – М., 1967. – № 5. – С. 92–101.
7. Иванова В.Ф. Развитие теории русской орфографии в трудах советских лингвистов // *Развитие русского языка после Великой Октябрьской социалист. революции*. – Л., 1967. – С. 146–175.
8. Калакуцкая Л.П., Сталтмане В.Э. Польские и чешские фамилии по-русски // *Рус. речь*. – М., 1967. – № 1. – С. 71–73.
9. Колесников Н.А. О смысловозначительной роли буквы *Ѣ* // *Рус. яз. в школе*. – М., 1967. – № 4. – С. 96–98.
10. Макарова Р.В. На подступах к орфографической реформе 1917–1918 гг. // *Вопр. культуры речи*. – Вып. 8. – М., 1967. – С. 96–98.
11. Панов М.В. Русская фонетика. – М., 1967. – 438 с. Разд. Письмо на основе парадигмофона. – С. 276–282.
12. Панфилов А.К. Жаренный или жареный? // *Рус. речь*. – М., 1967. – № 1. С. 95–97.
13. Прогченко И.Ф. О работе Орфографической комиссии // *Рус. речь*. – М., 1967. – № 3. – С. 101–102.
14. Прогченко И.Ф. Новый орфографический словарь // *Рус. речь*. – М., 1967. – № 5. – С. 81–82.
15. Розенталь Д.Э. Справочник по правописанию и литературной правке (для работников печати). – М., 1967. – 488 с.
16. Схворцов Л.И. Батут или батуд // *Рус. речь*. – М., 1967. – № 2. – С. 74–76.

1968

1. Булохов В.Я. Звуки и буквы в школьном учебнике // *Рус. речь*. – М., 1968. – № 2. – С. 65–68.
2. Васильева В.Д. Параллельные образования прилагательных с суффиксами *-н-* и *-ск-* и производными от них в современном русском языке // *Уч. зап. Иван. пед. ин-та*. – 1968. – Т. 42. – С. 55–63.

3. Зинин С.И. Орфографические словари русского языка // *Рус. речь*. – М., 1968. – № 6. – С. 64–69.
4. Иванова В.Ф. Мнимое и истинное при противопоставлении // *Материалы XII межвуз. зональн. конф. Среднего и Нижнего Поволжья*. – Мелекес, 1968. – С. 22–26.
5. Иванова В.Ф. Основы русской орфографии // *Рус. речь*. – М., 1968. – № 4. – С. 64–72.
6. Макарова С.И. Нужно ли менять русскую азбуку // *Рус. речь*. – М., 1968. – № 6. – С. 60–63.
7. Папп Ф. Учение о русском письме // К. Болла, Э. Папп, Ф. Папп. Курс современного русского языка. – Будапешт, 1968. – 668 с.

1969

1. Букчина Б.З., Калакуцкая Л.П., Чельцова Л.К. Письма об орфографии. – М., 1969. – 136 с.
2. Булатова Л.Н. Еще раз об основном принципе русской орфографии (по поводу статьи Б.В. Горнунга «Об основном принципе русского правописания» в журн. «Вопр. языкознания»). – 1967. – № 2) // *Вопр. языкознания*. – М., 1969. – № 6. – С. 64–70.
3. Зиндер Л.Р. К итогам дискуссии об усовершенствовании орфографии // *Вопр. языкознания*. – М., 1969. – № 6. – С. 63–70.
4. Иванова Т.А. О назначении славянских букв и о порядке их в алфавите // *Вопр. языкознания*. – М., 1969. – № 6. – С. 48–55.
5. Иванова Т.А. Еще раз о «русских письменах» (К 1100-летию со дня смерти Константина-Кирилла) // *Сов. славяноведение*. – 1969. – № 4. – С. 72–75.
6. Кондратов А.М. Грамматология и порождающиеся модели письма // *Уч. зап. Тартуского ун-та*. – 1969. – Вып. 228. – Проблемы моделирования языка. 3, 2. – С. 74–84.
7. Макарова Р.В. Понятие графики и графемы // *Система и уровни языка*. – М., 1969. – С. 78–89.
8. Макарова Р.В. Основные вопросы графики современного русского языка (алфавит и пунктуация): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1969. – 24 с.
9. Мойсеев А.И. Буквы и звуки. – Л., 1969. – 112 с.
10. Туманян В.А. Графика и орфография современного русского и азербайджанского языков: Пособие для студентов и учителей русского языка в азербайджанской школе. – Баку, 1969. – 101 с.
11. Цыганенко Г.Р. Соетав слова и орфография русского языка // *Рус. яз. в школе*. – М., 1969. – № 5. – С. 30–37.

1970

1. Дымский А.С. В тупик. [Семантика и орфография сочетания] // *Рус. речь*. – М., 1970. – Вып. 2. – С. 143–148.
2. Иванов С.А. Как исправить ошибки... орфографии // *Рус. речь*. – М., 1970. – № 6. – С. 73–76. Обзор откликов читателей на ст. А.В. Текучева «Ошибки бывают разные».
3. Иванова В.Ф. Какие ошибки следует считать орфографическими // По новым программам. – Петрозаводск, 1970. – С. 315–318.
4. Иванова В.Ф. Звуки и буквы в новом учебнике // *Рус. яз. в школе*. – М., 1970. – № 5. – С. 56–62.
5. Мойсеев А.И. Алфавит, графика, орфография // *Рус. яз. в школе*. – М., 1970. – № 4. – С. 77–82.
6. Наровчатов С. У истоков славянской письменности [Отрывки из книги о возникновении и развитии литературы] // *Наука и жизнь*. – 1970. – № 2. – С. 48–51. Продолж. Начало: № 7. – 1969. загл. «Танец Атына».

7. Сазонова А.И. О культуре письменной речи // Сб. ст. аспирантов и соискателей (М-во высш. и сред. спец. образования КазССР). – Педагогика и психология. – 1970. – Вып. 7. – Ст. 91–101.
8. Текучев А.В. Ошибки бывают разные // Рус. речь. – М., 1970. – № 2. – С. 87–90.

1971

1. Барандеев А.В. Трайлер или трэйлер // Рус. речь. – М., 1971. – № 5. – С. 64–66.
2. Иванова В.Ф. Теоретические основы русской орфографии: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1971. – 47 с.
3. Кайдалова А.И., Калинин И.К. Современная русская орфография. – М., 1971. – 287 с.
4. Шицгал А.Г. Письмо и шрифт (взаимосвязь и особенности) // Уч. зап. Моск. пед. ин-та иностр. яз. – 1971. – Т. 60. – С. 230–235.
5. Янко-Триницкая Н.А. Имена букв // Рус. яз. в школе. – М., 1971. – № 4. – С. 79–81.

1972

1. Анохина В.В. Об основах русского правописания // Вопросы грамматического строя современного русского языка. – М., 1972. – С. 18–29.
2. Букчина Б.З. Анализ орфографических ошибок (на материале проектов терминологических словарей ГОСТов // Терминология и норма. – М., 1972. – С. 43–65.
3. Букчина Б.З., Калакуцкая Л.П., Чельцова Л.К. Слитно или раздельно? Опыт словаря-справочника / Под ред. Д.Э. Розенталя. – М., 1972. – 479 с.
4. Осипов Б.И. Омонимы в устной и письменной речи (К вопросу о дифференцированных возможностях современной русской орфографии) // Фонетические и морфологические исследования по русскому языку и сибирской диалектологии. – Барнаул, 1972. – С. 86–90.

1973

1. Журавлев В.К. Письмо и его происхождение // Рус. речь. – М., 1973. – № 3. – С. 106–122.
2. Иванова В.Ф. Фонетика и графика в школьном учебнике // Из опыта работы по русскому языку в восьмилетней школе. – М., 1973. – С. 28–38.
3. Кашеварова А.Е. Об аксиологическом конструировании русской орфографии // Вопросы металингвистики. – М., 1973. – С. 118–136.
4. Маслов Ю.С. Заметки по теории графики // Philologica. – М., 1973. – С. 220–226. На материале русского и немецкого языков.
5. О русском написании испанских и португальских географических названий и других имен собственных [Дискуссия в ред. журн. «Латинская Америка»] // Латинская Америка. – 1973. – № 2. С. – 172–181.
6. Орфография и пунктуация. – 4-е изд., испр. – Ростов н/Д, 1973. – 199 с.
7. Теория письма // Фонетика. Теория письма: Обзор работ по современному русскому литературному языку за 1966–1969 гг. – М., 1973. – С. 107–122.
8. Успенский Л.В. По закону буквы. – Л., 1973. – 240 с.; 2-е изд. – 1979.
9. Фонетика. Теория письма: Обзор работ по современному русскому литературному языку за 1966–1969 гг. – М., 1973. – 122 с.
10. Шейн В.Н. Трудные случаи правописания сложных прилагательных в современном русском языке: Уч. пособие для слушателей отд. повышения квалификации. – М., 1973. – 21 с.

1974

1. Асфандияров И.У. Частные вопросы обучения русской орфоэпии и орфографии (на материале гласных звуков и букв) // Уч. зап. Ташк. пед. ин-та. – 1974. – Т. 114. – С. 193–204.

2. Бесолов Л.М. Роль фонетики в формировании навыков орфографии // Обучение орфографии в восьмилетней школе. – М., 1974. – С. 44–54.
3. Блюменберг Р.А. Работа над осознанием орфографического правила // Обучение орфографии в восьмилетней школе. – М., 1974. – С. 71–77.
4. Бондарчук Г.П., Комков А.М. Об упорядочении правописания географических названий // Нерешенные вопросы русского правописания. – М., 1974. – С. 47–56.
5. Букчина Б.З. Проблемы русской орфографии. (Орфографические словари, «Правила русской орфографии и пунктуации» 1956 г. и орфографическая практика): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1974. – 25 с.
6. Букчина Б.З. «Правила русской орфографии и пунктуации» (1956) и орфографическая практика // Изв. АН СССР СЛЯ. – 1974. – Т. 33. – № 1. – С. 44–52.
7. Букчина Б.З. О типах орфографических словарей (обзор) // Нерешенные вопросы русского правописания. – М., 1974. – С. 215–258.
8. Букчина Б.З., Калакуцкая Л.П. Сложные слова. – М., 1974. – 151 с.
9. Букчина Б.З., Калакуцкая Л.П. Лингвистические основания орфографического оформления сложных слов // Нерешенные вопросы русского правописания. – М., 1974. – С. 5–14.
10. Волков А.А. Типология алфавита, графики и орфографии: Автореф. ... канд. филол. наук. – М., 1974. – 32 с.
11. Ветвицкий В.Г., Иванова В.Ф., Моисеев А.И. Современное русское письмо: Пособие для учителя. – М., 1974. – 144 с.
12. Ветвицкий В.Г., Иванова В.Ф., Моисеев А.И. Современное русское письмо: Пособие для учащихся. – М., 1974. – 123 с.
13. Голанова Е.И. Слитное и дефисное написание препозитивных морфем в современном русском языке (на материале имен существительных) // Нерешенные вопросы русского правописания. – М., 1974. – С. 40–46.
14. Григорьев В.П. Графика и орфография у Вознесенского // Нерешенные вопросы русского правописания. – М., 1974. – С. 162–171.
15. Еськова Н.А. О некоторых «каверзах» дефиса // Нерешенные вопросы русского правописания. – М., 1974. – С. 14–28.
16. Ефимова Н.Ф. Работа над усовершенствованием правописания безударных гласных // Обучение орфографии в восьмилетней школе. – М., 1974. – С. 78–107.
17. Желек П.С., Реткин В.В. Из опыта изучения закономерностей русской орфографии // Обучение орфографии в восьмилетней школе. – М., 1974. – С. 16–44.
18. Жукова Т.М. Этимологический анализ на уроках русского языка при обучении орфографии // Обучение орфографии в восьмилетней школе. – М., 1974. – С. 121–128.
19. Заморзаева Е.М. Поэтапная отработка орфографических навыков на основе алгоритмов // Обучение орфографии в восьмилетней школе. – М., 1974. – С. 55–70.
20. Иванова В.Ф. Современные названия русских букв // Фонетико-орфографический сборник. – Барнаул, 1974. – С. 91–103.
21. Ицкович В.А. Опыт описания современной пунктуации // Нерешенные вопросы русского правописания. – М., 1974. – С. 172–190.
22. Калакуцкая Л.П. О подаче причастий в орфографических словарях русского языка // Нерешенные вопросы русского правописания. – М., 1974. – С. 258–275.
23. Калакуцкая Л.П. Орфография фамилий // Нерешенные вопросы русского правописания. – М., 1974. – С. 68–93.
24. Канкава М.В., Певная Р.А. Словарь-справочник правописания слов с безударными гласными в корне. – Тбилиси, 1974. – 60 с.
25. Кобычев А.И., Заморзаева Е.М. Диктант «Проверяю себя» как средство развития орфографической зоркости учащихся // Обучение орфографии в восьмилетней школе. – М., 1974. – С. 137–143.

26. Колесов В.В. Стекланный, оловянный, деревянный [Орфографич. анализ слов] // Рус. речь. – М., 1974. – № 3. – С. 90–94.
27. Комарова Н.А. К вопросу о правописании сложных прилагательных (сложные прилагательные с опорным компонентом – причастием) // Нерешенные вопросы русского правописания. – М., 1974. – С. 35–40.
28. Кузьмин А.И. Письмо А.А. Шахматова А.Н. Веселовскому. (Из истории орфографии) // Нерешенные вопросы русского правописания. – М., 1974. – С. 300–302.
29. Кузнецова И.В. К истории генетически безъерových предлогов-приставок на -3 в русском языке (формирование предложно-приставочного параллелизма): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Казань, 1974. – 22 с.
30. Кулакова И.Ф. Словарно-орфографическая работа при обучении орфографии // Обучение орфографии в восьмилетней школе. – М., 1974. – С. 128–133.
31. Никитина Е.И. Изучение слов с непроверяемыми написаниями в IV классе // Обучение орфографии в восьмилетней школе. – М., 1974. – С. 107–121.
32. Ниорадзе В.Г. Структура письменного шрифта как основа формирования графического навыка у школьников // Вопросы психологии. – М., 1974. – № 4. – С. 59–70.
33. Нохрица Р.Е. Эффективность использования орфографического словаря в процессе самостоятельных письменных работ учащихся // Обучение орфографии в восьмилетней школе. – М., 1974. – С. 134–136.
34. Миськевич Г.И., Чельцова Л.К. К вопросу об орфографии новых слов (на материале существительных с *мини-, макси-, миди-*) // Нерешенные вопросы русского правописания. – М., 1974. – С. 28–35.
35. Некрасова Е.А. Об орфографии диалектных слов в поэтических текстах // Нерешенные вопросы русского правописания. – М., 1974. – С. 121–133.
36. Олришко А.Я. Современный русский литературный язык. Орфография. – Харьков, 1974. – 153 с.
37. Осипов Б.И. История русской графики // Фонетико-орфографический сборник. – Барнаул, 1974. – С. 17–90.
38. Панов М.В. О культурно-историческом подходе к орфографии // Исследования по славянской филологии. – М., 1974. – С. 247–255.
39. Пеньковский А.Б. О некоторых некодифицированных явлениях современной русской орфографии (о написании типа *ид-у, оч-чень*) // Нерешенные вопросы русского правописания. – М., 1974. – С. 94–121.
40. Разумовская М.М. Важнейшие проблемы обучения орфографии на современном этапе // Обучение орфографии в восьмилетней школе. – М., 1974. – С. 3–15.
41. Сергеев П.А. Вопросы орфографии в трудах Чернышевского // Фонетико-орфографический сборник. – Барнаул, 1974. – С. 104–106.
42. Скворцов Л.И. Орфография просторечных и жаргонных слов // Нерешенные вопросы русского правописания. – М., 1974. – С. 133–153.
43. Скобликова Е.С. Русская графика: Цикл лекций по курсу «Современный русский литературный язык». – Куйбышев, 1974. – 54 с.
44. Старостин В.А. Некоторые тенденции и перспективы в передаче и орфографии заимствуемых собственных имен // Нерешенные вопросы русского правописания. – М., 1974. – С. 56–68.
45. Чельцова Л.К. О подходе существительных на *-е l-ие* в «Орфографическом словаре» // Нерешенные вопросы русского правописания. – М., 1974. – С. 275–287.
46. Чельцова Л.К. Способы подачи в «Орфографическом словаре» названий парных предметов (единственное число или множественное) // Нерешенные вопросы русского правописания. – М., 1974. – С. 287–299.

47. Шварцкопф Б.С. О факультативных случаях употребления кавычек // Нерешенные вопросы русского правописания. – М., 1974. – С. 190–214.
48. Школьников Л.О. *Па-д'Эспань* или *надеспань? Рокк-энд-ролл* или *рок?* // Нерешенные вопросы русского правописания. – М., 1974. – С. 153–161.

1975

1. Барандеев А.В. Неупорядоченное написание // Рус. речь. – М., 1975. – № 1. С. 66–70.
2. Волков А.А. Русский ареал письменности в SMK // Предмет семиотики. Теоретические и прикладные проблемы взаимодействия средств массовых коммуникаций. – М., 1975. – С. 356–373.
Русское письмо. Болгарское письмо. Письменности на русской графической основе.
3. Иванова В.Ф. Трудные вопросы орфографии. – М., 1975. – 175 с.; 2-е изд. – 1982. – 173 с.
4. Кондратов А.М. Книга о букве. – М., 1975. – 222 с.
5. Костецкий А.Г. Содержательные функции поэтической графики: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Киев, 1975. – 24 с.
6. Макаров В.Г. Из истории русской письменности: Учеб. пособие для студентов-заочников филол. специальностей. – Чебоксары, 1975. – 41 с.

1976

1. Бартнев Б.В. О структуре учебного орфографического словаря для нерусских учащихся // Русский язык. Вопросы теории и методики. – Ереван, 1976. – С. 260–266.
2. Ванюшечкин В.Т. О постановке и построении факультативного курса по истории русской орфографии // Рус. яз. в школе. – М., 1976. – № 2. – С. 100–102.
3. Железнякова Л.И. Развитие русской речи студентов национальных групп при обучении орфографии в курсе современного русского языка (на примере изучения приставок *пре-, при-*) // Сб. науч. трудов Ташк. пед. ин-та. – Ташкент, 1976. – С. 63–67.
4. Иванова В.Ф. Современный русский язык. – 2-е изд. – М., 1976. – 288 с.
5. Клюева Н.Т. Некоторые тенденции графической передачи прозвищных имен // Вопросы русского и славянского языкознания. – Иваново, 1976. – С. 46–56.
6. Мошова А.А. Орфографические ошибки диалектного происхождения в именах прилагательных с суффиксами *-ан/-ян-* и образованных от них именах существительных // Основные аспекты в изучении литературы и языка. – Пермь, 1976. – С. 139–149.
7. Павлова Л.К. К соотношению норм устной и письменной речи // Науч. труды Тюмен. ун-та. – Тюмень, 1976. – Сб. 27. – С. 71–76.
8. Руднева Л.Н. О словах на *-авто* в современном русском языке // Вопросы русского языкознания. – М., 1976. – Вып. 1. – С. 166–176.
9. Саморуков И.И. Работа над правописанием чередующихся безударных гласных корня // Науч. труды Тюменского ун-та. – Тюмень, 1976. – Сб. 39. – С. 55–61.
10. Сияльская П.С. К вопросу о правописании наречий и наречных сочетаний, образованных из существительных с предлогом // Рус. яз. в школе. – М., 1976. – № 3. – С. 58–61.
11. Текучев А.В. Об орфографическом и пунктуационном минимуме для средней школы / Пособие для учителя. – М., 1976. – 80 с.

1977

1. Букчина Б.З. Дефис? Тире? // Рус. речь. – М., 1977. – № 4. – С. 64–70.
2. Галя М. Проблемы интерференции в области графики при изучении русского языка в чешских школах // Рус. яз. за рубежом. – М., 1977. – № 2. – С. 82–83.
3. Дымский А.С. Лингвистический анализ и правописание // Лингвистический сборник. – М., 1977. – Вып. 9. – С. 151–159.
4. Иванова В.Ф. Принципы русской орфографии. – Л., 1977. – 230 с.

5. Иванова В.Ф. Усовершенствование русской орфографии в советский период // Рус. яз. в школе. – М., 1977. – № 5. – С. 23–32.
6. Изменения транскрипции географических названий зарубежных стран, имеющихся в атласе мира второго издания (Сост.: Г.Г. Арутюнова, К.Т. Бойко, В.И. Савина (ред.) и др.). – М.: Наука, 1977. – 70 с. / Гл. упр. геодезии и картографирования при Совете Министров СССР.
7. Инструкция по русской передаче географических названий Абхазской АССР (Сост.: Г.И. Донидзе, Л.И. Розова). – М.: Наука, 1977. – 27 с. / Гл. упр. геодезии и картографирования при Совете Министров СССР.
8. Инструкция по русской передаче географических названий Италии (Сост.: И.П. Литвин, А.З. Скрипниченко (ред.)). – М.: Наука, 1977. – 56 с. / Гл. упр. геодезии и картографирования при Совете Министров СССР.
9. Инструкция по русской передаче географических названий Хакасской автономной области (Сост.: Г.И. Донидзе, Г.П. Бойдарук (ред.)). – М.: Наука, 1977. – 34 с. / Гл. упр. геодезии и картографирования при Совете Министров СССР.
10. Кретова В.Н. О букве *Ц* и звуке, ею обозначенном // Школьная и научная грамматика. – Воронеж, 1977. – С. 111–115.
11. Распопов И.П. Содержательные и операционные правила русского правописания // Школьная и научная грамматика. – Воронеж, 1977. – С. 104–111.

1978

1. Аванесов Р.И. Заметки по теории орфографии // Восточнославянское и общее языкознание. – М., 1978. – С. 222–229.
2. Барандеев А.В. О правописании названий типа Москва-товарная // Рус. речь. – М., 1978. – № 2. С. 142–144.
3. Блюм А.В. Орфография и царская цензура // Рус. речь. – М., 1978. – № 1. – С. 11–115.
4. Букчина Б.З. Правописание сокращений типа НИИОгаз // Рус. речь. – М., 1978. – № 4. – С. 154–155.
5. Иванова В.Ф. Декрету о реформе орфографии – 60 лет // Рус. речь. – М., 1978. – № 5. – С. 79–84.
6. Каткова Л.Г. Совершенствование методики работы по формированию орфографических навыков (на материале орфограммы «Разделительные Ъ и Ь»: Автореф. ... канд. пед. наук. – М., 1978. – 16 с.
7. Колесов В.В. Старая рукопись и орфографическая традиция // Studia rossica posnaniensia. – Posnan, 1978. – S. 77–90.
8. Скоробогач А.Н. О слитном и раздельном написании глаголов с приставкой «недо» и глаголов с приставкой «до» при наличии отрицания // Рус. яз. в школе. – М., 1978. – № 5. – С. 96–97.

1979

1. Длуги Д.А. Лишние буквы: (В порядке обсуждения). – Ред. и кн. – М., 1979. – Вып. 8. – С. 78–88.
2. Иванова В.Ф. Орфография // Русский язык: Энциклопедия. – М., 1979. – С. 182–184.
3. Иванова В.Ф. Перенос слова // Русский язык: Энциклопедия. – М., 1979. – С. 199–200.
4. Клюева Н.П. Структура и орфография прозвищ // Рус. яз. в школе. – М., 1979. – № 4. – С. 92–97.
5. Осипов Б.И. История русского письма: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. – Л., 1979. – 39 с.

6. Осипов Б.И. Особенности старинного русского письма // Рус. речь. – М., 1979. – № 2. – С. 104–107.
7. Рябикова О.С. Упражнения по антонимии при изучении некоторых правил орфографии / Моск. обл. пед. ин-т им. Н.К. Крупской. – М., 1979. – 8 с.; Дел. в ИНИОН АН СССР. № 4017. На материале рус. языка.
8. Скоробогач А.Н. Обучение слитному и раздельному написанию частицы НЕ и приставки НЕ- на основе противопоставления их функций / Моск. обл. пед. ин-т им. Н.К. Крупской. – М., 1979. – 11 с.; Дел. в ИИНИОН АН СССР. № 4081.

1980

1. Антохина В.А. О предупреждении ошибок в применении орфографических правил // Рус. яз. в школе. – М., 1980. – № 6. – С. 47–52.
2. Климкова Л.А. Трудные случаи орфографии: *хлестаковы* или *Хлестаковы*? // Рус. речь. – М., 1980. – № 6. – С. 119–121.
3. Клюева Н.П. Орфография собственных имен: На материале прозвищ: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1980. – 21 с.
4. Красиков Ю.В. Теория речевых ошибок (на материале ошибок наборщиков). – М., 1980. – 124 с.
5. Моисеев А.И. Орфография // Моисеев А.И. Русский язык. Фонетика. Морфология. Орфография. – М., 1980. – 255 с.; Орфография. – С. 219–252.
6. Осипов Б.И. Спецсеминар «История и современные проблемы русского правописания»: (Опыт организации и некоторые результаты исследовательской работы студентов) // Развитие синонимических отношений в истории русского языка. – Вып. 2. – Ижевск, 1980. – 38 с.
7. Селезнева Л.Б. Тип и принцип письма // Вопросы структуры и функционирования русского языка. – Томск, 1980. – Вып. 3. – С. 133–147.
8. Скоробогач А.Н. Дифференциация языковых значений как средство повышения орфографической грамотности: (На материале правописания «НЕ»): Автореф. дис. ... канд. пед. наук. – М., 1980. – 22 с.

1981

1. Алгазина Н.Н. Правописание наречий // Рус. яз. в школе. – М., 1981. – № 3. – С. 32–37.
2. Амирова Т.А. Общелингвистические основания графемики. Теоретические проблемы графемики и гипотезы функциональной взаимосвязи письменного и звукового языка. – Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1981. – 49 с.
3. Баранова Л.А. Слитное и раздельное написание «НЕ» с относительными прилагательными // Рус. яз. в школе. – М., 1981. – № 6. – С. 54–57.
4. Борисенко В.В. Орфографическая реформа Ф.Ф. Fortunatova и её последствия для современной русской орфографии и орфоэпии // Традиции моск. школы и современные проблемы языкознания: Fortunatovskie чтения. – М., 1981. – С. 4–16.
5. Букчина Б.З. Орфография и грамматика (на материале терминологической лексики) // Терминология и культура речи. – М., 1981. – С. 135–157.
6. Букчина Б.З. Орфографические варианты // Литературная норма и вариантность. – М., 1981. – С. 215–233.
7. Букчина Б.З., Катакуцкая Л.П. Орфография и грамматика: (На материале терминологической лексики) // Терминология и культура речи. – М., 1981. – С. 135–156.
8. Иванова В.Ф. Буквенная пара *e/o* и вопросы орфографии // Теория языка, методы его исследования и преподавания: К 100-летию со дня рождения Л.В. Щербы. – Л., 1981. – С. 122–125.

9. Ключанов И.Э. Несколько замечаний о графических средствах оформления текста // Язык и речь как объекты комплексного филологического исследования – Калинин, 1981. – С. 82–98.
10. Кузьмина С.М. Теория русской орфографии: Русская орфография в ее отношении к фонетике и фонологии. – М., 1981. – 265 с.
11. [Панов М.В.] Теория письма: Графика. Орфография // Современный русский язык: Учеб. для филол. спец. высших уч. заведений / В.А. Белошапкова, Е.А. Брызгунова, Е.А. Земская и др.; Под ред. В.А. Белошапковой. – М., 1981. – С. 115–132; 2-е изд. – 1989. – С. 143–164; 3-е изд. – 1997. – С. 163–189.
12. Немченко В.Н. Краткие формы имен прилагательных на «-енный» // Рус. яз. в школе. – М., 1981. – № 2. – С. 75–80.
13. Садохина Т.П. Структура и правописание русских фамилий // Рус. яз. в школе. – М., 1981. – № 2. – С. 75–80.
14. Селезнева Л.Б. Современное русское письмо: Системный анализ. – Томск, 1981. – 214 с.
15. Селезнева Л.Б. Графема и орфограмма в современном русском языке // Рус. яз. в школе. – М., 1981. – № 5. – С. 45–52.
16. Селезнева Л.Б. Орфограмма как единица орфографии // Вопросы структуры и функционирования русского языка. – Томск, 1981. – Вып. 4. – С. 174–190.
17. Чернышева Т.В. Русская региональная орфографическая номенклатура Алтая и её роль в создании имен собственных // Языки и топонимия Алтая. – Барнаул, 1981. – С. 45–55.
18. Чумаченко М.М., Санджи-Гаряева З.С. Правописание прилагательных, образованных от названий населенных пунктов. // Элиста, 1981. – 43 с. На территории Калмыцкой АССР.

1982

1. Баранова Л.А. Лексико-семантические и синтаксические основы слитного и раздельного написания НЕ (прилагательные и наречия): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1982. – 13 с.
2. Баранова Л.А. О некоторых факторах усиления отрицательного или утвердительного значения прилагательных и наречий с НЕ в контексте: (Орфографический аспект) // Задачи коммунистического строительства и перспективы развития советской филологии. – Л., 1982. – С. 119–123.
3. Букчина Б.З. Об орфографии и терминологии // Культура речи в технической документации. – М., 1982. – С. 145–166.
4. Войнова А.В. Суффиксы -НН- и -Н- в причастиях и отпричастных прилагательных // Рус. яз. в школе. – М., 1982. – № 2. – С. 33–35.
5. Волков А.А. Грамматология. Семиотика письменной речи. – М., 1982. – 175 с.
6. Воробьева С.А., Яковенко Н.П. О некоторых особенностях преподавания русской орфографии иностранным студентам // Вестн. Киев. у-та. Методика обучения студентам-иностранцам. – Киев, 1982. – Вып. 6. – С. 18–24.
7. Иванова В.Ф. Фонетико-орфографическая интерференция и учет ее при построении рациональных методик описания русского языка как иностранного // Методы описания языкового материала и развития умений и навыков при обучении русскому языку нефилологов: Междунар. симпозиум МАПРЯЛ. – Берлин, 1982. – Ч. 1. – С. 63–69.
8. Картоев М.У. Орфография заимствованных слов: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1982. – 20 с.
9. Картоев М.У. Орфографическая вариантность заимствованных слов и ее причины // Рус. яз. в школе. – М., 1982. – № 3. – С. 84–89.

10. Касаткин Л.Л. Графика и орфография // Современный русский литературный язык: Учеб. для филол. спец. пед. ин-тов / П.А. Лекант, Н.Г. Гольцова, В.Л. Жуков и др.; Под ред. П.А. Леканта. – М., 1982. – С. 131–146; 2-е изд., испр. – 1988.
11. Об истории написания слова «ПЕНСНЕ» // Рус. речь. – М., 1982. – № 5. – С. 76–79.
12. Луддин А.Г. О происхождении алфавита // Вестн. древн. истории. – 1982. – № 2. – С. 17–18.
13. Опыт совершенствования алфавитов и орфографий языков народов СССР / Отв. ред. К.М. Мусаев. – М., 1982. – 226 с.
14. Самсонов Н.Г. Упорядочить написание заимствованных слов // Полярная звезда. – Якутск, 1982. – № 3. – С. 118–121.
15. Федоренко Л.П. Пособие для самостоятельного изучения правильной русской орфографии – М., 1982. – 159 с.
16. Чижевская Ирэна. Пропиная буква в именах собственных в русском письме: различные виды наименований (сопоставительно с польским): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1982. – 15 с.

1983

1. Арапов М. Маленькая повесть об орфографии // Знание – сила. – 1983. – С. 32–34.
2. Баранова Л.А. О правописании предикативных наречий и кратких прилагательных с частицей НЕ // Рус. яз. в школе. – М., 1983. – № 1. – С. 75–78.
3. Барандеев А.В. Нерешенные вопросы орфографии топонимов // Рус. яз. в школе. – М., 1983. – № 6. – С. 80–86.
4. Виноградов С.И. К спорам о букве Ё // Рус. речь. – М., 1983. – № 2. – С. 57–62.
5. Волков А.А. Письмо и звучащая речь // Вопр. языкознания. – М., 1983. – № 1. – С. 83–108.
6. Володина Е.А. Словари орфографические и близкие к ним по типу словари омономов, антонимов, синонимов: Обзор // Литературная норма в лексике и фразеологии. – М., 1983. – С. 225–243.
7. Еланчинцева Н.М. [Рец.] Иванова В.Ф. Трудные вопросы орфографии. – М., 1982 // Рус. яз. в школе. – М., 1983. – № 4. – С. 97–98.
8. Кайдалова А.И., Калинин И.К. Современная русская орфография. – М., 1983. – 240 с.
9. Ключанов И.Э. Структура и функционирование параграфемных элементов текста: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Саратов, 1983. – 17 с.
10. Моисеев А.И. Письмо и язык: К типологическому изоморфизму лингвистических явлений // Вопр. языкознания. – М., 1983. – № 6. – С. 68–72.
11. Моисеев А.И. [Рец.] Селезнева Л.Б. Современное русское письмо. Системный анализ. – Томск, 1981 // Изв. Сиб. отд-ния АН СССР. – Новосибирск, 1983. – № 11. – Сер. общ. наук. – Вып. 3. – С. 128–130.
12. Федотова Ю.Г. [Рец.] Федоренко Л.П. Пособие для самостоятельного изучения правильной русской орфографии – М., 1982 // Рус. яз. в школе. – М., 1983. – № 3. – С. 112–113.
13. Щерба Л.В. Теория русского письма. Л., 1983. – 134 с.

1984

1. Букчина Б.З. Орфография // Энциклопедический словарь юного филолога. – М., 1984. – С. 199–200.
2. Гребенкина Н.Т. Изучение в школе. фонетики и графики русского языка. Книга для учителя. – М., 1984. – 111 с.
3. Ерина Т.Н. Семантика, функционирование и написание имен существительных с НЕ-со значением лица // Взаимовлияние языков: лингвосоциологический и педагогический аспекты. – Чебоксары, 1984. – С. 95–101.

4. Иванова В.Ф. Реформы русского письма (XVIII–XX вв.) // Энциклопедический словарь юного филолога. – М., 1984. – С. 252–254.
5. Кажан В.И. К вопросу об орфографической нормативности наименований металлических сплавов. – Днепропетровск, 1984. – 11 с.; деп. в ИНИОН АН СССР № 18418 от 3.10.84. (на материале русского языка)
6. Михайлов В.В. Графика // Энциклопедический словарь юного филолога. – М., 1984. – С. 72–74.
7. Панов М.В. Занимательная орфография: Книга для внеклассного чтения учащихся 7–8 классов. – М., 1984. – 159 с.
8. Ольгович С.И. Этимология и орфография: Уч. пособие. – Томск, 1984. – Ч. I. – 201 с.
9. Фаина В.В. Как писать: слитно, полуслитно или раздельно? // Взаимовлияние языков: лингвосоциологический и педагогический аспекты. – Чебоксары, 1984. – С. 101–107.

1985

1. Амирова Т.Г. Функциональная взаимосвязь письменного и звукового языка. – М.: Наука, 1985. – 286 с.
2. Жуков А. Фразеология и орфография // *Studia Russica*. – Будапешт, 1985. – С. 31–53.
3. Иванова В.Ф. Академик Л.В. Щерба как теоретик и практик русского правописания // *Рус. яз. в школе*. – М., 1985. – № 3. – С. 90–94.
4. Кузьмина С.М. Теоретические проблемы русской орфографии: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1985. – 38 с.
5. Розенталь Д.Э. Справочник по правописанию и литературной правке: Для работников печати. – 4-е изд., испр. и доп. – М., 1985. – 384 с.
6. Сняльская П.С. К вопросу о правописании «НЕ» с причастиями // *Рус. яз. в шк.* – М., 1985. – № 3. – С. 52–54.
7. Тимофеева Г.Г. Фонетико-орфографическое освоение слов, заимствованных из языков народов СССР // *Рус. яз. в шк.* – М., 1985. – № 1. – С. 87–89.
8. Шингал А.Г. Русский типографский шрифт: Вопросы теории и практики применения. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Книга, 1985. – 253 с.

1986

1. Барсов А.В. Грамотность и профессиональная культура будущих учителей // *Рус. яз. в школе*. – М., 1986. – № 6. – С. 45–47.
2. Войнова А.В. О правописании лексикализованных сочетаний типа штопаный-перештопаный // *Рус. яз. в школе*. – М., 1986. – № 3. – С. 68–72.
3. Городилова Л.М. Отражение графико-орфографических норм в восточносибирской деловой письменности XVII в. // *Становление и развитие норм русского языка XVII–XX веков*. – Хабаровск, 1986. – С. 50–55.
4. Краснова Т.В. Графика воронежской скорописи в ее отношении к орфографии: (На материалах воронеж. рукопис. актов XVII–XVIII вв.) – Елец, 1986. – 20 с.
5. Кунавин Б.В. О правописании прилагательного «ветренный» // *Рус. яз. в школе*. – М., 1986. – № 6. – С. 87–88.
6. Мейеров В.Ф. Значение и функции русских букв // *Лексическая и грамматическая семантика*. – Новосибирск, 1986. – С. 109–121.
7. Моисеев А.; Иосифов Е. Фонетика и орфография «йота» в современном русском языке // *Przegląd filologiczny*. – Lodz, 1986. – Roczn. 9, z. 3/4. – С. 73–81.
8. Нагиев В.Б. Некоторые вопросы передачи азербайджанских собственных имен на русском языке // *Рус. яз. и лит. в азерб. шк.* – Баку, 1986. – № 8. – С. 11–14.
9. Райнах Иптарджих. Интерферирующее влияние чешского языка при изучении русского письма в чешской школе: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1986. – 14 с.

10. Сорокина Л.Н. Заимствование как «способ образования графических систем» // *Уч. зап. Тат. гос. ун-та*. – 1986. – Вып. 736. – С. 139–149.
11. Чепурных В.И. Лингво-стилистический анализ параграфемных элементов текста // *Коммуникативно и структурно обусловленные модификации единиц языка*. – Л., 1986. – С. 144–152.
12. Bartoszewski J. О вводящем принципе русской орфографии // *Jez. gos.* – W-wa, 1986. – Т. 39, № 3. – С. 158–160.

1987

1. Дудина Е.И. Проблема ошибок в письменной речи студентов-иностранцев на начальном этапе обучения // *Лингвометодические основы обучения русскому языку*. М., 1987. – С. 60–65.
2. Ерина Т.Н. О написании типа «неспециалист» и «не-специалист» // *Рус. яз. в школе*. – М., 1987. – № 4. – С. 45–48.
3. Зиндер Л.Р. Очерк общей теории письма. Л., 1987. – 112 с.
4. Калакуцкая Л.П. Дон-Жуан или Дон Жуан? // *Рус. речь*. – М., 1987. – № 3. – С. 70–73.
5. Моисеев А.И. Звуки и буквы, буквы и цифры... – М., 1987. – 189 с.
6. Шанский Н.М., Иванов В.В. Современный русский язык: В 3-х ч. Учеб. для студентов пед. ин-тов по спец. № 2101 «Рус. яз. и лит.» – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Просвещение, 1987. Ч. 1. Введение. Лексика. Фразеология. Фонетика. Графика и орфография. – 191 с.
7. Шейранян С.З. К вопросу о дифференциации -ЬЕ и -ИЕ на конце имен существительных // *Рус. яз. в армянской школе*. – Ереван, 1987. – № 6. – С. 28–30.
8. Ширяева О.А. О собственных закономерностях существования и развития графики и орфографии // *Вопросы системной организации речи*. – М., 1987. – С. 88–100.
9. Шнейдман В.Н. Графика русского и киргизского языков: (Опыт сопостав. характеристики) // *Рус. яз. и лит. в киргиз. шк.* – Фрунзе, 1987. – № 6. – С. 36–41.
10. Orthography and phonology / Ed. by Luetsdorf P. – Amsterdam; Philadelphia: Benjamins, 1987. – IX. – 238 p.
11. Pugh S.M. Omega in the East Slavonic Orthographic Tradition // *Slavonic a. East Europ. rev.* – L., 1987. – Vol. 65, № 1. – P. 1–12. Омега в восточнославянской орфографической традиции.

1988

1. Белоконов Е.А. Развитие русского письма в конце XVIII – первой четверти XIX в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1988. – 26 с.
2. Будагов Р.А. Как мы говорим и пишем. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1988. – 79 с.
3. Букчина Б.З. Вопросы орфографической унификации печатных изданий. – М., 1988. – 59 с.
4. Букчина Б.З. «Атрикультура» и «Агрокультура» – два написания или два слова? // *Рус. яз. в шк.* – М., 1988. – № 1. – С. 85–86.
5. Букчина Б.З. Орфографическая норма в словарях разных типов // *Теория языка и словаря*. – Кишинев, 1988. – С. 187–191.
6. Букчина Б.З., Калакуцкая Л.П. Слитно или раздельно? (Опыт словаря-справочника). – М., 1988. – 876 с.
7. Бугаева И.В. Графическая интерференция и причины ее возникновения в процессе обучения русскому языку в иноязычной аудитории // *Язык и письмо: Межвуз. сб. науч. тр.* – Волгоград, 1988. – С. 124–131.
8. Булохов В.Я. Морфемная структура слова и орфографические ошибки учащихся // *Словообразование в современном русском языке: Обл. науч. конф. «Проблемы деривации и номинации в русском языке»*: Тез. докладов. – Омск, 1988. – С. 87–90.

9. Верещагин Е.М. Десять веков русской книжно-письменной культуры и литературного языка // Рус. яз. в нач. школе. – М., 1988. – № 1. – С. 3–9.
10. Городилова Г., Самородицкая П., Аллахвердиева Р. Компьютеры и орфография: [Алгоритмическое описание тем по орфографии в практическом курсе русского языка в вузе] // Информатика и образование. – М., 1988. – № 2. – С. 67–74.
11. Граник Г.Г., Концевая Л.А., Бондаренко С.М. Психологические механизмы формирования грамотного письма // Рус. яз. и лит. в сред. учеб. заведениях УССР. – Киев, 1988. – № 12. – С. 42–46.
12. Джумартова М.Н. Некоторые особенности фонетико-орфографической адаптации заимствований в русском языке // Язык и письмо. – Волгоград, 1988. – С. 120–124.
13. Еселевич И.Э. Вклад В.М. Маркова в изучение истории русской фонетики и письма: (К 60-летию ученого) // Фонетические и орфографические исследования. – Ижевск, 1988. – С. 107–115.
14. Иванова В.Ф. Судьба буквы «ё» // Рус. яз. в школе. – М., 1988. – № 2. – С. 88–93.
15. Иванова В.Ф., Тимофеева Г.Г. Октябрь и реформа русского правописания // Рус. речь. – М., 1988. – № 5. – С. 51–55.
16. Иванова В.Ф., Тимофеева Г.Г. Октябрь и реформа русского правописания: (К 70-летию Декрета о введении новой орфографии) // Рус. яз. и лит. в азерб. шк. – Баку, 1988. – № 12. – С. 24–27.
17. Иванова В.Ф. Судьба буквы «Е» // Рус. яз. в шк. – М., 1988. – № 2. – С. 88–93.
18. Истрин В.А. 1100 лет славянской азбуки. – 2-е изд., перераб. и доп. – М., 1988. – 190 с.
9. Илюшина Л.А. Прилагательные с суффиксом -СК- в русском языке XV–XVII вв.: (К истории орфографии) // Вестн. Моск. ун-та. – Сер. 9, Филология. – М., 1988. – № 2. – С. 69–75.
19. Калакуцкая Л.П. О метре и мэтре: [Из цикла статей «Спорные случаи орфографии»] // Рус. речь. – М., 1988. – № 3. – С. 55–58.
20. Калакуцкая Л.П. Орфографический словарь – репрезентатор норм письменного русского языка // Национальная специфика языка и ее отражение в нормативном словаре. – М., 1988. – С. 31–36.
21. Кочубей Р.И. Разногласия русского письма XIX века // Рус. речь. – М., 1988. – № 5. – С. 55–57.
22. Кузнецова Н.И. Правописание сложных прилагательных в русском языке // Язык и письмо: Межвуз. сб. науч. тр. – Волгоград, 1988. – С. 83–102.
23. Кунавин Б.В. Почему мы так пишем? – Рус. яз. в шк. – М., 1988. – № 3. – С. 92–93. Особенности правописания мягкого знака на конце наречий после буквы Ж.
24. Мейеров В.Ф. Графические аномалии при обозначении фонемы <ж> // Язык и письмо: Межвуз. сб. науч. трудов. – Волгоград, 1988. – С. 103–120.
25. Мейеров В.Ф. Типология буквенных орфограмм. – Иркутск, 1988. – 298 с.
26. Моисеев А.И. 1000-летие русского письма // Рус. яз. за рубежом. – М., 1988. – № 6. – С. 5–12.
27. Овсянников М.С. Знаковая теория письма // Язык и письмо: Межвуз. сб. науч. тр. – Волгоград, 1988. – С. 53–73.
28. Осилов Б.И. Основные этапы развития русского письма // Язык и письмо: Межвуз. сб. науч. тр. – Волгоград, 1988. – С. 4–21.
29. Осилов Б.И. К типологии орфограмм в русском письме // Фонетические и орфографические исследования. – Ижевск, 1988. – С. 55–65.
30. Розенталь Д.Э. Ещё раз: Дон-Жуан или Дон Жуан?: [о спорных случаях русской орфографии] // Рус. речь. – М., 1988. – № 4. – С. 127–133.
31. Розенталь Д.Э. Прописная или строчная?: Словарь-справочник. Ок. 8600 слов и словосочетаний. – 4-е изд., стер. – М.: Рус. яз., 1988. – 351 с.

32. Руделев В.Г. Морфологический характер русских орфографических правил // Язык и письмо: Межвуз. сб. науч. тр. – Волгоград, 1988. – С. 22–31.
33. Селезнева Л.Б. Принципы написаний в современном русском языке // Язык и письмо: Межвуз. сб. науч. тр. – Волгоград, 1988. – С. 31–52.
34. Селезнева Л.Б. Орфограмма в системе единиц русского языка // Рус. яз. в школе. – М., 1988. – № 1. – С. 41–47.
35. Соколянский А.А. История «твердого знака» // Рус. речь. – М., 1988. – № 3. – С. 59–63.
36. Сорокина Л.Н. Заимствование как тип языковой деятельности в условиях письма: Автореф. дис. ... докт. филол. наук; МГУ им. М.В. Ломоносова. – М., 1988. – 49 с.
37. Степанченко И.И. Причастия и прилагательные с -Н- -- -НН // Рус. речь. – М., 1988. – № 4. – С. 149–154.
38. Степкин Н.П. К вопросу о соотношении письменной и устной форм языка в лингвистике. – Астрахань, 1988. – 15 с.; деп. в ИНИОН АН СССР № 34394 от 22.06.88.
39. Тимофеева Г.Г. Фонетическая и орфографическая вариантность новых заимствований из английского языка // Фонетические и орфографические исследования. – Ижевск, 1988. – С. 102–107.
40. Троицкий Н.А. Как правильно писать фамилию Барклай де Толли?: Письмо в редакцию // История СССР. – 1988. – № 2. – С. 219–220.
41. Фонетические и орфографические исследования: Межвуз. сб. науч. тр. / Редкол.: Климова В.В. (отв. ред.) и др. – Ижевск, 1988. – 116 с.
42. Чельцова Л.К. «Прописная или строчная?» – новый тип словаря // Национальная специфика языка и ее отражение в нормативном словаре. – М., 1988. – С. 44–47.
43. Чельцова Л.К. Об одном правиле вежливости (ВЫ и ВАШ) // Рус. речь. – М., 1988. – № 2. – С. 59–62.
44. Ширяева О.А. О специфической тенденции развития графики и орфографии // Высказывание и текст: взаимодействие языковых единиц. – М., 1988. – С. 184–189.
45. Ширяева О.А. О собственных закономерностях существования и развития графики и орфографии // Вопросы системной организации речи. – М., 1987. – С. 88–100 с.

1989

1. Барандеев А.В. Склонение односоставных топонимов на -а (-я) // Рус. яз. в школе. – М., 1989. – № 5. С. 74–79.
2. Борисов В.В., Горбачева О.Г. Автоматизация русскоязычного переноса слов // НТИ / ВИНТИ. Сер. 2, Информ. процессы и системы. – М., 1989. – № 11. – С. 29–33.
3. Булохов В.Я., Жовницкая О.Н., Милькова Е.М. Диктант-игра «Кто больше запомнит?» // Нач. школа. – М., 1989. – № 1. – С. 29–30.
4. Краснова Т.В. Графика и орфография воронежских рукописных актов конца XVII–нач. XVIII вв.: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 1989. – 19 с.
5. Кунавин Б.В. Орфографические заметки // Рус. яз. в школе. – М., 1989. – № 6. – С. 74–75. (О правописании слов с непроизносимыми согласными; О правописании и-ы после ц в корне).
6. Мейеров В.Ф. МЕЛОЧЕВКА или МЕЛОЧОВКА? // Рус. речь. – М., 1989. – № 3. – С. 76–78. Споры о правописании О или Е.
7. Моисеев А.И. [Рец.] Зиндер Л.Р. Очерк общей теории письма. – Л.: Наука, 1987 // Рус. яз. в шк. – М., 1989. – № 1. – С. 105–107.
8. Рыбакова А.В. О правописании двойных согласных в заимствованных словах // Вестн. ЛГУ. Сер.: История, яз., лит. – Л., 1989. – 12 с.
9. Соколов Н.Н. Письмо вчера, сегодня, завтра. – М., 1989. – 141 с.

10. Сысуева Р.П. Памятники деловой письменности в Курганском областном архиве. – Курган, 1989. – 14 с.
Орфография и лексика памятников XVIII века.
11. Тимофеева Г.Г. О вариантах языковых единиц в русском языке. – Краснодар, 1989. – 17 с.; деп. в ИНИОН АН СССР № 37784 от 5.05.89.

1990

1. Безрукова А.А. Об окончании существительных тапа *мгновение/мгновенье* в предложном падеже единственного числа // Рус. яз. в школе. – М., 1990. – № 5. С. 77–80.
2. [Борисенко В.В.] Графика. Орфография // Борисенко В.В., Брызгунова Е.А., Ермакова О.П., Касаткин Л.Л., Шмелёва Т.В. Современный русский язык: Сб. упражнений. – М.: Высш. школа, 1990. – С. 69–71.
3. Булохов В.Я. Оперативная речевая память и орфографические ошибки учащихся // Вопр. психологии. – М., 1990. – № 1. – С. 28–32.
4. Булохов В.Я. Повышение грамотности учащихся на основе развития оперативной речевой памяти // Рус. яз. в школе. – М., 1990. – № 6. – С. 17–20.
5. Графика и орфография // Современный русский язык: Сб. упражнений. Учеб. пособие для филол. фак. ун-тов; Под ред. В.А. Белошапковой. – М., 1990. – С. 63–71.
6. Иванова В.Ф. Графика // Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990. – С. 118.
7. Иванова В.Ф. Орфография // Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990. – С. 350–351.
8. Компьютерные игры и орфография // ИНФО: Информатика и образование. – М., 1990. – № 1. – С. 81–83.
9. Краткий справочник по написанию отдельных наименований, слов и словосочетаний. (Отд. Опубликования актов секретариата Верховного Совета СССР). – М., 1990. – 42 с.
10. Колесников Н.П. Слова с двойными согласными: Словарь-справ. – М.: Рус. яз., 1990. – 409 с.
11. Кумахова Д.М. К вопросу об орфографии кратких прилагательных типа «предана»/«преданна» // Рус. яз. в школе. – М., 1990. – № 1. – С. 76–78.
12. Львов М.Р. Правописание в начальных классах. – М., 1990. – 160 с.
13. Мамина Н.В. Алгол // Рус. речь. – М., 1990. – № 5. – С. 92–96. Орфографический аспект термина.
14. Мейеров В.Ф. Орфограммы, связанные с употреблением букв *Ь* и *Ъ* // Рус. яз. в школе. – М., 1990. – № 1. – С. 16–25.
15. Надточий Е.Д., Надточий В.И. Алгоритмы при обучении орфографии грамматических форм слов // Рус. яз. и лит. в иностранной аудитории. – Киев, 1990. – С. 54–64.
16. Осипов Б.И. История русского письма: Графика. Орфография. Пунктуация. – Омск, 1990. – 82 с.
17. Рыбакова А.В. Правописание двойных согласных в заимствованных словах. (История, современное состояние и прогнозы): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1990. – 13 с.
18. Садохина Т.П. Формирование навыков орфографического самоконтроля в вузе // Рус. яз. в школе. – М., 1990. – № 1. – С. 83–86.
19. Степанченко И.И. НЕ – приставка или частица? // Рус. речь. – М., 1990. – № 1. – С. 140–144.
20. Тимофеева Г.Г. Освоение заимствованной тюркской лексики в русском языке // Двухязычие и взаимовлияние языков. – Чебоксары, 1990. – С. 43–49. Выявление причины фонетико-орфографической вариативности тюркизмов.

21. Трофемаз Л.Н. Психология овладения орфографией школьниками младшего возраста; Отв. ред. С.Ф. Жуйков; НИИ педагогики. – Кишинев: Штиинца, 1990. – 118 с.
22. Хасанова Д.М. Совершенствование орфографических навыков студентов-первокурсников русско-башкирского отделения с помощью аудиовизуальной методики // Совершенствование лингвистической подготовки студентов национальных групп педвуза. – Уфа. – С. 143–152.
23. Ямпольская В.С. Алгоритмы по орфографии // Рус. яз. и лит. в ср. учеб заведениях УССР. – Киев, 1990. – № 9. – С. 46–48.

1991

1. Агаркова Н.Г. Система графических знаков русского алфавита // Новые исслед. в пед. науках. – М., 1991. – № 1. – С. 43–47.
2. Бугаева И.В. Графическая система языка // Язык и письмо. – Волгоград, 1991. – С. 19–28.
3. Булохов В.Я. Орфографические ошибки и пути повышения грамотности учащихся // Нач. школа. – 1991. – № 1. – С. 9–11.
4. Булохов В.Я. О возникновении некоторых грамматических ошибок // Вопр. психологии. – М., 1991. – № 5. – С. 47–49.
5. Булохов В.Я. Орфографические ошибки учащихся и студентов в свете теории оперативной речевой памяти // Активизация познавательной деятельности студентов в преподавании лингвистических дисциплин. – Иркутск, 1991. – С. 97–103.
6. Бушуй Т.А., Колесников Н.П. Слова с двойными согласными: Словарь-справочник // Рус. яз. в школе. – М., 1991. – № 3. – С. 100–103.
7. Выходцева М.Я. Лингвистическое содержание орфографической нормы и ее интерпретация // Язык и письмо: Межвуз. сб. науч. тр. – Волгоград, 1991. – С. 56–62.
8. Граник Г.Г., Бондаренко С.М., Концевая Л.А. Секреты орфографии. – М., 1991. – 222 с.
9. Двухжилова Л.В. Моделирование в обучении орфографии // Новые исследования в пед. науках. – М., 1991. – № 1. – С. 47–52.
10. Дмитриева О.Л. Как сокращать слова // Рус. речь. – М., 1991. – № 2. – С. 47–49.
11. Еськова Н.А. Надо ли писать *КАПАТЭ*? // Рус. речь. – М., 1991. – № 3. – С. 65–67.
12. Ерина Т.Н. Написание *НЕ* с существительными при дихотомии // Язык и письмо: Межвуз. сб. науч. тр. – Волгоград, 1991. – С. 50–56.
13. Иванова В.Ф. Актуальные проблемы русской орфографии // Рус. яз. в школе. – М., 1991. – № 1. – С. 69–77.
14. Иванова В.Ф. Современная русская орфография: Учеб. пособие для студентов-филологов. – М., 1991. – 190 с.
15. Иванова В.Ф., Осипов Б.И. Принципы орфографии и их педагогическое значение // Рус. яз. в школе. – М., 1991. – № 5. – С. 69–77.
16. Левицкая Г.К. Формирование профессионально-педагогических умений при обучении иноязычной орфографии // Язык и письмо: Межвуз. сб. науч. тр. – Волгоград, 1991. – С. 143–147.
17. Литеров В.Ф. Графическая дифференциация языковых значений в системе правил русской орфографии // Языковые категории в лексикологии и синтаксисе. – Новосибирск, 1991. – 23 с.
18. Львова С.И. Там, где кончается слово... (О слит., дефис. и разд. написаниях): Кн. для учащихся 8–11 кл. сред. школы. – М.: Просвещение, 1991. – 157 с.
19. Мейеров В.Ф. Графическая дифференциация языковых значений в системе правил русской орфографии // Языковые категории в лексикологии и синтаксисе. – Новосибирск, 1991. – С. 108–119.

20. Осипов Б.И. Теоретические основы русской орфографии в курсе современного русского языка // Язык и письмо: Межвуз. сб. науч. тр. – Волгоград, 1991. – С. 62–67.
21. Орфографический словарь русского языка: Около 100 000 слов / АН СССР. Ин-т рус. яз. – 29. изд., испр. и доп. – М.: Рус. яз., 1991. – 414 с.
22. Попова С.Н., Сенкевич Е.Н. Вариантные орфографические формы композитов и аналогия // Когнитивные аспекты лексики. – Тверь, 1991. – С. 53–61.
23. Потиха З.А., Скляревская Л.А. Системное изучение фонетики и графики в средней школе. // Язык и письмо: Межвуз. сб. науч. тр. – Волгоград, 1991. – С. 133–143.
24. Рыбакова А.В. К вопросу об упорядочении правописания двойных согласных в заимствованных словах // Вестн. Ленингр. ун-та. – Сер. 2. История, языковедение, литературоведение. – Л., 1991. – Вып. 2. – С. 107–110.
25. Селезнева И.Б. Мотивация написаний и графическая норма // Язык и письмо: Межвуз. сб. науч. тр. – Волгоград, 1991. – С. 4–19.
26. Скворцов Л.Н. Как переносить?: (Машинный набор и правила переноса) // Наука и жизнь. – М., 1991. – № 12. – С. 101–102.
27. Тимофеева Г.Г. Принципы и способы передачи заимствованных слов // Язык и письмо: Межвуз. сб. науч. тр. – Волгоград, 1991. – С. 28–36.
28. Чельцова Л.К. Как писать: бог или Бог? // Рус. речь. – М., 1991. – № 4. – С. 64–67.
29. Чудовский В. За букву з [О традиции русской орфографии] // Вестн. Моск. ун-та. – Сер. 9. – Филология. – 1991. – № 6. – С. 68–72.
30. Шагова Е.Г. Методика формирования обобщений при обучении орфографии. – М.: Прометей, 1991. – 182 с.

1992

1. Безрукова А.А. К вопросу о правописании существительных на -ие, -ье // Фонетика и письмо в их развитии. – Омск, 1992. – С. 72–77.
2. Бугаева И.В. Графема как единица графической системы языка // Актуальные проблемы филологии в вузе и школе. – Тверь, 1992. – С. 5–6.
3. Булохов В.Я. Орфографические ошибки в детских сочинениях // Рус. яз. в школе. – М., 1992. – № 1. – С. 28–33.
4. Константинов Н. История русской азбуки // Гонец. – Саратов, 1992. – № 6. – С. 35–37.
5. Любичева Е.В. Новое в повышении эффективности обучения орфографии: (Пед. програм. средства): Рос. гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена. – СПб. 1992. – 13 с.; деп. в ИНИОН РАН № 47258 от 6.11.92.
6. Маловицкий Л.Я. [Рец.] Иванова В.Ф. Современная русская орфография. – М.: Высш. шк., 1991 // Рус. яз. в шк. – М., 1992. – № 3/4. – С. 68–69.
7. Мейеров В.Ф. [Рец.] Граник, Г.Г. Секреты орфографии. – М., 1991 // Рус. яз. в шк. – М., 1992. – № 1. – С. 105–107.
8. Осипов Б.И. История русской орфографии и пунктуации. – Новосибирск, 1992. – 251 с.
9. Осипов Б.И. Графико-орфографический анализ текста. – 2-е изд., испр. и доп. – Омск, 1992. – 30 с.
10. Разумовская М.М. Методика обучения орфографии в школе: Кн. для учителя. – М.: Просвещение, 1992. – 190 с.
11. Сухотинская А.В. Репетитор: Рус. орфография и пунктуация. – М.: Высш. шк., 1992. – 191 с.
12. Трифонова Н.В. В республике Болгарии, в Республике Польша // Рус. речь. – М., 1992. – № 1. – С. 63–65.
13. Хан-Пира Э. ВЛАДЫКА или ВЛАДЫКО? // Рус. речь. – М., 1992. – № 1. – С. 66–68.
14. Чернова С.В. [Рец.] Граник Г.Г., Бондаренко С.М., Концевая Л.А. Секреты орфографии. – М., 1991 // Рус. речь. – М., 1992. – № 6. – С. 109–110.

1993

1. Барандеев А.В. От буквы к термину // Рус. речь. – М., 1993. – № 6. – С. 89–92.
2. Боброва Т.А. Ы, И и Ъ после Ж, Ш и др. // Рус. яз. в школе. – М., 1993. – № 2. – С. 41–43.
3. Булохов В.Я. Повышение орфографической грамотности учащихся (в свете теории речевой деятельности). – Красноярск, 1993. – 184 с.
4. Валгина Н.С. Орфография и пунктуация: Справ. – М.: Высш. школе., 1993. – 333 с.; 1996. – 335 с.
5. Волков В.В. Страна говорящая и страна пишущая // Человек. – М., 1993. – Вып. 3. – С. 119–126.
6. Голев А.Д. Орфография и лингвистическая культура. – Барнаул, 1993. – 112 с.
7. Григорьева Т.М. Орфографическая реформа 1917–18 годов // Знание – сила. – 1993. – № 8. – С. 92–96.
8. Григорьева Т.М. Не декретами едиными // Висей. – 1993. – № 207. – С. 76–78.
9. Григорьева Т.М. Русская дореформенная орфография как культурное наследие дооктябрьского прошлого: правда и вымыслы // Материалы к конф. «Проблемы культурогенеза и культурного наследия». Ч. I. Культура и культурное наследие в современном мире. – СПб., 1993. – С. 70–74.
10. Иванова В.Ф. О современном правописании и новом издании Орфографического словаря // Рус. яз. в школе. – М., 1993. – № 2. – С. 81–85.
11. Касаткина Р.Ф. Орфоэпия и графика: зависимость произношения гласного 1-го предударного слога в русском языке от графической передачи предшествующей фонемы <J> // Проблемы фонетики. – М., 1993. – С. 175–180.
12. Качалкин А.Н. Проверяем свою грамотность / МГУ им. М.В. Ломоносова. Филол. фак. – М.: Бизнес-круг, 1993. – Обл., 119 с.
13. Калакуцкая Л.П. Имена собственные в орфографическом словаре русского языка и других лингвистических словарях // Вопр. языковедения. – М., 1993. – № 3. – С. 59–75.
14. Копосова Н.А., Николаев Г.А. Структура слова и орфография русского языка: Учебн. пособие. – Казань: Изд-во Каз. ун-та, 1993. – 149 с.
15. Кочубей Р.И. Орфографическая норма и её реализация носителями языка // Материалы X науч. конф. профессорско-преподавательского состава. – Волгоград, 1993. – С. 162–169.
16. Культура речи и орфография: Корректировочный минимум для взрослых. Справочник / Голодяевская А.М., Стернин И.А., Анищева О.Н., Базилевская В.Б.; Науч. ред. Стернин И.А. – Воронеж, 1993. – 36 с.
17. Лавров А. «Свет разумения книжного»: В 863 г. братья Кирилл и Мефодий создали славянскую азбуку // Библиотека. – М., 1993. – № 10. – С. 60–61.
18. Лерман А. Восстановить азбучные истины // Книжное обозрение. – 1993. – № 42 (22 окт.).
19. Лихачев Д.С. Тезисы доклада о старой орфографии. (1928) Медитации на тему о старой, традиционной, освященной, исторической орфографии, попорченной и искаженной врагом церкви Христовой и народа российского, изложенные в трех рассуждениях // Лихачев Д.С. Статьи ранних лет. – Тверь. – 1993. – С. 6–14; то же: Рус. речь. – М., 1993. – № 1. – С. 45–51.
20. Миронова Т.Л. Простые правила старой орфографии // Рус. словесность. – М., 1993. – № 3. – С. 57–59.
21. Ольгович С.И. Этимология и орфография: Уч. пособие. – Томск, 1993. – Ч. II. – 192 с.
22. Орфографический словарь русского языка: Ок. 100 000 слов / Борунова С.Н., Букчина Б.З., Дмитриева О.В. и др.; Редкол.: Лопатин В.В. (отв. ред.) и др.; РАН. Ин-т рус. яз. – 30-е изд., стер. – М.: Рус. язык, 1993. – 415 с.

23. Осипов Б.И. Графика, орфография и пунктуация русского языка XVII – нач. XIX в. // Рус. язык донационального периода. – СПб., 1993. – С. 29–36.
24. Романова Р.И. Норма и её интерпретация (на материале правописания урбононимов) // Сб. трудов молодых ученых Волгоградского ун-та) – Волгоград, 1993. – С. 118–119.
25. Селезнева Л.Б. Укращаем орфограмму: Алгоритмизированное обучение. – Волгоград: Нижне-Волж. кн. изд-во, 1993. – 237 с.
26. Солженицын А.И. Некоторые грамматические соображения ... // Рус. речь. – М., 1993. – № 2. – С. 46–49.
27. Сухотинская А.В. Репетитор: Рус. орфография и пунктуация. – М.: Высш. школа, 1993. – 190 с.
28. Ушаков Д.Н. О современном русском правописании / Вступ. сит. и примеч. Ю.А. Бельчикова // Рус. речь. – М., 1993. – № 1. – С. 64–72.
29. Хатим Али Ахмед Фаддалла. Проблемы интерферирующего влияния арабского языка на усвоение русского письма: (На материале судан. диалекта): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – С.-Петербург: гос. ун-т. – СПб., 1993. – 16 с.
30. Шамсутдинова С.С. [Рец.] Львова С.И. Там, где кончается слово... (О слитных, дефисных и раздельных написаниях.). // Рус. яз. в шк. – М., 1993. – № 1. – С. 78–79.
31. Эльдемуров Ф. Русский алфавит – ключ к тайнам Таро // Наука и религия. – М., 1993. – № 10. – С. 45–47.
32. Benson M. A note on Russian orthography // Slavic a. East Europ. j – Tucson, 1993. – Vol. 37, № 4. – P. 530–532. (О необходимости введения в русский алфавит графемы «j»).

1994

1. Белоусов В. Буква «ять» // Наука и жизнь. – М., 1994. – № 6. – С. 7.
2. Борунова С.Н. О написании сложных прилагательных // Рус. речь. – М., 1994. – № 4. – С. 50–52.
3. Букчина Б.З. Орфографический словарь русского языка – вчера, сегодня, завтра // Рус. словесность. – М., 1994. – № 6. – С. 59–63.
4. Булохов В.Я. 100 разновидностей диктанта. – Красноярск, 1994. – 72 с.
5. Вакуров В.Н. Из истории письменности: (от аза до ижицы) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. – М., 1994. – № 5. – С. 30–39.
6. Волошина Т.А. Правописание наречий в русском языке: история и современное состояние: Учеб. пособие. – Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 1994. – 110 с.
7. Голуб И.Б., Розенталь Д.Э. Сборник упражнений по русской орфографии и пунктуации. – М.: Рус. яз., 1994. – 192 с.
8. Граник Г.Г. и др. Секреты орфографии / Г.Г. Граник, С.М. Бондаренко, Л.А. Концева. – 2-е изд. – М.: Просвещение, 1994. – 221 с.
9. Григорьева Т.М. Кто упразднил ЯТЬ и ИЖИЦУ? // Рус. яз. в школе. – М., 1994. – № 2. – С. 85–90.
10. Григорьева Т.М. Орфографическая реформа русского языка: циркуляры или декреты? // Collegium. – Киев, 1994. – № 1. – С. 53–61.
11. Григорьева Т.М. Орфографическая реформа русского языка в Сибири // Язык и письмо: Межвуз. сб. науч. тр. – Волгоград, 1994. – С. 61–73.
12. Еськова Н.А. О подаче грамматических форм в орфографическом словаре русского языка // Русистика сегодня. – 1994. – № 3. – С. 118–122.
13. Иванова О.Е. О пересективах развития орфографической лексикографии // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. – М., 1994. – Т. 53. – № 4. – С. 62–68.
14. Илюшин А.А. Невозрожденная «Мадонна» // Рус. речь. – М., 1994. – № 1. – С. 3–6. Об орфографии лексемы МАДО́НА в поэзии А.С. Пушкина.

15. Ковосов Л.Ф. Орфография документов [русских] центральных административных учреждений первой половины XVIII в. // Актуальные проблемы филологии в вузе и школе. – Тверь, 1994. – С. 10–11.
16. Калакуцкая Л.П. Фамилии. Имена. Отчества: Написание и склонение. – М.: Толк, 1994. – Обл., 95 с.
17. Мейеров В.Ф. [Рец.] Иванова В.Ф. Современная русская орфография – М., 1991. – 192 с. // Вопр. языкознания. – М., 1994. – № 3. – С. 154–157.
18. Овсянников М.С. К пониманию обозначения твердости-мягкости в русской письменности // Язык и письмо. – Волгоград, 1994. – С. 15–30.
19. Орфографический словарь русского языка: Ок. 100 000 слов / Борунова С.Н., Букчина Б.З., Дмитриева О.В. и др.; Редкол.: Лопатин В.В. (отв. ред.) и др.; РАН. Ин-т рус. яз. – 31-е изд., стер. – М.: Рус. язык, 1994. – 416 с.
20. Подольская Н.В. Заглавная и строчная буква в культовых словах // Рус. речь. – М., 1994. – № 1. – С. 49–57.
21. Райская Л.М. К вопросу о развитии основного принципа русского письма: (На материале памятников XI–XVII вв.) // Культура Отечества: прошлое, настоящее, будущее. – Томск, 1994. – Вып. 2. – С. 121–125.
22. Ралов О. Кто создал русскую азбуку // Родина. – М., 1994. – № 9. – С. 26–33.
23. Розенталь Д.Э. «Пишите, пожалуйста, грамотно!»: Пос. по рус. языку. – М.: Асра, 1994. – 33 с. – Словарь-указатель: с. 302–321.
24. Розенталь Д.Э. Справочник по орфографии и пунктуации – Челябинск; Южно-Урал. кн. изд-во; Саратов: Дет. книга, 1994. – 386 с.
25. Савельева Л.В. Истоки и загадки нашей азбуки // Рус. речь. – М., 1994. – № 5. – С. 67–74.
26. Селезнева Л.Б. Графический уровень в системе русского языка // Язык и письмо. – Волгоград, 1994. – С. 4–15.
27. Скобликова Е.С. Обобщающая работа по орфографии: Кн. для учителя. – М.: Просвещение, 1994. – 125 с.
28. Скорнякова М.Ф. Взгляд на школьный курс орфографии через призму представления о системном устройстве русского языка // Слово в системных отношениях на разных уровнях языка. – Екатеринбург, 1994. – С. 89–95.
29. Правила русской орфографии и пунктуации: Утверждено АН СССР и др. в 1956 г.; Орфографический словарь: (45000 слов) / Рос. АН, Ин-т рус. яз. – М., 1994. – 116 с.
30. Тимофеева Г.Г. Некоторые орфографические тенденции при написании новых слов английского происхождения // Язык и письмо. – Волгоград, 1994. – С. 30–37.
31. Харченко С.Ю. Лингвистические основы обучающих таблиц в орфографии // Язык и письмо. – Волгоград, 1994. – С. 114–125.
32. Чижикова О.В. Прописная буква как средство кодирования сакрального смысла в романе В.Н. Набокова «Лолита» // Язык и письмо. – Волгоград, 1994. – С. 81–88.
33. Шунейко А.А. «Но мы живы, пока есть прощенье и шрифт»: взгляд на мир Иосифа Бродского // Рус. речь. – М., 1994. – № 2. – С. 15–21.
О соотношении звука и буквы в поэтике И. Бродского.

1995

1. Аверьянова Г. Откуда есть пошло русское письмо // Аврора. – СПб., 1995. – № 5. – С. 109–110.
2. Агеев А. Восставший Ъ // Знамя. – 1995. – № 4. С. 184–190.
3. Аксенов С.С. Употребление прописной буквы в прозвищах разной семантики // Язык и письмо: Межвуз. сб. науч. тр. – Волгоград, 1995. – С. 97–108.
4. Арауманова Р.А. [Рец.] Максимова А.Л. Практикум по орфографии и пунктуации. – СПб., 1994, // Рус. яз. в школе. – М., 1995. – № 6. – С. 104.

5. Белунова Н.И. Нормы письменной речи и место в ней эпистолярная как письменной речевой коммуникации // Языковое образование и воспитание языковой личности (в школе и вузе) – СПб., 1995. – С. 37–38.
6. Борунова С.Н. Черно-бурый медведь и черно(?)бурая лиса // Рус. речь. – М., 1995. – № 5. – С. 53.
7. Борунова С.Н. ВИТЕБЛЯНЕ, ВИТЕБЧАНЕ, ВИТЕБЦЫ // Рус. речь. – М., 1995. – № 6. – С. 66. О вариантах написания названий жителей.
8. Бреусова Е.И. Опыт анализа «Проекта Главнауки» о новом правописании 1930 года // Фонетика и письмо на разных этапах их исторического развития: Межвуз. сб. науч. тр. – Омск, 1995. – С. 119–131.
9. Бугаева И.В. Фонемно-графическая интерференция: процесс и результат // Язык и письмо: Межвуз. сб. науч. тр. – Волгоград, 1995. – С. 37–41.
10. Бугаева И.В. Некоторые проблемы графической лингвистики // Вестн. Приднестровского ун-та. – Тирасполь, 1995. – № 1. – С. 21–24.
11. Букчина Б.З. Не-«Правило» и не-«Словарь» // Рус. речь. – М., 1995. – № 4. – С. 123–125.
12. Букчина Б.З. О написании сложных групп прилагательных с первыми частями восточно-, западно-, южно-, северно- // Рус. речь. – М., 1995. – № 5. – С. 50–52.
13. Букчина Б.З. Человеко-день, койкоместо... – как их писать? // Рус. речь. – М., 1995. – № 6. – С. 63–65.
14. Введенская Л.П., Колесников Н.П. Современный орфографический словарь русского языка. – Ростов н/Д.: Феникс, 1995. – 471 с.
15. Волкова Н.А. Орфография письменных памятных как источник фонетической интерпретации / Кур. гос. пед. ун-т. – Курск, 1995. – 11 с. / Деп. ИНИОН РАН № 50380 от 6.05.95.
16. Глазков А.В. Правила о разделительных знаках в «нормативной» и «ненормативной» орфографии // Рус. яз. в школе. – М., 1995. – № 1. – С. 63–68.
17. Горшенева И.Л. Секреты орфографии // Рус. яз. в школе. – М., 1995. – № 4. – С. 109–110.
18. Гостеева С.А. Из наблюдений над функционированием синтаксических и графических средств в прозе А.С. Пушкина // Язык и письмо. – Волгоград, 1995. – С. 74–81.
19. Григорьева Т.М. «Русский Филологический Вестник» о русской орфографии // Рус. филол. вестник. – М., 1995. – Т. 80. – № 2. – С. 31–38.
20. Григорьева Т.М. Русская орфография до и после 1917 г.: Материалы к спецкурсу. – Красноярск, 1995. – 35 с.
21. Григорьева Т.М. Реформа русской орфографии: до или после Октября? // Фонетика и письмо на разных этапах их исторического развития. – Омск, 1995. – С. 115–122.
22. Григорьева Т.М. Орфографическая деятельность П.Н. Сакулина // Фонетика и письмо на разных этапах их исторического развития. – Омск, 1995. – С. 106–115.
23. Григорьева Т.М. В.В. Виноградов о необходимости усовершенствования русской орфографии // Международная юбилейная сессия, посвященная 100-летию со дня рождения В.В. Виноградова: Тез. докл. – М., 1995. – С. 201–202.
24. Ерина Т.Н. «Не» с существительными терминологического характера в научном стиле // Язык и письмо: Межвуз. сб. науч. трудов. – Волгоград, 1995. – С. 108–113.
25. Иванова В.Ф. Академик В.В. Виноградов как председатель Орфографической комиссии 60-х годов: (Научные и социальные аспекты орфографии) // Русистика сегодня. – М., 1995. – № 2. – С. 108–114.
26. Иванова В.Ф., Моисеев А.И. Орфография, пунктуация и методика их преподавания: (Обзор книг за 1992–1994 гг.) // Рус. яз. в школе. – М., 1995. – № 1. – С. 103–106.
27. Иванова В.Ф., Тойрах А. Анализ фонемно-графических соответствий контактирующих языков как первооснова прогнозирования межъязыковой интерференции на письме // Фо-

- нетика и письмо на разных этапах их исторического развития: Межвуз. сб. науч. тр. – Омск, 1995. – С. 21–30.
28. Ильин Д.Ю. Структурно-семантическая классификация топонимов по маркированности прописной буквы // Язык и письмо: Межвуз. сб. науч. тр. – Волгоград, 1995. – С. 88–97.
29. Калакуцкая Л.П. Русский литературный язык в конце второго тысячелетия // Филологический сборник (к 100-летию со дня рождения академика В.В. Виноградова). – М., 1995. – С. 197–208.
О практике издания орфографических словарей.
30. Качалкин А.Н. Испытание личной грамотности. – Ч. 2: Правила русской орфографии и пунктуации. – М., 1995. – 47 с.
31. Колесников Н.П. Слова с удвоенными согласными: Словарь-справочник. – Ростов н/Д.: Феникс, 1995. – 448 с.
32. Колосов М.А. [Об устранении Ъ] (1879) – публикация Т.М. Григорьевой // Рус. филол. вестник. – М., 1995. – Т. 80. – № 2. – С. 8–11.
33. Кочубей Е.И. Проблема слитного и дефисного написания в грамматических трудах XIX в. (на материале сложных прилагательных) // Язык и письмо: Межвуз. сб. науч. тр. – Волгоград, 1995. – С. 55–61.
34. Кузьмина С.М. О новой редакции «Правил русской орфографии и пунктуации» // Рус. словесность. – М., 1995. – № 2. – С. 81–85.
35. Кузнецова О.И. Орфография фонемная и фонетическая запись текста: (К проблеме синтеза и распознавания связной речи) // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 2, История, языкознание, литературоведение. – СПб., 1995. – Вып. 4. – С. 45–53.
36. Кузьмина С.М. Уроки кодификации русского письма // Междунар. юбилейная сессия, посвященная 100-летию со дня рождения акад. В.В. Виноградова: Тез. докладов. – М., 1995. – С. 202–203.
37. Лопатин В.В. Русские суффиксы: фонематический состав и орфография // Филологический сборник (к 100-летию со дня рождения академика В.В. Виноградова). – М., 1995. – С. 293–299.
38. Лопатин В.В., Шанский Н.М., Карпюк Г.В. [Рец.] Правила русской орфографии и пунктуации. Орфографический словарь. – М., 1994. // Рус. яз. в школе. – М., 1995. – № 4. – С. 103–108.
39. Лутин С.А., Астапкина Н.К. Русский язык: Пособие-справ. – М.: ПАИС, 1995. – 151 с.
40. Львова С.И. Наблюдение за изобразительными возможностями средств графики в художественном тексте // Рус. яз. в школе. – М., 1995. – № 2. – С. 39–45.
41. Мейеров В.Ф. Принципы правописания и типология буквенных орфограмм // Фонетика и письмо на разных этапах их исторического развития: Межвуз. сб. науч. тр. – Омск, 1995. – С. 159–165.
42. Михайлов А.В. Графико-орфографическое оформление древнерусского текста // Язык и письмо: Межвуз. сб. науч. тр. – Волгоград, 1995. – С. 50–55.
43. Моисеев А.И. Основной принцип русской орфографии: морфологический или фонетический? // Рус. яз. в школе. – М., 1995. – № 1. – С. 59–63.
44. Никитина Е.А. Явления конца строки в русских рукописях XIV века // Фонетика и письмо на разных этапах их исторического развития. – Омск, 1995. – С. 53–67.
45. Орлицкий Ю. Визуальный компонент в современной русской поэзии // Новое лит. обозрение. – М., 1995. – № 16. – С. 181–192.
46. Орфографический словарь русского языка: В 2 т. / Под ред. Ожегова С.И. – М.: Гетта Трейд, 1995; 1. А–О – 640 с.; 2. О–Я – 621 с.
47. Осипов Б.И. Неморфологические написания в современной русской орфографии // Фонетика и письмо на разных этапах их исторического развития: Межвуз. сб. науч. тр. – Омск, 1995. – С. 131–159.

48. Ланов Б.Т., Текучев А.В. Словарь-справочник: Правописание, произношение, ударение. – Минск: Alfa: ПОПУРИ, 1995. – 459 с.
49. Парамонов Д.А. Слитные, раздельные и дефисные написания префиксов и первых частей конфликтов адвербиализовавшихся сочетаний (на материале изданий конца XIX – начала XX в.) // Фонетика и письмо на разных этапах их исторического развития: Межвуз. сб. науч. тр. – Омск, 1995. – С. 102–106.
50. Разумовская М.М. Вопросы русской орфографии в трудах В.Ф. Ивановой: К 75-летию со дня рождения // Фонетика и письмо на разных этапах их исторического развития: Межвуз. сб. науч. тр. – Омск, 1995. – С. 170–177.
51. Розенталь Д.Э. Пишите, пожалуйста, грамотно!: Пособие по рус. яз. – М.: Астра, 1995. – 333 с.
52. Розенталь Д.Э. Голуб И.Б. Русская орфография и пунктуация. – 3. изд., стер. – М.: Рус. яз., 1995. – 186 с.
53. Северьянова А.А. Две веры – две азбуки? // Кирилло-Методиевские традиции на Нижней Волге. – Волгоград, 1995. – С. 4–7.
54. Селезнева Л.Б. Графический уровень в системе русского языка // Язык и письмо: Межвуз. сб. науч. тр. – Волгоград, 1995. – С. 4–15.
55. Селезнева Л.Б. Единица письма и способы определения ее в речи // Функционирование языковых единиц в разных речевых сферах: факторы, тенденции, модели. – Волгоград, 1995. – С. 87–88.
56. Сидорова Е.Г. Интерпретация нормы (на материале правописания сложных прилагательных) // Язык и письмо: Межвуз. сб. науч. тр. – Волгоград, 1995. – С. 41–50.
57. Сидорова Е.Г. Единицы письма, реализация нормы: (На материале правописания сложных прилагательных) // Функционирование языковых единиц в разных речевых сферах: факторы, тенденции, модели. – Волгоград, 1995. – С. 88–89.
58. Суркина Ф.Ж. Развитие орфографической зоркости // Материалы науч. трудов филол. ф-та / Сыктывкарский. гос. ун-т: Вторая годич. сессия. уч. совета, Февральские чтения 8–11 февр. 1995. – Сыктывкар, 1995. С. 140–144.
59. Тимофеева Г.Г. Некоторые орфографические тенденции при написании новых слов английского происхождения // Язык и письмо: Межвуз. сб. науч. тр. – Волгоград, 1995. – С. 30–37.
60. Тороп В. Русские письма, откуда они? // Чудеса и приключения. – М., 1995. – № 3. – С. 40–43.
61. Тростенцова Л.А. [Рец.] Баранов М.Т. Школьный орфографический словарь русского языка // Рус. яз. в школе. – М., 1995 – № 5. – С. 99–100.
62. Хрестоматия по методике русского языка: Преподавание орфографии и пунктуации в общеобразовательных учебных заведениях: Пособие для учителя / Авт.-сост. В.Ф. Иванова, Б.И. Осипов. – М., 1995. – 352 с.
63. Харченко С.Ю. Лингвистические основы обучающих таблиц в орфографии // Язык и письмо: Межвуз. сб. науч. тр. – Волгоград, 1995. – С. 113–123.
64. Худяков Г. Комментарии к особенностям графической записи стихотворений «столбиком» // Новое лит. обозрение. – М., 1995. – № 16. – С. 193–204.
65. Чаурина Р.А. Правописание имен существительных на шипящую: (На материале пословиц и поговорок мира) // Рус. яз. в школе. – М., 1995. – № 6. – С. 52–54.
66. Чижикова О.В. Прописная буква как средство кодирования сакрального смысла в романе В. Набокова «Лолита» // Язык и письмо. – Волгоград, 1995. – С. 81–88.
67. Шаталова В.М. Орфографический аспект профессиональной подготовки по русскому языку: Автореф. дис. ... д-ра пед. наук / Рос. акад. образования. Исслед. центр преподавания русского языка Ин-та общеобразовательных школ. – М., 1995 – 39 с.

68. Шкиль О.П. Автоматизированное обучение русскому правописанию // Фонетика и письмо на разных этапах их исторического развития: Межвуз. сб. науч. тр. – Омск, 1995. – С. 165–170.
69. Штайн К.Э. Графика поэтического текста // Вестн. Ставроп. гос. пед. ун-та. Соц.-гуманитарные науки. – Ставрополь, 1995. – Вып. 1. – С. 135–145.
70. Шустов А.Н. Каратэ и камикадзе // Рус. яз. в школе. – М., 1995. – № 1. – С. 68–69. О правописании заимствованных слов.

1996

1. Андреев В.Д. Исторические судьбы славянской письменности // Разные грани единой науки. – СПб., 1996. – С. 70–88.
2. Бартошевская Я. (Janina Bartoszewska). Русская орфография в контексте других славянских языков. – Gdansk, 1996. – 124 с.
3. Валгина Н.С., Светлышева Н.Н. Орфография и пунктуация: Справочник. – М.: Высш. школа, 1996. – 336 с.
4. Вшанова Л. Об одной орфографической проблеме // Рус. филология. – Тарту, 1996. – № 7. – С. 345–350.
5. Гадалова В.В. Работа с орфографическими понятиями при изучении видов орфограмм // Рус. яз. в школе. – М., 1996. – № 4. – С. 31–36.
6. Григорьева Т.М. У истоков русской орфографической мысли // Язык и культура: Материалы 4-й междунар. конф. «Язык и культура». – Ч. II. – Киев, 1996. – С. 226–228.
7. Григорьева Т.М. К спорам о русской орфографии // Рус. филол. вестник. – М., 1996. – № 2. – С. 100–102.
8. Григорьева Т.М. Русское письмо: от реформы графики к реформе орфографии: Научно-популярный очерк. – Красноярск, 1996. – 160 с.
9. Григорьева Т.М. Два документа к реформе русской орфографии 1917 г.: Материалы к спецкурсу / Сост. Т.М. Григорьева. – Красноярск, 1996. – 12 с.
10. Иванова В.Ф., Осипов Б.И. О недоброкачественных изданиях орфографических словарей // Вестн. Омского ун-та. – Омск, 1996. – № 1. С. 103–104.
11. Кузьмина С.М., Лозатин В.В. К лингвистическому обоснованию «Свода правил русского правописания» (новая редакция) // Русистика сегодня. – М., 1996. – № 1. – С. 88–102.
12. Нефляшева А. Графика как средство окказионального словообразования в языке публицистики // Филология = Philologica. – Краснодар, 1996. – № 6. – С. 22–23.
13. Полубояринова И. О реформе системы народного образования: Доклад на Всероссийском съезде народно-патриотического фронта «Память» // Память. – 1996. – № 1 (15). – С. 13–15.
14. Розенталь Д.Э. Пишите, пожалуйста, грамотно!: Пособие по русскому языку. – М.: Астра, 1996. – 334 с.
15. Руденко А.К., Соколова Н.В. Тесты по русскому языку (орфография и пунктуация). – М., 1996. – 51 с.
16. Сидорова Е.Г. Правописание сложных прилагательных: (Проблемы совершенствования орфографической нормы): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 1996. – 24 с.
17. Степанова Ильмира. Судьба русской орфографии, или Возвращение буквы ђ // Рус. мысль. – 1996. – № 4127 (23–29 мая).
18. Ягудин Р.М. Русский язык: Грамматика. Орфография. Пунктуация: Справочник. – Уфа, 1996. – 178 с.

1997

1. Бадаев А.Ф. Поэтическая графика как категория текста: постановка проблемы // Художественный текст: структура, семантика, прагматика. – Екатеринбург, 1997. – С. 13–27.
2. Бебриш Н.Н. О правописании -Н- и -НН- в прилагательных и причастиях // Фонетика–орфоэпия – письмо: Межвуз. сб. науч. тр. – Красноярск, 1997. – С. 85–91.
3. Бочарова А.В. Орфографический анализ текста в школе. // Лингводидактические основы работы над текстом. – Курск, 1997. – С. 34–36.
4. Бреусова Е.И. Работа над усовершенствованием русской орфографии в 70-е годы (по материалам архива Российской Академии наук // Вестн. Омского ун-та, 1997. – № 4. – С. 66–70.
5. Букчина Б.З. Ностальгия по старой орфографии // Рус. речь. – М., 1997. – № 1. – С. 124–127.
6. Букчина Б.З. Орфографический словарь – всегда ли закон? // Рус. речь. – М., 1997. – № 1. – С. 114–120.
7. Булохов В.Я. Поле орфограммы // Фонетика–орфоэпия–письмо: Межвуз. сб. науч. тр. – Красноярск, 1997. – С. 77–85.
8. Быков Д. Право писания: 80 лет самой радикальной с петровских времен реформе русской орфографии // Общая газ. – 1997. – 6–12 нояб. (№ 44). – С. 10.
9. Галлямова Н.Ш., Гедикова А.М. Принципы русской орфографии как основа её усвоения // Актуальные проблемы филологии. – Уфа, 1997. – С. 103–104.
10. Голев А.Д. Антинормы русской орфографии. – Барнаул, 1997. – 147 с.
11. Голев Н.Д. Неканоническая орфография современного русского языка (к постановке проблемы) // Изв. Алтайского государственного университета: Серия «История. Педагогика. Филология и журналистика. Философия». – Барнаул, 1997. – №2. – С. 52–58.
12. Григорьева Т.М. Размышления о реформе орфографии 1917 года // Фонетика–орфоэпия–письмо: Межвуз. сб. науч. тр. – Красноярск, 1997. – С. 66–77.
13. Григорьева Т.М. Русская орфография: путь усовершенствований (XVIII–XX вв.): Автореф. дис. ... докт. филол. наук. – М., 1997. – 36 с.
14. Григорьева Т.М. О букве *ЯТЬ* и других исключенных реформой буквах // День и ночь. – 1997. – № 3. – С. 132–135.
15. Декрет о введении нового правописания // Держава. – М., 1997. – № 1. – С. 93.
16. Иванова В.Ф. Трудные случаи употребления и правописания частицы *и* *ни*: Учеб. пособие. – 2-е изд., испр. и доп. – СПб., 1997. – 100 с.
17. Ильин Д.Ю. Формирование орфографии географических собственных имен // Сб. труд. молодых ученых и студентов Волгоград. гос. ун-та. – Волгоград, 1997. – С. 351–353.
18. Ильин Д.Ю. Употребление прописной буквы в топонимии: (Проблемы совершенствования орфографической нормы): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 1997. – 15 с.
19. Ильина Л.И. Некоторые особенности изучения орфографии в рамках «Практикума по русскому языку» // Актуальные проблемы филологии. – Уфа, 1997. – С. 98–101.
20. Катаева И.В. Письмо и чтение (из опыта тестирования пятиклассников) // Фонетика–орфоэпия – письмо: Межвуз. сб. науч. тр. – Красноярск, 1997. – С. 91–97.
21. Ким И.Е. Словоцентричность русского языкового сознания и ее проявление в работе корректора // Фонетика–орфоэпия–письмо: Межвуз. сб. науч. тр. – Красноярск, 1997. – С. 106–114.
22. Лопатин В.В. Орфография: саморазвитие и упорядочение // Вестн. РАН. – 1997. – Т. 67. – № 8. – С. 681–687.
23. Никитина Е.А. История переноса слов в русской орфографической традиции (XIV–XX вв.): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Омск, 1997. – 20 с.
24. Окладникова Т.В. Две стратегии грамотного письма // Фонетика–орфоэпия–письмо: Межвуз. сб. науч. тр. – Красноярск, 1997. – С. 97–103.
25. Орфографический словарь русского языка: В 2 т. / Под ред. Ожегова С.И. – М: Гепта-Трейд, 1997; Подг. на основе изд. 1957 г. 1. А–О – 640 с.; 2. О–Я – 621 с.
26. Осипов Б.И. Работа сибирских ученых по проблеме русского письма // Гуманит. науки в Сибири: Сер. Филология. – Новосибирск, 1997. – № 4. – С. 105–109.
27. Осипов Б.И., Шуйская С.А. Переход носителей старой орфографической нормы на новую орфографию после реформы 1917–1918 годов // Фонетика–орфоэпия–письмо: Межвуз. сб. науч. тр. – Красноярск, 1997. – С. 52–62.
28. Павлова Н.П. Обозначение фонемы «J» на письме дошкольниками // Актуальные проблемы лингвистики и лингводидактики. – Тюмень, 1997. – С. 115–117.
29. Парамонов Д.А. Наречия, образованные от отлагольных имен существительных (возможности упорядочения правописания) // Фонетика–орфоэпия–письмо: Межвуз. сб. науч. тр. – Красноярск, 1997. – С. 103–108.
30. Печенкин А.И. Тайны русского алфавита. Нумерологи: Буквы, цифры, музыкальные символы, знаки Зодиака, ДНК. – М., 1997. – 227 с.
31. Пономарева С.В. Орфографическая практика XIX века (на материале сказки А.С. Пушкина «Золотой петушок») // Фонетика–орфоэпия–письмо: Межвуз. сб. науч. тр. – Красноярск, 1997. – С. 62–66.
32. Пособие по русскому языку для поступающих в вузы: Орфография и пунктуация / Светлышева В.Н., Леценко В.Л., Войтелева Т.М. и др.; Под ред. Светлышевой В.Н. – М.: Просвещение, 1997. – 239 с.
33. Розенталь Д.Э. Справочник по правописанию и литературной правке. – М.: Айрис: Рольф, 1997. – 361 с.
34. Селезнева Л.Б. Категории и единицы современного русского письма. – Волгоград, 1997. – 227 с.
35. Селезнева Л.Б. Русская орфография: Алгоритмизированное обучение. – СПб., 1997. – 230 с.
36. Серто М. Хозяйство письма // Новое лит. обозрение. – М., 1997. – № 28. – С. 29–46. Современный миф письма.
37. Сидорова Е.Г. Становление и развитие орфографической нормы (сложные прилагательные в русском языке) // Вестн. Волгоград. гос. ун-та. – Сер. 2. – Филология. – Волгоград, 1997. – Вып. 2. – С. 73–77.
38. Соловьев Н.В. Русское правописание: Орфографический справочник: Словарь. Комментарии. Правила / Рос. акад. наук. Ин-т лингв. исслед. – СПб.: Норинт, 1997. – 847 с; 3-е изд., испр. и доп. – СПб.: Норинт, 2000. – 847 с. – На обл. загл.: Орфографический словарь с комментариями.
39. Сорокина Н.Г., Юрьева М.Г. Орфография: Рабочая тетрадь. – М.: Школа: Открытый мир, 1997. – 151 с.
40. Сулейманова В.Р. Новые подходы к обучению орфографии в школе. развивающего обучения // Актуальные проблемы филологии. – Уфа, 1997. – С. 101–102.
41. Сычугова Л.П. Изучение фонемной основы русской орфографии в школе // Вопр. филологии и методики ее преподавания. – Киров, 1997. – С. 204–216.
42. Фоменко Н.Ф. Азбуки Л.Н. Толстого в развитии отечественной методики обучения грамоте, их место в подготовке учителей начальных классов: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. – М., 1997. – 17 с.
43. Шмелева Т.В. Письменность городской среды // Фонетика–орфоэпия–письмо: Межвуз. сб. науч. тр. – Красноярск, 1997. – С. 114–123.
44. Шубина Н.Л. Новые тенденции в пунктуационно-графическом оформлении русского текста // Рус. яз. за рубежом. – М., 1997. – № 3/4. – С. 67–74.

1998

1. Алпатов В. Кто сопротивляется реформе?: [Об орфографической реформе 1917–1918 гг.] // Независимая газ. – 1998. – 27 нояб. – С. 8.
2. Борунова С.Н. Об одной дискуссионной проблеме русской орфографии: (К вопросу о написании сложных прилагательных в русском языке) // Русистика сегодня. – М., 1998. – № 3/4 – С. 148–158.
3. Букчина Б.З. Орфографический словарь русского языка: Слитно? Раздельно? Через дефис? – М.: АСТ-ПРЕСС, 1998. – 719 с.
4. Букчина Б.З., Калакуцкая Л.П. Слитно или раздельно?: Орфографический словарь-справочник. Свыше 107 000 сложных слов. – М.Рус. язык, 1998. – 439 с.
5. Булохов В.Я. Орфограммы и их опознавательные признаки в аспекте принципа линейности речи // Фонетика–орфоэпия–письмо: Межвуз. сб. науч. тр. – Вып. 2. – Красноярск, 1998. – С. 54–57.
6. Былинский К.И., Никольский Н.Н. Русский язык: Справочник по орфографии и пунктуации. – 5-е изд., переработ. и доп. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1998. – 295 с.
7. Вороговская А.И. На ошибках учимся: Пособие для учителей, учащихся и их родителей. – М.: Диалог – МГУ, 1998. – 100 с.
8. Голев Н.Д. Внутренняя форма как универсальный принцип языка и речевой деятельности (на примере графики, орфографии, морфологии и лексики русского языка) // Актуальные проблемы дериватологии, мотивологии, лексикографии: Материалы Всероссий. конф., посвященной 120-летию Томского университета. – Томск, 1998. – С. 8–12.
9. Голев Н.Д. Об интерпретационной функции русской орфографии // Языковая картина мира: лингвистический и культурологический аспекты. Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 60-летию БИГПИ, 290-летию г. Бийска (3–5 декабря 1998). – Бийск: 1998. – Т. I. – С. 119–123.
10. Голев Н.Д. Русская орфография как «вещь в себе» // Человек. Коммуникация. Текст. – Вып. 2. – Ч. I. – Барнаул, 1998. – С. 83–85.
11. Григорьева Т.М. Русская орфография в эмиграции // Русистика сегодня. – М., 1998 – № 1–2. – С. 53–61.
12. Григорьева Т.М. Труды В.П. Шершмеевского в орфографическом движении XIX века // Фонетика–орфоэпия–письмо: Межвуз. сб. науч. тр. – Вып. 2. – Красноярск, 1998. – С. 57–67.
13. Григорьева Т.М. Циркуляр о реформе русской орфографии 1917 г. «имел эффективное действие» // Рус. словесность. – М., 1998. – № 4. – С. 46–49.
14. Григорьева Т.М. Русская орфография XX в. (послереформенный период): Учеб. пособие. – Красноярск, 1998. – 95 с.
15. Григорьева Т.М. Орфографические сюжеты журнала «Филологические записки» // Филол. записки. – Воронеж, 1998. – С. 174–185.
16. Григорьева Т.М. Орфографические «консерваторы» вчера и сегодня // Филология – журналистика '97. – Красноярск, 1998. – Вып. 3. – С. 9–12.
17. Долгушев В.Г. Забытый проект реформы русского алфавита // Рус. речь. – М., 1998. – № 3. – С. 74–80.
18. Друговойко С.В. К истории русской азбуки // Язык и текст. – СПб., 1998. – С. 238–249. Борьба с «лишними» буквами в истории русской орфографии: обзор.
19. Еськова Н.А. О написании сочетаний с приложениями // Рус. речь. – М., 1998. – № 6. – С. 52–54.
20. Зайцева С.Н. Вопрос об орфографической вариантности применительно к слитным – дефисным написаниям // Лингвистика – какая она есть. Лингвистика – какая она будет. – Иваново, 1998. – С. 4–13.

21. Иванов В.И. К вопросу об орфографической реформе // Русистика сегодня. – М., 1998. – № 3/4. – С. 207–209.
22. О брошюре архимандрита Мефодия (Великанова) «К вопросу о реформе русского правописания» (СПб., 1905 г.)
23. Иванова В.Ф. Вести из Орфографической комиссии РАН // Рус. речь. – М., 1998. – № 6. – С. 48–51.
24. Игнатченко И.Р. Н или НН? Правописание суффиксов: Словарь с граммат. коммент. – М., 1998. – 154 с.
25. Игнатченко И.Р. Балл или Бал? Слова с двойными согласными: Слов. с граммат. коммент. – М.: Рус. яз.: Дрофа, 1998. – 125 с.
26. Ильин Д.Ю. Тенденции и проблемы формирования орфографии собственных имен в XIX–XX вв. / Вестн. Волгоград. гос. ун-та. – Сер. 2. – Филология. – Волгоград, 1998. – Вып. 3. – С. 45–50.
27. Кайдалова А.И., Калинин И.К. Современная русская орфография. – М.: Эксмо-Пресс, 1998. – 367 с.
28. Камынина Н.Г. История обозначения твердости и мягкости согласных в русской орфографии XVII–XVIII вв.: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Алт. гос. ун-т. – Барнаул, 1998. – 17 с.
29. Касаткин Л.Л. О морфематическом принципе русской орфографии // Лики языка. – М., 1998. – С. 131–138.
30. Катаева И.В. О тестировании по русскому языку // Фонетика–орфоэпия–письмо: Межвуз. сб. науч. тр. – Вып. 2. – Красноярск, 1998. – С. 76–87.
31. Кобринский А.А. «Без грамматической ошибки»? Орфографический «сдвиг» в текстах Даниила Хармея // Новое лит. обозрение. – М., 1998. – № 33. – С. 188–204.
32. Кузьмина С.М. Орфографическая комиссия и новая редакция Свода правил русского правописания // Язык: изменчивость и постоянство: Сб. статей к 70-летию Л.Л. Касаткина. – М., 1998. – С. 185–192.
33. Кузьмина С.М. К проблеме кодификации слитных-дефисных написаний сложных прилагательных // Лики языка. – М., 1998. – С. 203–222.
34. Ларионова Л.Г. Правописание букв А–О в корне -кос-/-кас- // Рус. речь. – М., 1998. – № 4. – С. 65 – 67.
35. Метс Н.А. Пре- и При-. Правописание приставок: Словарь с граммат. коммент. – М., 1998. – 109 с.
36. Орфографический словарь русского языка: Ок. 100 000 слов / С.Н. Борунова, Б.З. Букчина, О.Л. Дмитриева и др.; Рос. акад. наук. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. – 33. изд., стер. – М.: Рус. яз., 1998. – 414 с.
37. Орфографический словарь русского языка / Авт.-сост. Рожкова И.М., Амелина А.Г. – М.: ОНИМП:АСТ, 1998. – 381 с.
38. Орфографический словарь русского языка / Под ред. Ожегова С.И. – М.: Сезам-Маркетинг, 1998. – 640 с.
39. Орфографический словарь русского языка / Сост. Татьянченко Н.Ф. – М.: Диалог, 1998. – 575 с.
40. Осипов Б.И. О перспективах современной русской орфографии // Фонетика–орфоэпия–письмо: Межвуз. сб. науч. тр. – Вып. 2. – Красноярск, 1998. – С. 49–54.
41. Пережогина Т.А. Влияние письма на формирование произносительной нормы современного русского языка // Вестн. Волгоград. гос. ун-та. – Сер. 2, Филология. – Волгоград, 1998. – Вып. 3. – С. 28–30.
42. Пономарева С.В. Толковый словарь В.И. Даля как феномен орфографии // Фонетика–орфоэпия–письмо: Межвуз. сб. науч. тр. – Вып. 2. – Красноярск, 1998. – С. 81–87.

43. Пчелов Е.В., Чумаков В.Т. Буква ё не для печати? // Рос. газ. – 1998. – 4 сент. – С. 31.
44. Рахманова Л.И. Несколько замечаний по поводу проекта новой редакции орфографических правил // Рус. словесность. – М., 1998. – № 6. – С. 28–32.
45. Розенталь Д.Э. и др. Справочник по правописанию, произношению, литературному редактированию / Розенталь Д.Э., Джанджакова Е.В., Кабанова Н.П. – 2. изд., испр. – М.: ЧеРо, 1998. – 399 с.
46. Сазонова И.К. Орфографический словарь русского языка. Одно или два Н? – М.: АСТ-ПРЕСС, 1998. – 542 с.
47. Селезнева Л.Б. Русское правописание: Задачи, алгоритмы, упражнения. – М.: Высш. школа, 1998. – 206 с.
48. Селезнева Л.Б. Прагматический компонент языка как фактор формирования и развития письма // Вестн. Волгоград. гос. ун-та. – Сер. 2. – Филология. – Волгоград, 1998. – Вып. 3. – С. 22–27.
49. Сидорова Е.Г. Правописание сложных прилагательных: (Проблема совершенствования орфографической) / Волгогр. гос. ун-т. – Волгоград, 1998. – 150 с.
50. Соколова В.А. Практическая грамотность: Занятия 1–4. – М., 1998. – 55 с.
51. Томачинский В. Как «ъ» стал товарным знаком: К 80-летию введения новой орфографии // Независимая газ. – 1998. – 30 окт. – С. 8.
52. Туфанов А. О новом правописании // Новое лит. обозрение. – М., 1998. – № 30. – С. 118–119.
53. Уханова Е.В. У истоков славянской письменности. – М. Изд. дом «Муравей», 1998. – 235 с. О недостатках и противоречиях послереволюционной реформы правописания.
54. Чиркова Л.П. Принципы орфографии – основа для использования зрительных диктантов в системе упражнений по орфографии // Текст: варианты интерпретации. – Бийск, 1998. – С. 161–165.
55. Шубина Н.Л. Графическая и пунктуационная нормы в коммуникативно-прагматической программе носителей русского языка // Русистика. Лингвистическая парадигма конца XX века. – СПб., 1998. – С. 77–85.

1999

1. Амерова Р.Х. Грамматико-орфографический словарь и инновационные подходы к обучению орфографии // Инновационные проблемы филологической науки и образования. – Уфа, 1999. – С. 170–174.
2. Большой орфографический словарь русского языка: 106 000 слов / Под ред. С.Г. Бархударова и др. – М.: ОНИКС: Альянс-В, 1999. – 478 с.
3. Букчина Б.З. Орфографический словарь русского языка: Слитно? Раздельно? Через дефис? – М.: АСТ-ПРЕСС, 1999. – 712 с.
4. Владимиров О.В. Из наблюдений над особенностями орфографии памятных деловой письменности XVIII в. (по данным ГАКО) // Сб. науч. тр. аспирантов и соискателей Курганского гос. ун-та: (общественные науки). – Курган, 1999. – С. 34–36.
5. Герасименко И.Е. К вопросу об интерферирующих явлениях в области орфографической системы при овладении иностранцами русским языком // Вопросы теории и методики русского языка. – Тула, 1999. – С. 65–71.
6. Глазков А.В. Орфографическая ошибка как предмет лингвистического исследования: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1999. – 16 с.
7. Гневзк О.В. Теория орфографии в психолингвистическом освещении // Наука на рубеже веков. – СПб., 1999. – С. 20–26.
8. Гневзк О.В. Сопоставительный анализ современных теорий письма и орфография // Наука на рубеже веков. – СПб., 1999. – С. 3–9.

9. Голев А.Д. Когнитивный аспект русской орфографии: орфографоцентризм как принцип обдуманного метаязыкового сознания // Отражение русской языковой картины мира в лексике и грамматике. – Новосибирск, 1999. С. 97–107.
10. Голев Н.Д. Коммуникативная орфография русского языка (на примере неразличения на письме букв Е и Ё // Человек–Коммуникация–Текст. – Барнаул, 1999. – Вып. 3. – С. 47–53.
11. Гор К. Влияние орфографии и морфологии второго языка на фонологию интерязыка: На материале редукции безударных гласных // Яз. и речевая деятельность. – СПб., 1999. – Т. 2. – С. 113–127.
12. Гордеева Е.В. Уроки практической орфографии: Пособие для учителя и учащихся сред. общеобразоват. школе. – М.: Владос, 1999. – 158 с.
13. Григорьева Т.М. История русской орфографии – путь к реформе // Рус. язык: Ежегод. прилож. к газете «Первое сентября». – М., 1999. – № 10 (март). – С. –12.
14. Журавлев А.Ф. Мир: мирь и мьрь // Рус. речь. – М., 1999. – № 1. – С. 46–48.
15. Захарова К.Ф. Время и причины утраты *ять* в Москве // Язык. Культура. Гуманитарное знание. – М., 1999. – С. 15–27.
16. Ивакина Н.Н. Орфография и пунктуация: Пособие для юриста. – М.: Юристъ, 1999. – 42 с.
17. Ильин Д.Ю. Употребление прописной буквы в топонимии: (Проблема совершенствования орфогр. нормы) / Волгогр. гос. ун-т. – Волгоград: Изд-во Волгогр. гос. ун-та, 1999. – 147 с.
18. Каверина В.В. Современная орфография приставок на -3- как результат закономерного развития языковой коммуникации // Язык, сознание, коммуникация. – М., 1999. – Вып. 7. – С. 100–114.
19. Кознева Л.М. Графико-орфографическое оформление заголовочного слова в региональном историческом словаре // Русская региональная лексикология и лексикография. – Вологда, 1999. – С. 156–158.
20. Красса С.И. Принципы графики и орфографии как системообразующие факторы русского письма // Вестн. Ставропол. гос. пед. ун-та. Филол. науки. – Ставрополь, 1999. – Вып. 22. – С. 124–128.
21. Кузьмина С.М. Общество и орфография // Язык. Культура. Гуманитарное знание. Научное наследие Г.О. Винокура и гуманитарное знание. – М., 1999. – С. 211–217.
22. Лопатин В.В. и др. Прописная или строчная?: Орфогр. слов. рус. яз./ В.В. Лопатин, Л.К. Чельцова, И.В. Нечаева. – М.: АСТ-Пресс, 1999. – 372 с.
23. Лукина Я. Фонетико-орфографический аспект заимствований при обучении русскому языку иностранных учащихся // Слово молодым филологам. – СПб., 1999. – С. 70–71.
24. Матвеевичева О.Н. Прогнозирующая функция ошибки // Русистика на современном этапе. – М., 1999. – С. 294–298.
25. Маршалек Л. Современный подход к преподаванию русской орфографии полякам // Новое в теории и практике описания и преподавания русского языка. – Варшава, 1999. – С. 18–184.
26. Мирошниченко О.Ф. Еще раз о реформах русского алфавита // Русистика на современном этапе. – М., 1999. – С. 154–159.
27. Орфографический словарь русского языка: Пособие-справочник для школьников и абитуриентов / Авт.-сост.: Рожкова И.М., Амелина А.Г. – М.: Олимп, 1999. – 381 с.
28. Осипов Б.И. Учителю об истории русского письма: Учебн. пособие. – Омск, 1999. – 124 с.
29. Осипов Б.И. Против контрреформы русской орфографии // Филологический ежегодник. – Омск, 1999. – Вып. 2. – С. 72–74.

30. Полный справочник по орфографии и пунктуации: Правила, приметы, коммент. / Т.В. Вахрушева, Н.М. Ким, Е.В. Полова и др. – М.: АСТ-Пресс, 1999. – 495 с.
31. Раков В.П. Смантства и графика стилиа М. Цветаевой // Константин Бальмонт, Марина Цветаева и художественные искания XX в. – Иваново, 1999. – Вып. 4. – С. 122–141.
32. Романова Н.И. Правописание официонимов в нормативных изданиях до «Правил орфографии и пунктуации» 1956 г. // Материалы науч. конф. проф.-преподавательского состава Волжского гуманитарного ин-та ВолГУ (г. Волжский, 21–24 апр.) – Волгоград, 1999. – С. 175–176.
33. Русский орфографический словарь: Ок. 160 000 слов / РАН. Отд-ние лит. и яз. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова: Редкол.: Лопатин В.В. (отв. ред.) и др. – М.: Азбуковник, 1999. – 1262 с.
34. Тетеревятников Н.Ф. Графические средства выражения скрытого смысла в языке произведений А.П. Чехова // Язык писателя. Текст. Смысл. – Таганрог, 1999. – С. 57–61.
35. Тихонов А.Н. Орфографический словарь русского языка: Ок. 70 000 слов. – 2-е изд., стереотип. – М.: Цитадель, 1999. – 911 с.
36. Тихонов А.Н., Казак М.Ю. Школьный орфографический словарь русского языка. – М.: Культура и традиции, 1999. – 510 с.
37. Филиппов Л.К. Язык А.И. Солженицына: Особенности авторской орфографии // А.И. Солженицын и русская культура. – Саратов, 1999. – С. 147–152.
38. Шапир М.И. К текстологии «Евгения Онгина»: (Орфография, поэтика и семантика) // Вопр. языкознания. – М., 1999. – № 5. – С. 101–112.
39. Шарапова А. Прогнозирование типичных ошибок при обучении американских учащихся русской графике // Слово молодым филологам. – СПб., 1999. – С. 71–72.
40. Шарипова Г. Графика сегодняшнего дня // Нар. образование. – М., 1999. – № 6. – С. 221–222.
41. Шмелева Т.В. Новое в русской орфографии // Новое в теории и практике описания и преподавания русского языка. – Варшава, 1999. – С. 315–319.
42. Штильман С.Л. Что рассказать учащимся об орфографических колебаниях в некоторых изданиях А.С. Пушкина // Рус. яз. в школе. – М., 1999. – № 3. – С. 28–35.

2000

1. Агарина И.Н. Совершенствование орфографической зоркости студентов // Лингвистика и школа: Тезисы докладов Всероссийской научно-практич. конференции. – Барнаул, 2000. – С. 75–77.
2. Аксенов В. В защиту Ё: О букве русского ёрничества // Соотечественники: русская культура без границ. – М., 2000. – Вып. 2. – С. 39–41.
3. Бабайцева В.В. Тайны орфографической зоркости // Рус. словесность. – М., 2000. – С. 62–68.
4. Бельдягин В.М. Дидактико-лингвистические проблемы теории русской орфографии // Лингвистическая теория русской орфографии и методики ее преподавания. – Омск, 2000. – С. 3–68.
5. Бреусова Е.И. Работа над усовершенствованием русского правописания в послеоктябрьский период и вопросы общей теории орфографических реформ: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Красноярск, 2000. – 18 с.
6. Бреусова Е.И. Достоинства и недостатки «Предложений по усовершенствованию русской орфографии» 1964 г. // Лингвистическая теория русской орфографии и методика ее преподавания. – Омск, 2000. – С. 100–110.
7. Букчина Б.З., Сазонова И.К., Чельцова Л.К. Орфографический словарь русского языка: Более 100 00 слов. – М.: АСТ-Пресс, 2000. – 1294 с.

8. Валгина Н.С. Светлышева Н.Н. Русский язык: Орфография и пунктуация. Правила и упражнения. – М.: Неолит, 2000. – 413 с.
9. Галенко В.Т. Русский язык и латиница // НТИ. Сер. I, Организация и методика информ. работы. – М., 2000. – № 10. – С. 35–42.
10. Глинкина Л.А. Прагматический аспект в орфографическом словаре с этимологическими справками // IV Житниковские чтения: Актуальные проблемы лексикографирования научных исследований: Материалы междуз. науч. конф., 20–21 апр. 2000 г., г. Челябинск: В 2 ч. – Челябинск, 2000. – Ч. 1. – С. 24–30.
11. Голев Н.Д. Омофонический и омографический фонды современного русского языка. Ч. 2. Синтагмовые омофоны // Изв. Алтайского госуниверситета. Сер.: История. Философия и педагогика. Филология. – Барнаул, 2000. – № 4. – С. 80–85.
12. Голев Н.Д. Ошибка или описка – что хуже? (к основаниям теории функциональной орфографии русского языка) // Речевое общение: специализированный выпуск. – Вып. 3 (11). – Красноярск, 2000. – С. 36–43.
13. Голев Н.Д. Помехи письменной речи как проблема коммуникативной орфографии русского языка // Методология современной лингвистики: Проблемы, поиски, перспективы: Сб. статей. – Барнаул, 2000. – С. 58–65.
14. Голев Н.Д. Русская орфография в аспекте речевого функционирования (постановка проблем функциональной орфографии) // Речеведение: Научно-методические тетради. – № 2. – Великий Новгород, 2000. – С. 68–78.
15. Голуб И.Б., Розенталь Д.Э. Сборник упражнений по русской орфографии и пунктуации. – М.: Владос, 2000. – 191 с.
16. Григорьева Т.М. Орфографические уроки Ф.Ф. Fortunatova и А.А. Шахматова // Fortunatovskiy sbornik: Материалы науч. конф., посвященной 100-летию Московской лингвистической школы 1897–1997 – М., 2000. – С. 100–107.
17. Григорьева Т.М. Русская орфография в посттоталитарный период // Русский язык сегодня. – Вып. 1. – М., 2000. – С. 67–77.
18. Григорьева Т.М. Историческая орфография в школе. // Лингвистика и школа: Тез. докладов Всероссийской науч.-практич. конф. – Барнаул, 2000. – С. 85–87.
19. Деркаченко П.П. Великая орфографическая революция // Рус. мир. – М., 2000. – № 1. – С. 219–223.
20. Ериза Т.Н. НЕ с краткими прилагательными и орфографическая практика учащихся // Лингвистика и школа: Тез. докладов Всероссийской науч.-практич. конф. – Барнаул, 2000. – С. 88–89.
21. Еськова Н.А. О новом своде орфографических правил // Наука и жизнь. – 2000. – № 7. – С. 32.
22. Еськова Н.А. Заставь дурака...: Еще раз о Боге и боге // Рус. речь. – М., 2000. – № 1. – С. 45–47.
23. Еськова Н.А. «Тоже мне профессор: пинжак через «д» пишет!» // Наука и жизнь. – М., 2000. – № 3. – С. 43.
24. Иванова В.Ф., Бурькин А.А. [Рец.] Осипов Б.И. Учителю об истории русского письма. – Омск, 1999. // Рус. яз. в школе. – М., 2000. – № 3. – С. 106–107.
25. Ильин А.И. О русском правописании [1952] // Рус. мир. – М., 2000. – № 1. – С. 224–227.
26. Ильин А.И. О наших орфографических ранах [1952] // Рус. мир. – М., 2000. – № 1. – С. 228–232.
27. Ильин А.И. Как же это случилось?: (Заключительное слово о русском национальном правописании) // Рус. мир. – М., 2000. – № 1. – С. 232–236.
28. Калнынь Л.Э. Об отражении языковых и графических представлений носителя диалекта в зеркале «наивного письма» // Folia slavistica: Памяти Михайловне Шейтлин. – М., 2000. – С. 46–53.

29. Киселева О.А. Соотношение «орфографическая ошибка-описка», «орфоэпическая ошибка-оговорка» в коммуникативном аспекте // Лингвистика и школа: Тез. докладов Всероссийской науч.-практич. конф. – Барнаул, 2000. – С. 88–89.
30. Киров Е.Ф. Графика русского языка до и после Кирилла: К вопросу о происхождении буквенного письма // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н.И. Лобачевского. Сер.: Филология. – Н. Новгород, 2000. – Вып. 1. – С. 125–147.
31. Колобова Э.А. Правописание наречий как отражение принципов орфографии // Славянская культура. Традиции и современность. – Чита, 2000. – С. 45–49.
32. Коныков В.И. Нужно ли реформировать русское правописание? // Мир рус. слова. – СПб, 2000. – № 4. – С. 33–34.
33. Костинский Ю.М. Об одном неудачном дезориентирующем правиле // Рус. яз. в школе. – М., 2000. – № 1. – С. 78–80. Отношения отрицательной частицы «не» с союзами «а» и «но».
34. Крысин Л.П. Заметки об иноязычных словах // Рус. речь. – М., 2000. – № 3. – С. 40–42. Этимология, правописание, произношение.
35. Кузнецова О.Г. Принципы орфографии и типы написаний // Лингвистическая теория русской орфографии и методика ее преподавания. – Омск, 2000. – С. 118–128.
36. Кузнецова О.Г. Типы и виды написания в русской орфографии: (На материале наиболее употребительной лексики словаря Н.М. Шанского // Лингвистическая теория русской орфографии и методика ее преподавания. – Омск, 2000. – С. 130–140.
37. Кузьмина С.М. Теория письма и Московская фонологическая школа // Фортунатовский сборник: Материалы науч. конф., посвященной 100-летию Московской лингвистической школы 1897–1997. – М., 2000. – С. 94–99.
38. Кузьмина С.М. Теория русского письма И.А. Бодуэна де Куртене в современной школе // И.А. Бодуэн де Куртене. Ученый: Учитель. Личность: Доклады науч.-практич. конф. «Лингвистическое наследие И.А. Бодуэна де Куртене на исходе XX столетия». – Красноярск, 2000. С. 114–119.
39. Львова С.И. Орфография: Этимология на службе орфографии: Пособие для учителя. – М.: Рус. слово, 2000. – 108 с.
40. Мамаев К.Н. Письмо и речь / Рос. акад. наук. Урал. отделение. – Екатеринбург, 2000. – 223 с.
41. Маркелов В.С. Письмо Агафьи Лыковой // Рус. речь. – М., 2000. – № 3. – С. 65–73. Тип письма, относящийся к XVIII–XIX вв. (старообрядческий полуустав).
42. Миртов А.В. Как научить и научиться грамотно писать? Общедоступная методика орфографии. Новое изд. Переч. с изд. 1914 г. – Барнаул, 2000. – 102 с. (Подг. текста, предисловие и вступит. статья Л.Б. Парубченко)
43. Новый орфографический словарь-справочник русского языка: Более 107 тыс. слов / Отв. ред. Бурцева В.В. – М.: Рус. яз., 2000. – 757 с.
44. Ожегов С.И. Орфографический словарь русского языка: В 2 т. – М.: Сезам-Маркетинг, 2000. – Т. 1: А–О. – 640 с.
45. Осипов Б.И. Морфологический и фонематический принципы орфографии: сходство, различие и методические следствия // Лингвистика и школа: Тез. докладов Всероссийской науч.-практич. конф. – Барнаул, 2000. – С. 103–105.
46. Осипов Б.И. Варьирование морфем в русском языке и русской орфографии // Лингвистическая теория русской орфографии и методика ее преподавания. – Омск, 2000. – С. 68–79.
47. Осипов Б.И., Шуйская С.А. Орфография газет «Известия» и «Правда» в 1917–1918 годах // Лингвистическая теория русской орфографии и методика ее преподавания. – Омск, 2000. – С. 79–88.

48. Пономарева С.В. «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля в контексте орфографической вариантности XIX–нач. XX вв.: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Красноярск, 2000. – 27 с.
49. Пономарева С.В. Орфографические варианты в типологическом и нормативном аспектах (на материале орфографических справочников конца XIX–нач. XX вв. // Лингвистический ежегодник Сибири. – Вып. 2. – Красноярск, 2000. – С. 131–134. Об орфографических особенностях 3-го издания Словаря В.И. Даля.
50. Попов Р.В. О словообразовательно-грамматическом принципе русской орфографии // Res philologica. – Архангельск, 2000. – Вып. 2. – С. 120–123. Правописание «я» и «ян» в суффиксах отыменных прилагательных.
51. Правда Е.А. Обучение иностранцев русской орфографии и пунктуации // Славистика. – Белград, 2000. – Кн. 4. – С. 139–144.
52. Пчелов Е.В., Чумаков В.Т. Два века русской буквы Ё. История и словарь. – М.: Нар. образование, 2000. – 248 с., илл.
53. Свод правил русского правописания. Орфография. Пунктуация. Проект: Рос. акад. наук. Отд. лит. и яз. Орфографическая комиссия. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. – М.: Азбуковник, 2000. – 397 с.
54. Соколов К.С. Устное и письменное начала в поэтической онтологии Иосифа Бродского: (На материале стихотворений конца 60 – нач. 70-х годов) // Литература и философия. – СПб., 2000. – С. 121–126.
55. Сильченкова Л.С. К вопросу об ориентирах чтения в русской графике // И.А. Бодуэн де Куртене. Ученый: Учитель. Личность: Доклады науч.-практич. конф. «Лингвистическое наследие И.А. Бодуэна де Куртене на исходе XX столетия». – Красноярск, 2000. С. 240–246.
56. Тренировочные материалы по орфографии и пунктуации русского языка: Пособие для учащихся ст. классов школ, лицеев, колледжей / Л.Г. Саяхова, Н.Г. Галамова, Л.И. Дьяченко и др. / Под ред. Л.Г. Саяховой. – СПб.: Просвещение, 2000. – 219 с.
57. Чумаков В. Буква Ё просится на страницы «Евгения Онегина» // Нар. образование. – М., 2000. – № 3. – С. 186–189.
58. Шарандина Н.Н. О письменном представлении арго. (На примере воровской татуировки) // Пушкинские чтения–2000: Материалы науч. межвуз. конф., 6 июня. – СПб., 2000. – С. 50–52.
59. Шоков Н.Н. О названии ведущего принципа русской орфографии // Технологии гуманитарного поиска: Лингвистика. История. – Белгород, 2000. – С. 89–90.

2001

1. Авдеев В. Поэма прикосновений // Подъем. – Воронеж, 2001. – № 5. – С. 222–228. Азбука как органическая целостность. О необходимости восстановления утраченного строя родного языка.
2. Бешенкова Е.В. Роль системы и нормы в правописании НЕ // Словарь и культура русской речи: К 100-летию со дня рождения С.И. Ожегова. – М., 2001. – С. 35–43.
3. Богомазов Г.М. К вопросу о классификации ненормативных написаний при усвоении детьми системы русского письма // Проблемы современного филологического образования. – М., 2001. – С. 19–29. Фонологический и графический аспекты.
4. Богомазов Г.М. Орфография // Богомазов Г.М. Современный русский литературный язык. – М., 2001. – С. 191–220.
5. Большой орфографический словарь русского языка: Более 11 000 слов / Сост. Медведева А.А. – М.: Центрполиграф, 2001. – 927 с.

6. Большой словарь официальных юридических терминов / Сост. Фединский Ю.М. – М.: Экономика, 2001. – 647 с.
7. Бугаева И.В. О реформе русской орфографии // Ежегодная Богословская конф. Православного Свято-Тихоновского богословского института: Материалы 2001. – С. 319–324.
8. Букчина Б.З. Орфография некоторых образований, производных от географических названий // Жизнь языка: Сб. к 80-летию М.В. Панова. – М., 2001. – С. 387–390.
9. Букчина Б.З. О написании сложных прилагательных // Словарь и культура русской речи: К 100-летию со дня рождения С.И. Ожегова. – М., 2001. – С. 59–72.
10. Букчина Б.З., Калакуцкая Л.П. Слитно или раздельно?: Орфографический словарь-справочник: Свыше 107 000 сложных слов. – 2-е изд., стер. – М.: Русский язык, 2001. – 939 с.
11. Букчина Б.З., Сазонова И.К., Чельцова Л.К. Орфографический словарь русского языка: Более 100 000 слов: Грамматич. информ. Пояснения и прим. Табл. грам. форм. – М.: АСТ-ПРЕСС, 2001. – 1290 с.
12. Букчина Б.З., Чельцова Л.К. Орфографическая комиссия 1963–1964 годов // Жизнь языка: Сб. к 80-летию М.В. Панова. – М., 2001. – С. 391–394.
13. Бурыкин А.А., Иванова В.Ф. Доктор Пель и русская графика: (К вопросу о букве ё) // Рус. яз. в школе. – М., 2001. – № 2. – С. 80–83. Варианты написаний антропонимов.
14. Голев Н.Д. Коммуникативная орфография русского языка: задачи и методы экспериментального изучения орфографической деятельности читающего // Фонетика и письмо в диахронии: Межвуз. сб. науч. трудов. – Омск, 2001. – 22–31 (в соавторстве с О.А. Киселевой).
15. Голев Н.Д. Морфемно-derivационные основания интуитивной орфографической деятельности детей // Вестник алтайской науки: Образование. Вып.1. – Барнаул, 2001. – С. 78–83. (совместно с Е.А. Аввакумовой).
16. Голев Н.Д. Некоторые проблемы «объективистского» изучения русской орфографии в функционально-прагматическом аспекте // Актуальные направления функциональной лингвистики: Материалы Всерос. науч. конф. «Языковая ситуация в России конца XX века» (г. Кемерово, 1–3 декабря 1997 года). – Томск, 2001 г. – С. 158–167.
17. Голев Н.Д. Омфонический и омографический фонды современного русского языка. Часть 3. Синтаксические омофоны и омографы // Изв. Алтайского гос. университета. Серия «История. Филология. Философия и педагогика». – Барнаул, 2001 Вып. 4 (22). – С. 39–46.
18. Голев Н.Д. Основной принцип русской орфографии в объективистском освещении: постановка проблем и гипотез // Фонетика и письмо в диахронии: Межвузовский сборник научных трудов. – Омск, 2001. – С. 14–21.
19. Голев Н.Д. Теория и практика орфографии (материалы круглого стола) // Лингвистика и школа: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Барнаул, 2001. – С. 56–58, 60–61, 77–79, 80–81, 85.
20. Голев Н.Д., Киселева О.А. Коммуникативная орфография русского языка: задачи и методы экспериментального изучения орфографической деятельности читающего // Фонетика и письмо в диахронии. – Омск, 2001. – С. 22–31.
21. Григорьева Т.М. Новая жизнь старой орфографии // Жизнь языка: Сб. к 80-летию М.В. Панова. – М., 2001. – С. 399–405.
22. Григорьева Т.М., Пономарева С.В. Норма и вариантность в русской орфографии // Лингвистический ежегодник Сибири. – Красноярск, 2001. – Вып. 3. – С. 13–27.
23. Дзякович Е.В. Возможности пунктуации и параграфемии в современной печатной рекламе // Словарь и культура русской речи: К 100-летию со дня рождения С.И. Ожегова. – М., 2001. – С. 120–126.

24. Еськова Н.А. Еще раз о мире и мире и о «Войне и мире» // Рус. речь. – М., 2001. – № 2. – С. 120–122.
25. Еськова Н.А. «Тоже мне, профессор: пипяк через Д пьет!» // Рус. словесность. – М., 2001. – № 2. – С. 59–61. О мнимых борцах за чистоту русского языка.
26. Жедек П.С. Фонология и школьная методика преподавания орфографии // Жизнь языка: Сб. к 80-летию М.В. Панова. – М., 2001. – С. 431–440.
27. Зубова Л.В. Поэтическая орфография в конце XX века // Текст. Интертекст. Культура. – М., 2001. – С. 367–381.
28. Иванова-Гладильщикова Н. Реформы орфографии не будет! // Соотечественники: рус. культура вне границ. – М., 2001. – Вып. 3. – С. 39–40.
29. Ильин Д.Ю. Совершенствование орфографического правила как актуальная проблема педагогической лингвистики: (На материале написаний географических названий) // Филология и педагогика: вопросы взаимодействия. – Владикавказ, 2001. – Вып. 2. – С. 138–147.
30. Каверина В.В. Прописные буквы в истории русской орфографии // Древние языки в системе университетского образования: исследование и преподавание. – М., 2001. – С. 122–127.
31. Каверина В.В. Нерешенные вопросы современного русского правописания в связи с проектом «Свода правил русского правописания» // Язык, сознание, коммуникация. – М., 2001. – С. 134–137.
32. Касаткин Л.Л. Графика и орфография // Русский язык: Учеб. для студ. высш. пед. учеб. заведений / Под ред. Л.Л. Касаткина. – М., 2001. – С. 413–452.
33. Клобуков Е.В. Строчная или прописная?: (О семантике, прагматике и словообразовательных следствиях графического эксперимента) // Языковая система и ее развитие во времени и пространстве. – М., 2001. – С. 347–362.
34. Кузьмина С.М. Об умягчении нравов русской орфографии (К проблеме вариативности написаний) // Жизнь языка: Сб. к 80-летию М.В. Панова. – М., 2001. – С. 406–411.
35. Кузнецова О.Г. Сущность фонематических написаний // Филологический ежегодник. – Омск, 2000. – Вып. 3. – С. 15–18.
36. Лемов А.В. Морфематический принцип русской орфографии и словообразования // Теория языкознания и русистика: наследие Б.Н. Головина. – Н. Новгород, 2001. – С. 202–205.
37. Лопатин В.В. О новом своде правил русского правописания // Рус. яз. в школе. – М., 2001. – № 2. – С. 55–60.
38. Лопатин В.В. Русская орфография и задачи корректуры // Новый мир. – М., 2001. – № 5. – С. 104–117.
39. Лопатин В.В. Беглость гласных как орфографическая проблема: (Из комментариев к новому своду правил правописания) // Жизнь языка: Сб. к 80-летию М.В. Панова. – М., 2001. – С. 412–420.
40. Лопатин В.В. Прописная буква в орфографическом словаре общего типа // Словарь и культура русской речи: К 100-летию со дня рождения С.И. Ожегова. – М., 2001. – С. 251–258.
41. Луговая Л.И. Орфография переходных явлений // Языковая деятельность: переходность и синхронизм. – М., Ставрополь, 2001. – Вып. 7. – С. 397–400. О семантической мотивировке правил орфографии.
42. Малыгина Т.П. Проблемное обучение на уроках русского языка. (При изучении орфографии) // Русский язык: Теория и методика преподавания. – М., 2001. – С. 112–116.
43. Никитина Е.А. Первая реформа русской и явление конца строки в русских рукописях XV века // Славянские чтения. – Омск, 2001. – Вып. 7–8. – С. 188–192.

44. Новиков Л.А. Что стоит за слитным написанием НЕ с глаголами у А.А. Потебни: Об одной особенности орфографии ученого // Словарь и культура русской речи: К 100-летию со дня рождения С.И. Ожегова. – М., 2001. – С. 283–290.
45. Новый орфографический словарь-справочник русского языка: Более 107 тыс. слов / Отв. ред. Бурцева В.В. – 3-е изд., стер. – М., 2002. – 757 с.
46. Осипов Б.И. [Рец.] Русский орфографический словарь / Сост. Букчина Б.З., Иванова О.Е., Кузьмина С.М., Лопатин В.В., Чельцова Л.К. Отв. ред. В.В. Лопатин – М., 1999 // Вопр. языкознания. – М., 2001. – № 3. – С. 126–128.
47. Осипов Б.И. Морфологический и фонематический принципы орфографии: сходство, различие и методические следствия // Лингвистика и школа: Материалы Всероссийской научно-практич. конференции. – Барнаул, 2001. – С. 41–55.
48. Парубченко Л.Б. Проблемы школьной орфографии в научно-методической литературе начала XX века // Лингвистика и школа: Материалы Всерос. научно-практич. конференции. – Барнаул, 2001. – С. 120–133.
49. Пономарева З.Н. Графический образ иноязычного слова в современных русских текстах // Мир. рус. слова. – СПб., 2001. – № 2. – С. 75–77
50. Проект измененных правил русского языка появится к осени // Унив. книга. – М., 2001. – № 7. – С. 12–13.
51. Римская О.В. Орфографическая лексика Белгородской области: культурные смыслы // Духовная жизнь и культура российской провинции. – Белгород, 2001. – С. 313–314.
52. Розенталь Д.Э. Справочник по правописанию и литературной правке. – 3-е изд., испр. – М.: Айрис-Пресс: Рольф, 2001. – 361 с.
53. Русакова М., Павлова В., Сай С. О механизмах, обеспечивающих орфографические написания // Рус. текст – Rus. text. – СПб., 2001. – № 6. – С. 67–80.
54. Семенов В.В. К вопросу о возможных последствиях реформы русской орфографии // Мир рус. слова. – СПб., 2000. – № 4. – С. 31–32.
55. Серова М.Б. Русский язык. Орфография: Правила. Схемы. Обучающие диктанты. – М.: Флинта: Наука, 2001. – 239 с.
56. Сидорова Е.Г. Интерпретация орфографической нормы как фактор стабилизации письма: (На материале правописания сложных прилагательных) // Филология и педагогика: вопросы взаимодействия. – Владикавказ, 2001. – Вып. 2. – С. 37–41.
57. Скобликова Е.С. [Рец.] О проекте нового «Свода правил русского правописания. Орфография. Пунктуация». – М., 2001 // Филол. науки. – М., 2001. – № 5. – С. 100–109.
58. Ступишин В. New сладостный still?: На каком языке мы говорим и пишем // Соотечественники: русская культура без границ. – М., 2001. – Вып. 2. – С. 66–67.
59. Трофимова Е.Б., Трофимова У.М. Место орфографии в языковом пространстве // Лингвистика и школа: Материалы Всероссийской научно-практич. конференции. – Барнаул, 2001. – С. 114–119.
60. Хан-Пира Э. Новый орфографический словарь и новый проект упрощения русской орфографии // Знамя. – М., 2001. – № 9. – С. 228–230.
61. Чумаков В. Курьезы реформ орфографии // Нар. образование. – М., 2001. – № 2. – С. 77–74.
62. Шапир М.И. Об орфографическом режиме в академических изданиях Пушкина // Московский пушкинист. – М., 2001. – 9. – С. 45–58.
63. Шмелева Т.В. Орфография с позиций филологии // Языковая система и ее развитие во времени и пространстве. – М., 2001. – С. 488–496.
64. Юдин В. Реформа правописания: покушение на русский язык // Соотечественники: русская культура без границ. – М., 2001. – Вып. 2. – С. 65–66.
65. Юдин В. Бьют тревогу языковеды // Мол. гвардия. – М., 2001. – № 3. – С. 175–178. О грядущей реформе правил русского правописания.

66. Юдин В. Бьют тревогу языковеды // Сибирь. – Иркутск, 2001. – С. 83–85. О предполагаемой орфографической реформе.

2002

1. Голев Н.Д. Проблемы эстетизации русской орфографии // Вопросы филологии, методики преподавания иностранных языков и страноведения. – Вып. IV. – Великий Новгород, 2002. – С. 16–25.
2. Горбунов О., Прутцкова Г.О. О реформе правописания: Мнения «реформаторов» // Журналистика и культура рус. речи. – М., 2002. – № 1. – С. 50–54.
3. Каверина В.В. Вопросы орфографии и преподавания русского языка как иностранного // Язык, сознание, коммуникация. – М., 2002. – Вып. 22. – С. 133–135.
4. Киров Е.Ф. Русская орфография на перепутье // Вестн. Моск. гор. пед. ун-та. – М., 2002. – № 2. – С. 168–171. К проблеме реформы.
5. Коваленко М. Тайны русских букв // Слово. – М., 2002. – № 4. – С. 32–46; № 5. – С. 9–20; № 6. – С. 20–32; 2003. – № 1. – С. 92–102.
6. Кузьмина С.М. Самое бездействующее из действующих правил русского правописания // Аванесовский сборник: К 100-летию Р.И. Аванесова. – М., 2002. – С. 318–323.
7. Кузьмина С.М. Реформа или новая редакция? (О новой редакции свода правил русского правописания) // Отеч. зап. – М., 2002. – № 1. – С. 171–176.
8. Лопатин В.В. Морфемная структура слова и орфография // Аванесовский сборник: К 100-летию Р.И. Аванесова. – М., 2002. – С. 303–310.
9. Осипов Б.И. Наследие И.А. Бодуэна де Куртэнэ и современная теория письма // Человек в зеркале языка. – М., 2002. – С. 19–22.
10. Осипов Б.И. Заметки по русской орфографии: О проекте новой редакции свода правил русской орфографии и пунктуации // Человек в зеркале языка. – М., 2002. – С. 347–353.
11. Осипов Б.И. Заметки по русской орфографии: Непрерывность графико-орфографических изменений и вопрос об их типологии // Человек в зеркале языка. – М., 2002. – С. 354–361.
12. Пожарицкая С. Орфография и возможности ее реформирования // Отеч. зап. – М., 2002. – № 2. – С. 221–227.
13. Сидорова Е.Г. Необходимо ли «умягчение нравов русской орфографии»? (К вопросу о правописании сложных существительных) // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – Владикавказ, 2002. – Вып. 3. – С. 142–149.
14. Силанова А. «Нереформа» и реформа как формы русского языка // Отеч. зап. – М., 2002. – № 1. – С. 161–167.
15. Шмелев Д.Н. Нужен ли новый «Новый свод правил правописания»? // Отеч. зап. – М., 2002. – № 1. – С. 115–220.

2003

1. Глинкина Л.А. Орфографические трудности в аспекте фонетической теории русского письма // Аванесовский сборник: К 100-летию со дня рождения Р.И. Аванесова. – М., 2003. – С. 311–318.
2. Девкин В.Д. Шутки с буквами // Лексика и лексикография. – М., 2003. – Вып. 14. – С. 47–66. Буква как категория языкового комизма. На материале рус. и нем. языков.
3. Миронова Т.Л. Как формировалась русская орфография: социолингвистическая реконструкция книгописания конца XI века // Древняя Русь. – М., 2003. – № 2 (12). – С. 55–62.
4. Пронина И.В. Правописание приставок *пре-* и *при-* // Рус. яз. в шк. – М., 2003. – № 2. – С. 44–48.

Алфавитный указатель имен

1. А.С. – 1862.
2. Абакумов С.И. – 1928; 1937; 1942.
3. Абдуллаев Х. – 1955; 1966.
4. Абрамович Д.И. – 1906.
5. Аванесов Р.И. – 1930; 1934; 1964; 1978.
6. Авдеев В. – 2001.
7. Аверьянова Г. – 1995.
8. Агаркова Н.Г. – 1991.
9. Агарина И.Н. – 2000.
10. Адалис А.Б. – 1964.
11. Адамов П.А. – 1892.
12. Адодуров В.Е. – 1731.
13. Азбука – 1709; 1714; 1715.
14. Азбука гражданская – 1710.
15. Аксенов В. – 2000.
16. Аксенов С.С. – 1995.
17. Алахвердиев Р. – 1988 (см. Городилова Г.).
18. Алгазина Н.Н. – 1961; 1964; 1981.
19. Алексеев Д.И. – 1964.
20. Алпатов В. – 1998.
21. Алферов А.Д. – 1918.
22. Амеров Р.Х. – 1999.
23. Амирова Т.А. – 1981; 1985.
24. Анастасиев А.И. – 1878; 1879.
25. Андреев В.Д. – 1996.
26. Андреев В.Ф. – 1891.
27. Андреев И.А. – 1963.
28. Андросов Н. – 1875.
29. Аничков Евг. – 1923.
30. Аннинский Д.В. – 1879.
31. Анохина В.В. – 1972.
32. Антипов И.Д. – 1965.
33. Антокольский П.Г. – 1964.
34. Антошин Н.С. – 1962; 1963.
35. Арапов М. – 1983.
36. Арбатский Д.И. – 1963.
37. Ардентов Б.П. – 1963.
38. Арзуманова Р.А. – 1995.
39. Асланов Г.Н. – 1956.
40. Астафьев А. – 1939.
41. Астахов Иван – 1788.
42. Асфандияров И.У. – 1974.
43. Афанасьев П.О. – 1912; 1928; 1936; 1944.
44. Бабайцева В.В. – 2000.
45. Бадаев А.Ф. – 1997.
46. Баженов А. – 1862.
47. Балыбердин А. – 1964 (см. Солондун Ю.).
48. Баньковский И.И. – 1857.
49. Барандеев А.В. – 1971; 1975; 1978; 1983; 1989; 1993.
50. Баранова Л.А. – 1981; 1982; 1983.
51. Барановский С.И. – 1848.
52. Барановский Ф.Н. – 1954; 1962.
53. Барлас Л.Г. – 1963.
54. Барсов А.А. – 1768.
55. Барсов А.В. – 1986.
56. Бартенев Б.В. – 1976.
57. Бартошевска Я. (Bartoszczewska Janina) – 1996.
58. Бархин К.Б. – 1930; 1930 (см. Проект реформы); 1934 (см. Истрина Е.С.).
59. Бархударов С.Г. – 1956 (см. Орфографический); 1963.
60. Басенко К.В. – 1964.
61. Баскаков Н.А. – 1955.
62. Бауман Н. – 1917.
63. Бахтин Н.Н. – 1886.
64. Бебриш Н.Н. – 1997.
65. Бейкмад Э. – 1965.
66. Безрукова А.А. – 1990; 1992.
67. Безъязыков В.Ю. – 1995.
68. Белинский В.Г. – 1835; 1844; 1845.
69. Белиошвили О. – 1965 (см. Канкава М.).
70. Белкин А.С. – 1902.
71. Белобородов М. – 1862.
72. Белоконь Е.А. – 1988.
73. Белоусова В. – 1994.
74. Белунова Н.И. – 1995.
75. [Бенедиктов И.А.] – 1898.
76. Берг С.Л. – 1965.
77. Бесолов Л.М. – 1974.
78. Бетлинг О.Н. – 1852.
79. Бешенкова Е.В. – 2001.
80. Биргер Э.И. – 1962.
81. Бирюлина Н. – 1954.
82. Благовещенский Н.О. – 1900.
83. Блюм А.В. – 1978.
84. Блюмберг Р.А. – 1974.
85. Бобров П. – 1954 (см. Весский В.).
86. Боброва Т.А. – 1993.
87. Богданович Я. – 1936.
88. Богомазов Г.М. – 2001.

89. Богородицкий В.А. – 1881; 1887; 1904; 1939.
90. Богородский Василий – 1798.
91. Боговяленский Д.Н. – 1948; 1957; 1958.
92. Бодуэн де Куртене И.А. – 1871; 1876; 1878; 1903; 1905 (см. Протокол); 1909; 1911; 1912; 1915 (см. М. С.-ов).
93. Бок И. – 1956.
94. Болховитинов Ю.В. – 1964.
95. Большой орфографический словарь... – 1999.
96. Большой орфографический словарь... – 2001.
97. Большой словарь... – 2001.
98. Бондаренко С.М. – 1988 (см. Граник Г.Г.); 1991 (см. Граник Г.Г.).
99. Бондарук Г.П. – 1965; 1974; 1986.
100. Борисенко В.В. – 1981; 1990.
101. Борисов В.В. – 1989.
102. Боровский Я.М. – 1957.
103. Борунова С.Н. – 1994; 1995; 1998.
104. Бочарова А.В. – 1997.
105. Бочкарев А.П. – 1962.
106. Брандт Р.Ф. – 1855; 1881; 1885; 1886; 1901; 1902; 1904; 1905; 1905 (см. Протокол); 1908; 1910; 1912; 1917.
107. Браун Ф. – 1921.
108. Бреусова Е.И. – 1995; 1997; 2000.
109. Брюсов В.Я. – 1917.
110. Бубрих Д.В. – 1930 (см. Языковеды).
111. Бугаева И.В. – 1988; 1991; 1992; 1995; 2001.
112. Булагов Р.А. – 1964; 1988.
113. Будде Е.Ф. – 1898; 1899; 1901; 1904; 1905 (см. Протокол); 1908.
114. Будилович А.С. – 1902; 1904; 1905 (см. Протокол).
115. Буков А. – 1831.
116. Букчина Б.З. – 1964; 1966; 1967; 1969; 1972; 1974; 1977; 1978; 1981; 1982; 1984; 1988; 1994; 1995; 1997; 1998; 1999; 2000; 2001.
117. Булатова Л.Н. – 1969.
118. Булаховский Л.А. – 1935; 1954; 1957.
119. [Булич С.К.] – 1898.
120. Бунаков Н.Ф. – ??
121. Буслаев Ф.И. – 1858.
122. Булохов В.Я. – 1968; 1988; 1989; 1990; 1991; 1992; 1993; 1997; 1998.
123. Бурякин А.А. – 2000 (см. Иванова В.Ф.).
124. Бухарина Д.А. – 1964 (см. Одинокая П.Г.).
125. Бунгуи Т.А. – 1991.
126. Быков Д. – 1997.
127. Былинский К.И. – 1940; 1942; 1943; 1944; 1947; 1950; 1954; 1956; 1957; 1960; 1998.
128. Вакуров В.Н. – 1994.
129. Валгина Н.С. – 1964; 2000.
130. Валимова Г. – 1954.
131. Ванюшечкин В.Т. – 1976.
132. Варпек К.А. – 1860.
133. Варухин В.С. – 1962.
134. Васильев А. – 1916.
135. Васильев А.П. – 1898.
136. Васильев В.А. – 1842; 1843; 1845.
137. Васильев В.Н. – 1958.
138. Васильева В.Д. – 1968.
139. Вахтеров В.Н. – 1923.
140. Вашанова Л. – 1996.
141. Введенская Л.П. – 1995.
142. Великанов М.М. – 1880; 1905.
143. Величук А.П. – 1956.
144. Вербицкий А.А. – 1812; 1813.
145. Верещагин Е.М. – 1988.
146. Весский В. – 1954.
147. Ветвицкий В.Г. – 1964; 1974.
148. Виноградов В.В. – 1954; 1962; 1964.
149. Винокур Г.О. – 1941; 1945; 1947; 1948; 1959.
150. Витшнпольская А.Г. – 1955.
151. Владимиров О.В. – 1999.
152. Власенко М.М. – 1955; 1964.
153. Вовчок П. – 1954.
154. Воеводский Л.Ф. – 1898; 1904.
155. Войнова А.В. – 1964; 1982; 1986.
156. Волков А.А. – 1974; 1975; 1982; 1983.
157. Волков В.В. – 1993.
158. Волков Н.В. – 1905 (см. Протокол).
159. Волков О. – 1964.
160. Волкова Н.А. – 1995.
161. Володина Е.А. – 1983.
162. Волоцкая З.М. – 1974.
163. Воробьев П. – 1964.
164. Воробьева В.В. – 1963.
165. Воробьева С.А. – 1982.
166. Вороговская А.И. – 1998.
167. Воскресенский С.И. – 1889.
168. Востоков А.Х. – 1808; 1831; 1844 (см. Белинский В.Г.); 1853 (см. Извлечения).

169. Выходцева М.Я. – 1991.
 170. Вяземский Б.А. – 1953.
 171. Габичев П. – 1964.
 172. Гадалова В.В. – 1996.
 173. Гала М. – 1977.
 174. Галахов А.Д. – 1839.
 175. Галенко В.Т. – 2000.
 176. Галиченский А.Д. – 1964.
 177. Галкин Д. – 1955.
 178. Галлямова Н.Ш. – 1997.
 179. Гвоздев А.Н. – 1930; 1931; 1932; 1934; 1936; 1947; 1951; 1958; 1960; 1961.
 180. Гвоздева К.Н. – 1930 (см. Гвоздев А.Н.).
 181. Гедикова А.М. – 1997 (см. Галлямова Н.Ш.).
 182. Гензель П. – 1917.
 183. Геннади Г.Н. – 1862.
 184. Геннинг В.П. – 1879.
 185. Георгиевский А.П. – 1917; 1954; 1955.
 186. Герасимов А.Г. – 1901; 1903.
 187. Герасименко И.Е. – 1999.
 188. Гильдебрандт П. – 1879; 1880.
 189. Гиляров-Платонов Н.П. – 1904; 1905 (см. Чернышев В.И.).
 190. Глазков А.В. – 1995; 1999.
 191. Глинкина Л.А. – 2000; 2002.
 192. Гловинская М.Я. – 1964.
 193. Глушкина С.М. – 1961.
 194. Глущенко А. – 1964.
 195. Гневэк О.В. – 1999.
 196. Годнев А.В. – 1907.
 197. Голанова Е.И. – 1974.
 198. Голев А.Д. – 1993; 1997; 1998; 1999; 2000; 2001; 2002.
 199. Головин В. – 1862.
 200. Голуб И.Б. – 2000.
 201. Гор К. – 1999.
 202. Горбачева О.Г. – 1989 (см. Борисов В.В.).
 203. Горбунов О. – 2002.
 204. Горбунова А.А. – 1962.
 205. Гордин Л. – 1954.
 206. Горланова В.П. – 1954; 1955.
 207. Горнунг Б.В. – 1967.
 208. Городилова Г. – 1986; 1988.
 209. Горохов А.Е. – 1899.
 210. Горшкова К.В. – 1957.
 211. Гостеева С.А. – 1995.
 212. Гражданская азбука – 1777.
 213. Граник Г.Г. – 1988; 1991.
 214. Гребенкина Н.Т. – 1984.
 215. Греч Н.И. – 1827; 1840; 1842; 1851; 1852.
 216. Григорьев А. – 1923.
 217. Григорьев В.В. – 1850.
 218. Григорьев В.П. – 1965; 1974.
 219. Григорьева Т.М. – 1992; 1993; 1994; 1995; 1996; 1997; 1998; 1999; 2000.
 220. Грищенко В.Ф. – 1964.
 221. Громова Н.М. – 1963.
 222. Громыко В. – 1954.
 223. Грот К.Я. – 1915.
 224. Грот Я.К. – 1847; 1852; 1862; 1873; 1873 (Хованский А.А.); 1875 (см. Хованский А.А.); 1876 (см. Ягич И.В.); 1885; 1885 (см. Соболевский А.И.); 1886 (см. Зеллянский В.А.); 1916.
 225. Грунин И. – 1963.
 226. Грунский Н.К. – 1917.
 227. Гухман М.М. – 1955.
 228. Даль В.И. – 1863; 1868.
 229. Данелиа С. – 1967.
 230. Данилов А.А. – 1963.
 231. Данилов В. – 1927.
 232. Данилов Г.К. – 1930.
 233. Двужылова Л.В. – 1991.
 234. Девкин В.Д. – 2003.
 235. Декрет – 1997.
 236. Демидова К.И. – 1963; 1964.
 237. Деминский Я. – 1816.
 238. Денисов В.Л. – 1919.
 239. Державин Н.С. – 1917; 1920; 1923; 1930.
 240. Деркаченко П.П. – 2000.
 241. Джумартова М.Н. – 1988.
 242. Дзякович Е.В. – 2001.
 243. Дискакая Н.А. – 1964 (см. Одинокая Ц.Г.).
 244. Длуги Д.А. – 1979.
 245. Дмитриева О.Л. – 1991.
 246. Дмитриев-Кельда И.Д. – 1954; 1964.
 247. Добролюбов Н.А. – 1857.
 248. Добромыслов В.А. – 1954; 1955; 1964.
 249. Доброписцев М.Е. – 1886.
 250. Добротворский А. – 1863.
 251. Долгушев В.Г. – 1998.
 252. Долинина Н. – 1964.
 253. Друговейко С.В. – 1998.
 254. Дудина Е.И. – 1987.
 255. Дудов В.К. – 1963.
 256. Дурново Н.Н. – 1930.
 257. Дымский А.С. – 1970; 1977.
 258. Евгеньев А. – 1919.
 259. Егоров П. – 1931.
 260. Езерский Ф.В. – 1914.
 261. Еланчинцева Н.М. – 1983.

262. Емельяченко И.Р. – 1963.
 263. Ерина Т.Н. – 1984; 1987; 1991; 1995; 2000.
 264. Еселевич И.Э. – 1988.
 265. Еськова Н.А. – 1961; 1963; 1964; 1966; 1967; 1974; 1991; 1994; 1998; 2000.
 266. Ефимов А.И. – 1962; 1963.
 267. Ефимова Н.Ф. – 1974.
 268. Ефремов И.А. – 1964.
 269. Ешке Г. – 1963.
 270. Жажа С. – 1963.
 271. Жедек П.С. – 1974; 2001.
 272. Железнякова Л.И. – 1976.
 273. Жилин А.Н. – 1960.
 274. Жирмунский В.М. – 1965.
 275. Житомирский К.Г. – 1894; 1915; 1915 (см. М. С.-ов); 1918.
 276. Жовницкая О.Н. – 1989 (см. Булохов В.Я.).
 277. Жовтобрюх М.А. – 1964; 1965 (см. "Обсуждение...").
 278. Жуков А. – 1985.
 279. Жукова Т.М. – 1974.
 280. Жуковская З.В. – 1961.
 281. Журавлев А.Ф. – 1999.
 282. Журавлев В.К. – 1973.
 283. Задорнов Н. – 1964.
 284. Зайцева С.Н. – 1998.
 285. Зализняк А.А. – 1964; 1979.
 286. Заморзаева Е.Н. – 1953 (см. Вяземский Б.А.).
 287. Заморзаева Е.М. – 1974; 1974 (см. Кобызев А.И.).
 288. Зарецкий А.И. – 1946.
 289. Засядко Н. – 1871.
 290. Затопляев А.В. – 1931.
 291. Захарова К.Ф. – 1999.
 292. Заходер Б.Н. – 1964.
 293. Зелинский В.А. – 1886; 1906; 1917.
 294. Земский А.М. – 1941.
 295. Зиндер Л.Р. – 1969; 1987.
 296. Зинин С.И. – 1968.
 297. Земцов Ю.В. – 1964.
 298. Зимин П. – 1964.
 299. Зиндер Л.Р. – 1960; 1969; 1987.
 300. Зинин С.И. – 1967.
 301. Зорин Н.И. – 1953.
 302. Зубатов Н.В. – 1924.
 303. Зубова Л.В. – 2001.
 304. Ивакина Н.П. – 1999.
 305. Иванов А.А. – 1881; 1882 (см. Соболевский А.И.).
 306. Иванов В.В. – 1954; 1987 (см. Шанский Н.М.).
 307. Иванов Вяч. – 1905.
 308. Иванов В.И. – 1998.
 309. Иванов Н.И. – 1885.
 310. Иванов С.А. – 1970.
 311. Иванова В.Ф. – 1958; 1962; 1963; 1964; 1966; 1967; 1968; 1970; 1971; 1973; 1974; 1974 (см. Ветвицкий В.Г.); 1975; 1976; 1977; 1978; 1979; 1981; 1982; 1984; 1985; 1988; 1990; 1991; 1993; 1995; 1998; 2000.
 312. Иванова О.Е. – 1994.
 313. Иванова Т.А. – 1969.
 314. Иванова-Гладильщикова Н. – 2001.
 315. Иванович И. – 1933.
 316. Игнатченко И.Р. – 1998.
 317. Иеропольский К.А. – 1916.
 318. Изменения транскрипции... – 1977.
 319. Изюмов А. – 1933.
 320. Ильин Д.Ю. – 1995; 1997; 1998; 1999.
 321. Ильин И.А. – 2000.
 322. Ильина Л.И. – 1997.
 323. Ильин М.М. – 1958.
 324. Ильинская И.С. – 1953; 1966 (см. Орфография).
 325. Илюшин А.А. – 1994.
 326. Илюшина Л.А. – 1988.
 327. Инбер В.М. – 1964.
 328. Инструкция... – 1977.
 329. Инфантьев Б. – 1965.
 330. Иоаннисянц С.А. – 1933; 1935.
 331. Ионина М.В. – 1964.
 332. Иосифов Е. – 1986 (см. Моисеев А.).
 333. Исаковский М.В. – 1964.
 334. Истрия В.А. – 1961; 1965; 1988.
 335. Истрина Е.С. – 1928; 1934; 1936.
 336. Ищенко Д.С. – 1964.
 337. Ицкович В.А. – 1974.
 338. К. Су-в. – 1907; 1915; 1916.
 339. Каверин Г.В. – 1999; 2001; 2002.
 340. Кавокин Г.Н. – 1930.
 341. Кадинский К.М. – 1842; 1857.
 342. Кажан В.И. – 1984.
 343. Казак М.Ю. – 1999 (см. Тихонов А.Н.).
 344. Казанский И.П. – 1901.
 345. Кайдалова А.И. – 1963; 1971; 1983.
 346. Калайдович И.Ф. – 1824; 1825; 1827.
 347. Калахуцкая Л.П. – 1963; 1965; 1967; 1969 (см. Букчина Б.З.); 1972; 1972 (см.

- Букчина Б.З.); 1974; 1974 (см. Букчина Б.З.); 1981 (см. Букчина Б.З.) 1987; 1988; 1993; 1995; 1998 (см. Букчина Б.З.); 2001 (см. Букчина Б.З.).
348. Калинин А.В. – 1963; 1964.
 349. Калинина И.К. – 1971; 1983.
 350. Каллаш В.В. – 1901.
 351. Калнынь Л.Э. – 2000.
 352. Калугин В. – 1964.
 353. Камынина Н.Г. – 1998.
 354. Канарский А. – 1849.
 355. Канкава М. – 1965; 1974.
 356. Карпинский М. – 1892.
 357. Карпюк Г.В. – 1995 (см. Лопатин В.В.).
 358. Карский Е.Ф. – 1904.
 359. Картоев М.У. – 1982.
 360. Карцевский С.О. – 1923; 1937.
 361. Касаткин Л.Л. – 1998; 2001.
 362. Касаткина Р.Ф. – 1993.
 363. Катаева И.В. – 1997; 1998.
 364. Каткова Л.Г. – 1978.
 365. Качкин М. – 1964.
 366. Кашеварова А.Е. – 1973.
 367. Кедров В.Ф. – 1862.
 368. Ким И.Е. – 1997.
 369. Киров Е.Ф. – 2000; 2002.
 370. Киров Н. – 1846.
 371. Кирпотин В.Я. – 1964.
 372. Кирсанов С.И. – 1964.
 373. Киселева Н. – 1955.
 374. Киселева О.А. – 2000; 2001 (см. Голев Н.Д.).
 375. Классовский В.И. – 1867.
 376. Ключанов И.Э. – 1981; 1983.
 377. Климова Л.А. – 1980.
 378. Ключева Н.П. – 1976; 1979; 1980.
 379. Ключев Г. – 1963.
 380. Кобринский А.А. – 1998.
 381. Кобышев А.И. – 1974.
 382. Ковалев В.П. – 1964.
 383. Ковалев П.К. – 1941.
 384. Коган Б.И. – 1964.
 385. Кожин А.Н. – 1955; 1964.
 386. Козловский П.С. – 1875.
 387. Кознева Л.М. – 1999.
 388. Коларь О. – 1905.
 389. Колб Г.Я. – 1955; 1964.
 390. Колесников Н.А. – 1967; 1995 (см. Венденская Л.П.).
 391. Колесников Н.П. – 1963 (см. Мгеладзе Д.С.).
 392. Колесов В.В. – 1974; 1978.
 393. Колобова Э.А. – 2000.
 394. Колосов М.А. – 1879.
 395. Колтановский А.Д. – 1900.
 396. Коляда Г.И. – 1964.
 397. Комарова Н.А. – 1974.
 398. Комиссаров А.А. – 1964.
 399. Комков А.М. – 1974 (см. Бондарчук Г.П.).
 400. Компьютерные игры – 1990.
 401. Кондратов А.М. – 1969; 1975.
 402. Кондырев Л.Н. – 1964.
 403. Константинов Н. – 1992.
 404. Концева Л.А. – 1988 (см. Граник Г.Г.); 1991 (см. Граник Г.Г.).
 405. Коньков В.И. – 2000.
 406. Копорский С.А. – 1964.
 407. Копосов Л.Ф. – 1994.
 408. Копыленко М.М. – 1964.
 409. Корш Ф.Е. – 1886; 1902; 1904; 1905 (см. Сакулин П.Н.).
 410. Костецкий А.Г. – 1975.
 411. Костин И.Т. – 1912.
 412. Костинский Ю.М. – 2000.
 413. Котов С. – 1964.
 414. Кочкин М. – 1929.
 415. Кочубей Р.И. – 1988; 1993; 1995.
 416. Красиков Ю.В. – 1980.
 417. Краснова Т.В. – 1986.
 418. Краткая российская... – 1793.
 419. Краткие правила – 1773.
 420. Краткое известие... – 1791.
 421. Кремлев П. – 1898.
 422. Кривенко В.С. – 1919.
 423. Краснова Т.В. – 1989.
 424. Красса С.И. – 1999.
 425. Кретова В.Н. – 1977.
 426. Крысин Л.П. – 2000.
 427. Крючков С.Е. – 1956; 1957; 1958; 1964.
 428. Кувичко В.Е. – 1955; 1963.
 429. Кузнецова И.В. – 1974.
 430. Кузнецова Н.И. – 1988.
 431. Кузнецова О.И. – 1995.
 432. Кузнецова О.Г. – 2000; 2001.
 433. Кузьмин А.И. – 1974.
 434. Кузьмина С.М. – 1964; 1981; 1985; 1995; 1996; 1999; 2000; 2001; 2002.
 435. Кулагин А.Ф. – 1956; 1957.
 436. Кузьман Н.К. – 1905 (см. Протокол).
 437. Культура речи... – 1993.
 438. Кулакова И.Ф. – 1974.

439. Кумахова Д.М. – 1990.
 440. Кунавин Б.В. – 1986; 1988; 1989.
 441. Куницкий В.О. – 1901.
 442. Курганов Н.Г. – 1769.
 443. Кучерявая Г. – 1954.
 444. Лавин В. – 1954.
 445. Лавров А. – 1993.
 446. Ладыженская Т.А. – 1964.
 447. Лажечников И.И. – 1837.
 448. Ларин Б.А. – 1930 (см. Языковеды).
 449. Ларионова Л.Г. – 1998.
 450. Левицкая Г.К. – 1991.
 451. Лекант П.А. – 1963.
 452. Левов А.В. – 2001.
 453. Леонов Л.М. – 1964.
 454. Леонтьев А.А. – 1963.
 455. Лерман А. – 1993.
 456. Летченко М.С. – 1962.
 457. Лизогубова И.А. – 1964.
 458. Листвинов Н.Г. – 1958.
 459. Литеров В.Ф. – 1991.
 460. Ляхачев Д.С. – 1993.
 461. Лихонин М. – 1849.
 462. Лойфман Н.Я. – 1964.
 463. Ломоносов М.В. – 1746; 1750; 1755.
 464. Лоначевский А.И. – 1891.
 465. Лопатин В.В. – 1995; 1996 (см. Кузьмина С.М.); 1997; 1999; 2001; 2002.
 466. Лоя Я.В. – 1940.
 467. Луговая Л.И. – 2001.
 468. Лукин М.Ф. – 1964.
 469. Лукина Я. – 1999.
 470. Луначарский А.В. – 1930.
 471. Лундин А.Г. – 1982.
 472. Лурье-Дерский А. – 1955.
 473. Львов М.Р. – 1990.
 474. Львова С.И. – 1995; 2000.
 475. Лысков И.П. – 1904.
 476. Любичева Е.В. – 1992.
 477. Лямбек Э. – 1902.
 478. Майоров Д.К. – 1964.
 479. Макаров В.Г. – 1975.
 480. Макарова Н. – 1963.
 481. Макарова Р.В. – 1967; 1969.
 482. Макарова С.И. – 1968.
 483. Максимов Л.Ю. – 1957.
 484. Максимова Л.К. – 1964; 1964 (см. Букчина Б.З.); 1965.
 485. Малаховский В.А. – 1925; 1929; 1934; 1936; 1937; 1946.
 486. Маловицкий Л.Я. – 1992.
 487. Малорепвилов М. – 1885; 1886.
 488. Мамаев К.Н. – 2000.
 489. Мамина Н.В. – 1990.
 490. Мальцев М.Д. – 1930.
 491. Малявина Т.П. – 2001.
 492. Мандельштам И. – 1884.
 493. Маркарян С. – 1964.
 494. Марков Н.М. – 1880.
 495. Маркелов В.С. – 2000.
 496. Марр Н.Я. – 1930.
 497. Маршалек Л. – 1999.
 498. Маслов Ю.С. – 1973.
 499. Матвеевичева О.Н. – 1999.
 500. Матвеева Е.В. – 1939.
 501. Матусевич М.И. – 1941.
 502. Мгеладзе Д.С. – 1963.
 503. Мейеров В.Ф. – 1986; 1988; 1989; 1990; 1991; 1992; 1993; 1995.
 504. Метс Н.А. – 1998.
 505. Милькова Е.М. – 1989 (см. Булохов В.Я.).
 506. Миронова Т.Л. – 1993; 2003.
 507. Мироносицкий П.П. – 1917.
 508. Мирошниченко О.Ф. – 1999.
 509. Миртов А.В. – 1915; 1915 (см. Грот К.Я.; М. С-ов); 1916; 1916 (см. Каринский Н.); 1918; 1923; 1927 (см. На I-м краевом); 1954; 2000.
 510. Миссин Р.К. – 1963.
 511. Миськевич Г.И. – 1974.
 512. Михайлов А.В. – 1911.
 513. Михайлов А.В. – 1995.
 514. Михайлов В.В. – 1984.
 515. Михайлов М. – 1859.
 516. Михайлов-Мучкин Г.С. – 1905.
 517. Моисеев А.И. – 1963; 1969; 1970; 1974 (см. Ветвицкий В.Г.); 1980; 1983; 1986; 1987; 1988; 1989; 1995; 1995 (см. Иванова В.Ф.).
 518. Молошная Т.М. – 1964 (см. Волоцкая З.М.).
 519. Морозов А.А. – 1964.
 520. Московкина А.А. – 1956.
 521. Мошова А.А. – 1976.
 522. Нагиев В.Б. – 1986.
 523. Надеждин Н.И. – 1841.
 524. Надточий Е.Д. – 1990.
 525. Надточий В.И. – 1990 (см. Надточий Е.Д.).
 526. Наровчатов С. – 1970.
 527. Невинская Л. – 1964.

528. Некрасова Е.А. – 1974.
 529. Немченко В.Н. – 1981.
 530. Нефляшева А. – 1996.
 531. Нигларт И.А. – 1877.
 532. Никитина Е.И. – 1974.
 533. Никитина Е.А. – 1995; 1997; 2001.
 534. Никифоров В. – 1954.
 535. Николаева Т.М. – 1964; 1964 (см. Волоцкая З.М.); 1965.
 536. Николич И. – 1874.
 537. Никольский Н.Н. – 1942; 1947; 1998 (см. Былинский К.И.).
 538. Ниорадзе В.Г. – 1974.
 539. Новаковский В.И. – 1870; 1872; 1873; 1874.
 540. Новиков Л.А. – 2001.
 541. Новый орфографический – 2000; 2001.
 542. Нохрина Р.Е. – 1974.
 543. Обнорский С.П. – 1930 (см. Языковеды); 1934; 1936; 1939; 1944; 1954; 1956.
 544. Обыденный М.Е. – 1896.
 545. Овсянников М.С. – 1988; 1994.
 546. Огиенко И.И. – 1913.
 547. Одинокая Ц.Г. – 1964.
 548. Ожегов С.И. – 1954; 1956 (см. Орфографический); 1957; 1957 (см. Булаховский Л.А.); 1995 (см. Орфографический); 1997 (см. Орфографический).
 549. Ольденбург Ф.Ф. – 1910.
 550. Ольгович С.И. – 1984; 1993.
 551. Окладникова Т.В. – 1997.
 552. Опоков З.З. – 1900; 1901; 1903; 1904; 1905; 1907.
 553. Опришко А.Я. – 1974.
 554. Оральников Н. – 1929; 1930; 1931.
 555. Орехов В.И. – 1963.
 556. Орлицкий Ю. – 1995.
 557. Орлов В.Ф. – 1955.
 558. Орлова В.Г. – 1943.
 559. Орфографический... – 1993; 1994; 1995; 1997; 1999.
 560. Орфография... – 1973.
 561. Осетрова Е.В. – 1998.
 562. Осипов Б.И. – 1974; 1979; 1980; 1988; 1990; 1991; 1992; 1993; 1995; 1996 (см. Иванова В.Ф.); 1997; 1998; 1999; 2000; 2001; 2002.
 563. Остолопов Н.Ф. – 1820; 1822.
 564. Павлова В. – (см. Русакова М., 2001).
 565. Павлова Л.К. – 1976; 1997.
 566. Павский Г.П. – 1842.
 567. Панов М.В. – 1956; 1962; 1963; 1964; 1964 (см. Николаева Т.М.); 1966; 1967; 1974; 1981; 1984.
 568. Панфилов А. – 1955 (см. Киселева Н.).
 569. Панфилов А.К. – 1967.
 570. Панфилов В.М. – 1963.
 571. Папп Ф. – 1968.
 572. Парамонов Д.А. – 1995; 1997.
 573. Патынко Г.А. – 1940.
 574. Паульсон И.И. – 1892.
 575. Певная Р.А. – 1974 (см. Канкава М.В.).
 576. Пеку В. – 1964 (см. Тудоран Л.).
 577. Пеньковский А.Б. – 1974.
 578. Первов Л.Д. – 1915; 1918.
 579. Переверзев И.А. – 1782.
 580. Персильевский П.М. – 1842.
 581. Пережогина Т.А. – 1998.
 582. Песков В. – 1964.
 583. Петерсон М.Н. – 1925; 1927; 1928; 1955.
 584. Петропавловский М.Ф. – 1888.
 585. Петрученко О.А. – 1905.
 586. Печенкин А.И. – 1997.
 587. Пешковский А.М. – 1924; 1929; 1930.
 588. Платонов Е. – 1954.
 589. Пленкин Н. – 1964.
 590. Поварской Ю. – 1911.
 591. Подольская н.В. – 1994.
 592. Подпывайлова М. – 1854 (см. Чмелев П.).
 593. Подшивалов В.С. – 1796; 1816.
 594. Пожарицкая С. – 2002.
 595. Поздняков Н. – 1926.
 596. Поливанов Е.Д. – 1917; 1927; 1928; 1937.
 597. Полный справочник – 2000.
 598. Полонский А.З. – 1929.
 599. Полубояринова И. – 1996.
 600. Поля П. – 1962.
 601. Пономарева С.В. – 1997; 1998; 2000; 2001 (см.: Григорьева Т.М.).
 602. Попов В.И. – 1916.
 603. Попов Р.В. – 2000.
 604. Попова С.Н. – 1991.
 605. Пособие... – 1997.
 606. Поспелов Г.Н. – 1964.
 607. Потапов С.М. – 1963.
 608. Потегня А.А. – 1874; 1875.
 609. Потерин И.И. – 1963.
 610. Потиха З.А. – 1991.
 611. Правила... – 1772.
 612. Правписание – 1794.
 613. Проект... – 2001.

614. Пронина И.В. – 2003.
 615. Протоколы – 1853; 1901; 1905; 1914.
 616. Протченко И.Ф. – 1964; 1964 (см. Букчина Б.З.); 1965 (см. "Обсуждение..."); 1967.
 617. Прутцкова Г.О. – 2002 (см. Горбунов О.).
 618. Прядкин С.Н. – 1900.
 619. Пузыревский А.И. – 1892.
 620. Пчелов Е.В. – 1998; 2000.
 621. Рабина С. – 1964.
 622. Радченко К.Ф. – 1910.
 623. Разумовская М.М. – 1962; 1974; 1992; 1995.
 624. Раков В.П. – 1999.
 625. Рапов О. – 1994.
 626. Распопов И.П. – 1977.
 627. Рахманова Л.И. – 1998.
 628. Разыграев В.И. – 1887.
 629. Райнах Йпирджих. – 1986.
 630. Райская Л.М. – 1994.
 631. Ремез Г.А. – 1929 (см. Полонский А.З.).
 632. Реформатский А.А. – 1933; 1937; 1947; 1950; 1955; 1960; 1964; 1965.
 633. Решетников М.М. – 1962.
 634. Ржиг Ф.В. – 1904.
 635. Репкин В.В. – 1974 (см. Желек П.С.).
 636. Римская О.В. – 2001.
 637. Роде Н. – 1931.
 638. Рождественский Н.С. – 1929; 1934; 1935; 1936; 1937; 1938; 1940; 1941; 1946; 1949; 1951; 1960.
 639. Рождественский А.С. – 1898; 1908.
 640. Розенталь Д.Э. – 1955 (см. Голуб И.Б.); 1956 (см. Голуб И.Б.); 1957 (см. Голуб И.Б.); 1962; 1964; 1967; 1985; 1988; 1994; 1996; 2000 (см. Голуб И.Б.); 2001.
 641. Романова Н.И. – 1993; 1999.
 642. Российская азбука... – 1763; 1775; 1781.
 643. Российская церковная – 1796.
 644. Руделев В.Г. – 1966; 1988.
 645. Руднев А.Г. – 1963.
 646. Руднева Л.Н. – 1976.
 647. Рукавишников С.С. – 1962.
 648. Румянцев В.В. – 1940.
 649. Русакова М. – 2001.
 650. Русановский В.М. – 1964 (см. Жовтобрюх М.А.); 1965 (см. "Обсуждение...").
 651. Руссо С.В. – 1813.
 652. Русский... – 1999.
 653. Рыбакова А.В. – 1989; 1990; 1991.
 654. Рябикова О.С. – 1979.
 655. Рязанцевский. – 1925.
 656. Савельева Л.В. – 1994.
 657. Салохина Т.П. – 1981; 1990.
 658. Сазонова А.И. – 1970.
 659. Сазонова И.К. – 1998.
 660. Сазонова И.К. – 1964; 2001 (см. Букчина Б.З.).
 661. Сай С. – (см. Русакова М., 2001).
 662. Сакулин П.Н. – 1901; 1902; 1904; 1905 (см. Протокол); 1917; 1918.
 663. Самбикина М. – 1954.
 664. Самородицкая П. – 1988 (см. Городилова Г.).
 665. Саморуков И.И. – 1976.
 666. Санджи-Гаряева З.С. – 1981 (см. Чумаченко М.М.).
 667. Санжаров Л.Н. – 1963; 1964.
 668. Сапкина Г.Н. – 1964.
 669. Сазонова И.К. – 2000 (см. Букчина Б.З.).
 670. Сахаров В.И. – 1928.
 671. Светлаев М.В. – 1943 (см. Былинский К.И.); 1943 (см. Методические).
 672. Светов В.П. – 1773; 1790.
 673. Сводь правил – 1936; 1936; 1937; 1939; 1951; 1996; 2000.
 674. Светлышева Н.Н. – 1998 (см. Валгина Н.С.); 1996 (см. Валгина Н.С.).
 675. Северьянова А.А. – 1995.
 676. Селезнева Л.Б. – 1981; 1988; 1991; 1993; 1994; 1995; 1997; 1998.
 677. Селиванов П.А. – 1904.
 678. Сельвинский И.Л. – 1964.
 679. Семенов В.П. – 1964.
 680. Семенов А.В. – 1862.
 681. Семенов М. – 1908.
 682. Семенов М.С. – 1915.
 683. Семенов-Тянь-Шанский А. – 1908.
 684. Семушкин Т.З. – 1964.
 685. Сенковский О.И. – 1835; 1957.
 686. Сергеев П.А. – 1974.
 687. Сергиевский А.П. – 1906.
 688. Сергиевский М.В. – 1928; 1936 (см. Свод).
 689. Серебрякова Г.И. – 1964.
 690. Серова М.Б. – 2001.
 691. Серто М. – 1997.
 692. Синдицкий А.Р. – 1963.
 693. Силоров В.Н. – 1930 (см. Аванесов Р.И.); 1934 (см. Аванесов Р.И.); 1953 (см. Ильинская И.С.).

694. Сидорова Е.Г. – 1995; 1996; 1997; 1998; 2001; 2002.
 695. Силанова А. – 2002.
 696. Сиякевич Е.Н. – 1991 (см. Попова С.Н.).
 697. Сиренко А.А. – 1963.
 698. Сияльская П.С. – 1976; 1985.
 699. Скандовский Н. – 1872.
 700. Скворцов Л.И. – 1967; 1974; 1991.
 701. Складаревская Л.А. – 1991 (см. Потиха З.А.).
 702. Скобликова Е.С. – 1959; 1974; 2001.
 703. Скорнякова М. – 1964.
 704. Скорнякова М.Ф. – 1994.
 705. Скоробогач А.Н. – 1978; 1979; 1982.
 706. Скороглыдова О.В. – 1948.
 707. Служивов Л.И. – 1932; 1950 (см. Былинский К.И.).
 708. Смирин В. – 1964.
 709. Смирнова А. – 1964.
 710. Смирнова А.Г. – 1966.
 711. Смирнова М. – 1954.
 712. Соболев А.П. – 1900.
 713. Соболевский А.И. – 1881; 1885; 1886; 1904.
 714. Соколов Б.М. – 1917.
 715. Соколов В.И. – 1909; 1910 (см. Ушаков Д.Н.).
 716. Соколов Д.Н. – 1851.
 717. Соколов К.С. – 2000.
 718. Соколов Л. – 1929.
 719. Соколов Н.Н. – 1989.
 720. Соколов П.И. – 1788; 1815.
 721. Соколов П.С. – 1802.
 722. Соколова В.А. – 1998.
 723. Соколова М.А. – 1964.
 724. Соколянский А.А. – 1988.
 725. Солженицын А.И. – 1993.
 726. Соловьев Н.В. – 1997.
 727. Соломоновский И.С. – 1880.
 728. Солоницын Ю. – 1964.
 729. Солосин И.И. – 1937.
 730. Сорокин К.А. – 1903; 1907.
 731. Сорокина Л.Н. – 1986; 1988.
 732. Сорочинский П.Г. – 1903.
 733. Срезневский И.И. – 1854; 1867.
 734. Сталтманс В.Э. – 1965; 1967 (см. Калакуцкая Л.П.).
 735. Старостин В.А. – 1974.
 736. Степанова Ильмира – 1996.
 737. Степанченко И.И. – 1988.
 738. Стелович А. – 1883; 1885; 1886.
 739. Степкин Н.П. – 1988.
 740. Стононин В.Я. – 1852.
 741. Студенский А.О. – 1869; 1870.
 742. Ступишин В. – 2001.
 743. Суворовский А.М. – 1927; 1929.
 744. Сулейманова В.Р. – 1997.
 745. Сумароков А.П. – 1781; 1782.
 746. Сулеранская А.В. – 1959; 1964 (см. Протченко И.Ф.); 1965.
 747. Супрун А.Е. – 1957; 1958.
 748. Суркина Ф.Ж. – 1995.
 749. Сухомлинов М.И. – 1878.
 750. Сухотин А.М. – 1936 (см. Свод).
 751. Сухотинская А.В. – 1992.
 752. Сырейщиков Е.Б. – 1787.
 753. Сысуева Р.П. – 1989.
 754. Сычугова Л.П. – 1997.
 755. Теверовская Р. – 1926.
 756. Текучев А.В. – 1934; 1948; 1953; 1958; 1970; 1976.
 757. Теленкова М.А. – 1964.
 758. Теория письма – 1973.
 759. Тетеревятников Н.Ф. – 1999.
 760. Тимофеев Н. – 1902.
 761. Тимофеева Г.Г. – 1985; 1988 (см. Иванова В.Ф.); 1989; 1990; 1991; 1994; 1995.
 762. Типографщик. – 1860.
 763. Тихомиров В.В. – 1954.
 764. Тихомиров Д. – 1878.
 765. Тихонов А.Н. – 2000; 2000.
 766. Тойрах А. – 1995 (см. Иванова В.Ф. – 1995).
 767. Тодмачев А.И. – 1958.
 768. Томачинский В. – 1998.
 769. Томашевский Б.В. – 1930 (см. Языковеды).
 770. Томашевский В. – 1918.
 771. Томсон А.И. – 1903; 1903 (см. Чернышев В.И.); 1904; 1905.
 772. Топоров А.М. – 1929; 1929 (см. Малаховский В.А.).
 773. Тороп В. – 1995.
 774. Торпусман Б.Н. – 1964.
 775. Тошьян С.Б. – 1963.
 776. Третьяковский В.К. – 1746; 1748.
 777. Тревировочные материалы – 2000.
 778. Трифонова Н.В. – 1992.
 779. Троицкий Н.А. – 1988.
 780. Тропин Г. – 1930.
 781. Тростенцова Л.А. – 1995.
 782. Тростников М.А. – 1910.

783. Трофемаз Л.Н. – 1990.
 784. Трофимов В.А. – 1914; 1957.
 785. Трояновский В. – 1954.
 786. Тудоран А. – 1964.
 787. Тукумцев Г.Р. – 1938.
 788. Тулов М.А. – 1874; 1879; 1881 (см. Брандт Р.Ф.).
 789. Тумим Г. – 1902; 1910.
 790. Туманян В.А. – 1969.
 791. Туфанов А. – 1998.
 792. Тхоржевский С. – 1964.
 793. Тырин И. – 1964.
 794. Тюрин С.А. – 1965 (см. Бондарук Г.П.).
 795. Тюрин Л. – 1964.
 796. Уаров М.И. – 1930; 1933 (см. Шапиро Б.А.); 1936 (см. Иоаннисян Ц.С.); 1940 (см. Былинский К.И.); 1944 (см. Былинский К.И.).
 797. Угрюмов А.А. – 1963.
 798. Удалов В. – 1964.
 799. Усердов А.А. – 1929.
 800. Успенский Л.В. – 1964; 1973.
 801. Успенский М. – 1964.
 802. Успенский Н.В. – 1875.
 803. Устинов И.В. – 1929; 1958 (см. Крючков С.Е.); 1964.
 804. Уханова Е.В. – 1998.
 805. Ухов А.Д. – 1954; 1955.
 806. Ушаков Д.Н. – 1910; 1911; 1915 (см. М.С.-ов); 1911; 1917; 1923; 1926; 1927; 1934; 1935; 1936 (см. Свод); 1937; 1937 (см. Объяснительная); 1939; 1964; 1993.
 807. Ушаков М.В. – 1930; 1931; 1935; 1936; 1937; 1938; 1939; 1947; 1950; 1955; 1957; 1961; 1963; 1964.
 808. Фалев И. – 1925.
 809. Фалина В.В. – 1984.
 810. Фатов Н.Н. – 1927.
 811. Федоренко Л.А. – 1982.
 812. Федотова Ю.Г. – 1983.
 813. Фессалоницкий С.А. – 1956.
 814. Федоров А.А. – 1958 (см. Толмачев А.И.).
 815. Фигаровская Ю.А. – 1963.
 816. Фигуровский И.А. – 1862.
 817. Филлипова Л.Е. – 1962.
 818. Филиппов Л.К. – 1999.
 819. Филиппов Н.Н. – 1939.
 820. Филиппов С.С. – 1957.
 821. Филиппов Т. – 1871.
 822. Фита или Ферг. – 1885.
 823. Флеров А.П. – 1893; 1903; 1905.
 824. Флеров В.А. – 1917; 1918.
 825. Фоменко Н.Ф. – 1997.
 826. Фоменко Ю.О. – 1964.
 827. Фомин Д.Н. – 1900; 1901.
 828. Фомина М.И. – 1961 (см. Цапкевич В.В.); 1964 (см. Валгина Н.С.).
 829. Фомичева Г.А. – 1964.
 830. Фонетические... – 1988.
 831. Фортунатов Ф.Ф. – 1904; 1905 (см. Протокол).
 832. Францев В.А. – 1905.
 833. Фрадков Я.М. – 1966.
 834. Фрумкина Р.М. – 1964.
 835. Фурманн. – 1852.
 836. Хаймашева Ж. – 1964.
 837. Хан-Пира Э. – 1992; 2001.
 838. Харламов М. – 1909.
 839. Харченко И. – 1954.
 840. Харченко С.Ю. – 1994; 1995.
 841. Харзидшвили Т. – 1965 (см. Канкава М.).
 842. Хасанова Д.М. – 1990.
 843. Хатим Али Ахмед Фаддалла – 1993.
 844. Херувимов А. – 1898.
 845. Хмельков А.М. – 1940 (см. Румянцев В.В.).
 846. Хованский А.А. – 1860; 1872; 1873.
 847. Ходорович Т.С. – 1964.
 848. Хомизури П.И. – 1964.
 849. Хомутов Я.С. – 1911; 1927; 1929; 1930.
 850. Худяков Г. – 1995.
 851. Цапкевич З.В. – 1961.
 852. Цветкова Л.Ф. – 1961.
 853. Чаурина Р.А. – 1995.
 854. Чельцова Л.К. – 1969 (см. Букчина Б.З.); 1972 (см. Букчина Б.З.); 1974; 1974 (см. Миськевич Г.И.); 1988; 1991; 2000 (см. Букчина Б.З.); 2001 (см.: Букчина Б.З.).
 855. Чемоданов Н.С. – 1945 (см. Шор Р.О.).
 856. Чепурных В.И. – 1986.
 857. Черкасова Е.Т. – 1964.
 858. Чернова В.В. – 1997 (см. Бочарова А.В.).
 859. Чернова С.В. – 1992.
 860. Черных П.Я. – 1930.
 861. Чернышев В.И. – 1898; 1903; 1904; 1905; 1906; 1913; 1927; 1938; 1941; 1947.
 862. Чернышева Т.В. – 1981.
 863. Четыркин И. – 1887.
 864. Чехов Н.В. – 1930.
 865. Чешко Л.А. – 1964.
 866. Чижевская Ирэна. – 1982.
 867. Чижикова О.В. – 1994; 1995.

868. Чикнаверов Г. – 1964.
 869. Чиркова Л.И. – 1998.
 870. Чистяков В. – 1954; 1965.
 871. Чмелев П. – 1954.
 872. Чудовский В. – 1917; 1991.
 873. Чумаков В.Т. – 1998 (см. Пчёллов Е.В.); 2000; 2000 (см. Пчёллов Е.В.).
 874. Чумаченко М.М. – 1981.
 875. Чуриловский Н.Ф. – 1912.
 876. Шаболин М.Н. – 1965.
 877. Шагинян М.С. – 1917; 1964.
 878. Шамсутдинова С.С. – 1993.
 879. Шанская Т.В. – 1963.
 880. Шанский Н.М. – 1954; 1957 (см. Горшкова К.В.); 1964; 1987; 1995 (см. Лопатин В.В.).
 881. Шапир М.И. – 1999.
 882. Шапиро А.Б. – 1936 (см. Иоаннисян Ц.С.; Свод); 1939; 1951; 1951 (см. Крючков С.Е.); 1952; 1954; 1956; 1958; 1961; 1962; 1965.
 883. Шарандина Н.Н. – 2000.
 884. Шарাপова А. – 1999.
 885. Шарипова Г. – 1999.
 886. Шаталова В.М. – 1995.
 887. Шатова Е.Г. – 1991.
 888. Шахматов А.А. – 1904; 1905 (см. Протокол); 1974 (см. Кузьмин А.И.).
 889. Шеворошкин В. – 1966.
 890. Шейн В.Н. – 1973.
 891. Шейн-Фогель А. – 1901; 1904.
 892. Шейрадян С.З. – 1987.
 893. Шехонина А.Д. – 1964 (см. Одинокая Ц.Г.).
 894. Шидловский А. – 1889.
 895. Ширяева О.А. – 1987; 1988.
 896. Шиггал А.Г. – 1971; 1985.
 897. Шишков А.С. – 1824; 1835.
 898. Шишов П. – 1954.
 899. Шкиль О.П. – 1995.
 900. Шкловский В.Б. – 1964.
 901. Школьников Л.О. – 1974.
 902. Шлезингер В. – 1872.
 903. Шмелев Д.Н. – 2002.
 904. Шмелева Т.В. – 1997; 1999.
 905. Шнейдман В.Н. – 1987.
 906. Шоков Н.Н. – 2000.
 907. Шор Р.О. – 1934.
 908. Шпринцин А.Г. – 1958.
 909. Штайн К.Э. – 1995.
 910. Штармин М. – 1963.
 911. Штильман С.Л. – 1999.
 912. Шубина Н.Л. – 1997; 1998.
 913. Шубов Я.И. – 1959; 1964.
 914. Шуйская С.А. – 1997 (см. Осипов Б.И.); 2000 (см. Осипов Б.А.).
 915. Шунейко А.А. – 1994.
 916. Шуртаков С.И. – 1964.
 917. Шустов А.Н. – 1995.
 918. Щагина А. – 1964.
 919. Щелкунов М. – 1930.
 920. Щенников Е.П. – 1956; 1959; 1963.
 921. Щелкин В.Н. – 1904.
 922. Щерба Л.В. – 1911; 1926; 1927; 1930; 1931; 1940; 1957; 1983.
 923. Эльдемураев Ф. – 1993.
 924. Этов В.И. – 1963.
 925. Южный П. – 1928.
 926. Ягич И.В. – 1876; 1904.
 927. Ягудин Р.М. – 1996.
 928. Ядвиршис К.Н. – 1955.
 929. Языков Д.И. – 1809.
 930. Языковеды – 1930.
 931. Якобсон А.А. – 1964.
 932. Якобсон Р.О. – 1962.
 933. Яковенко Н.П. – 1982 (см. Воробьева С.А.).
 934. Яковлев Н.Ф. – 1928; 1930; 1933.
 935. Яковлев П.Л. – 1828.
 936. Ямпольская В.С. – 1990.
 937. Янакиев М. – 1963; 1964.
 938. Янко-Триницкая Н.А. – 1971.
 939. Янковский Т.М. – 1964.
 940. Япольский М. – 1931.
 941. Ястребцов И.И. – 1841.
 942. Bartoszewska J. – 1986.
 943. Benson M. – 1993.
 944. Kempf Z. – 1989.
 945. Orthography... – 1987.
 946. Pugh S.M. – 1987.

V. Материалы дискуссий о реформе 1917 г.

Р.Ф. БРАНДТ

О лженаучности нашего правописания (Публичная лекция)

(«Филологические записки». Воронеж, 1901. Вып. I, II. С. 1–58)

<...> Правописание – это такая область, где житейская практика соприкасается с научной грамматикой и не раз обращается к ней за справками: как то или иной слово пишется большинством, как оно писалось в старину и какие основания писать его так или иначе заключаются в его происхождении? Специалисту по языку поэтому несомненно подобает иметь свое суждение, и на нем лежит даже некоторая обязанность не скрывать этого суждения от общества.

Правописание, как известно, различают двоякое: звуковое, фонетическое, и производственное, или этимологическое; или же тройкое, то есть к двум названным правописаниям присоединяется еще третье – историческое. <...> В целом правописание не бывает столь последовательным, чтобы вполне представлять тот или иной тип. Еще следует отрицать самое существование правописания «исторического» как совпадающего или со звуковым или с производственным. Мы по преданию пишем в слове «источнику» предлог из с буквой с, но такое историческое начертание соответствует вместе с тем старинному (да и теперешнему) произношению и есть, значит, звуковое. Мы исторически пишем в слове «дорожка» букву ж, но это историческое написание следует признать и производственным, так как оно указывает, что звук ш развился из более раннего звука ж. Есть, правда, случаи, где мы держимся ходячего начертания, противоречащего и произношению слова, и происхождению его. Это те случаи, в которых скажется мудрствование какого-нибудь малосведущего грамматиста, переходившее затем из поколения в поколение. Таково написание превосходных степеней «высший» и «низший» через с и з, тогда как этимология (в первом слове и выговор) требует иного написания: ишш и жшш. В древности здесь были шьш и жьш («вышший» и «нижший») – винительные падежи, заменившие у нас также именительный; при том ш и ж до сих пор явственно выступают в сравнительных степенях «выше» и «ниже». То есть в превосходной степени «высший» и «низший» с и з внесены лишь по недоразумению, из положительных «высок» и «низок» – это случай узаконенной употреблением безграмотности. Неужели же уместно давать проявлению полужизни громкую кличку «исторический» орфографии?

<...>

Стремясь к звуковому правописанию, мы должны, конечно, провозгласить положение, чтобы каждому звуку языка соответствовала определенная буква и – только одна, а не несколько; каждой же букве – определенный звук. Согласно этому подлежат исключению буквы ѣ (фита), ѓ (ижица), і (и десятеричное), њ (ер) и ѣ (ять). Основания для употребления букв ѓ и ѣ лежат в греческом языке; в русском же они не у места.

<...>

Несомненно подлежит устранению и буква *i*, хотя против нее, к моему удивлению, восставали довольно редко. Употребление двух букв для одного звука *i* (не считая при этом *ижицы*) представляет лишь переживание из греческой азбуки, где такое излишество получилось вследствие совпадения со звуком *i* древнего долгого *e* (*ε*). В кирилловской письменности старейшего времени *i* почти не употреблялось, и усиленное пользование им, а вместе с тем и правило писать его перед *и* возникает только в XV веке опять-таки под греческим влиянием <...>

Не совсем в одинаковом положении с *ѣ*, *ѵ* и десятиричным *i* находятся *ѣ* и *ѣ*. Хотя фонетический принцип и над ними произносит безапелляционный приговор, но они все-таки не представляют чужеземных наростов, а остатки общеславянской, отчасти даже общерусской старины. <...>

Несомненно, лишь существованием некогда особого звука *ѣ* объясняется, что мы произносим не «*свѣт, мѣра, жєлѣзо*», а «*свет, мера, железо*»; но из этого следует только то, что нельзя обойтись без *ѣ* в высшем курсе русской грамматики, проходимом в связи с древним церковнославянском языком (из которого никто не станет изгонять букву *ѣ*), а вовсе не следует, чтобы *ѣ* был необходим в начальной школе и в житейском обиходе; при том ведь *ѣ* и *е* весьма часто употребляются нестатистически. Насчет малой полезности *ѣ* <...> приведу (по Гроту «Спорные вопросы». С. 238) прекрасные слова Кеневича: «Стоит ли учиться тому, что, требуя от учащегося больших усилий, не дает ему никакого положительного знания, не развивает его способностей и ни в каком случае не может принести пользы? Стоит ли терять время (заметьте – лучшее время жизни) на то, чтобы приобрести навык совершать действие, не имеющее ни определенной цели, ни разумного основания».

Перейдем к *ѣ*. Этой букве, как известно, некогда соответствовал особый глухой гласный звук, который впоследствии в одних слогах выпал, в других проявился во, и высшая грамматика путем сопоставления со староцерковными написаниями должна выяснять, что этим обуславливается беглость *о* в ... «*посол*» – «*посла*», тогда как «*стол*», где издавна было *о*, имеет *о* постоянное и образует родительный «*стола*». Но для выяснения указанного явления наше употребление буквы *ѣ* вовсе не полезно. Ученики привыкают считать *ѣ* не настоящей буквой, а «твердым знаком» и впоследствии с трудом мирятся с мыслью, что это была буква для обозначения гласного звука. <...> заключительный *ѣ*, будучи всегда лишним, иногда даже вреден. Примем еще во внимание большое сходство твердого знака с мягким, вследствие чего смешение их является самою обыкновенною опечаткой, и твердость окончаний гораздо яснее была бы обозначена отсутствием всякого знака. <...>

Устранение *ѣ*, *ѣ*, *i* и *ѣ* – вот желательные в русской азбуке сокращения. <...>

ПОЛОЖЕНИЯ О ПРАВОПИСАНИИ

- 1) Так как письмо существует не для одних образованных людей, а должно быть общим достоянием, то ему следует быть по возможности доступнее, то есть проще.
- 2) Мы пишем для того, чтобы передать свои мысли, а не для того, чтобы блеснуть знанием грамматики.
- 3) Мы пишем вместо того, чтобы говорить; следовательно, естественно писать так, как говорят.
- 4) Разногласия письма с выговором обусловлено: а) несовершенством пришедших, недостаточно приспособленных к данным языкам азбук; б) сохранением, по косности,

начертаний, соответствующих произношению прежних времен, но противоречащих современному, я в) мудрствованием грамматистов.

5) Историческое развитее слов есть движение, а движение нельзя изобразить на письме: орфография может уловить только один какой-нибудь момент.

6) Естественно брать для изображения настоящий момент, разве что считать современный язык искажением древнего.

7) Наше правописание, будучи преисполнено непоследовательностей и анахронизмов, не только затруднительно, но и не дает надежных указаний ни по современной, ни по исторической грамматике.

8) Этимологический элемент допустим в орфографии лишь постольку, поскольку сказывается в живом литературном языке, без справок с его историей и диалектологией, доступных только немногим и дающих к тому не раз противоречивые данные.

9) Еще менее, чем с языком областным и старинным, следует справляться относительно правописания с языками иностранными.

10) Вопросы об отношении орфографии к наречиям и говорам незачем и затрагивать, так как нельзя придумать правописания, при коем без знания литературного языка можно писать по-литературному.

11) Сокращение азбуки на 3–4 буквы не следует считать ничтожным сокращением и малым облегчением: 3 из 36 – довольно большой процент.

12) Отмена нескольких произвольных правил не есть искажение живого русского языка, а, напротив того, восстановление его в своих правах.

13) Упростив орфографию и получив возможность сократить занятия по ней, мы в школе выиграем время для других занятий по языку и словесности.

14) Нет никакой надобности в полном единстве орфографии: разнообразие только не должно лишь быть столь велико, чтобы затруднять понимание.

15) В вопросах правописания нельзя руководствоваться чутьем: тут нам кажется естественным и хорошим то, к чему мы привыкли, хотя оно было во всех отношениях дурно.

16) Для усвоивших уже ходячую грамоту изменение ее представит (временно, а может быть и навсегда) некоторое затруднение: упрощение предпринимается не для них, а для будущих поколений.

[М. СЕМЕНОВ М.] М. С-ов.

Об «укрощении строптивой»

(«Для народного учителя». М., 1907. № 9. С. 9–15)

За подписью более 200 членов Государственной думы внесено следующее заявление в Императорскую Академию наук: «В 1904 г. в Императорской Академии наук была образована комиссия для разработки вопроса, связанного с упрощением русского правописания. Комиссия прекратила свои заседания, и результаты работы остались неизвестными. Не считая себя компетентными в обсуждении

детальных упрощений русского правописания, мы все же полагаем, что форма установления правил, как, например, буква *h*, причинила много горя не одному миллиону учащихся. Пора положить конец совершенно бесполезной трагедии молодых сил и дорогого времени для преодоления трудностей правописания, которые часто для более слабых становятся непреодолимыми и служат преградой на их дальнейшем жизненном пути».

«Утро Свободы» 1907. 19 мая

В нашей школе есть особа с очень темным прошлым и очень большими претензиями. Пользуясь покровительством сильных, она сует свой нахальный нос повсюду и серьезное школьное дело превращает в бессмысленное толчение воды в ступе. Имя этой особы — *Орфография*. Имя почтенное, что и говорить! Но кому же из российских обывателей за последние годы не сделалось ясным, что и самые почтенные имена и титулы часто прикрывают собою вещи, никакого почтения не заслуживающие. Прикрываясь именем Орфографии, наша «барская барыня» в действительности с *правописанием* имеет общего очень немного. Она и сама хорошо знает всю неосновательность своих претензий, но пока не боится за свое положение: в Петербурге у нее сильные связи, а в прочих местах целые своры поклонников и защитников преимущественно из числа тех, которые за тепленькое местечко готовы защищать все, что прикажут. Но у нашей Орфографии есть и вполне добросовестные поклонники и защитники: они уверены, что современное письмо держится на твердых научных устоях и всякое посягательство на него есть не что иное, как потрясение основ. Мнение это нелепо до очевидности, и существование его в некоторых головах возможно объяснить исключительно несчастным случаем: обладатели этих голов, вероятно, «в детстве были ушиблены няньками», и с тех пор от них отдает немного... глупостью. Как бы то ни было, г-жа Орфография вот уже лет 30–40 ведет себя так, как будто все благосостояние школы именно от нее зависит. Из-за Орфографии все остальные, наиболее важные и полезные стороны изучения родного языка, или отодвинуты на задний план, или вовсе исчезли из школьной практики. Родной язык, орудие мысли, нравственного и эстетического развития, из-за Орфографии превращается в орудие притупления для учащихся, в орудие пытки и для тех, кто учится, и для тех, кто учит. Уроки родного языка, которые должны бы вводить ученика в сокровищницу нашей литературы, поселять в его душе любовь к ней и вместе ко всему высокому и прекрасному, вводят его в непроходимые дебри и зыбучие болота нашей грамматики и нередко навсегда поселяют в нем отвращение к книге вообще. Было бы крупным недоразумением считать происхождение грамматики, составленной по иностранным образцам и насильно навязанной русскому, изучением самого языка.

<...> Орфография, как дамоклов меч, висит над современной школой. Неудивительно поэтому, что большая и лучшая часть драгоценного школьного времени, а вместе с ним и здоровья учащихся приносятся в жертву орфографии — этому ненасытному Молоху наших дней. Подробное изучение грамматики, предмета вообще сухого и отвлекающего, вовсе не пригодного для занятий с детьми, заучивание бесчисленных орфографических правил и еще более многочисленных и часто совершенно ненужных и бессмысленных исключений из них, этимологические и синтаксические разборы, предупредительные, проверочные, курсорные, стартарные, немые, зрительные диктовки поглощают массу учебных часов, и потому чтение художественных произведений ве-

ликих писателей, их логико-стилистические разборы, обучение декламации — едва влачат свое жалкое существование в наших школах. <...>

Искусство письма было некогда изображено с той целью, чтобы содействовать получению знаний, чтобы помочь памяти, — и люди справедливо считали его великим завоеванием человеческого ума. Между тем на деле оказалось не то: средство превратилось в цель; письмо, вместо того чтобы облегчить духовную работу человека, сделалось мало-помалу поводом к самому тяжелому обременению ума, превратилось в мученье для большинства пишущих и в особенности для учащихся. Разве не мученье, в самом деле, это заучивание массы орфографических правил, часто противоречащих друг другу и здравому смыслу? Заучивание исключений из правил и исключений из исключений? Разве легко заучить «всего 130 корней с буквой *ЯТЬ*»? 100 «более или менее употребительных как нарицательных, так и собственных имен с *ФИТОЙ*»? — Разве не издевательство над детьми заставлять их заучивать (опять-таки заучивать!), что, *Онъгинъ* и *графъ Румянцовъ*, наперекор принятой теперь орфографии, должно писать с буквами (*ѣ* и *ѵ*), потому что первая фамилия была так написана Пушкиным, а вторая — самим графом? Видите ли, «в исторических именах приличнее сохранять такую форму, которую некогда употребляли сами носившие их».

<...> Едва появилось гrotовское *Руководство*, как оно тотчас же было Министерством «рекомендовано»... Да это и понятно: Грот не упростил, а еще более запутал нашу орфографию, усвоение ее сделалось почти невозможным, и она вместе с грамматиками мертвых языков сослужила отличную службу, отвлекая внимание учащейся молодежи от «бессмысленных мечтаний». Как же было не рекомендовать такую драгоценность? Творение Грота — это сборник несообразностей. Мы никогда не окончили бы, если бы вздумали все те бесчисленные, часто совершенно неосновательные исключения из правил, ненужные нарушения давно установившихся традиций, наконец, уклонения от выводов здравого смысла, которые буквально пестрят каждую страницу *Русского Правописания*, внося невообразимую путаницу в наше и без того не легко усваиваемое письмо. И эта книга, высиженная вдали от жизни, в тиши уединенного кабинета, сделалась для наших школ книгой судебных уставов, на основании которых разбита не одна карьера, загублена не одна молодая жизнь.

Перед нашей измученной, истерзанной родиной стоят первостепенной важности задачи, которые требуют скорейшего решения: как солнце, как воздух, нам нужно образование, всеобщее изучение, а мы в своих школьных застенках забавляемся «тротографией»! Искусство писать должно служить орудием для возможно широкого распространения просвещения. Наша система письма превратилась в тормоз, задерживающий доступ к свету для весьма многих, стремящихся к нему. Что это так, стоит только вспомнить те массы учащихся, которые ежегодно изгоняются из приютивших было их учебных заведений по малоуспешности в орфографии. Как велика именно ее роль в этом отношении, можно заключить уже из того, что каждый раз, как только кто-нибудь поднимал вопрос об упрощении орфографии или хотя бы о понижении требований по ней, наши мракобесы поднимались как один человек против дерзновенного, а за ними устремлялось и все панургово стадо... Их общими усилиями давно назревшая реформа обыкновенно откладывалась на неопределенное время, новатор получал надлежащее возмездие за причиненное беспокойство и умолкал... Надолго водворялась тишина, нарушаемая только тихим плачем детей, а иногда и громкими выстрелами неполадивших с орфографией: это сама жизнь настойчиво требовала реформы...

<...>

Прежде всего необходимо при всяком удобном случае разрушать прочно сидящее во многих головах мнение, что орфография есть нечто, раз навсегда данное, не подлежащее изменению. Читая произведения Ломоносова, Фонвизина, Карамзина, даже Пушкина и Гоголя, ясно видим, что язык быстро эволюционирует. А ведь мы пишем, вместо того, чтобы говорить, а потому естественно писать так, как говорят. В самые последние годы немцы и французы отчасти реформировали свою орфографию. Нужно всякими способами содействовать распространению и укреплению в обществе сознания, что современная русская орфография может быть и должна быть подвергнута всестороннему пересмотру в целях приведения ее в соответствие с языком образованных и классов населения и, что особенно важно в виду предстоящего всеобщего обучения, значительного упрощения. Кое-что, в этом направлении уже сделано, но, несомненно, предстоит еще продолжительная и упорная борьба с общественной косностью. Предстоящая орфографическая реформа вызывает некоторые недоразумения и ложные опасения. Их необходимо устранить.

Многие восстают против новой системы орфографии (пока еще даже и не существующей), полагая, что им на закате дней придется вновь проделать всю ту тяжелую работу, которая совершена была ими в детстве, т.е. снова учиться писать. Но такое опасение является плодом простого недоразумения: новая орфография вырабатывается для грядущих поколений, а не для тех, которые уже сходят со сцены. Для тех, кто еще только начинает учиться, на первых порах безразлично, какой системе следовать; а так как новая будет легче существующей (иначе не из-за чего и предпринимать реформу), то они в конце концов окажутся в несомненном выигрыше. Только учителя русского языка должны будут усвоить некоторые, конечно, очень немногочисленные новые правила письма; но они за весьма немногими исключениями (в семье не без урода!), охотно сделают это: ведь именно те лица, которым приходится обучать орфографию, особенно усердно и хлопот об ее упрощении, и нельзя сомневаться, что тот день, когда оно состоится, будет счастливейшим днем в их жизни. Говорят, что учащийся будет сбивать с толку печать. Это возражение, конечно, имеет свое основание. Но, во-первых, не следует преувеличивать влияние чтения на степень грамотности: зачастую дети читают очень много, что не мешает им, однако, делать массу ошибок; во-вторых, если будет выработана разумная система письма, то печать не откажется ей следовать: даже гротопись очень быстро была принята печатью; в-третьих, учебники и книги для детского чтения, конечно, будут печататься согласно с новой орфографией, иначе лишится доступа в школы, и, в-четвертых, в младшем школьном возрасте, когда закладывается фундамент искусству писать, учащиеся не имеют дела с общей (не детской) печатью, а в старшем, когда уже будут приобретены прочные орфографические навыки, чтению их не побороть.

Пройдет 10–15 лет, новое поколение выступит на арену жизни, вместе с ними (если не раньше) войдет в свои права, и новая система орфографии, и существующее теперь «чудище обло, огромно, озорно и лайф» отойдет в область преданий.

Некоторых смущает еще вопрос относительно существующих теперь книг: «ведь у нас имеются миллионы книг на миллионы рублей; с принятием новой орфографии все они превратятся в негодную бумагу!» Нет, не превратятся уже по одному тому, что новая орфография будет только упрощением *старой*, и из того, что наши дети или внуки станут писать по новому, более легкому, способу, отнюдь не следует, что они не смогут прочитать книгу, написанную по старому, более трудному для письма, а не для

чтения. Вот и почти все те недоумения, которые приходится слышать, когда заходит речь об упрощении орфографии.

Преподаватели русского языка могли бы оказать большое содействие орфографической реформе, если бы сами отказались от культа буквы и перестали гипнотизировать своих учеников в этом отношении. Не дожидаясь никаких распоряжений свыше, необходимо теперь же понизить требования по орфографии. Для этого вполне достаточно молчаливого соглашения между преподавателями русского языка. Пора перестать относиться к *Руководству* Грота как к непогрешимому оракулу. Неясностей, погрешностей там немало, противоречий еще больше. Гротом должно пользоваться, но исключительно для защиты интересов ученика. При руководстве Грота приложен справочный указатель, в котором «при некоторых словах помещены в скобках такие начертания, которые, хотя и не предлагаются руководством, но могут быть допускаемы»... Все такие начертания не только могут, но и обязательно должны считаться совершенно равноправными тем, которые стоят вне скобок. Кто следил за всеми изданиями *Русского правописания*, тот знает, что некоторые узники были выпущены на свободу и наоборот (цифра, цифра). «Достигнуть полного единообразия, совершенного согласия орфографии всех пишущих никогда не удастся, — и говорит Грот. — Письмо как и сам язык, живет, развивается, имеет свою историю, и некоторое в нем колебание во всякий момент этой истории будет неизбежно. Поэтому и не должно слишком смущаться кое-какими орфографическими разногласиями и относиться педантически ко всякому отступлению от того или другого признаваемого лучшим правописания». Ошибочное написание заимствованных слов никогда не должно ставить в вину учащимся. Чтобы правильно писать заимствованные слова, нужно хорошо знать иностранные языки. Таких знаний не дает ни одно учебное заведение в России. Наконец, почти все правила переноса частей слова из одной строки в другую совершенно произвольны, не имеют никаких научных оснований и, как таковые, ни для кого не могут быть обязательны. От учащихся нужно требовать, чтобы они в переносах руководствовались одним — удобством чтения. Даже Грот, при всем своем орфографическом консерватизме, говорит: «Остерегаться надо ... излишней требовательности в отношении к переносу слогов из одной строки в другую».

Пора. Давно пора освободить школу от таких позорных фактов, как удаление с экзамена за 5–7 ошибок в диктанте ученика начального училища, часто достаточно развитого в других предметах школьного курса, или лишение аттестата зрелости за 2–3 ошибки в сочинении на выпускном экзамене.

Но не одни учителя могут бороться против орфографического ига. В этом деле каждый пишущий может оказать содействие, пропагандируя более упрощенную орфографию при всяком удобном случае словом и делом. Поучительный пример в этом отношении представляет судьба *ижицы*. Сей почтенный по своей древности, но — увы! — совершенно бесполезный иероглиф вышел из употребления исключительно потому, что большинство пишущих сознало его ненужность и перестало применять на деле. Первоначально привыкшим с детства к *ижице* было как-то странно, неловко читать такие слова, как *миро*, *символ*, *синод*, *ипостась* и т.п. без *ижицы*; теперь же, наоборот, написание их с помощью этой буквы кажется неуместным кривляньем и фокусничеством. На пути вымирания уже давно вступила и *фита*, пресловутая «византийская прабабушка»; по этому же пути в последнее время пошел решительными шагами и так называемый «твердый знак» — буква, про которую еще А.С. Пушкин писал, что «она

подобно шпиону: нужна только в некоторых случаях, да и то без нее можно обойтись, а привыкла соваться всюду». <...>

[М. СЕМЁНОВ] М. С-ов. [Рец.]

Молох XX в.

(по поводу книги К.Г. Житомирского. – М., 1915)

(«Для народного учителя». М., 1915. № 9. С. 14–18)

Еще разик, еще раз!

Несмотря на грандиозные события, совершающиеся в мире, – события, в которых на долю России выпала такая почетная и в то же время необыкновенно тяжелая и ответственная роль, а, может быть, именно в непосредственной связи с этими событиями, у нас снова поднимается вопрос об упрощении орфографии.

Мы накануне новой жизни. Необходимо встретить ее во всеоружии, развернуть все наши силы не только материальные, но и духовные. Нам не хватает образования... Эта истина настолько общеизвестна, что ее даже неловко повторять. В ней никто не сомневается. Но отношение к этому общепризнанному факту в разных «сферах» было разное: в то время как одни полагали, что в невежестве – источник нашей слабости, нашей рабской зависимости от «немца», другие, наоборот, видели в нем источник нашей силы. Среди этих других еще недавно было немало «высоких государственных умов». Какого калибра эти умы, мы теперь можем судить безошибочно. Недостаток образованных людей никогда еще не чувствовался Россией так болезненно остро, как теперь. Да откуда им и быть? Из «Статистического ежегодника» на 1913 г. видно, что количество грамотных у нас ничтожно: из 1000 душ населения умеющих читать и писать лишь 211 человек, т.е. 21 процент 79% безграмотных. ... Распределение безграмотных по районам дает еще более удручающее впечатление: в Привислинском крае грамотные составляют 30,5%, в Европейской России только 22,9%, на Кавказе – 12,4%, в Сибири – 12,3%, в Средней Азии – 5,3%. 95% безграмотных! <...>

Тут есть над чем призадуматься. Нужны школы... Но у нас уже из начальных школ, школ элементарной грамотности, выбрасывается больше половины поступивших в них! По бездарности? По тупоумию? Нет, все знающие русского школьника, утверждают единогласно, что «мальчик без штанов» не только не уступает по своим природным дарованиям, но положительно превосходит «мальчика в штанах».

Так в чем же дело? Где причина неуспешности наших школьных занятий? – В орфографии и только в орфографии. Орфография заняла первенствующее положение в нижней школе; некоторые предметы преподавания в ней (арифметика, объяснительное чтение) отодвинула на задний план; другие (история, география, естествоведение), свела почти к нулю; ежегодно изгоняет из школы более 50% учащихся – и все это только для того, чтобы остальные 50% написали на экзамене несколько строк «по Гроту». А затем? А затем и эти 50% через несколько лет не умеют написать своих фами-

лий. Не даром прогрессивные земства принимают меры для борьбы с рецидивом безграмотности.

Да и как питомцу нашей начальной школы не сделаться безграмотным? Дала ли ему начальная школа толчок к образованию? Побудила ли интерес к книге? Развила ли вкус к серьезному чтению? Странно даже и предлагать подобные вопросы. Наша школа, правда, по не зависящим от нее обстоятельствам, из года в год целым десяткам и сотням тысяч детей, *вместо хлеба образования преподносит камень правописания*. Сколько бесполезных затрат на этого ненасытного бога! Мы этих затрат не замечаем, но они гораздо значительнее – если перевести их на деньги – чем военная контрибуция, уплаченная французами Германии в 1871 г. Если принять (по Тайлору) затрату на орфографию у английских детей в один год жизни, а число детей, обучающихся английскому языку в англоговорящих странах, всего в два миллиона, то это составит шестьдесят миллионов (2 000 000 x 30) бесплодно потраченных лет в поколение. Если считать год обучения всего в сто франков, то это составит контрибуцию в шесть миллиардов франков, которую каждое поколение уплачивает орфографическому Молоху. Это – денежная затрата, а затрата натурой еще ужаснее. Она превышает затраты на войны, по крайней мере, вдвое, ибо на это дело англоговорящие народы тратят не более тридцати миллионов лет в поколение, считая армии этих стран в миллион человек и среднюю продолжительность жизни в 30 лет (Житомирский. С. 225). Примените этот расчет к русской жизни, и вы получите колоссальные цифры бесполезного и даже вредного для дела просвещения расходования и денег, и человеческих жизней. Если англоговорящие народы, принадлежащие к богатейшим в мире, могут тратить непроизводительные миллиарды, то нам, при нашей материальной нищете, такая повадка вовсе не к лицу. Но деньги – дело наживное, а вот потеря даровитых людей, которых школа выбрасывает за борт, потому что они в детстве не поладили с нашей орфографией, уже ничем и никогда не может быть вознаграждена. Правописание делает вид, будто правила его основаны на грамматике, так что книги-упражнения в правописании даже располагают свой материал по грамматическим отделам, но в действительности, оно не только основывается на грамматике (системе речи), а находится с нею в положительном антагонизме. Антагонизм этот так велик, что, можно сказать, изучение нашего правописания является главнейшим тормозом для понимания языковых явлений и законов, изучением которых собственно и занимается грамматика.

Постоянное нарушение правописанием (!) фонетических законов, постоянное субституирование буквы вместо звука, прямо парализует национальное изучение фонетики языка. Фантастическое словопроизводство с бесчисленным множеством отступлений и требование рассматривать в грамматике буквенные формы, вместо звуковых, наносит огромный ущерб изучению этимологии и морфологии, а такие измышления, как пресловутое правило согласования прилагательных во множественном числе или произвольные правила знаков препинания, мешают пониманию синтаксиса. Не основываясь в действительности на грамматике, правописание опирается просто на нашу память. Но память не есть некая однородная способность, а совокупность различных способностей. Можно обладать гениальной музыкальной способностью и весьма плохой памятью на звуки языка, неспособностью к изучению произношения, хотя мы обе способности называем слуховой памятью. Разница же между слуховой памятью и зрительной известна всякому. Правописание основывается на памяти зрительной и отчасти на двигательной. Человеку, родившемуся со слуховой памятью, но с слабозрительной, правописание способно затормозить весь путь к образованию. Эти лица никогда

не могут выучиться писать правильно, и обыкновенно выбрасываются уже из низших классов, хотя бы их успехи во всех отношениях были вполне удовлетворительны. Не только Гоголь или Полонский, всю жизнь писавшие невероятно безграмотно, но и Лермонтов, Тургенев (в факсимиле Тургенева в изд. Маркса шесть раз написано: «Как хороши, как свежи были розы!») едва ли окончили бы курс в наши дни. Гоголь никогда не добрался бы до второго класса гимназии, и трудно допустить, что при таком уровне образования он когда-нибудь все-таки написал бы «Мертвые души» или «Ревизора».

Если общество возненавидело древние языки, образовательное значение которых нельзя же, при всех даже экстремальных злоупотреблениях, сравнивать с правописанием, то можно только удивляться, что оно довольно легко мирится с орфографическим Молохом, которому приносится гораздо больше жертв, чем боту толстовского классицизма. Объяснить это можно только тем, что последнему приносились в жертву юноши. Молох же требует непременно детских жертв. А известно, что, чем раньше выбросить ребенка за борт школы, тем жалоб в обществе меньше.

Частью, впрочем, это происходит и оттого, что мода правописания властвует сильнее, чем попытки насаждения чужого классицизма. Ведь афоризм «писать правильно необходимо», так горячо отстаивается всеми правописующими невеждами, образовательный ценз которых нередко весь заключается в умении правильно (по Гроту) ставить букву **ѣ**; за погрешность против этой моды у нас так охотно приговорают к позорному столбу («безграмотный человек!»), что слово «безграмотный» (т.е. смешивающий **ѣ** с **е**, пишущий «добрыя люди» или «добрые женщины») стало истинным «словом и делом» нашего века (Ibidem. С. 210–214). Последние строки могут дать повод полагать, что те лица, которые стремятся к упрощению современной орфографии, предлагают заменить «правильное» письмо письмом «неправильным», лишь бы облегчить первые шаги к образованию. Отнюдь нет: Гротографию, ныне общеприятую, ни в коем случае не следует считать правописанием: гrotовская система (если только здесь допустимо употребление этого слова) письма построена на таких вопиющих логических несообразностях, с таким обилием нарушений законов фонетики русского языка, этимологического и исторического принципов, что Академия наук давно уже сочла себя вынужденной заявить во всеобщее сведение, что гrotовская орфография отнюдь не есть орфография академическая и именуется таковой совершенно облыжно. Образованная четырнадцать лет тому назад при Академии наук орфографическая подкомиссия занялась пересмотром современной орфографии не только в целях ее упрощения, но и с тем, чтобы сделать и более научной, насколько это возможно сделать, не прибегая к коренной ломке существующего правописания. В состав этой подкомиссии вошли светила современной русской филологии, и одно уже это служит достаточным ручательством, что внесенные ими исправления и упрощения ничего общего с безграмотностью иметь не могут. Если в чем можно упрекнуть подкомиссию, то только в излишней ее осторожности. Ограничимся одним примером. К числу наиболее неудобных для пишущего требований нашего современного письма относится «правило» писать в Им. пад. множ. числа имен прилагательных *-ие, -ие* в мужском роде; *-ья, -ья* в женском и среднем. Это «правило» не только беспрестанно вводит в искушение «малых сих» даже в старших классах, но нередко прерывает работу, парализует мысль уже искушенного в правописании, многоопытного «сих дел мастера», заставляя его разыскивать затерявшееся определяемое и думать о грамматическом «правиле» для определения рода. Пока вы разыскиваете, обдумываете «правило» (а бывает, что опре-

деляемое было какие-нибудь «будня» или «нападки»), вы успеете забыть все течение мыслей. Но, может быть, это правило важно в каком-либо отношении? Может быть, оно как непреложная истина, вытекает из законов нашего языка? Ничуть. Даже Грот, так любовно сохранивший его в своем «Русском правописании», раньше признавал, что «правило отличать в этих окончаниях (т.е. *-ие, -ие* и *-ья, -ья*) мужской род буквою **е** от средн. и женск., которым в удел представляется **я**, это правило совершенно произвольное, не имеющее никакого этимологического основания»... Итак, это правило никакого этимологического основания не имеет; установлено же оно впервые М.В. Ломоносовым в его грамматике 1755 г. и вот при каких обстоятельствах. В старину Им. падеж множ. числа прилагательных встречался с довольно разнообразными окончаниями, которые употреблялись безразлично для всех родов: одни писали *-ие* и *-ие*, другие – *-ья* и *-ья*, третьи – *-ии* и *-ии*; встречается даже окончание *-ьѣ*.

Это колебание устранил Ломоносов, сказав: «приличнее писать для муж. р. *-ие, -ие*, а для женского и среднего *-ья, -ья*», но почему «приличнее» – не пояснил.

Обратимся теперь к живому русскому языку. Всякий прогрессирующий язык стремится к упрощению, к единообразию форм, к нивелировке. Этим объясняется исчезновение двойственного числа в русском языке, некоторых падежей, многих глагольных форм. Идя по пути упрощения, русский язык давно уже нивелировал родовые окончания местоимений, кратких прилагательных и спрягаемых причастий: *мо-и, тво-и, наши, чь-и; сестрин-ы, дядин-ы, лись-и, волчь-и; был-и, шл-и, говорил-и*, т.е. *и* или *ы* для всех родов безразлично. Этот же закон нивелировки распространил свое действие и на прилагательные полные и склоняемые причастия. Громадное большинство русских, язык которых не испорчен современной орфографией, говорят: *добр-ы* люди, *добр-ы* женщины, *добр-ы* дети; *син-и* платки, *син-и* рубашки, *син-и* стекла и т.д., вовсе и не думая о роде тех предметов, о которых идет речь, и не испытывая ни малейшей надобности показывать слушателю, что имя «люди» – мужского рода, «женщины» – женского, а «дети» – среднего. Решительно никому, кроме нашей орфографии, нет никакого дела до рода имен существительных во множественном числе. Видим, что и живой русский язык, как и древний церковнославянский, не мог дать нашим орфографическим дел мастерам тех окончаний, которыми они снабдили Им. и Вин. падежи прилагательных форм во мн. числе. Так откуда же они взяты? Ответ ясен: эти окончания – плод досужего вымысла и вопиющего невнимания к родному языку. Нельзя не жалеть глубоко, что М.В. Ломоносов рекомендовал их как «более приличные», что ни академик Грот, ни академическая подкомиссия по вопросу об упрощении нашей орфографии на наши в себе достаточно мужества, чтобы исправить ошибочную рекомендацию гениального «отца русской литературы». Сколько драгоценных детских слез пролило, сколько испорчено, разбито и совсем загублено молодых жизней из-за этих проклятых окончаний! Будем надеяться, что орфографическая комиссия исправит грубую ошибку, допущенную подкомиссией, и новая орфография войдет в жизнь без зловерного пережитка старины. Да, будем надеяться... Но надеяться только, рассчитывать, что кто-то другой сделает наше дело, – мало. Четырнадцать лет тому назад был поставлен вопрос об упрощении нашей орфографии – и хорошо поставлен! Честь и слава московскому Педагогическому обществу, немало тогда потрудившемуся! Этим оно создало себе «памятник нерукотворный» и заслужило глубочайшую признательность со стороны всех, кто понимает, каким величайшим благодеянием и для школы и для всей нашей жизни будет упрощенная, на разумных началах построенная новая орфография.

За четырнадцать лет много воды утекло. Не стояло на месте и дело с упрощением орфографии: за его разработку взялось высшее учебное учреждение в государстве, к нему привлечено внимание широких кругов населения, ему дано всестороннее освещение, устранены возможные недоразумения – в результате количество сторонников реформы, несомненно, значительно возросло. Что же теперь делать дальше? Хороший ответ на этот вопрос дан ярославским учительским обществом взаимной помощи. В конце прошлого года вот что было напечатано в одном из номеров газеты «Голос»:

«Возбужденный перед земствами Ярославской губернии учительским обществом взаимопомощи вопрос об ускорении реформы русского правописания на днях обсуждался на совещании по народному образованию при ярославской губернской управе. При этом были высказаны такие характерные мнения. Член управы К.К. Черносивитов находил, что возбужденный учительским обществом вопрос заслуживает надлежащего внимания: орфографии в начальных школах слишком много отдается времени в ущерб другим предметам. Как учительский персонал, так и земство сильно заинтересованы поэтому в упрощении правописания. Но это упрощение может быть проведено лишь распоряжением из центра, о чем и следует земству ходатайствовать... Председатель Любимской уездной земской управы В.М. Болотов сказал, что возбужденный учительским обществом вопрос он считает «не боевым» и не «серьезным». Особого рвения у учащих к букве **ѣ** он не замечает в настоящее время...

Заведующий отделом народного образования Б.П. Вологдин заявил, что вопрос об упрощении правописания достаточно серьезен; это явствует из того, что он весьма внимательно обсуждался и в управлениях учебных округов, и на российском съезде по народному образованию, и на общеземском съезде. Вопрос об орфографии, может быть, не боевой, но достаточно жизненный и весьма серьезный.

Заведующий отделом народного образования при ярославской уездной земской управе Б.Н. Надеждин к этому прибавил, что ярославское уездное земское собрание, на которое был управой внесен возбужденный учительским обществом вопрос, признало его столь жизненным, что вопреки обычной практике, по которой собрание соглашается в беспорядочных вопросах с предложениями управы, остановилось на этом вопросе особо и в дополнение к управскому предложению, совпадающему с просьбой общества, постановило: передать вопрос о возбуждении ходатайства перед Академией Наук на рассмотрение губернского земского собрания...

«Председательствовавший в собрании К.К. Черносивитов заявил, что управа учтет все высказанные соображения в своем докладе губернскому земскому собранию» (из № 4 – 5 журнала «Родной язык в школе»).

Что сделало ярославское учительское общество, то пусть сделают и все учительские общества. Только ходатайства об упрощении орфографии от земских и городских самоуправлений следовало бы направлять не только в Академию Наук, но и в Министерство Народного Просвещения. Эти ходатайства дадут возможность Академии Наук снова поставить на очередь вопрос об упрощении орфографии. В Министерстве же Народного Просвещения они могут теперь рассчитывать на благоприятный прием: многое изменилось в последние месяцы, да и уста, произнесшие когда-то крылатую фразу: «пока я министр, никакого упрощения орфографии не будет», сомкнулись навеки <...>

П.Н. САКУЛИН

Важный шаг

(«Русские ведомости». М., 1917. № 123. 2 (15) июня)

Газеты оповестили своих читателей о том, что министр народного просвещения предложил попечителям учебных округов принять меры к осуществлению орфографической реформы. Уже в начале будущего учебного года. Факт исключительной важности. Более 15 лет напряженно ждала его русская школа. И вот – «миг вожделенный настал».

Есть, однако, серьезное основание опасаться, что министерский циркуляр может быть дурно понят теми, кто недостаточно знаком с обстоятельствами дела. Во-первых, легко может возникнуть законный протест против самого метода реформировать правописание путем начальственных распоряжений; во-вторых, многим циркуляр может показаться даже опасным сюрпризом. В стране идет острая политическая и социальная борьба. Мысли каждого из нас заняты всевозможными кризисами, кругом слышатся речи о разлуке и анархии, о правописании никто не думал и не говорил, и вдруг министерство народного просвещения бросает новый горячий материал в пекло жизни. Зачем?

Очевидно, нужно несколько разобраться в положении вопроса.

О необходимости упрощения русского письма стали думать еще в 1901 году. <...> С 1904 г. вопрос разрабатывался в особой комиссии при Академии Наук. Проект реформы давно уже прошел все предварительные стадии обсуждения, благополучно выдержал обстрел со стороны противников и, несмотря на все разные колебания нашего политического барометра, с излишком пережил земскую давность, не только не растеряв своих сторонников, но завоевав прочные симпатии деятелей школы и друзей народного просвещения. Чтобы не заходить слишком далеко, напомним резолюцию Первого Всероссийского съезда по народному образованию (в Петрограде 1913–14 гг.) и Первого Всероссийского съезда преподавателей русского языка средней школы (в Москве 1916–1917 гг.).

Ждали только, чтобы комиссия при Академии наук завершила свою работу, но более всего ждали, чтобы всерьез образовалась конъюнктура, благоприятная для реформы. Ведь ни для кого не было секретом, что реакционные министры просвещения, да и других ведомств, не стали бы поддерживать этой реформы, как не поддерживали они всего, что клонилось к благу масс. Революция создала, наконец, нужную конъюнктуру. Академия наук откликнулась на ходатайство съезда народных преподавателей русского языка, а во главе министерства оказались люди, умеющие понимать интересы русского просвещения. 11 мая в Академии наук прошло под предс. акад. А.А. Шахматова орфографическое совещание при участии товарища министра народного просвещения О.Ф. Герасимова и многих представителей науки, литературы и школы*. Совещание инициировало проект упрощения. Министерство немедленно взяло на себя заботу

* На совещании присутствовало 30 человек из 63, получивших приглашительные повестки. Среди приглашенных, но не принявших участие в совещании: К.С. Станиславский (Алексеев), И.А. Бунин, П.П. Гюдиш, А.И. Конн, А.М. Пешков (Горький). В совещании приняли участие: Д.И. Абрамович, Н.И. Андрусов, А.С. Архангельский, И.А. Бодуэн де Куртэнэ, С.К. Бу-

об осуществлении реформы в пределах школы. Вот таково происхождение министерского циркуляра...

Разумеется, нужно еще очень и очень взвесить все практические трудности, с которыми встретится реформа. Порядок ее реализации должен быть рассмотрен компетентными учреждениями. По имеющимся у меня сведениям, министерство так и намерено поступить.

Нет никакого сомнения в том, что орфографическая реформа будет встречена полным сочувствием русского учительства. Об этом лишний раз говорит, к слову сказать, и та грозная резолюция пензенских учителей, которая опубликована в № 121 «Русских ведомостей»*. Мало того, реформа заслуживает самой широкой общественной поддержки. Ее научные и педагогические основы многократно обсуждались с такой тщательностью, которая исключает возможность серьезных промахов. Напрасно некоторым кажется, что проектируемое упрощение делает письмо менее «научным» и «правильным», чем теперешняя орфография...

Задуманная реформа стремится привести правописание в должное соответствие со звуковым составом и этимологическим строем живого литературного языка, отчего оно становится более «научным», более «правильным» и, следовательно, более легким. Упрощение делается не в угоду малограмотным людям, а прежде всего по соображениям научного и педагогического свойства. Орфография не может быть ни крестьянской, ни барской: она должна быть единой для всех пишущих. Но, вместе с тем, упрощение правописания принадлежит к числу наиболее демократических реформ: освобождая письмо от традиционного балласта, она существенным образом облегчит усвоение русского правописания и даст возможность школе, особенно народной, использовать духовные силы учащихся в ином, более продуктивном направлении. А это, как всякому понятно, должно плодотворно отразиться на росте нашей культуры. По отношению к народной школе реформа имеет колоссальное значение. Выше ее может быть поставлен план всеобщего обучения.

«Но своевременно ли приступить к ломке правописания теперь? Время ли сейчас заниматься орфографией? Война, революция... хоть бы подождали, пока все успокоится». Подобные скептические и робкие речи напоминают нам обычный аргумент старого правительства, что сначала – успокоение, а потом – реформы. По этой именно причине наша реформа затянулась на целых тринадцать лет. Нет, все мы сознаем, что как раз в настоящий момент с резкой остротой встал перед нами вопрос о народном образовании. Народу нужны не только земля и воля, но и просвещение...

Некоторые ссылаются еще на финансовый крах, который угрожает России: мы-де слишком бедны, чтобы позволить себе роскошь орфографической реформы... Я скажу бы наоборот: мы слишком бедны, чтобы отказаться от назревшей реформы.

Лич. С.А. Венгеров, Ф.А. Витберг, Ю.А. Галабудский, О.П. Герасимов, Е.И. Досычева, Н.М. Каринский, Е.Ф. Карский, Н.К. Кульман, Г.М. Князев, Г.В. Левицкий, А.И. Лященко, П.Л. Мацтаков, П.П. Мироносицкий, Н.К. Никольский, В.Н. Перетц, Н.К. Пиксанов, В.М. Пушкин, П.Н. Сакулин, Г.Г. Туммин, Н.М. Соколов, М.Р. Фасмер, В.М. Чулицкий, В.И. Чернышев, А.А. Шахматов, Л.В. Щерба.

* В газете «Русские ведомости» от 31 мая 1917 г. были опубликованы материалы газеты «Пензенская правда» с резолюцией съезда учителей Пензенского уезда о необходимости скорейшего исключения из русского письма букв ъ и ѣ.

В первую очередь, конечно, реформа правописания распространится на школу. Станем, однако, надеяться, что важность реформы будет принята также нашей влиятельной прессой и что газеты подадут всем пишущим пример, применяя новое правописание хотя бы сначала в некоторых своих отделах. Мне кажется, для полного успеха реформы следовало бы образовать нечто вроде лиги нового правописания, чтобы пропагандировать ее, где только возможно. Осенью я постараюсь разработать проект такой лиги. Грамотному человеку, разумеется, нет внешней причины переучиваться. Но нельзя отказаться от маленькой жертвы в интересах большого культурного дела.

А.С. СЕМЕНОВ ТЯНЬ-ШАНСКИЙ

Легализация безграмотности

(«Утро России». – М., 1917. – № 142. – 10 июня)

<...> Во-первых, грубо разрушаются исторические основы нашего литературного уклада, причем исчезает удобопонятность многих слов при их чтении (*все – всѣ* и т. п.). Во-вторых, создается неустраиваемая двойственность правописания, ибо не можем же мы изъять из обращения всю ту громадную печатную литературу, которая создавалась у нас веками и имела и будет иметь определенное воспитательное значение.

Не можем мы навязать новое правописание великим создателям нашего литературного языка, великим мастерам нашего слова, которые отливали его в определенных грамматических формулах. Я разумею прежде всего нашу поэзию, где многие рифмы художников пушкинских школы немислимы без общепринятого поныне начертания, которые по природе своей требуют.

Отказ от буквы ѣ, которая помогает разобраться в корнях, а, следовательно, и в смысле слов и отличать их от созвучных (*есть – ѣсть, уже – ужѣ* и т. д.) тем менее обоснован, что буква та фонетически далеко еще не умерла.

Множество наших крестьян будучи безграмотными в письме, замечательно грамотны в своей устной речи. И происходит это от того, что они (я разумею крестьян-великоруссов) отчеканивают букву ѣ в каждом слове, причем она приближается по звуку при произношении скорее к букве «Й», чем к букве «Е». В истории и природе нашего языка буква ѣ имеет приблизительно такое же значение, какое составные гласные «АЕ» в латинском языке. С составной «АЕ» римляне прошли без помехи всю свою историю, придав незыблемым эти буквенные начертания...

Единственное, что можно приветствовать в попытке упростить наше правописание, это упразднение твердого знака в конце слов, где он не имеет никакого логического оправдания. Давно уже осознанное излишество этой буквы, не употребляется многими в скорописи, не помогло еще нам освободиться от нее в печати. Такова уж консервативная сила привычки – не только глаза, ибо навыки руки в данном случае не имеют никакого значения: типографист наборщик легко освободит каждого от закоренелой привычки. Решительный отказ от твердого знака «...освободит от печати в среднем 200–300 лишних букв в столбце каждой большой газеты. Что дает возможность поме-

щать лишнюю статью на каждой странице газеты. В толстой книге экономия места получится несравненно более чувствительной, будет содействовать меньшему расходу бумаги, ... и некоторому удешевлению изданий.

Боятся, как бы задуманная реформа не возымела печальных последствий, ибо это есть покушение на твердость наших навыков и устоев. В лучшем случае после затеянной реформы произойдет раскол: одни, составляющие культурную часть населения страны, вопреки министерским циркулярам и предписаниям, предпочтут оставаться людьми грамотными, другие – с облегченным сердцем перейдут в новое сословие неграмотных.

П.Н. САКУЛИН

Орфографические страхи

(«Русские ведомости». М., 1917. № 147. 30 июня (13 июля))

Об орфографической реформе начинают писать, а еще больше говорить. Конечно, что в этом вопросе каждый пишущий имеет свой законный голос. Но будем искренни и признаемся, что огромное большинство пишущих не имеет ясного представления о научных основаниях правописания, что люди, в других отношениях вполне образованные, здесь обнаруживают поразительную неосведомленность. Казалось бы, это обязывает к известной осторожности суждений. Но, к сожалению, очень часто мы видим совершенно обратное явление. Человек смело кладет свое мнение на весы против мнения авторитетных специалистов, каковы академики Ф.Ф. Фортунатов, Е.Ф. Корш, А.Ф. Шахматов. Не замечая того, люди бродят во мраке, а во мраке легко рождаются всякие призраки, которые пугают и без того встревоженное воображение. У страха глаза велики. <...>

Во-первых, упрощение русского правописания не есть, вопреки г. А.С. Семенову Тянь-Шанскому, ... «отважное предположение Министерства Народного Просвещения»; это давнишнее предположение русского учительства и многих общественных деятелей – предприятие, тщательно обоснованное с научной, педагогической и общекультурной сторон. Те возражения, которые приходится слышать теперь, у нас ничего нового не представляют. Изумляешься только, до какой степени глухи те, кто не хочет слышать. Делать нечего: станем без устали повторять одно и то же, пока цель не будет достигнута.

Во-вторых, задуманную реформу ни в коем случае нельзя отождествлять со свободно-фонетическим письмом. С этим недоразумением пора бы уже покончить. К тому же это так легко сделать. Стоит только взять в руки сам проект.

А между тем даже сам В.Я. Брюсов не пощадил своего авторитетного имени и в беседе с сотрудником вечерней газеты «Время» (№ 9530, 31 мая) обрушился на реформу, которую будто бы стремимся существующее правописание заменить фонетическим, то есть писать «как говорят». Все его аргументы верны, но они не имеют никакого отношения к делу. Реформа опирается на звуковой состав и этимологический строй живого литературного языка, а не на произношение каждого пишущего. Если В.Я.

Брюсов вникнет в сущность реформы и ее принципы, то он, разумеется, возьмет назад свои резкие слова о губительном влиянии, орфографических нелепостях, о хаосе и т. д.

С первой ошибкой отчасти связано второе заблуждение, что новое правописание ставит себе целью «уравнять у нас всех малограмотных людей с грамотными» (г-н Семенов Тянь-Шанский). Грамотные люди боятся своего рода деградации, боятся попасть «из попов в дьяконы». Термин «упрощение» со своей стороны поддерживает такое опасение, и в том-то и беда, что современная орфография на каждом шагу противоречит данным науки, что наша грамотность весьма условна и реформа стремится придать ей больше научной устойчивости. Упорядочение хаоса, устранение всяческого балласта и составляет «упрощение». Крайне ошибочно думать, будто предлагают какую-то орфографию второго сорта. И научно знакомы с вопросом не станут дрожать за свою «мнимую грамотность».

В третьих, в доводах наших оппонентов снова звучит то, что можно было бы назвать орфографическим гипнозом. У грамотного человека, естественно, это вырабатывается обликом слов, а так как многие не в состоянии отчетливо различать границу между письмом и языком, то свойства самой речи нередко приписывают буквенным начертаниям. На этом в значительной мере коренится апология буквы **ѣ**. В.Я. Брюсов согласен, что, «несомненно, **ѣ** утратила свой особый выговор», и тотчас же оговаривается, «хотя и не окончательно: например ударяемые **ѣ** и **и** рифмуются гораздо благозвучнее, чем **е** и **и**: так, гораздо рифмовать «на вол**ѣ**» и «доли», чем «поле» и «доли». Но это, конечно, мелочь!» Раз это мелочь даже в глазах самого поэта, то и распространяться об этом даже не стану. Хотя совершенно тождественную мысль высказывает также г. Семенов Тянь-Шанский, говоря, что многие рифмы художников пушкинской школы немислимы без общепринятого поныне начертания, которое они по своей природе требуют. Замечу лишь, что выражение «на вол**ѣ**» звучало бы для поэта точно так же, как и «на вол**ѣ**». Тут – явный гипноз буквы. Но вот г. Семенов Тянь-Шанский уже категорически утверждает, что буква **ѣ** фонетически еще не умерла, что крестьяне-великороссы «отчеканивают» букву **ѣ** в каждом слове, причем она приближается по звуку к из произношению скорее к букве «и», чем к «е». Как ни заманчиво это «двухтологическое открытие», но наука едва ли воспользуется им. Вероятно, ухо г-на Семенова Тянь-Шанского обладает исключительными особенностями, и я не сомневаюсь, что он слышит характерное «отчеканивание» **ѣ** даже там, где эта буква пишется у нас в силу ошибочной традиции (например, змѣй, змѣя).

Самое главное, о чем следует помнить в подобных случаях, это то, что люди неграмотные впервые обучаются письму и не имеют никаких навыков, что они свободны от орфографического гипноза.

В-четвертых, наши противники не могли вспомнить о таких практических затруднениях, которыми сопровождается осуществление орфографической реформы.

...Затруднения неизбежны при всякой реформе, но их наличность сама по себе еще не говорит против необходимости реформы. «Двойственность правописания» некоторое время, разумеется, будет существовать, но от нас самих будет зависеть, сократить или удлинить это переходное состояние.

По отношению к школе уже вырабатываются меры, которые существенно облегчат усвоение новой орфографии учащимися. В основу будет положен принцип, что принудительное переучивание недопустимо, что реформа обязательна только на самой младшей ступени начальной школы. Специальная комиссия при Министерстве народного просвещения недавно имела совещание с представителями народной школы, ко-

торые единодушно желают, чтобы реформа была проведена немедленно и в полном объеме. Так дорожат орфографической реформой те, кто непосредственно стоит у дела народного просвещения. Только по недоразумению в так называемом упрощении правописания можно видеть «явную угрозу нашей и без того слабой еще культурности», как думает г-н Семенов Тянь-Шанский.

Делая нашу орфографию более разумной и более грамотной, реформа необходима нам как раз во имя высших интересов национальной культуры.

В.С. ФЛЁРОВ

Поверженный Молох

(«Педагогические известия». М., 1917. № 3–4. (окт.–ноябрь) С. 11–22)

I

Помню себя еще зеленым юношей, когда впервые натолкнулся на живой протест против укоренившихся в русском письме правил. Знакомясь с педагогическими журналами 60-х годов, я удивлялся той настойчивости, с какой наиболее прогрессивный в то время в то время журнал «Учитель», сослуживший великую службу русскому просвещению, проводил идею реформирования правописания, печатая статьи без *твердого знака*, без *ять* и т.п. В ту же светлую пору общественного движения и в литературных журналах и газетах часть статей печаталась по новому правописанию (Катков). И эта связь политического и общественного подъема с возникновением идеи реформирования русского письма весьма характерна. В ту пору русское общество осознало весь позор и весь ужас безграмотности многомиллионного народа, призванного к свободной гражданской жизни, и, напрягая все средства к просвещению темной массы, почувствовало в самой письменности русской жесткие путы, препятствующие быстрому распространению знаний. И лучшие борцы просвещения того времени явились первыми глашатаями упрощения правописания.

Это было начало, светлой, живое начало, которое, однако, не было Воспринято в то время ни печатью, ни школой. Но толчок был дан, семена посеяны, и они дали живые ростки среди тех, кому были близки и дороги интересы просвещения, кому приходилось собственным потом и кровью бороться с народной темнотой и собственной подоплекой чувствовать те путы, которые представляют собой в этой борьбе «яти» нашего правописания. Я говорю о русском учительстве. Не об учительстве средней школы говорю я, которое, волей или неволей, в силу тех или иных условий, в своей массе пользовалось этими путями для сортирования детей на счастливых и несчастных и для выкидывания последних за борт... Оно мало мучилось муками детей, долгими годами и изнурительными усилиями преодолевавших эти яти, ёры и фиты. Мучилось этими муками, плакало детскими слезами учительство народной школы, и вот сюда, на эту благодатную почву пали семена и идеи упрощения правил письма.

С девяностых годов я ежегодно в разных концах нашей родины, работая на учительских курсах и съездах и везде, где бы и по какому бы вопросу ни собирались народные учителя, — везде сам собой выдвигался вопрос о правописании, везде слышался

горячий протест, вернее сказать, искренний вопль учительской души против господства в школе орфографии и, конечно, прежде всего и больше всего, против злосчастной буквы *ѣ*. В этом вопле сказывался весь трагизм положения русского учителя, — нищего, бесправного, придавленного учителя, который, перенося всеческие лишения и ежедневно корпя с детьми над тетрадами в невозможных условиях, сознавал, что он не просветляет умы, этих деток, несет в народ не свет и знание, а вдальбливает в живые детские головы ненужную народу орфографию, быстро и бесследно тераемую ими по выходе из школы. Буква *ѣ* душила и учителя, и ученика, мертвила школу и всю школьную жизнь, — сверху и до самых низов.

II

Властный тон давался, конечно, верхам. Достаточно вспомнить о распоряжениях по этому вопросу злого гения русского просвещения гр. Дмитрия Толстого, артистически пользовавшегося всякими средствами для проведения системы притупления. Распоряжения эти, надо заметить, и до сих пор действуют. Я говорю о правилах для экзаменов на аттестат зрелости, по которым тот, кто держит этот экзамен, т.е., кто прошел 8 классов гимназии, какие бы баллы он ни имел в году, каких бы людей ни был во лбу, не допускался к устным испытаниям, коль скоро в письменной работе им допущены орфографические ошибки. *ѣ* и орфография превыше и дороже всего: оно первое и надежное морило умственной зрелости!.. Впрочем, это мнение перешло и к нашему обществу (попробуйте в своем письме поставить *ять* не на своем месте!), оно сделалось обычным для многих педагогов и профессоров... Читали ли вы профессорские отзывы о письменных работах державших на аттестат зрелости? В них, прежде всего, идет подсчет ошибок на букву *ѣ* и на основании этого подсчета разбираются ужасы студенческой безграмотности, неподготовленности и т. д. А следом за этими отзывами шли новые и новые циркуляры министра об усилении занятий по орфографии. И в средней школе вновь начинали подстегивать преподавателей, еще выше поднимали пьедестал школьного Молоха, еще беспощаднее приносили ему в жертву и детские знания, и детские радости, и детские жизни. Не вскоре оказывалось — по новым профессорским отзывам — правописание у абитуриентов стало еще хуже, и выпалились новые циркуляры, новые строгости. Образовался какой-то сплошной кошмар, давивший и душивший школу и всякое проявление жизни в ней, создался какой-то заколдованный круг, в центре которого царственно темнела буква *ѣ*, «злой дух» русской школы.

Этот кошмар окутал темнотой и мукой и низшую народную школу. И здесь в правилах об экзаменах тем же злым гением школы Д. Толстым выдвинуты были на первый план диктовка и правописание, и ребенок, как бы он ни был талантлив, как бы для своего возраста бы ни был сведущ в школьных науках, отнюдь не допускался к устным испытаниям, коль скоро он допустил ошибки в диктовке. Здесь кошмар сказывался еще сильнее, ибо он роковым образом отражался на всей работе начальной школы и на всех детях народа. Припомним, что по тем же правилам главным экзаменатором в школе являлось лицо, не имевшее никакого отношения к педагогике и школе: приезжал исправник, земский начальник, член управы, иногда и сам, едва разбирающийся в грамоте, и первое, на что обращал внимание такой экзаменатор это диктант и орфографические ошибки. Надо немало знать и понимать, чтобы определить степень знания и развития ученика, а проверить диктовку по книге всякий в силах, и подчеркивание ошибок, подсчитывание попавших по на свое место *ятей* — составляло первое и самое простое дело. Создался и в народной школе культ буквы *ѣ*. Не одолевшему этой буквы

ребенку приходилось возвращаться опять в школу или уходить без свидетельства, учитель, не натаскавший детей в безошибочном письме, попадал в разряд плохих, лишался награды, смещался в плохие училища и т. д.

Приходилось невольно налечь на письмо, на диктовку, на **ѣ**! Чтению отводилось 3 часа в неделю, а диктовке 9 часов. С утра до сумерек в школе висела в воздухе грозная **ѣ**, отодвигая все другие занятия и интересы па задний план. Орфография душила и давила школу, учителя, ученика. И если в средней школе она нужна для того, чтобы перейти в высшее учебное заведение или чтобы не ударить лицом в грязь среди интеллигентного общества, имеющего свои предрассудки, то в народной школе ни таких задач, ни таких оправданий для ужасов орфографии не было: написавшие безошибочно диктовку весной, уже к осени забывали правила и употребляли *л* там, где им это нравилось. Ненужность этой буквы, этих правил, всего затраченного на них времени, всех убитых на это усилий, мук, слез—слишком ясно была для каждого вдумчивого учителя... А громаднейшее зло, причиняемое этими усилиями, притулявшими детские силы, мертвевшими школьную жизнь, не дававшими простора для образовательных занятий — слишком было очевидно и ощутительно... И, понятно, почему именно здесь, в народной школе, среди работников ее, наиболее чувствовался и будировался протест против орфографии, требование упрощения ее и прежде всего изъятия из алфавита буквы **ѣ**.

III

Этим протестом заражались и проникались все, кто имел живое общение со школой, за исключением лишь тех, кто добровольно или невольно задавался целью душишить школу, тормозить демократизацию просвещения.

Выдвинулось много лиц среди педагогов и общественных деятелей, выяснявших ненормальную постановку орфографии в школе и борющихся с этим коренным злом ее. Редкая книжка педагогического журнала не заключала в себе статьи или заметки, клеймящей это зло, как намеренное орудие царившего обскурантизма. Не было ни одного крупного педагогического имени, с которым бы не соединялось представление горячего протеста против этого зла. Чувствуя бессилие низвергнуть установившееся господство орфографической рутины, поддерживаемой правительственным режимом, такие педагоги, как Бунаков, Шереметевский и т. д., работавшие в эпоху наибольшего давления правительства на школу, горячо призывали и общество и учителей — терпимо относиться к ошибкам детей... Тщетно они взывали!

Очень интересную в этом отношении картину представлял собою Съезд деятелей по народному образованию в Москве в марте 1901 года, когда мною внесен был доклад под заглавием «Буква **ѣ** в народной школе», основным тезисом которого было: «Пора освободить нашу школу от буквы **ѣ** как главного тормоза ее образовательной работы». Съезд носил официальный характер, имел председателем попечителя учебного округа, состоял почти исключительно из экзаменаторов народной школы: директоров и инспекторов народных училищ, председателей училищных советов (предводителей дворянства), председателей земских управ. Доклад был принят, вполне, сочувственно, единодушно, рукоплесканиями. Но когда я внес предложение возбудить ходатайство «о признании буквы **ѣ** необязательной в курсе начальной школы», то встретил неожиданный отпор от той группы, от которой меньше всего можно было ожидать — от группы дворян, глава которой (М. А. Стахович) не постеснялся назвать такое предложение даже «паивным»... <...>

IV

Никакие вопли и протесты, никакие доводы и аргументация — ни всероссийского учительства, ни общественных групп, ни самоуправлений, ни выдающихся педагогов и ученых, ни народных избранников, — ничто не могло воздействовать на царское правительство, которое справедливо видело в этом движении стремление к освобождению школы от давивших ее пут, к демократизации знания, и справедливо признавало в этих ятях и ерах оплот для своего господства, одно из средств для задержания роста народной мысли. Эти ненавистные яти и фиты стали эмблемой обскурантизма и протнвившего режима; они мыслились не иначе, как орудие этого царизма, орудие, которым он силился задержать духовный рост молодых поколений, рост нации. И разве могло иначе произойти, когда рухнул этот режим, когда революция смела все преграды к осуществлению исконных чаяний и надежд демократии? Разве с падением полицейского строя не должны пасть и все его эмблемы и орудия, все те пути и окопы, которыми он сковывал народное просвещение? И разве хоть один час могла потерпеть существование подобных пут народная совесть?

С первых же дней февральского переворота со всех концов России полился в Министерство Народного Просвещения и к новому Правительству целый поток требований и настойчивых ходатайств об упрощении орфографии. Во множестве ходатайств, последовавших от революционных комитетов, советов, съездов и т. д., в самой поспешности, с какою они были заявлены вслед за переворотом, с особою яркостью сказывается, что в ятях и ентах передовое демократическое русское общество отчетливо видело одно из самых злобных орудий царизма, одно из самых сильных препятствий к демократизации школы и знания. И могло ли иными глазами посмотреть на это давно признанное зло революционное правительство, революцией обновленное Министерство? Могло ли оно не поспешить отряхнуть прах старого режима от ног своих? В большой плюс Министерству Мануйлова и Герасимова надо поставить, что оно, во многих преобразованиях медленное и осторожное, в вопросе об орфографии и оказалось чуткое и решительное. Вслед за постановлением особого совещания при Академии Наук (11 мая 1917 г.), Министерство без колебаний сделало распоряжение об обязательном введении упрощенного правописания.

Свершились! Свергнут Молох, ежегодно и ежечасно пожиривший миллионы детских сил и детских радостей! Исключена буква **ѣ**, самая злосчастная, ненавистная буква, губившая тысячи дарований и жизней! Исключены и другие правила и наросты в великом русском языке, препятствовавшие ему развиваться и расти в наших детях, в светлом «будущем» России. Свершилось то, чего так страстно желало и добивалось всё мыслящее передовое общество, все любящие родину, видящие в просвещении ее силу.

V

Как встречена реформа? Надо ли говорить, как встречена реформа теми, кто так мучительно ждал и боролся за нее, — русским учительством. Трудно описать тот восторг и энтузиазм, которыми сопровождалась весть о реформе на съездах, в собраниях, комитетах народных учителей. Где мне пришлось быть свидетелем, это было сломанное, искреннее ликование, которое затем, с наступлением учебных занятий, перенеслось и в школы, в среду сотни тысяч детей народа. По имеющимся сведениям, ни отсутствие букварей с новым правописанием, ни отсутствие переработанных книг для чтения и новых грамматик, ни, наконец, сложившиеся уже навыки письма у учеников

старших классов, — ничто не остановило учителей начальниц школы пред немедленным введением упрощенного правописания. И беспощаднее всего отнеслись к букве **ѣ**, не столько учителя, сколько дети. Наблюдается, что у детей легче всего прошло изъятие буквы **ѣ**: пишут в этом отношении безошибочно... Я не слышал о каких-либо исключениях по отношению к реформе среди народных учителей. — Не думаю, конечно, чтобы не было между ними защитников старой орфографии, но верится, они не решаются нарушать наступившего великого праздника в дорогой им школе, или не в состоянии ввести диссонанс в общий громадный подъем, охвативший учительскую среду, в которой реформа орфографии теснейшим образом слилась с революцией.

На всероссийском съезде учителей высшей начальной школы (в июле 1917 г.) явился один защитник старой орфографии, но едва ли не остался с одним своим голосом, дав лишь повод к восторженным овациям проф. Сакулину, явившемуся на съезде выразителем общего подъема в пользу упрощения.

Далеко не так сочувственно встречена реформа средней школой, о чем можно судить по газетным заметкам и по отзывам о мест. Еще не стих в ушах тот гром аплодисментов тысячной аудитории всероссийского съезда преподавателей русского языка, когда единодушно принята была резолюция о необходимости упрощения орфографии: так было это недавно. А когда пришла желанная реформа, посылались жалобы на нежелание родителей, на отсутствие пособий и руководств, отпечатанных по новой орфографии, на сложившиеся привычки у учеников, на нежелательность ломки и т. д. Все это до известной степени верно, и все же приходится отметить какую-то косность и вялость, граничащую с нежеланием... Говорю, конечно, о массе, а не об отдельных лицах из педагогического персонала средней школы. Мы, конечно, понимаем, что **ѣ** и вся орфографическая рутинная далеко не так затрудняла учителя средней школы, как учителя низшей. При том громадном конкурсе, какой существовал и существует при поступлении и передвижении из класса в класс в гимназиях и реальных училищах, учителю не приходилось прилагать много сил к внедрению орфографии в детскую память: дети приходили уже с готовыми ятиями в головах, и те, у которых оказывались какие-либо изъяны, легко заменялись новыми. Потому-то здесь учителю не приходилось так болеть сердцем. К тому же, в среднюю школу попадали только избранные, и усвоение всех тонкостей правописания имело для них определенную цель — продолжение образования. В силу этого **ѣ** свила в средней школе более прочное гнездо. Нельзя позабывать и то, что в данный момент ученики уже владеют старой орфографией и усвоение новых правил требует некоторых усилий. Сказывается тут и непривычка преподавателей, из которых некоторые сами в шутку говорят: «скушаем мы без ять»... Тем с большим уважением мы должны приветствовать те средние школы и тех преподавателей и учеников в них, которые восприняли всю важность реформы и, не останавливаясь пред новой работой, смело последовали новым правилам письма. А таких все же не мало!

VI

Но что было совершенно неожиданно, это та холодность, иногда враждебность, а иногда и возмутительная пренебрежительность, с которыми встречено было распоряжение Министерства периодической печатью и некоторыми литераторами. Что журналы и газеты не перешли к новому правописанию и не помещают даже отдельных статей, написанных по упрощенной орфографии, это до некоторой степени понятно; это можно объяснить техникою печатанья, и без того затрудненного современными условиями типографской работы. Но совершенно непонятно, как образом крупные

передовые газеты, всегда высоко державшие знамя демократизации просвещения, даже газеты, принадлежащие к социалистическому лагерю, могла поместить на своих страницах статьи, полные какого-то дешового шутовства и барского глумления над новой реформой, — над той реформой, которая так долго вынашивалась и выковывалась в общественных и демократических слоях, как одна из желанных мер борьбы с народной тьмой. Каким образом наша седьмая великая и прогрессивная держава — печать приняла под свою защиту то, что царское правительство почитало оплотом своего флюидейского режима, оплотом той тьмы народной, на которой он покоился? Тут кроется какое-то глубокое недоразумение, сказываются те ничем необъяснимые противоречия и абсурды, которые так свойственны русской действительности...

Не менее утешительны и те возражения, которые в серьезном виде приводились против нового правописания на страницах периодической печати. Большинство из них обнаруживают очень слабое знакомство с вопросом об орфографии и с историей этого вопроса, еще меньше с законами развития живого языка и его взаимоотношением с письменностью. Рассчитанные на неосведомленного читателя, они производят комичное впечатление своим серьезным тоном и длинными разглагольствованиями яко бы научного характера. Вот, напр., один московский публицист, с удивительной легкостью оперируя с научными терминами, доказывает, что напечатанные по новому правописанию статьи производят впечатление «не русского языка, а варварского». Как будто газетный писатель и знает только одни печатные или письменные тексты и по ним судит и ценит язык, не догадываясь, что тот русский язык, который живет в устах миллионов русских людей, не знает букв, и изъятие или перемены букв никакого влияния или отношения к нему не имеют. Пора бы об этом знать каждому гимназисту...

Не менее комичное впечатление производят те страхи, которые разрисовывались умелой рукой одного из популярных поэтов, утверждавшего, что при введении упрощенного правописания, основанного якобы на звуковом принципе, благодаря крайнему разнообразию русских говоров, для каждой губернии придется печатать свои книги. Действительно говоры у нас очень разнообразны, одни и те же слова произносятся в разных местах, иногда в соседних селах различно, и проведение фонетического правописания (пищи, как слышится) грозило бы нам громадными трудностями при общении, разбило бы нас, всю Россию, — без всяких автономий, — на отдельные группы, отлично понимающих друг друга в устной речи и взаимно не понимающих в переписке, в печати. Страхи, невидимому, основательные! Но совершенно излишни. Новое правописание совсем не имеет в виду базироваться на произношении и так же далеко остается от полного фонетизма, как и старое. Оно выкидывает лишь лишние, т. е. вторые буквы: **ѣ**, **і**, **ѳ** и **ѣ** и упрощает написание некоторых окончаний главн. обр. путем тоже устранения лишних, т. е. вторых, как напр., *аго, ея, онѣ* и т. д., оставляя в полной силе те принципы (исторические, этимологические и фонетические), на каких зиждилось наше правописание раньше. Остается в силе основное положение литературной письменности, имеющее в виду демократизацию ее, — это то, что каждое слово имеет одно написание/независимое от местных говоров, и вся письменность имеет твердые (неизменяемые) формы, благодаря чему для всех местностей и говоров, для всего русского языка — и при новом правописании — остается один письменный язык. И все страхи, которыми запугивалось воображение русского обывателя, остаются на совести популярной газеты... Надо заметить, что упрощение орфографии осуществлено в весьма скромных размерах. И если мы сравним эту реформу с теми изменениями, которые выработала в 1904 и 1912 году орфографическая комиссия при Академии Наук, то уви-

дим, что многие из этих изменений были откинута, и оставлены лишь те, которые, как я сказал, освобождая нашу письменность от лишних букв, не затрагивают самых основ построения ее. Благодаря этому, и самоеусвоение нового правописания – как в письме, так и в чтении – не представляет никаких трудностей.

Я не буду останавливаться на других возражениях подобной же компетентности, в роде того, что де реформа, проведенная Академией Наук, не имеет основ в истории нашей письменности и является яко бы революционным актом, непоследовательным и незаконным и т. д.. Почтенным авторам подобных возражений хочется сказать: да загляните в «Русское Правописание» Д. Н. Ушакова, выясните хотя чуть-чуть трактуемый вопрос и во всяком случае не надевайте маски учености и не вводите простецов в заблуждение. А главное, за этими длинными столбцами глубокомысленных рассуждений и доказательств не забывайте о тех, кто корпит целыми днями и годами над усвоением орфографии – о русском ребенке, о миллионах наших детей, которые, наконец, освобождаются от необходимости лучшие свои годы, лучшие силы убивать на внедрение в свою память никому и ни для чего ненужных букв. Не забывайте детских слез, густо оросивших эти злосчастные яти, еры и өнты.

Не могу я умолчать однако об одном возражении, в котором недоразумение – невольное или вольное, не знаю – дошло до геркулесовых столбов. Признаюсь, краска стыда залила меня, когда мне пришлось читать уверения некоторых художественных натур, будто эти лишние буквы, которые так будто бы варварски устраняются из русского алфавита, удержались в нем в силу «естественного подбора» и их никоим образом нельзя выкинуть, не уничтожив внешней законченности и красоты написания слов? Законченность, красота, изящество и даже не языка, не слова, а написания его... и это тогда, когда рядом с нами свыше ста миллионов безграмотных сородичей, и вопрос об облегчении им подступа к культуре – вопрос жизни и смерти нации, – это тогда, когда история выдвигает на первый план необходимость экстренных, чрезвычайных мер к просвещению масс, когда миллионы детей потянулись в школы за светом, за знанием. И этим миллионам неграмотных взрослых, этим миллионам тянувшихся в школу детей мы должны дать вместо хлеба камень, и только потому, что он имеет вид законченности и красоты... И давно ли наши поэты стали чувствовать «красоту в написании»? Просмотрите рукописи Пушкина, Гоголя, Толстого – где эта «красота написания»? Ведь идя последовательно, можно дойти до утверждения, что самый красивый язык конторских книг, где написание слов, вроде рондо; наиболее законченное и красивое... А не потому ли и наш величавый, могучий и красивый язык так заострел, побледнел, потускнел, что в нашей школе доселе занимались более написанием, чем самым языком, что там из дня в день душили и давили всякую живую мысль и яркое слово бессмысленной диктовкой, списыванием, заучиванием правил и т. д. – и все ради «законченного» написания!.. И я верю, что он снова будет и величавым, и могучим, и тонким, и глубоким, и прекрасным языком и именно тогда, когда он освободится от лишних пут написания, когда цениться он будет с той стороны, с которой ценится великим мастером слова Тургеневым, когда он свободно будет отображать в себе величие, глубину и красоту русской народной души.

VII

В сущности, в основе всех возражений лежит приверженность к старому, сложившаяся привычка и некоторая пассивность, препятствующая многим отрешиться от личных удобств. Не надо скрывать от себя, что эта протестующая против всякой но-

визны пассивность, коренящаяся в выросших психологических функциях у всего грамотного населения, представляет наиболее сильную опасность и препятствие в пространстве и упрочении нового правописания. У всех нас читающих и пишущих образы печатных или письменных слов слились с самыми мыслями и представлениями, как их символы, и вот поэтому-то мы так легко и свободно воспроизводим при чтении мысли, и так же легко выражаем их в этих образах на письме. Привыкли глаза, привыкла рука к определенным написаниям. Новое правописание дает новые образы-символы, непривычные для глаза и руки, и потому как воспроизведение по ним мыслей, так и запись их – требует некоторой работы, усилий. Когда мы видим фразу: «лесь редѣдетъ», то без всякого усилия представляем целую картину, написание же: лес редѣдет – своею новизною заставляет всмотреться, перевести его на устный язык и таким путем осмыслить. Эти усилия задерживают работу, отвлекают от содержания, вызывают досаду и протест. Для большинства они кажутся неужными, лишними. И если бы судьба реформы зависела только от интеллигентной и полунинтеллигентной публики, привыкшей уже пользоваться книгой и пером, мы очень тревожились бы за ее успех. Трудно надеяться, что эта публика легко поступится своими приобретениями в пользу будущего поколения... Но мы живем в эпоху революционную, настраивающую даже пассивные части населения к переменам, это во-первых, а, во-вторых, в настоящую пору наблюдается громадное движение к усвоению нового письма и чтения среди миллионных масс неграмотного и малограмотного населения: и школы детские, и школы для взрослых переполнены учащимися, и вот для них новые упрощенные написания являются наиболее легкими для усвоения и пользования, и вот эта-то масса со всеми своими ближайшими руководителями явятся надежными защитниками реформы.

Надо признать, что и для лиц, уже владеющих навыком чтения и письма, совсем не так трудно перейти к новому правописанию, как может это показаться вначале. Изменения произошли незначительные, и привыкнуть к ним совсем легко, если к тому есть доброе желание. Достаточно прочитать три-четыре страницы нового текста, пописать по новому правописанию три-четыре часа, и вы увидите, что вы уже сторонник нового письма. Несомненно принятые упрощения облегчают и нам работу письма.

Нам говорят: до правописания ли теперь, когда решаются судьбы родины и революции, когда каждый новый день приносит новые тревоги и угрозы, угрозы вашей жизни и всего государства. Да, перед яркостью и жуткостью переживаемых нами тревог бледнеют вопросы о правописании, затушевываются, отодвигаются куда-то на задний план вопросы просвещения народа. Но, думается, затушевываются эти вопросы у тех, кто слишком малодушно отдается тревогам дня и не вдумывается в причины переживаемой разрухи. Как бы ни были грозны и жутки злобы дня, мы не должны забывать, что корень их в народной темноте, и, живя тревогами минуты, мы все же должны смотреть вперед, в будущее, а светлое будущее видится только в просвещении народа. Мы должны ковать это будущее, должны напрячь все силы к созданию его, и, если упрощение письменности способствует этому созданию, мы не вправе считать его пустяком, не вправе оставаться в стороне от него, не вправе не поступиться в пользу его своими личными удобствами. Реформа правописания недаром родилась вместе с революцией: это её детище и родная сестра, и среди тех славных глубоких перемен, которые внесла и внесет революция в русскую жизнь, упрощенное письмо займет почетное место как реформа, наилучше способствующая скорейшему переходу темного русского народа к культурной, а вместе с тем и к государственной жизни.

му); в прилагательных же с так называемым «мягким» окончанием парадигмы склонений были также типизированы (ср. *синему, нашем, свежему* и т.д.).

Приставки *воз-, из-, низ-, раз-* и прежде писались через *с* перед глухими согласными, но из числа последних почему-то было сделано исключение для *с*. Теперь это исправлено. Кроме того, включены в общее правило и две остальные приставки наз: *без-* и *чрез-*.

Разрешая пишущему самому определять степень слиянности в его сознании таких наречий, как *впоследствии, втечение* и в случае, если для нашего сознания они допускают разложение на составные элементы, писать их раздельно: *в течение* и др. Академия наук проявила чрезвычайно много такта и уважения к живому языку, за что ей можно быть только благодарным.

Если бы в нашем распоряжении находилось достаточно времени и места, мы сочли бы необходимым изложить хотя бы вкратце основные черты, которыми характеризуется отношение между русским написанием и русской фонологической системой: движение звонких и глухих согласных, редуцирование неударяемых гласных, обозначение смягчения согласных, обозначение звука [j] и т.д. Тогда читателю стало бы ясным, что новая орфография не затронула ничуть ни одной из важнейших основ русского написания; русский алфавит как *система* ничуть не пострадал. Широкой публике, может быть, и неизвестно, что лингвисты считают кириллицу одним из самых совершенных орудий письменности*, но Академия, конечно, хорошо это знает.

О «ненаучности» и «безграмотности» новой орфографии говорить могут только люди в этих вещах некомпетентные. Считать реформированное правописание «безобразным», «неэстетичным» – дело вкуса и привычки. Переход с одного правописания на другое, конечно, требует разрыва с традицией. Сказать ли, что сам акад. А.А. Шахматов так до конца жизни и писал по-старому?!

Но миллионы детей и миллионы простых людей, которым нет возможности тратить годы и годы на усвоение хитроумных написаний, не связанные привычкой, свободные от «политики», смогут с меньшими усилиями приобщиться к русской и мировой культуре. Все дело в том, чтобы суметь разумно использовать освобождающуюся энергию. Но это уж дело воспитателей и правителей.

ЕВГ. АНИЧКОВ

Правописание и классики

(«Русская школа за рубежом». Кн. 5–6. Прага, 1923. С. 78–87)

Ставшая такой острой в наши дни проблема орфографии теснейшим образом связана с вопросом об издании классиков. Тут она всего острее. Уничтожающе звучит этот аргумент в устах противников новой орфографии:

* См., например, Vendryes. La langage. Paris, 1921. P. 385.

– Помилуйте! Пушкин по новой орфографии!!!

И самодовольно улыбаются, не сомневаясь, что встретят самое горячее сочувствие. Правы. Потому что по отношению к классикам всего робче и неувереннее голоса сторонников.

Давайте же – *sine ira et studio* – разберёмся, как обстояло дело для нас, специалистов по изданию классиков, ещё во времена неоспоримого владычества *ѣ* и *ѵ*, при самом, что ни на есть, старом режиме и вне всякого соотношения с политикой.

В самый разгар увлечения «пушкинианством», «тургеневскими усадьбами», мебелью из карельской березы, старинными портретами и кропотливой разработкой мемуаров, автографов и первых изданий, филологией, лекциями Зелинского и семинариями Венгерова пишущий эти строки принял предложение стать редактором «Русских классиков» для фирмы «Деятель». В задание входила такая же тщательная обработка текста, как и в академических изданиях, с примечаниями, предисловиями и вообще со всем арсеналом филологического аппарата. И вот тогда уже, т.е. лет пятнадцать назад, мне пришлось обдумать и обследовать проблему русского правописания. Сразу возникло три различных точки зрения, которые должны были оказаться руководящими. Они останутся такими и в настоящей статье:

1. Наиболее тщательная передача текста, т.е. критический текст, восстановленный по рукописям, авторским корректурам и по первым изданиям, требует единообразной и твердо установленной орфографии.

2. Текст классиков – педагогический материал, ибо на классиках учатся в школах родному языку, включая сюда и искусство писать.

Техника издания: набор корректуры, состояние оригинала, с которого производится набор, – все это дело совершенно постороннее редакционной работе, т.е. тексту издаваемого автора.

* * *

Ничто не может быть менее хлопотливым для ученого издателя, как выпустить в свет «Семейную хронику» или «Записки ружейного охотника» С.Т. Аксакова. Практически все дело сводится к тому, чтобы купить у букиниста 1-е издание и дать в набор. Только Гривки придут из типографии в таком виде, что можно верстать и, благословясь, подписать к печати.

* * *

С.Т. Аксаков сам корректировал свои сочинения, а корректор он был превосходный; грамотность его не оставляла желать ничего лучшего. Оттого, воспользовавшись для оригинала первым изданием, типография своими собственными способами, путем простой сверки набора с оригиналом, проделает всю работу редактора. А к тому же и купить первое издание до войны было не трудно. Оно продавалось приблизительно около трех рублей за том. Собиратели еще не подняли цены.

Однако спрашивается: действительно ли мы получили бы исправный текст? Надо только вспомнить, что орфография Аксакова задолго предшествовала Гроту, и, стало быть, текст, который, таким образом получится, будет довольно своеобразен.

Мне ответят: и прекрасно, раз данная орфография принадлежала автору, тем более ее нужно строго блюсти.

Но такой взгляд в деле Пушкина не привел к настоящему бедствию только потому, что не был ни строго, ни почти вовсе проведен в жизнь. Долго занимал он все множив-

шее число специалистов по Пушкину. Его придерживался С.А. Венгеров, когда начинал свое большое комментированное и иллюстрированное издание великого поэта. Сфотографированы были все рукописи Пушкина. С.А. Венгеров у себя, в своем частном рабочем кабинете, располагал этим драгоценным источником пушкинской филологии. Годы шли. Работа производилась, однако, увы, вывод, к которому приходилось склоняться, был удивительный: ни только никакой пушкинской орфографии вовсе никогда не было, но просто этот совершенно неоспоримо первый среди равных русский классик грамотой владел бесконечно хуже, чем большинство более или совсем скромных его современников.

Соблюдать правописание самого автора – вообще утопия, невозможность, часто бессмыслица.

В самом деле. Когда какое-нибудь произведение впервые попадает в печать, в журнал или в виде отдельного издания, автор правит его с полной тщательностью, и едва ли так уж преувеличил Оскар Уайльд, когда изобразил поэта, долго терзавшегося корректурами над тем, не надо ли уничтожить где-то запятую, а затем столь же долго и с не меньшей тревогой, не лучше ли ее восстановить. Но это вначале, это в молодости или при первом издании. Вот выходит уже третье, четвертое, пятое – как далек текст от того сосредоточенного до боля и напряженного до душевных мук внимания, какое сказывалось при первой его корректуре. А ведь это все было так называемая *авторская корректура*. Поскольку автор сидел над своим произведением, как обыкновенный корректор, борющийся с опечатками, был ли он, так сказать, на высоте, был ли тут тоже гениален? Конечно же, нет. Орел тогда спускался с высот. Великий писатель в этом отношении был хороший или плохой ученик гимназии: либо сколько-нибудь позабывший то, чему его учили, либо никогда толком этого и не знавший.

<...>

Гоголь, допустив постороннего человека до своих произведений, наделал столько хлопот будущим поколениям, что последовательно Тихонравов, Каллаш и Коробка должны были ломать себе голову, как быть с этими несколькими эпитетами подряд, какими, судя по рукописи, снабжал Гоголь существительные: он ли вычеркнул некоторые из них, или не он? Отсюда: надо ли восстанавливать тщательным образом согласно рукописи все эпитеты, как это сделал Тихонравов (повторено Каллашем в издании «Просвещение») или вычеркнутые не вводить в текст (как у Коробки в издании «Детель»). Получилось то, что существует три текста Гоголя: первоначальный, потом Тихонравова и, наконец, Коробки. А самого Гоголя?

Но еще пример: «Демон» Лермонтова. Напечатан после смерти автора, рукописи авторской или авторизованной не сохранилось ни одной. Вообще же рукописей огромное количество, и еще три издано за границей – две в Карлсруэ и одна в Берлине. Академический издатель Лермонтова Абрамович, исходя из правила, что редактор должен сверять даваемый им текст с первым изданием, так как он тут всего ближе к автору, так сказать, не успев еще с ним расстаться, взял за исходную точку корректуру «Демона», приготовленного Краевским для «Отечественных Записок», но тогда еще не увидавшего свет. Решение едва ли основательное. Во всяком случае, оказалось много явных опечаток (я разумею 1-ое издание, 2-го я не видел); помню из них две: при описании Грузии опять явились «столпообразные руины» вместо «роины» и конь убитого князя-жениха примчался «запыленный» вместо «запаленный». При этом сам автор тут уж никак не мог помочь делу. Осталось тайной. Лишь кропотливая работа, начинающаяся с классификации рукописей «Демона», что я постарался сделать в специальной

работе, напечатанной в «Известиях Отдела русской словесности Академии наук», может провести к установлению удовлетворительного текста «Демона».

Мне врезалось в память одно воспоминание, которое может быть полезно для тех, кто воображает, будто издать автора можно и без соответствующего чисто издательского даже типографского аппарата, заблуждение весьма распространенное. Оттого мне казалось весьма странным, когда было затеяно в Париже издание русских классиков с Ив. Буниным в качестве редактора Пушкина. Это после П.О. Морозова, Леонида Майкова, Н.Е. Щеголева, Валерия Брюсова, С.А. Венгерова! Спасать решили русскую цивилизацию от постигшего ее варварства!

Нахожу однажды покойного Семена Афанасьевича Венгерова за вторичным чтением корректуры одного из томов его Пушкина.

– Что вы делаете?

– Вот мои поправки для соблюдения пушкинской орфографии; мне корректор опять уничтожил.

– Если восстановите, он еще раз выправит по-своему, даже если подпишете к печати.

Семен Афанасьевич со мной согласился.

Тогда же, после происшедшего с ним разговора и при его одобрении, я решил, что в изданиях «Деятеля», которое редактировал я как главный редактор, все авторы будут напечатаны по единообразной орфографии. А если какое-либо слово того или другого автора нужно печатать в несколько необычном виде, он обязан его подчеркнуть красным карандашом, причем должно быть отдано распоряжение, чтобы смысл этого подчеркивания был известен всем корректорам, как типографии, так и издательства, и они переносили бы это подчеркивание и на гранку, и на сверстанный лист. Ибо чем правильнее и серьезнее поставлено дело издательства, тем опаснее порчи работы редактора будет большая.

Тем естественнее ожидать, что без нарочитой заботы и распоряжения редактора у Аксакова непременно появится классический «котенок» вместо «кутенок», и собака, как это ни претит ее понятию о материнских обязанностях, окотится вместо того, чтобы оценить; в Грузии будут воздвигнуты для вящей красоты пейзажа какие-то «столпообразные руины», а у Гоголя в Алжире – не «дей», а «бей».

* * *

Страшно подумать, какое поистине бедствие началось бы, если бы, в самом деле для стихов Пушкина была восстановлена его орфография.

И без того грамотность стала падать. Пережиты времена Толстого, свирепого министра при Александре III, когда единицы и двойки сыпались на голову учеников с нарочитой целью, чтобы Государю своему они стали верными слугами, а в университетах ходили бы не какой-то гурьбой, а небольшими кучками «отдельных посетителей».

Требования изменялись. Изменялся и метод обучения письму. Усвоено, но, увы, недостаточно проведено, что не двойками за диктовки можно достигнуть грамотности, а воспитывая зрительную память на известных признанных правильными начертаниях слов. И тут пушкинская орфография. Нужно ли объяснить, какой нелепостью становится соблюдение какой бы то ни было не признанной, *не нормативной* орфографии в сочинениях самого что ни есть классика из классиков, если встать на педагогическую точку зрения?

Издание классиков — прежде всего для ученических библиотек. Даже времени-то читать классиков у современной молодежи не очень найдется, когда гимназия за плечами. Разве дождется до пенсии.

Классики должны быть издаваемы по признанной орфографии.

Существует ли такая? Существовала ли она вообще когда-нибудь для русского языка? Практически, то есть оставивши в стороне министерские циркуляры, комиссии и мнения по этому вопросу языковедов, дело обстояло следующим образом:

Людей моего возраста, учившихся в Толстовских гимназиях, где в особую заслугу преподавателям ставилось количество двоек в их классе, учили писать приблизительно так, как писал С.Т. Аксаков. Явился Грот. Революционер, разумеется, не Мануилов, а именно Грот. Еще большую революцию произвела одна Академия Наук, когда, с одной стороны, не согласилась с Гротом, а с другой — отдельным популярным изданием отмечала его словарчик.

Что делать при наличии этого словарчика? Он имел весьма большой успех. Им стали руководствоваться даже учителя гимназий. В частности для издания «Деятель» мне показалось однако неосторожным отдаться этому неопределенному влиянию Грота совершенно бессознательно. Именно вследствие того педагогического значения, какое имеют и какое не имеют классики, стал советовать я с проф. Бодуэном де Куртенэ и Щербой. Была созвана комиссия для рассмотрения вопроса и Щербой составлен еще словарчик, подобный Гроту, но более консервативный. Задача, которую ставит себе проф. Щерба, состояла в том, чтобы оставить влияние Грота, избегнув его преувеличений. В сущности то, что должна и могла сделать Академия без ущерба для своего сочлена. «Словарчик» Щербы вышел лишь на правах рукописи и был роздан корректором. Этого, конечно, не достаточно, потому что вновь появился на свет небольшой словарь некоторого количества спорных слов, а чем вообще, для всех слов русского языка, будут руководствоваться наши корректоры, это оставалось таким же неизвестным, как и без Щербовского словарика. Мы поговаривали со Щербой об издании вообще словаря правописания, но тут-то и выяснилась главная путаница. Таких словарей было несколько, и наш издатель не мог не спросить себя, чем новый словарь привлечет к себе большие симпатии покупателей.

В том то и трудность, что на самом деле и правописания по Гроту вовсе не существует. Вера в Грота, может быть, и святая, но все же она заблуждение.

Возьму только два слова: *ветчина* и *копейка*. В словаре Даля, изданном проф. Бодуэном де Куртенэ (боже, сколько негодования за то, что он осмелился его редактировать, посыпалось на голову почтенного академика; и сейчас боюсь на него сослаться, как бы справа не слишком влетело), в словаре Даля так и напечатано без оговорок: *ветчина* (см. изд. Вольфа 1909). Но в Академическом, хоть тоже: *ветчина*, однако прибавлено, что «правильнее» писать: *вятчина*, т.е. по Гроту (редактору), и сейчас же сказано: «мы сохраняем старинное общепотребляемое фонетическое наречие», т.е. не по Гроту. В словаре Даля (то же издание) и самое слово, и примеры напечатаны: *копейка*, но в скобках поставлено *ѣ*. Опять и по Гроту, и не по Гроту. Вот и разберись.

* * *

При научном редактировании классиков между редактором и корректором складываются сложные отношения одновременно и сотрудничества, и борьбы, которая совершенно непонятна тем, кто лично не производил подобной работы. Действительно помощником, а не помехой, будет корректор лишь в том случае, если он дисциплини-

рован. Тут полная аналогия с отношениями между врачом и фельдшером. Фельдшер должен не лечить, а строго следовать предписаниям врача. Его дело исполнять. То же и корректурой: вовсе не годится своим умом решать, как лучше. У нас было очень мало хороших корректоров. В настоящее время хороших корректоров может дать только новая орфография.

А орфографии сейчас у нас целых четыре. Перечислю их, так сказать, в хронологическом порядке. Из обзора будет видна невозможность старой.

1. *Старая догрововская орфография*. Ей учили когда-то и через ее учебу прошли только люди моего возраста, т.е. старики. Если уж возвратится вспять, то именно к ней. Ее традиция держалась крепко в Суворинской типографии, и «Новое время», как общественно, была одной из самых грамотных русских газет. Но в особенности эта старая и крепкая традиция правописания хранилась в государственных типографиях, т.е. в больших казенных учреждениях. Я едва ли ошибусь, если скажу, что тут путем подбора оказалось на службе именно в качестве корректоров все лучшее, чем могло похвастаться русское типографское дело. В Военном министерстве, издавшем воинские уставы, насколько я мог заметить во время войны, это дело было доведено до совершенства. Нечего и говорить, что этого не воскресить больше. Грань преступлена. Сойдут в могилу корректоры и чиновники, принадлежавшие к этому поколению, и заменить их будет некем. Да и теперь они глубокие старцы.

2. *Гротовская орфография*. Самое название возбуждает недоумение, потому что, как я показал, она вовсе собственно не Гротовская, а скорее тех словарчиков правописания, которые проводили гротовские принципы, а насколько умело и добросовестно, — кто, когда это проверял? Большинство газет, особенно же провинциальных, печаталось именно так. В больших столичных газетах и в больших типографиях опять-таки путем подбора того, что называлось опытными корректорами, исправлялись недостатки, и совершался некий возврат к тому, что я назвал правописанием догрововским. Попросту — сдерживались порывы к новшествам и еще более к веряшеству.

3. *Интеллигентская орфография*. Я позволю себе так назвать манеру писать, какая распространилась среди студенчества и отсюда все шире, и особенность которой — отбрасывание *ѣ*. Писать без твердого знака было неким так сказать интеллигентски-прогрессивным этикетом или щегольством. Если не ошибаюсь, первый напечатавший этим правописанием книжку был покойный проф. Туган-Барановский. Помнится, он говорил мне при встрече, что оказалось экономия на наборе и бумаге в 5%. Аргумент, разумеется, стоящий для того, кому дорого удешевление книг. А именно вот эта-то орфография явочным порядком введенная студенчеством — ею теперь издается газета «Дни» — и составляет предмет главной ненависти правых кругов.

4. *Новая орфография* унаследовала эту ненависть. Ее стараются опорочить какими-то не совсем подходящими филологическими аргументами, что-то доказывают, и как будто предблагается спокойное академическое разрешение вопроса, но это видимость; за этим главное у педагогов старого типа приятное воспоминание о властной и действительной силе спасительной двойки, а у остальных незнание и истерика. Боже мой! Да не только наши классики милы и не могут не милы быть в этой привычной нам одежде старой орфографии, а всякий, у кого с книгами установились с детства близкие душевные отношения, сохранил ряд ассоциаций, с которыми расстаться больно. Лермонтов в аляповатом подарочном переплете Ефимовского издания; сафьянные переплеты и большие тяжелые страницы Пушкина в старом издании Анненкова; потрепанный Гоголь 70-х годов, — сколько с ними связано! Особенно же, если тут примешивает-

ся и семейный библиотечный шкаф там, в покинутом раю наследственной усадьбы. Признаюсь: все остальные издания Пушкина, Лермонтова и Гоголя, какие были у меня в руках, по крайней мере мне и, весьма вероятно, многим людям моего возраста, казались чужими, далекими, даже неприятными. Но шелестит бумагой, гудит маховое колесо, и переворачиваются большие листы на печатной машине. И не оставить их работы, не помешать, а напротив, кому надлежит, тот раб именно вот этого господина – неустанного книгопроизводства. А этому властелину надо не только того, чтобы было на 5 % дешевле, а еще больше определенности.

Вовсе я не приверженец нового правописания самого по себе. Но, боже мой, скажите же, наконец, что надо писать так, а не иначе. Прежняя орфография – фольклор. Его хранила изустная традиция. С новой впервые явилась возможность закрепить правописание, так сказать, документом, а отсюда – и возможность требовать от корректора, чтобы все слова он выправлял, как положено или условлено или, наконец, приказано. Новое правописание практичнее. Оно уничтожило целых три кассы, ѣ, ъ, ѳ – (правда, на практике ввели по моему бессмысленный и не свойственный ни одному языку апостроф); оно удешевило издание на 5 %. Теперь могут, наконец, появиться словари правописания такие, что ими можно руководствоваться. Упрощенность оставит меньше дальнейших сомнений, это огромный шаг вперед.

Покойный знаменитый французский филолог академик Гастон Парис в предисловии к грамматике Кледа, писал, что орфографию должны реформировать не филологи и не языковеды, а печатники. И вот у нас, действительно, печатники начинают отбрасывать кассы знаков, которые кажутся ненужными. Это началось давно. Так как наши грамматики не потребовали от нас начертания слов, где по-гречески юpsilon, через ижицу (мы обходимся без нее в словах *психология* или *физика*), то ижица продолжала появляться лишь в малом количестве слов: *миро*, *синод*, и ее отбросили, на что не послышалось нареканий. Очередь оказалась за ѳ. Тут ускорила процесс пишущая машинка, где ѳ не ввели.

То, чем отличается новая орфография от старой, есть не что иное, как продолжение процесса, начавшегося раньше, никакая не революция, а что ни на есть эволюция, следующий шаг.

Пока не установлено было русское правописание, смешивались эти две совершенно разные вещи: редакторство и корректорство. А откуда полная искаленность текстов: Тургенева и Гончарова (принадлежавших Глазунову), Толстого и Достоевского (принадлежавших их женам), Некрасова (принадлежавшего «Новому Времени») и т. д. Никто никогда не произвел ни малейшей попытки установления текста. А почему? Потому что казалось, будто редактировать – значит расставить запятыя и корректировать. И корректировали. Слава богу еще, что Пушкин не достался тому очень почтенному моему знакомому педагогу, который высказывал мне настойчивое желание напечатать первые стихи «Евгения Онегина» так:

Мой дядя – самых честных правил:
Когда не в шутку занемогъ,
Он уважать себя заставил,
И лучше, выдумать не могъ.

Такой редактор, дай ему все фотографические снимки с рукописей Пушкина, ничего бы в них не понял, а просто взял бы первопопавшееся издание Пушкина и стал бы поправлять, как тетрадки гимназистов, своих многочисленных учеников.

Громадная работа предстоит еще по изданию наших классиков. Она едва начата. По достаточно уже разъясненным причинам мне кажется, что она будет облегчена введением новой орфографии. А если «Евгений Онѣгинъ» превратится в «Евгения Онегин», от этого та же беда, как и от превращения «Капитана Копѣйкина» в «Капитана Копейкина» – чего, кажется, никто и не заметил.

Политика же тут совершенно ни при чем.

Сан Саныч

Научное издание

Татьяна Михайловна Григорьева
ТРИ ВЕКА РУССКОЙ ОРФОГРАФИИ
(XVIII–XX ВВ)

ООО «ИЗДАТЕЛЬСТВО ЭЛПИС»
esterum@mail.ru

Организатор издания
А. А. Шумейко

Технический редактор
А. Магамбетов

Подписано в печать 15.10.2004 г.

Бумага офсетная № 1. Формат 60 × 90^{1/16}. Гарнитура «Times».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 28,5. Тираж 1000 экз. Заказ № 4912.

Отпечатано с готовых диапозитивов на ФГУП ордена «Знак Почета»
Смоленская областная типография им. В.И. Смирнова.
214000, г. Смоленск, пр. им. Ю.А. Гагарина, 2.

Тел.: 38-46-20

ISBN 590287203-0

9 785902 872030